

11363.
О С В О Б О Ж Д Е Н І Е
ОСВОБОЖДЕНИЕ

IZDAETSIA POD' REDAKTSIEI PЕТРА СТРУВЕ
Издаётся подъ редакціей Петра Струве

GEORGES LAZAREFF

КНИГА ПЕРВАЯ

Книга первая

Съ приложеніемъ снимка съ памятника Герцена

Stuttgart

Verlag und Druck von J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)

1903

DK

251

.082

Содержаніе.

	Стран.
Отъ редактора	III
Отрывки изъ „Былого и Думъ“. А. И. Герцена	1
Эпизодъ изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи. * * *	17
„Общее Дѣло“. Исторія и характеристика изданія. А. X. Христофорова	24
Письма теоретика о политическихъ вопросахъ. Л. Ф.	51
Къ исторіи борьбы общества и бюрократіи въ Россіи. (Два документа.)	
I. Докладъ Департамента Полиціи объ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ	58
II. Памятная записка Совѣта Н. В. Э. Общества Комитету Министровъ	65
Самодержавіе и общинное землевладѣніе. (Выдержка изъ записки Витте 1894 г. въ защиту общины)	72
Внѣ закона. Р. Д.	74
Владиміръ Энгельсонъ и его письма къ А. И. Герцену. Сообщилъ М.	102
На поворотѣ. Мысли о современномъ положеніи Россіи. Земца	123
Полярный адъ. Е.	
I. Англичанинъ въ Средне-Колымскѣ.	173
II. Дѣло Ергина по официальнымъ документамъ	178
Матеріалы по новѣйшей исторіи русской цензуры.	
I. Книги, разсмотрѣнныя Комитетомъ Министровъ съ 1872 по 1891 г. П. С.	185
II. Запретительные циркуляры по безцензурнымъ изданіямъ въ 1901 и 1902 гг. dd.	204
Теорія вѣроятностей и борьба съ крамолой. Б.	212
Проектъ реформы Комитета Министровъ. Z. Z.	220
Не въ очередь. Письмо съ береговъ Женевского озера N. N. и отвѣтъ на него редактора „Освобожденія“	225
Библиографія:	
П. А. Кропоткинъ. Записки Революціонера. Историческая бібліотека. Выпускъ I. Лондонъ 1902 г. Стр. XX и 477. Л. Э.	240
Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. Воспоминанія. Три выпуска. Парижъ 1894—1899 г. Стр. 521. П. С.	243
Н. Ленинъ. Что дѣлать? Наболевшіе вопросы нашего движенія. J. H. W. Dietz Nachf. Verlag, Stuttgart 1902 г. Р. Д.	251

Отъ редактора.

Первая книга „Освобожденія“, къ сожалѣнію, выпускается нами въ незаконченномъ видѣ, безъ той редакціонной статьи, въ которой мы думали исторически обосновать и оправдать идейную и политическую позицію, занятую нашимъ изданіемъ. Эту работу мы переносимъ въ дальнѣйшія книжки.

Изъ содержанія настоящей книжки мы считаемъ нужнымъ въ предисловіи еще разъ оговорить статью „На поворотѣ“, въ которой есть много такого, чего редація „Освобожденія“ не раздѣляетъ и никогда не сказала бы отъ себя. Не взирая на весьма серьезныя разногласія съ авторомъ, мы съ радостью напечатали его статью, потому что гораздо выше мундирнаго единообразія взглядовъ ставимъ дружную энергію совокупнаго нападенія на общаго врага.

П. С.

Отрывки изъ „Былого и Думъ“.

Печатаемые нами отрывки изъ „Былого и Думъ“ состоятъ изъ двухъ частей. Первая (стр. 2—16) была уже напечатана почти въ полномъ составѣ, но отдѣльными разрозненными кусками — теперь она впервые появляется въ видѣ цѣльной главы „Былого и Думъ“ и въ нѣсколько иной, чѣмъ прежняя, редакціи. Вторая часть нашихъ отрывковъ (стр. 16—16h) нигдѣ еще напечатана не была.

„Съ половины 1848 года — писалъ Герценъ въ четвертой части — мнѣ нечего рассказывать, кромѣ мучительныхъ испытаній, неотомщенныхъ оскорбленій, незаслуженныхъ ударовъ. Въ памяти одни печальные образы, собственные и чужія ошибки; ошибки лицъ, ошибки цѣлыхъ народовъ... Чего и чего не было въ это время, и все, все рухнуло — общее и частное, европейская революція и домашній крѣпостной трудъ, свобода міра и личное счастье“. — Въ пятой части онъ и рассказалъ, какъ рухнувшая свобода похоронила подъ своими обломками его личное счастье, — рассказалъ такъ, что семейная драма превратилась въ историческую картину, въ эпизодъ изъ истории столкновенія двухъ міровъ. Онъ изобразилъ здѣсь трагедію и гибель отдѣльной женщины — своей жены — со всей болью безумно любящаго сердца и со всей глубиной пытливыхъ мысли, открывающей роковую неизбѣжность во временномъ и на видъ случайномъ; и потому эта трагедія, начертанная стальнымъ рѣзцомъ на пирамидѣ съ широкимъ основаніемъ, такъ сильно волнуетъ и такъ дивно просвѣтляетъ читающаго — волнуетъ жгучей повѣстью личного страданія, просвѣтляетъ раскрытіемъ его всемірно-историческихъ причинъ.¹

Для всѣхъ, кто, читая сочиненія Герцена, вступаетъ съ нимъ въ духовное общеніе, онъ становится роднымъ и любимымъ человѣкомъ. Въ каждой своей строчкѣ онъ, этотъ мощный борецъ, рано, въ предразсвѣтные сумерки освобожденія вышедшій въ путь, стоитъ передъ нами, какъ живая личность, намъ близкая и дорогая. И потому каждая черта въ личной жизни этого мощнаго представителя внутренне свободной русской интеллигенціи для насъ и поучительна, и цѣнна. Мы не можемъ не страдать его горемъ, не плакать его слезами.

Вотъ, кончивъ земную работу, онъ стоитъ, скрестивъ руки, зорко смотритъ и ждетъ. Онъ зналъ, что рабство — не въ цѣпяхъ, а въ сознаніи раба, и что послѣ шести мѣсяцевъ утробной жизни не рождается здоровый ребенокъ; но и въ самыя горькія минуты онъ вѣрилъ въ силы русскаго народа и его свѣтлую будущность. Прошло еще тридцать лѣтъ — и, кажется, урочный часъ насталъ, и въ тяжкихъ мукахъ рождается свобода. Въ эти трудные и въ то же время радостные дни, когда самое приближеніе побѣды способно отуманить взоръ, — хорошо намъ, дождавшимся, вернуться къ глубокому источнику его идеализма, чтобы освѣжить глаза и подкрѣпиться. Еще многому чужному можетъ онъ научить насъ; въ его замолкшей рѣчи кроется великая сила. Онъ отдалъ всю жизнь на борьбу противъ самовласти большихъ и малыхъ царей, но ни на одну минуту не забывалъ великаго идеала, — той истинной человѣческой свободы, которая лежитъ далеко впереди. Пламенный дѣятель цѣлостнаго освобожденія, исхившій кровью въ неравной борьбѣ съ грубой силой, онъ никогда не былъ фанатикомъ, проповѣдникомъ разрушенія и нетерпимости. Онъ вѣрилъ въ творческую силу разумаго убѣжденія и свободнаго пониманія.

„Изъ міра нравственной неволи и подѣавторитетности — писалъ онъ — мы... бьемся выйти въ ширь пониманія, въ міръ свободы въ разумѣ. Всякія попытки обойти, перескочить сразу отъ нетерпѣнія, увлечь авторитетомъ или страстью приведу къ страшнѣйшимъ столкновѣніямъ и, что хуже, къ почти неминуемымъ пораженіямъ. Обойти процессъ пониманія такъ же невозможно, какъ обойти вопросъ о силѣ. Навязываемое предрѣшеніе всего, что составляетъ вопросъ, поступаетъ

¹ Читателямъ, желающимъ уяснить себѣ связь содержанія печатаемыхъ нами отрывковъ со всей общественной и личной жизнью Герцена, мы рекомендуемъ справиться не только съ его произведеніями и письмами, но и съ превосходной статьей П. Н. Милюкова: „Любовь у идеалистовъ сороковыхъ годовъ“, перепечатанной въ сборникъ „Изъ истории русской интеллигенціи“.

очень безцеремонно съ освобожденнымъ веществомъ... Я нисколько не боюсь слова „постепенность“, опошленного шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность такъ, какъ непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разумѣнія. Математика передается постепенно — отчего же конечные выводы, мысли о социологии могутъ прививаться, какъ оспа, или вливаться въ мозги такъ, какъ вливаютъ лошадямъ сразу лѣкарство въ ротъ? Между конечными выводами и современнымъ состояніемъ есть практическія облегченія, пути, компромиссы, діагонали. Понять, которые изъ нихъ короче, удобнѣе и возможно, — дѣло практическаго такта, дѣло революціонной стратегіи. Идя безъ оглядки впередъ, можно затесаться, какъ Наполеонъ въ Москву, и погибнуть, отступая отъ нея, не доходя даже до Березины... Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная, ежели путная; проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардныхъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушенія. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и противникамъ.“

Приносимъ искреннѣйшую благодарность А. А. Герцену, давшему намъ возможность украситъ нашъ сборникъ произведеніемъ его отца.

Ред.

I.

„Такъ много понимать — (писала Natalie къ Огареву въ концѣ 1846 года) и не имѣть силы сладить — не имѣть твердости пить равно горькое и сладкое, а останавливаться на первомъ — жалко! И это все я понимаю какъ нельзя больше и все-таки не могу выработать себѣ не только наслажденія, но и снисхожденія. Хорошее я понимаю внѣ себя, отдаю ему справедливость, а въ душѣ отражается одно мрачное и мучитъ меня. Дай мнѣ твою руку и скажи со мною вмѣстѣ, что тебя ничто не удовлетворяетъ, что ты ничѣмъ не доволенъ, — а потомъ научи меня радоваться, веселиться, наслаждаться, — у меня все есть для этого, лишь развѣй эту способность.“

Эти строки и остатокъ журнала, относящагося къ тому времени и приложеннаго въ другомъ мѣстѣ, писаны подъ вліяніемъ московскихъ размолвокъ.

Темная сторона снова брала верхъ; отдаленіе Грановскаго испугало Natalie; ей казалось, что весь кругъ распадается и что мы остались одни съ Огаревымъ... Женщина, едва вышедшая изъ ребячества, которую она любила, какъ меньшую сестру, ушла дальше другихъ.¹ Вырваться во что бы ни стало изъ этого круга сдѣлалось тогда страстной *idée fixe* Natalie.

Мы уѣхали.

Сначала новость Парижа, потомъ просыпавшаяся Италія и революціонная Франція захватили всю душу. Личное раздумье было побѣждено исторіей.

Такъ дожили мы до іюньскихъ дней. Еще прежде этихъ страшныхъ кровавыхъ дней пятнадцатое мая провело косою по вторымъ всходамъ надеждъ... „Трехъ полныхъ мѣсяцевъ не прошло еще

¹ Наталія Алексѣевна Тучкова, позднѣе ставшая женою Огарева.

послѣ 24 февраля. . . . башмаковъ не успѣли износить, въ которыхъ строили баррикады, — а ужъ усталая Франція напрашивалась на усмиреніе.¹

Капли крови не пролилось въ этотъ день; это былъ тотъ сухой ударъ грома при чистомъ небѣ, вслѣдъ за которымъ чувствуется страшная гроза. Въ этотъ день я съ какимъ-то ясновидѣніемъ заглянулъ въ душу буржуа, въ душу работника, — и ужаснулся. Я видѣлъ свирѣпое желаніе крови съ обѣихъ сторонъ, — сосредоточенную ненависть со стороны работниковъ и плотоядное свирѣпое самосохраненіе со стороны мѣщанъ. Такіе два стана не могли стоять другъ возлѣ друга, толкаясь ежедневно въ совершенной черзполощицѣ — въ домѣ, на улицѣ, въ мастерской, на рынкѣ.

Страшный, кровавый бой не предсказывавшій ничего добраго, былъ за плечами. Этого никто не видѣлъ, кромѣ консерваторовъ, накликавшихъ его; — ближайшіе знакомые говорили съ улыбкой о моемъ раздражительномъ пессимизмѣ. — Имъ легче было схватить ружье и итти умирать на баррикаду, чѣмъ смѣло взглянуть въ глаза событіямъ; имъ вообще хотѣлось не пониманья дѣла, а торжества надъ противниками, имъ хотѣлось поставить на своемъ.

Я становился дальше и дальше отъ всѣхъ. Пустота грозила и тутъ — но вдругъ барабанный бой, утромъ рано дребезжавшій по улицамъ сборъ, возвѣстилъ начало катастрофы.

Іюньскіе дни, дни, шедшіе за ними, были ужасны; они положили черту въ моей жизни.

Повторю нѣсколько строкъ, писанныхъ мною черезъ мѣсяцъ:

Женщины плачутъ, чтобы облегчить душу, мы не умѣемъ плакать. Въ замѣну слезъ я хочу писать, — не для того, чтобы описывать, объяснять кровавыя событія, а просто, чтобы говорить объ нихъ, дать волю рѣчи, слезамъ, мысли, желчи. Гдѣ тутъ описывать, собирать свѣдѣнія, обсуживать! Въ ухахъ еще раздаются выстрѣлы, топотъ несущейся кавалеріи, тяжелый, густой звукъ лафетныхъ колесъ по мертвымъ улицамъ; въ памяти мелькаютъ отдѣльныя подробности — раненый на носилкахъ держитъ рукой бокъ, и нѣсколько капель крови течетъ по ней; омнибусы, наполненные трупами, плѣнные съ связанными руками, пушки на place de la Bastille, лагерь у porte St. Denis, на Елисейскихъ поляхъ, и мрачное ночное Sentinelle, prenez garde à vous! . . . Какія тутъ описанія, мозгъ слишкомъ воспаленъ, кровь слишкомъ остра.

Сидѣть у себя въ комнатѣ, сложа руки, не имѣть возможности выйти за ворота и слышать возлѣ, кругомъ, вблизи, вдали, выстрѣлы, канонаду, крики, барабанный бой, и знать, что возлѣ льется кровь, рѣжутся, колятъ, что возлѣ умираютъ, — отъ этого можно умереть, сойти съ ума. Я не умеръ, но я состарѣлся; я оправляюсь послѣ іюньскихъ дней, какъ послѣ тяжелой болѣзни.

¹ „Письма изъ Франціи и Италіи,“ IX.

А торжественно начались они. Двадцать третьего числа, часа въ четыре передъ обѣдомъ шелъ я берегомъ Сены къ Hôtel de Ville, лавки запирались, колонны національной гвардіи съ зловѣщими лицами шли по разнымъ направленіямъ, небо было покрыто тучами, шелъ дождикъ. Я остановился на Pont neuf, сильная молнія сверкнула изъ-за тучи, удары грома слѣдовали другъ за другомъ, и середь всего этого раздавался мѣрный протяжный звукъ набата съ колокольной св. Сульпиція, которымъ еще разъ обманутый пролетарій — звалъ своихъ братій къ оружію. Соборъ и всѣ зданія по берегу были необыкновенно освѣщены нѣсколькими лучами солнца; ярко выходящими изъ-подъ тучи, барабанъ раздавался съ разныхъ сторонъ, артиллерія тянулась съ Карусельской площади. Я слушалъ громъ, набатъ, и не могъ насмотрѣться на панораму Парижа, будто я съ нимъ прощался; я страшно любилъ Парижъ въ эту минуту; это была послѣдняя дань великому городу, — послѣ юньскихъ дней онъ мнѣ опротивѣлъ.

Съ другой стороны рѣки, на всѣхъ переулкахъ и улицахъ строились баррикады. Я, какъ теперь, вижу эти сумрачныя лица, таскавшія камни, дѣти, женщины помогали имъ. На одну баррикаду, по-видимому, оконченную, взошелъ молодой политехникъ, водрузилъ знамя и запѣлъ тихимъ, печально-торжественнымъ голосомъ Марсельезу; всѣ работавшіе запѣли, и хоръ этой великой пѣсни, раздававшейся изъ-за камней баррикадъ, захватывалъ душу.... Набатъ все раздавался. Между тѣмъ по мосту простучала артиллерія, и генераль Бедо осматривалъ съ моста въ трубу непріятельскую позицію. . . .

Въ это время еще можно было все предупредить, тогда еще можно было спасти республику, свободу всей Европы, тогда еще можно было помириться. Тупое и неловкое правительство не умѣло этого сдѣлать, собраніе не хотѣло, реакціонеры искали мести, крови, искупленія за 24-го февраля, закормы Насіоналя давали имъ исполнителей.

Вечеромъ 26 іюня мы услышали, послѣ побѣды Насіоналя надъ Парижемъ, правильные залпы, съ небольшими разстановками. . . . Мы всѣ взглянули другъ на друга, у всѣхъ лица были зеленые. . . .

„Вѣдь это разстрѣливаютъ“, сказали мы въ одинъ голосъ, и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна. За такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь; горе тѣмъ, кто прощаетъ въ такія минуты!

Послѣ бойни, продолжавшейся четверо сутокъ, наступила тишина и миръ осаднаго положенія; улицы были еще оцѣплены, рѣдко, рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался экипажъ; надменная національная гвардія, съ свирѣпой и тупой злобой на лицѣ, берегла свои лавки, грозя штыкомъ и прикладомъ; ликующія толпы пьяной мобили ходили по бульварамъ, распѣвая: Mourir pour la patrie; мальчишки 16—17 лѣтъ хвастались кровью своихъ братій, запекшейся на ихъ

рукахъ; на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгавшія изъ-за прилавка, чтобы привѣтствовать побѣдителей. Кавеньякъ возилъ съ собою въ коляскѣ какого-то изверга, убившаго десятки французовъ. Буржуазія торжествовала. А дома предмѣстья св. Антонія еще дымились, стѣны, разбитыя ядрами, обваливались, раскрытая внутренность комнатъ представляла каменные раны, сломанная мебель тлѣла, куски разбитыхъ зеркалъ мерцали... А гдѣ же хозяева? жильцы? объ нихъ никто и не думалъ... мѣстами посыпали пескомъ, но кровь все-таки выступала... Къ Пантеону, разбитому ядрами, не подпускали, по бульварамъ стояли палатки, лошади глодали береженные деревья Елисейскихъ полей, на Place de la Concorde вездѣ было сѣно, кирасирскія латы, сѣдла, въ Тюлерійскомъ саду солдаты у рѣшетки варили супъ. Парижъ этого не видалъ и въ 1814 году.

Прошло еще нѣсколько дней — и Парижъ сталъ принимать обычный видъ, толпы празднующихся снова явились на бульварахъ, нарядныя дамы ѣздили въ коляскахъ и кабриолетахъ смотрѣть развалины домовъ и слѣды отчаяннаго боя... одиѣ частыя патрули и партіи арестантовъ напоминали страшные дни, тогда только стало уясняться прошедшее. У Байрона есть описаніе почной битвы; кровавыя подробности ея скрыты темнотою; при разсвѣтѣ, когда битва давно кончена, видны ея остатки, клинокъ, окровавленная одежда. Вотъ этотъ-то разсвѣтъ наставалъ теперь въ душѣ, онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣровацій была убита, мысли отрицанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись. Предполагать нельзя было, чтобъ въ душѣ нашей, прошедшей черезъ столько опытовъ, испытанной современнымъ скептицизмомъ, оставалось такъ много истребляемаго.

... Natalie писала около того же времени въ Москву: „Я смотрю на дѣтей и плачу, мнѣ становится страшно, я не смѣю больше желать, чтобы они были живы, можетъ и ихъ ждетъ такая же ужасная доля.“¹

Въ этихъ словахъ — отголосокъ всего пережитаго, въ нихъ виднѣются и омнибусы, набитые трупами, и плѣнные со связанными руками, провожаемые ругательствами, и бѣдный, глухо-нѣмой мальчикъ, подстрѣленный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ воротъ за то, что не слышалъ „Passez au large!“

И какъ же иначе могло это отразиться на душѣ женщины, такъ несчастно-глубоко понимавшей все печальное?... Тутъ и свѣтлые характеры стали мрачны, исполнены желчи, какая-то злая боль ныла внутри, — и какой-то родовой стыдъ дѣлалъ неловкимъ жить.

Не фантастическое горе по идеаламъ, не воспоминанья дѣвичьихъ слезъ и христіанскаго романтизма всплыло еще разъ въ душѣ Natalie надо всѣмъ, а скорбь истинная, тяжелая, не по женскимъ плечамъ. Живой интересъ Natalie къ общему не охладѣлъ, напро-

¹ „Арабески.“

тивъ, онъ сдѣлался живою болью. Это было сокрушеніе сестры, материнскій плачъ на печальномъ полѣ только-что миновавшей битвы. Она была въ самомъ дѣлѣ то, что Рашель лгала своей Марсельезой.

Наскучивъ безплодными спорами, я схватился за перо и самъ себѣ съ какимъ-то внутреннимъ озлобленіемъ убивалъ прежнія упованія и надежды. Ломавшая, мучившая меня сила исходила этими страницами заклинаній и обидъ, въ которыхъ и теперь, перечитывая, я чувствую лихорадочную кровь и негодованье, выступающее черезъ край. . . . Это былъ выходъ.

У нея не было его. Утромъ — дѣти, вечеромъ наши раздраженные злые споры, споры прозекторовъ съ плохими лѣкарями.

Она страдала, — а я вмѣсто врачеванья подавалъ горькую чашу скептицизма и ироніи. Еслибъ за ея больной душой я вполонину такъ ухаживалъ, какъ ходилъ потомъ за ея больнымъ тѣломъ, я не допустилъ бы побѣгамъ отъ развѣдающаго корня проникнуть во всѣ стороны. — Я самъ ихъ укрѣпилъ и выросилъ, не извѣдавъ, можетъ-ли она вынести ихъ, сладить съ ними.

Самая жизнь наша устроилась странно. Рѣдко бывали тихіе вечера интимной бесѣды, мирнаго покоя. Мы не успѣли еще запереть дверей отъ постороннихъ. Къ концу года начали отовсюда являться гонимые изъ всѣхъ странъ, — бездѣльные скитальцы, они искали отъ скуки, отъ одиночества какого нибудь дружескаго крова и теплаго привѣта.

Вотъ какъ она писала объ этомъ: „Мнѣ надоѣли китайскія тѣни, я не знаю, зачѣмъ и кого я вижу, знаю только, что слишкомъ много вижу людей; все хорошіе люди; иногда, мнѣ кажется, я была бы съ ними съ удовольствіемъ, а такъ слишкомъ часто, жизнь такъ похожа на капель весною — капъ, капъ, капъ — все утро забота о Сашѣ, о Наташѣ, и весь день эта забота; я не могу сосредоточиться ни на одну минуту, разсѣяна, такъ что мнѣ становится иногда страшно и больно; приходитъ вечеръ, дѣти укладываются; ну, кажется, отдохну... нѣтъ, попли бродить хорошіе люди, а отъ этого пуще тяжело, что хорошіе люди; иначе я была бы со-вѣмъ одна, а тутъ я не одна — и присутствія ихъ не чувствую, будто дымъ кругомъ бродитъ, глаза ѣсть, дышать тяжело, — а уйдутъ, ничего не остается... настаетъ завтра, все то же, настаетъ другое завтра — все то же. Никому другому я бы не сказала этого, — примутъ за жалобу, подумаютъ, что недовольна жизнью; — ты понимаешь меня, ты знаешь, что я ни съ кѣмъ въ свѣтѣ не промѣнялась бы; это минутное негодованіе, усталъ, — струя свѣжаго воздуха — и я воскресаю во всей силѣ“ . . . (21 ноября 1848 года).

„Еслибъ все говорить, что проходить по головѣ, мнѣ иногда такъ страшно становится, глядя на дѣтей . . . что за смѣлость, что за дерзость заставить жить новое существо и не имѣть ничего, ничего для того, чтобы сдѣлать жизнь его счастливою — это страшно,

иногда я кажусь себѣ преступницей; легче отнять жизнь, нежели дать, еслибъ это дѣлалось съ сознаниемъ. Я еще не встрѣчала никого, про кого могла бы сказать: „вотъ еслибъ мой ребенокъ былъ такой, т. е. еслибъ его жизнь была такая“... Мой взглядъ упрощается больше и больше. Вскорѣ послѣ рожденія Саши, я желала, чтобъ онъ былъ великій человекъ, позже, чтобы онъ былъ тѣмъ, другимъ, наконецъ, я хочу, чтобъ...“

Тутъ письмо прервано тифоидной горячкой Таты,¹ вполне развившейся; но 15-го декабря добавлено: „Ну, такъ я хотѣла сказать тогда, что теперь я ничего не хочу сдѣлать изъ дѣтей, лишь бы имъ жилось весело и хорошо, а остальное все пустяки...“

24 января 1849 года. „Какъ бы я хотѣла иногда тоже бѣгать по-мышинному и чтобы эта бѣготня меня интересовала, а то быть такъ праздною, такъ праздною среди этой суеты, среди этихъ потребностей, а заняться тѣмъ, чѣмъ бы я хотѣла, нельзя; какъ мучительно чувствовать себя всегда въ такой дисгармоніи съ окружающимъ — я не говорю о самомъ тѣсномъ кругѣ — да еслибъ можно было въ немъ заключиться, — нельзя. Хочется далѣе, вонъ — Но хорошо было идти вонъ, когда мы были въ Италіи. А теперь! что же это? тридцать лѣтъ, и тѣ же стремленія, та же жажда, та же неудовлетворенность; — да, я это говорю громко. — А Наташа подошла на этомъ словѣ и такъ крѣпко меня расцѣловала... неудовлетворенность? — Я слишкомъ счастлива, la vie deborde... Но

Отчего же на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Только съ тобою я такъ могу говорить, ты меня поймешь, оттого, что ты такъ-же слаба, какъ я, но съ другими, кто сильнѣе и слабѣе, я бы не хотѣла такъ говорить, не хотѣла-бъ, чтобы они слышали, какъ я говорю. Для нихъ я найду другое. Потомъ меня пугаетъ мое равнодушіе, — такъ небольшое, такъ немногіе меня интересуютъ... природа, — только не въ кухнѣ, исторія, — только не въ камерѣ — потомъ семья, потомъ еще двое, трое — вотъ и все. А, вѣдь, какіе все добрые — занимаются моимъ здоровьемъ, глухотой Коли²...“

27 января. „Наконецъ, силъ недостаетъ смотрѣть на предсмертныя судороги — онѣ слишкомъ продолжительны, а жизнь такъ коротка, мною овладѣлъ эгоизмъ, оттого что самоотверженіемъ ничего не поможешь, развѣ только доказать пословицу „на людяхъ и смерть красна!“ Но довольно умирать, хотѣлось бы пожить, я бы бѣжала въ Америку... Чему мы повѣрили, что мы приняли за осуществленіе, то было пророчество, и пророчество очень раннее. Какъ тяжело, какъ безотрадно, — мнѣ хочется плакать, какъ ребенокъ. Что личное счастье... общее, какъ воздухъ, обхватываетъ тебя, а

¹ Дочь Наталія.

² Сынъ Герцена, утонувшій потомъ вмѣстѣ съ бабушкой, матерью Г.

этотъ воздухъ исполненъ только предсмертнымъ, заразительнымъдыханіемъ.“

1 февраля. „N... N... если-бъ ты знала, другъ мой,¹ какъ темно, какъ безотраднo за порогомъ личнаго, частнаго! О, если-бъ можно было заключиться въ немъ и забыться, забыть все, кромѣ этого тѣснаго круга... Невыносимо броженіе, котораго результатъ будетъ черезъ нѣсколько вѣковъ, существо мое слишкомъ слабо, чтобы всплыть изъ этого броженія, смотрѣть такъ вдаль — оно сжимается, уничтожается.“ Это письмо заключается словами: „Я желаю имѣть такъ мало силъ, чтобы не чувствовать своего существованія; когда я его чувствую, я чувствую всю дисгармонію всего существованія...“

Реакція торжествовала; сквозь блѣдно-синюю республику виднѣлись черты претендентовъ; національная гвардія ходила на охоту по блузамъ, префектъ полиціи дѣлалъ облавы по рощамъ и катакомбамъ, отыскивая скрывавшихся. Люди, менѣе воинственные, доносили, подслушивали.

До осени мы были окружены своими, сердились и грустили на родномъ языкѣ; Т.² жили въ томъ же домѣ, М. Θ.³ у насъ, А.⁴ и Т.⁵ приходили всякій день; но все глядѣло вдаль, кружокъ нашъ расходился. Парижъ, вымытый кровью, не удерживалъ болѣе; всѣ собирались ѣхать безъ особенной необходимости, вѣроятно, думая спастись отъ внутренней тягости, отъ Юньскихъ дней, взошедшихъ въ кровь, и которые они везли съ собой.

Зачѣмъ не ѣхалъ и я? Многое было-бы спасено, и мнѣ не пришлось бы принести столько человѣческихъ жертвъ и столько самого себя на закланіе богу жестокому и безпощадному.

День нашей разлуки съ Т.—ми и съ М. Θ. какъ-то особо каркнулъ ворономъ въ моей жизни, я и этотъ сторожевой крикъ пропустилъ безъ вниманія, какъ сотни другихъ.

Всякій человѣкъ, много испытавшій, припомнить себѣ дни, часы, рядъ едва замѣтныхъ точекъ, съ которыхъ начинается переломъ, съ которыхъ вѣтеръ тянетъ съ другой стороны; эти знаменія или предостереженія вовсе не случайны, они — послѣдствія, начальныя воплощенія готоваго вступить въ жизнь, обличенія тайно бродящаго и уже существующаго. Мы не замѣчаемъ эти психическія примѣты, смѣемся надъ ними, какъ надъ просыпанной солонкой и потушенной свѣчей, потому что считаемъ себя несравненно независимѣе, не жели на дѣлѣ, и гордо хотимъ сами управлять своей жизнью.

Наканунѣ отъѣзда нашихъ друзей, они и еще человѣка три, четыре близкихъ знакомыхъ собрались у насъ. Путешественники должны были быть на желѣзной дорогѣ въ 7 час. утра; лечь спать не стоило труда, всѣмъ хотѣлось лучше вмѣстѣ провести послѣдніе часы. Сначала все шло живо, съ тѣмъ нервнымъ раздраженіемъ, которое всегда бываетъ при разлукѣ, но мало-по-малу тем-

¹ Все это писано къ Н. А. Тучковой. ² Тучковы. ³ Марія Фед. Коршъ. ⁴ Анненковъ. ⁵ Тургеневъ.

ное облако стало заволакивать всѣхъ... разговоръ не клеился, всѣмъ сдѣлалось не по себѣ, налитое вино выдыхалось, натянутыя шутки не веселили. Кто-то, увидя разсвѣтъ, отдернулъ занавѣсъ, и лица освѣтились синевато-блѣднымъ цвѣтомъ, какъ на римской оргіи Кутюра. Всѣ были печальны. Я задыхался отъ грусти. Жена моя сидѣла на небольшомъ диванѣ, передъ ней на колѣняхъ и скрывая лицо на ея груди стояла младшая дочь Т. — „Consuelo di sua alma“, какъ она ее звала.¹ Она любила страстно мою жену и ѣхала отъ нея поневолѣ, въ глушь деревенской жизни; ея сестра² грустно стояла возлѣ. Консуела шептала что-то сквозь слезы, а въ двухъ шагахъ молча и мрачно сидѣла М. Ѳ.; она давно свыклась съ покорностью судьбѣ, она знала жизнь, и въ ея глазахъ было просто „Прощайте“, въ то время какъ сквозь слезы молодыхъ дѣвушекъ все-таки просвѣчивало „До свиданія“. Потомъ мы поѣхали ихъ провожать. Въ высокомъ, пустомъ каменномъ амбаркадерѣ было пронзительно холодно, двери хлопали неистово, и сквозной вѣтеръ дулъ со всѣхъ сторонъ. Мы усѣлись въ углу на лавкѣ; Т. пошелъ хлопотать съ чемоданами. Вдругъ дверь отворилась, и два пьяныхъ старика шумно вошли въ залу. Платья ихъ были замараны, лица искажены, отъ нихъ несло дикимъ развратомъ. Они вошли ругаясь, одинъ хотѣлъ ударить другого, тотъ посторонился и, размахнувшись что есть силы, ударилъ его самого въ лицо; пьяный старикъ полетѣлъ со всѣхъ ногъ. Голова его съ какимъ-то дребезжащимъ пронзительнымъ звукомъ щелкнулась о каменный полъ; онъ вскрикнулъ, приподнялъ голову, кровь лилась ручьями по сѣдымъ волосамъ и камнямъ. Полиція и пассажиры съ неистовствомъ бросились на другого старика.

Съ вечера раздраженные, взволнованные, въ натянутомъ состояніи, мы крѣпились, но страшное эхо, раздавшееся въ огромной залѣ отъ костяного звука ударившагося черепа, произвело во всѣхъ что-то истерическое. Нашъ домъ и весь нашъ кругъ былъ во всѣ времена чистъ и свободенъ отъ „траги-нервическихъ явленій“, но это было сверхъ силъ, я чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, жена моя была близка къ обмороку, а тутъ звонокъ — пора, пора! и мы остались вдругъ за рѣшеткой — одни.

Ничего нѣтъ грубѣе и оскорбительнѣе для разстающагося, какъ полицейскія мѣры во Франціи на желѣзныхъ дорогахъ; онѣ крадутъ у остающагося послѣднія двѣ-три минуты... они еще тутъ, машина не свистнула еще, поѣздъ не отошелъ, но между вами загородка, стѣна и рука полицейскаго — а вамъ хочется видѣть, какъ садутъ, какъ тронутся съ мѣста, потомъ слѣдить за отдаленіемъ, за пылью, дымомъ, точкой, слѣдить, когда уже ничего не видать...

... Молча пріѣхали мы домой. Жена моя тихо проплакала всю дорогу, жаль ей было своей Консуело; по временамъ, завертываясь

¹ Нат. Алексѣевна, о которой выше въ примѣчаніи. ² Елена, позднѣе жена поэта Сатина.

въ шаль, она спрашивала меня: „Помнишь этотъ звукъ, онъ у меня въ ушахъ.“

Дома я уговорилъ ее прилечь, а самъ сѣлъ читать газеты; читалъ, читалъ и premier Paris, и фелъетоны, и смѣсь, и взглянулъ на часы — еще не было двѣнадцати... вотъ день! Я пошелъ къ А., онъ тоже ѣхалъ на-дняхъ; съ нимъ отправились мы гулять, улицы были скучнѣе чтенія, такая тоска... точно угрызения совѣсти томили меня.

„Пойдемте ко мнѣ обѣдать“, сказалъ я, и мы пошли. Жена моя была рѣшительно больна. Вечеръ былъ безсвязенъ, глупъ. „Итакъ, рѣшено“, спросилъ я А., прощаясь, — „Вы ѣдете въ концѣ недѣли?“

„Рѣшено.“

„Жутко будетъ Вамъ въ Россіи.“

„Что дѣлать, мнѣ ѣхать необходимо, въ Петербургъ я не останусь, уѣду въ деревню. Вѣдь, и здѣсь теперь не Богъ знаетъ какъ хорошо, какъ бы Вамъ не пришлось раскаяться, что остаетесь.“

Я тогда еще могъ возвратиться, корабли не были сожжены, Ребилъ и Карлье не писали еще своихъ доносовъ, но внутри дѣло было рѣшено. Слова А., между тѣмъ, все-таки непріятно коснулись моихъ обнаженныхъ нервъ, я подумалъ и отвѣчалъ: „Нѣтъ, для меня выбора нѣтъ, я долженъ остаться, и если расскажусь, то скорѣе въ томъ, что не взялъ ружье, когда мнѣ его подавалъ работникъ за баррикадой на Place Maubert.“

Много разъ въ минуты отчаянія и слабости, когда горечь переполняла мѣру, когда вся моя жизнь казалась мнѣ одной продолжительной ошибкой, когда я сомнѣвался въ самомъ себѣ, въ послѣднемъ, въ остальномъ, — приходили мнѣ въ голову эти слова: „Зачѣмъ не взялъ я ружья у работника и не остался за баррикадой?“ Невзначай сраженный пулей, я унесъ бы съ собой въ могилу еще два-три вѣрованія. — — — — —

И опять потянулось время... день за день... сѣрое, скучное... Мелькали люди, сближались на день, проходили мимо, исчезали, гибли. Къ зимѣ стали являться изгнанники другихъ странъ, спасшіеся матросы другихъ кораблекрушеній; полные самоувѣренности, надеждъ, они принимали реакцію, подымавшуюся во всей Европѣ, за мимолетный вѣтеръ, за легкую неудачу, они ждали завтра, черезъ недѣлю, свой чередъ...

Я чувствовалъ, что они ошибаются, но мнѣ нравилась ихъ ошибка, я старался быть непослѣдовательнымъ, боролся съ собой и жилъ въ какомъ-то тревожномъ раздраженіи. Время это осталось у меня въ памяти, какъ чадный, угарный день... я метался отъ тоски туда, сюда, искалъ разсѣяній... въ книгахъ, въ шумѣ, въ домашнемъ отшельничествѣ, на людяхъ, но все чего-то недоставало, смѣхъ не веселилъ, тяжело пьянило вино, музыка рѣзала по сердцу, и веселая бесѣда оканчивалась почти всегда мрачнымъ молчаніемъ.

Внутри все было оскорблено, все опрокинуто, очевидныя противорѣчія, хаосъ; снова ломка, снова ничего нѣтъ. Давно оконченныя основы нравственнаго быта превращались опять въ вопросы; факты сурово подымались со всѣхъ сторонъ и опровергали ихъ. Сомнѣніе заносило свою тяжелую ногу на послѣднія достоянія, оно перетряхивало не церковную ризницу, не докторскія мантии, а революціонныя знамена... изъ общихъ идей оно перебиралось въ жизнь. Пропасть лежитъ между теоретическимъ отрицаніемъ и сомнѣніемъ, переходящимъ въ поведеніе; мысль смѣла, языкъ дерзокъ, онъ легко произноситъ слова, которыхъ сердце боится, въ груди еще тлѣютъ вѣрованія и надежды тогда, когда забѣжавшій впередъ умъ качаетъ головой. Сердце отстаеъ, потому что любить — и когда умъ приговариваетъ и казнить, оно еще прощается.

Можетъ, въ юности, когда все кипитъ и несется, когда такъ много будущаго, когда потеря однихъ вѣрованій расчищаетъ мѣсто другимъ; можетъ, въ старости, когда все становится безразлично отъ усталости, эти переломы дѣлаются легче, — *no nel mezzo del camin di nostra vita*,¹ они достаются не даромъ.

Что же, наконецъ, все это — шутка? Все завѣтное, что мы любили, къ чему стремились, чему жертвовали, жизнь обманула, исторія обманула, обманула въ свою пользу; ей нужны для закваски сумасшедшіе, и дѣла нѣтъ, что съ ними будетъ, когда они придутъ въ себя, она ихъ употребила — пусть доживаютъ свой вѣкъ въ инвалидномъ домѣ. Стыдъ, досада! А тутъ возлѣ простосердечные друзья жмутъ плечами, удивляются вашему малодушію, вашему нетерпѣнію, ждуть завтрашняго дня и, вѣчно озабоченные, вѣчно занятые однимъ и тѣмъ же, ничего не понимаютъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, вѣчно идутъ — и все ни съ мѣста... Они васъ судятъ, утѣшаютъ, журятъ — какая скука, какое наказаніе!

„Люди вѣры, люди любви“, какъ они называютъ себя въ противоположность намъ, людямъ „сомнѣнья и отрицанья“, не знаютъ, что такое полоть съ корнемъ упованія, взлелѣянная цѣлою жизнью, они не знаютъ болѣзни истины, они не отдавали никакого сокровища съ тѣмъ „громкимъ воплемъ“, о которомъ говорить поэтъ:

Ich riss sie blutend aus dem wunden Herzen
Und weinte laut und gab sie hin.

Счастливые безумцы, никогда не трезвѣющие, имъ незнакома внутренняя борьба, они страдаютъ отъ внѣшнихъ причинъ, отъ злыхъ людей и случайностей, внутри все цѣло, совѣсть покойна, они довольны. Оттого-то червь, точащій другихъ, имъ кажется капризомъ, эпикуреизмомъ сытаго ума, праздною ироніей. Они видятъ, что раненый смѣется надъ своей деревяшкой, и заключаютъ, что ему операція ничего не стоила, — имъ и въ голову не приходитъ, отчего онъ

¹ Первый стихъ „Божественной Комедіи“: въ срединѣ жизненнаго пути.

состарился не по лѣтамъ и какъ ноетъ отнятая нога при перемѣнѣ погоды, при дуновеніи вѣтра.

Моя логическая исповѣдь, исторія недуга, черезъ который пробивалась оскорбленная мысль, осталась въ рядѣ статей, составившихъ „Съ того берега“. Я въ себѣ преслѣдовалъ ими послѣдніе идолы, я ироніей мстилъ имъ за боль и за обманъ; я не надъ ближнимъ издѣвался, а надъ самимъ собой и, снова увлеченный, мечталъ уже быть свободнымъ, но тутъ и запнулся. Утративъ вѣру въ слова и знамена, въ канонизированное человѣчество и единую спасающую церковь западной цивилизаціи, я вѣрилъ въ нѣсколько человѣкъ, вѣрилъ въ себя.

Видя, что все рушится, я хотѣлъ спастись, начать новую жизнь, отойти съ двумя, тремя въ сторону, бѣжать, скрыться отъ . . . лишннихъ. И надменно поставилъ заглавіемъ послѣдней статьи: *Omnia mea mecum porto!*

Жизнь распушенная, опаленная, полуувядающая въ омутѣ событій, въ круговоротѣ общихъ интересовъ — обособлялась, снова сводилась на періодъ юнаго лиризма, безъ юности, безъ вѣры. Съ этимъ *façade* те моя лодка должна была разбиться о подводные камни — и разбилась. Правда, я уцѣлѣлъ, но безъ всего. . . .

Тифоидная горячка.

Зимой 1848 года была больна моя маленькая дочь. Она долго разнемогалась, потомъ сдѣлалась небольшая лихорадка и, казалось, прошла; Райе, извѣстный докторъ, совѣтывалъ ее прокатить, несмотря на зимній день. Погода была прекрасная, но не теплая. Когда ее привели домой, она была необыкновенно блѣдна, просила ѣсть и, не дождавшись бульона, уснула возлѣ насъ на диванѣ; прошло нѣсколько часовъ, сонъ продолжался. Фогтъ,¹ братъ натуралиста, студентъ медицины, случился у насъ. „Посмотрите, сказалъ онъ, на ребенка, вѣдь это вовсе не естественный сонъ.“ Мертвая, слегка синеватая, блѣдность лица испугала меня, я положилъ руку на руку, лобъ былъ совершенно холодный. Я бросился самъ къ Райе, но счастію, засталъ его дома и привезъ съ собой. Малютка не просыпалась. Райе приподнялъ ее, сильно потрясъ и заставилъ меня громко звать ее по имени . . . она раскрыла глаза, сказала слова два и снова заснула тѣмъ же сномъ, тяжелымъ, мертвымъ; дыханіе едва, едва было замѣтно; она въ этомъ состояніи, съ небольшими перемѣнами, оставалась нѣсколько дней, безъ пищи и почти безъ питья; губы почернѣли, почти сдѣлались синіе, на тѣлѣ показались пятна, — это была тифоидная горячка. Райе почти ничего не дѣлалъ, ждалъ, слѣдилъ за болѣзнью и не слишкомъ обнадеживалъ.

Видѣ ребенка былъ страшенъ, я ждалъ съ часа на часъ кончины. Блѣдная и молчащая сидѣла моя жена день и ночь у кро-

¹ Адольфъ.

ватки, глаза ея покрылись тѣмъ жемчужнымъ отливомъ, которымъ высказывается усталъ, страданіе, истощеніе силъ и неестественное напряженіе нервъ. Разъ часу во второмъ ночи мнѣ показалось, что Тата не дышетъ, я смотрѣлъ на нее, скрывая ужасъ, жена моя догадалась. „У меня кружится въ головѣ, сказала она мнѣ, дай воды.“ Когда я подаль стаканъ, она была безъ чувствъ. И. Т.,¹ приходившій дѣлить мрачныя часы наши, побѣжалъ въ аптеку за аммоніакомъ, — я стоялъ неподвижно между двумя обмершими тѣлами, смотрѣлъ на нихъ и ничего не дѣлалъ. Горничная терла руки, мочила виски моей женѣ; черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя. — Что? спросила она. — „Кажется, Тата открывала глаза“, сказала наша добрая, милая Луиза. Я посмотрѣлъ — будто просыпается; я назвалъ ее шепотомъ по имени, она раскрыла глаза и улыбнулась черными; сухими и растреснувшими губами. Съ этой минуты здоровье стало возвращаться.

Есть яды, которые злѣе, мучительнѣе разлагаютъ человѣка, нежели дѣтскія болѣзни, — я и ихъ знаю, — но тупаго яда, берушаго истомой, обезсиливашаго въ тиши, оскорбляющаго страшной ролью празднаго свидѣтеля, — хуже нѣтъ.

Тотъ, кто разъ на своихъ рукахъ держалъ младенца и чувствовалъ, какъ онъ холодѣлъ, тяжелѣлъ, становился каменнымъ; кто слышалъ послѣдній стонъ, которымъ тѣдешный организмъ умоляетъ о пощадѣ, о спасеніи, просится остаться на свѣтѣ; кто видѣлъ на своемъ столѣ красивый гробикъ, обитый розовымъ атласомъ, и бѣленькое платице съ кружевами, такъ отличающееся отъ желтаго личика, тотъ при каждой дѣтской болѣзни будетъ думать: — отчего же не быть и другому гробику — вотъ на этомъ столѣ?

Несчастье — самая плохая школа! Конечно, человѣкъ, много испытавшій, выносливѣе, но, вѣдь, это оттого, что душа его помята, ослаблена. Человѣкъ изнашивается и становится трусливѣе отъ перенесеннаго. Онъ теряетъ ту увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, безъ которой ничего дѣлать нельзя; онъ становится равнодушнѣе, потому что свыкается съ страшными мыслями, наконецъ, онъ боится несчастій эгоистически, т. е. боится снова перечувствовать рядъ щемящихъ страданій, рядъ замираній сердца, которыхъ память — не разносится съ тучами.

Стонъ больного ребенка наводитъ на меня такой внутренній ужасъ, обдаетъ такимъ холодомъ, что я долженъ дѣлать большія усилія, чтобы побѣдить эту чисто нервную память.

На другое утро той же ночи я въ первый разъ пошелъ пройтись; на дворѣ было холодно, тротуары были слегка посыпаны инеемъ, но, несмотря ни на холодъ, ни на ранній часъ, толпы народа покрывали бульвары, мальчишки съ крикомъ продавали бюлетиши — слишкомъ пять милліоновъ голосовъ клали связанную

¹ Тургеневъ.

Францію къ ногамъ Людовика Наполеона. Осиротѣвшая передняя, наконецъ, нашла своего барина!

*

*

*

Всѣ нервы были открыты и болѣли — ничтожныя встрѣчи, неважныя напоминовенія потрясали весь организмъ. Помню я, напримеръ, какъ дня три послѣ канонады я бродилъ по предмѣстью св. Антонія; — все еще носило свѣжіе слѣды свирѣпаго боя, — развалившіяся стѣны, неснятыя баррикады, испуганныя, блѣдныя, чего-то искавшія женщины, дѣти, рывшіяся въ мусорѣ. . . .

Я сѣлъ на стулъ передъ небольшимъ кафе и смотрѣлъ съ щемлящимъ сердцемъ на страшную картину. Прошло съ четверть часа — кто то тихо положилъ мнѣ руку на плечо — это былъ Довіатъ, молодой энтузіастъ, проповѣдывавшій въ Германіи à la Ronge какой-то своего рода нео-католицизмъ — и уѣхавшій въ 1847 г. въ Америку.

Онъ былъ блѣденъ, черты его разстроены, длинные волосы въ безпорядкѣ, — на немъ было дорожное платье.

„Боже мой!“ сказалъ онъ, „какъ мы съ Вами встрѣчаемся!“

„Когда Вы пріѣхали?“

„Сегодня. Узнавъ въ New York'ѣ о Февральской революціи, о всемъ, что дѣлается въ Европѣ, я на скорую руку продалъ все, что могъ, собралъ деньги и бросился на пароходъ — полный надеждъ и съ веселымъ сердцемъ. Вчера въ Гаврѣ я узналъ о послѣднихъ событіяхъ, но моего воображенія не доставало, чтобы представить себѣ это.“

Мы оба еще разъ посмотрѣли — и обоихъ глаза были полны слезъ. „Ни дня, ни одного дня въ проклятомъ городѣ!“ сказалъ взволнованный Довіатъ и былъ въ самомъ дѣлѣ похожъ на какого-то пророчествующаго Левита. — „Вонъ отсюда! Вонъ! Прощайте, ѣду въ Германію!“ Онъ уѣхалъ и попалъ въ прусскую тюрьму, гдѣ присидѣлъ лѣтъ шесть.

Помню еще представленіе Катилины, котораго ставилъ тогда на своемъ историческомъ театрѣ крѣпкоконервный Дюма.

Форты были набиты колодниками, излишнихъ отправляли стадами въ Шато д'Ифъ въ депортацію, родные бродили изъ полиціи въ полицію, какъ тѣни, умоляя, чтобы имъ сказали, кто убитъ и кто остался, кто разстрѣленъ, а А. Дюма уже выводилъ юнѣскіе дни въ римской латиславѣ (?) на сцену. Я пошелъ взглянуть. Сначала ничего. Ледрю Ролленъ — Катилина и Маркъ Туллій — Ламартинъ, классическія сентенціи съ риторической опухолью. Возстаніе побѣждено. Ламартинъ прошелъ по сценѣ со своимъ *vixerunt* — декорации мѣняются. Площадь покрыта трупами, издали зарево — умирающіе въ судорогахъ смерти лежатъ между мертвыми; умершіе покрыты окровавленными рубищами — у меня сперся духъ. Давно ли за стѣнами этого балагана, на улицахъ, ведущихъ къ нему, мы

видѣли то же самое, и трупы были не карточные, и кровь струилась не изъ воды съ сапдаломъ, а изъ живыхъ молодыхъ жилъ... — Я бросился вонъ въ какомъ-то истерическомъ припадкѣ, проклиналъ бѣшенно аплодировавшихъ мѣщанъ...

... Въ такіе судорожные дни — когда человѣкъ изъ кабака, изъ театра, изъ своего дома и изъ кабинета чтенія выходитъ въ лихорадкѣ, съ воспаленнымъ мозгомъ, задавленный внутри, глубоко оскорбленный и готовый оскорбить перваго встрѣчнаго, — въ эти времена каждое слово симпатіи, каждая слеза того-же горя, каждая брань той-же ненависти — имѣетъ страшную силу. Одинаковыми рапами быстро сростаются больныя мѣста.

* * *

... Въ первыя времена моей юности меня поразили одинъ французскій романъ, котораго я впоследствии не встрѣчалъ — романъ этотъ назывался Arminius. Можетъ, онъ и не имѣетъ большихъ достоинствъ, но тогда онъ на меня сильно подѣйствовалъ и долго бродилъ въ головѣ моей. Я помню главные черты его и до сихъ поръ.

Всѣ мы знаемъ изъ исторіи первыхъ вѣковъ встрѣчу и столкновение двухъ разныхъ міровъ: одного — стараго, классическаго, образованнаго, но растлѣннаго и отжившаго, другого — дикаго, какъ звѣрь лѣсной, но полнаго дремлющихъ силъ и хаотическаго безпорядка стремлений, — т. е. знаемъ официальную, газетную сторону этой встрѣчи, а не ту, которая совершилась по мелочи, въ тиши домашней жизни. Мы знаемъ гуртовыя событія, а не судьбы лицъ, находившихся въ прямой зависимости отъ нихъ, и въ которыхъ безъ видимаго шума ломились жизни и гибли въ столкновеньяхъ, — кровь замѣнялась слезами, опустошенные города — разрушенными семьями, поля сраженія — забытыми могилами.

Авторъ Арминія (имя его я забылъ) попытался воспроизвести эту встрѣчу двухъ міровъ у семейнаго очага — одного, идущаго изъ лѣса въ исторію, другого, идущаго изъ исторіи въ гробъ.

Всемирная исторія, распускаясь въ сплетни, становится ближе къ намъ, соизмѣрнѣе, живѣе. Я былъ такъ увлеченъ Арминіемъ, что самъ принялся писать около 1833 г. рядъ историческихъ сценъ въ такомъ родѣ, и ихъ въ 1834 г. критически разбиралъ оберъ-полицеймейстеръ Цинскій. Но, конечно, писавши ихъ, мнѣ не приходило въ мысль, что и я попаду въ такое столкновение, что и мой очагъ опустѣетъ, раздавленный при встрѣчѣ двухъ міровыхъ колесъ исторіи. Что тамъ ни толкуютъ, — а есть сходныя стороны въ нашемъ отношеніи къ европейцамъ. Наша цивилизація накожная, развратъ грубъ, у насъ изъ подъ пудры колетъ щетина и изъ подъ бѣлилъ виднѣтъ загаръ, у насъ есть лукавство дикихъ, развратъ животныхъ, уклончивость рабовъ, у насъ вездѣ являются кулаки и деньги, — но мы далеко отстали отъ наслѣдственной, летучей тон-

кости западнаго растлѣнія. У насъ умственное развитіе¹ служитъ чистилищемъ и порукой. Исключенія рѣдки. Образованіе у насъ до послѣдняго времени составляло предѣлъ, за которымъ много гнуснаго и порочнаго не перелѣзало.

На Западѣ это не такъ. И вотъ почему мы легко отдаемся чуждому, касающемуся нашихъ святынь, понимающему наши заповѣдныя мысли, смѣло говорящему то, о чемъ мы привыкли молчать или говорить шепотомъ на ухо другу. Мы не беремъ въ расчетъ, что половина рѣчей, отъ которыхъ бьется наше сердце и подымается наша грудь, сдѣланы для Европы трюизмами, фразами, мы забываемъ, сколько другихъ испорченныхъ страстей, страстей искусственныхъ, старческихъ, напутано въ души современнаго чужака, принадлежащаго къ этой выжившей цивилизаціи. Онъ съ малыхъ лѣтъ бѣгаетъ въ обгонки, источенъ домогательствомъ, боленъ завистью, самолюбіемъ, недостигаемымъ эпикуренствомъ, мелкимъ эгоизмомъ, передъ которыми падаетъ всякое отношеніе, всякое чувство... ему нужна роль, поза на сценѣ, ему нужно во что-бы то ни стало удерживать мѣсто, удовлетворить своимъ страстямъ. Нашъ братъ, степнякъ, получивъ ударъ, другой, часто не видя откуда, оглушенный имъ, долго не приходитъ въ себя, а потомъ бросается, какъ раненый медвѣдь, и ломаетъ кругомъ доревья, и реветъ, и взматаетъ землю — но поздно, — и его противники на него же указываютъ пальцами... Много еще разовьется ненависти и прольется крови изъ-за этихъ двухъ разныхъ возрастовъ и воспитаній.

II.

У Нѣмцевъ, а еще болѣе у Нѣмокъ, бездна ложныхъ страстей, т. е. страстей выдуманныхъ, призрачныхъ, натянутыхъ, литературныхъ. Это какая-то *Überspanntheit*... книжная восторженность, мнимая холодная экзальтація, всегда готовая безъ мѣры удивляться, или умиляться безъ достаточной причины.

Не притворство, а ложная правда, психическая неводержанность, эстетическая истерика, ничего не стоящая, но приносящая много слезъ, радости и печали, много развлеченій, ощущеній, *Wonne*. Умная женщина, какъ Беттина Арнимъ, не могла отдѣлаться во всю жизнь отъ этой нѣмецкой болѣзни. Жанры могутъ измѣняться, содержаніе быть инымъ — но, такъ сказать, психическое обработываніе матеріала — одно и то же. Все сводится на разныя варіаціи, на разные нюансы сладострастнаго пантеизма, т. е. религіозно-полового и теоретически влюбленнаго отношенія къ природѣ и людямъ, что вовсе не исключаетъ романтическаго цѣломудрія и теоретическаго сладострастія ни у свѣтскихъ жрицъ космоса, ни у монашествующихъ невѣстъ Христа, богоблудствующихъ въ молитвѣ. Тѣ и другія порываются быть на-

¹ Писано въ 1857 году (Прим. А. И. Герцена).

реченными сестрами... грѣшницъ въ самомъ дѣлѣ. Дѣлають онѣ это изъ любопытства и сочувствія къ паденьямъ, на которыя сами никогда не рѣшаются, и всякій разъ отпускають имъ грѣхи даже тогда, когда тѣ не просятъ объ этомъ. Самыя восторженныя изъ нихъ проходятъ весь курсъ страстей безъ приложенія и искушаются всѣми грѣхами какъ-то заочно, *per contumaciam* — по книжкамъ другихъ и собственнымъ тетрадкамъ.

Одна изъ самыхъ общихъ чертъ всѣхъ восторженныхъ Нѣмокъ — это идолопоклонство геніямъ и великимъ людямъ; религія эта идетъ изъ Веймара, со временъ Виланда, Шиллера и Гёте. Но такъ какъ геніи рѣдки — и Гейне жилъ въ Парижѣ, а Гумбольдтъ былъ слишкомъ старъ и слишкомъ реалистъ, то онѣ бросились съ какимъ-то голоднымъ отчаяньемъ на хорошихъ музыкантовъ, на недурныхъ живописцевъ. Образъ Ф. Листа, какъ электрическая искра, прошелъ черезъ сердца всѣхъ Нѣмокъ, выжигая въ нихъ высокій лобъ и длинные, назадъ отчесанные волосы.

За немѣніемъ, наконецъ, обще-германскихъ великихъ людей они брали, такъ сказать, удѣльныхъ геніевъ, чѣмъ бы то ни было отличавшихся; всѣ женщины влюблялись въ него, всѣ дѣвушки *schwärmten für ihn*, всѣ шили ему по канвѣ подтяжки и туфли и посылали разные сувениры, секретно, безъ имени.

Въ сороковыхъ годахъ умы въ Германіи были сильно возбуждены. Можно было ожидать, что народъ этотъ, посѣдѣвшій за книгой, какъ Фаустъ, захочетъ, наконецъ, какъ онъ, выйти на площадь посмотрѣть на бѣлый свѣтъ. Теперь мы знаемъ, что это были ложныя потуги, что новый Фаустъ изъ Ауербаховскаго погребка возвратился вспять въ штудирциммеръ. Тогда казалось иначе — особенно Нѣмцамъ, а потому всякое проявленіе революціоннаго духа походило на горячее признаніе

Отказаться отъ дуэли — дѣло трудное и требуетъ или много твердости духа или много его слабости.

Феодальный поединокъ стоитъ твердо въ новомъ обществѣ, обличая, что оно вовсе не такъ ново, какъ кажется. До этой святыни, поставленной дворянской честью и военнымъ самолюбіемъ, рѣдко кто смѣетъ касаться — да и рѣдко, кто такъ самобытно поставленъ, чтобъ безнаказанно могъ оскорблять кровавый идолъ и принять на себя нареканія въ трусости.

Доказывать нелѣпость дуэли не стоитъ — въ теоріи ее никто не оправдываетъ, исключая какихъ-нибудь бретеровъ и учителей фехтованія, но въ практикѣ всѣ подчиняются ей для того, чтобы доказать, чертъ знаетъ кому, свою храбрость.

Худшая сторона дуэли въ томъ, что она оправдываетъ всякаго мерзавца — или его почетной смертью или тѣмъ, что дѣлаетъ изъ него почетнаго убійцу.

Человѣка обвиняють въ томъ, что онъ передергиваетъ карты — онъ лѣзетъ на дуэль, какъ будто нельзя передергивать карты и не бояться пистолета.

И что за позорное равенство шулера съ его обвинителемъ!

Дуэль иногда можно принять за средство не попасть на висѣлицу или на гильотину — но и тутъ логика не ясна, и я все же не понимаю, отчего человѣкъ обязанъ подъ опасеніемъ общаго презрѣнія не бояться шпаги противника и можетъ бояться топора гильотины.

Казнь имѣетъ ту выгоду, что ей предшествуетъ судъ, который можетъ человѣка приговорить къ смерти, но не можетъ отнять права обличить — мертваго или живаго врага. Въ дуэли остается все шито и крыто. Это институтъ, принадлежащій той драчливой средѣ, у которой такъ мало еще обсохла на рукахъ кровь, что ношеніе смертоносныхъ оружій считается признакомъ благородства и упражненіе въ искусствѣ убивать — служебной обязанностью.

Пока міромъ будутъ управлять военные, дуэли не переведутся; но мы смѣло можемъ требовать, чтобъ намъ самимъ было предоставлено рѣшеніе, когда мы должны склонить голову передъ идоломъ, въ котораго не вѣримъ, и когда явиться во весь ростъ свободнымъ человѣкомъ и — послѣ борьбы съ богомъ и властями — осмѣлиться бросить перчатку кровавой среднѣвѣковой расправы... Сколько людей прошли съ гордымъ и торжествующимъ лицомъ, всѣми невзгодами жизни, тюрьмами и бѣдностью, жертвами и трудомъ, инквизиціями — и не знаю чѣмъ, и сѣзались на дерзкомъ вызовѣ какого-нибудь шалуна или негодяя. Эти жертвы не должны падать.

Основа, опредѣляющая поступки человѣка, должна быть въ немъ, въ его разумѣ, — у кого она внѣ его, тотъ рабъ при всѣхъ храбростяхъ своихъ.

III.

1852.

Снова наступилъ Новый Годъ; мы его встрѣтили около постели Natalie — наконецъ, организмъ ея не вынесъ и она слегла.

Энгельсоны, Фогтъ, человѣка два близкихъ знакомыхъ были у насъ. Всѣ были печальны. Парижское 2-е декабря лежало плитой на груди... Общее, частное — все несло куда-то въ пропасть, и ужъ такъ далеко ушло подъ гору, что ни остановить, ни измѣнить нельзя было; приходилось ждать, тупо, страдательно, когда все сорвавшееся съ рельсовъ полетитъ въ тьму.

Подали обычный бокалъ. Въ двѣнадцать часовъ мы улынулись, натянуто. Внутри была смерть и ужасъ, всѣмъ было совѣстно прибавить къ Новому году какое-нибудь желаніе. Заглянуть впередъ было страшище, чѣмъ обернуться.

Болѣзнь опредѣлилась: сдѣлался плевритъ въ лѣвой сторонѣ. Пятнадцать страшныхъ дней провела она между жизнью и смертью, но на этотъ разъ — жизнь побѣдила. Наступило выздоровленіе, а съ нимъ послѣдній лучъ надежды блѣдно освѣтилъ тревожную жизнь нашу.

Силы ея духа возвратились прежде... были минуты удивительныя — послѣдніе аккорды навѣки умолкнувшей музыки.

Съ наступленіемъ весны больной сдѣлалось лучше: она уже большую часть дня сидѣла въ креслахъ, могла разобрать свои волосы, нечесанные въ продолженіе болѣзни — наконецъ, безъ утомленія могла слушать, когда ей читали вслухъ.

Мы собирались, какъ только ей будетъ еще получше, ѣхать въ Севилью или Кадиксъ. Ей хотѣлось выздороветь, хотѣлось жить, хотѣлось въ Италію.

Внѣзъ Natalie еще не сходила и не торопилась: она собиралась сойти въ первый разъ 25 марта въ мое рожденіе. Для этого она приготовила себѣ бѣлую мериносовую блузу, а я выписалъ изъ Парижа горностаевую мантию. Для за два Natalie сама написала или продиктовала мнѣ, кого она хочетъ звать сверхъ Энгельсоновъ, Фогта, Орсини, Мордини и Патчелли съ женой.

За два дня до моего рожденія у Ольги сдѣлался насморкъ съ кашлемъ: въ городѣ была Influenza. Ночью Natalie два раза вставала, ходила черезъ комнату въ дѣтскую. Ночь была теплая, но бурная. Утромъ она проснулась сама съ сильнѣйшей Influenz'ей — сдѣлался мучительный кашель, а къ вечеру вернулась лихорадка.

О томъ, чтобы встать, на другой день нечего было и думать: послѣ лихорадочной ночи — ужасная прострація, болѣзнь росла. Всѣ вновь ожившія, блѣдныя, но цѣпкія надежды были разбиты. Неестественный звукъ кашля грозилъ чѣмъ-то зловѣщимъ.

Natalie и слышать не хотѣла, чтобы гостямъ отказали. Печально и тревожно сѣли мы часа въ два за столъ безъ нея.

Патчелли привезла съ собой какую-то арію, сочиненную ея мужемъ для меня. М-ме Патчелли была печальная, молчаливая и очень добрая женщина. — Словно горе какое-нибудь лежало на ней, проклятіе ли бѣдности тяготѣло надъ ней, или, можетъ быть, жизнь сушила ей что-нибудь больше, чѣмъ вѣчные уроки музыки и преданность человѣка, слабаго, блѣднаго и чувствовавшего свое подчиненіе ей.

Въ нашемъ домѣ она чувствовала больше простоты и теплаго привѣта, чѣмъ у другихъ практикъ, и полюбила Natalie съ южной экзальтаціей.

Послѣ завтрака она посидѣла у больной и вышла отъ нея блѣдная, какъ полотно. Гости просили ее спѣть привезенную арію. Она сѣла за фортепіано, запѣла и вдругъ, испуганно взглянувъ на меня, залилась слезами — склонила голову на инструментъ и спазматически зарыдала. Это покончило праздникъ. Гости разош-

Доктора Понфисъ и К. Фогтъ сидѣли всю ночь въ гостиной. Я сошелъ внизъ и сказалъ, что я замѣтилъ. Онъ миновалъ мой взглядъ и, не отвѣчая, пошелъ наверхъ. Отвѣта было не нужно. Пульсъ больной едва бился.

Около полудня она пришла въ себя и опять позвала дѣтей, но не говорила ни слова...

Она находила, что въ комнатѣ темно. Это случилось второй разъ за день. Она спросила меня, зачѣмъ нѣтъ свѣчей (двѣ свѣчи горѣли на столѣ). Я зажегъ еще свѣчу, но она, не замѣчая ее, находила, что темно. „Ахъ, другъ мой, какъ тяжело головѣ,“ сказала она и еще два-три слова.

Она взяла мою руку — рука ея не была похожа на живую — и покрыла ею свое лицо. Я что-то сказалъ ей, она что-то сказала невнятно, — сознание было снова потеряно и не возвращалось.

Она осталась въ этомъ положеніи до слѣдующаго утра, 2-го мая. Еще одно слово, одно только слово или уже конецъ всему!

Какіе нечеловѣческіе, страшные 19 часовъ!

Минутами она приходила въ сознание, явственно говорила, что хочетъ — снять фланель, кофту, спрашивала платокъ, но ничего больше.

Я нѣсколько разъ начиналъ говорить: мнѣ казалось, что она слышитъ, но не можетъ выговорить слова, будто бы выраженіе горькой боли пробѣгало по ея лицу. Раза два она пожала мою руку, не судорожно, а намѣренно — я въ этомъ увѣренъ. Часовъ въ 6 утра я спросилъ доктора, сколько остается времени. „Не больше часа.“

Я вышелъ въ садъ позвать Сашу. Я хотѣлъ, чтобы у него навсегда остались въ памяти послѣднія минуты его матери. Входя съ нимъ на лѣстницу, я сказалъ ему, какое несчастье насъ ожидаетъ, — онъ не подозрѣвалъ всей опасности.

Блѣдный и близкій къ обмороку, вошелъ онъ со мною въ комнату.

„Станемъ рядомъ здѣсь на колѣни,“ сказалъ я, указывая на коверъ у изголовья.

Предсмертный потъ покрывалъ ея лицо, рука спазматически касалась до кофты, какъ будто желала ее снять. Нѣсколько стenanій, нѣсколько звуковъ — напоминавшихъ мнѣ агонію Вадима Пассекъ, — и тѣ замолчали.

Докторъ взялъ руку и опустилъ ее, — она упала, какъ вещь.

Мальчикъ рыдалъ. Я хорошенько не помню, что было въ первыя минуты. Я бросился вонъ въ залъ, встрѣтилъ Ch. Edm., хотѣлъ имъ сказать что-то, но вмѣсто слова изъ моей груди вырвался какой-то чужой мнѣ звукъ, я сталъ передъ окномъ и смотрѣлъ оглушенный и безъ яснаго пониманія на бессмысленно двигавшееся, мерцавшее море.

Потомъ мнѣ вспомнились слова: „Береги Тату.“ Мнѣ сдѣлалось страшно, что ребенка испугаютъ. Говорить ей я запретилъ, но какъ можно было положиться. Я велѣлъ ее позвать и, запершись съ нею

въ кабинетѣ, посадила ее къ себѣ на колѣни и, мало-по-малу при-
готовивъ ее, сказалъ, наконецъ, что „мама умерла“. Она дрожала
всѣмъ тѣломъ, пятна вышли на лицѣ, слезы навернулись... Я по-
велъ ее наверхъ. Тамъ уже все измѣнилось. Покойница, какъ
живая, лежала на убранной цвѣтами постели возлѣ малютки, скон-
чавшейся въ ту же ночь. Комната была обита бѣлымъ, усыпана
цвѣтами. Изящный во всемъ вкусъ итальянцевъ умѣетъ внести что-
то кроткое въ раздражающую печаль смерти. Испуганное дитя было
поражено изящной обстановкой.

„Мамапа вотъ,“ сказала она, но, когда я ее поднялъ, и она кос-
нулась губами холоднаго лица, она истерически заплакала. Далѣе,
я не могъ вынести и вышелъ...

Часа черезъ полтора я сидѣлъ одинъ опять у того же окна и
опять безмысленно смотрѣлъ на море и на небо. Дверь отворилась,
и вошла Тата. Она подошла ко мнѣ и ласкаясь какъ-то испуганно
шептала мнѣ: „папа, я умно себя вела, я не много плакала?“ Съ
глубокой горестью посмотрѣлъ я на сироту. „Да тебѣ и надо быть
умной. Не знать тебѣ материнской ласки, материнской любви, ихъ
ничто не замѣнить. У тебя будетъ пробѣлъ въ сердцѣ, ты не ис-
пытала лучшей, чистѣйшей, единой безкорыстной привязанности въ
свѣтѣ. Ты ее, можетъ быть, будешь имѣть, но къ тебѣ ее никто не
будетъ имѣть. Что любовь отца въ сравненіи съ материнской болью
любви?...“

Она лежала вся въ цвѣтахъ. Сторы были опущены. Я сидѣлъ
на стулѣ; на томъ обычномъ стулѣ возлѣ кровати, кругомъ было
тихо — только море кинѣло подъ окномъ.

Флеръ, казалось, приподнимался отъ слабого, очень слабого
дыханія.

Кротко застыли скорбь и тревога, словно страданія окончи-
лись безслѣдно, ихъ стерла беззаботная ясность памятника, не зна-
ющаго, что онъ представляетъ. И я все смотрѣлъ, смотрѣлъ всю
ночь. Ну, а какъ, въ самомъ дѣлѣ, она проснется?

Она не проснулась. Это не сонъ, это смерть!

Итакъ, это правда!

На полу, на лѣстницѣ было заброшено множество красножелтаго
гераніума. Запахъ этотъ и теперь потрясаетъ меня, какъ гаццан-
чeskій ударъ, и я вспоминаю всѣ подробности, каждую минуту и
вижу комнату, обтянутую бѣлымъ съ завѣшанными зеркалами, возлѣ
нея также въ цвѣтахъ желтое тѣло младенца, уснуваго, не просы-
паясь, и ея холодный, страшно холодный лобъ.... Я иду скорымъ
шагомъ, безъ мысли и намѣренія въ садъ. Нашъ человѣкъ Фран-
суа лежитъ на травѣ и рыдаетъ, какъ дитя. Я хочу ему что-то ска-
зать, и совсѣмъ нѣтъ голоса. Я бѣгу назадъ. Незнакомая дама въ
черномъ и съ нею двое дѣтей потихоньку отворяетъ дверь — она
проситъ позволенія прочесть католическую молитву — я самъ го-
товъ молиться съ нею. Она становится на колѣни передъ кроватью,

и дѣти становятся на колѣни, она шепчетъ латинскую молитву. Дѣти тихо повторяютъ за ней. Потомъ она говорила мнѣ: „И они не имѣютъ матери, а отецъ ихъ далеко. Вы хорошили ихъ бабушку.“ Это были дѣти Гарибальди.

Толпы изгнанниковъ собрались черезъ сутки на дворѣ, въ саду, они пришли проводить ее.

Фогтъ и я — мы положили ее въ гробъ. Гробъ вынесли. Я твердо пошелъ за нимъ, держа Сашу за руку, и думалъ: вотъ такъ-то люди глядятъ на толпу, когда ихъ ведутъ на висѣлицу. Какіе-то два француза (одного изъ нихъ помню — графъ Вогэ) на улицѣ съ ненавистью и смѣхомъ указали, что нѣтъ священника. Тесѣ было прикрикнуть на нихъ. Я испугался и сдѣлалъ ему знакъ рукой — тишина была необходима. Огромный вѣнокъ изъ небольшихъ алыхъ розъ лежалъ на гробѣ. Мы всѣ сорвали по розѣ. Точно на каждаго капнула капля крови.

Когда мы входили на гору, поднялся мѣсяцъ, сверкнуло море, участвовавшее въ ея убійствѣ. На пригоркѣ, выступающемъ въ него, въ виду Эстрель, съ одной стороны, и Карниче, съ другой — схоронили мы ее. Кругомъ садъ. Эта обстановка продолжала роль цвѣтовъ на постели.

Марья Каспаровнѣ было пора въ Парижъ. Всѣ настанвали, чтобъ я отправилъ Тату и Ольгу съ ней, а самъ отправился съ Сашей въ Геную.

Больно мнѣ было разставаться, но я не довѣрялъ себѣ. Можетъ, думалось мнѣ, и въ самомъ дѣлѣ такъ лучше, ну, а лучше, такъ пусть такъ и будетъ. Я только просилъ не увозить дѣтей до 9-го мая, я хотѣлъ провести съ ними 14-ую годовщину нашей свадьбы.

На другой день послѣ нея, я проводилъ ихъ на Варскій мостъ. Гаучъ поѣхалъ съ ними до Парижа. Мы посмотрѣли, какъ таможенные пристава, жандармы и всякая полиція тормозили пассажировъ.

Гаучъ потерялъ свою трость, подаренную мною, искалъ ее и сердился.

Тата плакала. Кондукторъ въ мундирной курткѣ сѣлъ возлѣ кучера. Дилижансъ поѣхалъ по Драгиньянской дорогѣ, а мы, Тесѣ, Саша и я пошли назадъ черезъ мостъ, сѣли въ коляску и поѣхали туда, гдѣ я жилъ.

Дома у меня больше не было. Съ отъѣздомъ дѣтей, послѣдняя печать семейной жизни отлетѣла. Все приняло холостой видъ.

Энгельсонъ съ женой уѣхалъ черезъ 2 дня. Комнаты были заперты. Тесѣ и Ед. переѣхали ко мнѣ. Женскій элементъ былъ исключенъ. Одинъ Саша напоминалъ возрастомъ, чертами, что здѣсь было что-то другое... напоминаніе кого-то отсутствующаго.

А. Герценъ.

Эпизодъ изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи.

Въ русской легальной печати уже были опубликованы нѣкоторые свѣдѣнія о роли, сыгранной Тверскимъ дворянствомъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, но свѣдѣнія эти очень отрывочны и къ тому же относятся преимущественно къ моменту подготовительныхъ работъ губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ комиссій. Отношеніе Тверского дворянства къ совершившейся реформѣ освобожденія крестьянъ, его проекты дальнѣйшихъ реформъ и нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи до сихъ поръ еще остаются неизвѣстными широкимъ кругамъ читающей публики, несмотря на свой животрепещущій, особенно для настоящей минуты, интересъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣются точныя копіи съ подлинныхъ официальныхъ документовъ, относящихся къ этому времени, и, пользуясь ими, мы хотимъ рассказать одинъ изъ эпизодовъ, наиболѣе характерныхъ для русскаго либеральнаго движенія. Въ видахъ большей точности постараемся, не гоняясь за литературной обработкой статьи, говорить по большей части подлинными словами самихъ документовъ.

Тверское дворянство очень быстро прониклось либеральными принципами и потому не замедлило стать въ оппозицію нѣкоторымъ мѣрамъ правительства. Оппозиція эта приняла довольно рѣзкую форму уже въ 1859 г., когда было издано высочайшее повелѣніе о томъ, „чтобы дворянство не входило ни въ какія сужденія по предметамъ, до крестьянскаго дѣла касающимся“. Открывшееся въ декабрѣ 1859 г. Тверское губернскае собраніе дворянства усмотрѣло въ этомъ повелѣніи „отмѣну правъ и преимуществъ, предоставленныхъ дворянству 112 и 135 ст. IX т. Св. Зак.“, и постановило обратиться къ губернатору съ просьбой представить министру внутреннихъ дѣлъ сомнѣнія дворянства, а до полученія отвѣта отъ министра приостановить засѣданія собранія. Губернаторъ эту просьбу отклонилъ, и тогда дворянское собраніе большинствомъ 231 голосовъ противъ 56 „положило: принести всеподданнѣйшую просьбу Его Императорскому Величеству о дозволеніи разсуждать о предметахъ, касающихся крестьянскаго вопроса“; до полученія отвѣта на это ходатайство занятія собранія опять были приостановлены.

Правительство отнеслось къ этому ходатайству отрицательно; оно не только отвѣтило отказомъ на всеподданнѣйшее прошеніе, но и удалило отъ должностей губернскаго предводителя дворянства извѣстнаго А. М. Унковского; сверхъ того дворянству было предписано непременно окончить всѣ свои занятія въ пятнадцатидневный срокъ, считая со дня открытія собранія, т. е., иными словами, ему было предоставлено на всѣ дѣла лишь 3 дня, такъ какъ распоряженіе было объявлено 20-го декабря, а 15-дневный срокъ со дня открытія истекалъ 22-го декабря. Подобный результатъ, однако, не обезкуражилъ Тверское дворянство и свое оппозиціонное настроеніе оно выразило въ двухъ фактахъ: во-первыхъ, было постановлено учредить въ Московскомъ университетѣ 12 стипендій имени А. М. Унковского и предоставить ему самому право назначать стипендіатовъ, а во-вторыхъ, собраніе отказалось выбрать преемника Унковскому въ должностъ губернскаго предводителя дворянства. Точно такъ же поступило и большинство отдѣльныхъ уѣздовъ, отказавшихся выбрать уѣздныхъ предводителей дворянства. Изъ 12 уѣздовъ только 4 (Тверской, Калазинскій, Кашинскій и Бѣжецкій) произвели выборы, остальные же 8 остались безъ предводителей дворянства.

На Тверское общество всѣ эти событія произвели очень сильное дѣйствіе, — никогда раньше подъемъ общественнаго настроенія не достигалъ такой высоты, какъ въ зиму 1859—1860 г., и это побудило правительство обратиться къ мѣрамъ

полицейской репрессии. 25-го февраля 1860 г. были арестованы два самых видных представителя тогдашнего Тверского либерализма: А. М. Унковский и А. И. Европеусъ, который еще раньше привлекался по дѣлу Петрашевцевъ и долженъ былъ отбывать наказаніе рядовымъ въ кавказскихъ линейныхъ батальонахъ. Унковскій былъ сосланъ административно въ Вятку, а Европеусъ въ Пермь, но пробыли они тамъ недолго и слѣдующей зимой получили разрѣшеніе вернуться на родину безъ всякихъ ограниченій своихъ правъ. Въ томъ же самомъ 1860 г. правительство отказало въ утвержденіи проектированного сельскохозяйственнаго общества, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что въ числѣ главныхъ учредителей значатся лица неблагонадежныя, т. е. опять тѣ же Унковскій и Европеусъ.

Къ 1861 г. отношенія между администраціей и дворянствомъ нѣсколько улучшились, такъ какъ обѣ стороны сдѣлали взаимныя уступки. Унковскій и Европеусъ были возвращены изъ ссылки, въ члены отъ правительства въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе были назначены представители либеральной партіи; взамѣнъ дворянство произвело выборы уѣздныхъ предводителей дворянства и лицъ на другія должности, замѣщаемыя по выборамъ. Это не мѣшало, однако, тому, что рознь между администраціей и дворянствомъ существовала по-прежнему и постоянно проявлялась въ цѣломъ рядъ мелкихъ инцидентовъ и стычекъ между администраціей и представителями общества, мировыми посредниками и т. п. Общественное самознаніе приняло вполнѣ опредѣленные формы и не могло удовольствоваться тѣмъ, что сдѣлало или намѣревалось сдѣлать правительство. И вотъ мы видимъ, что въ теченіе зимы 1861—1862 г. общество дѣлаетъ рядъ шаговъ вполнѣ опредѣленнаго направленія.

12 и 13 декабря 1861 г. въ Твери состоялся полуразрѣшенный официально сѣздъ мировыхъ посредниковъ и другихъ членовъ мировыхъ учреждений. Кромѣ цѣлаго ряда частныхъ и специальныхъ вопросовъ, сѣздъ высказался по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ болѣе широкое общественное и принципиальное значеніе. Такъ, сѣздъ значительнымъ большинствомъ голосовъ высказался въ пользу обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ и за прекращеніе временно-обязанныхъ отношеній; далѣе, сѣздъ призналъ желательнымъ допущеніе крестьянъ къ участию въ выборѣ мировыхъ посредниковъ и за допущеніе выбора въ должности сельскаго управленія и суда лицъ всѣхъ сословій, владѣющихъ землею и т. д. Не довольствуясь своими постановленіями по этимъ отдѣльнымъ вопросамъ, сѣздъ 12-го декабря принялъ большинствомъ 41 голоса противъ 8 слѣдующее заявленіе, содержащее въ себѣ резюме общихъ взглядовъ мировыхъ посредниковъ на тогдашнее положеніе вещей въ Россіи. Приведемъ это заявленіе полностью:

„Законоположеніе 19-го февраля не удовлетворило народныхъ потребностей ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ отношеніи гражданской свободы, а возбудило ихъ въ самой сильной степени. Для правильнаго хода дѣла, начатаго законоположеніемъ 19-го февраля, необходимо безотлагательно кончить обязательныя отношенія посредствомъ выкупа. Главное препятствіе къ этому — недовѣріе къ денежнымъ знакамъ по выкупу. Необходимо безотлагательно принять мѣры къ устраненію этого препятствія. Мѣры эти въ рукахъ правительства. Кредитъ есть довѣріе, довѣріе можетъ быть только взаимное; общество готово предложить взаимность. Изъ непосредственныхъ сношеній съ народомъ мировые посредники Тверской губерніи пришли къ тому единодушному убѣжденію, что, если на готовность общества въ настоящее время предложить правительству взаимное довѣріе правительство не отвѣтитъ тѣмъ-же, — то обществу предстоитъ очевидное неизбежное бѣдствіе, и что ошибоченъ тотъ образъ дѣйствій, который переменною поддержкою то одной, то другой изъ сторонъ, враждебно раздѣленныхъ самымъ существомъ дѣла, полагаетъ возможнымъ отвратить или, по крайней мѣрѣ, отдалить угрожающее бѣдствіе.“

„Не принимая на себя непринадлежащаго имъ права самаго рѣшенія этого вопроса, мировые посредники Тверской губерніи этимъ заявленіемъ слагаютъ съ себя отвѣтственность за будущее, твердо рѣшившись, несмотря на безнадежность всякихъ другихъ мѣръ, исполнить свой долгъ до конца.“

Заканчивая свои занятія, сѣздъ постановилъ препроводить свои постановленія черезъ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, а вышеприведенное заявленіе, носящее въ протоколахъ скромное названіе „мнѣніе о выкупѣ“, разослать всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ для сообщенія дворянству. Привести въ исполненіе эти постановленія было поручено предсѣдателью сѣзда, Новоторжскому уѣздному предводителю дворянства Алексѣю Бакунину. Кромѣ того, было рѣшено устроить новый сѣздъ въ Твери 1-го марта 1862 г.

Происходившее на этомъ сѣздѣ было лишь прелюдией къ болѣе широкимъ и организованнымъ проявленіямъ общественнаго настроенія, выразившимся въ постановленіяхъ чрезвычайнаго губернскаго дворянскаго собранія. Это собраніе, продолжавшееся съ 1-го по 4-е февраля 1862 г., было первымъ собраніемъ Тверскаго дворянства послѣ 19-го февраля и имѣло своей официальной задачей обсужденіе вопроса объ устройствѣ поземельныхъ банковъ. Но, разумѣется, дворянство не могло ограничиться такимъ однимъ узкимъ вопросомъ, и уже само исправляющей должностію губернскаго предводителя В. Д. Бровцынъ, открывая собраніе, указалъ въ своей вступительной рѣчи на связь кредита и банковъ съ гласнымъ судопроизводствомъ и правильной организаціей финансоваго управленія; собраніе же пошло и еще далѣе. Всѣ три дня собранія прошли въ томъ, что отдѣльные лица вносили свои предложенія, касающіяся самыхъ основныхъ вопросовъ государственнаго устройства Россіи, и дворянство высказывалось по этимъ поводамъ въ рѣзко оппозиціонномъ направленіи. Для редактированія и сведенія воедино всѣхъ разрозненныхъ постановленій собранія была избрана особая редакціонная коммиссія, въ составъ которой вошли А. А. Бакупинъ, А. М. Унковскій, В. Н. Кудрявцевъ, П. Д. Кишинскій и А. В. Невѣдомскій. Коммиссія представила собранію нижеслѣдующій проектъ общаго протокола всѣхъ засѣданій губернскаго собранія. Протоколъ этотъ, принятый громаднымъ большинствомъ 102 голосовъ противъ 24 (двое подали особое мнѣніе), является чрезвычайно характернымъ для настроенія Тверскаго дворянства, а по опредѣленности выраженныхъ въ немъ требованій и по рѣзкости тона представляетъ явленіе, не повторявшееся въ исторіи русскаго либеральнаго движенія, поскольку оно не переходило на нелегальную почву. Такой документъ несомнѣнно заслуживаетъ, чтобы его привести цѣликомъ, безъ всякихъ сокращеній, несмотря на его значительныя размѣры:

„Тверское губернское собраніе дворянства по всестороннему обсужденію вопроса объ устройствѣ земскихъ банковъ пришло къ слѣдующимъ соображеніямъ: 1. необходимость поземельнаго кредита въ настоящее время обуславливается только сохраненіемъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, потому что въ кредитъ нуждаются только одни помѣщичьи хозяйства, а съ уничтоженіемъ всякихъ обязательныхъ отношеній дворянство получить капиталы, которые устранили на долгое время потребность въ поземельномъ кредитѣ для поддержанія существующихъ хозяйствъ; 2. дворянство убѣждено въ несостоятельности обязательныхъ отношеній съ крестьянами и въ крайней необходимости прекратить ихъ посредствомъ предоставленія крестьянамъ поземельныхъ надѣловъ въ полную ихъ собственность при содѣйствіи всего государства; 3. для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы: а) преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола; б) учрежденіе независимаго и гласнаго суда, безъ котораго невозможенъ не только частный кредитъ, но и государственный, и в) введеніе полной гласности во всѣ отрасли государственнаго и общественнаго управленія. Безъ этой гласности не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству, а слѣдовательно и къ прочности общественнаго порядка. 4. Кромѣ всѣхъ этихъ реформъ, нужно уничтоженіе тѣхъ враждебныхъ отношеній между сословіями, которыя являлись слѣдствіемъ законоположеній 19-го февраля 1861 г., возбуждившихъ только вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но не рѣшившихъ его окончательно. Уничтоженіе антагонизма сословій можетъ быть произведено не иначе, какъ ихъ новымъ сліяніемъ. Дворянство, будучи глубоко проникнуто сознаніемъ безотлагательной необходимости выйти изъ этого антагонизма и желая уничтожить всякую возможность упрека въ томъ, что оно составляетъ преграду на пути общаго блага, объявляетъ предъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій, согласно протоколу отъ 2-го февраля чрезвычайнаго собранія, и не считаетъ нарушеніемъ своихъ правъ обязательное предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность, согласно протоколу губернскаго собранія отъ 2-го февраля, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ при содѣйствіи государства; 5. Осуществленіе этихъ реформъ невозможно путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь; предполагая даже полную готовность правительства произвести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. Посему дворянство не обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ

того пути, на который оно должно вступить для спасения себя и общества. Этот путь есть собрание выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій.“

Чтобы придать возможно болѣе широкую огласку своимъ постановленіямъ дворянство рѣшило разослать копіи съ нихъ всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства и, кромѣ того, обратиться съ просьбой къ губернатору о разрѣшеніи напечатать ихъ въ официальной части „Тверскихъ губернскихъ вѣдомостей“.

Одновременно съ этимъ протоколомъ былъ принятъ и опять такі громаднымъ большинствомъ 109 голосовъ противъ 19 проектъ всеподданнѣйшаго адреса на имя государя. Адресъ составленъ въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ, но по существу высказанныхъ въ немъ мнѣній мало чѣмъ отличается отъ протокола. Дворянство и тутъ указываетъ на необходимость обязательнаго выкупа земли крестьянами. „Мы просимъ привести немедленно въ исполненіе эту мѣру общими силами государства, не налагая всей ея тягости на однихъ крестьянъ, которые менѣе другихъ виновны въ существованіи крѣпостнаго права.“ Далѣе адресъ переходитъ къ дворянскимъ привилегіямъ:

„Дворяне въ силу сословныхъ преимуществъ избавлялись до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь! мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій. Неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копейки. Это могло бытъ терпимо только при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставить насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно бесполезныхъ своей родиной. Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ В. И. В-во разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей, соотвѣтственно состоянію каждаго.“

„Кромѣ имущественныхъ привилегій, мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ; въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія.“

Указавъ затѣмъ на отсутствіе взаимнаго пониманія и согласія между дворянствомъ и правительствомъ, адресъ дѣлаетъ, наконецъ, заключительные выводы:

„Этотъ всеобщій разладъ служить лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся говорить за весь народъ, несмотря на то, что стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности не только для удовлетворенія, но и для указанія народныхъ потребностей. Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными, потому что предпринимаются безъ спроса и безъ вѣдома народа.“

Созваніе выборныхъ отъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19-го февраля.“

Надо сказать, что Тверскіе либералы еще задолго до дворянскаго собранія открыто говорили про свои планы, и потому не только мѣстные власти, но и само министерство внутреннихъ дѣлъ заранѣе знало о томъ, что произойдетъ на собраніи. Бывшій въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, однако, не рѣшился запретить заранѣе собраніе, а прибѣгнулъ къ другому способу, довольно характерному для двучлной политики этого сановника. фамлія котораго была передѣлана современниками изъ Валуева въ Виляева. Именно, Валуевъ послалъ въ Тверь одного изъ служащихъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ, кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго, того самаго, который былъ впоследствии министромъ иностранныхъ дѣлъ. Лобановъ-Ростовскій, какъ Тверской дворянинъ, имѣлъ право участвовать въ собраніи Тверскаго дворянства и получилъ отъ министра порученіе организовать на собраніи оппозицію либеральному большинству и въ случаѣ надобности сорвать собраніе. Выборъ Валуева былъ очень удаченъ, такъ какъ Лобановъ-Ростовскій былъ, несомнѣнно, очень ловкій и умный человекъ и хорошій ораторъ, но настроеніе дворянства было настолько опредѣленно и устойчиво, что хитро-задуманный планъ кончился полной неудачей. Общій протоколъ и адресъ государю были приняты, какъ мы видѣли, громаднымъ большинствомъ, и Лобанову-Ростовскому удалось только внести маленькую редакціонную поправку въ адресъ. Именно въ адресѣ была фраза: „Вмѣсто дѣйствительнаго осуществленія обещанной Вами русскому народу воли Ваши министры изобрѣли временно-обязанное положеніе, невыносимое какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ“, — и Лобанову-Ростовскому удалось добиться, чтобы слова „Ваши министры“ были замѣнены словомъ „сановники“.

Такимъ образомъ правительство могло стать въ затруднительное положеніе. По своему обыкновенію, оно не могло бы отвѣтить ничѣмъ инымъ, кромѣ репрессій, но тутъ не было какихъ-нибудь отдѣльныхъ лицъ, къ которымъ можно было бы примѣнить репрессивныя мѣры. Дѣйствовало и составляло постановленія именно все дворянство, а не отдѣльные коноводы, и при томъ оно въ сущности не совершило никакого преступленія, предусмотрѣннаго нашими законами. Можно было бы, конечно, наложить руку на дворянское самоуправленіе, но дворянство этого не боялось, такъ какъ само раньше отказывалось отъ выборовъ въ видѣ протеста противъ правительственнаго произвола. Въ концѣ концовъ правительство все же нашло кого покарать.

На другой день послѣ закрытія собранія, а именно 5-го февраля 1862 г. 13 лицъ, служащихъ по мировымъ учрежденіямъ Тверской губерніи, составили слѣдующее заявленіе:

„12-го декабря 1861 года мировые посредники Тверской губерніи высказали правительству и обществу, что единственный исходъ изъ настоящаго положенія дѣлъ обязательный выкупъ и установленіе общественнаго порядка на взаимномъ довѣріи между правящими и управляемыми.“

„Не считая себя вправе принять эти убѣжденія за руководство своей дѣятельности, пока само общество не подтвердитъ, правильно ли они сознали его потребность, посредники продолжали употреблять всѣ усилія для приведенія въ дѣйствіе закона 19-го февраля.“

„Тверское дворянство на чрезвычайномъ собраніи 1, 2 и 3 февраля прошеніемъ государю императору заявило: 1. Несостоятельность закона 19-го февраля; 2. Необходимость предоставить крестьянамъ землю въ собственность; 3. Несостоятельность сословныхъ привилегій и 4. Несостоятельность правительства удовлетворить общественнымъ потребностямъ, и указало единственный неизбѣжный къ тому путь: собраніе представителей отъ всего народа безъ различія сословій.“

„Такое заявленіе со стороны общества, которое одно имѣетъ какую-нибудь возможность обсудить и высказать правительству свои потребности, подтверждающее вѣрность личныхъ убѣжденій, выносимыхъ посредниками изъ прямого сношенія съ другою средою — крестьянами — дѣлается для посредниковъ, какъ слугъ общества, нравственно обязательнымъ, и потому мы считаемъ долгомъ принять это убѣжденіе руководствомъ нашей дѣятельности и заявляемъ, что всякій образъ дѣйствій, противный этимъ убѣжденіямъ, признаемъ враждебнымъ обществу.“

Подписали это заявленіе слѣдующія лица: членъ (отъ правительства) губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Николай Бакунинъ, Новоторжскій предводитель дворянства Алексѣй Бакунинъ, Корчевскій предводитель дворянства Балкашинъ, мировые посредники Глазенацъ, Харламовъ, Невѣдомскій, Полторацкій, Лазаревъ, Лихачевъ, Демьяновъ, Кудрявцевъ, Кислинскій и кандидатъ въ мировые посредники Широковъ. Подлинное заявленіе было подано въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе съ просьбой препроводить его на разсмотрѣніе главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ, а копія разосланы во всѣ мировые сѣзды. Совершилъ это Алексѣй Бакунинъ, дѣйствовавшій въ данномъ случаѣ въ качествѣ бывшаго предсѣдателя губернскаго сѣзда мировыхъ посредниковъ. Кромѣ того, Николай Бакунинъ немедленно же подалъ прошеніе объ отставкѣ отъ должности члена губенскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Губернское присутствіе отнеслось къ заявленію очень мягко и ограничилось такимъ чисто формальнымъ постановленіемъ: „по 63, 65 и 71 ст. 1 т. и 375 ст. XV т. для всякаго состоящаго на службѣ и нравственно, и юридически обязательно руководиться въ служебной дѣятельности существующими законами, пока законы эти не отменены, и что враждебнъ обществу лишь тотъ порядокъ, который основанъ не на положительномъ законѣ, а на произволѣ, будетъ ли этотъ произволъ личный или извѣстной части общества; почему и положили: написать объ этомъ всѣмъ лицамъ, подписавшимъ заявленіе, кромѣ члена губернскаго присутствія Бакунина, уже оставившаго занимаемую имъ должность, и копію съ настоящей журнальной статьи представить министру внутреннихъ дѣлъ.“

При особомъ мнѣніи остался лишь губернскій прокуроръ Тимротъ: въ составленіи и подачѣ заявленія онъ усмотрѣлъ прямое нарушеніе служебныхъ обязанностей со стороны подписавшихъ его лицъ, и притомъ нарушеніе постолько важное, что сужденіе о немъ должно быть предоставлено правительствующему сенату. Когда же губернское присутствіе не согласилось съ мнѣніемъ прокурора, онъ разразился подробнымъ доносомъ министру юстиціи, причѣмъ для того, чтобы придать больше вѣса своему мнѣнію о напряженномъ положеніи дѣлъ въ губерніи, требующемъ

рѣшительныхъ мѣръ, сослался на дошедшіе до него слухи, будто всѣ мировые посредники намѣрены коллективно подать въ отставку.

Въ Петербургѣ на дѣло взглянули крайне серьезно и сочли нужнымъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Въ Тверскую губернію было послано довѣренное лицо государя, генералъ-адъютантъ Анненковъ, съ особыми полномочіями. Ему не только было поручено арестовать и препроводить въ Петербургъ подписавшихъ заявленіе лицъ и произвести дознаніе обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, но и было дано право удалять отъ должности и другихъ мировыхъ посредниковъ въ случаѣ надобности, замѣщать вышедшихъ въ отставку и т. п. Этими положеніями Анненковъ, впрочемъ, не воспользовался, а ограничился арестомъ обвиняемыхъ; кромѣ того, нѣкоторые мѣры были приняты по его предложенію мѣстной администраціей; во-первыхъ, были отмѣнены проектированный на 1-го марта губернский сѣздъ мировыхъ посредниковъ, а во-вторыхъ, было запрещено чтеніе данного заявленія на уѣздныхъ мировыхъ сѣздахъ.

Арестованные 13 человекъ были по доставленіи въ Петербургъ заключены въ Петропавловскую крѣпость и по Высочайшему повелѣнію преданы суду правительствующаго сената „за подписаніе составленнаго ими на сѣздѣ положенія, въ которомъ они заявили губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что впредь они намѣрены руководствоваться въ дѣйствіяхъ своихъ воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніемъ 19-го февраля 1861 года“.

Сперва сенатъ какъ будто хотѣлъ отнестись къ подсудимымъ очень мягко и находилъ даже возможность освободить на поруки двухъ изъ нихъ, Кислинскаго и Кудрявцева, ходатайствовавшихъ о томъ; при этомъ сенатъ находилъ 1. что подписанное обвиняемыми заявленіе есть не официальный служебный документъ, а частное заявленіе; 2. что въ выраженіяхъ „несостоятельность правительства“, „несостоятельность закона 19-го февраля“ не усматривается прямого намѣренія оскорбить правительство, такъ какъ эти выраженія представляютъ простое повтореніе словъ протокола губернскаго дворянскаго собранія, и наконецъ 3. что обвиняемые не имѣли въ виду руководствоваться въ своей служебной дѣятельности началами, противными дѣйствующимъ законамъ, и продолжали и послѣ составленія заявленія отправлять свои служебныя „обязанности, нисколько не уклоняясь отъ правилъ, указанныхъ 19-го февраля“.

Съ мнѣніемъ сената, однако, не согласился министръ юстиціи, — онъ опротестовалъ постановленіе 1-го отдѣленія 5-го департамента сената объ отдачѣ Кислинскаго и Кудрявцева на поруки и передать его на разсмотрѣніе общаго собранія 4-го, 5-го и межевого департаментовъ сената. Общее собраніе согласилось съ резолюціей 1-го отдѣленія 5-го департамента и тоже признало возможнымъ отдать Кислинскаго на поруки. Но освобожденіе это не состоялось, такъ какъ тѣмъ временемъ дѣло уже было рѣшено по существу, и суровость приговора позволяетъ думать, что на сенатъ было оказано нѣкоторое давленіе. Вотъ мотивировка приговора:

„Употребленіе кѣмъ бы то ни было неприличныхъ выраженій не даетъ никому другому права безнаказанно повторять ихъ; помѣщеніе такихъ выраженій для сокращенія также не можетъ быть допускаемо и, наконецъ, какъ самый законъ, такъ и положеніе правительства не могутъ быть предметомъ письменныхъ и оглашаемыхъ сужденій частныхъ лицъ; а посему, какой бы смыслъ подсудимые ни старались въ объясненіяхъ своихъ придать вышеозначеннымъ заявленіямъ, выраженія эти остаются сами по себѣ неприличными, а ихъ сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства воспринятыми и, предусмотрѣнными 319 ст. Ул. о Нак. — Обращаясь за симъ къ представленію заявленія подсудимыхъ въ губернское присутствіе и къ разсылкѣ копій съ онаго въ мировые сѣзды Тверской губерніи, правительствующій сенатъ находить, что заявленіе ни новаго вопроса, ни новой стороны прежнихъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу не представляетъ; слѣдовательно, по одному этому уже, оглашеніе его посредствомъ разсылки въ мировые сѣзды не основывалось даже на самомъ положеніи губернскаго мирового сѣзда 12-го декабря 1861 г., на который ссылаются подсудимые; ибо на основаніи онаго только новые вопросы Новоторжскій предводитель дворянства Бакунинъ обязанъ былъ сообщать въ мировые сѣзды для предварительнаго обсужденія. — Посему разсылка заявленія 13 лицъ, за которое они преданы суду есть не что иное, какъ распространеніе сужденій, признанныхъ уже правительствующимъ сенатомъ недозволенными.“

„Такимъ образомъ 13 лицъ, принадлежащихъ къ составу мировыхъ учреждений Тверской губерніи, (слѣдуютъ имена) оказываются виновными въ составленіи и

распространеніи сочиненія, заключающаго въ себѣ недозволенныя сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства.“

Въ виду этого подсудимые были приговорены къ лишенію особыхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ смирительномъ домѣ: Алексѣй Бакунинъ на 2 года 4 мѣсяца, Кислинскій на 2 года, остальные на 2 года 2 мѣсяца. Алексѣю Бакунину наказаніе было увеличено за то, что онъ разсылалъ заявленіе, хотя и по просьбѣ другихъ обвиняемыхъ, а Кислинскому смягчено за то, что онъ не присутствовалъ при самомъ составленіи заявленія, а лишь впоследствии подписалъ его.

Въ смирительномъ домѣ осужденные, однако, не сидѣли, такъ какъ ходатайство тогдашняго петербургскаго генералъ-губернатора князя Суворова избавило ихъ отъ этого, но лишенными правъ они такъ и остались и, только благодаря особымъ ходатайствамъ, нѣкоторымъ изъ нихъ эти права были возвращены впоследствии.¹ Въ предварительномъ заключеніи они пробыли около 5 мѣсяцевъ.

¹ Насколько намъ извѣстно, Николай и Алексѣй Александровичи Бакунины, уже скончавшіеся, такъ и умерли лишенными правъ общественной дѣятельности. Прим. ред.

* *
*

„Общее дѣло.“

Исторія и характеристика изданія.

(Письмо къ редактору „Освобожденія“.)

Приступая къ редактированію русскаго свободнаго органа за границею Россіи, Вы желали познакомиться поближе съ исторіей русской заграничной журналистики вообще, и въ этихъ видахъ предложили мнѣ сообщить Вамъ *curriculum vitae* „Общаго Дѣла“, какъ одного изъ ея прежнихъ представителей. Охотно исполняю Ваше, столь симпатичное для меня, желаніе. Но прежде, чѣмъ я передамъ Вамъ то, что можетъ имѣть нѣкоторый интересъ изъ всего извѣстнаго мнѣ, какъ одному изъ основателей и постоянныхъ сотрудниковъ этого изданія за все время его существованія, (1877—1890 г.), я полагаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о русской вольной прессѣ вообще и ея положеніи въ моментъ появленія „Общаго Дѣла“.

Наша заграничная журналистика — считая ея начало съ появленія знаменитаго „Колокола“ Герцена и Огарева — теперь имѣетъ болѣе чѣмъ сорокалѣтнюю исторію, являющуюся въ лицѣ нѣсколькихъ десятковъ органовъ, которые, при всемъ единствѣ своей основной цѣли, отличаются другъ отъ друга различными оттѣнками своего направленія, смотря по тому или другому характеру ихъ идеаловъ, пониманію требованій современной имъ русской дѣйствительности и общему взгляду на свойства и возможности русской жизни вообще. Общая цѣль русской вольной прессы и прежде, какъ и теперь, состояла, конечно, въ освобожденіи Россіи отъ угнетающаго ея жизни и развитіе самодержавія; что-же касается до различій въ ихъ направленіи, то можно сказать, что всѣ они обуславливались тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ въ разныя времена находилась къ общему для этихъ органовъ стремленію къ политической свободѣ другое стремленіе къ преобразованію русской жизни на началахъ социализма. Я говорю такъ потому, что за исключеніемъ „Правды о Россіи“ кн. Долгорукаго, „Стрѣлы“ Головина, да, быть можетъ, еще мало извѣстнаго періодическаго изданія Блюммера и болѣе извѣстнаго „Вольнаго Слова“ Мальчинскаго сначала, Драгоманова потомъ, — всѣ органы русской вольной прессы заключали въ себѣ въ томъ или другомъ видѣ социалистическіе идеалы и стремленія. Они даютъ уже себя чувствовать въ „Колоколѣ“ Герцена и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе опредѣляются, крѣпнута, усваивая себѣ разнообразныя формы западноевропейскихъ доктринъ и разрабатывая благопріятныя для социализма стихійныя теченія русскаго историческаго быта. Но оба эти элемента — политической

свободы и социалистическаго идеала, — не всегда, однако, находились въ полной гармоніи другъ съ другомъ. Между ними происходили, такъ сказать, недоразумѣнія, кажется, и въ настоящее время еще не совсѣмъ прекратившіяся. Смотря по вѣяніямъ времени и обстоятельствамъ политической борьбы въ нашемъ отечествѣ, одинъ изъ сказанныхъ элементовъ, а именно социалистическій, порою выдвигался впередъ до такой степени, что совсѣмъ почти заслонялъ собою своего товарища и даже становился къ нему въ отношенія чуть ли не враждебныя. Тогда происходило нѣчто въ родѣ временнаго затмѣнія политическаго идеала. Какъ ни странно это обстоятельство, но оно, какъ извѣстно, имѣетъ свое объясненіе не только въ разныхъ впечатлѣніяхъ и перипетіяхъ освободительной борьбы въ Россіи, гдѣ вслѣдствіе особенныхъ условій русской жизни возможны и даже неизбежны всякія аномаліи, но и въ традиціяхъ политико-соціальныхъ движеній въ государствахъ западной Европы и особенно во Франціи. Вслѣдствіе того, что тамъ политическая свобода была завоевана подъ предводительствомъ буржуазіи, которая, получивъ ее, начала подавлять народныя движенія, направленные къ осуществленію социалистическаго идеала, между социалистами стали возникать ученія, приглашавшія ихъ отбросить попеченія о политической свободѣ, какъ о дѣлѣ исключительно буржуазномъ, и сосредоточить всѣ усилія и помыслы на экономическомъ освобожденіи народа изъ подъ власти давящаго его капитала. Психологическій мотивъ этого явленія понятенъ: между социалистами, вступившими въ борьбу съ буржуазіей, естественно развилось стремленіе пренебрегать тѣмъ, чѣмъ дорожила буржуазія и ради чего она сама боролась и вела на борьбу народъ. Такія стремленія обыкновенно обнаруживались съ особенной рѣзкостью въ Западной Европѣ на другой день послѣ испытанныхъ народомъ поражений и разочарованийъ въ его борьбѣ за лучшую долю. У насъ они были тоже слѣдствіемъ неудачи всего нашего освободительнаго движенія 60-хъ гг. и начала 70-хъ, не встрѣтившаго поддержки со стороны русской либеральной интеллигенціи, которая и стала поэтому предметомъ презрѣнія нашихъ революціонеровъ подъ укорительнымъ именемъ буржуазіи. Не добившись отъ правительства не только политической свободы, но и самаго элементарнаго огражденія личности человѣка отъ произвола администраціи, наши революціонеры въ своемъ отчаяніи на содѣйствіе либеральныхъ классовъ русскаго общества отвернулись отъ нихъ съ негодованіемъ и поставили цѣлью своей дѣятельности призваніе народа къ борьбѣ уже не столько съ его политическими угнетателями, сколько съ его угнетателями экономическими: купцами, банкирами, помѣщиками, заводчиками и всѣмъ вообще русскимъ кулачествомъ. Съ этой цѣлью происходило у насъ „хождение въ народъ“, совершалось „опрошеніе“ и приносились всякія жертвы для озаренія идеалами социализма нашего тогда еще почивавшаго въ глубокой темнотѣ сознанія рабочаго народа. Такъ дѣло шло нѣкоторое время. И въ этомъ направленіи оно доходило до такой исключительности, что одинъ изъ самыхъ энергичныхъ тогдашнихъ революціонеровъ однажды обратился къ правительству съ заявленіемъ, смыслъ котораго можетъ быть выраженъ

въ слѣдующихъ словахъ: оставьте насъ въ покоѣ, — мы боремся не съ вами, а съ капиталистами. Но правительство не оставило ихъ въ покоѣ. Напротивъ, въ это самое время оно стало преслѣдовать нашихъ социалистовъ съ тою безграничною жестокостію, которая, наконецъ, вызвала съ ихъ стороны отчаянный отпоръ въ видѣ революціоннаго террора. Приблизительно въ такую то пору, а именно въ 1875 г., когда революціоннаго терроризма еще не было, но дѣло къ нему уже близилось, а бѣлый правительственный терроръ шелъ полнымъ ходомъ, разрушая по пути всѣ наши либеральныя пріобрѣтенія эпохи „великихъ реформъ“, и возникла мысль объ изданіи въ Женевѣ „Общаго Дѣла“. Тогда всѣ органы русской вольной прессы находились еще подъ обаяніемъ вышесказаннаго исключительнаго социализма: одинъ, какъ, напр., „Работникъ“, призывалъ народъ къ бунтамъ противъ его непосредственныхъ угнетателей; другой — „Черный передѣлъ“ — искалъ опоры для своихъ социалистическихъ стремленій въ народныхъ воззрѣніяхъ на земельныя отношенія, а третій, органъ — долѣе прочихъ просуществовавшій подъ редакціей П. Л. Лаврова — „Впередъ“ — былъ занятъ разъясненіемъ и пропагандой научнаго социализма среди русской социалистической интеллигенціи — и всѣ они, каждый разрабатывая свои специфическія задачи, относились съ одинаковымъ пренебреженіемъ къ вопросамъ политической свободы, относя ихъ къ вѣдѣнію враждебной имъ буржуазіи. Я уже сказалъ, что въ виду испытанныхъ нашими социалистами разочарованій въ ихъ надеждахъ на энергію либераловъ такая исключительность была понятна и, можетъ быть, даже неизбежна. Но надо замѣтить, что она обыкновенно не доходила и не доходитъ до такой крайности въ самой Россіи, гдѣ отсутствіе конституціонныхъ огражденій личной свободы слишкомъ сильно давало и даетъ себя чувствовать русскому человѣку, какъ за границей, гдѣ для него есть больше возможности вдаваться въ крайности теоретическихъ воззрѣній вдали отъ впечатлѣній дѣйствительной жизни. Поэтому многимъ русскимъ людямъ, пріѣхавшимъ изъ своего отечества въ Западную Европу, такая исключительность тамошней вольной русской прессы бросается въ глаза, какъ важный пробѣлъ, который слѣдовало бы заполнить. Въ положеніи такихъ многихъ или немногихъ пришлось очутиться и мнѣ.

Пріѣхавъ въ 1875 г. за границу, я, съ неостывшими еще впечатлѣніями отъ вопіющихъ безобразій, совершаемыхъ въ моемъ отечествѣ нашими большими и малыми властителями, тотчасъ-же набросился на русскую вольную прессу и былъ пораженъ незначительной долей вниманія, которое она удѣляла этимъ безобразіямъ. Затѣмъ, встрѣтившись въ Женевѣ съ двумя политическими эмигрантами, моими старыми товарищами по Казанскому университету, я подѣлился съ ними своими впечатлѣніями, высказавъ сожалѣніе объ отсутствіи въ русской вольной прессѣ періодическаго изданія, которое было бы органомъ всего русскаго общества, враждебнаго деспотизму, имѣя предметомъ своей пропаганды то, въ чемъ согласны всѣ его партіи, и ближайшею цѣлью — ограниченіе самодержавія національнымъ представительствомъ. Оба они оказались одинаковаго со мною мнѣнія, а одинъ изъ нихъ, М. К. Эпидинъ, нынѣ извѣстный издатель русскихъ

книгъ въ Женевѣ, человѣкъ замѣчательной энергіи, тотчасъ-же предложилъ издавать газету въ желательномъ для насъ направленіи, взявъ на себя заботы прискать для этого сотрудниковъ и матеріальныя средства. Я съ удовольствіемъ согласился послужить этому дѣлу перомъ, въ надеждѣ, что мой примѣръ вызоветъ подражаніе со стороны болѣе сильныхъ. Но добыть сотрудниковъ было не легко. Всѣ владѣющіе перомъ русскіе эмигранты были заняты по своимъ собственнымъ органамъ, а изъ еще незанятыхъ по близости оказался только одинъ человѣкъ съ выдающимся литературнымъ дарованіемъ — извѣстный въ Россіи бывший сотрудникъ „Русскаго Слова“, П. Н. Ткачевъ. Онъ тогда жилъ въ Женевѣ, и къ нему-то и обратился М. К. Эллидинъ съ предложеніемъ сотрудничества. Ткачевъ не отказывался, но и не спѣшилъ своимъ согласіемъ. Политическая сторона направленія предложеннаго органа его привлекала, но общественный характеръ этого направленія и особенно его положительное отношеніе къ вопросу о конституціи не совпадало съ его идеями и настроеніемъ. По возрѣніямъ своимъ онъ былъ тѣмъ, что называлось тогда — бланкистомъ, т. е. человѣкомъ заговоромъ; считалъ возможнымъ скорый захватъ власти революціонерами и видѣлъ большую опасность для русскаго социализма въ томъ случаѣ, если правительство предупредитъ этотъ захватъ дарованіемъ Россіи конституціи, которая передвинетъ русское движеніе съ пути социалистической демократіи на путь буржуазный, гдѣ оно на долгое время и застрянетъ. Тѣмъ не менѣе онъ, можетъ быть, согласился бы на условное сотрудничество въ одномъ изъ отдѣловъ проектируемаго изданія, если бы вскорѣ не явилась у него возможность основать собственный органъ — „Набатъ“, которому онъ и посвятилъ безраздѣльно свою дѣятельность. Вскорѣ послѣ появленія „Набата“, появился въ маѣ 1877 г. и первый № нашего изданія, названнаго по моему предложенію „Общимъ Дѣломъ“, при чемъ всѣ статьи для этого номера, за исключеніемъ одной, доставленной специалистомъ по политической экономіи и финансамъ — Н., а именно, — „Свобода, какъ двигатель общественнаго развитія“ — пришлось написать мнѣ. Вскорѣ, однако, мое публицистическое одиночество прекратилось. На призывъ „Общаго Дѣла“ къ сотрудничеству первый откликнулся изъ Ниццы небезызвѣстный публицистъ П. Θ. Алисовъ, приславшій сочувственное письмо въ редакцію, которымъ онъ и началъ свое, впрочемъ, сравнительно очень рѣдкое, сотрудничество въ этомъ изданіи. Затѣмъ съ 3-го № началось очень дѣятельное сотрудничество извѣстнаго русскаго литератора В. А. Зайцева; съ 4-го № „Общее Дѣло“ приобрѣло новаго сотрудника, который подъ псевдонимомъ Изгоева, кромѣ многихъ мелкихъ статей, помѣстилъ тамъ подъ общимъ заглавіемъ: „Возможно-ли возрожденіе Россіи мирнымъ путемъ“ рядъ исследований, составлявшихъ плодъ его усердныхъ размышленій надъ требованіями русской жизни и долгой практической опытности, приобретенной имъ на разныхъ видныхъ постахъ государственной службы. Наконецъ въ сентябрѣ 1878 г. появилась въ „Общемъ Дѣлѣ“ статья — „Источники деспотизма“, принадлежавшая перу д-ра Н. А. Бѣлоголоваго, явившагося наиболѣе дѣятельнымъ и постояннымъ участникомъ „Общаго Дѣла“ во все время существованія этого

изданія, которое его всесторонней поддержкѣ и обязано главнымъ образомъ своею сравнительно долгою жизнью.

Не говорю о прочихъ случайныхъ участникахъ, время отъ времени находившихъ мѣсто для своихъ статей и корреспонденцій въ „О. Д.“, — ихъ было немного, — большая часть принадлежала къ невольной или вольной эмиграціи, и между ними встрѣчаются имена лицъ самыхъ разнообразныхъ положеній и оттѣнковъ самыхъ различныхъ враждебнаго русскому деспотизму направленія — отъ крайнофила, проф. Драгоманова, ученаго географа М. И. Венюкова, извѣстнаго сибирскаго патріота и публициста Ядринцева до „отщепенца“ Соколова (бывшаго сотрудника „Русскаго Слова“) и революціонера-народовольца Морозова. Освобожденіе родины отъ варварства самодержавнаго режима было общей нитью, связывавшей людей этихъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и настроеній, и статьи ихъ естественно находили себѣ мѣсто въ „Общемъ Дѣлѣ“, какъ скоро онѣ отвѣчали главной цѣли этого органа — служить тому, что должно быть общей задачей всѣхъ русскихъ, жаждущихъ освобожденія. Главныхъ же, постоянныхъ участниковъ „Общаго Дѣла“ было всего четверо: В. А. Зайцевъ, Н. А. Бѣлоголовой, вышеупомянутый экономистъ Н. и нижеподписавшійся. Изъ этихъ четырехъ считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о первыхъ двухъ, какъ о лицахъ, наиболѣе выдающихся и могущихъ интересовать читателя не однимъ только своимъ участіемъ въ „Общемъ Дѣлѣ“.

Съ именемъ В. А. Зайцева связано воспоминаніе о порѣ русской журналистики 60-хъ годовъ, когда въ ней возникли тѣ ультра-реалистическія воззрѣнія, которыя потомъ стали извѣстны подъ именемъ нигилизма, и главнымъ органомъ которыхъ было „Русское Слово“ Благосвѣтлова, а наиболѣе яркими представителями: Писаревъ, Зайцевъ и Соколовъ. Большая способности и знанія въ соединеніи съ талантомъ и неутомимымъ трудолюбіемъ общали Зайцеву крупное мѣсто въ передовыхъ рядахъ русской литературы, но извѣстно, что его легальная литературная дѣятельность должна была прекратиться въ самую раннюю пору его юности четырехмѣсячнымъ заключеніемъ въ Петропавловской крѣпости за — какъ это ни странно сказать — „нравственное участіе“ въ покушеніи Каракозова. Освободившись изъ нашей бастиліи и вскорѣ убѣдившись, что тяготѣвшее на немъ подозрѣніе „въ нравственномъ участіи“ создало ему въ Россіи положеніе, почти невозможное для какой бы то ни было дѣятельности, Зайцевъ съ большимъ трудомъ добылъ себѣ разрѣшеніе отправиться за границу, куда онъ въ мартѣ 1869 года и уѣхалъ искать дѣятельности и лѣчить жестокіе ревматизмы, приобретенные имъ въ крѣпости. За границей онъ примкнулъ къ тамошнему социально-революціонному движенію, сталъ однимъ изъ выдающихся членовъ знаменитаго женевского Интернаціонала, гдѣ тогда кипѣла борьба между марксистами и бакунистами; основалъ въ Туринѣ, при содѣйствіи нѣсколькихъ итальянскихъ журналистовъ, первую итальянскую секцію Интернаціонала, по примѣру которой стали возникать такія же секціи и въ другихъ городахъ Италіи; проживая въ Локарно вмѣстѣ съ Бакунинымъ, помогалъ этому знаменитому агитатору въ его русской и итальянской работѣ и сталъ

однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ противниковъ тогдашняго марксизма на собраніяхъ интернаціональнаго общества. Послѣ крушенія Интернаціонала, случившагося вслѣдъ за извѣстными событіями 1870 г., въ соціальныхъ движеніяхъ Европы наступилъ періодъ затишья, въ продолженіе котораго Зайцевъ жилъ, по большей части, на югѣ Франціи со своею семьею и въ кругу близкихъ людей, съ большимъ трудомъ приобрѣтая средства существованія для себя и своей семьи уроками, корреспонденціями и продолжая въ то же время свои занятія наукой и литературой. Въ дѣятельности русской эмиграціи онъ не принималъ участія, потому что, признавая воіующую необходимость для Россіи приобрѣтенія политическихъ правъ и всею душою сочувствуя энергической борьбѣ революціонеровъ за эти права, онъ не могъ симпатизировать ихъ исключительно экономическому направленію. Когда было основано „Общєе Дѣло“, издатель газеты М. К. Элпидинъ обратился къ Зайцеву съ предложеніемъ сотрудничества и получилъ его согласіе. Рядъ статей Зайцева въ „Общємъ Дѣлѣ“ по своему блестящему остроумію, сжатому языку, которымъ онъ владѣлъ мастерски, свидѣтельствуютъ о существованіи у него замѣчательнаго публицистическаго дарованія. Болѣе половины изъ всего напечатаннаго имъ въ „Общємъ Дѣлѣ“ — памфлеты, пародіи, сатиры, иногда въ беллетристической формѣ, всегда ѣдко и художественно осмѣивающія дѣянія и обычаи русскаго деспотизма. Таковы его „Привидѣнія въ Петропавловскомъ Соборѣ“ (№ 5 „Общаго Дѣла“), „Холопскія рѣчи“ (№ 6), „Страшный сонъ“ (№ 7), „Нѣтъ тебѣ ни дна, ни покрывки“ (№ 10), „Опытъ словаря россійскихъ современниковъ“ (№№ 12 и 13), „Образцы казеннаго краснорѣчія“ (№ 14), „Россія подъ игомъ сумасшедшихъ“ (№ 16), „Что-же дальше?“ (№ 20), „Новый еkkлєзіастъ“ (№ 23), „Самодержавные афоризмы“ (№ 26), „Вотъ тебѣ, дѣдушка, и Юрьевъ день“ (№ 29) и т. д. и т. д. Всѣ эти вещицы писались имъ быстро, по вдохновенію, иногда, такъ сказать, вылетали изъ него залпомъ, какъ ракета. Особенной силой и полнотой, несмотря на малый объемъ, отличается его статья: „Нашъ и ихъ патріотизмъ“, которую онъ самъ считалъ за лучшее изъ всего когда-либо имъ написаннаго. Зайцевъ не былъ оптимистомъ по отношенію къ Россіи: революціонный радикализмъ его не находилъ въ ней пищи, апатія русскаго народа и общества кошмаромъ давила его, и въ своихъ сужденіяхъ объ историческихъ судьбахъ своей далекой родины онъ часто колебался между надеждой и отчаяніемъ. Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ разсѣялъ въ немъ эти налеты пессимизма, онъ прозвучалъ ему увѣреніемъ, что современная русская жизнь способна рождать героевъ, вызвалъ въ немъ восторженный откликъ, и надежда побѣдила въ немъ отчаяніе. Таковы бывають послѣдствія иныхъ выстрѣловъ.

Зайцевъ очень дорожилъ своимъ участіемъ въ „Общємъ Дѣлѣ“, посылалъ по нѣскольку статей въ каждый №, и его сотрудничество въ немъ прекратилось только съ его смертію, внезапно настигшей его 20-го января 1882 г. въ Кларанѣ. Желавшіе познакомиться поближе съ его біографіей могутъ найти болѣе подробный очеркъ ея въ посвященномъ ему въ № 47 „Общаго Дѣла“ некрологѣ,

который составленъ по свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ его друзьями, и изъ котораго заимствованы и вышеприведенныя замѣтки о немъ. Въ Россіи его знаютъ только по первымъ самымъ юнымъ шагамъ его литературной дѣятельности, память о немъ, по большей части, даже ограничивается воспоминаніями о нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ парадоксахъ и о рѣзкостяхъ его полемическихъ отвѣдовъ своимъ литературнымъ противникамъ. Въ мѣру своего дѣйствительнаго роста, какъ дѣятель литературы, Зайцевъ еще неизвѣстенъ огромному большинству публики и не оцѣненъ имъ.

Н. А. Бѣлоголовой — личность слишкомъ извѣстная, чтобы нужно было много говорить о немъ. Его имя, какъ врача и чело-вѣка, стоитъ на одинаковой высотѣ, пользуясь всеобщимъ почетомъ. Но та сторона его личности и дѣятельности, о которой мы поведемъ рѣчь здѣсь, во всей своей полнотѣ извѣстна развѣ очень немногимъ. Онъ не былъ революціонеромъ, потому что при тогдашнихъ условіяхъ не допускалъ возможности народной революціи въ Россіи: не вѣрилъ онъ и въ успѣхъ пропаганды идеаловъ социализма въ темныхъ массахъ простого народа, хотя и не отрицалъ моральнаго значенія этихъ идеаловъ и ихъ властной роли въ будущемъ. Современное ему состояніе русскаго образованнаго общества онъ считалъ до такой степени непригляднымъ, что великіе идеалы и чаянія казались ему жестокой ироніей надъ гражданскимъ слабосиліемъ нашей общественности, чѣмъ-то въ родѣ „плѣнной мысли раздраженія“, по извѣстнымъ словамъ поэта. Свои взгляды на все это Н. А. Бѣлоголовой изложилъ въ статьѣ: „Источники деспотизма“, напечатанной въ № 15 „Общаго Дѣла“, и такъ какъ онъ самъ указывалъ на нее, какъ на наиболѣе полное выраженіе своей profession de foi, то мы и приведемъ изъ нея нѣсколько выдержекъ, характеризующихъ сущность его политико-соціальныхъ воззрѣній на положеніе и потребности русской жизни.

„Глядя на творящаяся кругомъ безобразія,“ говоритъ онъ тамъ, „на безнаказанность самаго возмутительнаго произвола правительства, приходишь все болѣе и болѣе къ убѣжденію, что вина въ этомъ постольку же правительству, поскольку самого общества, тупая воспримчивость, ничтожество и невѣжество послѣдняго...“ „... Единственная активная оппозиція безобразіямъ правительства проявляется у насъ только со стороны студентовъ и то въ первыхъ двухъ курсахъ... въ которыхъ больше говорить страстность чувствъ, нервозность возраста, а никакъ не сила убѣжденія, не опытъ, не знаніе...“ Люди же зрѣлаго возраста у насъ „или уже безповоротно заняты личными интересами, или фрондируютъ, показываютъ кукишъ въ карманѣ правительству, а, главное, занимаются личными пересудами, сплетнями...“ То-же и въ прессѣ, гдѣ даже между органами, „по-видимому, либеральнаго направленія стоитъ такая руготня, какой на западѣ не найдешь между органами самыхъ противоположныхъ партій: они прежде всего подкапываются другъ подъ друга, а оппозиція правительству стоитъ у нихъ уже на второмъ планѣ и предлагается скорѣе въ формѣ либеральной пѣны, чѣмъ сколько-нибудь серьезной критики правительственныхъ мѣръ. И нѣтъ ни единого талантливаго публициста съ выдержкой убѣжденіями и солидными зна-

нїями, на которомъ могли бы соединиться симпатїи людей, стремящихся къ лучшему будущему...“ „... За что ни схватитесь, во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній и примѣненія ихъ къ общественной жизни, вы всюду сталкиваетесь съ поразительнымъ недостаткомъ дѣятелей, вооруженныхъ солиднымъ образованіемъ и твердыми нравственными принципами...“ „... Фраза, что у насъ нѣтъ людей, до того ходяча, что мы съ ней сталкиваемся постоянно, и она подтверждается и отсутствіемъ всякой инициативы и отсутствіемъ выдержки въ проведеніи какого-нибудь дѣла; сколько у насъ, на нашихъ глазахъ, начиналось разныхъ нововведеній, усовершенствованій, — и все это быстро исчезало, падало въ прахъ передъ общимъ невѣжествомъ и неприготовленностью. Сколько у насъ разныхъ обществъ ученыхъ, техническихъ, сельско-хозяйственныхъ и т. п., но что общаго онѣ имѣютъ съ русской общественной жизнью? Это какіе-то паразитные наросты, нѣчто въ родѣ купола въ стилѣ возрожденія надъ жалкой лачугой русскаго крестьянина.“ — О причинахъ такого печальнаго положенія русскаго общества авторъ „Источниковъ деспотизма“ говоритъ слѣдующее: „... Недостатокъ серьезнаго труда, серьезныхъ знаній — вотъ тотъ, по нашему мнѣнію, заколдованный кругъ, выйдя изъ котораго мы почувствуемъ въ себѣ силу, чтобы разнести въ щепки то ветхое зданіе абсолютизма и безправія, въ которомъ мы заточены теперь...“ „... Только истинное знаніе есть сила; поверхностное развитіе нашей интеллигенціи своей невыдержанностью въ борьбѣ съ правительствомъ и пассивностью въ улучшеніи русскихъ государственныхъ и общественныхъ формъ достаточно доказало свое безсиліе и несостоятельность, а потому... мы должны стремиться къ систематическому образованію и къ развитію привычки къ труду. Увеличится сумма знаній въ нашемъ обществѣ, поднимется уровень образованія... и только тогда романовская корона, которая въ настоящее время достойно увѣнчиваетъ наше безобразное общественное зданіе, будетъ немислима и падетъ силою вещей...“

Приводимъ въ заключеніе мнѣніе автора о социальномъ-демократическомъ доктринахъ: „... мы лично ихъ (т. е. эти доктрины) не только не отрицаемъ, но признаемъ за ними огромное значеніе въ дальнѣйшемъ развитіи человѣчества. Въ какой формѣ выразится ихъ вліяніе на будущее устройство формъ человѣческаго быта, въ данное время предугадать нельзя; одно можно сказать, что социальное движеніе до тѣхъ поръ не прочно, покуда оно представляется стихійнымъ, а не основаннымъ на солидной подготовкѣ къ нему массъ.... мы не обвиняемъ нашу честную, благородную молодежь за ея хожденіе въ народъ, но отрицаемъ цѣлесообразность самого движенія; оно было вызвано частью подражаніемъ западу... частью сманило, какъ смѣлый, страстный протестъ, какъ живая дѣятельность среди отчаянной пустоты и мертвенности окружающей жизни...“ „... Предположимъ самое выгодное: полнѣйшій успѣхъ пропаганды; предположимъ, что самая масса народа взволновалась, прорвала всѣ въ сущности некрѣпкія правительственныя плотины и, какъ стихія, разнесла и разрушила весь старый строй и всѣ сословія, извѣстныя подъ именемъ эксплуатирующихся; за періодомъ этого стихійнаго разрушенія долженъ наступить періодъ созиданія, — но какими руками, какими

умственными силами? Намъ отвѣчаютъ: здравый смыслъ русскаго народа создать это образцовое государство. Здравый смыслъ безъ образованія, безъ историческаго опыта въ наше время не можетъ быть порукой организаторской дѣятельности... мы готовы скорѣе признать большую вѣроятность за слѣдующей картиной будущаго Россіи въ случаѣ успѣха народной революціи: погуляетъ на свободѣ народъ православный, сокрушитъ все, что не принадлежитъ къ нему, уничтожитъ всѣ недоступныя его пониманію орудія цивилизаціи и прогресса, словомъ, приведетъ страну къ давнему патріархальному и докультурному состоянію и затѣмъ, увидавъ невозможность придти къ какому-нибудь порядку, отправится опять въ костромскія дебри отыскивать, не осталось ли тамъ еще какой-нибудь вѣтви Романовскаго дома, уцѣлѣвшей отъ погрома, или-же призоветъ со стороны новыхъ варяго-русовъ княжити и владѣти Русью.“

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что Н. А. Бѣлоголовый принадлежалъ къ нашимъ западникамъ, видящимъ главное условіе русскаго прогресса въ прочномъ усвоеніи европейской культуры. Самъ онъ называлъ себя либераломъ, а, вслѣдствіе его мнѣнія о несвоевременности призывовъ народа къ социальнo-революціонному движенію, онъ можетъ быть зачисленъ и въ станъ оппортунистовъ. Либерализмъ и оппортунизмъ сами по себѣ слова прекрасныя; но прекрасный смыслъ этихъ словъ извращенъ поведеніемъ людей, написавшихъ ихъ на своихъ партійныхъ знаменахъ. Вслѣдствіе этого слово либераль, вмѣсто того, чтобы означать поборника свободы, стало синонимомъ политической трусливости; а слово оппортунистъ, указывающее на необходимость сообразоваться въ тактикѣ политико-соціальной борьбы съ условіями своевременнаго и возможнаго, теперь, по большей части обозначаетъ людей, считающихъ невозможнымъ или несвоевременнымъ всякое проявленіе гражданскаго мужества. Такое загрязненіе хорошихъ словъ дѣло очень обычное въ политикѣ. Но если былъ у насъ человѣкъ, къ которому можно примѣнить эти слова въ ихъ истинномъ и почетномъ значеніи, который не унижалъ, а возвышалъ принадлежащій имъ смыслъ, то такимъ человѣкомъ былъ именно Н. А. Бѣлоголовый. Такъ, считая преждевременнымъ призывъ народа къ возстанію противъ самодержавія, онъ не уклонялся отъ борьбы съ самодержавіемъ, но съ тѣмъ большимъ рвеніемъ призывалъ общество къ протестамъ противъ его беззаконія; а, раздѣляя идеи либераловъ, онъ въ служеніи этимъ идеямъ проявлялъ неуклонную послѣдовательность и мужество, которыя могли-бы служить примѣромъ и для радикаловъ. Будучи человѣкомъ натуры цѣльной, чуждымъ малодушнымъ компромиссовъ, руководствовавшимся во всѣхъ проявленіяхъ своей личной и общественной жизни велѣніями долга, онъ требовалъ того-же и отъ практической дѣятельности русскаго либерализма. Въ этомъ отношеніи онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова рыцаремъ безъ страха и упрека, между тѣмъ какъ большинство нашихъ либераловъ подлежитъ особенно упреку въ страхѣ, благодаря которому они, ограничивая свою дѣятельность узкими рамками дозволеннаго властью и, повидимому, страдая отъ этого, не рѣшаются однако переступить предѣла легальности, даже когда это возможно сдѣлать при очень маломъ рискѣ

или даже без всякаго риска, такъ что иной разъ невольно навязывается Вопросъ, не свыклись-ли уже они съ своей тѣсной и душной тюрьмой настолько, что перестали испытывать живую потребность въ просторѣ и воздухѣ. Этотъ благоговѣйный страхъ ко всему нелегальному былъ чуждъ Бѣлоголовому; онъ смѣло шелъ навстрѣчу каждому полезному въ общественномъ или политическомъ отношеніи предпріятію, не справляясь о томъ, какъ смотреть на него власть имѣющіе. Поэтому, познакомившись съ программой „Общаго Дѣла“ и найдя идею этого изданія согласной съ своими воззрѣніями, онъ тотчасъ-же заявилъ желаніе оказать ему свое содѣйствіе и съ тѣхъ поръ не переставалъ снабжать его своими статьями, помогая ему въ то же время и матеріальными средствами. Въ каждый свой пріѣздъ за границу, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ лѣто, онъ становился дѣятельнымъ сотрудникомъ „Общаго Дѣла“, а когда разстроенное здоровье заставило его жить за границей постоянно — сначала въ Веве, потомъ въ Лозаннѣ — онъ съ свойственной ему аккуратностью давалъ статьи для каждаго № „Общаго Дѣла“. Кромѣ статьи: „Источники деспотизма“, корреспонденцій и разныхъ мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ „Общемъ Дѣлѣ“, онъ завелъ тамъ особый отдѣлъ хроники, въ которомъ внимательно слѣдилъ за событіями русской жизни по доходящимъ до него свѣдѣніямъ изъ Россіи и корреспонденціямъ иностранныхъ газетъ, неутомимо преслѣдуя свою задачу безпощаднаго обличенія темныхъ дѣлъ самодержавія и его пособниковъ во всѣхъ отрасляхъ русской жизни. Понятно, что, при его печальномъ взглядѣ на политическую зрѣлость русскаго общества, онъ не могъ ожидать многого отъ своей публицистической дѣятельности. Роль „Общаго Дѣла“ казалась ему очень скромной, какъ это можно видѣть по слѣдующей выдержкѣ изъ его хроники, напечатанной въ 97 № „Общаго Дѣла“, по истеченіи 10 лѣтъ существованія этого изданія:

„Въ маѣ 1877 г. вышелъ первый № „Общаго Дѣла“, такъ что газета вступаетъ въ 11-й годъ своего существованія. Для заграничнаго органа это срокъ длинный и почти небывалый, ибо до сихъ поръ только „Колоколъ“ Герцена выходилъ на русскомъ языкѣ 10 лѣтъ. Мы, конечно, не думаемъ приравнивать себя къ „Колоколу“ и приписывать себѣ хотя сотую долю того вліянія, какое онъ имѣлъ на своихъ современниковъ; для этого у насъ не хватало ни таланта нашего знаменитаго предшественника, ни его увлекательнаго краснорѣчія и остроумія, да къ тому же и время, въ которое намъ пришлось работать, было далеко для насъ не такъ благоприятно, какъ начало царствованія Александра II и 60-ые года, когда писалъ Герценъ. Если тогда была весна, пробужденіе Россіи отъ долгаго сна, то наше время, и особенно послѣдніе 6 лѣтъ, можно смѣло уподобить глухой осени, когда человѣкъ видитъ кругомъ себя лишь одни признаки увяданія да невылазную грязь и подъ гнетомъ сѣрой обстановки запирается въ четырехъ стѣнахъ своего дома и впадаетъ въ уныніе и хандру. Хорошо проповѣдывать — „не стреляйся юнкеръ Шмидтъ, лѣто возвратится“, но переживать такую эпоху убійственно тяжело, а не забиваться въ свой уголъ и выходить на борьбу съ мертвящими силами даже составляетъ нѣкотораго рода заслугу. Вотъ на признаніе за собой такой относительной за-

слуги, намъ кажется, „Общее дѣло“ и вправдѣ расчитывать, если не со стороны современниковъ, то со стороны ближайшихъ поколѣній, которыя найдутъ въ немъ довольно безпристрастную и настолько цѣльную картину нашей нѣмой эпохи, насколько позволяли это тѣсныя рамки изданія и рѣдкій выходъ его номеровъ; мы всегда старались передавать фактическія данныя съ наивозможною правдивостію, и если у насъ иногда проскользнули невѣрные сообщенія, то это происходило неумышленно и отъ понятнаго всякому неудобства для провѣрки разныхъ слуховъ, доходившихъ до насъ изъ далекой родины. Программа наша и на будущее время остается тою-же, какой мы держались первое десятилѣтіе, т. е. она заключается въ борьбѣ съ самодержавіемъ посредствомъ обнаруженія во всей наготѣ его отжившихъ формъ и порядковъ, и въ призывѣ къ содѣйствію намъ всѣхъ убѣжденныхъ, какъ мы, что безъ ограниченія самодержавія и безъ полученія русскими правъ личности, свободной отъ теперешняго произвола — у Россіи нѣтъ выхода къ образованію и прогрессу, что, покуда мы не добьемся этихъ правъ, наша родина будетъ все глубже и глубже падать нравственно и разлагаться экономически. Такое содѣйствіе было бы намъ чрезвычайно дорого, потому что служило бы явнымъ доказательствомъ выхода недовольныхъ и прогрессивныхъ элементовъ изъ той безгласной, бездѣятельной роли, въ какую они замкнулись въ послѣдніе годы, и за что несутъ и должны нести справедливое осужденіе“ (см. „Общее Дѣло“ № 97, май 1887 г., стр. 4).

Въ настоящее время, когда пора пробужденія народнаго сознанія, наконецъ, наступила, и клики „долгой самодержавіе!“ несутся на улицахъ и площадяхъ нашихъ городовъ изъ устъ русскаго рабочаго, взгляды Бѣлоголоваго на значеніе пропаганды нашихъ революціонеровъ можетъ вызвать упрекъ въ излишнемъ пессимизмѣ, а его требованія, обращенныя къ обществу, показаться слишкомъ неопредѣленными и скромными. Но тогда было другое время. Революціонная пропаганда шла еще ощупью, отыскивая себѣ пути къ народу, и положительные результаты, понемногу накопляемые ею, проходили незамѣченными, между тѣмъ какъ громадныя жертвы, которыя она приносила ради ихъ, были одни на виду у всѣхъ. Что же касается образованнаго общества, то слѣдуетъ сказать, что, если бы оно въ области даже самой скромной и наименѣе рискованной оппозиціи дѣйствіямъ правительства проявило ту стойкость и вѣрность своимъ убѣжденіямъ, которыя Н. А. Бѣлоголовый считалъ его долгомъ, то мы безъ большихъ усилій добились бы уже многого, о чемъ и теперь только мечтаемъ: былъ бы у насъ тогда и такой печатный органъ борьбы за свободу, который однимъ фактомъ своего существованія нанесъ-бы цензурѣ ударъ, гораздо болѣе чувствительный, чѣмъ всѣ упреки ей со стороны легальной прессы, — для этого только нужно было оказать ему дружную поддержку, что не требовало геройства; была бы у нашихъ университетовъ и академическая свобода, для чего слѣдовало бы только профессорамъ примкнуть къ забастовкѣ студентовъ, вмѣсто того, чтобы съ какимъ-то аристократическимъ легкомысліемъ стыдить ихъ ею, какъ сдѣлали это московскіе профессора въ своемъ извѣстномъ обращеніи къ учащейся молодежи, да и вся наша теку-

щая борьба за освобожденіе нашей родины не вынуждала-бы такихъ громадныхъ жертвъ. Но все это оказывается не по силамъ нашей либеральной интеллигенціи; революціонеры напрягаютъ всѣ свои силы, раздраженный рабочій рвется къ бою, забитый до полусмерти и до нитки обобранный мужикъ бросается съ отчаянія на своихъ ближайшихъ угнетателей, а она спитъ, неспособная ни къ какому коллективному протесту, спать, несмотря на всѣ ужасы, творимые вокругъ нея и въ ея собственной средѣ разнузданнымъ и озвѣрѣлымъ произволомъ царской опричины. Великолѣпный протестъ, обращенный ко всему цивилизованному міру группою лицъ, возмущенныхъ полицейскимъ разбоемъ на казанской площади, остается до сихъ поръ единичнымъ явленіемъ въ средѣ нашей либеральной интеллигенціи, и образъ Бѣлоголоваго смотреть на нее изъ гроба все съ тѣмъ же упрекомъ въ гражданскомъ малодушіи, съ какимъ онъ смотрѣлъ на нее много лѣтъ тому назадъ живой.

Я уже сказалъ, что „Общее Дѣло“ принимало статьи лицъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ направленія, когда онѣ отвѣчали его главной задачѣ; теперь, послѣ сдѣланныхъ характеристикъ Зайцева и Бѣлоголоваго, видно, что и между постоянными сотрудниками „Общаго Дѣла“ не было безусловнаго единства въ окраскѣ ихъ политико-соціальныхъ воззрѣній. Въ этомъ отношеніи „Общее Дѣло“ какъ бы напоминало парламентъ, гдѣ Зайцевъ представлялъ лѣвую сторону, Бѣлоголовый — правую, а мое мѣсто приходилось въ центрѣ. Единоличнаго редактора у „Общаго Дѣла“ не было — всѣ 4 постоянныхъ сотрудника вмѣстѣ съ издателемъ и были его редакторами, и такъ какъ они обыкновенно проживали въ удаленныхъ другъ отъ друга городахъ, то статьи ихъ отсылались къ издателю М. К. Элпидину, который, имѣя постоянное мѣстопробываніе въ Женевѣ, и составлялъ изъ нихъ № газеты, заполняя порою оставшіеся въ немъ пробѣлы своими собственными добавленіями. При этомъ было принято за правило, что статьи каждаго изъ четырехъ постоянныхъ сотрудниковъ должны быть помѣщаемы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ доставлены издателю, если онѣ не возбуждали возраженій со стороны прочихъ сотоварищей, и — въ видѣ письма въ редакцію — если такія возраженія оказывались. Это обезпечивало право каждаго на заявленіе своего мнѣнія, не позволяло перейти единству общаго всѣмъ направленія въ монотонность и порою вызывало полемику, которая, благодаря взаимному довѣрію пишущихъ и полному ихъ согласію относительно основной цѣли изданія, никогда не переходила границы дружественнаго обмѣна мнѣній, окончательный судъ надъ коими предоставлялся читателю.

„Общему Дѣлу“ приходилось отзываться на слѣдующія событія, происходившія въ Россіи во время его существованія: приготовленія къ русско-турецкой войнѣ и самая война; послѣдовавшее за нею усиленное развитіе революціонно-соціалистической пропаганды въ народѣ; вызванные этою пропагандою политическіе процессы и варварское обращеніе съ подсудимыми и осужденными; революціонный терроризмъ, явившійся слѣдствіемъ этого варварства и появленіе народовольческой партіи, сложившейся подъ вліяніемъ впечатлѣній и событій террористической борьбы съ правительствомъ; неудача

Лорисъ-Меликовской „диктатуры сердца“; реакціонный кошмаръ царствованія Александра III; его охраны, еврейскіе погромы и государственное угнетеніе евреевъ, студенческія волненія, первые шаги пропаганды графа Л. Н. Толстого и т. д. Ниже мы предлагаемъ краткій очеркъ мыслей, высказанныхъ по этимъ и смежнымъ съ ними предметамъ въ передовыхъ статьяхъ и монографіяхъ „Общаго Дѣла“, большая часть которыхъ принадлежитъ нижеподписавшемуся.

Русско-турецкая война за освобожденіе Болгаріи. Какъ приготовленіе къ ней, такъ и самая война вызвала въ русскомъ обществѣ большія волненія и разногласія. Значительная часть нашихъ либераловъ видѣла въ ней средство, которымъ правительство можетъ воспользоваться для отвлеченія вниманія публики отъ безобразій, творимыхъ имъ внутри Россіи; полагала, что при удачномъ исходѣ войны результатомъ ея будетъ не освобожденіе Болгаріи, а обращеніе ея въ русскую губернію, и заключала эти разсужденія общезвѣстнымъ афоризмомъ о томъ, что прежде, чѣмъ думать объ освобожденіи другихъ, слѣдуетъ подумать о своемъ собственномъ освобожденіи. Въ различныхъ своихъ статьяхъ, посвященныхъ Восточному вопросу и Болгаріи, „Общее Дѣло“ выступило противникомъ этихъ мнѣній. Оно говорило, что вступиться за болгарскій народъ, брошенный въ то время всей Европой на растерзаніе турецкимъ баши-бузукамъ, есть для Россіи долгъ гуманности и національной чести; что борьба за освобожденіе чужого народа, при настоящихъ условіяхъ русской жизни, не отвлечетъ русскихъ людей отъ дѣла собственнаго освобожденія, но дастъ имъ новый мотивъ и силы для этого дѣла, такъ что на укоръ: рабъ не можетъ быть освободителемъ, она отвѣтитъ требованіемъ: освободитель не можетъ быть рабомъ; что это война не правительственная, такъ какъ всѣ дипломатическія сношенія правительства, предшествовавшія объявленію войны, доказываютъ, что оно ея не желало, но война общественная, потому что оно было вынуждено къ ней общественнымъ мнѣніемъ, и война народная — не потому что таково было самостоятельно возникшее желаніе народа, — а потому что изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ на народъ вліяній за и противъ онъ отозвался сердцемъ на первое, наименѣе угодное власти; что обращеніе Болгаріи въ русскую губернію, при существующихъ международныхъ отношеніяхъ, дѣло невозможное, почему такъ или иначе, а Болгарія будетъ свободна, и что освобожденіе ея, кромѣ удовлетворенія чувства національнаго долга и прилива силъ для нашей освободительной борьбы, будетъ имѣть то важное послѣдствіе, что уничтожитъ послѣдній серьезный предлогъ для нашихъ безконечныхъ войнъ съ Турціей и создастъ близъ южныхъ границъ Россіи единственное изъ всѣхъ славянскихъ государствъ, гдѣ идеи русскаго прогресса и духъ русской литературы будутъ имѣть преобладающее вліяніе. Кажется, что событія не опровергли этихъ предвидѣній, и если я пользуюсь случаемъ напомнить о нихъ, то потому, что слишкомъ уже часто приходится огорчаться чтеніемъ въ нѣкоторыхъ нашихъ легальныхъ газетахъ разсужденій, одинаково обидныхъ для русскихъ и болгаръ, на тему о томъ, что эта почти единственная русская война съ общественнымъ и гуманнымъ характеромъ была напрасна потому именно, что она не дала Россіи никакихъ серьез-

ныхъ приобретений землями и деньгами, а неблагодарные болгары не согласились промѣнять турецкіе кандалы на русскіе.

Соціально-революціонная пропаганда. — Эта пропаганда, значительно усилившаяся послѣ войны, была длиннымъ и ужаснымъ мартирологомъ: пропагандистовъ хватали, подвергали жестокимъ казнямъ по суду и незнавшимъ уже никакого предѣла мучительствамъ до суда и безъ суда. Ихъ думали терроризировать этимъ, но вмѣсто того только разжигали ихъ рвеніе: передъ ними стояла великая задача пробужденія политико-соціального сознанія народа, выдвинутая на очередь исторіи русскаго прогресса, какъ необходимое условіе его дальнѣйшаго движенія, а противъ такихъ задачъ бессильны всѣ орудія тираніи. Пропагандисты безстрашно шли навстрѣчу мученіямъ и смерти, считая ихъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ своего служенія народу, и уже заранѣе готовились „испить горькую чашу“. Такимъ образомъ въ отпоръ освященію власти въ средѣ преслѣдуемыхъ ею создавалась религія страданій; противъ мучителей выступали мученики, удивлявшіе героизмомъ своего самоотверженія. Анализу такого душевнаго состоянія нашей воинствующей молодежи этого періода русскаго подвижничества за свободу народа посвящена въ № 9 „Общаго Дѣла“ статья „Мученики“, написанная по поводу вышедшаго въ то время подъ заглавіемъ „Изъ-за рѣшотки“ сборника стихотвореній русскихъ политическихъ заключенныхъ. Въ этой статьѣ въ заключеніе говорится: „Да, передъ нами выступаютъ образы мучениковъ, слагается религія страданій, и ее начинаютъ исповѣдывать люди въ томъ возрастѣ, когда жизнь всего болѣе улыбается человѣку, сердце всего болѣе чутко къ ея радостямъ, въ пору, которую всякій, пережившій ее, называетъ золотою порой жизни. Прискорбенъ этотъ фактъ, ... но какъ не образоваться религіи страданій въ странѣ, гдѣ залегла такая пропасть между требованіями ея образованныхъ представителей и низменнымъ строемъ дѣйствительности, которая одною ногой смѣло шагнула въ область послѣднихъ идеаловъ европейскаго просвѣщенія, а другою стоитъ при монгольскихъ преданіяхъ, и которую всеисильная власть усиливается удержать въ этомъ невозможномъ положеніи. ... Какъ ни грязна дѣйствительность, но, если человѣкъ можетъ свободно бороться съ ея зломъ, оно не ляжетъ на его плечи бременемъ всеподавляющаго креста и въ душѣ его сохранится до извѣстной степени равновѣсіе между тяжелыми и свѣтлыми впечатлѣніями жизни. Но чувство страданія становится огнемъ, пожирающимъ душу, когда у человѣка отняты всѣ средства борьбы со зломъ, когда всеисильная власть осуждаетъ его на роль бездѣятельнаго созерцателя народныхъ бѣдствій. Мученики и раздраженные до крайности бойцы являются, когда нельзя сдѣлать ни одного честнаго шага на поприщѣ общественной дѣятельности, чтобы не наткнуться на непреодолимые препятствія, когда гаснутъ послѣднія надежды на возможность дружной и мирной борьбы со зломъ. Реакція, погасившая эти надежды, положила въ русской жизни начало мученичеству. Оно вырабатывается подъ ея ударами изъ той страстной жажды обновленія, которая, разъ вспыхнувъ въ сердцахъ молодежи 60-хъ годовъ, съ тѣхъ поръ разгорается ярче съ каждымъ годомъ, а въ настоящую минуту, въ пору самаго оже-

сточеннаго свирѣпства гонителей, побуждаетъ ее занять неприступную позицію мученичества.“ — Статья заканчивалась выраженіемъ предчувствія, что злодѣянія правительства не сойдутъ ему съ рукъ, не вызвавъ возмездія. И они вызвали его: изъ закаленныхъ въ огнѣ его мучительство мучениковъ вышли террористы.

Революціонный терроризмъ. — Первое проявленіе возмездія произвело большой переполохъ въ станѣ нѣкоторыхъ нашихъ либераловъ, совсѣмъ потерявшихъ голову при встрѣчѣ съ такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Выстрѣлъ В. Засуличъ въ Трепова перепугалъ ихъ до желанія растерзать ее, а оправданіе В. Засуличъ присяжными привело ихъ въ восторгъ. Тогда, какъ въ русской, такъ и въ иностранной прессѣ многіе публицисты еще думали или притворялись думающими, что покушенія на жизнь агентовъ правительства входятъ въ программу русской политической партіи, стремящейся этими средствами достигнуть преобразованія существующаго порядка управленія въ Россіи, и съ этой точки зрѣнія осуждали ее. „Общее Дѣло“ во многихъ своихъ статьяхъ и особенно въ статьѣ № 78 „О насиліяхъ вообще и въ частности“ возставало противъ такого пониманія дѣла. Оно постоянно указывало, что такъ называемый русскій революціонный терроризмъ не орудіе политики, а неизбежное слѣдствіе терроризма реакціоннаго; что вызывается онъ не политическими соображеніями, а единственно чрезвычайными жестокостями, творимыми властью вопреки ея же самою поставленнымъ законамъ; что „партія революціонеровъ-террористовъ“ есть поѣтому партія отчаянной самообороны противъ свирѣпаго беззаконія людей, прикрывающихся маской правительства, и что такая самооборона въ сущности имѣетъ для себя достаточное оправданіе уже въ одномъ существующемъ для русской администраціи правѣ распоряжаться участію людей безъ суда, по внушенію ея произвола, хотя по долготерпѣливости русскаго человѣка, притерпѣвагося ко всякимъ беззаконіямъ, онъ начинаетъ обороняться только тогда, когда эта администрація, поощренная безнаказанностью своихъ злодѣяній, доводитъ ихъ до maximum'a, при которомъ истощается и его терпѣніе. Какъ ни губителенъ самодержавный режимъ и какъ ни свирѣпы наши законы о политическихъ преступленіяхъ, но революціонный терроризмъ все-же былъ вызванъ не ими, а зарождался онъ въ подслѣдственныхъ тюрьмахъ, гдѣ доводили людей до сумасшествія и самоубійства, да и тутъ даже выступилъ онъ на сцену только послѣ того, когда, не довольствуясь и этимъ тиранствомъ, администрація вздумала прибавить къ нему еще и позоръ тѣлеснаго истязанія. Что не обычное зло самодержавія, а его злодѣйства чрезвычайныя, превосходящія мѣру выносливости русскаго интеллигента, вызываютъ возмездіе съ его стороны, это видно и на нынѣшнихъ покушеніяхъ, причинами которыхъ были: распоряженіе объ отдачѣ студентовъ въ солдаты — вопіющій анахронизмъ, напомнившій ужасныя времена Николая I; полицейскій разбой на Казанской площади, оставшійся безнаказаннымъ и, наконецъ, опять такіе эти подлые истязанія розгами, которыми виленскій сатрапъ фонъ-Валь призываетъ къ террористическимъ дѣйствіямъ рабочій классъ, подобно тому, какъ его предшественникъ Треповъ тѣмъ-же способомъ положилъ начало

революціонному терроризму въ сферахъ интеллигенціи. Въ средѣ нашей администраціи, вскормленной на произволѣ, есть люди въ моральномъ отношеніи поистинѣ чудовищные, и если имъ будетъ предоставлена свобода „изумлять міръ злодѣйствомъ“, то съ нашимъ революціоннымъ терроризмомъ неизбежно должно будетъ произойти одно изъ двухъ: или онъ изъ средства случайной самозащиты обратится въ постоянное орудіе борьбы, направляемое организованной партіей, или онъ встанетъ на степень ідеѣ fixe всѣхъ элементовъ, недовольныхъ существующимъ порядкомъ, при чемъ покушенія будутъ совершаться уже безъ помощи какой бы то ни было организации, а, такъ сказать, само собою, т. е. всякой отдѣльной личностью, способной на самоотверженіе, всякимъ одиночкой, у котораго „душа не потерпитъ“. Первое — т. е. процессъ организации терроризма — совершалось во времена народовольческой группы; второе, т. е. обращение сочувственнаго терроризму настроенія общества, происходитъ теперь. Развитие обоихъ ожидаетъ насъ въ будущемъ. Положимъ, что полиція рассчитываетъ справиться съ организованными группами, но какъ же она управится съ одиночками? Вѣдь, это обыкновенно все люди сосредоточенные, молчаливые, въ тишинѣ, сами съ собой обдумывающіе свою думу и внезапно исполняющіе то, чего никто отъ нихъ не ожидалъ, какъ большая часть людей, доминирующая черта характера которыхъ — воля. Ихъ нельзя ловить и невозможно выловить.

Диктатура сердца. У насъ въ Россіи, да и за границей тоже, не разъ указывали на „диктатуру сердца“ Лорисъ-Меликова, какъ на доказательство способности самодержавія къ либеральнымъ уступкамъ, и обвиняли террористовъ въ умерщвленіи царя какъ разъ въ то время, когда онъ рѣшался прибѣгнуть къ нимъ. Въ отвѣтъ на это въ „Общемъ Дѣлѣ“ сказано, что, несмотря на то, что либеральныя реформы Лорисъ-Меликова относились къ разряду тѣхъ полумѣръ, которыя обыкновенно бываютъ только одною сотой полумѣры, но даже и онѣ предотвратили бы покушенія на жизнь Александра II, если бы этому не помѣшали два обстоятельства: 1. то, что это рѣшеніе царя знали только ближайшіе къ нему люди: его хранили въ такомъ секретѣ, что для прочихъ оно какъ бы не существовало; 2. то, что одновременно съ этимъ Лорисъ-Меликовъ сдѣлалъ распоряженіе о новыхъ стѣсненіяхъ для сосланныхъ по политическимъ причинамъ въ Сибирь, положеніе которыхъ было и безъ того невыносимо. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ его либеральныя намѣренія оставались неизвѣстными, его не вызванныя никакими серьезными причинами репрессаліи громко вопіяли противъ него, заставляя видѣть въ немъ двоедушнаго тирана. Удивительно даже, зачѣмъ онъ прибѣгъ къ такой мѣрѣ: можетъ быть, онъ думалъ приобрести довѣріе разныхъ своихъ вліятельныхъ противниковъ, упрекавшихъ его въ красномъ либерализмѣ, полагая въ то же время, что репрессаліи надъ ссыльными въ далекой Сибири не дойдутъ до слуха ихъ находящихся на свободѣ товарищей. Но, съ одной стороны, какое же можетъ быть либеральное реформаторство при необходимости гнаться за довѣріемъ его враговъ, а съ другой — какъ было не знать, что духовная солидарность, связывающая въ одно дружное товарищество нашихъ борцовъ за свободу — и свободныхъ и

плѣнныхъ — такъ тѣсна и чувствительна, что всякое зло, причиненное не только многимъ изъ нихъ, но даже кому-нибудь одному, гдѣ-нибудь въ отдаленной сибирской труппѣ, будетъ неминуемо извѣстно всѣмъ и вызоветъ общее негодованіе?

Мнимыя и дѣйствительныя послѣдствія революціонной агитаціи. — Упреки революціонерамъ за невниманіе къ Лорисъ-Меликовскому либерализму напоминаютъ обычные упреки имъ въ томъ, что они своей смѣлой агитаціей и угрозами пугаютъ правительство, заставляя его все болѣе углубляться въ реакцію, и такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы расшатывать самодержавіе, только укрѣпляютъ его. Прежде такія мнѣнія слышались довольно часто, и „Общему Дѣлу“ приходилось разяснять ихъ несостоятельность. Если бы, постоянно твердило оно, благимъ намѣреніямъ правительства мѣшала революціонная агитація, то въ относительно спокойное отъ нея время оно должно-же было бы чѣмъ-нибудь проявить свои либеральныя намѣренія. Но всегда выходитъ наоборотъ: въ моменты революціоннаго движенія оно сосредоточиваетъ свои силы на борьбѣ съ нимъ, а когда это движеніе утихнетъ, оно направляетъ свои батареи на либераловъ и принимается громить земство, прессу, школы, университеты и т. д. Такъ всегда было и не можетъ быть иначе, а почему — немудрено догадаться. Дѣло въ томъ, что то, что мы называемъ самодержавіемъ, есть не что иное, какъ правленіе самодержавныхъ бюрократовъ, которые руководятъ царемъ и находятъ свой прямой и главный интересъ въ томъ, чтобы ничто не препятствовало имъ править Россіей, какъ имъ хочется и какъ это имъ выгодно. И, такъ какъ земство, свободная пресса, независимый судъ и т. п. являются для нихъ препятствіями, то они и видятъ въ нихъ своего самого близкаго и наиболѣе интереснаго для нихъ непріятеля. Революціонеры для нихъ только досадная помѣха въ преслѣдованіи послѣдняго. Вотъ почему, когда имъ удастся наскоро загнать революціонную агитацію подъ землю, они тотчасъ-же пользуются наступившимъ затишьемъ, чтобы продолжать душить исконнаго своего врага съ систематичностью и высокомѣріемъ, такъ хорошо извѣстными всѣмъ нашимъ легальнымъ противникамъ бюрократіи, которымъ приходилось вступать въ сношенія съ нею. Сама реакція Александра II, которая началась чуть ли не одновременно съ его либеральнымъ реформаторствомъ, которую бывало все объясняли испугомъ царя передъ нигилизмомъ и тогдашними прокламаціями, имѣла въ сущности все тотъ-же источникъ — стремленіе бюрократовъ оградить свой произволъ отъ стѣснительныхъ для нихъ новшествъ. Нигилизмъ-же да прокламаціи служили для нихъ лишь предлогами, за немѣніемъ коихъ они бы не затруднились найти какіе-нибудь другіе въ либерализмѣ, прессѣ, крестьянствѣ и т. п. Поэтому видѣть въ революціонной агитаціи враждебную нашему общественному прогрессу силу — это такое недомысліе, которое можно объяснить только прискорбною забитостью нашего гражданскаго смысла. Не отдѣльными дѣйствіями либераловъ и революціонеровъ, а лишь соединенными усиліями ихъ можемъ мы добиться освобожденія Россіи.

Самодержавіе до и послѣ борьбы съ революціонерами. — Говорили, что революціонеры, при всей своей энергіи и великихъ

жертвахъ, принесенныхъ ими, не только что не разрушили, но и не расшатали самодержавную власть. Первое, конечно, справедливо, — такія историческія постройки, какъ русское самодержавіе, не валятся отъ перваго удара, даже когда фундаментъ ихъ осылся и стѣны растрескались. Но этого не ожидали и сами террористы. Они надѣялись не повалить зданіе, но сдѣлать его невозможнымъ для обитанія. Второе-же можетъ быть справедливо только въ такомъ случаѣ, если считать крѣпкою властью такую, которая пала въ общественномъ мнѣніи, держится только полиціей да штыками и не можетъ жить въ своей странѣ иначе, какъ держа ее въ постоянной осадѣ посредствомъ разныхъ чрезвычайныхъ охранъ. А въ такомъ-то положеніи и находится теперь наше самодержавіе: зданіе его еще стоитъ, но жить въ немъ уже стало невыносимо. Насколько оно расшатано — видно изъ сравненія того, чѣмъ оно было до своей борьбы съ революціонерами, съ тѣмъ, что оно есть теперь. „Прежде, говорило „Общее Дѣло“, оно походило на сытаго льва, покоющагося въ своемъ гордомъ величіи, а теперь это травленный волкъ, злобно вздрагивающій при каждомъ шорохѣ и не смѣющій далеко отойти отъ своего логовища. Въ своей войнѣ съ революціоннымъ терроризмомъ самодержавная власть растеряла не только весь свой прежній, вѣками нажитый престижъ, но и послѣдніе остатки смысла и теперь живетъ безъ цѣли и плана, не имѣя въ душѣ ничего, кромѣ бессмысленной злобы на отвергающую его жизнь.“ Таково было царствованіе Александра III и такъ же царствуетъ и Николай II. Оба они не управляли Россіей, а охраняли себя отъ Россіи и послѣдній охраняетъ себя еще больше перваго. Все это неизбѣжныя слѣдствія отсутствія конституціонныхъ гарантій въ Россіи

О русской конституціи. — Но возможна ли въ Россіи конституціонная форма правленія, не будетъ ли она для нея гибельна? Этотъ вопросъ тоже приходилось обсуждать въ „Общемъ Дѣлѣ“, по случаю разныхъ доносившихся изъ глубины русскаго общества сомнѣній въ возможности и пользѣ представительства въ Россіи. Говорили, что русскій народъ по своему невѣжеству и безграмотности не доросъ еще до конституціи, почему-де представители его будутъ на своихъ собраніяхъ проводить время въ бесплодныхъ междоусобіяхъ, а иноплемennые народы, теперь прикованные къ Россійскому государству цѣпами самодержавія, расплзутся врознь, какъ скоро эти цѣпы будутъ съ нихъ сняты. На первый пунктъ, касающійся невѣжества и безграмотности русскаго народа, „Общее Дѣло“ отвѣчало, что представительство въ разныхъ формахъ во многихъ нынѣ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы существовало еще въ то время, когда ихъ народная масса была болѣе невѣжественна, чѣмъ наша, и гораздо менѣе ея грамотна; а нынѣ оно существуетъ въ такихъ странахъ Европы и Азіи, гдѣ простой народъ нисколько не просвѣщеннѣе нашего. Поэтому считать Россію недостойною пользоваться тою степенью политической свободы, которую имѣютъ Сербія, Греція, Румынія, Болгарія, Японія и всѣ народы Европы, кромѣ одной Турціи, — значитъ оскорблять національное достоинство Россіи и быть недостойнымъ имени русскаго. — По поводу второго пункта, говорящаго о безысходной разногласицѣ партій въ собраніяхъ на-

ціональныхъ представителей, „Общее Дѣло“ замѣчало, что главные затрудненія для успѣшной и дружной работы этихъ собраній происходятъ вообще или отъ чрезвычайнаго изобилія политическихъ и особенно династическихъ партій въ странѣ, или отъ такого настроенія ея интеллигенціи, при которомъ интересы формальной политики получаютъ у нея перевѣсъ надъ существенными заботами объ экономическомъ и моральномъ развитіи народа, т. е. отъ двухъ такихъ причинъ, которыя совершенно отсутствуютъ въ русской жизни, такъ какъ династическихъ партій у насъ нѣтъ, а политическій формализмъ совсѣмъ не въ духѣ русскаго общества, всегда выдвигавшаго на первый планъ интересы просвѣщенія и экономического благосостоянія народа, т. е. вопросы культурно-общественнаго, а не формально-политического характера. Факты свидѣлствуютъ, что и большая часть нашихъ революціонеровъ сначала увлекалась культурною дѣятельностью и стала революціонерами потому, что нашла культурную работу невозможною при беззаконіяхъ и произволѣ существующаго у насъ управленія. Наконецъ, по вопросу о сепаратизмѣ, всего болѣе смущающему русскіе умы и поэтому безъ разума и мѣры эксплуатируемаго правительствомъ и его публицистами, было сказано, что изъ всѣхъ народностей русскаго государства можно бы говорить о сепаратизмѣ съ какой-нибудь тѣнью серьезности по отношенію развѣ только къ двумъ: Польшѣ и Финляндіи. Но Польша, при всей ненависти къ Россіи, возбужденной ужасными безобразіями, творимыми въ ней обрусителями, можетъ стремиться и стремится не къ сепаратизму, а къ автономіи: къ этому обязываетъ поляковъ и несчастье положеніе ихъ родины; разобранной по кускамъ тремя сильными государствами, и духъ времени, ставящій идеаломъ вѣка не разрушеніе старыхъ государствъ для образованія новыхъ, а преобразование нынѣшней централистической связи племенъ и народовъ въ федеральную. Финляндія-же никогда не желала бы отдѣлиться отъ Россіи, еслибы наша самодержавная бюрократія не заставила ее пожелать этого, возмутивъ, вопреки правилу: *quieta non movere*, эту спокойную и безраздѣльно преданную культурной работѣ страну. Какіе же есть у насъ еще народы, которыхъ можно бы заподозрить въ сепаратизмѣ? Указываютъ на кавказцевъ, т. е. на армянъ и грузинъ. Ни географическое положеніе этихъ народностей, ни условія ихъ этнографическаго сосѣдства не представляютъ никакихъ данныхъ для существованія у нихъ серьезнаго сепаратизма — и потому тамъ его и нѣтъ. Но есть тамъ антипатія ко всему русскому, которая, будучи возбуждена нелѣпой маніей правительства къ насильственной руссификаціи и особенно его гоненіями на то, что составляетъ глубокую сущность души человѣка — его родной языкъ, все болѣе развивается годъ отъ году. „Прежде,“ съ огорченіемъ говорилъ одинъ русскій государственный человѣкъ армянскаго происхожденія, „вышіе классы армянскаго и грузинскаго общества относились съ уваженіемъ ко всему русскому и гордились знаніемъ русскаго языка, а теперь, благодаря руссификаціи, они уже ставятъ своимъ *point d'honneur*’омъ не говорить на этомъ языкѣ“. Притѣсненія національности, бюрократія вызываетъ въ нихъ чувство нерасположенія къ Россіи и потомъ пользуется этимъ ею же самую

вызваннымъ чувствомъ для того, чтобы усугублять свои притѣсненія, подъ предлогомъ необходимости противодѣйствія сепаратизму. Къ чему же ведетъ все это, какъ не къ тому, что болѣе энергичная и пылкая часть притѣсняемой національности становится революціонной, а остальная — образуетъ благопріятную по своему настроенію среду для развитія революціонной борьбы? Польща давно уже находится въ такомъ положеніи; финляндцевъ правительство приглашаетъ занять это положеніе теперь, а евреямъ оно не оставило никакого другого выхода, кромѣ такого именно положенія.

Отношеніе правительства къ евреямъ. Если есть въ русскомъ государствѣ народъ, который самодержавная власть предпочтительно изъ всѣхъ силъ, настоятельно и грубо толкала-бы въ революціонную борьбу съ нимъ, то это именно еврейскій народъ. Въ огромной русской тюрьмѣ оно завело для евреевъ особое тѣсное отдѣленіе, въ которомъ имъ суждено задыхаться. Евреи ограничены въ правахъ мѣста жительства, образованія, свободнаго выбора профессій; они паріи на русской землѣ. Такое положеніе евреевъ стало до того привычнымъ, что многимъ даже кажется чѣмъ-то нормальнымъ или неизбежнымъ. А между тѣмъ это привычное положеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и позорная измѣна государства своимъ самымъ элементарнымъ обязанностямъ и жестокое тиранство надъ людьми. Всѣ вышеуказанныя ограниченія евреевъ въ правахъ — мѣры карательныя. Но государство имѣетъ право карать только тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые совершили какое-либо преступленіе или проступокъ, при чемъ существованіе того или другого должно быть доказано по установленнымъ закономъ правиламъ. И вдругъ — преступникомъ оказывается цѣлый пятимилліонный народъ, признакомъ преступленія — принадлежность къ извѣстному племени! Государство, поступающее такъ съ народомъ, есть для него уже не государство, а врагъ. Оно выбросило его изъ своей среды, и этимъ дало ему всѣ права на революціонную борьбу съ нимъ. Есть, однако, русскіе люди, которые, вслѣдствіе слабаго развитія въ нихъ гражданскаго смысла, руководясь въ своихъ сужденіяхъ чувствомъ личной симпатіи или антипатіи, смотрятъ равнодушно на такое положеніе нашихъ евреевъ. Но стоило бы имъ только представить себѣ, что въ такомъ положеніи очутились они сами или часть ихъ соплеменниковъ, чтобы почувствовать то, что долженъ чувствовать пробудившійся къ сознательной жизни еврей. И за что всѣ эти чудовищныя гоненія на евреевъ? Говорятъ за ихъ вражду къ христіанамъ, бѣдствующимъ отъ ихъ жестокой эксплуатаціи. Но извѣстно, что изъ всего христіанскаго населенія Россіи болѣе всего разорено и подавлено всякаго рода эксплуатаціями населеніе нашихъ срединныхъ губерній, разоренное не евреями, которыхъ тамъ нѣтъ, а правительствомъ въ союзѣ съ тѣми христіанскими разорителями, которымъ оно покровительствуетъ. Пальма первенства въ дѣлѣ разорительной эксплуатаціи такимъ образомъ принадлежитъ правительству, при чемъ всѣ его киванія въ сторону евреевъ могутъ выражать только его желаніе свалить свою вину на другихъ. Поэтому, конечно, его очень мало тревожили и еврейскіе погромы, происходившіе во время правленія гр. Игнатьева. Одни говорили, что этотъ развязный полити-

канъ, заслужившій себѣ титулъ „отца лжи“, самъ вызвалъ ихъ, другіе — что онъ ихъ только допустилъ и поощрялъ. Какъ бы то ни было, правительство смотрѣло на нихъ сквозь пальцы до тѣхъ поръ, пока не уразумѣло, что всякое въ началѣ ложно направленное движеніе народа потомъ избираетъ себѣ болѣе вѣрный путь, направляющій его противъ ближайшихъ къ народу агентовъ правительства, чтобы, слѣдуя этимъ путемъ, онъ добрался, наконецъ, и до тѣхъ, кому эти агенты служатъ.

Студенческія волненія. Студенческія волненія, какъ извѣстно, начались у насъ въ 60-хъ годахъ и продолжаются въ теченіе болѣе 40 лѣтъ съ небольшими интервалами до настоящихъ дней, несмотря на всѣ разнообразныя усилія правительства подавить ихъ и мѣрами строгости, и полумѣрами сердечности. Что всѣ эти мѣры не только не прекратили ихъ, но даже не остановили ихъ развитія, становится очевиднымъ при сравненіи прежнихъ студенческихъ волненій — въ началѣ 60-хъ годовъ — съ нынѣшними, которыя не только раскидываются шире прежнихъ, но и отличаются гораздо большимъ единствомъ, разнообразіемъ приемовъ и той удивительной способностью къ организаціи, которую наше студечество какимъ-то чудомъ выработало въ себѣ, живя подъ гнетомъ полицейской системы, рассчитанной со всевозможной предусмотрительностью на то, чтобы убить въ немъ эту способность. Ясно, что передъ нами не просто такъ называемые студенческіе беспорядки, а начало или слѣдствіе органическаго процесса, совершающагося въ глубинѣ общества. Такъ понимали это движеніе два знаменитыхъ русскихъ мыслителя — Пироговъ и Герценъ. Первый, въ своей статьѣ „Университетскій вопросъ“ писалъ, что университеты служатъ лучшимъ барометромъ общества, а второй заявлялъ, указывая на историческую роль студентовъ Европы въ тревожные моменты ея исторіи, что русскія студенческія движенія прекратятся или съ освобожденіемъ Россіи, или съ ея разрушеніемъ. Оба эти мнѣнія были высказаны уже въ начальномъ періодѣ студенческихъ волненій, при чемъ мысль Герцена является естественнымъ дополненіемъ мысли Пирогова. Что же касается до нашихъ правителей, ихъ публицистовъ и вообще единомышленниковъ, то они никакого мнѣнія не высказывали, а во всѣ эти сорокъ лѣтъ повторяли съ настойчивостью попугая одни и тѣ же назиданія о томъ, что студенты должны учиться, а не заниматься политикой и, что такъ какъ университеты суть учрежденія правительственныя, то студенты могутъ уходить изъ нихъ, если они имъ не нравятся. Должны ли студенты или не должны заниматься политикой, вопросъ совершенно праздный, по той причинѣ, очень странно незамѣченной правительствомъ, что нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы студенты не занимались политикой. Вся разница только въ степени и характерѣ этихъ занятій: въ странахъ свободныхъ и самоуправляющихся они занимаются ею умѣренно и спокойно, какъ будущіе граждане, которымъ предстоитъ участвовать въ политической жизни своей родины; а въ странахъ, гдѣ человѣкъ не гражданинъ, а рабъ своего правительства, они предаются ей пылко, тревожно, съ вдохновеніемъ революціонной страсти. Этого не переменяешь, и разсужденія тутъ бесполезны. Что же касается до приглашенія студентовъ уходить изъ правительственныхъ универ-

ситетовъ, если они имъ не нравятся, то, вѣдь, это почти то-же, что сказать русскимъ, недовольнымъ нашимъ политическимъ режимомъ: уходите изъ Россіи, если онъ вамъ не по вкусу. А кому-же онъ теперь по вкусу? Однимъ правителямъ, да и то, пока они правятъ. Наши студенческія волненія вызываются двумя причинами — специальной, зависящей отъ полицейскаго строя университетской жизни, и общей, зависящей отъ полицейскаго строя всего русскаго государства, и такъ какъ первая является послѣдствіемъ второй, то всякое студенческое волненіе неизбѣжно обращается въ политическое. Можно, однако, сдѣлать такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, политическія волненія не обращались въ студенческія, т. е. чтобы первыя совершались за стѣнами университетовъ. Дайте нашимъ университетамъ академическую свободу въ полномъ смыслѣ этого слова, и волненія специально-студенческія, прекратятся или станутъ значительно рѣже и слабѣе. Что-же касается до волненій политическихъ, то можно ли хоть на одну минуту допустить мысль, чтобы наша живая, честная и самоотверженная учащаяся молодежь могла смотрѣть безучастно, холодными глазами бездушнаго школяра на вопіющія безобразія самодержавнаго правленія, которыя такъ глубоко возмущаютъ всякаго честнаго русскаго и такъ странно противорѣчатъ всему, что говорить студенчеству университетская наука о достоинствѣ человѣка?

Оставляя постъ попечителя кіевскаго учебнаго округа, покойный Н. И. Пироговъ въ своей прощальной рѣчи къ сослуживцамъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: ... „Какой совѣтъ дать Вамъ на прощанье. Вотъ мой совѣтъ: живите такъ, чтобы Вы могли спокойно вспоминать свою и уважать чужую молодость. Жить такъ, чтобы спокойно вспоминать прожитую молодость — совѣтъ понятный. Честно прожитая молодость — залогъ спокойной старости, спокойной отъ упрековъ совѣсти; но какъ уважать молодость? Уважать старость — это понятно: прожитая жизнь съ ея опытомъ, испытаніями и борьбой вызываетъ къ себѣ уваженіе; но можно ли уважать молодость, этотъ періодъ полусознанныхъ стремленій, бурныхъ порывовъ, увлеченій и ошибокъ? Да, можно и должно; такъ какъ этотъ періодъ жизни отличается наибольшею отзывчивостію къ жизни и ея явленіямъ, въ горячемъ стремленіи къ идеалу, въ этихъ страстныхъ порывахъ осуществить на дѣлѣ то, что считается добромъ и истиной, я вижу прообразъ той грозной борьбы, тѣхъ бурь, которыя нѣкогда, какъ въ близкомъ такъ и въ далекомъ будущемъ, придется переживать человѣчеству. Въ порывахъ и стремленіяхъ молодости, иногда и полусознательныхъ, мы видимъ страстное желаніе сдѣлать будущее настоящимъ. Въ этомъ и отрадная, и достойная уваженія и изученія черта молодости. Она дорога и поучительна для всѣхъ, чьи упованія покоятся на вѣрѣ въ будущее развитіе человѣчества.“

Вотъ что думалъ одинъ изъ глубокихъ русскихъ мыслителей о студенчествѣ и его исторической роли. Пора „грозной борьбы“, о которой говорилъ покойный Пироговъ, видимо, наступила для Россіи вмѣстѣ съ пробужденіемъ къ сознательной политической жизни народной массы въ лицѣ ея передового представителя — городского рабочаго, и всѣмъ извѣстно, какая благодарная и

почетная роль принадлежит въ этомъ величайшемъ событіи исторіи нашей родины нашей учащейся молодежи, нашимъ студенческимъ волненіямъ.

Пробужденіе народа. Наше правительство не ожидало этого пробужденія народа. Надежды свои на неизбежность самодержавія оно, главнымъ образомъ, возлагало на стихійный, историческій сонъ народа, который продолжался такъ долго, что, повидимому, исключалъ всякую надежду на пробужденіе. И такъ думало не одно правительство. Въ виду этого факта и въ русскомъ обществѣ, въ рядахъ не мирившихся съ полицейской сущностью нашего самодержавія и возстававшихъ противъ бюрократической формы, въ которую оно отлилось, возникали теоріи, изображавшія интеллигенцію и народъ существами, не имѣющими ничего общаго въ своихъ идеалахъ и нравственныхъ свойствахъ, раздѣленными цѣлою пропастью, на одномъ краю которой стояла невѣрующая и бунтующая интеллигенція, а на другой — великій въ своемъ смиреніи и задушевной религіозности народъ. На почвѣ этого воззрѣнія родилось наше славянофильство и это же почвенное вдохновеніе звучало въ обращенныхъ къ русской поредовой интеллигенціи словахъ Достоевскаго: „Смирись, гордый человекъ!“ И что-же можно было говорить иное при вѣрѣ въ непробудный сонъ политическаго сознанія народа? На усилія пропагандистовъ пробудить его смотрѣли, пожимая плечами, и правительство думало, что всѣ его отношенія къ нимъ будутъ состоять въ томъ, что пропагандисты будутъ пропагандировать, а оно ихъ излавливать да примучивать, при чемъ общество будетъ недоумѣвать, а народъ помалчивать. Но и въ эту пору, по многимъ случаямъ привлеченія къ революціонной дѣятельности отдѣльныхъ личностей изъ народа, можно было усомниться и въ непробудности народнаго сна и въ противоположности духовнаго строя народа духовному строю интеллигенціи. „Русская исторія идетъ скачками“, писалось въ „Общемъ Дѣлѣ“, „и внезапности свойственны ей такъ-же, какъ и рѣзкія перемѣны въ природѣ, въ средѣ которой она развивается. Какъ внезапно пробудилась Россія при Петрѣ I отъ своего многовѣковаго сна, какъ внезапно пробудилось русское общество въ 60-хъ годахъ послѣ почти полной своей простраціи, такъ внезапно можетъ пробудиться къ сознательной жизни и борьбѣ и русский народъ“. И какія-же тогда можетъ обнаружить онъ нравственные свойства, кромѣ тѣхъ, которыя уже сказались въ его интеллигенціи и составляютъ ихъ общее достоинствѣ, развившееся подъ дѣйствіемъ одинаковаго темперамента, общихъ впечатлѣній историческаго воспитанія и вліяній матеріальной природы? И вотъ теперь, когда столь долго ожидаемое и желаемое пробужденіе народа совершается на нашихъ глазахъ и онъ пишетъ на своихъ знаменахъ, тѣ-же слова: „долгой самодержавіе!“, которыя написаны въ умѣ и сердцѣ каждаго русскаго интеллигента, мы уже видимъ, какъ незамѣтно почти исчезаетъ вѣра въ вѣчную слѣпоту народа, на которой, какъ на гранитномъ фундаментѣ, самодержавіе основывало свою власть, а публицисты и философы свои теоріи о противоположности идеаловъ народа и интеллигенціи. Непобѣжденные полемикой, теоріи эти валяются теперь безъ шума просто потому, что почва уходитъ изъ подъ

ихъ ногъ, между тѣмъ какъ подъ ногами ихъ противниковъ она укрѣпляется.

Рабочій вопросъ. Что-же, однако, дѣлать правительству съ движеніемъ рабочихъ? Давить его? Но этимъ только можно, наконецъ, выдать изъ него такую систему террористическаго возмездія, съ которой невозможно будетъ совладать, потому что, при новыхъ ея размѣрахъ и обиліи новаго матеріала она обратится въ хроническое явленіе русской политической борьбы. Вступить съ рабочими въ сердечныя отношенія въ родѣ тѣхъ, которыя были проектированы для студентовъ генераломъ Ванновскимъ? Но говорить о сердечныхъ отношеніяхъ съ начальствомъ, которое имѣетъ власть распоряжаться участію людей по своему усмотрѣнію, какъ пѣшками, все равно, какъ если бы кто сталъ во времена крѣпостнаго права говорить объ установленіи сердечныхъ отношеній между крестьянами и ихъ помѣщиками, о чемъ такъ неудачно мечталъ Гоголь. Къ тому же надо замѣтить, что всѣ такого рода мечтанія имѣютъ у насъ весьма комическую судьбу: сама-же власть, разрѣшившая опыты ихъ осуществленія, оказывается до того озадаченной своей смѣлостью, что прекращаетъ эти опыты въ самомъ началѣ, какъ это случилось съ экспериментами Ванновскаго и случалось и будетъ случаться со всѣми подобными предпріятіями. Такъ не лучше ли уже уступить требованіямъ рабочихъ, т. е. дать имъ право стачекъ, собраній, заявленія своихъ мнѣній въ печати и вообще не вмѣшиваться въ ихъ столкновенія съ хозяевами, когда они не доходятъ до насилія надъ людьми и имуществомъ? Это было бы, конечно, весьма благоразумно: социалистическое движеніе рабочаго класса вступило бы у насъ тогда на путь мирнаго прогресса, которымъ оно теперь идетъ спокойно вездѣ въ Европѣ; но для этого надо, чтобы царь изъ перваго русскаго помѣщика и самодержавнаго вождя бюрократіи обратился въ конституціоннаго государя Россіи, т. е. ожидать такого пробужденія сознанія въ нашихъ самодержцахъ, ожидать котораго отъ нихъ, судя по всему, нѣтъ никакой возможности. И вотъ для русскаго социализма остается возможнымъ одинъ только путь — революціонный со всѣми его неизбежными послѣдствіями, какъ общими для всякаго революціоннаго движенія, такъ и особенными, зависящими отъ специальныхъ условій русской жизни.

О социализмѣ вообще и его отношеніи къ политической свободѣ. Мнѣніе свое по этому предмету „Общее Дѣло“ высказало въ передовой статьѣ своего перваго номера, гдѣ между прочимъ говорится: „Разграниченіе между политикой и социализмомъ условное; это двѣ стадіи одной и той же дороги, сказалъ Герценъ, — мы прибавимъ къ этому, что это два такіе фазиса общественной жизни, изъ которыхъ второй начинается вмѣстѣ съ первымъ же, хотя по большей сложности своихъ задачъ достигаетъ полнаго развитія позднѣе его, и въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что первый по закону исторической послѣдовательности предшествуетъ второму.“ Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что политическая свобода есть вмѣстѣ и цѣль, и средство. Цѣль — потому, что она и сама по себѣ есть приобрѣтеніе великой цѣнности для человѣка; средство — потому, что она ведетъ къ дальнѣйшему приобрѣтенію — экономическому освобожденію людей. Точно также и обѣ эти ступени свободы — политическая

и экономическая —, будучи сами по себѣ цѣлью, являются въ то же время и средствомъ для одной общей имъ великой цѣли — полного расцвѣта свободы и нравственности человѣчества, насколько оно допускается міровыми законами его земного существованія.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ отношеніи „Общаго Дѣла“ къ двумъ Толстымъ: малому — Дмитрію Толстому и великому Льву Толстому. О дѣятельности Д. Толстого есть не мало интересныхъ сообщеній въ хроникахъ покойнаго Н. А. Бѣлоголоваго; взгляды же на его реформу нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній введеніемъ въ нихъ классицизма изложены съ наибольшей полнотой въ статьѣ „Другъ просвѣщенія“ („Общее Дѣло“ № 24), гдѣ говорится, что эта реформа есть типическій образчикъ дѣятельности русскаго администратора, полагающаго свое достоинство въ пренебреженіи къ общественному мнѣнію и упрямомъ противодѣйствіи духу времени; что обязательное изученіе древнихъ языковъ, не встрѣчая никакого сочувствія въ русскомъ обществѣ, не вызоветъ никакого расположенія къ нимъ и со стороны русскихъ дѣтей, вслѣдствіе чего ихъ придется примучивать къ изученію этихъ непопулярныхъ предметовъ, обращая годы ихъ ученія въ каторгу и возбуждая въ нихъ отвращеніе къ тому, къ чему имѣлось въ виду пріохотить; что всѣ аргументы, приводимые въ защиту обязательнаго классицизма — не что иное, какъ унаслѣдованная отъ прошлаго гряда предразсудковъ, извинительныхъ для современной Европы, гдѣ классицизмъ былъ нѣкогда единственнымъ источникомъ ея умственнаго и нравственнаго возрожденія, и не имѣющихъ никакого извиненія для Россіи, которая своимъ просвѣщеніемъ обязана не ему, а идеямъ и наукамъ Европы; что стремленіе графа Д. Толстого внести въ русскую школу эти европейскіе предразсудки въ то время, когда они исчезаютъ уже и въ самой Европѣ, вызвано не столько его пристрастіемъ къ классицизму, въ которомъ онъ и самъ былъ плохой знатокъ, а политическими соображеніями, имѣвшими цѣлью подавить живую любознательность учащихся грамматической схоластикой; что, внося въ школу свою политику, Д. Толстой тѣмъ самымъ отворялъ въ ней двери для всякой политики, при чемъ тамъ должна была восторжествовать именно та, противъ которой онъ боролся, на что онъ и самъ не однажды публично плакался въ своихъ циркулярахъ; что вся возведенная имъ система обученія не имѣетъ будущаго, должна неминуемо пасть и что единственно раціональная постановка изученія древнихъ языковъ въ новой школѣ можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы, уничтоживъ совершенно ихъ обязательность, предоставить ихъ изученіе желающимъ и т. д. Хотя правительство и не рѣшилось прибѣгнуть къ такой раціональной мѣрѣ — оно рѣшительно, лишь когда дѣйствуетъ наперекоръ общественному мнѣнію, а въ согласіи съ нимъ всегда боязливо до крайности: такова ужъ его политическая мудрость — но зло и нелѣпость педагогіи Д. Толстого оно уже торжественно признало. А между тѣмъ это зло царило долгіе годы, принося огромный вредъ; оно не могло бы существовать при правленіи представителемъ и возможно было только при самодержавномъ. Впрочемъ, правительство, испугавшись экспериментовъ генерала Ванновскаго, призвало теперь къ управленію министерствомъ классика

Зенгера. Итакъ оно снова развѣртываетъ имъ самимъ же посрамленное знамя классицизма. При представительномъ правленіи было бы тоже невозможно дурачить и изводить страну такими капризами.

Соціально-религіозная пропаганда великаго Льва Толстого принадлежитъ къ числу тѣхъ сюрпризовъ, которые обыкновенно объявляются у насъ въ то именно время, когда русская жизнь, повидимому, совсѣмъ закончена въ своихъ обычныхъ формахъ. Добывъ рукопись Л. Толстого „Въ чемъ моя вѣра“, „Общее Дѣло“, первое изъ органовъ русской прессы, помѣстило ее на своихъ страницахъ, не взирая на разнообразныя возраженія, которыя возбуждали изложенныя въ ней мысли о жизни и назначеніи человѣка не только со стороны нашихъ политическихъ старовѣровъ, но и со стороны людей новой соціально-политической вѣры. Возраженія эти, какъ извѣстно, главнымъ образомъ направляются противъ ученій о непротивленіи злу насиліемъ и о преобладающемъ значеніи личной нравственности въ жизни человѣка и противъ признанія любви къ людямъ не только единственнымъ благотворнымъ факторомъ жизни, но и самую жизнь. Такъ какъ въ то время пропаганда Л. Толстого, въ настоящее время получившая у насъ такое огромное и всестороннее политико-соціальное значеніе, только еще начинала появляться въ печати, то „Общее Дѣло“ не имѣло еще довольно данныхъ, чтобы высказаться съ достаточнымъ основаніемъ по этимъ требующимъ глубокаго и безпристрастнаго размышленія вопросамъ. Но, если бы оно существовало теперь, то сказало бы: идеи Л. Толстого имѣютъ міровое значеніе, и его идеалы, говорящіе объ основныя и вѣчныхъ устояхъ жизни человѣчества, естественно входятъ порою въ противорѣчія съ временными и случайными формами ея проявленій. Кто всецѣло поглощенъ задачами и страстями текущей житейской борьбы, тотъ немного найдетъ симпатичнаго для себя въ моральномъ ученіи Л. Толстого. Но, кто можетъ оторваться отъ нихъ для того, чтобы хоть на минуту окинуть вдумчивымъ взглядомъ весь обширный горизонтъ міровой обстановки жизни человѣка, въ томъ возбудитъ цѣлый міръ мыслей одно соприкосновеніе съ идеями Л. Толстого. Не многіе отдадутся имъ всею душою, но нѣтъ, можетъ быть, человѣка, душа котораго не была бы способна, вслѣдствіе общенія съ ними, очиститься отъ грязи многихъ житейскихъ предразсудковъ и не признать въ относительномъ смыслѣ правду иной идеи, кажущейся столь невозможной въ ея абсолютной формѣ. Положимъ, напримѣръ, что мы не можемъ вдохновляться въ нашей повседневной борьбѣ со зломъ однимъ только чувствомъ любви, исключая всякій стимулъ гнѣва и ненависти; но — не даемъ ли мы въ ней сличкомъ много мѣста ненависти? Заключая цѣлкомъ весь нравственный смыслъ нашего существованія въ служеніи общему благу и его болѣе или менѣе отдаленнымъ идеаламъ, не оставляемъ ли мы порою безъ должнаго руководства нашу личную жизнь въ ея отношеніяхъ къ настоящему, окружающимъ насъ людямъ и человѣку вообще и не впадаемъ ли мы часто въ пессимизмъ или апатію именно потому, что, однажды разочаровавшись въ своихъ идеалахъ общаго блага и будучи этимъ разочарованіемъ отброшены въ область личной жизни, мы не находимъ въ ней никакого нравственнаго содержанія, которое могло

бы подкрѣпить и возстановить упавшаго духомъ? Наконецъ, пусть принципъ непротивленія злу, точнѣе — противленія злу не насиліемъ, а отказомъ исполнять его, оказывается невозможнымъ въ его безусловномъ видѣ, но не стремится ли онъ уже теперь занять въ борьбѣ со зломъ мѣсто, если не преобладающее, то большее, чѣмъ прежде, какъ о томъ свидѣлствуютъ, напримѣръ, хоть бы эти общія забастовки рабочихъ, на которыя теперь устанавливается взглядъ какъ на наиболѣе пригодное орудіе пролетаріевъ съ насѣдающими на нихъ силами буржуазіи и капитализма? Но довольно, — предметъ слишкомъ обширенъ для того, чтобы, коснувшись его вкратцѣ, не вызвать безконечныхъ недоразумѣній.

*

*

*

Принимаясь за изданіе „Общаго Дѣла“, мы возлагали надежды на дѣятельное сотрудничество изъ Россіи и, благодаря ему, рассчитывали создать органъ вольной прессы, который имѣлъ бы въ ней обширное распространеніе. Эти надежды не осуществились. Для того времени онъ оказался слишкомъ смѣлыми или легкомысленными. Поэтому сношенія „Общаго Дѣла“ съ Россіей были очень ограниченныя. Оно попадало туда лишь случайно и въ такомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, что едва ли многіе знали тамъ о еѣ существованіи. При этомъ „Общему Дѣлу“ приходилось имѣть въ виду только немногочисленную группу своихъ заграничныхъ читателей, между которыми оно расходилось въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ, да возложить свои упованія на то, что слово, сказанное вѣрно и кстати немногимъ, переходя изъ устъ въ уста, можетъ быть услышано многими. Нечего и говорить, что изданіе „Общаго Дѣла“ не окупалось; это уже общая судьба нашей заграничной прессы. Исключеніе составлялъ одинъ только „Колоколъ“, въ лучшую пору своего существованія сводившій концы съ концами по расходамъ своего издательства.

А. Х. Христофоровъ.

Письма теоретика о политических вопросахъ.

I.

Бываютъ эпохи, когда исторія развертываетъ свои событія съ поразительной ясностью и быстротой: кажется, достаточно при-слушаться къ ея властному голосу, чтобы черпать для себя отсюда указанія и надежды. Такіе моменты кажутся болѣе пригодными для рѣшительныхъ дѣйствій, чѣмъ для теоретическихъ размышленій, и такой именно моментъ переживаемъ мы теперь.

Только ограниченность взгляда или своекорыстіе интересовъ можетъ породить сомнѣнія относительно пути, на который должна вступить Россія. Для всѣхъ, кто не ограничилъ своего кругозора служеніемъ существующему порядку, кто не заглушилъ въ себѣ свободнаго голоса совѣсти, всякое колебаніе должно казаться постыднымъ. Русская жизнь не только заявляетъ о своихъ нуждахъ: она кричитъ, она вопіетъ о необходимости живого и настоящаго дѣла, о необходимости коренныхъ реформъ.

Представители власти еще не разъ попытаются обольстить общественное мнѣніе добрыми увѣреніями и хорошими словами, но они едва ли заставятъ забыть, что этимъ словамъ предшествуютъ и за ними слѣдуютъ обыкновенно жестокія мѣры или чувствительныя угрозы. Прекрасныя рѣчи о сердечномъ отношеніи къ молодежи не изгладятъ изъ памяти безпримѣрно-жестокой кары надъ московскими студентами и двухъ смертныхъ казней этого года. Почти также ничего не измѣнитъ въ общемъ настроеніи очевидное стремленіе г. Плеве припомнить исчезнувшее изъ русской жизни начало законности. Всѣ свѣдущіе хорошо понимаютъ, что нельзя провести законность въ послѣдствіяхъ, если она отвергается въ принципѣ и если весь нашъ строй покоится на противоположномъ началѣ. Мы бы желали знать, какъ возможно установить спокойную твердость законнаго порядка при тѣхъ постоянныхъ опасностяхъ, которымъ подвергается въ настоящее время русское самодержавіе, — при очевидномъ броженіи всѣхъ общественныхъ силъ, при оппозиціонномъ настроеніи прогрессивныхъ элементовъ, при горячихъ протестахъ молодежи, при начинающейся враждебности народныхъ массъ. Спокойное безпристрастіе законнаго режима всего менѣе вѣроятно со стороны правительства, теряющаго подъ собою почву, и г. Плеве несомнѣнно покажетъ еще намъ примѣры полицейскаго произвола, гораздо болѣе пригоднаго для тѣхъ цѣлей, которымъ онъ служить. Мы не думаемъ, чтобы наше правительство выступило на путь настоящей политики желѣза — для этого у него не хватитъ ни увѣ-

ренности въ себѣ, ни смѣлости, — но во всякомъ случаѣ на практикѣ оно гораздо скорѣе будетъ склоняться къ этой системѣ, чѣмъ къ режиму законности. Въ его устахъ это послѣднее начало, какъ и всѣ хорошія обѣщанія, будетъ не болѣе, какъ прикрытіемъ непригляднаго фронта. Для сознательной и прогрессивной части русскаго общества теперь совершенно ясно, что никакія слова, никакія обѣщанія не спасутъ государственной формы, которая отжила свое время и носитъ на себѣ печать смерти.

При такихъ условіяхъ для многихъ могутъ показаться совершенно излишними теоретическія разсужденія о нашихъ путяхъ и задачахъ. Развѣ жизнь не говоритъ о нихъ съ поразительной ясностью, развѣ возможны какія-либо колебанія и сомнѣнія тамъ, гдѣ они кажутся нечестными, позорными? У насъ часто приходится слышать о бесплодности академическихъ разсужденій и вредѣ доктринерства: русскій человѣкъ еще не привыкъ цѣнить въ достаточной мѣрѣ важность теоретической мысли и часто смѣшиваетъ необходимую углубленность взгляда, основанную на внимательномъ изученіи предмета, съ бесполезнымъ умствованіемъ о фактически ясныхъ вещахъ. Но невѣжество никогда еще никому не помогало, а настоящее знаніе никогда еще никому не вредило, кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ причины бояться свѣта истины. Ничѣмъ инымъ, какъ недостаточнымъ распространеніемъ теоретической мысли, объясняется то обстоятельство, что у насъ такъ легко находятъ себѣ доступъ самые превратные взгляды и поверхностныя обобщенія. Жизнь, конечно, громко заявляетъ о своихъ нуждахъ, но тутъ всегда возможны лжетолкованія, и самый ясный практическій взглядъ не всегда достаточенъ для того, чтобы ихъ опровергнуть. Поскольку эти лжетолкованія прибѣгаютъ къ помощи теоріи, къ средствамъ науки, имъ слѣдуетъ противопоставить также теоретическія начала и научныя обобщенія.

Для нашего органа важно выполнить эту задачу прежде всего по отношенію къ измышленіямъ русской реакціи. Тѣ взгляды, которые лежатъ лѣтъѣе нашего направленія, какъ бы ни казались они для насъ иногда ошибочными, во всякомъ случаѣ близки и родственны намъ въ одномъ существенномъ для насъ пунктѣ — въ отрицаніи русскаго самодержавія. У всѣхъ насъ; у всей развивающейся русской жизни есть одинъ общій врагъ, съ которымъ слѣдуетъ бороться, и настоящая потребность этой борьбы должна заставить насъ забыть наши собственныя разногласія. Не къ разединенію, а къ согласію должны стремиться оппозиціонные элементы русскаго общества. Сама жизнь свела ихъ вмѣстѣ и поставила предъ лицомъ общаго врага. Если мы и будемъ когда-нибудь заниматься критикой другихъ оппозиціонныхъ направленій, то только — во имя той великой задачи, которая должна объединять всю русскую оппозицію въ одно солидарное цѣлое. Теперь, когда всѣ мы должны согласиться относительно перваго шага, безъ котораго ни одно прогрессивное начинаніе немыслимо, намъ слѣдуетъ обратить всѣ свои усилія противъ общаго врага.

Вотъ почему, не вступая здѣсь въ полемику съ другими оппозиціонными группами, мы будемъ вести борьбу только съ реакціонной

ублицистикой, которая воплощает въ себѣ мрачныя силы обскурантизма, невѣжества и самопревознесенія. Со времени Каткова она успѣла откатить цѣлую сѣть софизмовъ, которые до сихъ поръ сбиваютъ съ толку многихъ. Жалкіе эпигоны знаменитаго реакціонера слишкомъ часто хватали черезъ край, думая продолжать его дѣло, и значительно подорвали кредитъ своей проповѣди. Но старые софизмы все еще повторяются многими, которые не даютъ себѣ труда ихъ проверить. Нашъ журналъ не можетъ пройти ихъ молчаніемъ; онъ долженъ подвергнуть ихъ критикѣ и противопоставить имъ твердыя теоретическія начала. Эту именно задачу ставятъ себѣ нижеподписующіе очерки.

II.

Выполнить эту задачу тѣмъ болѣе необходимо, что реакціонная публицистика пытается подкрѣпить свои взгляды ссылкой на опытъ Запада. Само собою разумѣется, что она не замедлила воспользоваться извѣстными недостатками парламентаризма, обнаруженными имъ на практикѣ, для того, чтобы сдѣлать отсюда заключеніе, что вся система правового государства есть сплошное заблужденіе. Болѣе рѣшительныя дѣлали и дальнѣйшій выводъ, что несовершенство Запада есть прямое подтвержденіе нашего собственнаго совершенства и что для западныхъ государствъ не остается ничего иного, какъ возвратиться къ формамъ неограниченной монархіи. Въковой опытъ правового государства, съ этой точки зрѣнія, представляетъ чисто отрицательное подтвержденіе тѣхъ самыхъ началъ, къ измѣненію которыхъ оно стремилось. Продѣлавъ круговое движеніе, Европа должна возвратиться къ первоначальной точкѣ исхода и вновь испробовать тѣ самыя формы, отъ которыхъ она хотѣла отрѣшиться.

Нельзя не сказать, что эти утвержденія, особенно когда они высказываются съ извѣстной дозой самоувѣренности, способны дѣйствовать на неподготовленную мысль. Указываютъ на опытъ Запада, ссылаются на иностранныхъ писателей, заявляютъ, что никто болѣе не вѣритъ въ конституцію, — и иной читатель готовъ принять все это за послѣднее слово правильной теоріи. Политика представляетъ собою такую область, въ которой очень часто берутся судить сплеча, но въ которой далеко не всегда бываетъ легко разобраться въ высказываемыхъ положеніяхъ. Тутъ необходима извѣстная теоретическая подготовка. Но стоитъ присмотрѣться болѣе къ скептическимъ формуламъ нашихъ реакціонеровъ, чтобы видѣть всю слабость ихъ аргументаціи.

Прежде всего, что касается ссылокъ на Западъ, здѣсь встрѣчается странное недоразумѣніе. Что означаютъ въ самомъ дѣлѣ эти утвержденія, будто бы парламентаризмъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ? Значитъ ли это, что система правового государства, воспринятая всѣми культурными государствами и за исключеніемъ Турціи удерживаемая повсюду, гдѣ она была однажды принята, ошибочна по самой своей основѣ? Значитъ ли это, что примѣры Турціи, отмѣнившей конституцію, и Россіи, еще не усвоившей ее, могутъ служить образцами для подражанія? Вся политическая исторія Запада есть не что иное, какъ законотворная эволюція пра-

вового государства, вся прогрессивная политическая мысль есть послѣдовательное развитіе его идеи. Насъ хотятъ увѣрить, что исторія сдѣлала тутъ ложный шагъ и должна возвратиться назадъ.

Ссылаются на западныхъ критиковъ парламентаризма! Но обратили ли вниманіе на цѣль и значеніе этой критики? Обратили ли вниманіе на то, что рѣчь идетъ здѣсь не объ устраненіи самаго принципа, а только объ исправленіи нѣкоторыхъ его послѣдствій? Ни одинъ серьезный публицистъ не станетъ теперь утверждать, что современныя формы правового государства представляютъ послѣдній предѣлъ земного совершенства. Мы слишкомъ далеко ушли отъ наивнаго оптимизма въ политикѣ для того, чтобы вѣрить въ возможность политическихъ формъ, обладающихъ безусловной непогрѣшимостью. Болѣе того, мы отлично знаемъ, что совокупность условій, при которыхъ создаются политическія учрежденія, неизбѣжно налагаютъ на нихъ печать извѣстнаго несовершенства. Продуктъ чело-вѣческой мысли, предназначенный для примиренія разнообразныхъ и часто противорѣчивыхъ интересовъ, они невольно подвержены возможнымъ ошибкамъ индивидуальнаго размышленія, поставленнаго предъ задачей величайшей трудности. Еще болѣе затрудненій возникаетъ при дѣйстви учрежденій на практикѣ, когда законодательная мысль преломляется въ тысячѣ разнообразныхъ интересовъ и волю, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ стремленій, со всей возможностью ихъ сознательнаго противодѣйствія чистой идеѣ учрежденія. Самый лучший замыселъ можетъ здѣсь оказаться бесплоднымъ или, по крайней мѣрѣ, подвергнуться искаженію.

Но изъ этого слѣдуетъ, что, обсуждая извѣстное учрежденіе, никогда нельзя ограничиваться указаніемъ на несовершенства его практическаго примѣненія: надо войти въ оцѣнку самаго принципа. Недостатки практическаго примѣненія неизбѣжны, но они могутъ быть ослаблены: жизнеспособное учрежденіе всегда найдетъ средства къ тому, чтобы парализовать въ извѣстной мѣрѣ возможность злоупотребленій и противодѣйствій его принципу. Другое дѣло; если ложнымъ оказывается самый принципъ, — только въ этомъ случаѣ все учрежденіе должно быть признано негоднымъ.

Необходимо также помнить, что нѣтъ въ мірѣ формъ, которыя могли бы сразу удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни. Сильная въ одномъ отношеніи, извѣстная форма можетъ оказаться слабой въ другомъ. Учрежденія, которыя прежде всего имѣютъ своей цѣлью охранять свободу, не могутъ въ то же самое время обезпечивать и абсолютизмъ власти. Требовать отъ какой-либо формы, чтобы она была панацеей противъ всѣхъ политическихъ бѣдствій, значитъ погрѣшати противъ элементарныхъ понятій политической науки. И здѣсь опять таки, обсуждая какое-либо учрежденіе, необходимо обратить вниманіе на его цѣль и принципъ. Соотвѣтствуетъ ли принципъ цѣли и соотвѣтствуетъ ли самая цѣль насущнымъ потребностямъ эпохи — вотъ вопросы, которые должны быть при этомъ поставлены.

Само собою разумѣется, что и сравненіе различныхъ учреждений можетъ производиться лишь съ этой принципиальной точки зрѣнія. Только съ большою степенью беззастѣнчивости можно говорить о

преимуществахъ русскаго самодержавія надъ западнымъ парламентаризмомъ въ виду извѣстныхъ недостатковъ этого послѣдняго. Сравненіе должно быть произведено во всей его полнотѣ и доведено до конца. Для того, кто хочетъ придти къ твердымъ результатамъ, прежде всего необходимо ясно установить принципы.

Пусть же обсуждаютъ правовое государство въ его принципѣ и пусть сравниваютъ съ этимъ государство произвола, какимъ является по существу абсолютная монархія. Тогда будетъ ясно, почему лучшие умы человѣчества возставали на его защиту, почему изъ-за него проливались рѣки крови и почему всѣ просвѣщенные народы утвердили у себя не самодержавный абсолютизмъ власти, а конституціонныя гарантіи свободы.

III.

Основное начало, изъ котораго исходитъ правовое государство, есть начало свободы. Прежде, чѣмъ философы и публицисты нашли для него теоретическое выраженіе, оно направляло практически государственную жизнь передовыхъ народовъ древняго и новаго міра. Это было то начало, которое составляетъ неотъемлемое достояніе человѣческой личности. На немъ утверждается все нравственное и культурное развитіе. Крайности свободы могутъ иногда приводить къ сомнѣнію въ возможности сдѣлать ее краеугольнымъ камнемъ общественной жизни, но безпристрастное разсмотрѣніе должно признать, что прочное и продолжительное культурное развитіе возможно только при этомъ условіи. Государство не можетъ отрицать этого начала, не отрицая своей нравственной основы. У него нѣтъ другихъ цѣлей, кромѣ цѣлей составляющихъ его лицъ и ихъ свободнаго развитія. И нѣтъ ничего опаснѣе, какъ эта фикція, которая придаетъ государству значеніе самостоятельной организациі съ своими собственными цѣлями, которымъ все должно приноситься въ жертву. Такъ создается особый видъ идолослуженія, ужаснаго по своей идеѣ: въ жертву фикціи приносится живая человѣческая личность, на алтарѣ Молоха гибнутъ священнѣйшіе дары человѣка, жизнь и свобода.

Совмѣстная жизнь людей въ обществѣ дѣлаетъ неизбѣжнымъ извѣстныя пожертвованія со стороны личности въ пользу общаго блага. Но эти жертвы только тогда могутъ быть нравственно оправданы, когда общество взамѣнъ ихъ создаетъ для отдѣльныхъ лицъ лучшія и болѣе обезпеченныя условія существованія. Если этого нѣтъ, если общественная власть ставитъ лучшіе элементы общества, лучшихъ выразителей культуры и прогресса въ подневольное и тягостное положеніе, если для всѣхъ гражданъ она ставитъ преграды къ развитію, — тогда все государство превращается въ организованное насиліе, для котораго нѣтъ никакого оправданія.

Реальная и единственная цѣль государства — охранять человѣческую личность. Для выполненія этой задачи государству нужны власть и сила; оно должно быть снабжено мечемъ, для того, чтобы охранять личность отъ враждебныхъ ей силъ. Но эта власть есть средство, а не цѣль: цѣлью остается благо лицъ, составляющихъ общество. Какъ только это отношеніе измѣняется, государство пре-

вращается изъ благодѣтельнаго учрежденія въ грознаго Левиаѳана, вообразившаго себя самостоятельнымъ существомъ. Изъ орудія права его мечъ становится орудіемъ преступленія. Фикція хочетъ стать реальностью.

Прогрессивная эволюція государственныхъ формъ не имѣетъ другой цѣли, какъ та, чтобы затруднить возможность этого превращенія. Отсюда возникаетъ правовое государство. Оно имѣетъ въ виду создать для власти такія условія дѣйствія, которыя препятствовали бы ей стать въ противорѣчіе съ своей основной цѣлью — охраной личности. Оно стремится дать государственной волѣ правильное и правомѣрное направленіе и ввести ее въ должныя границы, далѣе которыхъ она не могла бы выйти.

По самому существу дѣла, эта задача никогда не можетъ быть достигнута вполнѣ и всецѣло. Государство не можетъ быть лишено силы, а, поскольку у него есть сила, оно всегда можетъ нарушить права отдѣльныхъ лицъ и вступить въ противорѣчіе съ свободой. Единственный выходъ состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы создать такія условія, которыя бы затрудняли возможность этихъ противорѣчій и обеспечивали для гражданъ увѣренность, что власть не выступитъ изъ границы права и не нарушитъ ихъ свободу своимъ незаконнымъ произволомъ.

Вся задача прогрессирующихъ правовыхъ формъ состоитъ именно въ этомъ, и естественнымъ завершеніемъ правового развитія считается тотъ результатъ, когда правовая охрана подчиняетъ своему контролю и тотъ высшій органъ, которому оно ввѣряется, т. е. государство. Его дѣятельность должна происходить въ предусмотрѣнныхъ закономъ границахъ и подъ неизмѣннымъ надзоромъ общества. Таковъ основной принципъ правового государства. Это не выдумка либераловъ и доктринеровъ, а логическое требованіе самой идеи права. Кто хочетъ его отрицать, тотъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать идею права и начало свободы въ ихъ послѣдовательномъ выраженіи и конечныхъ выводахъ.

Наши націоналисты склонны утверждать, что Россія должна придумать нѣкоторыя своеобразныя формы для этихъ цѣлей. Но гдѣ хоть малѣйшіе намеки на возможность этихъ своеобразныхъ формъ? Пока намъ предлагаютъ довольствоваться самодержавіемъ, которое столь мало оригинально, что даже въ мельчайшихъ подробностяхъ воспроизводитъ практику абсолютныхъ монархій стараго порядка. А эта практика, какъ извѣстно, всего менѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ свободы и права. Необходима полная беззащитность для того, чтобы утверждать, что самодержавіе лучше другихъ формъ охраняетъ эти начала. Единственное, что у насъ было придумано своеобразнаго, выпадаетъ на долю политической фантазіи славянофиловъ. Какъ извѣстно, они предлагали установить полное согласіе царя съ народомъ при помощи раздѣленія между ними силы власти и силы думы. Эта мысль была, дѣйствительно, своеобразная, но зато и совершенно неосуществимая. Царь властвуетъ, народъ думаетъ — эта мирная идиллія была задумана въ слишкомъ отдаленныхъ отъ земли высотахъ фантазіи для того, чтобы имѣть за собой хоть тѣнь практичности. Эта идея никогда не осуществлялась, а вся по-

вѣйшая русская исторія есть не что иное, какъ горькая насмѣшка надъ идеалистическими чаяніями славянофиловъ.

Но тутъ была, по крайней мѣрѣ, какая-нибудь мысль, хотя бы даже фантастическая. У современныхъ реакціонеровъ мы не находимъ и этого: въ лучшемъ случаѣ они отдѣляются неопредѣленнымъ указаніемъ, что Россія должна создать нѣчто новое и свое, но, большею частью, они не дѣлаютъ и этого, довольствуясь прославленіемъ существующаго.

Итакъ, что-же могутъ противопоставить ясной и испытанной идеѣ правового государства? Неопредѣленные мечты, несбыточные фантазіи или безастѣнчивыя утвержденія и жалкіе софизмы. Нѣтъ, не въ фантастикѣ славянофиловъ и не въ проповѣди реакціонеровъ найдемъ мы твердыя начала политическаго развитія, а въ опытѣ просвѣщенныхъ народовъ, которые обезпечили свободу гражданъ и могущество государствъ.

Претензія на необходимость національнаго творчества есть не болѣе, какъ уловка, подъ которой скрывается желаніе удержать то, что есть. Не придумывала же Россія впервые учрежденій суда и органовъ правительства. Она только усвоила то, къ чему приходитъ каждый народъ на извѣстной ступени развитія. Ничего своеобразнаго, кромѣ второстепенныхъ подробностей, она въ этой области не дала и ничего не могла дать.

Тождественныя потребности приводятъ всегда къ сходнымъ результатамъ. Россія созидаящаяся требовала крѣпкой власти, Россія окрѣпшая и просвѣщенная требуетъ свободы и права. Теперь для нея это вопросъ жизни и смерти. Исходъ предвидѣть не трудно. Но сколько тяжелыхъ испытаній, сколько бѣдъ и тревогъ готовить еще намъ темныя силы реакціи?

Л. Ф.

Къ исторіи борьбы общества и бюрократіи въ Россіи.

(Два документа.)

I.

Докладъ Департамента Полиціи объ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Секретно.

31 октября 1765 г., волею Государыни Императрицы Екатерины II, основано было, для распространенія въ государствѣ полезныхъ для земледѣлія и промышленности свѣдѣній, Вольно-Экономическое Общество, Всемиловитѣйше наименованное Императорскимъ.

Общество это, насчитывавшее въ средѣ своихъ членовъ лучшихъ людей того времени, въ теченіе свыше столѣтія своего существованія, проявляло полезную и плодотворную дѣятельность, направленную къ развитію народнаго хозяйства, и удостоивалось Монаршаго одобренія, а также дарованія ему многихъ правъ и преимуществъ для поощренія дальнѣйшихъ его трудовъ на указанномъ поприщѣ, при чемъ означенныя права и преимущества подтверждались Высочайшими рескриптами Россійскихъ Монарховъ при ихъ воцареніи.

Цѣль, кругъ дѣятельности, права и преимущества Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества опредѣлены его уставомъ, Высочайше утвержденнымъ въ окончательной формѣ въ 13-й день августа 1872 г.

Согласно означенному уставу, Вольно-Экономическое Общество имѣетъ цѣлью способствовать развитію и усовершенствованію въ Россіи сельскаго хозяйства и находящихся съ нимъ въ ближайшемъ соотношеніи отраслей промышленности. Для достиженія этихъ цѣлей оно: 1. учреждаетъ въ средѣ своей чтенія, разсужденія и бесѣды и о дѣйствіяхъ своихъ обнародываетъ во всеобщее свѣдѣніе; 2. слѣдитъ за новыми открытіями и улучшеніями по сельскому хозяйству и находящимся съ нимъ въ ближайшемъ соотношеніи отраслямъ промышленности какъ въ Россіи, такъ и за границей; 3. издаетъ періодическія и другія сочиненія; 4. предлагаетъ на конкурсъ задачи и лучшіе отвѣты печатаетъ на свой счетъ; 5. присуждаетъ золотыя и серебряныя медали, денежныя и другія преміи и похвальные листы; 6. устраиваетъ выставки; 7. открываетъ публичныя лекціи; 8. дозволяетъ пользоваться своею бібліотекою и музеемъ; 9. даетъ порученія своимъ членамъ и постороннимъ лицамъ, желающимъ участвовать въ трудахъ Общества, содѣйствуя тѣмъ и другимъ своими указаніями, поощреніями, пособиями и ходатайствомъ; 10. производитъ опыты по предметамъ своихъ занятій. Кромѣ того, на Обществѣ лежитъ обязанность содѣйствовать распространенію основпрививанія въ Россіи: высылкою оснопрививательныхъ пособій, выдачей медалей и т. п. по сношенію съ Медицинскимъ Департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ его занятій, И. В.-Э. Общество раздѣляется на три Отдѣленія:

I Отдѣленіе (сельскаго хозяйства) имѣетъ предметомъ своихъ занятій всѣ отрасли сельскаго хозяйства. II Отдѣленіе (техническихъ сельско-хозяйственныхъ производствъ) занимается изученіемъ промышленно-ремесленной дѣятельности, тѣсно связанной съ ходомъ сельскаго хозяйства, и III Отдѣленіе (сельско-хозяйственной статистики и политической экономіи) разрабатываетъ статистическіе и политико-экономическіе вопросы, по отношенію ихъ къ предметамъ занятій превыхъ двухъ Отдѣленій.

Согласно уставу 1872 г. при Вольно-Экономическомъ Обществѣ, въ видѣ временнаго учрежденія состоялъ Комитетъ Грамотности, дѣйствовавшій на основаніи особыхъ правилъ, утвержденныхъ министромъ Государственныхъ Имуществъ.

Въ концѣ 1890 г., среди нѣкоторыхъ лицъ неправительственнаго направленія, возникла мысль объ организаціи кружка либеральнаго направленія, члены коего, занимая общественныя должности, преимущественно земскихъ дѣятелей и учителей, должны были оказывать противодействие мѣропріятіямъ Правительства на легальной почвѣ. Не преслѣдуя прямо революціонныхъ стремленій, кружокъ этотъ, присвоившій себѣ наименованіе „земскаго“, долженъ былъ, по мысли его основателей, сплотить всѣхъ недовольныхъ и, дѣйствуя въ кругѣ предоставленной ему власти на земскихъ собраніяхъ или на собраніяхъ ученыхъ Обществъ, производить давленіе на правительствомъ посредствомъ петицій, указывающихъ на необходимость освободительныхъ реформъ. Такой кружокъ вскорѣ, дѣйствительно, былъ организованъ въ средѣ извѣстной части членовъ Вольно-Экономическаго Общества и, главнымъ образомъ, въ средѣ членовъ состоящаго при немъ Комитета Грамотности, причемъ выдающимися участниками сего кружка явились: вдова Тайнаго Совѣтн. Александра Калмыкова, бывшій Земскій Начальникъ Владиміръ Чарнолусскій, дворянинъ Генрихъ Фальборкъ, купеческій сынъ Николай Рубакинъ, бывшій предсѣдатель Кирилловской Земской Управы Тютрюмовъ и дворянинъ Дмитрій Протопоповъ.

Изъ поименованныхъ лицъ, вдова Сенатора Алексан. Калмыкова, содержащая въ С.-Петербургѣ книжный складъ, обратила на себя вниманіе демонстративнымъ участіемъ въ похоронахъ писателя Шелгунова въ 1891 г., произнесеніемъ на нихъ рѣчи тенденціознаго содержанія,¹ сношеніемъ съ лицами сомнительной благонадежности и, наконецъ, снабженіемъ народныхъ учителей школьными библиотечками изъ содержимаго ею склада.

В. Чарнолусскій, въ бытность его въ 1890 г. Земскимъ Начальникомъ Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губерніи, обратилъ на себя вниманіе вреднымъ образомъ его мыслей и дѣйствій, не согласныхъ съ видами Правительства, вслѣдствіе чего, постановленіемъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ, былъ уволенъ отъ занимаемой должности. Поселившись съ 1891 г. въ С.-Петербургѣ, Чарнолусскій вступилъ въ сношеніе съ неблагонадежнымъ элементомъ столицы и затѣмъ принялъ выдающееся участіе въ планахъ и дѣятельности „земскаго кружка“, а, впоследствии, и Комитета Грамотности.

Дворянинъ Генрихъ Фальборкъ, высланный изъ г. Москвы за участіе въ агитаціи среди студентовъ, состоялъ письмотителемъ у Земскаго Начальника Чарнолусскаго и, завладѣвъ довѣріемъ послѣдняго, склонилъ его къ дѣйствіямъ, вызвавшимъ удаленіе его отъ должности. Прибывъ въ Петербургъ, Фальборкъ, не прерывая ближайшихъ отношеній къ Чарнолусскому, приобрѣлъ обширный кругъ знакомства въ противоправительственной средѣ, сдѣлался членомъ III Отдѣленія Вольнаго Экономическаго Общества и Комитета Грамотности и своими рефератами сталъ привлекать толпы учащейся молодежи, дѣйствуя на послѣднюю увлекательнымъ и возбуждающимъ образомъ, заявляя на публичныхъ собраніяхъ о систематическомъ, будто-бы, вывозѣ хлѣба за границу, непосильныхъ налогахъ, эксплуатаціи крестьянскаго и рабочаго населенія и т. п. По обыску, произведенному у Фальборка въ 1892 г., найдены были двѣ рукописи, представляющія, по своему содержанію, проектъ письма, обращеннаго къ нынѣ въ Бозѣ почивающему Императору Александру III, при чемъ въ письмѣ этомъ, называя, между прочимъ, виновниковъ злодѣянія 1 марта 1881 г. „злополучными несчастными, увлечшимися отвѣченными принципомъ“, Фальборкъ обращаетъ вниманіе на различныя стѣсненія, претерпѣваемые, будто-бы, русскимъ обществомъ, упадокъ образованія и народныя бѣдствія, при чемъ доказываетъ необходимость освободительныхъ реформъ и созыва земскаго собора.

Сынъ купца, Николай Рубакинъ, будучи еще студентомъ С.-Петербургскаго Университета, привлекался къ познанію политическаго характера и, проживая затѣмъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ библиотекую, принадлежащую его матери, примкнулъ къ „земскому кружку“. Тогда же Рубакинъ близко сошелся съ Калмыковой, Фальборкомъ и Чарнолусскимъ, вступить черезъ нихъ въ сношенія съ кружками молодежи и, какъ спеціалистъ по библиографіи, оказывалъ и оказы-

¹ Это — завѣдомая ложь: А. М. Калмыкова вовсе не была на кладбищѣ и не произносила рѣчи на могилѣ Шелгунова. За нее была принята — по сходству фигуры и голоса — другая дама, но Калмыкова неопровержимо доказала свое alibi, и тогдашній градоначальникъ Гессертъ долженъ былъ признать, что его агенты ошиблись. Прим. ред.

васть до сего времени постоянное содѣйствіе при составленіи тенденціозныхъ каталоговъ систематическаго чтенія, обращающихся въ кружкахъ земляческихъ и саморазвитія. Независимо сего, занимается литературнымъ трудомъ, съ проведеніемъ въ своихъ сочиненіяхъ весьма тенденціозныхъ стремленій, а равно и изданіемъ дешевыхъ народныхъ книжекъ тенденціознаго характера.

Дворянинъ Александръ Тютрюмовъ, будучи въ 1880 годахъ предсѣдателемъ Кирилловской Уѣздной Земской Управы, замѣченъ былъ въ политической неблагонадежности, выразившейся во враждебномъ отношеніи его къ Правительственнымъ мѣропріятіямъ и стремленіи поколебать основы учебно-воспитательнаго дѣла въ средѣ крестьянскаго населенія.

Сынъ Тайнаго Совѣтника, Дмитрій Протопоповъ, въ 1888—1889 г. поддерживалъ знакомство съ лицами неблагонадежными въ политическомъ отношеніи, какъ проживавшими въ Имперіи, такъ и за границей. По окончаніи С.-Петербургскаго Университета, Протопоповъ вступилъ въ число сотрудниковъ либеральнаго органа „Русская Жизнь“ и, по порученіи редакціи, въ 1894 г. ѣздилъ за границу, повидавшему, для ознакомленія съ лондонскими кружками и русскими эмигрантами. Осенью 1894 г. Протопоповъ, вмѣстѣ съ Чарнолусскимъ и Фальборкомъ, агитировалъ въ средѣ студентовъ С.-Петербургскаго Университета въ пользу подачи на Высочайшее Имѣя петиціи объ измѣненіи Университетскаго устава.

Изъ поименованныхъ лицъ въ 1893 г. Фальборкъ и Тютрюмовъ были избраны Товарищами Предсѣдателя, а Чарнолусскій и Протопоповъ — Секретарями Комитета Грамотности.

Пріобрѣтъ преобладающее значеніе въ Комитетѣ, вышеназванные лица стали направлять дѣятельность послѣдняго сообразно изложеннымъ цѣлямъ „земскаго кружка“ и пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ для проявленія своихъ противоправительственныхъ стремленій. Такъ, подъ влияніемъ этихъ лицъ, въ средѣ нѣкоторыхъ членовъ Комитета подготовленъ былъ протестъ противъ постановленія Общаго Собранія Вольнаго Экономическаго Общества о необходимости введенія въ народныхъ школахъ профессиональнаго образованія, — протестъ, въ коемъ проводится мысль, что всѣ истинные граждане должны поддерживать народную школу только въ предѣлахъ общаго образованія, какъ единственно способную открыть народу глаза на его бѣдственное экономическое положеніе.

Затѣмъ, въ засѣданіи Вольнаго Экономическаго Общества 2 марта 1895 г., Фальборкъ, Чарнолусскій и другіе ихъ единомышленники заявили демонстративный протестъ противъ постановленія Совѣта о выраженіи порицанія Секретарю Комитета Дмитрію Протопопову, по поводу неумѣстныхъ и несдержанныхъ писемъ его къ Президенту Общества Графу Бобринскому, вызвавшихъ отказъ послѣдняго отъ означенной должности.

Въ дальнѣйшемъ Комитетъ Грамотности направлялъ свою дѣятельность къ поднятію образованія въ народной средѣ путемъ организаціи народныхъ чтеній, библіотекъ и читаленъ для фабричнаго и сельскаго населенія, а также безвозмезднаго распространенія въ народѣ книгъ.

Означенное движеніе, направленное къ скорѣйшему образованію народа, вызвало усиленную издательскую дѣятельность самого Комитета Грамотности, а также нѣкоторыхъ книгопродавцевъ, при чемъ за народную литературу принялись болѣе или менѣе выдающиеся литераторы-народники: Михайловскій, Засодимскій, Успенскій и другіе, не считая графа Льва Толстого, сочиненія котораго стали распространяться въ огромномъ количествѣ экземпляровъ.¹ Эти произведенія печати, представляясь орудіемъ легальнаго пропаганды въ народѣ, явились однимъ изъ средствъ для борьбы агитаторовъ съ правительствомъ на законной почвѣ и стали разсылаться Комитетомъ Грамотности въ народныя библіотеки и читальни, а также земскимъ учителямъ, фельдшерамъ, санитарамъ и т. п. молодымъ людямъ обоого пола для бесплатнаго и безконтрольнаго распространенія среди сельскаго и фабричнаго населенія въ видахъ подготовки его къ воспріятію революціонныхъ идей.

Въ виду изложеннаго, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ 1894 г. признало соотвѣтственнымъ войти въ сношеніе съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по вопросу о принятіи мѣръ къ тому, чтобы общественное содѣйствіе дѣлу народнаго образованія, весьма почтенное и цѣнное по своему принципу, не сдѣлалось,

¹ Поразительно невѣжество Департамента Полиціи: онъ приписываетъ Н. К. Михайловскому участіе въ народной литературѣ, чего никогда не было, онъ говоритъ о литературной дѣятельности Успенскаго, тоже никогда для народа не писавшаго, въ такое время, когда онъ уже былъ неизлѣчимо боленъ, онъ ставитъ писательство для народа Л. Н. Толстого въ связь съ новѣйшей дѣятельностью Комитета Грамотности, что уже прямо непостижимо! Прим. ред.

подъ вліяніемъ людей злонамѣренныхъ и при условіи безконтрольнаго допущенія вмѣшательства частныхъ лицъ въ эту важную сферу государственныхъ заботъ, — источникомъ извращенія народнаго міровоззрѣнія и отчужденія народа отъ освѣщенныхъ вѣками историческихъ завитковъ. При этомъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обратило вниманіе и на то обстоятельство, что если, при учрежденіи Вольнаго Экономическаго Общества въ 1762 г., послѣднее, по условіямъ того времени, и могло служить разсадникомъ просвѣщенія и способствовать возникновенію подъ его сѣнью отдѣльныхъ учреждений, преслѣдующихъ просвѣдительныя задачи, хотя и не спеціально экономическія, то въ настоящее время, когда во главѣ Комитета Грамотности было нѣсколько лицъ сомнительной благонадежности, оставленіе этого Комитета въ вѣдѣніи какого-либо иного Министерства, кромѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, наблюденію коего всецѣло подлежить по своимъ задачамъ его дѣятельность, — представляется лишеннымъ правительнаго основанія. Соображенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по сему предмету были признаны весьма цѣлесообразными со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, и затѣмъ 17 ноября 1895 г. воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на передачу состоящаго при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитета Грамотности изъ вѣдѣнія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. До воспослѣдованія сего Высочайшаго повелѣнія, въ средѣ членовъ Комитета Грамотности уже циркулировали слухи о переходѣ сего учрежденія въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, возбудившіе недовольство лицъ извѣстнаго направленія, вслѣдствіе ожидавшагося контроля за ихъ дѣятельностью по народному образованію. 11 апрѣля 1895 г., на годичномъ Общемъ Собраніи, Комитетъ руководимый радикальнымъ кружкомъ, пріобрѣтшимъ въ немъ съ 1892 г. первенствующее вліяніе, избралъ новый составъ должностныхъ лицъ, въ число коихъ вошли вышеупомянутые Фальборкъ, Чернолуцкий и Протопоповъ. Лица эти, вмѣстѣ съ другими членами Совѣта, дали своимъ избирателямъ торжественное обѣщаніе, — въ случаѣ подчиненія Комитета вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, — сложить съ себя должностныя званія и на ближайшемъ публичномъ собраніи произнести рѣчи демонстративнаго содержанія, указавъ въ нихъ на невозможность трудиться въ пользу народнаго образованія, при условіи назначенія должностныхъ лицъ Правительствомъ и при отсутствіи свободы преній: многіе же избиратели рѣшили столь же демонстративно отказаться отъ званія членовъ Комитета.

По воспослѣдованіи 17-го ноября 1895 года Высочайшаго повелѣнія, многіе члены Комитета изъ лицъ противоправительственнаго направленія, недовольные образомъ дѣйствій президента Вольнаго Экономическаго Общества, графа Гейдена, уклонившагося отъ представленія на Высочайшее усмотрѣніе ходатайства Вольнаго Экономическаго Общества объ оставленіи при немъ денежныхъ суммъ и имущества Комитета грамотности, въ частномъ засѣданіи 27-го ноября 1895 г. рѣшили опротестовать на Общемъ Собраніи Высочайше утвержденное 17-го ноября Положеніе Комитета Министровъ по поводу изятія Комитета Грамотности изъ вѣдѣнія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, при чемъ для установленія формы и способа протеста, а равно и для распространенія идеи о необходимости такого среди другихъ, не согласныхъ съ ними членовъ, избрали изъ своей среды особую комиссію изъ 6 лицъ, назвавъ ее „комиссіей протеста“.

29-го декабря 1895 года состоялось засѣданіе Вольнаго Экономическаго Общества для обсужденія вопроса о передачѣ Комитета Грамотности въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, сопровождавшееся весьма бурными препіянiями; 16-го апрѣля 1896 года члены бывшаго Комитета, Фальборкъ, Чернолуцкий, Калмыкова и другіе, собрались для обсужденія вопросовъ о несоотвѣтствіи, съ ихъ точки зрѣнія, новаго устава „Общества Грамотности“, замѣнившаго прежній Комитетъ, съ интересами народнаго образованія и постановили выбрать особую комиссію, которая, путемъ печати, выснила бы Обществу мотивы отказа отъ участія въ Обществѣ Грамотности прежнихъ членовъ Комитета и вела бы постоянную борьбу съ новымъ, состоящимъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, учрежденіемъ. При этомъ среди присутствовавшихъ былъ произведенъ денежный сборъ на покрытие расходовъ комиссіи и на изданіе за границей брошюры, съ изложеніемъ исторіи Комитета Грамотности. На ряду съ Комитетомъ Грамотности, а въ особенности послѣ его закрытія, Вольное Экономическое Общество, главнымъ образомъ III-е его Отдѣленіе, значительно измѣнило прежній характеръ и направленіе его дѣятельности, въ смыслѣ отступленія отъ главныхъ задачъ, поставленныхъ ему уставомъ, и избранія предметовъ его занятій, преимущественно вопросовъ внутренней.

государственной жизни, не имѣющихъ никакого отношенія или имѣющихъ мало общаго съ намѣченной уставомъ цѣлью усовершенствованія въ Россіи сельскаго хозяйства и находящихся съ нимъ въ ближайшемъ соотношеніи отраслей промышленности.

Такъ, въ 1894 году III-е Отдѣленіе Вольнаго Экономическаго Общества, въ лицѣ своего предсѣдателя профессора Ходскаго, высказало необходимость созванія представителей народа для выясненія положенія сельского населенія въ Европейской Россіи.

Въ концѣ декабря 1895 года Вольное Экономическое Общество приняло на себя ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Текстъ сего ходатайства, выработанный специальною комиссіею, былъ публично прочитанъ и вызвалъ восторженную манифестацию присутствовавшей въ засѣданіи учащейся молодежи, рукоплескавшей Фальборку, Анненскому и другимъ ораторамъ, высказывавшимъ рѣзкіе нападки на существующій строй. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ засѣданіи этомъ было внесено предложеніе о томъ, чтобы Вольное Экономическое Общество вошло въ обсужденіе, совместно съ Юридическимъ Обществомъ, вопроса, чѣмъ замѣнить тѣлесное наказаніе.

Въ засѣданіи 2-го января 1896 года членами Общества Фальборкомъ, Дедюлинымъ и Рейнботомъ было сдѣлано заявленіе о необходимости сохраненія за Обществомъ, несмотря на отпаденіе Комитета Грамотности, права обсуждать вопросы о народномъ образованіи и о желательности, вслѣдствіе сего, возбудить ходатайство о сокращеніи срока на право литературной собственности.

Въ мартѣ и апрѣлѣ того же года въ III-мъ Отдѣленіи Вольнаго Экономическаго Общества обсуждался вопросъ о реформѣ денежнаго обращенія въ Россіи, который послужилъ источникомъ самыхъ безцеремонныхъ нападокъ на правительство. На происходившихъ по сему поводу дебатахъ многие ораторы доказывали, что правительство въ своей финансовой политикѣ придерживается девиза „все для богатыхъ и ничего для бѣдныхъ“, а другіе заявляли, что правительство истощило всѣ платжныя силы страны.

На другихъ засѣданіяхъ за послѣднее время были рассмотрѣны вопросы: о нормальномъ типѣ народной школы, о господствующей налоговой системѣ въ Россіи, о нормальной компетенціи Министерства Финансовъ, о синдикатахъ, регулирующихъ производство, и т. п. предметахъ, не входящихъ въ кругъ вѣдѣнія Вольнаго Экономическаго Общества. При этомъ всѣ эти вопросы обсуждались не съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства и земледѣльческаго населенія, а сводились къ публичному обвиненію правительства въ томъ, что, ассигнуя десятки и сотни милліоновъ на „армію, жандармерію и тюрьмы“, оно даетъ лишь гроши на народное образованіе и стремится возстановить крѣпостное право. Рефераты по этимъ вопросамъ вызывали неоднократно не только неумѣстныя вмѣшательства присутствовавшей публики, но даже манифестаціи демонстративнаго характера, основанныя на симпатіяхъ къ политическимъ взглядамъ докладчиковъ или на принятыхъ правительствомъ мѣрахъ въ отношеніи разсматриваемаго вопроса.

Вопреки уставу Вольнаго Экономическаго Общества, опредѣляющему порядокъ допущенія на засѣданія публики, послѣдней предоставлялся входъ въ неограниченномъ количествѣ и безъ рекомендаціи членовъ, при чемъ главный контингентъ присутствующихъ обыкновенно составляла учащаяся молодежь обоего пола, которая, въ сущности, мало интересуюсь разсматриваемыми вопросами, посѣщала засѣданія съ цѣлью устройства противоправительственныхъ демонстрацій, а также оваціи ораторамъ либеральнаго направленія.

Наконецъ, въ засѣданіи 21-го февраля текущаго года, Вольное Экономическое Общество перенесло въ свои стѣны прекращенную правительствомъ вредную полемику журнала „Новое Слово“. При этомъ читался бывшимъ приватъ-доцентомъ Туганъ-Барановскимъ рефератъ, вызвавшій горячія пренія представителей „марксизма“ и ихъ противниковъ „народниковъ“ и заключившійся шумною оваціей, устроенной Туганъ-Барановскому и помощнику присяжнаго повѣреннаго Струве учащеюся молодежью, въ числѣ болѣе 600 человекъ, имѣвшей всѣ признаки демонстраціи, по поводу правительственнаго распоряженія о закрытіи журнала „Новое Слово“, въ коемъ оба означенныя лица состояли главными сотрудниками.

По сему поводу въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обратился къ Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ съ письмомъ, въ коемъ, представляя усмотрѣнію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ермолова вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ представляется удобнымъ допускать въ засѣданія частнаго общества, при указанной выше обстановкѣ, обсужденіе вопросовъ

высшей государственной важности, до цѣлей общества непосредственно не относящихся, — Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, съ своей стороны, обращалъ вниманіе на то въ высшей степени нежелательное въ политическомъ смыслѣ вліяніе, которое вся эта обстановка производитъ на посѣщающую въ значительномъ числѣ засѣданія Вольнаго Экономическаго Общества учащуюся молодежь и, въ цѣляхъ охраненія государственнаго порядка и спокойствія, находилъ безусловно необходимымъ принятіе мѣръ къ прекращенію доступа незрѣлой молодежи въ засѣданія частныхъ обществъ, не имѣющихъ спеціальнаго научнаго характера. Въ томъ же смыслѣ было сдѣлано сношеніе съ Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

На это Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ увѣдомилъ, что онъ обратился къ президенту Вольнаго Экономическаго Общества съ извѣщеніемъ на рядъ допущенныхъ обществомъ нарушений его устава, но, не разсчитывая, чтобы администрація общества приняла достаточно энергичныя и дѣйствительныя мѣры къ возстановленію въ немъ надлежащаго порядка, онъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ермоловъ, находилъ необходимымъ, для достиженія желательныхъ цѣлей и для постановленія дѣятельности Общества подъ бдительный контроль правительства, подвергнуть въ ближайшемъ будущемъ пересмотру и измѣненію самый уставъ Вольнаго Экономическаго Общества, предполагая, что болѣе удобнымъ для этого временемъ могутъ быть предстоящіе лѣтніе мѣсяцы. Тайный совѣтникъ Боголюбовъ, признавая, съ своей стороны, необходимость оградить учащееся юношество отъ пагубнаго вліянія политической агитаціи, признавалъ бы соотвѣстственнымъ дополнить уставы нѣкоторыхъ обществъ, въ томъ числѣ и Вольнаго Экономическаго Общества, статьями о допущеніи въ засѣданія постороннихъ лицъ, исключительно, подъ личною отвѣтственностью членовъ, отнюдь не разрѣшая посѣщать засѣданія воспитанникамъ учебныхъ заведеній и молодымъ людямъ извѣстнаго возраста.

Изъ послѣдующихъ данныхъ видно, что еще въ февралѣ настоящаго года Совѣтъ Вольнаго Экономическаго Общества обратился къ обществу съ циркулярнымъ письмомъ, въ коемъ высказалъ, что крупныя размѣры неурожая текущаго года и гибельныя послѣдствія для населенія обширной области нашего отечества побудили Совѣтъ Вольнаго Экономическаго Общества поставить для обсужденія въ Общихъ Собраніяхъ общества на первую очередь вопросъ о причинахъ столь часто повторяющихся у насъ неурожаевъ и голодовокъ, о средствахъ борьбы съ ихъ послѣдствіями и о мѣрахъ для обезпеченія населенія отъ ихъ повторенія. Желая привлечь къ обсужденію этихъ жизненныхъ вопросовъ наибольшее число компетентныхъ дѣятелей изъ провинціи и людей непосредственной практики, Совѣтъ Общества 20-го октября 1897 года обратился съ письмомъ ко всѣмъ мѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ въ земствѣ и сельскохозяйственныхъ обществахъ, прося принять посильное участіе въ трудахъ Общества по выясненію поставленныхъ вопросовъ какъ присылкою по этому предмету своихъ сообщеній, такъ и непосредственнымъ участіемъ въ обсужденіи этого дѣла въ засѣданіяхъ общества.

На этотъ призывъ сочувственно откликнулись многіе мѣстные дѣятели и учрежденія, указавъ при этомъ на середину марта мѣсяца, какъ на время, наиболѣе удобное для жителей деревни, желающихъ принять участіе въ засѣданіяхъ Вольнаго Экономическаго Общества. Въ виду означеннаго отзыва, Совѣтъ Общества назначилъ для всесторонняго обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ продовольственнымъ дѣломъ въ Россіи, общія собранія 18-го марта 1898 года и въ послѣдующіе затѣмъ дни. При этомъ Совѣтъ въ означенномъ циркулярѣ выразилъ надежду, что ему будетъ оказано содѣйствіе присылкой сообщеній для доклада или же личнымъ участіемъ въ засѣданіяхъ. Въ циркулярѣ добавлено, что въ засѣданіяхъ Вольнаго Экономическаго Общества могутъ принимать участіе и лица, не входящія въ составъ общества и, съ разрѣшенія предсѣдателя, представлять доклады и участвовать въ преніяхъ.¹

Согласно намѣченному плану, 12-го, 13-го, 14-го и 19-го минувшаго марта происходили засѣданія Общаго Собранія, которыя были посвящены выясненію вопроса о положеніи продовольственнаго дѣла въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, при чемъ постановлено ходатайствовать предъ подлежащими учрежденіями и вѣдомствами: о выдачѣ продовольственныхъ ссудъ въ теченіе всей весны и лѣта до новой жатвы, и притомъ въ увеличенномъ размѣрѣ, съ распространеніемъ ссуды и на мужское рабочее населеніе, занятое въ собственномъ хозяйствѣ;

¹ Что также несогласно съ уставомъ.

о приостановленіи принудительнаго взысканія податей и педонмокъ съ пострадавшаго населенія и въ особенности съ лицъ, получившихъ ссуду; о выдачѣ земствамъ ссудъ, хотя бы и не изъ продовольственнаго капитала, для снабженія населенія скотомъ на льготныхъ, кредитныхъ условіяхъ, съ обращеніемъ на этотъ предметъ остатковъ отъ суммъ бывшаго Особого Комитета, учрежденнаго въ 1891 году, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, а нынѣ царствующаго Государя Императора, и, наконецъ, объ установленіи льготнаго желѣзнодорожнаго тарифа на перевозку скота, приобретаемаго земствами для указанной цѣли.

26-го марта 1898 года Вольное Экономическое Общество избрало изъ среды своихъ членовъ „Комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая“, который приступилъ къ разсылкѣ, отъ своего имени, печатныхъ воззваній съ призывомъ о помощи голодающимъ и приемѣ пожертвованій.

Въ означенномъ воззваніи объявлялось, что Вольное Экономическое Общество не могло не отозваться на постигшее Россію народное бѣдствіе и, для усиленной помощи, избрало Комитетъ, который, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, встрѣтилъ поддержку разныхъ слоевъ общества и петербургской учащейся молодежи;¹ въ комитетъ этотъ стали поступать пожертвованія, которыя и разсылаются въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности, преимущественно на устройство столовыхъ, при чемъ уже въ первое засѣданіе комитета разослано 800 руб. въ пять губерній. Выражая затѣмъ надежду на дальнѣйшее сочувствіе отзывчивыхъ людей, комитетъ проситъ поддержать его дѣятельность какъ денежными пожертвованіями, такъ и указаніями, гдѣ именно испытывается наибольшая нужда. Въ заключеніе комитетъ обращается съ просьбой распространять настоящее его „обращеніе“, а равно и приложенные, для удобства жертвователей, къ каждому экземпляру „обращенія“ препроводительные бланки для денегъ.

29-го того же марта президентъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества сообщилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ о вышеприведенныхъ постановленіяхъ, принятыхъ на засѣданіяхъ Общаго Собранія 12-го, 13-го, 14-го и 19-го марта, прося войти въ разсмотрѣніе ходатайства общества и принять указанныя въ нихъ мѣры для обезпеченія народнаго продовольствія.

Затѣмъ, 8-го сего апрѣля, графъ Гейденъ, дополнительно, сообщилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ о доставленныхъ Вольному Экономическому Обществу свѣдѣніяхъ относительно крайней нужды, претерпѣваемой крестьянами Лихвинскаго уѣзда Калужской губерніи въ сѣменахъ для яровыхъ полей, и просилъ оказать имъ помощь изъ государственныхъ средствъ, въ предѣлахъ ихъ дѣйствительной надобности.

Такъ какъ уставомъ Вольнаго Экономическаго Общества послѣднему не дано право непосредственнаго обращенія, хотя бы и по предметамъ, входящимъ въ кругъ его вѣдѣнія, — къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и вопросъ о продовольственномъ дѣлѣ не относится къ числу предметовъ вѣдѣнія, указанныхъ въ уставѣ сего Общества, съ таковымъ обращеніемъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ сообщено Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Равнымъ образомъ обращено вниманіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ермолова на отсутствіе въ уставѣ Вольнаго Экономическаго Общества указаній на право послѣдняго учреждать комитетъ для повсемѣстнаго въ Россіи сбора пожертвованій. При этомъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ виду непоступленія во вѣренное ему Министерству ходатайства о дозволении такого сбора, просилъ сообщить, было-ли Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ испрошено разрѣшеніе на открытіе означеннаго комитета для повсемѣстнаго сбора пожертвованій.

Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ увѣдомилъ, что такового разрѣшенія по вѣренному ему Министерству названному Обществомъ не испрашивалось. Затребовавъ нынѣ отъ президента Общества подробныя по сему предмету разъясненія, онъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ермоловъ, съ своей стороны, предполагаетъ, что Общество сочло себя вправе открыть упомянутый Комитетъ, руководствуясь § 4 своего устава, разрѣшающаго учрежденіе въ средѣ Общества особыхъ комиссій для подробнаго изслѣдованія болѣе важныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ его занятій; что же касается сбора пожертвованій, то въ этомъ отношеніи Общество могло опираться на бывшіе прецеденты, а именно на участіе свое въ 1891 году въ дѣлѣ помощи пострадавшему отъ неурожая населенію. Сообщая затѣмъ, что къ разрѣшенію разсмотрѣнныхъ въ засѣданіяхъ 12, 13, 14 и 19 марта вопросовъ по продовольственному дѣлу Вольное Экономическое Общество привлекло

¹ Слова эти въ подлинникѣ подчеркнуты.

значительное число представителей земских учреждений, находившихся въ то время въ Петербургѣ, Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ присовокупилъ, что упомянутыя обстоятельства, на которыя Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало соответственнымъ обратить его вниманіе, еще болѣе подтверждаютъ высказанную имъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Ермоловымъ мысль о необходимости пересмотра устава Вольнаго Экономическаго Общества.

9 сего апрѣля состоялось въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ засѣданіе Комитета помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Изъ напечатаннаго въ газетахъ отчета объ означенномъ засѣданіи усматривается, что, вслѣдствіе имѣющихся въ Комитетѣ свѣдѣній о существующей нуждѣ въ разныхъ мѣстахъ пострадавшихъ губерній, постановлено выслать на устройство столовыхъ или на помощь населенію въ другой формѣ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, въ слѣдующіе уѣзды: въ Волховскій, Елецкій, Мценскій, Богородицкій — Орловской губерніи; Землянский — Воронежской губерніи; Сергачскій — Нижегородской и Усманскій — Тамбовской губерніи — въ каждый по 100 рублей. На средства, собранныя петербургскими студентами, рѣшено устроить пять столовыхъ въ губерніяхъ: Ставропольской, Воронежской и Тульской, пославъ туда уполномоченныхъ отъ Вольнаго Экономическаго Общества. Кромѣ того, бюро Комитета поручено послать двухъ уполномоченныхъ для устройства еще двухъ столовыхъ, изъ коихъ одну въ нижегородской губерніи, и на первое обзаведеніе и устройство ихъ выдать 300 рубл. Затѣмъ, рѣшено просить редакціи всѣхъ болѣе извѣстныхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ напечатать обращеніе о пожертвованіяхъ въ пользу пострадавшихъ и объявить, въ видахъ пользы для дѣла, всѣ засѣданія Комитета открытыми для публики.

По полученнымъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣніямъ, Вольное Экономическое Общество намѣрено командировать на мѣсто, для оказанія помощи нуждающимся, особые отряды изъ учащейся молодежи, при чемъ завѣдываніе народными столовыми предполагается поручить и слушательницамъ разныхъ женскихъ курсовъ.

Въ засѣданіи 9 апрѣля, по объявленіи предсѣдателемъ о скоропостижной смерти члена Общества Костромина, покончившаго жизнь самоубійствомъ въ Домѣ Предварительнаго заключенія, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ государственномъ преступленіи, присутствовавшіе почтили его память вставаніемъ.

Вообще, изъ дѣятельности за послѣдніе годы Вольнаго Экономическаго Общества нельзя не усмотрѣть, что лица извѣстнаго отбѣга, направившія дѣятельность бывшаго Комитета Грамотности къ достиженію намѣченныхъ „земскимъ кружкомъ“ цѣлей и борьбѣ съ правительствомъ на легальной почвѣ, перенесли, со времени выдѣленія этого Комитета изъ Вольнаго Экономическаго общества, свою агитаторскую дѣятельность, преимущественно, въ III Отдѣленіе названнаго Общества, гдѣ и продолжаютъ таковую, пользуясь каждымъ обстоятельствомъ для осужденія правительственныхъ мѣропріятій. Съ другой же стороны, замѣтно и стремленіе подчинить своему вліянію дѣятельность земствъ, въ качествѣ центрального органа, призваннаго къ руководству мѣропріятіями въ области народнаго хозяйства.

15 апрѣля 1895 года.

II.

Памятная записка Совѣта И. В. Э. Общества Комитету Министровъ.

Конфиденціально.

До свѣдѣнія Совѣта И. В. Э. Общества дошло, что, съ Высочайшаго соизволенія, г. Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, по соглашенію съ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, вносятся въ Комитетъ Министровъ предложенія объ измѣненіи и дополненіи устава И. В. Э. Общества, Высочайше утвержденнаго 13-го августа 1872 года. Ознакомившись съ обстоятельствами, вызвавшими означенное представленіе гг. Министровъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, и съ текстомъ предполагаемыхъ измѣненій и дополненій, Совѣтъ И. В. Э. Общества единогласно пришелъ къ заключенію, что означенныя предложенія существеннымъ образомъ нарушаютъ Высочайше дарованныя Обществу права и преимущества, нисколько не вызываются обстоятельствами дѣла и вносятъ

въ уставъ Общества такія коренныя измѣненія и ограниченія Высочайше дарованныхъ правъ Общества, которыя поставятъ И. В. Э. Общество въ невозможность продолжать въ будущемъ свою дѣятельность въ томъ-же полезномъ для отечества духѣ и направленіи, которые неоднократно удостоивались монаршаго одобренія и поощренія. Въ виду этого, Совѣтъ И. В. Э. Общества призналъ себя нравственно обязаннымъ представить вниманію гг. членовъ Комитета Министровъ нижеслѣдующее объясненіе.

1. Предположенія объ измѣненіи устава И. В. Э. Общества вносятся нынѣ въ Комитетъ Министровъ, помимо ходатайства объ этомъ самого Общества и даже безъ его вѣдома, что составляетъ несомнѣнное нарушеніе правъ и преимуществъ Высочайше ему дарованныхъ Его Августѣйшею Основательницею Императрицею Екатериною II и подтвержденныхъ Всемилюстивѣйшими рескриптами Ея Державныхъ Преемниковъ, въ томъ числѣ и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича.

Учредители Общества, во всеподданнѣйшемъ представленіи своемъ отъ 12-го октября 1765 года, между прочимъ, ходатайствовали предъ Ея Величествомъ, „чтобы Общество наше управлялось въ трудахъ своихъ собственными своими между собою обязательствами и установленіями, почему и называлось бы во всѣхъ случаяхъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ“. Государыня Императрица во всемилюстивѣйшемъ отвѣтѣ своемъ отъ 31-го октября 1765 года изволила удовлетворить это ходатайство, заявивъ, что „Планъ и Уставъ вашъ, которыми вы другъ другу обязались, Мы похваляемъ и въ согласіе того апируемъ, чтобы вы себя наименовали Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ“.

Въ развитіе этихъ основныхъ началъ собственного самоопредѣленія своихъ взаимныхъ „обязательствъ“ и „установленій“, въ уставѣ 1765 года (13 и IV главы) было сказано, что, „когда впредь за нужное признано будетъ къ сему Уставу присовокупить еще нѣкоторые пункты, то онимъ имѣть такую же силу, будто бы включены были въ самый Уставъ“. На этомъ основаніи въ первоначальномъ уставѣ дѣлались при его переизданіи (въ 1770 и 1817 гг.) нѣкоторые измѣненія частныхъ, вводились дополнительные статьи (въ 1815 г.) и даже цѣлые дополнительные уставы, какъ, напримѣръ, „Дополнительный уставъ“, принятый „общимъ согласіемъ членовъ“ 24 февраля 1770 года, и „Уставъ о корреспондентахъ“, составленный академикомъ Палласомъ въ 1790 г. Желая придать этимъ дополненіямъ и измѣненіямъ большую прочность, Общество въ 1819 г. установило „Особливую книгу“, куда должны были вноситься за общую подписью дополнительные, безъ какой-либо регистраціи они не имѣли обязательной силы, а въ 1823 году Общее Собраніе признало необходимымъ закрѣпить внесенныя въ его уставъ дополненія и измѣненія Высочайшею санкціею. Именно, 8-го декабря 1823 г. Общимъ Собраніемъ И. В. Э. Общества былъ принятъ и подписанъ вновь переработанный уставъ, который затѣмъ былъ представленъ Президентомъ Общества на Высочайшее благоусмотрѣніе и удостоился утвержденія особымъ рескриптомъ Императора Александра I отъ 4-го февраля 1824 г.

Такъ какъ и при этомъ новомъ изданіи устава порядокъ внесенія въ него дополненій и измѣненій оставленъ былъ прежній, то, на этомъ основаніи, въ промежутокъ времени съ 1824 по 1859 г. въ уставъ вводились неоднократно измѣненія по постановленіямъ Общаго Собранія, какъ, напримѣръ, при переизданіи въ 1845 г. затѣмъ, при внесеніи въ него извѣстныхъ дополненій и измѣненій въ 1845, 46, 48, 51, 53 и 1854 г.

Способъ пересмотра устава, произведенный въ 1859 году, особенно знаменателенъ для данного случая, такъ какъ онъ произведенъ былъ при нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя указываютъ на существовавшія въ то время въ средѣ Общества ненормальныя отношенія, вызывавшія даже острый конфликтъ между Общимъ Собраніемъ и Вице-Президентомъ Общества А. И. Левшинымъ. Тогда для выхода изъ затруднительнаго положенія изысканы были, хотя и экстраординарные пути, но такіе, которые, не нарушали основныхъ правъ Общества и не устранили его органы отъ непосредственнаго участія въ этомъ пересмотрѣ. Согласно Высочайшему рескрипту на имя бывшаго въ то время почетнаго Президента Общества Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго отъ 30 декабря 1857 г., Общимъ Собраніемъ была избрана особая коммиссія изъ 4 членовъ Общества; послѣдней, совместно съ Совѣтомъ, также законнымъ путемъ избраннымъ изъ среды Общества, составленъ былъ новый уставъ, который, по одобреніи его Президентомъ Общества, удостоился Высочайшаго утвержденія 27 февраля 1859 г.

Въ этотъ новый уставъ включено было „Общее Примѣчаніе“, которое болѣе точнымъ образомъ регламентировало порядокъ измѣненій и дополненій устава, вошедшее затѣмъ съ небольшимъ измѣненіемъ въ нынѣ дѣйствующій уставъ, Высочайше утвержденный 13 августа 1872 г., и гласящее:

„Если со временемъ, по теченію дѣлъ и предпріятій Общества, возникнетъ надобность въ дополненіи или измѣненіи настоящаго устава, то, по предложенію о томъ Совѣта, Общее Собраніе избираетъ изъ пяти членовъ комиссію, которая, разсмотрѣвъ предложеніе, представляетъ свое мнѣніе Совѣту. Затѣмъ, вопросъ переходитъ на обсужденіе Общаго Собранія, въ которомъ должно быть не менѣе тридцати членовъ, и, въ случаѣ большинства не менѣе двухъ третей голосовъ, утвержденіе предполагаемаго измѣненія и дополненія къ уставу испрашивается установленнымъ порядкомъ.“

Ясный и никакихъ недоразумѣній не вызывающій смыслъ вышеприведенныхъ цитатъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что избранный нынѣ порядокъ пересмотра устава Общества идетъ въ разрѣзъ съ правами и преимуществами Общества, Высочайше ему дарованными Императрицею Екатериною II и подтвержденными царскимъ словомъ Государей Императоровъ Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, въ незыблемую святыню коего всѣ вѣроподанные привыкли безусловно вѣрить. Стѣдую этимъ началамъ, положеннымъ въ основу устава Общества самою августѣйшею его основательницею и незыблемо сохраненнымъ въ теченіе болѣе ста лѣтъ, гг. Министры Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, пріидя къ заключенію о необходимости измѣненія устава Общества, должны были бы испросить Высочайшее соизволеніе на пересмотръ устава И. В. Э. Общества тѣмъ порядкомъ, какой установленъ въ самомъ уставѣ, утвержденномъ Высочайшею властью, и во всякомъ случаѣ такимъ способомъ, при которомъ не нарушались бы Высочайше дарованныя Обществу права и преимущества. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы высшія правительственныя власти обратились къ самому Обществу съ своими предложеніями о пересмотрѣ устава въ порядкѣ, установленномъ въ самомъ этомъ уставѣ, и указали бы причины и цѣли этого пересмотра, то И. В. Э. Общество, не менѣе самой администраціи заинтересованное въ правильномъ теченіи и законномъ направленіи своей дѣятельности, изыскало бы настоящіе пути для регулированія своей дѣятельности въ духѣ, соответствующемъ ясно формулированнымъ требованіямъ правительства и современнымъ потребностямъ отечества.

2. Совѣтъ Общества не можетъ, конечно, отвергать того, что бываетъ случаемъ, когда въ видахъ государственной пользы нарушеніе правъ отдѣльныхъ лицъ или учреждений является необходимымъ. Но необходимо признать, что въ данномъ случаѣ обстоятельства нисколько не вызывали необходимости принятія столь экстраординарныхъ мѣръ по отношенію къ такому заслуженному обществу, какъ И. В. Э. Общество, записавшее на страницѣ своей 133-лѣтней исторіи многократныя выраженія монаршаго благоволенія и одобренія.

Насколько извѣстно Совѣту изъ личныхъ сообщеній Президента Общества, основанныхъ на конфиденціальной его перепискѣ съ г. Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, сущность тѣхъ „нежелательныхъ явленій“ въ дѣятельности Общества, которыя вызвали предположенія о пересмотрѣ его устава, заключается въ томъ, что Общество: а) учредило Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ 1897 г.; б) поручало раздачу этихъ пособій несоответствующимъ лицамъ; в) устроило подъ видомъ обыкновеннаго собранія съѣздъ для обсужденія продовольственнаго вопроса; и г) допускало въ засѣданія Общества неподходящую публику, принимавшую активное участіе въ преніяхъ. Изъ всѣхъ этихъ обвиненій одни основаны на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ или на неправильномъ освѣщеніи дѣйствительныхъ фактовъ, а другія заключаются въ отрицаніи несомнѣнныхъ правъ Общества, вытекающихъ изъ его устава и освященныхъ болѣе чѣмъ вѣковой практикой. Участіе въ засѣданіяхъ Общества постороннихъ гостей узаконено уставомъ Общества и его многолѣтней практикой, а подробный просмотръ всѣхъ протоколовъ и подлинныхъ стенограммъ засѣданій Общества за послѣдніе годы убѣждаетъ, что къ участію въ преніяхъ какъ въ общихъ Собраніяхъ, такъ и въ Отдѣленіяхъ Общества допускались только лица, компетентность коихъ по обсуждаемымъ вопросамъ не подвергалась сомнѣнію. Присутствіе же въ залѣ Общества на нѣкоторыхъ его засѣданіяхъ учащейся молодежи, никогда не принимавшей активнаго участія въ преніяхъ, составляетъ обычное явленіе засѣданій всѣхъ ученыхъ обществъ С.-Петербурга и само по себѣ представляется явленіемъ не только не предосудительнымъ, но, напротивъ того, весьма желательнымъ.

Да, наконецъ, если это присутствіе учащихся, вопреки мѣнью Совѣта, признано было бы не соответствующимъ видамъ правительства, то оно легко могло бы быть устранено изданіемъ соответствующаго распоряженія отъ подлежащаго вѣдомства, которому Общество несомнѣнно подчинилось бы безпрекословно. Обсужденіе продовольственнаго вопроса всегда составляло предметъ заятія Общества и не только не вызывало возраженій со стороны правительства, но, напротивъ того, поощрялось такими авторитетными представителями правительственныхъ взглядовъ, какъ бывшій почетный Президентъ Общества, Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, бывшій Министръ Государственныхъ Имуществъ графъ П. Д. Кисилевъ и др. Сборъ пожертвованій въ пользу голодающихъ встрѣчалъ также въ прежнее время одобреніе правительства и практиковался въ 1891/92 г. не только И. В. Э. Обществомъ, но и другими сельскохозяйственными обществами. Тѣмъ болѣе, что помощь нуждающимся составляетъ такой безобидный актъ общепризнаннаго христіанскаго милосердія, что никому изъ членовъ Общества не могло придти даже въ голову, что эта мѣра встрѣтитъ съ какой-бы то ни было стороны возраженія или нареканія. Участіе же въ обсужденіи продовольственнаго вопроса въ засѣданіяхъ Общества въ мартъ мѣсяцъ сего года нѣсколькихъ земскихъ дѣятелей, пожелавшихъ подѣлиться съ Обществомъ своими практическими знаніями и не участвовавшихъ въ голосованіи резолюцій Собранія, не могло придать этимъ засѣданіямъ ни по существу, ни по формамъ характера сѣзда, точно также какъ не придавало этого характера такое же участіе постороннихъ компетентныхъ лицъ во многихъ другихъ засѣданіяхъ Общества, какъ, напримѣръ: участіе прѣзжихъ профессоровъ въ преніяхъ о хлѣбныхъ цѣнахъ, участіе чиновъ Министерства Финансовъ, отчасти даже, насколько извѣстно, по инициативѣ самого-же Министерства, въ преніяхъ по вопросу о винокурении и чиновъ Министерства Путей Сообщенія — въ преніяхъ о хлѣбныхъ желѣзнодорожныхъ залежахъ, затѣмъ, участіе техниковъ и специалистовъ, не состоящихъ членами Общества, въ обсужденіи вопросовъ о пошлинахъ на чугунъ и желѣзо, о специальныхъ приспособленіяхъ для улучшенія условій перевозки по желѣзнымъ дорогамъ скота и нѣкоторыхъ продуктовъ сельскаго хозяйства и т. д.

Что же касается обвиненія въ посылкѣ несоотвѣствующихъ лицъ для раздачи пособій пострадавшимъ отъ неурожая, то Общество въ дѣйствительности никакого не посылало для этой цѣли, а пользовалось лишь, согласно уставу и многолѣтней практикѣ, услугами постороннихъ лицъ, заявлявшихъ ему готовность содѣйствовать его цѣлямъ, и при этомъ принимало мѣры къ тому, чтобы раздача пособій производилась на мѣстѣ подъ руководствомъ и наблюденіемъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, чиновъ администраціи и земства, членовъ попечительства и т. д.

Изъ этого краткаго разбора обвиненій, предъявляемыхъ противъ И. В. Э. Общества, видно, насколько они малоосновательны и тенденціозны, а также насколько они даже незначительны по своему существу по сравненію съ тою серьезною и рѣшительною карательною мѣрою, которая предпринимается нынѣ противъ Общества и которая, игнорируя вѣковыя его заслуги, ставить ни во что всѣ драгоцѣнныя права, непокосновенно сохраненныя за нимъ въ теченіе 133 лѣтъ. Можно сказать даже больше: если бы всѣ перечисленные обвиненія были даже вполне основательны и были доказаны гласнымъ разслѣдованіемъ авторитетныхъ лицъ, то и въ такомъ случаѣ они могли бы вызвать отвѣтственность отдѣльныхъ членовъ Общества, допустившихъ въ своей дѣятельности тѣ или другія правонарушенія, но нисколько не должны были имѣть своимъ послѣдствіемъ ограниченіе правъ самого Общества, которое было настолько счастливо, что пережило въ теченіе 133 лѣтъ длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ колебаній общественнаго и правительственнаго настроенія, сохранивъ въ неприкосновенности драгоцѣнныя права, Высочайше ему дарованныя при его основаніи.

3. Такъ какъ настоящій пересмотръ устава И. В. Э. Общества производится нынѣ безъ участія самого Общества и Совѣту Общества, стоящему на стражѣ его правъ и интересовъ, не сообщены официально предложенія гг. Министровъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, и Внутреннихъ Дѣлъ о предполагаемыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ его устава, то Совѣтъ лишенъ возможности представить членамъ Комитета Министровъ обстоятельный разборъ этихъ предположеній. Но такъ какъ Совѣту конфиденціально сообщена была сущность предпологаемыхъ измѣненій, то онъ не считаетъ себя вправе уклониться отъ изложенія нѣкоторыхъ соображеній о бесполезности, вредѣ и несправедливости примѣненія къ И. В. Э. Обществу предположенныхъ измѣненій его устава и ограниченія его правъ.

На первомъ мѣстѣ здѣсь, конечно, надо поставить тотъ пунктъ предполагаемыхъ дополненій, по которому устанавливается, что И. В. Э. Общество состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по Департаменту Земледѣлія, пунктъ, который безусловно противорѣчитъ апробованному Императрицею Екатериною II ходатайству учредителей, всеподданнѣйше просившихъ имѣть счастье быть „подъ единственныи только Ея Императорскаго Величества покровительствомъ“ и чтобы Общество ихъ управлялось въ трудахъ своихъ собственными своими между собою обязательствами и установленіями, почему и называлось бы во всѣхъ случаяхъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

Внесеніе въ уставъ Общества дополненія, устанавливающаго его зависимость отъ Департамента Земледѣлія, обращаетъ въ пустой звукъ его наименование „Вольнаго“, подтвержденное Высочайшими рескриптами Преемниковъ Императрицы Екатерины II, и лишаетъ Общество драгоценнѣйшаго права непосредственнаго обращенія къ Особѣ Монарха въ болѣе важныхъ случаяхъ, что составляло въ теченіе 133-лѣтней жизни Общества его ненарушимую привилегію, которой, какъ показываетъ безпристрастная исторія, оно никогда не злоупотребляло. Внесеніе этого пункта дополненія въ уставъ Общества будетъ идти въ разрѣзъ съ § 9 устава Общества, въ которомъ сказано, что „если Особа Императорской Фамиліи удостоитъ Общество стать во главѣ его, то принимаетъ на себя званіе почетнаго Президента“ и что „Почетный Президентъ есть ходатай за него предъ Престоломъ Монаршимъ“, что, очевидно, не можетъ имѣть мѣста по отношенію къ учрежденію, подчиненному Департаменту. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду неблагоприятныя практическія послѣдствія такого незаслуженнаго умаленія исключительныхъ правъ И. В. Э. Общества, раздѣляемыхъ имъ лишь съ самымъ небольшимъ числомъ русскихъ Обществъ и, между прочимъ, съ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Только благодаря своему исключительному положенію, независимому отъ чиновъ административныхъ вѣдомствъ и отъ преходящихъ тенденцій, неизбѣжно проводимыхъ всякимъ исполнительнымъ органомъ, эти Общества могли въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ сохранить безпристрастный научный характеръ своей полезной для отечества и русской науки дѣятельности и только, благодаря такому своему исключительно высокому положенію въ общей іерархіи учреждений, эти общества могли пріобрѣсти и сохранить тотъ высокій авторитетъ, который давалъ имъ возможность осуществить съ успѣхомъ многія полезныя предпріятія. Развѣ Вольное Экономическое Общество могло-бы съ успѣхомъ осуществить свои стремленія ко всеобщему, напр., распространенію на пространствахъ всей Россіи, до самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ, оспопрививанія или успѣшно выполнить повсемѣстное въ Россіи изслѣдованіе хлѣбной торговли, обогатившее русскую науку цѣнными научными экономическими трудами, или-же съ успѣхомъ произвести нынѣ заканчивающееся изслѣдованіе народнаго образованія во всей Россіи, если-бы оно въ глазахъ общества и чиновъ администраціи не пользовалось извѣстнымъ ореоломъ авторитетности, немислимой для учрежденія, находящагося въ вѣдѣніи спеціальнаго административнаго учрежденія, вѣдающаго одну узкую отрасль земледѣлія. Если И. В. Э. Обществу еще предстоитъ въ будущемъ оказать-какія либо услуги отечеству, то это окажется возможнымъ лишь при условіи сохраненія за нимъ его нынѣшнихъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Вреднымъ стѣсненіемъ для дѣятельности И. В. Э. Общества можетъ послужить и устанавливаемое однимъ изъ пунктовъ предполагаемыхъ дополненій ограниченіе права Общества давать свои порученія только такимъ постороннимъ лицамъ, которыя занимаются разработкой входящихъ въ кругъ его дѣятельности вопросовъ, равно стоящихъ по своему общественному или служебному положенію въ ближайшемъ къ таковой дѣятельности отношеніи. Это ограниченіе можетъ не только стѣснить научную дѣятельность Общества, но, кромѣ того, вслѣдствіе невозможности придать этому ограниченію точную редакцію, не допускающую самыхъ разнообразныхъ толкованій, оно создастъ постоянный предлогъ для вмѣшательства въ его научную дѣятельность постороннихъ тенденцій. Несомнѣнно, что компетентность упомянутыхъ лицъ опредѣляется такою сложностью внутреннихъ признаковъ, которая не поддается никакимъ обобщеніямъ и единственнымъ здѣсь мѣриломъ можетъ быть поставлено соотвѣтствіе этихъ лицъ поручаемымъ имъ задачамъ, что составляетъ подразумеваемое само собою условіе всякаго цѣлесообразнаго выбора. Лишеніе же Общества права давать соотвѣтственные порученія учащимся ограничивается безъ надобности выборъ этихъ лицъ именно въ то время, когда не только земства, но и многія другія учрежденія, какъ, напримѣръ, даже Министерство Путей Сообщенія, Медицинскій Департаментъ и пр. прибѣгаютъ къ услугамъ студентовъ

высшихъ учебныхъ заведеній, возлагая на нихъ порученія, въ которыхъ, кромѣ извѣстнаго уровня общаго и спеціальнаго образованія, необходимо проявленіе такъ свойственныхъ молодому возрасту чистоты, энергіи и самоотверженности.

Еще болѣе чревата вредными стѣсненіями и недоразумѣніями неудачная попытка регламентировать въ одномъ изъ предполагаемыхъ дополнительныхъ пунктовъ организацію и дѣятельность учреждаемыхъ Обществомъ временныхъ Комиссій. Устанавливаемое въ этомъ пунктѣ право Комиссій приглашать въ свою среду постороннихъ Обществу лишь лишь „съ правомъ совѣщательнаго голоса“ неприемлемо къ такимъ, напримѣръ, Комиссіямъ, какъ экспертные. Что-же касается предоставленія этого рода Комиссіямъ права разсматривать лишь вопросы, имѣющіе „непосредственное“ отношеніе къ опредѣленнымъ уставомъ задачамъ Общества, то необходимо опасаться, что слово „непосредственное“, включенное въ редакцію этого пункта, можетъ подать поводъ предполагать въ составителяхъ проектированнаго пункта желаніе низвести дѣятельность И. В. Э. Общества къ обсужденію однихъ только техническихъ вопросовъ, относящихся къ сельскому хозяйству и ближайшихъ къ нему отраслямъ промышленности. Но если даже это предположеніе въ данномъ случаѣ и можетъ быть признано ошибочнымъ, то несомнѣнно, что злополучное слово „непосредственное“ можетъ въ будущемъ породить именно такое толкованіе ихъ намѣреній. Между тѣмъ 133-лѣтняя дѣятельность Общества показываетъ, что оно никогда не ограничивалось одними вопросами „непосредственно“ относящимися къ сельскому хозяйству и сельскимъ промысламъ. Сама Августѣйшая Основательница Общества предложеніемъ на его обсужденіе вопроса о крѣпостномъ правѣ предугадала созданному Ею Обществу самыя широкія задачи. Точно также и Бя Августѣйшіе Преемники, одобрявшіе и покровительствовавшіе дѣятельности Общества по распространенію оспопрививанія и по распространенію въ народѣ грамотности, авторитетно засвидѣтельствовали неправомерность узкаго толкованія задачъ Общества. Кромѣ того, необходимо признать, что сокращеніе дѣятельности И. В. Э. Общества до рамокъ однихъ техническихъ вопросовъ неизбѣжно поведетъ къ его замранію, въ виду отсутствія въ С.-Петербургѣ достаточнаго круга лицъ, которые съ успѣхомъ могли-бы работать въ столь узкихъ рамкахъ, и въ виду разнообразія естественныхъ и экономическихъ условій различныхъ мѣстностей Россіи, препятствующаго обсужденію большей части техническихъ вопросовъ съ общерусской точки зрѣнія.

Не менѣе, если даже не болѣе опасны содержаніе и неясная редакція дополнительнаго пункта, опредѣляющаго обязанность Общества доводить заблаговременно до свѣдѣнія начальника мѣстной полиціи о днѣ, часѣ и предметахъ занятій Собраній Общества. Фактически нѣтъ никакой надобности въ этомъ дополненіи, такъ какъ и теперь мѣстная полиція извѣщается о днѣ, часѣ и предметахъ занятій Собраній Общества посредствомъ послышки мѣстному приставу повѣстокъ о каждомъ засѣданіи одновременно съ разсылкой повѣстокъ членамъ Общества. Но, кромѣ того, пунктъ этотъ редактированъ такъ, что можетъ подать полиціи поводъ къ вмѣшательству во внутренній дѣла Общества, къ обсужденію того, имѣетъ или не имѣетъ поставленный на очередь предметъ „непосредственное“ отношеніе къ задачамъ Общества и вышло-ли или нѣтъ данное Собраніе изъ предѣловъ, поставленныхъ въ повѣсткѣ вопросовъ. Наконецъ, примѣненіе этого пункта фактически неосуществимо по невозможности внести въ повѣстку всѣ мелочные вопросы и предвидѣть тотъ оборотъ, какой могутъ принять въ Собраніи пренія по каждому сложному вопросу.

Въ цѣляхъ регулированія дѣятельности Собраній вполне достаточно указаній, имѣющихся въ §§ 57 и 59 нынѣшняго устава Общества, въ которыхъ установлено, что только о всякомъ важномъ предположеніи или любопытномъ сообщеніи члены Общества и Президентъ должны быть заранѣе извѣщаемы и на обязанности Президента Общества и Предсѣдателя Отдѣленій лежитъ наблюденіе за исполненіемъ этихъ требованій уставу, которые, насколько Совѣту извѣстно, никогда не нарушались.

Совѣтъ считаетъ необходимымъ возразить и противъ включенія въ уставъ Общества пункта, устанавливающаго порядокъ закрытія и ликвидаціи Общества. Подобное правило можетъ быть включено въ уставъ вновь создаваемыхъ Обществъ, ближайшая судьба которыхъ находится въ области гаданій. Императорское Вольное Экономическое Общество, плодотворно потрудившееся на пользу отечества въ теченіе 133-лѣтъ, должно считать себя внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было случайныхъ обстоятельствъ, которые могли-бы вызвать его распаденіе, и имѣть смѣлость твердо уповать, что подлѣ просвѣщеннымъ и благосклоннымъ покровительствомъ Русскихъ Монарховъ оно и въ будущемъ просуществуетъ практически

безконечное время. Но во всякомъ случаѣ, если-бы подобная катастрофа и могла-бы произойти въ будущемъ съ этимъ Обществомъ, имѣющимъ въковую исторію, то столь экстраординарное событіе вполнѣ подходило бы къ разряду такихъ, которыя требовали-бы особеннаго законодательнаго акта.

Совѣтъ И. В. Э. Общества считаетъ излишнимъ входить въ разсмотрѣніе содержанія остальныхъ дополненій, проектированныхъ гг. Министрами Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, ограничиваясь указаніемъ на то, что они большею частью составляютъ повтореніе или общихъ законодательныхъ опредѣленій или же правилъ, установленныхъ въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ, но изложенныхъ въ такой редакціи, которая можетъ въ будущемъ вызывать нежелательныя толкованія и пререканія.

Въ заключеніе Совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ выразить увѣренность, что при разсмотрѣніи представленія гг. Министровъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ въ высшемъ административномъ учрежденіи, стоящемъ на стражѣ закона и интересовъ отечества, Высочайше дарованныя Императорскому Вольно-Экономическому Обществу права и преимущества будутъ ограждены въ своей неприкосновенности и Обществу будетъ гарантирована возможность дальнѣйшей его дѣятельности на пользу отечества.

Твердо вѣруя въ незыблемость принциповъ справедливости, И. В. Э. Общество выражаетъ желаніе, чтобы прежде пересмотра его устава была подвергнута правильному и безпристрастному разслѣдованію наличность тѣхъ „нежелательныхъ явленій“ въ дѣятельности Общества, которыя послужили къ возбужденію вопроса о пересмотрѣ его устава, являющагося для него карательной мѣрой, чтобы порядокъ пересмотра устава Общества былъ избранъ такой, который не нарушалъ-бы правъ Общества, Высочайше ему дарованныхъ Императрицей Екатериною II и подверженныхъ ея Вѣнцевосными Преемниками, и чтобы при этомъ пересмотрѣ были сохранены за Обществомъ Высочайше дарованныя Обществу преимущества, гарантирующія его независимость подъ Высочайшею охраною и покровительствомъ.

Заслуживъ во всемілостивѣйшемъ рескриптѣ въ Вosz почившаго Государя Императора Александра Николаевича, данномъ Обществу въ день его столѣтняго юбилея, столь высоколестныя слова, что оно не только „оправдало надежды Высокой его Основательницы, но и приобрѣло своими общепользными трудами право на признательность Россіи“, И. В. Э. Общество только подъ сѣнью Высочайше дарованныхъ ему правъ и при ихъ неприкосновенности можетъ и въ дальнѣйшемъ продолжать свою полезную дѣятельность на благо отечества и вполнѣ оправдать довѣріе нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, который въ рескриптѣ своемъ отъ 21 ноября 1894 г. удостоилъ Общество выраженіемъ увѣренности, что „оно будетъ съ усиленнымъ рвеніемъ стремиться къ выполненію, сообразно требованіямъ времени, задачъ, предуказанныхъ его Высокою Основательницею Императрицею Екатериною II“.

Самодержавіе и общинное землевладѣніе.

(Выдержка изъ записки Витте 1894 г. въ защиту общины.)¹

„Если идея самодержавія въ неизмѣнной чистотѣ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію и составляетъ незыблемую основу русскаго государственнаго устройства, то отнюдь не нашей интеллигенціи, воспитанной въ индивидуалистическихъ воззрѣніяхъ на право собственности и, тѣмъ не менѣе, одновременно увлекавшейся самыми пагубными идеями, должна быть приписана роль хранительницы этого завета русской государственности. Онъ сохраненъ въ чистотѣ именно тою русскою общиною, которая нынѣ заподозрѣвается столь незаслуженно. Она сохранила спокойный, вѣрующій и терпѣливый въ бѣдахъ народъ, не разбитый въ „человѣческую пыль“, не дикое стадо, а организованный въ сельскіе міры, являющіеся дѣйствительно, снопами русскаго народнаго міровоззрѣнія, каждую соломинку въ которыхъ переломить въ отдѣльности не трудно, но которые въ цѣломъ согнуть невозможно. И эта великая охранительная и дисциплинирующая сила заподозрѣвается въ социализмъ, оплотомъ противъ котораго она именно и служитъ у насъ. Не трудно видѣть, что при наличности печальныхъ экономическихъ условий, наступившихъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, непризнаніе правъ гражданственности за русскою общиною, обративъ населеніе въ раздробленную чернь, вызвало бы неминуемо аграрную катастрофу. И это были бы уже не тѣ „зачатки аграрныхъ безпорядковъ“, которые разсыпались, какъ дымъ, отъ одного слова, обращеннаго Государемъ къ окружавшимъ его, словно дѣти, представителямъ сельскихъ міровъ. Кому, какъ не общинѣ, обзаны мы тѣмъ, что у насъ нѣтъ той „черни“, которая страшнымъ призракомъ давитъ всѣ культурныя европейскія государства и грозитъ потопить цивилизацію запада? Есть ли хотя намекъ на какой-нибудь историческій или бытовой фактъ, могущій служить обвиненіемъ общины въ аграрныхъ злоупотребленіяхъ или подготовкѣ ея почвы для пропаганды социалистическихъ или анархистскихъ ученій? Не наоборотъ ли, въ то время, — когда великорусскіе мужики-общинники связывали во имя здраваго государственнаго инстинкта мятежныхъ юношей, проповѣдывавшихъ имъ черный передѣлъ, въ Чигиринскомъ уѣздѣ происходили кровавыя расправы. Нѣтъ никакихъ основаній заподозрѣвать общинно-правовыя воззрѣнія общины на земельную собственность въ чемъ-либо противномъ общественному порядку.

„Черный передѣлъ“ великоросса совсѣмъ не тотъ, за пропаганду котораго онъ самъ связываетъ агитаторовъ; у него не соединяется съ надеждами на черный передѣлъ ни малѣйшей мысли о своевольномъ захватѣ земли и, наконецъ, кому же неизвестно, что вся подворная Малороссія, какъ одинъ человѣкъ, ожидаетъ „слушного часа“, когда земля будетъ подѣлена между мужиками?

Я глубоко убѣжденъ въ высокополезномъ государственномъ значеніи русской общины. Община-міръ была именно тѣмъ связующимъ элементомъ, сплачивавшимъ народъ въ тѣсныя единомышленныя группы, необходимыя въ своемъ единѣ. Подъ этимъ именно народнымъ знаменемъ росло и крѣпло государственное единство, подъ этимъ именно знаменемъ въ трудныя минуты народъ вставалъ, какъ одинъ человѣкъ, и на своихъ могучихъ плечахъ выносилъ цѣлостъ и достоинство государства. Только благодаря благотворному вліянію общины, въ которой никто не терялъ сознанія своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, народъ чувствовалъ свое человѣческое достоинство, Россія избѣгла повального рабства. Община же сохранила значеніе русскаго крестьянина, какъ полноправнаго члена русскаго общества, прикрывая отдѣльную личность предъ помѣщикомъ. По милости общины

¹ Отвѣтъ на записку бывшаго Министра Двора графа Воронцова-Дашкова, въ которой община рассматривалась какъ учрежденіе, могущее содѣйствовать распространенію социалистическихъ идей въ народной массѣ.

крестьянинъ сохранилъ свою свободу передъ владѣльцемъ, по милости ея онъ не былъ ни батракомъ, ни закупомъ владѣльца земли. Наконецъ, сознаніе своей народности, столь отличающее великоросса-общинника, всецѣло воспитано въ немъ общиною. Чѣмъ объясняется та легкость, съ которой нѣмецкая народность утверждаетъ въ Привислянскихъ и Литовскихъ губерніяхъ, не сливаясь съ туземцами, а, напротивъ, подчиняя ее своему вліянію? Не высшая культура, а разединенность крестьянскихъ подворныхъ хозяйствъ составляетъ здѣсь условіе, дающее возможность всякому капиталисту, какой бы то ни было національности, давить одного по одному мелкихъ, не сознающихъ своей солидарности, владѣльцевъ. Польское крестьянство уже дожило, въ силу своей разединенности, почти до полного индифферентизма въ политическомъ отношеніи. Еще во время наполеоновскихъ войнъ обнаружилось, что ему нѣтъ до дѣла того, какой народности правительство править имъ — польское ли, русское, австрійское, нѣмецкое. Здѣсь крестьянинъ смутно признаетъ свою принадлежность къ извѣстному обособленному племени и называетъ „полякомъ“ только шляхтича, себя-же — просто „хлопомъ“. Это отсутствіе сознанія принадлежности къ данной народности особенно замѣтно въ тѣхъ селеніяхъ, которые, по мѣстному выраженію, колонизированы, т. е. расселены подворно на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Именно подворное владѣніе создаетъ тотъ строй, который воспитываетъ вражду другъ къ другу, убиваетъ понятія общенныя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и понятія о національности, о національной власти, погружаетъ въ полный политическій индифферентизмъ, при которомъ только и возможно человеку признавать верховенство барона или пана, или мѣшка золота, безъ различія, въ чьихъ бы рукахъ онъ ни былъ. Напрѣтивъ, общинное землевладѣніе представляетъ иную практическую школу, благодаря которой во всей Великороссіи народъ еще называетъ себя „русскимъ“ народомъ; признаковъ индифферентизма въ немъ еще никто не замѣтилъ — и упаси Боже затронуть которое-либо изъ частныхъ понятій, входящихъ въ содержание сложнаго его понятія о его народности.

Дисциплинирующій государственно-охранительный характеръ русскаго общиннаго строя всего лучше явствуетъ изъ исторіи раскола. Бѣжавшіе и скрывавшіеся въ лѣсахъ и пустыняхъ ревнители старой вѣры создали немало заселенныхъ мѣстъ и новыхъ землевладѣній и создали ихъ на основахъ исключительно общиннаго, а не частнаго или подворнаго владѣнія — и здѣсь уже, очевидно, не было никакого крѣпостного или фискальнаго давленія извнѣ. Рѣзко выдѣлившись изъ общерусской церковной жизни, проводя въ своихъ вѣрованіяхъ китайскую стѣну между собою и остальнымъ русскимъ народомъ, старообрядцы, только благодаря своему мірскому общинному духу, сохранили въ неприкосновенности свое государственное чутье и свою неразрывную политическую связь съ народомъ и государствомъ, долгое время бывшимъ для нихъ злою мачихой. Несмотря на всѣ гоненія и преслѣдованія, несмотря на двухсотлѣтнее почти безправное и нравственно унижительное положеніе, созданное для старообрядчества правительственною властью, никогда не возникало въ его средѣ не только никакого антигосударственнаго движенія, но даже нельзя найти слѣда антигосударственной мысли. Даже признавая въ разгаръ невыносимыхъ преслѣдованій и Царскую, и Церковную власть предавшими антихристу, старообрядцы продолжали носить въ себѣ трогательную преданность русскому государственному началу и во всемъ томъ, что не касалось тайниковъ ихъ вѣры, за которую они шли на муки и смерть, повиновались государственной власти безпрекословно. А съ другой стороны, передъ нами фактъ современныя — распространение штунды. Чѣмъ объяснить, что штунда, представляющая собою явленіе яркоантигосударственнаго характера, распространяется исключительно по вѣсобщинной Россіи?*

Внѣ закона.

I.

Сама жизнь выдвинула вопросъ о свободѣ совѣсти на первое мѣсто, на первую очередь. Всѣмъ извѣстные событія и факты русской народно-общественной жизни послѣдняго времени настойчиво и неотступно требуютъ возможно скорѣйшаго, безотлагательнаго разрѣшенія этого давнымъ-давно наболѣвшаго вопроса. Въ разрѣшеніи его заинтересована вся Россія, все русское общество, отъ его верховъ, до низовъ, отъ князя до крестьянина, но всего ближе и непосредственнѣе вопросъ этотъ касается, конечно, тѣхъ 20 милліоновъ¹ коренныхъ русскихъ гражданъ, которые извѣстны у насъ подъ названіемъ сектантовъ, старообрядцевъ и раскольниковъ.

Извѣстная рѣчь орловскаго губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича, произнесенная имъ на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ по вопросу о свободѣ совѣсти, еще разъ напомнила правительству и обществу о тѣхъ невозможныхъ общественныхъ условіяхъ, среди которыхъ течетъ жизнь многомилліоннаго сектантскаго населенія въ Россіи. Рѣчь эта, явившаяся крупнымъ событіемъ нашей общественной жизни, была встрѣчена цѣлымъ взрывомъ общаго сочувствія со стороны всѣхъ мыслящихъ, просвѣщенныхъ русскихъ людей. Печать, въ лицѣ своихъ лучшихъ органовъ, насколько позволяли цензурные тиски, горячо привѣтствовала благородный, истинно гражданскій подвигъ г. Стаховича, осмѣлившагося громко, на весь міръ, заявить о страшной язвѣ, разъѣдающей нашъ государственный организмъ.

При этомъ указывалось на отсталость нашего законодательства по вопросамъ, касающимся преступленій и проступковъ противъ господствующей церкви, перечислялись суровыя мѣры, постигающія за переходъ изъ православія въ другія вѣроисповѣданія, а также за распространеніе религіозныхъ ученій, несогласныхъ съ ученіемъ господствующей церкви. Читались статьи законовъ, относящіяся до послѣдователей такъ называемыхъ „особенно-вредныхъ“ сектъ, доказывалась настоятельная необходимость соотвѣствующихъ измѣненій въ законодательствѣ, въ духѣ терпимости и свободы.

Все это было, конечно, глубоко вѣрно и справедливо.

Но при этомъ, — быть можетъ, невольно, — были упущены изъ вниманія нѣкоторыя въ высокой степени важныя и существенныя стороны вопроса.

Прежде всего не было указано на одну весьма характерную особенность крайне ненормальнаго положенія, въ которомъ находится

¹ См. статью „Два милліона или же двадцать милліоновъ“ А. Борецкаго въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1902 г. № 24.

у насъ самый вопросъ о сектантствѣ и расколѣ. Особенность эта состоитъ въ томъ, что какъ въ административныхъ, такъ и въ духовныхъ сферахъ вопросъ этотъ до сихъ поръ считается почему-то секретнымъ. Вся переписка, всѣ сношенія по этому вопросу правительственныхъ и церковныхъ учреждений до сихъ поръ ведутся не иначе, какъ „конфиденціально“ и „совершенно секретно“. Администрация и особенно духовныя власти всячески стараются облечь и окружить этотъ вопросъ непроницаемой тайной. Они ставятъ всевозможныя препятствія и тормазы тѣмъ лицамъ, которые желали бы посвятить свой трудъ и свое время на тщательное изученіе и изслѣдованіе этого вопроса.

Извѣстно, что архивы святѣйшаго синода, духовныхъ консисторій и многихъ нашихъ монастырей содержатъ въ себѣ огромное количество матеріаловъ, какъ по исторіи раскола и сектантства, такъ и объ его современномъ состояніи, но, къ сожалѣнію, всѣ эти въ высшей степени драгоцѣнные матеріалы совершенно недоступны для ученаго изслѣдователя. Проникнуть свѣтскому, да отчасти и духовному ученому въ архивъ святѣйшаго синода или духовной консисторіи столь же трудно, какъ верблюду пройти сквозь игольное ухо... Тайна, глубокая тайна ревниво скрываетъ отъ общества, отъ народа, отъ науки всѣ эти богатѣйшія сокровища, которые могли бы пролить яркій свѣтъ на многія стороны религіозной и духовной жизни русскаго народа, до сихъ поръ очень мало выясненныя. Самые отчаянные конспираторы и заговорщики могутъ позавидовать той таинственности, которой удалось нашимъ духовнымъ властямъ окружить свои архивы. Но въ этой мрачной таинственности, въ этой странной свѣтобоязни, въ этомъ страхѣ передъ гласностью таится что-то отталкивающее, что-то глубоко возмущающее нравственное чувство каждаго убѣжденнаго, искренняго человѣка.

Точно и въ самомъ дѣлѣ въ этихъ архивахъ и канцеляріяхъ хранится что-то такое, что необходимо всячески скрывать, таить и какъ можно дальше прятать отъ взоровъ людей!

Затѣмъ, во время полемики, вызванной рѣчью М. А. Стаховича, не было достаточно опредѣленно и ярко отмѣченъ тотъ фактъ, что тяжесть современнаго положенія русскихъ сектантовъ и раскольниковъ зависитъ не только отъ тѣхъ или другихъ направленныхъ противъ нихъ статей закона, но едва ли еще не въ большей мѣрѣ отъ тѣхъ мѣръ чисто административнаго характера, которыя, къ сожалѣнію, получили слишкомъ широкое примѣненіе у насъ по отношенію къ сектантству и расколу.

Чтобы убѣдиться въ этомъ — достаточно припомнить хотя въ самыхъ общихъ чертахъ практику административныхъ воздѣйствій въ области религіи и церкви за послѣднія 20—25 лѣтъ.

Общественная реакція, наступившая съ 1881 года, прежде всего отозвалась — какъ и всегда въ эпохи застоя — на положеніи печати и литературы. Цензура, какъ общая, такъ и спеціально духовная, начинаетъ проявлять необычайную строгость и придирчивость, особенно по вопросамъ, касающимся современныхъ условій религіозной, духовной жизни русскаго народа. Органы періодической прессы получаютъ секретныя предписанія не говорить и не касаться тѣхъ

именно вопросовъ, которые едва ли не болѣе всего занимали и интересовали въ тотъ моментъ русское общество.

Статьи, посвященныя вопросу о русскомъ сектанствѣ, вырѣзываются изъ журналовъ. Книги, трактующія этотъ вопросъ, задерживаются цензурой и сжигаются или же уничтожаются инымъ способомъ. Такъ, въ 80-хъ годахъ были задержаны и сожжены слѣдующія книги: „Расколъ внизу и расколъ вверхъ. Очерки современнаго сектантства“, „Отщепенцы: старо-вѣры и ново-вѣры. Очерки религиозно-бытовыхъ движеній русскаго народа“, „Въ поискахъ за правдой“ и т. д.

Конечно, при нѣкоторомъ желаніи и въ этихъ фактахъ, при сопоставленіи ихъ съ аналогичными явленіями далекой эпохи, можно, пожалуй, усмотрѣть извѣстный прогрессъ. Въ самомъ дѣлѣ: прежде жгли раскольниковъ и сектантовъ, жгли на кострахъ живыхъ людей, теперь же жгутъ только книги, посвященныя вопросу о сектантахъ. Прогрессъ очевиденъ. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что за послѣднее время эти средневѣковыя аутодафѣ болѣе уже не практикуются, такъ какъ теперь книги, осужденныя на уничтоженіе, уже не жгутъ, а рубятъ, обращаютъ въ массу и приготавливаютъ изъ нея снова бумагу, на которой печатаютъ... быть можетъ „Миссіонерское Обозрѣніе“ или „Правительственный Вѣстникъ“.

Благодаря подобнымъ мѣрамъ, проводимымъ притомъ съ рѣдкой настойчивостью, вопросъ о расколѣ и сектанствѣ становится совершенно недоступнымъ для обсужденія его въ русской печати. Редакторы журналовъ и газетъ, боясь навлечь на себя административныя кары, скрѣпя сердце, стараются обходить молчаніемъ вопросы, связанные съ условіями, среди которыхъ течетъ религиозная, духовная жизнь русскаго народа.

Въ результатъ свѣтская печать лишена была всякой возможности выяснять крупное явленіе народно-общественной жизни, затрагивающее важнѣйшія стороны человѣческаго духа. Но въ то время, какъ независимая печать вынуждена была хранить невольное молчаніе объ этомъ наболѣвшемъ вопросѣ, духовная пресса въ огромномъ большинствѣ своихъ органовъ широко пользовалась правомъ... правомъ бить лежащаго, т. е. громить и обличать послѣдователей русскихъ религиозныхъ сектъ и ученій, которые лишены были всякой возможности возражать и оправдываться противъ вводимыхъ на нихъ обвиненій.

Духовнымъ органамъ не доставало безпристрастія, не доставало спокойнаго объективнаго отношенія, столь необходимаго для выясненія сложнаго общественнаго явленія и, наконецъ, не доставало широты взгляда, такъ какъ они рассматривали вопросъ исключительно съ полемической точки зрѣнія, имѣя въ виду обличить ученія разныхъ сектъ въ тѣхъ или другихъ отступленіяхъ ихъ отъ догматовъ господствующей православной церкви. Но при этомъ они совершенно не интересовались другими сторонами этого вопроса. Они не старались выяснить тѣ внутреннія, психическія причины, которыя заставляютъ народъ отказываться отъ православія и толкаютъ его въ сектантство. А выясненіе этихъ причинъ получаетъ особенное значеніе въ виду несомнѣннаго факта, что въ сектантство и расколъ

чаще всего уходятъ наиболѣе чуткія, наиболѣе живыя, воспримчивыя и страстныя натуры изъ народа. Духовные органы, духовные писатели не задавались вопросами: почему, въ силу какихъ мотивовъ крестьянинъ, мысль котораго пробудилась, чаще всего уходитъ въ сектантство? Почему крестьянинъ, который началъ задумываться надъ вопросами нравственнаго и религіознаго характера, котораго начали смущать и мучить разныя сомнѣнія о правой вѣрѣ, о возможности спасенія души, объ устройствѣ жизни на началахъ евангелическаго ученія, — почему такой человѣкъ въ большинствѣ случаевъ порываетъ съ церковью и становится адептомъ того или другого сектантскаго ученія?

Еще болѣе равнодушіе проявляли духовные органы и писатели къ выясненію тѣхъ внѣшнихъ причинъ и условій, которыя способствуютъ у насъ развитію и усиленію сектантства. Между тѣмъ необходимо признать, что причины, обуславливающія развитіе нашего раскола и сектантства, слишкомъ широко захватываютъ народную жизнь и коренятся въ ней гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ о расколѣ тѣсно, органически связывается не только съ вопросами, касающимися церкви, духовенства и школы, но также и со всѣми тѣми вопросами нашего общественнаго строя, которые относятся до правового и экономическаго положенія народа: всѣ эти вопросы находятся въ прямой и тѣсной связи съ условіями, содѣйствующими развитію сектантства, и отъ того или другого практическаго разрѣшенія ихъ будетъ прямо зависѣть усиленіе или ослабленіе сектантства.

Если такія секты, какъ бѣгунство или странничество и неплательщики, являются прямымъ, хотя и несознательнымъ протестомъ противъ извѣстныхъ невыносимо тяжелыхъ условій народной жизни (въ родѣ, напримѣръ, непосильныхъ податей и паспортовъ, сковывающихъ народъ), то понятно само собою, что только устраненіемъ поводовъ и причинъ, вызывающихъ протестъ, можно парализовать развитіе такого рода ученій и не дать имъ принять еще болѣе острыхъ, болѣе рѣзкихъ формы. Между тѣмъ мы какъ будто не хотимъ замѣчать, что развитіе многихъ сектъ находится въ непосредственной зависимости отъ существованія въ народной жизни такихъ учреждений, какъ паспортная система, чрезмѣрное обложеніе народа разнаго рода податями и налогами и т. п.

Вообще чрезвычайная разнородность основныхъ элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ нашъ расколъ, составляетъ главную причину, почему вопросъ о сектантствѣ не можетъ быть обсуждаемъ отдѣльно, самъ по себѣ, безъ отношенія его къ другимъ наиболѣе важнымъ и давно наболѣвшимъ вопросамъ нашей народно-общественной жизни. Если бы мы сознавали это, то, конечно, не возлагали бы въ борьбѣ съ сектантствомъ всѣхъ своихъ упованій на дѣятельность господъ и отцевъ миссіонеровъ, на строгость секретныхъ циркуляровъ и на полиційскія преслѣдованія и стѣсненія.

Своей системой борьбы съ сектантами правительство и церковь какъ нельзя лучше доказываютъ свое полное незнаніе русскаго раскола и сектантства, непониманіе того, что составляетъ главную сущность, главную основу и силу религіозно-бытовыхъ движеній русскаго народа.

Въ этомъ незнаніи и непониманіи сектантства вмѣстѣ съ правительствомъ и духовенствомъ, въ значительной степени повинно также и русское общество, русская интеллигенція. Но въ этомъ случаѣ вся вина за такое незнаніе всецѣло падаетъ, конечно, на тѣ исключительныя условія, въ которыя поставленъ у насъ вопросъ о сектантствѣ, до сихъ поръ считающійся „секретнымъ“, „щекотливымъ“ и запретнымъ, недоступнымъ для гласнаго, свободнаго обсужденія и изслѣдованія.

Благодаря такому положенію дѣла, получается необыкновенная аномалія: мы, русскіе, не можемъ указать въ своей литературѣ такихъ трудовъ и изслѣдованій по русскому сектантству, какіе можно встрѣтить въ литературахъ другихъ народовъ; въ доказательство этого достаточно указать, напримѣръ, на извѣстное изслѣдованіе Леруа-Болье, посвященное вопросу о русскомъ расколѣ-сектантствѣ. Въ силу цензурныхъ условій у насъ до сихъ поръ не могутъ быть изданы въ свѣтъ работы по расколу и сектантству Шапова, Аксаклова, Мельникова, Пругавина, Абрамова и многихъ другихъ, не могутъ быть изданы даже матеріалы по исторіи раскола и сектантства, собранные разными лицами и учрежденіями въ огромномъ количествѣ.

II.

Одновременно съ репрессивными мѣрами, направленными противъ печати, начинается открытое и усиленное гоненіе послѣдователей секты рационалистическаго характера: штундистовъ, пашковцевъ, баптистовъ, молоканъ, духоборовъ, деснаго братства и т. д. И, хотя преслѣдованія эти въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, можно сказать, не прекращались ни на минуту и до сихъ поръ практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе однако официальные представители власти, какъ духовной, такъ гражданской, имѣютъ смѣлость категорически отрицать даже самый фактъ подобныхъ преслѣдованій.

Православные миссіонеры въ своихъ органахъ постоянно утверждаютъ, что всѣ слухи и рассказы о преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ сектантовъ въ Россіи крайне преувеличены и раздуты, что, собственно говоря, никакихъ преслѣдованій, а тѣмъ болѣе гоненій противъ сектантовъ въ Россіи не происходитъ и что изъ всѣхъ русскихъ сектъ лишь одни штундисты подвергаются нѣкоторымъ стѣсненіямъ, но и эти стѣсненія ничтожны, что о нихъ не стоитъ даже и говорить, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они ограничиваются лишь незначительными штрафами въ 5—6 рублей. И только всего.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется огромный, строго фактичeskій матеріалъ о преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ, предпринимаемыхъ русскимъ правительствомъ и духовными властями противъ послѣдователей разныхъ религіозныхъ сектъ и ученій. Къ сожалѣнію, размѣры настоящаго сообщенія не позволяютъ намъ привести здѣсь даже самую краткую хронику тѣхъ арестовъ, обысковъ, ссылокъ, изгнаній и заточеній, которые предпринимались въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, такъ какъ напечатаніе подобной хроники потребовало бы цѣлой объемистой брошюры или книги. Въ виду этого, по не-

обходимости, мы вынуждены отказаться от желанія нарисовать полную картину общественных условий, среди которых живут наши религиозные отщепенцы, и должны будемъ ограничиться лишь указаніемъ на отдѣльные эпизоды, на отдѣльные случаи и болѣе характерные моменты той борьбы, которая ведется у насъ теперь противъ сектантства какъ гражданскими, такъ и духовными властями.

Чуть ли не первыми испытали на себѣ тяжелый гнетъ установившейся у насъ съ начала 80-хъ годовъ реакціи такъ называемые „пашковцы“. Подъ этимъ именемъ въ Россіи извѣстны послѣдователи ученія англійскаго проповѣдника лорда Редстока. Главнымъ распространителемъ этого ученія въ Россіи считался полковникъ гвардіи Василій Александровичъ Пашковъ, извѣстный своей широкой благотворительной дѣятельностью. На его средства и при его активномъ содѣйствіи и участіи возникло множество разныхъ филантропическихъ и просвѣтительныхъ учреждений въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ, напримѣръ: больницы, пріюты, школы и т. д.

Въ половинѣ 70-хъ годовъ Пашковымъ и графомъ А. П. Бобринскимъ было основано въ Петербургѣ „Общество поощренія духовно-нравственнаго чтенія“, которое за время своего существованія издало множество брошюръ и книгъ религиозно-этического содержанія. Эти брошюры и книги, вмѣстѣ съ евангеліемъ и библіей, распространялись членами Общества въ широкихъ кругахъ русскаго народа. Благодаря дѣятельности этого Общества, евангеліе на русскомъ языкѣ проникло въ очень многія глухія села и деревни.

Чтеніе евангелія сдѣлало свое дѣло. Подъ вліяніемъ этого чтенія мысль крестьянина всколыхнулась. Она начала работать надъ вопросами нравственнаго, религиознаго и общественнаго характера. Это пробужденіе народной мысли, поддерживаемое извѣстными социальными явленіями современной жизни, съ каждымъ годомъ сказывалось все громче и опредѣленнѣе, обнаруживаясь въ разныхъ формахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Для всѣхъ становилось очевиднымъ, что во взглядахъ народа, въ его завітныхъ вѣрованіяхъ, идеяхъ и представленіяхъ начинался глубокой переломъ, назрѣвалъ серьезный кризисъ. Рамки сухого, черстваго формализма и мертвой обрядности, столь долго сковывавшія народную мысль, народное чувство, оказывались тѣсными и начинали раздвигаться подъ напоромъ пробуждавшагося сознанія.

Но такое пробужденіе не могло, конечно, нравиться сторонникамъ мрака и застоя: оно пугало ихъ, вызывая тревогу и опасенія, вызывая страхъ передъ народомъ, умъ и чувство котораго начинали прозрѣвать. И вотъ начинаются репрессіи. „Общество поощренія духовно-нравственнаго чтенія“, которое такъ много сдѣлало для распространенія въ народной средѣ евангелія, — было закрыто. Всѣ брошюры и книги, изданныя этимъ Обществомъ, были запрещены и конфискованы. Надъ Пашковымъ и его друзьями учреждается строгій гласный или тайный надзоръ, нѣкоторые изъ пашковцевъ обявляются подпиской о невыездѣ изъ мѣстъ жительства, они привлекаются къ разнымъ дознаніямъ, увѣщаніямъ и т. д.

Затѣмъ, въ 1884 г. В. А. Пашкову было предъявлено требованіе прекратить свою дѣятельность по распространенію евангелія и рели-

гіозно-нравственныхъ брошюръ, а также всякую устную пропаганду. Отъ него потребовали, чтобы онъ выдалъ въ этомъ подписку. Когда же онъ отказался выдать такое обязательство, то ему было предложено немедленно оставить Россію. Такимъ образомъ онъ принужденъ былъ переселиться въ Англію. Такому же изгнанію изъ Россіи подвергся графъ Модестъ Модестовичъ Корфъ, вынужденный переселиться во Францію. За остальными болѣе дѣятельными редстокистами, какъ, на примѣръ: графомъ А. П. Бобринскимъ, Е. И. Чертковой, Н. П. Зиновьевымъ, княгиней Гагариной, семей фонъ-Крузе и многими другими, учрежденъ былъ полицейскій надзоръ, который нерѣдко принималъ крайне грубыя формы, начиная отъ подглядыванія подъ окнами и кончая до вторженія въ ихъ дома околodочныхъ и другихъ полицейскихъ чиновъ.

Если подобныя мѣры допускались по отношенію лицъ, принадлежащихъ къ высшему столичному обществу, лицъ, которыя нерѣдко располагали значительными связями и вліяніемъ, — то не трудно себѣ представить, что дѣлалось съ простыми смертными, съ крестьянами и мѣщанами, заподозрѣнными почему-нибудь въ принадлежности къ пашковской сектѣ. Достаточно было миссіонеру или уряднику узнать, что у такого-то крестьянина имѣются пашковскія брошюры или такъ называемое „пашковское евангеліе“, чтобы немедленно же послѣдовалъ обыскъ у этого крестьянина. Если при этомъ находили тѣ или другія пашковскія брошюры или же евангеліе съ подчеркнутыми мѣстами, то тотчасъ же начиналось дознаніе и слѣдствіе, начинались допросы и аресты, словомъ, возникало „секретное“ дѣло по обвиненію въ распространеніи пашковской секты, со всѣми его обычными, всегда весьма печальными для обвиняемыхъ, послѣдствіями.

Судебныя дѣла о пашковцахъ постоянно возникали въ Петербургѣ, Москвѣ и въ разныхъ губерніяхъ: Тверской, Псковской, Нижегородской, Таврической и во многихъ другихъ. Почти всѣ эти дѣла возбуждались по инициативѣ мѣстнаго духовенства; чаще же всего эта инициатива исходила изъ среды православныхъ миссіонеровъ. И это не только въ глухой провинціи, но и въ столицахъ. Въ Москвѣ, на примѣръ, миссіонеромъ отцемъ Христофоромъ Максимовымъ возбужденъ былъ цѣлый рядъ подобныхъ дѣлъ. Такъ, въ 1893 году онъ возбудилъ дѣло по обвиненію госпожъ Бороздиной и Огневой и нѣсколькихъ крестьянъ въ распространеніи пашковской секты. Слѣдствіе, къ которому привлечено было множество лицъ, производилъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Къ сожалѣнію, власти не нашли возможнымъ передать это дѣло на судъ и предпочли окончить его административнымъ порядкомъ. Нѣсколько человѣкъ изъ числа привлеченныхъ къ слѣдствію были сосланы административнымъ порядкомъ на 7 лѣтъ въ Закавказскій край, въ Эриванскую губернію.

Надъ г-жей Бороздиной учрежденъ былъ строжайшій надзоръ полиціи, при чемъ для выѣзда изъ Москвы въ предѣлы Московской губерніи она должна была каждый разъ испрашивать разрѣшеніе московскаго генераль-губернатора, а для выѣзда въ другія губерніи разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Когда г-жѣ Бороздиной

вилаась необходимость поѣхать въ Серпуховскій уѣздъ, къ своему одственнику, который занималъ тамъ должность предводителя дворянства, то ей было выдано „проходное свидѣтельство“, при чемъ на обязана была ѣхать, нигдѣ не останавливаясь, по прибытіи же а мѣсто, явиться въ полицію. Мѣстныя полицейскія власти, начиная отъ исправника и кончая урядникомъ и полицейскимъ десятникомъ, получили приказаніе строжайше слѣдить за каждымъ шагомъ той опасной преступницы, вся вина которой состояла лишь въ томъ, что она осмѣлилась раздавать народу евангеліе съ подчеркнутыми текстами.

Большинство пашковцевъ, навлекшихъ на себя подозрѣнія духовенства въ пропагандѣ, высылалось въ Закавказье, гдѣ они обыкновенно поселялись среди инородцевъ, при чемъ администрація нимало не задавалась вопросомъ о томъ, найдутъ ли эти люди на мѣстахъ ссылки какіе-нибудь заработки, которые давали бы имъ средства къ существованію. Благодаря этому, ссыльные сектанты терпѣли страшныя лишенія, голодали, болѣли и нерѣдко „мерли, какъ мухи“.

О преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются въ Россіи штундисты и русскіе баптисты, довольно много говорилось въ русской печати, — поэтому мы не будемъ долго останавливаться на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что газеты, особенно южныя, несмотря на тяжелыя цензурныя условія, все-таки сообщаютъ массу фактовъ изъ области подобныхъ преслѣдованій. Основываясь даже на этихъ фактахъ, не трудно себѣ представить то безотрадное, можно сказать, невыносимое положеніе, въ которомъ находятся многочисленные послѣдователи этихъ сектъ. Людямъ не даютъ молиться, запрещаютъ сообща читать евангеліе, штрафуютъ за пѣніе духовныхъ псалмовъ. Ихъ молитвенныя собранія разгоняются полицейскими чиновниками, городовыми, урядниками, сотскими и десятскими. Судьи и земскіе начальники ежедневно приговариваютъ ихъ къ арестамъ и штрафамъ только за то, что они рѣшаются сообща молиться Богу. Имъ не выдаютъ паспортовъ для отлучки на заработки, за ними всюду слѣдятъ, ихъ выслѣживаютъ, какъ важныхъ уголовныхъ преступниковъ.

III.

Еще болѣе суровыя преслѣдованія выпали на долю духовоборцовъ, проживающихъ на Кавказѣ. Здѣсь дѣло началось съ ссылки въ городъ Колу, Архангельской губерніи, духовобора Петра Веригина, пользовавшагося огромной популярностью среди послѣдователей этой секты. Такъ какъ, несмотря на ссылку въ городъ, который считается самымъ отдаленнымъ и самымъ сѣвернымъ городомъ Европейской Россіи, Веригинъ находилъ возможность поддерживать сношенія съ Кавказскими духовоборами, то поэтому онъ былъ пересланъ изъ Колы въ Сибирь въ г. Обдорскъ подъ самый строгій надзоръ. Ссылка эта, какъ вскорѣ показали дальнѣйшія событія, была крупной ошибкой со стороны мѣстной администраціи. Она окружила Веригина въ глазахъ его почитателей ореоломъ мученичества и вызвала среди

нихъ желаніе слѣдовать его примѣру. „Онъ пострадалъ за вѣру — говорили духоборы — и за всѣхъ насъ, его братьевъ“. И они также выражали готовность страдать, хотя бы этому страданію не было конца. Броженіе, возникшее среди духоборовъ еще при Веригинѣ, мало-по-малу перешло въ волненіе. Раздраженіе духоборовъ начало проявляться въ неповиновеніи начальству, въ отказахъ исполнять его требованія. Этому всего болѣе способствовали безтактныя, жестокія безъ всякой надобности мѣры мѣстной администраціи. Когда начались массовыя ссылки, и духоборовъ начали высылать сотнями и тысячами въ разные отдаленныя уѣзды, то можно было подумать, что при примѣненіи этихъ мѣръ ставится цѣлью не только наказывать и покарать духоборовъ, но и въ конецъ разорить ихъ. Такъ, когда были назначены въ ссылку первыя 415 семействъ въ Горійскій, Душетскій и Сигнахскій уѣзды, то имъ было дано всего только три дня сроку, въ который они обязаны были ликвидировать всѣ свои хозяйственныя дѣла, распродать все свое имущество и собраться въ дорогу. Понятно, какія послѣдствія повлекло за собою подобное распоряженіе.

Жилища, надворныя постройки, хлѣбъ на корню, картофель на поляхъ, большую часть хозяйственного инвентаря — плуги, сохи, бороны, повозки и проч. — все это пришлось духоборамъ бросить на произволъ судьбы; остальное же имущество, какъ, напримѣръ, лошадей, быковъ, коровъ, овецъ, пришлось продать впопыхахъ за гроши, за безцѣнокъ. Налегкѣ, въ однихъ фургонахъ двинулись духоборы со своими семьями въ далекія, чуждыя мѣста, на невѣдомую жизнь, съ одними голыми руками. По словамъ очевидцевъ, безмѣрно грустную картину представляли собою эти длинныя вереницы ссыльныхъ духоборовъ.... Такимъ образомъ благосостояніе людей, которое составлялось долгими годами упорнаго труда, было разорено и пущено на вѣтеръ въ три дня, благодаря непонятному самодурству и дикому капризу кого-то.

Такому разоренію и ссылкѣ подверглось около 5000 душъ духоборовъ. Распоряженіемъ губернской власти духоборческія семейства, предназначенныя къ водворенію въ томъ или другомъ уѣздѣ, распредѣлялись по селеніямъ уѣзда съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждое селеніе приходилось не болѣе 2—3 семей, при чемъ они поселялись обязательно въ разныхъ концахъ селенія, съ цѣлью устранить возможность частаго между ними общенія. При этомъ земли ссыльнымъ переселенцамъ-духоборамъ не было дано. Имъ представлялось жить, какъ и чѣмъ они хотятъ. Но въ то же время они лишены были права, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія, отлучаться даже въ сосѣднее село. Словомъ, люди были разорены, обездолены и въ довершеніе всего лишены земли и свободы.

Я не буду распространяться здѣсь о тѣхъ чисто азіатскихъ жестокостяхъ и насиліяхъ, которыя пущены были въ ходъ противъ духоборовъ мѣстными кавказскими властями. Но, чтобы хотя отчасти напомнить о томъ, что пришлось испытать этимъ людямъ, прежде чѣмъ они рѣшились покинуть Россію, я позволю себѣ привести здѣсь лишь одинъ случай.

Однажды духоборы села Орловки собрались на общественную молитву. Только что они приступили къ молитвѣ, какъ прискакалъ казакъ съ приказаніемъ, чтобы они немедленно же отправлялись въ Богдановку, куда прибылъ губернаторъ, который требуетъ ихъ къ себѣ. Духоборы отвѣтили посланному: — „дайте намъ кончить молитву и тогда мы придемъ.“ Но имъ не удалось окончить этой молитвы, такъ какъ вслѣдъ за этимъ на нихъ налетѣли двѣ сотни казаковъ и начали бить ихъ нагайками. Толпа замерла. Дѣти подняли страшный плачъ, а казаки, взбѣшенные столь явнымъ ослушаніемъ приказанію начальства, ожесточенно начали бить нагайками оцѣпенѣвшую отъ ужаса толпу беззащитныхъ людей.

Эти наивные люди, всѣмъ сердцемъ вѣрившіе въ то, что на свѣтѣ нѣтъ ничего святѣе, нѣтъ ничего выше молитвы, устанавливающей общеніе человѣка съ Богомъ, кинулись на колѣни и, простирая руки къ Небу, запѣли духовный псаломъ. Увы! Это отнюдь не спасло ихъ отъ казацкихъ плетей, которыя продолжали немилосердно стегать и рубить ихъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, вся толпа, прекративъ молитву, въ ужасѣ не ринулась на дорогу.... Тутъ казаки погнали ихъ въ Богдановку, подстегивая нагайками тѣхъ, которые почему-нибудь замедляли шагъ.

Въ оправданіе суровыхъ мѣръ, принятыхъ противъ духоборовъ, обыкновенно указываютъ на то, что послѣдователи этой секты, отрицая войну, отказывались отъ исполненія воинской повинности. Пусть будетъ такъ. Но, вѣдь, это отрицаніе явилось у нихъ не со вчерашняго дня, — наоборотъ, оно всегда составляло одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ ихъ ученія. Однако до сихъ поръ государство находило возможнымъ терпѣть подобное отношеніе къ воинской повинности. Оно находило возможнымъ мириться съ этимъ фактомъ даже во времена наибольшаго увлеченія у насъ солдатчиной и казармой. Чѣмъ же можно объяснить возбужденіе столь суровыхъ преслѣдованій противъ духоборовъ за ихъ отказъ отъ военной службы именно теперь, т. е. въ то самое время, когда главой государства столь торжественно передъ лицомъ всего человѣчества провозглашены были великія идеи мира и осуждены насиліе и милитаризмъ, — эти страшныя язвы современнаго государства?

Это тѣмъ болѣе непостижимо, что, помимо духоборовъ, въ Россіи существуютъ другія секты, также отрицающія военную службу, которыя, однако, терпятъ правительствомъ. Такова, напримѣръ, нѣмецкая секта менонитовъ, для послѣдователей которой служба въ войскахъ замѣнена пребываніемъ въ особыхъ лѣсныхъ командахъ, обязанныхъ заниматься разведеніемъ лѣсовъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Почему же для духоборовъ нельзя было сдѣлать того, что сдѣлано для нѣмцевъ-менонитовъ?

Затѣмъ, если мы вспомнимъ, съ одной стороны, тѣ чрезвычайно лестныя аттестаціи, которыя давались высшей кавказской администраціей относительно духоборовъ, о ихъ жизни, о ихъ миролюбіи, о ихъ замѣчательномъ патріотизмѣ, — а, съ другой стороны — статьи и замѣтки въ духовныхъ и миссіонерскихъ журналахъ, громившія духоборовъ и обвинявшія ихъ во всевозможныхъ преступленіяхъ до бунта включительно, — то для насъ будетъ ясно, что былъ истин-

нымъ вдохновителемъ тѣхъ систематическихъ гоненій, которыя были воздвигнуты противъ этихъ честныхъ, трудолюбивыхъ, трезвыхъ и мирныхъ людей и которыя довели ихъ до отчаянія, до разоренія, до рѣшимости бросить родину и уйти въ чуждый неизвѣстный край.

Въ настоящее время вполне выяснилось, что и Канада и Калифорнія, куда направились наши духоборы, съ полной охотой отводятъ свои земли для поселенія этихъ сектантовъ и готовы даже предоставить имъ разныя льготы, такъ какъ высоко цѣнятъ замѣчательныя нравственныя качества, любовь и способность къ труду такихъ переселенцевъ, какъ русскіе духоборы, которые зарекомендовали себя въ Америкѣ съ самой лучшей стороны и заслужили прочныя симпатіи американскаго общества. Духоборовъ же всего болѣе прельщаетъ въ Америкѣ, во-первыхъ, то, что ни въ Канадѣ, ни въ Калифорніи, какъ извѣстно, нѣтъ всеобщей воинской повинности, такъ какъ войска тамъ составляются изъ охотниковъ-добровольцевъ, а вторыхъ: отсутствіе урядниковъ, станovýchъ, казаковъ съ ихъ плетями и нагайками и, наконецъ, отцевъ и господъ миссіонеровъ съ ихъ доносами и науськиваніями.

Перспектива пожить среди подобныхъ условій въ атмосферѣ религиозной свободы настолько соблазнительна для русскаго сектанта, что оставшіеся на Кавказѣ духоборы начинаютъ теперь также готовиться къ переселенію въ Америку. Затѣмъ стремленіе это захватило кавказскихъ молоканъ, которые также рѣшили эмигрировать изъ Россіи. Вообще сейчасъ на Кавказѣ среди духоборовъ, молоканъ и баптистовъ происходитъ сильное и массовое движеніе въ смыслѣ переселенія въ Америку. Интеллигентныя лица изъ среды баптистовъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ становится все больше и больше, дѣлаютъ, какъ намъ извѣстно, всевозможныя усилія для того, чтобы остановить это движеніе и удержать сектантовъ на родинѣ.

Эмиграціонное движеніе кавказскихъ сектантовъ начинаетъ также серьезно беспокоить и мѣстныя власти, которыя всячески стараются затормозить это движеніе. Въ этихъ видахъ прошедшей осенью сдѣлано было распоряженіе о прекращеніи выдачи паспортовъ молоканамъ и другимъ сектантамъ. Но эта мѣра вызвала въ г. Карсѣ уличное волненіе: молокане вышли на площадь и огромной толпой подошли къ дому губернатора, требуя выдачи имъ паспортовъ.

IV.

Было бы, однако, большою ошибкой думать, что преслѣдованіямъ подвергаются въ Россіи только послѣдователи рационалистическихъ сектъ. Ни чуть не бывало. Секты чисто мистическаго характера, какъ, напримѣръ, хлыстовщина, малеванщина, прыгуны и т. д., точно также отнюдь не щадятся ни администраціей, ни полиціей, ни отцами-миссіонерами. Чтобы дать представленіе о томъ, во что обращается у насъ дѣятельность православныхъ отцевъ-миссіонеровъ, побуждаемыхъ высшею духовною властью къ борьбѣ съ расколомъ, я позволю себѣ напомнить здѣсь нѣкоторые факты изъ дѣятельности

самарскаго епархіального міссіонера отца Матюшинскаго по искорененію имъ хлыстовщины. Факты эти были оглашены нѣсколько лѣтъ тому назадъ газетою „Недѣля“.¹

Самарскіе міссіонеры забили тревогу по поводу того, что въ этой губерніи была обнаружена „небывалая масса хлыстовъ“. Особенно выдвинулся, какъ страстный искатель раскола и ересей, нѣкто отецъ Матюшинскій, тотъ самый отецъ Матюшинскій, который не постѣснился печатно обвинять въ сектанствѣ члена саратовской судебной палаты, д. ст. сов. Устимовича. Для иллюстраціи дѣятельности почтеннаго міссіонера приводится слѣдующій поразительный примѣръ.

Предоставляю слово самарскому корреспонденту „Недѣли“.

„Купецъ Прохоровъ очень извѣстенъ въ Самарѣ: это — безупречный труженникъ по благотворительнымъ дѣламъ“, какъ отзывался его самарскій губернаторъ при выборѣ Прохорова въ члены правленія мѣстнаго дома трудолюбія. Особенно много онъ поработалъ во время голода 1891—1892 г., состоя, по назначенію незабвеннаго общаго любимца самарцевъ бывшаго епископа Владиміра, — нынѣ экзарха Грузіи — завѣдующимъ складомъ епархіального комитета для голодающихъ (за что Прохоровъ имѣетъ благословеніе святѣйшаго синода съ установленною грамотою). Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ завѣдующіе складомъ Особаго Комитета, гдѣ Прохоровъ работалъ не покладая рукъ. Прохоровъ до сихъ поръ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ многихъ богоугодныхъ заведеній Самары и пожизненнымъ членомъ „общества распространенія православнаго христіанства на Кавказѣ“, по предложенію самого экзарха. Затѣмъ, всѣмъ извѣстно, что Прохоровъ велъ жизнь всегда трезвую, патріархальную, постоянно ходилъ въ церковь, какъ рассказываютъ о томъ священники, служившіе десятки лѣтъ въ Самарѣ, — за что и былъ избранъ прихожанами Петро-Павловской церкви въ 1889 г. въ церковные старосты. Въ этой должности онъ служилъ до 1895 года, когда теперешній епископъ самарскій Гурій устранилъ его отъ должности по обвиненію его въ хлыстовствѣ. Въ должности церковнаго старосты Прохоровъ сдѣлалъ для церкви очень много полезнаго: кромѣ личныхъ своихъ крупныхъ пожертвованій, онъ очень много приобрѣлъ въ церковь, воздвигъ разныя постройки, украсилъ храмъ, сдѣлалъ помѣщеніе для церковно-приходской школы и мн. др. За все это впослѣдствіи, когда онъ былъ устранилъ отъ должности старосты, прихожане поднесли ему икону Спасителя и благодарственный адресъ, въ которомъ высказываютъ горячее соболѣзнованіе о постигшей его клеветѣ, свое искреннее убѣжденіе въ томъ, что онъ „истинный православный христіанинъ“ и надежду на то, что этотъ „дымъ клеветы скоро разсѣется“. Тотъ же Прохоровъ способствовалъ устроенію земской образцовой школы на окраинѣ города, до тѣхъ поръ лишенной всякой школы. Состоя попечителемъ этой школы, онъ устроилъ въ ней народныя чтенія.

„И вотъ на этомъ то выдающемся мѣстномъ дѣятелѣ остановился выборъ о. Матюшинскимъ. Въ провинціи, при доброй волѣ, можно найти сколько угодно „достоверныхъ свидѣтелей“ чего угодно.

¹ Недѣля, 1896 г., № 4.

О. Матюшинскій настоялъ на обыскѣ у Прохорова и во время обыска просилъ судебную власть забрать въ видѣ улики нѣсколько женскихъ ночныхъ сорочекъ старушки, тетки Прохорова, отобралъ просфоры принесенныя къ нимъ богомольцами, хранимыя ими, какъ святыни; снимали даже перламутровыя крестики съ иконъ и все это почему-то о. Матюшинскій призналъ принадлежностью хлыстовщины. Тутъ же Прохорову было поставлено въ вину то, что онъ имѣетъ много въ домѣ иконъ и книгъ св. Евангелія. Кромѣ означенныхъ вещей ничего „сектанскаго“ въ домѣ Прохорова не нашлось.

„Въ это же самое время о. Матюшинскій отправился въ село С. Бузулукскаго уѣзда, къ родственнику г. Прохорова, тоже человѣку искренне православному и честному, — какъ о немъ отзываются мѣстные крестьяне — состояшему тоже кандидатомъ на должность церковнаго старосты и дѣлавшему очень много пользы для церкви, какъ говорятъ мѣстные священники. Ревностный миссіонеръ произвелъ въ домѣ этого крестьянина, безъ надлежащихъ властей, самъ, лично обыскъ, но результатъ и здѣсь получился отрицательный. Тогда о. Матюшинскій сталъ писать дознаніе, но, что писалъ при дознаніи, объ этомъ не знаетъ никто изъ допрошенныхъ лицъ. На произволъ, творившійся при дознаніи была подана жалоба мѣстному епископу. Послѣ обысковъ и вышеуказанныхъ дознаній о. Матюшинскаго, какъ Прохорову, такъ и его родственнику Н., никакихъ допросовъ до сентября не было. 30-го сентября къ Прохорову снова является судебный слѣдователь и другія лица — свидѣтельствовать Прохорова въ принадлежности его уже къ скопческой сектѣ.“

Необходимо замѣтить, что у Прохорова, какъ извѣстно всему городу, есть дѣти, изъ которыхъ двое сыновей учатся въ мѣстномъ реальномъ училищѣ и дочь въ гимназіи; кромѣ того, есть и малолѣтнія. Какія данныя имѣли о. миссіонеръ и г. судебный слѣдователь для того, чтобы подвергнуть почтенную семью столь позорному обслѣдованію? . . . Ровно никакихъ. Освидѣтельствовали Прохорова, его жену, несмотря на то, что она ходила послѣдніе дни беременности, сестру-дѣвицу и всѣхъ служащихъ. Результатъ получился, разумѣется, вполне отрицательный, о чемъ и былъ составленъ судебнымъ слѣдователемъ протоколъ. „Никакихъ изувѣрствъ, говорится въ протоколѣ, въ домѣ Прохорова не найдено“. Но тѣмъ не менѣе, 13 октября г. Прохоровъ вызванъ былъ судебнымъ слѣдователемъ къ допросу въ качествѣ обвиняемаго въ распространеніи хлыстовщины и . . . былъ заключенъ въ тюрьму, съ запрещеніемъ свиданія даже съ семьей на время производства надъ нимъ слѣдствія. Также было поступлено и съ родственникомъ Прохорова Н. Жена Прохорова, будучи потрясена всѣми этими событіями, разрѣшилась преждевременно отъ бремени, и ребенокъ черезъ нѣсколько дней умеръ.

Разумѣется, „Прохоровъ нѣсколько разъ возбуждалъ ходатайство о замѣнѣ одиночнаго тюремнаго заключенія, какъ мѣры пресѣченія способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда, другой какой-либо мѣрой, не могущей служить предварительнымъ наказаніемъ, какъ то залогомъ или поручительствомъ, — въ то же время не имѣя ровно ничего противъ самого строжайшаго разслѣдованія всей его жизни.

Но всѣ эти ходатайства остаются тщетными“. Даже не позволили передать Прохорову сочиненія Іоанна Кронштатскаго съ собственноручною надписью автора.

По словамъ корреспонденціи, „всѣ лица, знающія Прохорова, глубоко увѣрены въ принадлежности его къ истинно православной вѣрѣ“ и убѣждены, что слѣдствіе можетъ констатировать лишь полную его невиновность. „Тѣмъ не менѣе Прохоровъ и его родственники и до сего времени (январь 1896 года) сидятъ въ острогѣ.“

Приведенные факты какъ нельзя лучше рисуютъ характеръ и приемы дѣятельности нашихъ православныхъ миссіонеровъ и въ то же время наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, насколько гарантирована въ Россіи неприкосновенность личности и семейнаго очага отъ грубыхъ посягательствъ со стороны отцевъ миссіонеровъ, полиціи и даже судебной власти.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи преслѣдованія сектантовъ со стороны мѣстныхъ духовныхъ властей принимаютъ иногда характеръ настоящихъ религіозныхъ гоненій, при чемъ нерѣдко въ дѣло пускаются такія мѣры, которыя по своей исключительной, почти невѣроятной жестокости, казалось, были совершенно немыслимы въ наше время. Таковы, напримѣръ, были мѣры, принятыя въ 1897 г. по инициативѣ тѣхъ же самарскихъ миссіонеровъ противъ распространенія молоканской секты. Когда до Самары дошли слухи о томъ, что по селеніямъ Николаевского и Бузулукскаго уѣздовъ разѣзжаются по ночамъ становые пристава и урядники, насильно отбираютъ отъ молоканъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, заранѣе намѣченныхъ отцами-миссіонерами и куда то ихъ увозятъ, — то долгое время никто не хотѣлъ вѣрить подобнымъ слухамъ и рассказамъ, — такъ они казались невѣроятны. Однако, это недовѣріе вскорѣ должно было исчезнуть, такъ какъ въ Самару прибыли родители тѣхъ дѣтей, которыя были взяты полиціей и куда то увезены. Смущенные, подавленные, растерянные — они не знали, что дѣлать, что предпринять. Смутно сознавая, что съ ними сдѣлано что-то глубоко незаконное, они ходили къ губернатору, архіерею, жандармскому полковнику, миссіонерамъ, но нигдѣ не могли добиться толку. Губернаторскіе чиновники увѣряли ихъ, что губернаторъ въ этомъ дѣлѣ ни при чемъ, что это дѣло архіерея. У архіерея-же имъ объявили, что владыка не имѣетъ никакого отношенія къ этой исторіи, что это дѣло полиціи и т. д.

Только съ большимъ трудомъ имъ удалось узнать, гдѣ находятся отобранныя отъ нихъ дѣти. Оказалось, что они размѣщены по разнымъ мужскимъ и женскимъ монастырямъ Самарской епархіи. Долгое время никто не могъ или же никто не желалъ объяснить несчастнымъ родителямъ, на долго ли заключены въ монастыри ихъ дѣти и будутъ ли они когда-нибудь возвращены имъ. Но вотъ являются православные миссіонеры и говорятъ убитымъ горемъ отцамъ и матерямъ: „ваши дѣти до тѣхъ поръ будутъ въ монастыряхъ пока вы, ихъ родители, не покаетесь, пока вы не отречетесь отъ молоканской ереси и не присоединитесь снова къ лону православной церкви... Вы губите своихъ дѣтей, такъ какъ не крестите ихъ и воспитываете въ молоканскомъ духѣ, а въ монастыряхъ ихъ окрестятъ по право-

славному обряду и будутъ воспитывать согласно ученію святой церкви“....

Вотъ она святая инквизиція, воскресшая наканунѣ XX-го столѣтія....

Въ отчаяніи родители-молokane бросились къ адвокатамъ спрашивая ихъ: „есть ли такія права, по которымъ можно было бы безнаказано отбирать дѣтей отъ родныхъ отцовъ и матерей“. Адвокаты усердно писали жалобы и прошенія, которыя посылались молokane во всевозможныя учрежденія. Однако эти прошенія, эти жалобы не оказывали никакого дѣйствія: молokane дѣти по-прежнему томились въ монастыряхъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ были окрещены. Отцамъ и матерямъ хотя и разрѣшалось навѣщать своихъ дѣтей, но лишь на самое короткое время и притомъ не иначе, какъ въ присутствіи кого-либо изъ монастырской братіи. Въ то же время въ народѣ начали распространяться слухи, что вскорѣ у всѣхъ молokane будутъ отобраны дѣти и помѣщены въ монастыри.

Необходимо замѣтить, что молokane весьма сильно распространено въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской губерніи; здѣсь есть огромныя села, населеніе которыхъ наполовину и даже болѣе состоитъ изъ молokane. Поэтому, понятно, какое страшное волненіе началось въ молokane средѣ подъ вліяніемъ слуховъ о всеобщемъ отобраніи дѣтей отъ молokane. Крестьяне-молokane села Коржевки, Максимова тожъ, открыто и громко говорили: „Пусть только къ намъ пріѣдутъ миссіонеры съ урядниками, мы ихъ съ вилами встрѣтимъ.“

Изъ Самары были посланы корреспонденціи въ столичныя болѣе независимыя и болѣе либеральныя газеты съ просьбой огласить приведенные выше факты. И, хотя въ справедливости и точности этихъ фактовъ у редакціи газетъ не могло быть ни малѣйшихъ сомнѣній, тѣмъ не менѣе ни одна изъ газетъ не рѣшилась, не осмѣлилась напечатать о томъ, что творили въ самарскихъ степяхъ отцы-миссіонеры, совмѣстно съ становыми и урядниками. Такъ велика боязнь у русскихъ органовъ печати предъ тѣмъ всемогущимъ лицомъ, которое стоитъ во главѣ русскаго церковнаго управленія, которому путемъ двадцатилѣтнихъ репрессій удалось терроризировать редакторовъ и издателей нашихъ газетъ и журналовъ.

Печальные, возмутительные факты были оглашены въ печати, лишь благодаря авторитету графу Л. Н. Толстого и рѣшимости редактора „С-Петербургскихъ Вѣдомостей“, князя Ухтомскаго. Дочь великаго писателя, графиня Т. Л. Толстая, лично отправилась къ г. оберъ-прокурору святѣйшаго синода, чтобы просить за несчастныхъ молokane. К. П. Побѣдоносцевъ увѣрилъ графиню, что дѣти молokane будутъ немедленно возвращены ихъ родителямъ и при этомъ заявилъ, что вся эта исторія произошла единственно вслѣдствіе того, что самарскія духовныя власти „черезчуръ переусердствовали“.

Весьма естественно было ожидать, что инициаторы и виновники насильнаго отобранія дѣтей отъ родителей насильнаго заключенія ихъ въ монастыри, насильнаго крещенія ихъ по православному обряду — понесутъ должное наказаніе, что у нихъ разъ на-всегда будетъ отнята возможность въ будущемъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и

направленіи. Можно было думать, что церковнымъ управленіемъ и духовными властями дано будетъ хотя какое-нибудь нравственное удовлетвореніе глубоко оскорбленному и возмущенному народно-общественному чувству. Но, увы! Ничего подобнаго не случилось. Происходившій какъ разъ въ это самое время казанскій миссіонерскій съѣздъ не нашелъ нужнымъ рѣзко и открыто осудить, заклеить позоромъ возмутительныя дѣйствія самарскихъ миссіонеровъ. Мало этого, — въ средѣ членовъ миссіонерскаго съѣзда нашлись лица, которые горячо защищали и энергически отстаивали мѣры, практиковавшіяся самарскими миссіонерами. Но и этого мало. Въ составѣ съѣзда нашлись отдѣльные члены и въ числѣ ихъ одинъ преосвященнѣйшій владыка, который доказывать необходимость отбирать отъ сектантовъ не только дѣтей, но ихъ имущества Къ сожалѣнію, при этомъ осталось невыясненнымъ, въ чью именно пользу, по мнѣнію почтеннаго владыки, должны были поступить конфискованныя имущества сектантовъ.

Затѣмъ, скорѣ послѣ этого въ Самарѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что главный инициаторъ всѣхъ гоненій противъ сектантовъ, миссіонеръ о. Матюшинскій, получилъ важное повышеніе по должности: онъ былъ назначенъ главнымъ епархіальнымъ наблюдателемъ надъ всѣми церковно-приходскими школами грамоты въ Самарской губерніи. Лучшаго воспитателя для народной молодежи въ духѣ казеннаго православія, очевидно, трудно было найти.

V.

Въ число сектантовъ и еретиковъ, какъ извѣстно, попалъ и „великій писатель земли русской“, писатель, который, по всей справедливости, считается славой и гордостью Россіи. Это зачисленіе въ ряды еретиковъ геніальнѣйшаго писателя современной эпохи, такъ много сдѣлавшаго для развитія религіозной и этической мысли весьма характерно для того направленія, которое получила наша церковная жизнь въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ. Вмѣсто того, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить поистинѣ огромныя заслуги графа Л. Н. Толстого въ области религіи и этики, православная церковь, въ лицѣ русскаго святѣйшаго синода, признала его ересіархомъ и — мало этого — нашла нужнымъ отлучить отъ церкви и передать анаѣмѣ.

Подобную мѣру по отношенію такого человѣка, какъ Л. Н. Толстой, нужно считать роковымъ шагомъ для русской православной церкви. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что этого отлученія, этой анаѣммы никогда не простятъ святѣйшему синоду ни русская интеллигенція, ни русскій народъ.

Русскій народъ знаетъ Толстого не только какъ геніальнаго писателя, одареннаго божественнымъ даромъ читать въ сердцахъ людей, какъ въ открытой книгѣ, — онъ знаетъ его какъ человѣка, который всю свою долгую жизнь, всей своей кипучей дѣятельностью всегда служилъ на пользу народа, надъ удовлетвореніемъ его важнѣйшихъ, духовныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ и потребностей. Народъ никогда не забудетъ всего того, что сдѣлалъ

для него Толстой, помимо своихъ художественныхъ и философскихъ произведеній. Онъ не забудетъ его дѣятельности въ качествѣ мирового посредника перваго призыва, его дѣятельности по устройству и веденію замѣчательной образцовой народной школы, его педагогической дѣятельности, его многолѣтнихъ хлопотъ по изданію и распространенію книгъ и картинъ для народа, наконецъ, не забудетъ его въ высшей степени энергичной и поистинѣ самоотверженной дѣятельности по борьбѣ съ голодовками, поражавшими народъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и т. д.

И вотъ, если для такого человѣка, для такого христіанина-подвижника, какъ Левъ Толстой, всю жизнь горѣвшаго любовью къ людямъ въ духѣ самаго чистаго и высокаго христіанства — въ лоно православной церкви не оказалось мѣста, то отсюда ясно для всѣхъ и каждаго, во что обратилось теперь наше казенное православіе подъ влияніемъ и давленіемъ такихъ изуверовъ-фанатиковъ, какими является самозванный глава этой церкви г. Побѣдоносцевъ.

Въ своихъ произведеніяхъ графъ Толстой относился критически и отрицательно не только къ современной церкви, но и къ современному государству. Почему же государство не нашло нужнымъ поступить съ великимъ писателемъ, какъ съ политическимъ преступникомъ, виновнымъ въ подрываніи существующаго государственнаго строя? Почему оно не заточило его въ Соловки, не сослало въ Сибирь или не выслало за границу, какъ, напримѣръ, Пашкова и другихъ? Почему лица, стоящія во главѣ правительства, проявили по отношенію къ знаменитому писателю-философу гораздо болѣе мягкости и терпимости, чѣмъ лица, стоящія во главѣ православной церкви?

Но если власти не нашли возможнымъ и удобнымъ для себя подвергнуть графа Л. Н. Толстого ссылкѣ или изгнанію, то съ его послѣдователями эти же самыя власти отнюдь не церемонились. Такъ, напримѣръ, основателю „Посредника“ Владиміру Григорьевичу Черткову было предложено оставить Россію, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ поселиться въ Англіи. Павелъ Ивановичъ Бирюковъ былъ сосланъ въ одинъ изъ глухихъ остзейскихъ городковъ подъ строгій надзоръ полиціи. Эта ссылка и надзоръ, сопровождавшіеся множествомъ всякаго рода стѣсненій, вынудили г. Бирюкова покинуть Россію и переселиться въ Швейцарію. Князю Дм. Ал. Хилкову въ теченіе 90-хъ годовъ пришлось вынести цѣлый рядъ ссылокъ изъ одного мѣста въ другое. Сначала онъ былъ сосланъ на Кавказъ, гдѣ его нѣсколько разъ гоняли изъ одной мѣстности въ другую. Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городковъ Остзейскаго края, подъ строжайшій надзоръ полиціи. Въ концѣ концовъ онъ былъ лишенъ не только свободы, но даже собственныхъ дѣтей, которыя, по высочайшему повелѣнію, были насильно взяты отъ него и отданы его матери, княгинѣ Хилковой. Это былъ, конечно, страшный ударъ, тяжело поразившій Дмитрія Александровича и его жену. Вся жизнь ихъ была разбита. Доведенный до отчаянія, онъ бросилъ родную страну и эмигрировалъ. Что касается „толстовцевъ“, не принадлежавшихъ къ родовой знати, то съ ними, конечно, церемонились еще менѣе. Обыски, аресты, тюремныя заключенія и ссылки практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По поводу подоб-

НЫХЪ мѣръ у всѣхъ невольно рождается вопросъ: чѣмъ же страшны для государства и церкви эти люди, безусловно отрицающіе всякое насилие?

VI.

Благодаря указаннымъ выше причинамъ, въ печать проникаютъ лишь очень немногія извѣстія о преслѣдованіяхъ сектантовъ въ Россіи. Вслѣдствіе этого массѣ русскаго общества остаются совершенно неизвѣстны весьма многіе крупныя факты насилій и гоненій, предпринимаемыхъ гражданскими и духовными властями противъ послѣдователей той или другой секты. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ обществѣ ничего не извѣстно о той въ высшей степени жестокой расправѣ, которая была учинена въ 70-хъ и 80-хъ годахъ надъ послѣдователями секты неплательщиковъ и затѣмъ немоляковъ.

Секта неплательщиковъ возникла на Уралѣ среди горнозаводскихъ крестьянъ на почвѣ огромныхъ недоразумѣній, вызванныхъ освобожденіемъ крестьянъ. Движеніе это изъ чисто аграрнаго постепенно превратилось въ аграрно-религіозное, такъ какъ протестанты, какъ вѣрующіе люди, стремились и надѣялись въ религіи найти подтвержденіе и высшую санкцію своимъ социальнымъ требованіямъ. Въ видахъ подавленія этого движенія, которое въ глазахъ администраціи представлялось особенно опаснымъ, пущены были въ ходъ чрезвычайныя мѣры, а именно беспощадныя экзекуціи и наказанія розгами и палками и, наконецъ, высылка неплательщиковъ большими партиями на разные заводы, съ обязательствомъ употреблять ихъ въ тяжелыя работы. Въ Нижне- и Верхне-Сергинскихъ заводахъ, среди населенія котораго было особенно много послѣдователей секты неплательщиковъ, экзекуція производилась съ звѣрскою жестокостію. Здѣсь сотни крестьянъ подверглись поркѣ, при чемъ число ударовъ, которые долженъ былъ получить каждый наказываемый, не опредѣлялось заранѣе, а пороли розгами и палками до тѣхъ поръ, пока наказываемый „не раскаивался въ своихъ заблужденіяхъ“ и не начиналъ просить и умолять о пощадѣ. А такъ какъ сектанты были глубоко убѣждены въ правотѣ своихъ взглядовъ и требованій, то понятно, что многіе изъ нихъ готовы были скорѣе умереть подъ ударами палокъ, чѣмъ отречься отъ того ученія, которое они считали истиннымъ, основаннымъ на священномъ писаніи. И, дѣйствительно, многіе неплательщики были забиты до полусмерти, до потери сознанія. Закусивши губы до крови, эти герои старались не издать ни одного стога, пока подъ вліяніемъ нестерпимой боли сознаніе не покидало ихъ. . . .

Секта немоляковъ, возникшая въ Вятской и Пермской губерніяхъ почти одновременно съ сектой неплательщиковъ и имѣющая съ ней довольно много общаго, точно также вызвала противъ себя крайне крутыя жестокія мѣры. Множество послѣдователей этой секты были заключены въ остроги, гдѣ они томились въ теченіе очень долгаго времени.

Законы, которые имѣютъ цѣлью такъ или иначе облегчить положеніе сектантскаго и старообрядческаго населенія, появляются крайне рѣдко. За послѣдніе 20 лѣтъ можно указать только одинъ

такой законъ, — это именно законъ 3-го мая 1883 года: „о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ общегражданскихъ и по исполненіи ими духовныхъ требъ“. Законъ этотъ, вносившій нѣкоторыя довольно существенныя облегченія въ жизнь послѣдователей сектъ, извѣстныхъ подъ именемъ „менѣ вредныхъ“, при его появленіи былъ горячо привѣтствованъ всей русской печатью. Къ сожалѣнію, примѣненіе этого закона на практикѣ сопровождалось цѣлымъ рядомъ разнаго рода ограниченій. Разныя секретныя и конфиденціальныя разъясненія и циркуляры постепенно все болѣе и болѣе суживали область примѣненія этого закона путемъ отнесенія то одной, то другой секты въ разрядъ „болѣе вредныхъ“. Такимъ образомъ, мало по малу, этотъ законъ, въ свое время превознесенный за гуманность, — сошелъ, какъ говорится на нѣтъ, не внося теперь почти никакихъ облегченій для огромнаго большинства нашихъ сектъ.

Даже послѣдователи самыхъ невинныхъ старообрядческихъ толковъ, въ родѣ, напримѣръ, поповщины, не избавляются теперь отъ всевозможныхъ стѣсненій въ дѣлѣ исповѣдыванія своей вѣры. Они до сихъ поръ не имѣютъ права устроить не только церковь, но даже простую часовню, простую моленную. Ихъ іерархія не признается властями, ихъ епископы и священники постоянно подвергаются преслѣдованіямъ, арестамъ, ссылкамъ и т. п.

Насколько тяжело и невыносимо положеніе старообрядцевъ въ Россіи, наглядно доказывается, между прочимъ, желаніемъ ихъ эмигрировать на Дальній Востокъ. Вотъ что сообщало по этому поводу „Новое Время“. „Мысль о переселеніи многихъ старообрядцевъ на Дальній Востокъ горячо обсуждается въ старообрядческой средѣ. Рѣчь идетъ о переселеніи въ далекій край многихъ тысячъ исконно русскихъ людей, свято и неприкосновенно сохранившихъ до нашихъ дней завѣты и обычаи глубокой старины. По слухамъ, возможно ждать движенія переселенцевъ: казаки Дона, Кавказа, Урала, старообрядцы Поволжья и даже иноземные некрасовцы выразили желаніе двинуться въ далекій край вмѣстѣ со своими семьями. Некрасовцы, будучи подданными турецкаго султана, не забыли своей прежней родины, сохранили въ цѣлости ея обычаи и любовь ко всему русскому; чувства эти некрасовцы хранятъ свято вмѣстѣ съ своей вѣрой. Завѣтная мечта некрасовцевъ вернуться въ Россію. Когда къ нимъ прибылъ представитель русскихъ старообрядцевъ и сообщилъ о существующемъ проектѣ переселенія на Дальній Востокъ, то вѣсть эта была ими встрѣчена крайне сочувственно. Некрасовцевъ въ настоящее время до 100 тысячъ человѣкъ. По собраннымъ самими старообрядцами свѣдѣніямъ, наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для поселенія надо считать окрестности Харбина: 80 верстъ на востокъ отъ этого города и на югъ до города Куанъ-Чен-Цзы по линіи желѣзной дороги.“¹

Такимъ образомъ, если вѣрить этому сообщенію, то выходитъ, что Россія находится² наканунѣ колоссальной, безпримѣрной въ нашей исторіи эмиграціи, которая должна отнять у нея сотни тысячъ, если не милліоны наиболѣе трудолюбивыхъ, честныхъ, зажиточныхъ граж-

¹ „Новое Время“ отъ 21-го февраля 1902 г. № 9328. ² Писано въ мартѣ 1902 г. Ред.

данъ. Вотъ, между прочимъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ привести политика нетерпимости и произвола въ дѣлѣхъ религіознаго убѣжденія людей, въ дѣлѣхъ совѣсти.

Съ другой стороны, система преслѣдованія за религіозныя вѣрованія развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на нравственное состояніе народа, развивая въ немъ лицемѣріе, скрытность, двуличность, притворство и ханжество, приучая его ко лжи и обману. Эта деморализація народа — въ высшей степени важное и въ то же время глубоко печальное явленіе, которое, къ сожалѣнію, все чаще и чаще можно наблюдать теперь въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, среди послѣдователей разныхъ сектъ. Пора обратить серьезное вниманіе на это страшное зло, пора принять радикальныя мѣры къ устраненію условій, способствующихъ развращенію нашего народа. Тяжелый грѣхъ на душу берутъ тѣ лица, которые являются виновниками системы насилій и репрессій въ интимной области вѣры и религіознаго убѣжденія, — системы, вносящей глубокую деморализацію въ народную душу.

VII.

Монастырскія заточенія.

Въ предыдущихъ главахъ мы указали цѣлый рядъ мѣръ, съ помощью которыхъ русское правительство и церковь стараются подавить сектантское движеніе: воинствующее миссіонерство, опирающееся на урядниковъ и становыхъ, явный и тайный надзоръ полиціи, штрафы, аресты, тюремныя заключенія, обыски, изгнанія изъ Россіи, ссылки цѣлыми семьями, цѣлыми сотнями и даже тысячами людей, безчисленные судебные процессы, отобраніе дѣтей отъ сектантовъ, насильное крещеніе, церковныя отлученія, проклятія и анафемы, наконецъ, казацкія плети и нагайки, экзекуціи или наказанія розгами и палками и т. д.

Однако всѣхъ этихъ мѣръ оказывается недостаточно духовной и гражданской администраціи для того, чтобы остановить быстрое развитіе, быстрое распространеніе сектантства. Въ рукахъ правительства и церкви имѣется еще одно поистинѣ страшное наказаніе, которое тѣмъ не менѣе охотно примѣняется къ лицамъ, имѣвшимъ несчастіе возбудить противъ себя обвиненіе въ томъ или иномъ проступкѣ или преступленіи противъ церкви и религіи. Мы говоримъ о заточеніи въ монастырскія тюрьмы.

Какъ извѣстно, такія тюрьмы съ давнихъ поръ существовали при нѣкоторыхъ изъ нашихъ монастырей. Особенно широкой извѣстностью пользуются въ обществѣ тюрьмы Соловецкаго и Суздальскаго монастырей, куда въ прежнія времена ссылались не только религіозные, но и государственные преступники, которые по терминологіи той эпохи величались „ворами и бунтовщиками“.

Съ теченіемъ времени для государственныхъ и политическихъ преступниковъ создались особыя спеціальныя тюрьмы, — наши русскія Бастиліи, въ родѣ Петропавловской крѣпости, Шлиссельбургской, Кары и т. д. Для религіозныхъ же преступниковъ такими Бастиліями до сихъ поръ являются монастырскія тюрьмы. Эта печальная роль, столь

несвойственная внутреннему характеру мирной, духовной обители. какой является монастырь, выпала, главнымъ образомъ, на долю нашихъ сѣверныхъ и отчасти восточныхъ наиболѣе отдаленныхъ монастырей.

Начиная съ половины XVI столѣтія, со временъ Іоанна Грознаго, башни и тюрьмы Соловецкаго монастыря дѣлаются мѣстомъ ссылки и заточенія преступниковъ противъ вѣры, „еретиковъ“, какъ обыкновенно называли ихъ въ то время. Въ это мрачное время, когда лучшимъ, радикальнѣйшимъ средствомъ въ борьбѣ съ религіозными вѣрованіями считались казематы, пытки, костры и застѣжки, монастырскія башни и тюрьмы были переполнены „еретиками“. Тутъ были учителя, вожаки и послѣдователи всѣхъ сектъ раскола: хлысты, бѣгуны, поповцы и безпоповцы, духоборы, скопцы, молокане. Тутъ были основатели всевозможныхъ новыхъ ученій, которыя, съ заточеніемъ ихъ творцовъ, такъ и канули въ вѣчность.

Тутъ были: митрополиты, архіереи, монахи, князья и графы, бояре и вельможи, священники, купцы, чиновники, солдаты, офицеры и многочисленные представители сѣрой народной массы. Здѣсь они томились въ могильномъ одиночествѣ тюремныхъ келій и казематовъ, за двойными желѣзными рѣшетками, томились годы, десятки лѣтъ и нерѣдко цѣлую жизнь.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, въ теченіе котораго въ нашей общественной жизни многое смягчилось, многое измѣнилось къ лучшему. Только монастырскія тюрьмы съ ихъ сырыми и холодными казематами остаются по-прежнему все тѣми же мрачными гробницами, какими онѣ были два вѣка тому назадъ . . . Невыразимо тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производятъ теперь эти остатки давнымъ давно пережитой, давнымъ давно похороненной эпохи.

Но какъ въ прежнія, отдаленныя отъ насъ времена заключеніе въ монастырскихъ тюрьмахъ менѣе всего способствовало раскаянію лицъ, попадавшихъ въ такое заключеніе, такъ и въ болѣе позднее и даже въ настоящее время можно наблюдать то же самое явленіе. И теперь люди, сидящіе десятки лѣтъ въ монастырской тюрьмѣ, не только не убѣждаются въ ложности своихъ религіозныхъ воззрѣній, а, напротивъ, повидимому, еще болѣе укрѣпляются въ справедливости и непреложности своихъ ученій, становятся гораздо фанатичнѣе, чѣмъ были ранѣе. Въ доказательство этого можно привести множество примѣровъ, — укажемъ здѣсь хотя нѣкоторые изъ нихъ.

„Основатель деснаго братства“ капитанъ артиллеріи Н. С. Ильинъ, просидѣвъ болѣе 20 лѣтъ въ тюрьмахъ сначала Соловецкаго, а затѣмъ Суздальскаго монастырей, проникся необыкновеннымъ ожесточеніемъ, которое ярко сказалось во всѣхъ его произведеніяхъ и посланіяхъ послѣдняго времени. Адріанъ Пушкинъ, просидѣвшій 15 лѣтъ въ Соловецкомъ казематѣ, ни на одну юту не отступился отъ своихъ вѣрованій. То же самое слѣдуетъ сказать о старообрядческихъ епископахъ: Аркадіи, Кононѣ и Геннадіи, которые высидѣли въ тюрьмѣ Суздальскаго монастыря отъ 16 до 20 слишкомъ лѣтъ каждый. „Царь“ и „пророкъ“ Кавказскихъ прыгуновъ Максимъ Рудометкинъ, просидѣвшій въ монастырскихъ тюрьмахъ болѣе шестнадцати лѣтъ, ни на волосъ не поколебался въ своихъ воззрѣніяхъ и въ теченіе всего

времени, проведеннаго имъ въ заключеніи, не переставалъ изыскивать всевозможные способы для поддержанія сношеній съ оставленными имъ на Кавказѣ послѣдователями, которыхъ онъ всячески наставлялъ твердо держаться преподаннаго имъ ученія. И подобныхъ примѣровъ — повторяемъ — можно было бы привести великое множество.

Несмотря на то, что монастырскія заточенія являются, конечно, чисто средневѣковой, почти инквизиціонной мѣрой, которая нигдѣ, кромѣ Россіи, не примѣняется, — у насъ эта мѣра и до сихъ поръ еще въ полномъ ходу.

Такъ, лѣтомъ прошлаго 1901 года всѣ газеты обошло извѣстіе о заключеніи въ Суздальскій монастырь священника села Бурнаки Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, Герасима Ивановича Цвѣткова. Судя по сообщенію газетъ, священникъ Цвѣтковъ отправленъ былъ изъ г. Борисоглѣбска въ названный монастырь съ почтовымъ поѣздомъ, въ сопровожденіи городского. При этомъ сообщалось, что „высшее духовное начальство осудило его на заточеніе въ Суздальскомъ монастырь“, куда онъ и отправлялся подъ полицейскимъ конвоемъ. Причиной, вызвавшей примѣненіе къ о. Цвѣткову такой суровой кары, были нѣкоторые его взгляды, несогласные съ тѣми, которые считаются господствующими въ нашемъ духовенствѣ. Такъ, напримѣръ, о. Цвѣтковъ осуждалъ „подчиненіе церкви свѣтской власти въ лицѣ оберъ-прокурора Св. Синода“, признавалъ необходимость скорѣйшаго созыва вселенскаго собора для разрѣшенія многихъ наэрѣвшихъ вопросовъ въ православной церкви, отвергалъ авторитетъ святѣйшаго Синода и т. п. Въ этомъ смыслѣ онъ неоднократно подавалъ докладныя записки оберъ-прокурору святѣйшаго Синода и многимъ высшимъ іерархамъ русской церкви, послѣдствіемъ чего и было осужденіе о. Цвѣткова на строгое содержаніе въ монастырь, „впредь до раскаянія и исправленія“.

Чтобы дать представленіе о томъ, насколько продолжительно бываетъ такое заключеніе въ монастырь и въ то же время насколько тяжелыми условіями обставлено оно, — достаточно привести свѣдѣнія, которыя также недавно, а именно въ февралѣ мѣсяцѣ 1901 г., сообщались въ печати относительно содержанія въ Суздальскомъ монастырь бывшаго сельскаго священника Нижегородскаго уѣзда, отца Петра Золотническаго.

Болѣе 30 лѣтъ тому назадъ священникъ Золотницкій „былъ отлученъ отъ церкви и сосланъ въ Суздальскій монастырь, гдѣ пробылъ 31 годъ, живя въ одиночномъ заключеніи въ кельѣ и не выходя все время своего заключенія за ворота монастырской обители. Тридцатилѣтнее пребываніе въ одиночномъ заключеніи (Золотницкій жилъ въ кельѣ, имѣвшей одно небольшое окно вверхъ, сквозь которое падалъ только слабый свѣтъ въ его убѣжище, но видѣть никого въ это окно Золотницкій не могъ) оставило глубокой слѣдъ на заключенномъ. Нервная система его потрясена, воля парализована, и онъ въ настоящее время влачить невеселые дни“.

О прошломъ о. Золотническаго и о причинѣ, вызвавшей его „заточеніе“ газеты сообщали слѣдующія данныя. Петръ Золотницкій окончилъ курсъ въ нижегородской духовной семинаріи. Затѣмъ онъ

священствовалъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ около 15 лѣтъ, много читалъ, самъ писалъ сочиненія. Затѣмъ однажды онъ исчезъ изъ прихода. Долго его искали, но безуспѣшно, и, только спустя нѣкоторое время, нашли въ одномъ раскольничьемъ селѣ. Петръ Золотницкій, не скрываясь, заявилъ, что онъ по своему убѣжденію вполне сочувствуетъ старообрядцамъ и, не желая вносить разладъ въ свою душу, рѣшилъ дѣйствовать открыто, какъ повелѣваетъ ученіе св. отцевъ, и оставилъ священство въ православной церкви. Надъ нимъ состоялся судъ и, какъ результатъ послѣдняго, явилось 30-лѣтнее заключеніе въ монастырѣ. Нерѣдки случаи, когда заключенные въ монастырь лица, просидѣвъ десяти лѣтъ въ мрачномъ казематѣ, лишившись здоровья и силъ, тамъ и умираютъ. Такъ, напримѣръ, 13 мая 1877 года умеръ содержавшійся въ арестантскомъ отдѣленіи Суздальскаго Спасо-Евфимьевскаго монастыря „пророкъ“ и „царь“ Кавказскихъ прыгуновъ Максимъ Рудометкинъ, переведенный туда изъ Соловокъ.

Вообще чаще всего этой суровой карѣ — заключенію въ монастырской тюрьмѣ, — подвергаются люди, виновные въ отпаденіи отъ православія и въ распространеніи религіозныхъ ученій, несогласныхъ съ духомъ господствующей церкви и признанныхъ особенно вредными, словомъ, тѣ люди, которые обыкновенно извѣстны у насъ подъ кличкой „сектантовъ“. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ этой категоріи, съ указаніемъ принятой противъ нихъ мѣры, можно иногда встрѣтить въ отчетахъ г. оберъ-прокурора св. Синода или же въ отчетахъ епархіальнаго начальства той или другой мѣстности.

Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ г. оберъ-прокурора св. Синода за 1898 г. находимъ сообщеніе о распространеніи въ Харьковской губ. новой секты хлыстовскаго характера, основанной крестьяниномъ Ахтырскаго уѣзда Василиемъ Подгорнымъ. По дознанію, произведенному харьковскимъ епархіальнымъ начальствомъ, Подгорный изобличался въ томъ, что, подъ личиною внѣшняго благочестія, онъ распространялъ въ народной средѣ ученіе, подрывающее коренные основы семейной жизни, уваженіе къ церкви, ея таинствамъ и православнымъ пастырямъ. Въ виду этого святѣйшій Синодъ въ 1892 г. опредѣлилъ: помѣстить Подгорнаго въ арестантское отдѣленіе Суздальскаго Спасо-Евфимьевскаго монастыря, впредь до усмотрѣнія его раскаянія и исправленія.

Знакомясь съ епархіальными отчетами, можно сдѣлать заключеніе, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ въ послѣднее время начинаютъ все чаще и чаще прибѣгать къ заключенію въ монастыри не только сектантовъ, но и тѣхъ лицъ, которыя почему-нибудь особенно выдѣляются своею дѣятельностью въ области религіи. Вотъ, напримѣръ, что можно прочесть въ „отчетѣ о состояніи сектантства въ Самарской Епархіи 1900 г.“

„По отношенію къ нераскаяннымъ и зловреднымъ еретикамъ и пропагаторамъ епархіальное начальство прибѣгало къ крайнему средству воздѣйствія, ходатайствуя предъ св. Синодомъ объ изыятіи ихъ изъ среды православной паствы чрезъ заключеніе въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь. Такъ оно вынуждено было поступить съ нѣкимъ Ермолаемъ Ѳедосѣевымъ, который жилъ въ пещерѣ и

своей лицемѣрной (?) праведностью привлекалъ къ себѣ массы простого народа.“¹

Въ данномъ случаѣ даже не указывается на принадлежность лица, обреченнаго къ заключенію въ монастырь, къ какой-нибудь особенно вредной сектѣ. Судя по отчету, вся вина Ермолая Федосьева состоитъ лишь въ томъ, что его праведность показала кому-то лицемѣрной. Если даже допустить, что такое подозрѣніе было вполне основательно, нельзя не признать, что наказаніе, назначенное за „лицемѣрную праведность“, совершенно не соотвѣтствуетъ винѣ.

Изъ того же отчета мы узнаемъ, что въ Суздальскій-же монастырь былъ заключенъ крестьянинъ Самарской губерніи Иванъ Чуриковъ, „выдававшій себя за цѣлителя и чудотворца и тѣмъ эксплуатировавшій религиозное чувство простецовъ“. Въ истекшемъ 1900 г., — замѣчаетъ отчетъ, — Чурикову „какимъ-то образомъ удалось освободиться изъ заточенія“. Составитель отчета, видимо, относится неодобрительно къ такой мѣрѣ, т. е. къ освобожденію Чурикова „изъ заточенія“ и въ доказательство своего мнѣнія приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни и дѣятельности Чурикова.

„Свободой своей — говоритъ отчетъ — Чуриковъ воспользовался для стяжанія себѣ еще большаго авторитета, объясняя свое освобожденіе не дѣломъ милости начальства, а признаніемъ будто бы его невинности (невиновности?) и правоты его ученія. Теперь онъ проживаетъ въ Петербургѣ и имѣетъ сотни поклонниковъ, которые вполне обезпечили его существованіе и сняли для него цѣлый роскошно обставленный домъ.“²

Вообще насколько легко у насъ попасть теперь въ монастырскую тюрьму, показываетъ между прочимъ случай съ г. Раховымъ, бывшій въ г. Архангельскѣ въ 1894 г. Необходимо подробнѣе остановиться на этомъ случаѣ.

Въ 1893 г., въ одной изъ Петербургскихъ газетъ,³ было напечатано письмо изъ Архангельска подъ заглавіемъ „человѣкъ-загадка“, — въ которомъ сообщалось о благотворительной и просвѣтительной дѣятельности мѣстнаго жителя В. Рахова и приводились біографическія о немъ свѣдѣнія.

„Лѣтъ десять тому назадъ, — говорилось въ замѣткѣ, — въ одной изъ торговыхъ конторъ богатой нѣмецкой фирмы въ Архангельскѣ состоялъ на службѣ молодой человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, нѣкто В. Раховъ. Сынъ довольно состоятельныхъ родителей, на прекрасномъ счету у своихъ принципаловъ, онъ былъ уже, такъ сказать, на порогѣ блестящей житейской карьеры, какъ вдругъ, къ ужасу родныхъ и немалому изумленію знакомыхъ, бросилъ и службу, и общество, въ которомъ вращался, и куда-то исчезъ. Спустя нѣкоторое время, мы застаемъ его уже въ глухой деревушкѣ Пинежскаго уѣзда. Тамъ, переходя изъ избы въ избу, онъ усердно обучаетъ грамотѣ и закону божію деревенскихъ ребятишекъ, дѣломъ и совѣтомъ помогаетъ взрослымъ, а по вечерамъ и въ праздники читаетъ имъ книжки религиозно-нравственнаго содержанія. Въ то же время онъ вступаетъ въ дѣятельную борьбу съ грубостью, пьянствомъ и другими недо-

¹ „Самарскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1901 г. № 16, стр. 886. ² Тамъ же, стр. 887. ³ „Неделя“ 1893 г., № 16.

статками мужика, успѣшно будить его совѣсть, и крестьяне нравственно оживаютъ. Раховъ является желаннымъ гостемъ въ каждой избѣ: онъ и учитель, и миротворецъ, и помощникъ. Мужики перестаютъ пить; бабы, натерпѣвшіяся отъ пьяныхъ мужей, благодарятъ Провидѣніе за то, что оно послало имъ такого человѣка, черезъ котораго онѣ увидѣли свѣтъ.

„Долго ли продолжалась-бы эта просвѣтительная дѣятельность Рахова — неизвѣстно, но только, по доносу мѣстнаго священника, которому онъ показался подозрительнымъ, ему было воспрещено оставаться въ деревнѣ, — и Раховъ уѣхалъ въ Архангельскъ. Это было весной. Проживъ нѣсколько дней дома, Раховъ снова куда-то исчезаетъ, и теперь уже надолго.

„Проходитъ болѣе двухъ лѣтъ, пока онъ вновь появляется на родинѣ. Оказывается, что за это время онъ пѣшкомъ обошелъ весь русскій югъ, побывалъ на Аѳонѣ, пробрался въ Палестину. Тамъ, насмотрѣвшись на поборы, которымъ подвергаются православные паломники со стороны греческаго духовенства, онъ, возмущенный до глубины души, является къ іерусалимскому патріарху и публично обличаетъ его въ поблажкѣ низкимъ страстямъ своихъ подчиненныхъ, позорящихъ и духовный санъ и христіанскую святыню. За этотъ поступокъ, по распоряженію турецкихъ властей, Раховъ былъ арестованъ и высланъ въ Россію. Въ Одессѣ его заключаютъ въ тюрьму, затѣмъ по этапу возвращаютъ въ Архангельскъ, гдѣ снова сажаютъ въ тюрьму, судятъ, какъ распространителя какой-то ереси, и, не найдя ни въ словахъ, ни въ поступкахъ его ничего предосудительнаго, оправдываютъ и выпускаютъ на волю.

„Вскорѣ послѣ этого Раховъ опять уходитъ на югъ и затѣмъ, черезъ годъ, вновь препровождается по этапу на родину уже изъ Кіева. Замѣчательно, что и въ тюрьмѣ, во время слѣдованія этапомъ, онъ всегда былъ бодръ и „радостенъ“ (выраженіе конвоировъ) и имѣлъ неотразимое и благотворнѣйшее вліяніе на своихъ товарищей по неволѣ. По отзыву тюремщиковъ и конвоировъ, разные бродяги, мошенники, слушавшіе его убѣжденную рѣчь, дѣлались нравственно чище, лучше; иные же положительно исправлялись.“

Попавъ снова въ Архангельскъ, Раховъ начинаетъ вести такой образъ жизни. „Онъ ежедневно, съ ранняго утра и глубокой ночи посѣщаетъ ночлежные пріюты, лачуги и нары, въ которыхъ ютятся бѣдность, порокъ и преступленіе, учить добру, грамотнымъ раздаетъ книги, помогаетъ гдѣ и чѣмъ можетъ, мирить ссорящихся.“ Въ началѣ зимы 1893 г., въ двухъ самыхъ захолустныхъ пунктахъ города, населенныхъ исключительно бѣдняками, Раховымъ были наняты квартиры, гдѣ онъ ежедневно кормилъ до 100 и болѣе человѣкъ. „Эти трапезы обыкновенно начинались и оканчивались чтеніемъ евангелія и житія святыхъ, разъясненіемъ ихъ и молитвою. Масса постороннихъ ходила изъ любопытства въ столовую Рахова единственно для того, чтобы послушать его бесѣды и чтенія. Но такъ какъ на устройство этихъ столовыхъ не было испрошеннаго надлежащаго разрѣшенія, то слѣдовало закрытіе ихъ.“

Послѣ этого Раховъ началъ ходить изъ дома въ домъ, изъ лачуги въ лачугу, при чемъ, — по увѣренію автора корреспонденціи,

— всегда являлся какъ разъ во время тамъ, гдѣ требовалась или немедленная помощь или утѣшеніе.

Среди бѣдняковъ и рабочихъ классовъ города дѣятельность Рахова имѣла благотворное вліяніе. „Такъ, на нѣкоторыхъ лѣсопильныхъ заводахъ рабочіе, подѣ вліяніемъ Рахова, ежедневно начинаютъ теперь работу общею молитвою и, по отзыву заводчиковъ, вы нынѣ не услышите въ ихъ средѣ ни сквернословія, ни раздоровъ, ни ругани. Помимо этого, у нихъ замѣчается сильный подъемъ духа, и само дѣло отъ этого выигрываетъ.“

Въ заключеніе корреспонденціи авторъ задается вопросомъ: „гдѣ же беретъ средства этотъ странный человѣкъ, чтобы поить и кормить массу голодныхъ людей, покупать книги для раздачи, помогать и т. д. — „Богъ дастъ“ — отвѣтилъ бы на такой вопросъ самъ Раховъ. Средства эти шлютъ ему отовсюду, и въ этомъ отношеніи онъ также обезпеченъ, какъ Іоаннъ Кронштадскій“.

Помню, что сообщеніе это живо заинтересовало меня; мнѣ захотѣлось поближе узнать г. Рахова, поближе познакомиться съ его дѣятельностью. Вскорѣ послѣ этого, а именно въ 1896 г., мнѣ представился случай посѣтить Архангельскъ, и вотъ что мнѣ удалось узнать о немъ.

Всѣ, съ кѣмъ намъ приходилось говорить по этому поводу, съ рѣдкимъ и замѣчательнымъ единодушіемъ признавали, что въ тяжелую годину голодовки 1891—1892 г. Раховъ очень много сдѣлалъ для бѣднѣйшей части Архангельскаго населенія. Помимо столовыхъ, въ которыхъ кормились всѣ бѣдняки и нищіе города, а также пришлый людъ, особенно изъ числа богомольцевъ, ежегодно въ огромномъ числѣ направляющихся въ Соловецкій монастырь, — Раховъ на одной изъ окраинъ города, населенной преимущественно бѣднотой, въ Кузнечихѣ, устроилъ мастерскія или, вѣрнѣе, домъ трудолюбія, гдѣ бѣдняки, не имѣвшіе средствъ завести свое собственное дѣло и пріобрѣсти инструменты, занимались столярнымъ и сапожнымъ ремеслами, щипали пеньку, плели коврики и т. д. Тутъ были, какъ мужчины, такъ и женщины.

Затѣмъ, снявъ особый домъ, онъ устроилъ въ немъ пріютъ на 40 челов. дѣтей, въ который принимались дѣти, преимущественно сироты, съ грудного возраста и до 12 лѣтъ. Наконецъ, имъ устроенъ былъ ночлежный домъ для **всѣхъ** безпріютныхъ и бездомныхъ. Но ему и этого казалось мало, и онъ готовъ былъ каждую минуту дѣлиться всѣмъ, что онъ имѣлъ, съ бѣдняками и нищими. У него ничего не было своего личнаго, завѣтнаго, съ чѣмъ бы онъ не разстался и не подѣлился бы съ неимущими. Бывали случаи, когда онъ, въ суровую зимнюю вьюгу, встрѣтивъ гдѣ-нибудь нищаго, одѣтаго въ дырявое рубище, — обмѣнивался съ нимъ платьемъ, бывшимъ въ это время на немъ.

Понятно, что вся городская голытьба смотрѣла на Рахова, какъ на своего благодѣтеля; она чуть не молилась на него. Другіе же слои населенія относились къ этому необыкновенному человѣку весьма различно, хотя, повидимому, всѣ безусловно вѣрили въ полную искренность его побужденій и тѣхъ мотивовъ, которыми онъ руководствовался въ своей дѣятельности. Но одни считали его чудачкомъ и

оригиналомъ, другіе — религіозно настроеннымъ мистикомъ и „человѣкомъ не отъ міра сего“, третьи, наконецъ, — не вполне нормальнымъ, немного „тронувшимся“ человѣкомъ.

Какъ бы то ни было, но долгое время все шло прекрасно: учрежденія, созданныя Раховымъ на пользу населенія, постепенно развивались и крѣпли. Вдругъ по городу пошли какіе-то странные тревожные слухи. Судя по этимъ слухамъ, можно было заключить, что мѣстное духовенство заподозрило Рахова въ отступленіи отъ православія. Тайнственно сообщалось о какихъ-то брошюркахъ и книжкахъ, которыя читались иногда въ открытыхъ имъ учрежденіяхъ и которыя, якобы, не вполне согласны съ ученіемъ и правилами православной церкви. Говорилось, что Раховъ будто бы съ недостаточнымъ почтеніемъ относится къ иконамъ св. угодниковъ.

Произведены были обыски въ учрежденіяхъ, организованныхъ Раховымъ, но при этомъ рѣшительно ничего подозрительнаго обнаружено не было. Иконы вездѣ оказались на подобающихъ имъ мѣстамъ, брошюры, возбудившія подозрѣнія мѣстныхъ священниковъ, оказались самыми невиннѣйшими книжками, прошедшими всевозможныя цензуры.

Тѣмъ не менѣе, однако, Раховъ былъ привлеченъ къ суду, и дѣло его рассматривалось Архангельской Палатой. Когда ему предложили избрать себѣ защитника, онъ отказался, замѣтивъ: — „Богъ защититъ.“ Къ сожалѣнію, намъ не пришлось узнать, какъ именно было сформулировано обвиненіе противъ Рахова, но судомъ онъ былъ оправданъ.

Мѣстная администрація также ничегоне имѣла противъ Рахова и его дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1894 г. получилось распоряженіе о заключеніи Рахова въ Суздальскій Спасо-Евфимьевскій монастырь. Вслѣдствіе этого онъ былъ немедленно арестованъ и отправленъ въ тюремный замокъ. Отсюда 20-го октября въ 8 часовъ утра онъ былъ отправленъ этапнымъ порядкомъ въ г. Суздаль; при чемъ ему не дозволено было даже проститься съ родными отцомъ и матерью.

Навѣстивъ отца Рахова, я засталъ его въ глубокой скорби, какъ онъ самъ опредѣлилъ свое душевное состояніе. Ссылка въ монастырь единственнаго сына, на котораго семейей возлагались всѣ надежды, страшно поразила и потрясла какъ старика отца, такъ и его жену. Послѣдняя, прохворавъ нѣсколько мѣсяцевъ, умерла отъ „скорби“ 10-го февраля 1895 года. Со смертью жены старикъ остался одинокимъ бобылемъ. Съ горечью, хотя и безъ малѣйшей тѣни озлобленія, жаловался онъ на тяжелый ударъ судьбы, поразившій его семью.

Отъ сына онъ получаетъ письма, которыя проходятъ черезъ руки и цензуру настоятеля монастыря. По словамъ отца, письма его сына Василия Рахова проникнуты глубокимъ религіознымъ чувствомъ, полныхъ христіанскимъ смиреніемъ и безропотной покорностью предъ постигшимъ его суровымъ наказаніемъ... Убитый горемъ отецъ, между прочимъ, съ тревогой высказывалъ предположеніе, что монастырское заключеніе можетъ особенно сильно повліять на мистически настроенное воображеніе его сына и даже можетъ повлечь за собою полное

душевное разстройство его, тѣмъ болѣе, что ранѣе въ молодости онъ уже перенесъ приступъ психической болѣзни.

Несчастный старикъ всю надежду возлагалъ на прошеніе, которое онъ готовился подать одному высокопоставленному лицу относительно освобожденія сына на его поруки. Сбылась ли эта надежда, къ сожалѣнію, намъ не удалось узнать....

Чтобы закончить эту хронику монастырскихъ заточеній, имѣвшихъ мѣсто въ самое послѣднее время, я приведу еще одинъ примѣръ.

Въ Подольской губерніи прошлымъ лѣтомъ былъ такой случай. На священника Шандровскаго пало подозрѣніе, что онъ благоволитъ штундѣ. Говорили даже, что онъ оставилъ православіе и открыто присоединился къ штундѣ. Его вызываютъ въ губернский городъ, арестуютъ тамъ и вслѣдъ затѣмъ онъ безслѣдно куда-то исчезаетъ. Спустя нѣкоторое время, сдѣлалось извѣстно, что онъ заточенъ въ одинъ изъ монастырей.

Таковы факты современной русской дѣйствительности. Ознакомившись съ ними, читатель пойметъ, почему вопросъ о свободѣ совѣсти такъ глубоко захватилъ самые различные слои русскаго общества и народа, почему вопросъ этотъ пріобрѣлъ у насъ въ послѣднее время такую остроту, такую жгучесть.

Р. Д.

Владиміръ Энгельсонъ и его письма къ А. И. Герцену.

I.

Кромѣ помѣщаемыхъ ниже писемъ, у насъ есть для характеристики Энгельсона лишь та полсотня страницъ, которую посвятилъ ему Герценъ въ „Русскихъ тѣняхъ“; но эти страницы стоятъ фоліанта.

Энгельсонъ умеръ около 1855 года, лѣтъ тридцати пяти отъ роду. Его литературная дѣятельность, выразившаяся въ 3—4 статьяхъ, осталась незамѣченной и безслѣдной, и, если бы не его дружба съ Герценомъ, которой мы обязаны тѣми страницами, память о немъ исчезла-бы; а право на воспоминаніе потомства даетъ ему не только эта дружба, но и богатство, своеобразіе и типичность его натуры. Да, своеобразіе и вмѣстѣ типичность — иначе его нельзя опредѣлить.

Онъ познакомился съ Герценомъ въ концѣ 1850 года, въ Ниццѣ. Вотъ какъ Герценъ рассказываетъ объ этомъ первомъ свиданіи. Энгельсонъ чрезъ одного общаго знакомаго испросилъ разрѣшеніе придти. „Въ гостиной — рассказываетъ Герценъ — я засталъ его, блѣднаго, дрожащаго, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Онъ едва могъ сказать свою фамилію; успокоившись немного, онъ вскопчилъ со стула, бросился ко мнѣ, расцѣловалъ меня и, прежде чѣмъ я въ свою очередь успѣлъ придти въ себя, онъ со словами: „Такъ наконецъ-то я въ самомъ дѣлѣ вижу васъ,“ поцѣловалъ мою руку. — „Что съ вами? Помируйте!“ говорилъ я ему, но онъ уже плакалъ въ это время.“

Эта нервная распушенность, доходившая до истеріи и бросавшая его изъ одной вспышки въ другую, отъ безумной ярости къ страстному раскаянію, отъ историческаго рыданія къ истерическому хохоту, сквозить во всемъ, что рассказываетъ о немъ Герценъ. Непосредственно послѣ дикой ссоры онъ бросался на колѣни передъ женою и съ рыданіемъ твердилъ: „Сгубилъ я тебя, мое дитя, сгубилъ!“ Въ самый разгаръ дружбы, оскорбившись непонятнымъ словомъ, онъ могъ осыпаться Герцена площадной бранью и замахиваться на него ножомъ. Это была не просто неуравновѣшенность характера, а признакъ патологическаго состоянія.

Такою же ненормальностью отличалась и его умственная жизнь. Богато одаренный отъ природы, съ громадной начитанностью, сильнымъ скептическимъ умомъ и замѣчательнымъ диалектическимъ талантомъ, онъ тратился на мелочи и жилъ въ какой-то нервной безсонницѣ ума, въ вѣчномъ возбужденіи мысли, работавшей лихорадочно, скачками. Онъ былъ лингвистъ — и ничего не сдѣлалъ въ наукѣ; свой большой комическій талантъ онъ расходовалъ на лманіе и, въ лучшемъ случаѣ, на тѣ блестящія импровизаціи („Николай на смотру“, „Николай, самодержавно царствующій кадриль“), образчики которыхъ приводитъ Герценъ. Не кончивъ Лицея, откуда былъ выключенъ за какой-то вздоръ, онъ попалъ въ кругъ Петрашевскаго, но уцѣлѣлъ, женился на такой же, какъ самъ, истерической женщинѣ, уѣхалъ съ нею за границу и здѣсь, будучи матеріально обезпеченъ, прожилъ лѣтъ пять въ вѣчномъ кипѣніи и бездѣліи, пока чашотка не свела его въ могилу на Джерсеѣ. „Безпорядокъ и вино, всегдашняя раздражительная дѣятельность ума, поразительная многосторонность и поразительная бесплодность, полнѣйшая праздность, крайность страстей и крайность апатіи“ — такъ характеризуетъ его Герценъ.

Герценъ считаетъ Энгельсона типичнымъ представителемъ Петрашевцевъ и ихъ друзей и отличительной чертой всего этого круга признаетъ „болѣзненный падломъ по всѣмъ суставамъ“, сказывавшійся прежде всего въ болѣзненно преувеличенномъ самолюбіи, раздражительномъ, обидчивомъ, самонадѣянномъ до дерзости

и въ то же время неуверенномъ въ себѣ. „Окруженные дрянными и мелкими людьми, гордые вниманіемъ полиціи и сознаніемъ своего превосходства, при самомъ выходѣ изъ школы, они слишкомъ дорого оцѣнили свой отрицательный подвигъ, или, лучше, свой подвигъ въ возможности. Отсюда безмѣрное самолюбіе. Между ихъ запросомъ и оцѣнкой ближнихъ несообразность была велика. Труда и поддержки у нихъ было мало, того или другого хватало только для пониманья, для усвоенья — разработаннаго друими. Они хотѣли жатвы за намѣреніе сѣять и вѣнковъ за то, что у нихъ закромы были полны. „Обидное непризнаніе общества“ ихъ мучило и доводило ихъ до несправедливости къ другимъ, до отчаянія и Fratzentaftigkeit. Страшный грѣхъ лежитъ на николаевскомъ царствованіи — въ этомъ нравственномъ умерщвленіи плода, въ этомъ душевредительствѣ дѣтей. Вся система казеннаго воспитанія состояла во внушеніи религіи слѣпного повиновенія, ведущей къ власти, какъ къ своей наградѣ. Молодые чувства, лучистыя по натурѣ, были грубо оттѣсняемы внутрь, замѣняемы честолюбіемъ и ревнивымъ, завистливымъ соревнованіемъ. Что не погнбло, вышло больное, сумасшедшее. . . . вмѣстѣ съ жгучимъ самолюбіемъ прививалась кака-то обескураженность, сознаніе безсилія, усталъ передъ работой. Молодые люди становились ипохондриками, подозрительными, усталыми, не имѣя двадцати лѣтъ отъ роду. Они всѣ были заражены страстью самонаблюденія, самоислѣдованія, самообвиненія, они тщательно повѣряли свои психическія явленія и любили безконечныя исповѣди и рассказы о первыхъ событіяхъ своей жизни. Вглядываясь съ участіемъ въ ихъ покаянія, въ ихъ психическія самобичеванія, доходившія до клеветы на себя, я, наконецъ, убѣдился потому, что все это — одна изъ формъ того-же самолюбія. Стоило вмѣстѣ возраженія и состраданія согласиться съ кающимся, чтобъ увидѣть, какъ легко уязвимыя и какъ безпощадно мстительны эти магдалины обоихъ половъ. У этихъ первыхъ людей, чрезвычайно обидчивыхъ, содрогавшихся, какъ мимоза, при всякомъ чуть неловкомъ прикосновеніи, была, съ своей стороны, непостижимая жестокость слова. Въ прежнихъ студентскихъ кружкахъ бранились громко, спорили запальчиво и грубо, но въ самой пущей брани кой-что оставалось внѣ битвы. . . . Для нашихъ нервныхъ людей энгельсоновскаго поколѣнія этого завѣтнаго мѣста не существовало, они не считали нужнымъ себя сдерживать; для пустой и мимолетной мести, для одержанія верха въ спорѣ не щадили ничего, и я часто съ ужасомъ и удивленіемъ видѣлъ, какъ они, начиная съ самого Энгельсона, бросали безъ малѣйшей жалости драгоцѣннѣйшія жемчужины въ фѣдкій растворъ — и плакали потомъ. Расканія ихъ бывали искренни, но не предупреждали повтореній. Кака-то пружина, умѣряющая дѣйствіе колесъ и направляющая ихъ, у нихъ сломана; колеса вертятся съ удешевленной быстротой, ничего не производя, но ломая машину; гармоническое сочетание нарушено, эстетическая мѣра потеряна, съ ними жить нельзя, имѣя самимъ съ этимъ жить нельзя.“

Письма Энгельсона къ Герцену, находящіяся въ нашихъ рукахъ, какъ нельзя лучше подтверждаютъ и дополняютъ эту характеристику. Послѣ того перваго свиданія Энгельсонъ быстро сблизился съ Герценомъ, и этотъ „худой, блѣдный, чахоточный, рыжеватого-бѣлокурый“ (его отецъ былъ финляндецъ) человекъ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ въ домѣ Герцена. Послѣдній сильно привязался къ нему. Когда вскорѣ надъ семьей Герцена разразился рядъ несчастій, завершившійся смертью его жены въ маѣ 1852 года, онъ Энгельсону первому открылъ свою тайну и нашелъ въ немъ преданнаго, надежнаго друга, готового жизнью защитить его честь. Въ эти тяжкіе годы они были неразлучны и часто даже жили въ одномъ домѣ. „Энгельсонъ много облегченія внесъ въ мою печальную жизнь“, говорилъ Герценъ объ этомъ времени. Притомъ, Герценъ высоко ставилъ его и умственно; печатая въ первомъ выпускѣ „Полярной звѣзды“ его анонимную статью: „Что такое государство?“ онъ писалъ въ предисловіи: „Первый томъ нашъ богатъ. Писатель необыкновеннаго таланта и рѣзкой діалектики прислалъ намъ, только что разнесся слухъ о „Полярной Звѣздѣ“, превосходную статью подъ заглавіемъ: „Что такое государство?“ Мы перечитывали ее десять разъ, удивляясь смѣлости глубинѣ революціонной логики автора.“ Но прочная дружба съ Энгельсономъ была невозможна. Въ своемъ очеркѣ Герценъ подробно разсказалъ исторію своихъ отношеній съ этимъ изломаннымъ человекомъ, представляющую собою со стороны Энгельсона какую-то дикую смѣсь самоотверженной преданности, почти женской нѣжности — и ежеминутныхъ обидъ, безумныхъ вспышекъ, разрывовъ съ руганью и примиреній въ слезахъ. Письма даютъ обильный матеріалъ для характеристики этихъ отношеній. Вотъ, напримѣръ, дружеское письмо, писанное лѣтомъ 1854 года, когда Энгельсонъ оставался въ Ричмондѣ, а Герценъ жилъ на дачѣ на о-вѣ Вайтъ.

„И еще будетъ статья объ Васѣ въ *Revue de Paris*. Въ субботу приходилъ ко мнѣ Боке и просилъ меня сообщить ему для пересылки въ Парижъ нѣсколько данныхъ — матеріаловъ — о вашей роли въ русской литературѣ. Я не отказался, потому что въ моемъ интересѣ, чтобъ всѣ Реву ревѣли объ Васѣ. Сроку мнѣ дано двѣ недѣли. Не знаю, какъ справлюсь съ этой задачей, къ разрѣшенію которой, какъ Вамъ извѣстно, я готовился лишь послѣ смерти Вашей (въ дерзновенной надеждѣ оказаться болѣе живучимъ, чѣмъ Вы). Хотѣлось-бы мнѣ сказать что-нибудь дѣльное, и притомъ — гм! гм! — покритикнуть Васъ, при сей вѣрной okazji, съ моей (Петрашевично-Сибиршевичской) точки зрѣнія. Разумѣется, что я не попытаюсь написать статью — объ этомъ и не прошать меня — но и „дѣловую докладную записку“ объ васъ составить мнѣ нелегко. Боке обратился ко мнѣ съ этимъ запросомъ, жепируясь, какъ онъ говоритъ, обратиться съ нимъ прямо къ Вамъ.

„Проѣзжая черезъ Лондонъ, купите пожалуйста — если не для себя, то хоть для меня — книжку *Revue de deux mondes*, въ которой разборъ о „Тюрьмѣ и ссылкѣ“. И дайте мнѣ, наконецъ, и *livraison*, въ которой статья *Henry Delaveaux*. Мнѣ нужно теперь „принять къ свѣдѣнію“ эти статьи, ибо и я

*Arma virumque cano, Mosquae qui primus ab oris
Tamisiae venit littora.*

Да не напишете ли Вы хоть съ острова Вейта добряку *Delaveaux*? хотѣ двѣ строчки — ради вѣжливости? Повторяю здѣсь Вамъ его адресъ“ (слѣдуетъ адресъ, затѣмъ свѣдѣнія о разныхъ домашнихъ дѣлахъ).

„Вотъ и все. О политикѣ мнѣ не приходится говорить — сколько разъ Вы заикались объ ней вести рѣчь со мною, — а смотришь, съ Вейта — vom Weiten her — прописываете мнѣ, что де французовъ въ Крымъ поѣхали лишь 22 тысячи. Ахъ, старикъ, старикъ! все это я пропишу въ статьѣ объ Васѣ въ *Revue de Paris*.

„Вотъ Вы, „прищуривъ глазъ“, кланяетесь и „Саррѣ“. А я ей этого ужъ и передать не посмѣлъ — передъ совѣстью моей; она и безъ того ужъ помѣшана на Васѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она перестала питать надежду, что мы будемъ жить въ одномъ домѣ съ Вами, она очень ужъ стала печально и небрежно служить намъ, такъ что Александра ее отпускаетъ въ субботу,“ и т. д.

Но вслѣдъ за этимъ шутивнымъ письмомъ изъ Ричмонда на о-въ Вайтъ летитъ другое, совсѣмъ въ иномъ тонѣ. На этотъ разъ поводомъ къ обидѣ послужилъ чудовищный проектъ Энгельсона воспользоваться открывшейся Крымской войною и арміей Наполеона III для борьбы противъ Николая, котораго Энгельсонъ, по словамъ Герцена, „ненавидѣлъ глубоко, задушевно, дѣятельно“: онъ придумалъ воздушный шаръ, который долженъ былъ — и болѣе, ни менѣ, какъ выбрасывать бомбы и прокламаціи на русскую землю, и рѣшилъ предложить этотъ проектъ французскому военному министерству. Последнее, разумѣется, уклонилось отъ лестнаго союза, но и „свой“ не поддержали изобрѣтателя — ни Маццини и Ворцель, къ которымъ онъ обращался, ни Герценъ. „Всѣ были противъ — говоритъ Герценъ — и я еще и еще разъ говорилъ ему, что и я противъ, что наше дѣло, наша сила — пропаганда и пропаганда, что мы падемъ нравственно, становясь на одну сторону съ Наполеономъ, и погубимъ себя въ глазахъ Россіи *faisant cause commune* съ врагами ея. Энгельсонъ сердился, выходилъ изъ себя. Онъ ѣхалъ въ Лондонъ на вѣрное торжество, и встрѣтивши оппозицію даже во мнѣ, незамѣтно возвращался къ неприязни.“

Слѣдующее письмо датировано 28 сентября того же 1854 года; оно любопытно внезапнымъ переходомъ отъ добродушія къ самому оскорбительному сарказму.

„Нѣтъ ни единого письма къ Вамъ — ну что-же! *Pas de nouvelles — bonne nouvelle*. И я пишу только, чтобъ сообщить Вамъ эту *bonne nouvelle*, и чтобъ, ѣдучи по желѣзной дорогѣ, Вы не думали, что весь Ричмондъ и мы, Ваши покорнѣйшіе слуги, въ немъ сгорѣли.

„Радуюсь, что Вы сдѣлали хорошую прогулку, вѣрю, что на островѣ Вайтъ природа изыщна — желалъ-бы только знать, *est-elle belle ou, plutôt, charmante*. *Io penso, io credo, ch' ell' è bella, maestosà ispiratrice — miracolosa*

Perchè — — perchè Вамъ

Чудится тамъ —

То, что я гнѣвенъ,

То, что я строгъ

Въ письмахъ моихъ!

Господи помилуй, съ чего это Вы взяли?

Оба раза, что я къ Вамъ писалъ,
 Меня лучъ солнца озарять
 И Times вѣстями восхищаль.

За что мнѣ гнѣваться? въ особенности

За что — съ тѣхъ поръ,
 Что Ричмондъ ты покинулъ,
 И я не вижу больше Доманже?
 За что — скажи мнѣ, Герценъ — вообще
 Я могъ-бы строгъ и гнѣвнъ быть къ тебѣ!

Скажи, когда-жъ и въ чемъ ты преступилъ,
 Скажи, когда, кого ты оскорбилъ!
 Не ты-ли въ горести насъ утѣшаешь,
 Не ты-ли радость въ горе превращаешь?
 — Придешь-ли ты къ родильницѣ счастливой,¹
 Ты ей рѣчешь лишь слово мудреца:
 „Повѣрьте, барыня моя,
 „Что дѣти — просто наказанье.“
 — Придеть-ли бѣглый къ тебѣ въ домъ

И скажетъ: „Богу слава!
 „Друзья наши отомщены,
 „Царя-тирана нынѣ бьютъ,
 „Падеть его держава,“ —
 Ты скажешь: „Ну, не стыдно-ль вамъ
 „Съ Наполеонами брататься!
 „Все это пухъ — все это вздоръ
 „И лишь союзникамъ позоръ.
 „Друзья тогда лишь будутъ вольны,
 „Когда весь міръ станетъ вверхъ дномъ
 „Да Осипъ² сочинитъ Содомъ.“
 — „Когда-же міръ станетъ вверхъ дномъ?“
 Васъ бѣдный спрашиваетъ робко.
 — „Когда Николая покорить
 „Парижъ, и Лондонъ, и Мадридъ“...

Чего-же гнѣваться за это?
 Все это — смѣло, горячо,
 Глубокомысленно, остро —
 Зачѣмъ людей шадить для слова?...
 Слова, станокъ тебѣ покорны,
 А люди — ужъ куда презорны.

... И какъ посмѣть,
 Когда я вспомню,
 Что ваше имя — Легионъ,
 Мое-же — просто:

Энгельсонъ.“

Это — образецъ холодно-язвительнаго письма. А вотъ образецъ бѣшенства
 (письмо того же года).

Отвѣтъ.

„Вы пишете: „Нѣтъ любви, нѣтъ, и проч. Есть самолюбія, которыя кричатъ
 вѣчно, однажды затронутыя.“ —

„Правда! Правда! — Эти подлѣйшія самолюбія, стоющія крови тысячамъ,
 это Мацини, это Соевр de Roi — и компанія. Это люди, которые думаютъ, какъ

¹ У Энгельсона въ это время родился сынъ, чѣмъ онъ былъ очень счастливъ.

² Вѣроятно, Джузеппе (Иосифъ) Гарибальди.

Мащини сказалъ честному (но не на шутку, а серьезно честному) Медичи: „Да если мы перестанемъ жертвы приносить, насъ забудутъ.“ —

„Я пожалъ руку этому подлецу,¹ въ надеждѣ чрезъ него сдѣлать что-нибудь противъ Николая. — Онъ надулъ меня, какъ надулъ, какъ укралъ у меня трудъ (англійскій переводъ) Ворцелъ, закадычный другъ Мащини.“

„И да не будетъ любви, а да будетъ, наконецъ, судъ и расправа! Да столкнемся мы — мы, люди мелкіе, какъ Петрашевскій, Спѣшевъ, Кашкинъ, да и я — съ представителями и начальниками комитетовъ, съ раздателями дипломовъ.“

„О! если-бы я не думалъ, что моя жизнь можетъ быть еще полезна моей партіи — партіи людей не тщеславныхъ, не знающихъ за собою ничего, о чемъ-бы имъ краснѣть, — ни изрѣзаннаго носа, какъ великій Пянчани, ни писемъ къ Меньшикову, какъ Головинъ, ни . . . ну, да что перечень дѣлать! — сегодня же я принудилъ-бы къ поединку (затронувъ за тщеславіе) оскорбившаго меня друга Вашего Доманже.“

„Онъ первый — при Рейхелъ и Тесье — захотѣлъ оскорбить сына моего, сказавъ — по всѣмъ правиламъ французской грамматики — что если я говорю ему que je ne puis pas lui tenir tête, то онъ боится моей „угрозы“ лишь потому-дескать, что я женатъ, а посему вѣроятно рогатъ. (Помните? ай-да социалистъ!)“

„Честно! благородно! — Если не я, то сынъ мой ему это вспомнеть. Клянусь! Или пусть онъ докажетъ справедливость своей клеветы.“

„Мсть! Мсть! Это принципъ справедливости — справедливость ничто, какъ мсть. Я былъ-бы радъ, если-бъ Вы его снова привели ко мнѣ — я кончилъ-бы съ нимъ дѣло. Довольно ему дано повадки.“

„Нѣтъ любви! — Вы правы, если говорите обо мнѣ. Нѣтъ ея во мнѣ — къ людямъ, которые изъ-за самолюбія готовы продать всѣ свои принципы, все свое прошедшее. Этими людямъ всегда все дурно, когда не они на первомъ планѣ. — А намъ, а для насъ — все равно, что орудіе, — была бы лишь цѣль достигнута.“ — И въ концѣ письма — приписка, дважды подчеркнутая: „Простите тонъ.“

Здѣсь Энгельсонъ обвиняетъ другихъ въ чрезмѣрномъ самолюбіи и тщеславіи. Онъ и основную свою болѣзнь — свою нервную распушенность — приписывалъ всѣмъ, какъ человѣку, страдающему разлитіемъ желчи, все представляется въ желтомъ свѣтѣ. „Мы перебрали съ женою — пишетъ онъ — послѣдніе годы всѣхъ намъ близкихъ покойниковъ — моего отца, ея отца, ея матери. И вывели мы какъ общій фактъ, что всѣ намъ знакомые люди, весьма впрочемъ разные между собою въ послѣдніе годы ихъ жизни удивительно — нѣтъ, замѣтно — были въ постоянномъ раздраженіи — мозговомъ, умственнымъ, т. е. въ разнаго рода delirium.“

Или здѣсь, дѣйствительно, сказалась наслѣдственность?

II.

Планъ начиненныхъ бомбами и прокламаціями аэростатовъ, имѣющихъ освободить Россію отъ самодержавія, настолько характеренъ, что хотѣлось-бы сохранить отъ забвенія его подробности.

„Сегодня, союзникъ мой Герценъ, — писалъ Энгельсонъ 8-го іюля 1854 г. — имѣлъ я удовольствіе узнать двѣ вещи, перечитывая Times. — Во 1-хъ, что не только направление, но и сила вѣтра ежедневно наблюдается — измѣняется — именно г-мъ Lowe въ High-Field-house Observatory. — Я этого доселѣ не зналъ. А для моего аэростического изобрѣтенія это кладъ. — Во 2-хъ, я узналъ, что въ пятницу, 14-го числа, Bagatua d'Hiilliers отправляется съ первою дивизіей (въ 12000 чел.) на Сѣверъ Россіи.“

„Tout bien pris, я думаю, что война — не шуточная, и что Наполеонъ III болѣе уважилъ мою глупую мысль о примѣненіи аэростатовъ къ пропагандѣ бомбъ и печатныхъ листовъ въ Россіи, чѣмъ благоволили это сдѣлать другіе люди.“

„Вамъ извѣстно, сколько я одностороненъ въ своей ненависти къ Е. И. В. Николаю Павловичу, и сколько я — увъ! — обуреваемъ самолюбіемъ. Поэтому не удивляйтесь, что я возымѣлъ мысль написать (вчера! покамѣстъ) слѣдующее письмо къ французскому морскому министру. Потрудитесь — прошу васъ — по пріязни ко мнѣ прочесть это письмо. Вы увидите, что я предлагаю въ немъ доставить французскому правительству сколько угодно экземпляровъ моихъ (реакціонныхъ?) писаній au prix de revient. Но прежде, чѣмъ я отправлю это письмо къ министру,

¹ Рѣчь идетъ о Мащини, который взялся передать аэростатическій проектъ Энгельсона французскому военному министерству.

мнѣ надобно положительно знать: согласны-ли вы — вы, которые учредили здѣсь русскую типографію, которому она принадлежит, — согласны-ли вы — въ случаѣ получения мною заказа отъ французскаго правительства — позволить мнѣ печатать немедленно Емельяна Пугачева 1-е письмо и 1-ю часть видѣнія св. Кондратія?

„Пожалуйста, не принимайте эти строки за „пику“. Нѣтъ, нѣтъ! — я не хочу васъ колоть, мой добрый Герценъ, которому я многимъ обязанъ по части русской революціи. Но видите-ли, теперь наступило такое времячко, что большая часть людей *ne sont pas à la hauteur des circonstances*, — по нашему: сбились съ панталыка. — Я вѣрю въ ваше сердце, но не вѣрю въ вашу логику. И потому — при серьезномъ дѣлѣ моемъ съ французскимъ правительствомъ, дѣлѣ, которое вы вѣроятно осуждаете, — я прошу васъ дать мнѣ снова отвѣтъ: позволите-ли вы перервать какія-бы то ни печатанія въ типографіи 38, Regent Square, для печатанія моихъ *élucubrations*?“

Вотъ, въ дословномъ переводѣ съ французскаго, текстъ этого письма къ морскому министру, трогательнаго и смѣшнаго, какъ иной подвигъ Донъ-Кихота:

„Ваше Превосходительство!

„23 мая сего года я имѣлъ смѣлость послать письмо Его Величеству Императору, гдѣ изложилъ мой проектъ примѣненія воздушныхъ шаровъ къ артиллерійской службѣ. Въ отвѣтъ я удостоился получить увѣдомленіе, помѣченное: „Государственный Совѣтъ, коммиссія прошеній, 26 іюня, № 10089“ и подписанное г. секретаремъ коммиссіи, гдѣ сказано, что мое прошеніе на имя Императора передано Вашему Превосходительству и что дальнѣйшія просьбы и документы, которые я пожелаю-бы представить по сему предмету, должны быть направляемы къ Вамъ, г. Министръ.

„Заключая изъ сего увѣдомленія, что проектъ мой не совершенно отвергнутъ, позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ слѣдующей просьбой.

„Въ означенномъ моемъ письмѣ къ Его Величеству я говорилъ, что предлагаемый аэростатическій аппаратъ могъ-бы служить также для распространенія въ вѣ центральныхъ провинціяхъ Россіи печатныхъ листовъ, которые объяснили-бы русскому народу, одуроченному манифестами своего правительства, истинныя причины нынѣшней войны.

„Если-бы французское правительство пожелало, ради доставленія праву и цивилизациі торжества въ нынѣшней войнѣ противъ Россіи, употребить въ дѣло упомянутыя печатныя произведенія, — я предлагаю доставить ему въ такомъ количествѣ, какъ оно пожелаетъ, на русскомъ языкѣ листки вродѣ того, какой я имѣю честь при семъ препроводить Вашему Превосходительству во французскомъ переводѣ.

„Въ качествѣ автора прилагаемаго произведенія, я имѣю возможность доставить французскому правительству любое количество экземпляровъ его по точному расчету стоимости бумаги и перепечатки. Говорю „перепечатки“, такъ какъ первое изданіе вполне разошлось.

„Эти листки, написанные съ цѣлью противодѣйствовать вліянію царскихъ манифестовъ на русскій народъ, могли-бы, какъ мнѣ кажется, быть успѣшно распространяемы при помощи аэростатическаго аппарата, о которомъ я говорилъ въ упомянутомъ моемъ письмѣ къ Е. В. Императору, если-бы помѣщать ихъ въ непроницаемыя для воды трубки, или если-бы печатать ихъ на непромокаемой бумагѣ. Впечатлѣніе, которое должно произвести на народъ столь суевѣрный, каковъ русскій народъ, зрѣлище листовъ, падающихъ сверху, съ воспламеняющагося въ воздухѣ воздушнаго шара, внушаетъ мнѣ надежду на успѣшность этой пропаганды.

„Въ ожиданіи Вашего благосклоннаго отвѣта, честь имѣю, г. министръ, остаться Вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Владиміръ Ангельсонъ. Іюль 1854 года. Ричмондъ.“¹

Герценъ не одобрялъ этого плана, полагая, что союзъ съ Наполеономъ можетъ только скомпрометировать русское революціонное движеніе, и въ этомъ смыслѣ совѣтывалъ Ангельсону нѣкоторую осторожность. Въ отвѣтъ на это Ангельсонъ, благодаря за предложенныя Герценомъ поправки въ текстъ прошенія, пишетъ 10-го іюля:

„Но къ этимъ добрымъ совѣтамъ присовокуплена приписочка-закавычка, которую я не могу пропустить безъ обдуманной, серьезной протестаціи. — „Вы

¹ Нѣсколько строкъ въ концѣ прошенія, гдѣ Э. проситъ извиненія за неизящество своего французскаго слога, онъ выпустилъ затѣмъ по совѣту Герцена.

должны подумать — пишете Вы, — что по милости Головина имя ваше замѣшано въ русское революціонное дѣло и что надобно быть осторожнымъ въ выраженіяхъ.”

„Эге! батюшка! я подобныхъ нахлобучекъ не привыкъ спускать даромъ. Нѣтъ голубчикъ, хоть я и имѣлъ несчастіе встрѣтить въ вашемъ домѣ доносчика Головина, я тѣмъ не менѣе не признаю за нимъ поповскаго права совершать бракосочетанія. — Какъ? я обязанъ, обязанъ по рукамъ и ногамъ, подчиненъ вамъ потому что какому-то Гаврилову вздумалось печатно спросить Васъ: кого ему слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Вольной Русской Общины — Васъ-ли однихъ, или Васъ и Энгельсона? — Excusez. На этомъ и тому подобномъ меня не поддѣть — чтобы я изъ-за чести быть Головинымъ совокупленнымъ съ вами отказался отъ самостоятельности, отъ свободы, отъ личности. — Дудки! — Я явился къ Вамъ — и остаюсь — „представителемъ“ партіи честнаго друга моего Петрашевскаго, котораго Вы очистили „безразсуднымъ“ и по-французски, и по русски. Мысли партіи Петрашевскаго я останусь вѣренъ, и потому, если Вы всякій союзъ, всякую общину способны понимать только въ смыслѣ іерархическомъ или эротическомъ, во всякомъ случаѣ — абсолютномъ, то совѣтую Вамъ съ моей стороны поспѣшить придать славы имени моему, напечатавъ, что Вы ничего не имѣете общаго со мною.”

Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ письмахъ, Энгельсонъ категорически выставляетъ себя представителемъ партіи Петрашевскаго и проводитъ рѣзкую гранцу между идеями своей партіи и принципами, напримѣръ, Герцена; послѣдній, какъ мы видѣли, также называетъ его типомъ Петрашевца. Это придаетъ личности и взглядамъ Энгельсона особую, историческую важность. Мы приведемъ здѣсь рядъ писемъ, въ которыхъ съ достаточной ясностью рисуются его политическія воззрѣнія, и которыя замѣчательны не только какъ страница изъ исторіи русскаго самосознанія, но и по существу, какъ продуктъ сильнаго и остраго ума. Эти письма Герценъ самъ собирался, но не успѣлъ напечатать. Говоря о второй половинѣ 1852 года, когда онъ оставался въ Лондонѣ, а Энгельсонъ поселился сначала въ Женевѣ, потомъ въ Парижѣ, Герценъ прибавляетъ: „Къ этому времени относится рядъ очень замѣчательныхъ его писемъ, изъ которыхъ значительную часть я думаю когда-нибудь напечатать.“ Эти самыя письма слѣдуютъ здѣсь.

III.

13 іюля (1852 г.) вторникъ

„Не осудите мое авторское самолюбіе! И если Вамъ не противно мою болтовню читать, то прочтите вотъ тутъ посвященіе, которое я желалъ-бы напечатать въ главѣ моего сочиненія (если Вы его примете). Объ одномъ прошу — повѣрьте, что каждое слово въ немъ искренно. Попросите за меня у Тесье позволеніе напечатать эпиграфомъ къ сочиненію послѣдніе два стиха его сказки о Царевичѣ, которые если не ошибаюсь, такъ звучатъ:

... Il faut nous étendre,
Dussions nous y périr!

и выставить подъ ними: *Le Tzarévitch, Légende russe, traduite par* — и все его имя. Заглавіе моей книги будетъ „анархія“: такое страшное, что крупно написать его боюсь. Къ посвященію я намѣренъ прибавить *post-scriptum*, въ которомъ объясню, почему я имени моего въ печати не выставлю. Книга моя еще не готова. Вѣдь извѣстно, что юные авторы сперва заботятся о заглавіи, потомъ о посвященіи, а ужъ подъ конецъ только о содержаніи своихъ твореній.“

Мы не знаемъ, о какой книгѣ здѣсь идетъ рѣчь; очень вѣроятно, что книга эта никогда не увидѣла свѣта. Приложенный къ письму проектъ предисловія написанъ по-фѣмечки; вотъ его русскій переводъ.

„Мой другъ, Вы, вѣроятно, безъ труда отгадаете, что юноша, къ которому я обращаю мою рѣчь, — никто иной, какъ самъ авторъ. Была минута, когда я готовъ былъ на самомъ себѣ исполнить совѣтъ, который даю ему: pistolетъ былъ уже заряженъ, душа моя была такъ же мрачна, какъ природа — вьюга, полумракъ, вѣтеръ и стужа. Въ эту минуту мнѣ случайно попалась на глаза одна изъ Вашихъ полныхъ бодрости, дышащихъ силою статей „О диллетантизмѣ въ наукѣ“, напечатанная въ журналѣ, который редактировалъ нашъ незабвенный Бѣлинскій. Я читалъ эту статью съ юношески-бьющимся сердцемъ, затаявъ дыханіе, потому что здѣсь была для меня новая жизнь; затѣмъ, я отыскалъ Ваши предыдущія статьи.

началь самъ размышлять о затронутыхъ въ нихъ вопросахъ — и забыть о моемъ планѣ самоубійства. Спасибо Вамъ за это, дорогой другъ! Какъ желалъ бы я, чтобы эти страницы, хотя бы и въ гораздо меньшей мѣрѣ, оказали подобную услугу Вамъ, т. е. заставили Васъ хоть на минуту забыть удручающія Васъ заботы!

„Быть можетъ, иной читатель удивится, встрѣтивъ, рядомъ съ Вами, еще одного „краснаго русскаго“ на попрѣцѣ нѣмецкой литературы. Можетъ быть, онъ даже приметъ нашу красноту за румянецъ стыда, т. е. подумаетъ, что мы похожи на тѣхъ школьниковъ, которые внѣ класса ведутъ себя между своими товарищами тѣмъ буйнѣе, тѣмъ болѣе — какъ говорится — брыкаются, чѣмъ болѣе чувствуютъ, что товарищи имѣютъ право упрекать ихъ за чрезмѣрное благопріятіе въ классѣ, подлѣ ферулы учителя. Къ сожалѣнію, однако, русскимъ въ настоящее время не за что краснѣть ни передъ нѣмцами, ни передъ французами; опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что эти народы только съ виду дальше подвинулись на пути свободы, чѣмъ мы; о братьяхъ Джонъ Буллъ и Янки этого нельзя сказать. Причина нашей красноты весьма проста: мы красны потому, что мы — доннынъ ничтожное меньшинство — отреклись отъ деспотизма и, вѣрные духу нашего народа, создавшаго пословицу: „середка на половинѣ“ (что на серединѣ, то половина), не можемъ остановиться на *à juste-milieu*. Если мы, быть можетъ, лучше другихъ сознаемъ ничтожность писаннаго права, это объясняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что наше правительство яснѣе, чѣмъ доннынъ прочія правительства, доказываетъ намъ призрачность закона, представляющаго собою, говоря вульгарно, лишь голубой дымъ (чернильныхъ испареній). Царь не хочетъ дать намъ никакихъ правъ: ну что-жъ! подумаемъ, такъ-ли ужъ они важны и нельзя-ли прожить кое-какъ и безъ нихъ.

„Принято думать, что въ общественной жизни русскіе — коммунисты, я-же проповѣдую безусловный индивидуализмъ. И это объясняется тѣми же причинами, которыя не позволяютъ намъ быть конституціоналистами: легче перейти изъ одной крайности въ другую (ибо, какъ извѣстно, *les extrêmes se touchent*), чѣмъ изъ середины между обѣими, на которой стоитъ феодально-римская Европа, дойти до какого-либо изъ этихъ полюсовъ.

„Но наглядно показать европейскому читателю, какъ легко эмансипируется нашъ братъ, какъ тутъ нуженъ только одинъ — первый — шагъ, потому что въ нашей странѣ нѣтъ и намека на какіе-нибудь правовые институты, — это умѣете Вы оди, Вы, которые впервые въ своемъ лицѣ и своихъ произведеніяхъ показали европейцамъ красную Россію. Для этого я жду отъ Васъ лишь нѣсколькихъ очерковъ изъ Вашей жизни въ ссылкѣ, и именно съ цѣлью нѣкоторымъ образомъ побудить Васъ къ этому. я открыто посвящаю Вамъ свою работу, а вовсе не для того, чтобы предъ кѣмъ-бы то ни было сдѣлать Васъ отвѣтственнымъ за ошибки и погрѣшности, которыя могутъ оказаться въ ней; это было бы съ моей стороны измѣною исповѣдуемому мною принципу индивидуализма.

„Я спокойно беру на себя рискъ быть пригвожденнымъ къ позорному столбу за мой образъ мыслей какъ аристократъ, такъ и демократъ. Обѣ эти партіи мнѣ почти равно чужды, т. е. непонятны. Въ первой я не понимаю упорства, съ какимъ она держится за привилегіи, которыя не только оспариваются у нея, но и несомнѣнно — какъ она уже и сама видитъ — сами собой исчезнутъ. Говоря Вашими словами изъ „Съ того берега“, я не понимаю, какъ можно находить удовольствіе въ томъ, чтобы „грабить нищихъ и на глазахъ умирающихъ съ голода доводить ѣду до обжорства“. Неужели такая жизнь можетъ доставлять наслажденіе? А если нѣтъ, зачѣмъ насильственно продолжать ее? Впрочемъ, — и на это Вы обратили мое вниманіе — такъ называемая теперь аристократическая партія состоитъ собственно не изъ аристократовъ, а изъ буржуа. Настоящая аристократія не дрожала такъ скупю и жадно надъ своимъ добромъ; въ ночь 4 августа она обнаружила свое рыцарское благородство, спокойно и съ достоинствомъ, безъ задержки, вернувъ то, чего больше не желали оставлять за нею; она не довела дѣла до того, чтобы ее оскорбили насиліемъ и вырвали у нея ея привилегіи. Русскій болѣе склоненъ къ мотовству, чѣмъ къ скупости; мелочной расчѣтѣ ему противенъ — онъ предпочитаетъ промотать свои деньги. — Въ демократахъ мнѣ страненъ способъ, которымъ они надѣются достигнуть своей цѣли. Мнѣ кажется, что теперь, совершенно такъ же, какъ въ эпоху Конвента, они въ итогѣ лишь упрочиваютъ и сильнѣе централизуютъ то, что они стремятся разрушить. Какой смыслъ имѣютъ, на-примѣръ, эти непрестанные толки о національности и національной независимости? — Русскій многое сдѣлаетъ, да и сдѣлать, для національности и національной независимости, но никогда онъ не приметъ ее за важнѣйшее. Ему въ сущности безразлично, называется ли эксплуатирующій его господинъ баронъ фонъ Штокпротель

или генераль Кулаковъ: часто даже соплеменный хозяинъ является худшимъ деспотомъ, чѣмъ иноземный. Поэтому русскій и свободенъ отъ закоренѣлыхъ національных антипатій и симпатій и прилежно изучаетъ нѣмецкій, какъ и французскій, французскій, какъ и англійскій. Если національность — не нѣчто неотчуждаемое, а нѣчто такое, что всегда нужно ревниво охранять, чтобы оно не утратилось, то стоимость и труда хранить ее.¹ А для русскаго важно одно: не быть эксплуатируемымъ ни Штокпирогелемъ, ни Кулаковымъ.

„Для него также безразлично, названъ ли онъ въ одномъ изъ безчисленныхъ законовъ, которые издаются для него, но которыхъ онъ и не знаетъ, и не имѣетъ охоты знать, такъ какъ твердо увѣренъ въ томъ, что — съ законами, или безъ нихъ — онъ все равно будетъ управляться по прихоти своихъ повелителей, — названъ ли онъ, говорю я, въ одномъ изъ этихъ законовъ „крѣпостнымъ“ или „обязаннымъ“; онъ не предпочитаетъ одно другому, потому что онъ хочетъ быть своимъ собственнымъ. Точно также министру государственныхъ имуществъ приходится у насъ по-истинѣ солоно, когда онъ, какъ утверждаетъ Гакстгаузенъ, силится привить народу „правовое сознание“. Извѣстный женеvскій дѣятель былъ, по моему, вполне правъ, когда выразился въ Вашемъ присутствіи, какъ Вы передавали мнѣ, что объяснить русскому, что такое законъ — вещь совершенно безнадежная. Русская солдатская пѣсня въ слѣдующихъ словахъ поясняетъ, что понимаетъ народъ подъ „законнымъ правопорядкомъ“:

Царь нашъ православный
Не любить брать насильно,
Вѣреть добровольно —
Наступивъ на горло.

И, признаюсь, я вполне согласенъ съ г. Romieu, когда онъ говоритъ въ своемъ Spectre rouge, что слова Вланки: „У кого желѣзо, у того и хлѣбъ“ — самая глубокая истина, какая была высказана за послѣдніе 60 лѣтъ.

„А если такъ, — возразятъ мнѣ — то почему же въ Россіи все остается по-старому? Потому, что русскій до сихъ поръ не можетъ придти въ себя — стоитъ онъ по привычкѣ чешетъ за ухомъ, сбитый съ толку лодкой шуткой, которую сыгралъ съ нимъ Петръ I. Но время — совѣтъчикъ, или вѣрнѣе, хорошій совѣтъ приближаетъ урочное время — то время, когда, опомнившись, онъ соберется съ силами, и тогда — сторонись съ пути, Европа!... Тебѣ нечего бояться, старая дѣва, что Россія пойдетъ по твоей дорогѣ: со временъ Геродота скифы не были склонны къ завоеваніямъ и никогда не станутъ такими, что бы ни дѣлало анти-национальное правительство, потому что мы не алчны, не имѣемъ ни орлиныхъ, ни ястребиныхъ носовъ и вообще не похожи на хищныхъ птицъ; мы кротки и миролюбивы, пока насъ не задѣнутъ. А если — тогда берегись, благосудная Германія, берегись еще разъ осчастливить насъ сворой Голштейнъ-готторпскихъ, Ангальтъ-церберстскихъ и прочихъ potentatovъ и заступаться за потомковъ Тевтонскаго ордена и меченосцевъ.“

„Пусть эта твердая вѣра въ нашу будущность дастъ Вамъ силу, дорогой другъ, перенести страданія текущаго дня, какъ бы жестоки они ни были. Пусть снова раздастся твоя героическая пѣсня, какъ называлъ твои произведенія Мишле, — пусть въ твоемъ голосѣ будутъ слышны новыя слезы, слезы, которыя мы вмѣстѣ съ тобою льемъ о незабвенной Наталіи,² — тѣмъ глубже проникнетъ онъ въ сердца искренно и вѣрно любящихъ тебя русскихъ.“

Генуя, 13 іюля 1852.

Пааки³, 22-го сентября (1852)

Міромъ Господу помолимся.

Вы пишете: „Зачѣмъ мы съ Вами не умерли!“ — Помилуйте, теперь не намъ, мелкимъ людямъ, чередъ умирать — теперь у смерти пошла въ моду Веллингтоны, Волконскіе. — Волконскій умеръ! — слышали Вы это? — Ну, понятная ли это вещь! Одинъ за другимъ два русскихъ фельдмаршала, изъ которыхъ одинъ былъ не русскій, другой не былъ фельдмаршаломъ, а только такъ назывался — экзакказія! Да, смерть-баловница что-то разгулялась въ Россіи. Смотрите, въ какіе-нибудь полгода она прибрала Набокова, Вронченко, Волконскаго (духъ министровъ

¹ Да и во всѣхъ странахъ національная гордость большею частью присуща только грандамъ, такъ какъ нація образуетъ ихъ силу, а не массѣ, служащей подмостками для гордости грандовъ.

² Жена Герцена, Наталія Александровна, умершая въ маѣ этого года.

³ Raquis, кварталъ въ Женевѣ.

и одного корпуснаго генерала), Гоголя, Брюлова (двухъ артистовъ) — а на будущій годъ она грозитъ еще холерой. — Чего добраго, и еще кого-нибудь важнаго записать. — Придутъ ли эти мысли въ голову тѣмъ, которые будутъ хоронить князя Петра Михайловича? — Врядъ ли! Они, чай, только разсердятся на эту либералку, да отдадутъ строжайшій приказъ медицинской управѣ взять ее подъ полицейскій надзоръ. — И по дѣлѣмъ будетъ — главамъ хранительной партіи умирать неприлично; они должны на себѣ показывать прочность и вѣчность общественнаго порядка. Вообража себѣ похороны — все въ мундирахъ, войско подъ ружьемъ, попы и пѣвчіе заливаются, фрейлины плачутъ, Орловъ думаетъ о томъ, какъ бы ему въ министерствѣ двора — полно съ шпионами возиться, пора отдохнуть. — а Леонтій Васильевичъ¹ думаетъ: кого-то мнѣ теперь на голову посадятъ? долго ли намъ еще съ Геденовымъ театральною школой завѣдывать? — Нессельроде не побѣхалъ на похороны, у него припадокъ подагры, къ тому же нерѣдко бывали примѣры, что люди на похоронахъ своихъ сверстниковъ простужались, — а погода такая скверная, небо *en petit deuil*, цвѣта офицерской шинели; мелкій, холодный дождь изображаетъ слезы тучъ, сбѣжавшихся со всѣхъ болотъ, топей и (не цѣлебныхъ) грязей Ингерманландіи, Финляндіи и Карелии. Гдѣ же солнышко? Кому-то оно теперь свѣтитъ, кого пригрѣваетъ? — нѣтъ его ни въ Варшавѣ, ни въ Пруссіи — тамъ холера — нѣтъ его въ Лондонѣ, тамъ Веллингтона погребаютъ точно также. — А вотъ — поди ты! — глянь-ка, кому оно улыбается! — видишь тамъ — въ краю далекомъ, гдѣ прекрасное вино — остановился паровозъ; изъ него вышелъ человѣкъ лѣтъ сорока, ему подали коляску *à la Daumont*, пушки гремятъ, колокола звонятъ; — въ ту минуту, когда онъ садится въ коляску, ему сообщаютъ, что электрическій телеграфъ принесъ вѣсть о неожиданной смерти побѣдителя Ватерлоо. Князь не сказалъ на это ни слова, но былъ только любезнѣе обыкновеннаго и чрезвычайно благосклонно улыбнулся, когда коляска его „должна была остановиться, потому что лошадей по колѣно закидали, засыпали цвѣтами“. — Да, телеграфъ прошепталъ: „Веллингтонъ умеръ“ — а тутъ народъ кричитъ: „Да здравствуетъ Императоръ!“ — Возможно ли, чтобы при этомъ ни одному изъ царедворцевъ не пришло на мысль сказать тихонько князю: „да здравствуетъ императоръ французовъ, король Великобританіи, протекторъ Ирландіи?“ — Ктожъ этотъ человѣкъ, позвольте спросить, на чьей улицѣ теперь праздникъ, между тѣмъ какъ у Васъ трауръ по Петрѣ Михайловичѣ, а въ Лондонѣ по Веллингтонѣ? — вашъ онъ? нашъ онъ? — ни вашъ, ни нашъ, ни даже свой, — онъ Божій человѣкъ, — только на его улицѣ теперь праздникъ. — А Вы, друзья, держите ухо востро, чтобъ Вамъ, по его милости, не быть у праздника — вѣдь онъ — лихой.

Такъ какъ-же теперь умирать? Александръ Ивановичъ! — надобно повременить — слишкомъ занимательная драма на сценѣ, чтобъ, не дождавшись развязки, идти вонъ изъ театра и лечь спать.

1-го октября (1852) пятница.

Благодарю Васъ за нѣсколько подробный разсказъ, сообщенный Вами мнѣ о Вашемъ житиѣ-быти въ письмѣ отъ 26-го. — Не на границѣ задерживаютъ письма, а въ самомъ Парижѣ, потому что только тамъ имѣются переводчики, — и въ Парижѣ кладутъ тимбръ Ферне. Это я сообщаю Вамъ для того, чтобы Вы, если будете публиковать въ Теймсѣ, могли обстоятельно говорить. Хоецкій показывалъ здѣшнему почтовому вѣдомству возвращенный Вами пакетъ. Они отвѣчаютъ только, что французскій почтампъ не подѣ ихъ вѣдомствомъ. — Вѣсть о пребываніи здѣсь прудонца Масальскаго имѣетъ, кажется, одинаковую степень вѣроятности съ вѣстью, сообщенной недавно Фоггу о томъ, будто Васъ въ Парижѣ схватили и выдали русскому правительству. Фоггъ третьяго дня сюда пріѣхалъ. — говорить, что писалъ Вамъ недѣли двѣ тому назадъ, но не имѣетъ отвѣта. — Тесье, Фоггъ и Хоецкій съ горячностью приняли мысль завести обзоръ и поручили мнѣ сообщить Вамъ ихъ мнѣніе. — Чтобы не забыть, начну съ того, что по нимъ дѣло не стоитъ заводить въ случаѣ, еслибъ не было трехсотъ тысячъ фр. капитала; — что по ихъ мнѣнію и свѣдѣніямъ Вамъ возможно найти, особенно если Вы уговорите Лѣве дѣйствовать съ Вами за одно на островитянъ. Поговоривъ съ Лѣве, Вы бы пригласили къ себѣ на чашку чаю и бутылочку шипучки альбійцевъ и при такой occasіи и завели бы рѣчь: — троица женевская говорить, что дѣло можетъ быть удачно только, если оно будетъ нѣчто не менѣе важное,

¹ Дуббельтъ.

чѣмъ энциклопедія прошедшаго вѣка. Издавать обзорѣніе только на нѣмецкомъ или французскомъ, или на этихъ двухъ языкахъ вдругъ — не стоитъ. Книги отдѣльныя знаменитыхъ авторовъ на этихъ двухъ языкахъ находятъ еще себѣ сбытъ въ Европѣ, несмотря на таможи; но нельзя думать, что періодическое изданіе мѣло бы такъ же расходиться, и потому такое періодическое изданіе не оплачивалось бы, а торговый, денежный успѣхъ — не только вѣрный залогъ удачно и необходимому условію для большей части сотрудниковъ, не, могущихъ даромъ работать. — И такъ, однимъ словомъ, нужно, чтобъ обзорѣніе вошло на трехъ языкахъ: англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ (сперва по два раза въ мѣсяцъ, потомъ еженедѣльно — объемомъ и цѣною подобно воскресному Теймсу). Англійская часть изданія, или съейте его въ Англіи и Америкѣ, покрывалъ бы (вѣрные) убытки французской и нѣмецкой части. — Чтобы англичане дали денегъ на такое трехъ-язычное обзорѣніе, имъ нужно гарантировать успѣхъ дѣла — а успѣхъ дѣла, т. е. большой сбытъ обзорѣнія въ англійскихъ странахъ можетъ быть обезпеченъ хорошими именами сотрудниковъ, которыхъ Вы имъ рекомендуете и которые частью могли бы поселиться для работы въ Альбионѣ. Известно Вамъ, въ какомъ духѣ они согласились бы работать: они распространяли бы на материкъ здѣшнюю теорію свободной торговли, всеобщаго мира, единенія народовъ на основаніи вольной торговли и братскаго раздѣленія труда промышленнаго. Войны, грабежи — разумѣется — находили бы себѣ въ Вашихъ сотрудникахъ не адвокатовъ. Но идеи колонизаціи въ мірѣ были бы горячо поддерживаемы; и вообще старались бы заставить материкъ полюбить Англію. По ту сторону океана рабство было бы хулимо, но занятіе всей Америки Соединенными Штатами — сильно одобряемо. — Обзорѣніе заключало бы въ себѣ во-первыхъ, ученую часть, въ которой бы говорилось объ изобрѣтеніяхъ въ механикѣ, технологіи, открытіяхъ географіи; были бы прилагаемы чертежи; во-вторыхъ, литературную часть, въ которой современная исторія и исторія дней былыхъ, художества, правописаніе, политика, беллетристика собственно, путешествія и т. п. Наконецъ: часть экономическую, въ которой рѣчь о промышленности, торговлѣ и статистикѣ; сверхъ того: библиографія и лѣтопись современныхъ событій. — Отвѣтите имъ, чтобы они могли знать, чего имъ ожидать, а имъ очень бы хотѣлось имѣть такое занятіе. Они говорятъ, что все зависитъ отъ Вашего рвенія, что Вы, какъ русскій демагогъ, симъ самымъ въ Альбионѣ можете дѣлать эффектъ; альбионцы не будутъ думать, что это только битье по ихъ карманамъ, потому что Вы въ деньгахъ не нуждаетесь.

На Вашъ вопросъ, зачѣмъ я собираюсь въ Парижъ, я затрудняюсь отвѣтить Вамъ — такъ это просто. Да отчего же мнѣ не жить въ Парижѣ, если и пока мнѣ это можно будетъ? Зачѣмъ бы жить мнѣ въ другомъ мѣстѣ? — Я надѣюсь, что меня оставятъ тамъ спокойно рыться въ публичной библіотекѣ, во-первыхъ, потому что не за что прошедшее меня притѣснять; во-вторыхъ, нечего въ будущемъ меня опасаться; я человѣкъ книжный, знакомыхъ въ Парижѣ дѣятельныхъ не имѣю, и вообще никакъ никому не совѣтую продолжать или возобновлять то, что было дѣлаемо въ сорокъ-осьмомъ году и что имѣло только гибельныя слѣдствія. Пора перестать вѣрить, что магія, чародѣйство на что либо годно и что стоитъ убить двѣ-три сотни людей, да напечатать и подписать, что народъ-де сталъ вдругъ изъ дѣтяти взрослымъ человѣкомъ, чтобъ это и въ самомъ дѣлѣ такъ было. — Жму руку Вамъ и другу моему Сашѣ.

Женева, 20-го октября (1852).

Не безпрерывно дождь стремится
На нивы съ мрачныхъ облаковъ,
И море не всегда струится
Отъ въ немъ бушующихъ вѣтровъ.

Сегодня и въ Женевѣ солнце, — и мнѣ легче. А все это время мнѣ было тяжело, скверно на сердцѣ — по 1001 причинѣ. Вотъ почему я и молчалъ „угрюмо“, — какъ Вы пишете. — Я нахожу (по крайнему моему разумѣнію), что Вы благо-разумно поступили, рѣшившись остаться въ Лондонѣ, — если только туманъ Альбіона не будетъ разивать въ Васъ тотъ сплинъ, который рѣзко выразился въ письмѣ Вашемъ къ Т. отъ 14-го, и во-вторыхъ, если этотъ туманъ не повредитъ Сашѣ. — Да, старикъ! частенько вспоминаемъ мы Ниццу — теперь для Васъ необитаемую, не только по личнымъ Вашимъ чувствамъ, но и по другимъ причинамъ: Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно по журналамъ (*exempli gratia*, *Débats*, *Galignani*), что Даметтъ высланъ отсюда въ Мальту, прочіе французы *internés*. — Но я хотѣлъ

говорить Вамъ объ себѣ. Что же сказать? Только то, что я по уши погрузился снова въ Гегеля.

„Wo ein Bruch zwischen dem inneren Streben und der äusseren Wirklichkeit eingetreten ist, говоритъ онъ, wo der Geist Gleichgültigkeit an seiner lebendigen Existenz kundgibt oder unbefriedigt in derselben weilt, und ein sittliches Leben sich auflöst, — da wird philosophirt. Der Geist flüchtet nämlich dann in die Räume des Gedankens, um gegen die wirkliche Welt sich ein Reich des Gedankens zu bilden; und die Philosophie ist die Versöhnung des Verderbens jener realen Welt, das der Gedanke angefangen hat. — Die Philosophen in Griechenland hielten sich so von den Staatsgeschäften entfernt; und das Volk nannte sie Müßiggänger, weil sie sich in die Gedankenwelt zurückgezogen haben.“ — Такимъ тунейднемъ живу я, жилъ доселѣ и хочу жить впредь, сколько грѣхамъ моимъ потерпѣлъ чихотка, которую я теперь недвусмысленно ощущаю. Я перечитываю Гегеля и въ восторгѣ оттого, что онъ мнѣ теперь несравненно яснѣе, понятнѣе, чѣмъ когда я его впервые читалъ. Что за умъ! — Это не мѣшаетъ мнѣ, однакожъ, почитывать и 3-й томъ Гакстауэна, который такъ дорогъ (12 франковъ!), что я не рѣшился его купить, но приобрѣлъ теперь въ видѣ дара — отъ нѣжной супруги моей.

Извѣстно-ли вамъ, что третій томъ Гакстауэна запрещенъ на Руси? Почему — еще не знаю, я только-что началъ его. Но старуха Аугсбургская тонко говорить: „запрещенъ для ради того, чтобъ его पुще на Руси читали“. О тонкота! Причина, я думаю, проще: когда вышли первые два тома (въ 1847), мысль Гакстауэна объ уничтоженіи крѣпостного состоянія была ободряема правительствомъ; съ 1847 года много воды утекло; и Перовскій попалъ въ либералы, не говоря уже о сыныкѣ Соллогуба на Кавказѣ; теперь министръ внутреннихъ дѣлъ Бибииковъ, бывшій доселѣ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, отъявленный соперникъ проекта объ эманципациі крестыянъ. — А Гакстауэнь не глупъ, чортъ возьми!

Парижъ, — à Beaujou, rue Fortunée, 11/4 ноября (1852 г.).

Я еще въ Женевѣ собирался писать вамъ объ Гакстауэнь, но не нашель времени. Мнѣ удивительно, какъ Вы такъ мирно приняли его 3-й томъ, который, вѣдь, полнѣйшее опроверженіе всего вами печатаннаго объ Россіи. — Вы сходите съ нимъ только въ одномъ пунктѣ, savoir que la Russie a „la beauté du diable“, молода и свѣжа, словомъ, кровь съ молокомъ, тогда какъ Европа стара и дряхла. Но вотъ и все, въ чемъ вы согласны; во всемъ остальномъ вы расходитесь. Вы опасаетесь, что Европа впадетъ въ летаргическій византійскій сонъ, изъ котораго ее пробудить развѣ только донская нагайка; Гакстауэнь думаетъ, что Европа разсыплется на песчинки, на атомы, — перемелется безъ того, чтобъ мука вышла, — буде развѣ въ предстоящей, по его словамъ, послѣдней рѣшительной борьбѣ между христіанствомъ и анти-христіанствомъ папская власть не одержитъ верхъ. Это бы еще ни по чемъ, но главное разногласіе — въ оцннкѣ русскаго народнаго характера. По Гакстауэну основная черта въ немъ — религіозность (вотъ Бѣлинскому загвоздка!), религіозность, выражающаяся въ администраціи радушнымъ расположеніемъ, дѣтскою любовью, безграничнымъ уваженіемъ со стороны мужиковъ ко всѣмъ властямъ. Вы, напротивъ того, извиняли лживость мужика передъ судомъ, утверждая, что мужикъ смотритъ на власть, какъ на врага своего, противъ котораго aeterna auctoritas, что, впрочемъ, находить себѣ подтвержденіе въ выноскѣ Гакстауэна на стр. 52 о поклоненіи Черемисовъ Земскому Суду, какъ зловредному божку.

(Вотъ свѣчку, чорту двѣ — „das ist durchgängig in dem gesegneten Lande, wo sich alles [стр. 149] fröhlich und frei bewegt!“) Вообще, внимательный читатель найдетъ въ обмолвкахъ Гакстауэна множество доводовъ противъ него. Какъ, напримеръ, согласить это религіозное уваженіе, о которомъ онъ столько говоритъ, съ его картиною исправниковъ, вообще безнравственности чиновниковъ, ихъ взяточничества? Какъ повѣрить, что староста считается отцомъ міра, когда авторъ говоритъ: „In vielen Dörfern herrscht noch jetzt die Sitte, dass der Starost nach 3 Jahren vor versammelter Gemeinde sein Amt aufgibt und beschliesst, indem er niederkniet (!) seinen Stab vor sich legt und die Gemeinde um Verzeihung bittet, wenn er ihr irgend Unrecht gethan.“¹ — Когда же о тцѣобразуются такъ съ дѣтми? Не только староста, но и подрядчикъ въ артеи заступаетъ, по Гакстауэну, мѣсто отца, — а смотришь, онъ называетъ этого подрядчика (стр. 572) Agent, (стр. 587) Schaffer.

¹ Стр. 199.

Да что это и за богопочтение, которое въ теченіе тысячъ лѣтъ, т. е. съ эпохи обращенія въ христіанство, еще не побудило народъ ознакомиться съ первыми догматами религіи! (см. стр. 85). — Разгадка, почему русскій человѣкъ боится и Бога, и властей, кажется мнѣ, въ этихъ словахъ Гакстгаузена: *der Russe verlangt von dem, was über ihm steht, geradezu Strenge und Entschiedenheit* (стр. 148). Да, русскій человѣкъ — еще не лицо, не дѣйствительно человѣкъ. — Мишле въ этомъ правъ, такъ какъ онъ правъ и въ томъ, *que de l'étoffe d'un seul anglais on ferait trois Russes*; самъ Гакстгаузенъ, несмотря на свои возгласы о юной силѣ и крѣпости русскаго народа, говорить то же самое! — Въ Россіи все еще въ неопредѣленномъ видѣ, въ массивномъ, ничто не разграничено, все сливается. Поэтому не видать тамъ ни сословій, ни ремеслъ или раздѣленія труда, ни собственности частной; поэтому нѣтъ тамъ и ненавистнаго Гакстгаузену права, ибо сущность права есть опредѣленность, точность; поэтому и люди тамъ не имѣютъ аутономіи и за неимѣніемъ въ себѣ рѣшимости, требуютъ ее извнѣ. Помните, какъ Гоголь говоритъ, что приключись русскому человѣку бѣда, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться, онъ спѣшитъ звать себѣ на помощь дядю Миная да дядю Митяя. Это положеніе Россіи имѣетъ безспорно свои преимущества: русскій умъ гибче европейскаго, — во Франціи, въ Англіи спеціальность, опредѣленность перешла въ такой формализмъ, что тутъ въ-заправду *c'est le style qui fait l'homme*, что не выражено согласно всѣмъ правиламъ синтаксиса, то почитается безсмысленнымъ, между тѣмъ какъ русскій умъ проникаетъ дальше буквальнаго смысла и понимаетъ и то, что вѣетъ между строкъ — тѣмъ не менѣе, однакожъ, какъ вы замѣтили въ вашей повѣсти „Долгъ прежде всего“, русскій не имѣетъ характера; мы еще не осыдѣли, у насъ все бродитъ. — Но все это — состояніе переходное, временное, оно свойственно всему развивающемуся, а не только Россіи; это — первая степень развитія, которая ниже степеней на которой Европа. *Entwickelung und weitere Bestimmtheit sind ein und dasselbe*. Самая громадность Россіи есть атрибутъ такой степени развитія; всѣ древнія государства въ Азій и Европѣ (Карла В. ex. gr.) были таковы. — Не поскучайте, если я позволю себѣ привести здѣсь слова Фейербаха:

„Jede Entwicklung beginnt damit, dass die Natur Individuen in Masse produziert, in unbeschränkter Vielheit, und sie produziert um so mehr Individuen, je niedriger die Art oder Gattung ist. Je niedriger die Art, desto geringfügiger, desto bedeutungsloser ist der Unterschied der Individuen von einander — ex uno disce omnes —, desto indifferent, gleichgültiger ist an sich selber die Individualität, und eben diese Unterschiedslosigkeit, diese Indifferenz ist die Quelle ihrer Vielheit — diese Gleichgültigkeit ist eben der Schmerz des individuellen Lebens, die Quelle seines Elends, seine *Pein*, aber eben darin auch der innere Impuls der Thätigkeit. Die Gleichgültigkeit unseres individuellen Daseins aufzuheben, ist der Zweck unseres Lebens, der Trieb unserer Handlungen, die Quelle unserer Tugenden, wie unserer Fehler und Mängel. Der Mensch will und soll etwas Distinktes werden. Er will und soll sich einen qualitativen Werth, eine wesentliche Bedeutung geben. — Verliert der Mensch die Interessen, die sein individuelles Dasein spezifizieren, kommt ihm die Gleichgültigkeit seiner entblößen Individualität zum Bewusstsein: so verliert er den Unterschied zwischen Sein und Nichtsein: das Dasein wird ihm zum Ekel; er endet mit Selbstmord, d. h. — er vernichtet sein Nichts.“

Послѣдній періодъ можетъ какъ разъ служить эпиграфомъ къ исторіи русской литературы послѣднихъ годовъ. Въ немъ слышится и Дума Лермонтова, и слова Пушкина:

„Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.“

Но съ Гакстгаузеномъ не стоитъ труда пускаться въ философію, хотя онъ и прикидывается знающимъ Гегеля. Что за безсмысленность его опасеніе о размельченіи Европы на атомы! — Боязнъ утраты единства, связи, общественнаго союза между людьми возникаетъ во всѣ тѣ эпохи, когда люди начинаютъ сознавать, что формы, дотогѣ выражавшія ихъ союзъ, уже не соответственны ходячимъ понятіямъ объ этомъ союзѣ. Тѣ, которые ощущаютъ преимущественно тѣсноту формы и хотятъ ее во что бы то ни стало сбросить, говорятъ: *fiat justitia, pereat mundus* — и

¹ Стр. 587: „Ein englischer Fabrikaufseher in der Gegend von Moskau behauptete, dass sich die Arbeit eines Russen zu der eines Engländers verhalte wie 2:5.“ Digitized by Google

— si totus illabitur orbis, impavidum ferient ruinae — назывались то еретиками, то протестантами, потом либералами.¹

Тѣ, которые страшатся пуще всего неизвѣстнаго будущаго, утверждаютъ всегда, что съ разрушеніемъ настоящей формы общества (группы) исчезнетъ всякое единство между недѣлимыми; они назывались католиками, теперь консерваторами. Причина образа мыслей послѣднихъ — психологическая, эмпирическая, нефилософская: эта партія состоитъ изъ людей двухъ разрядовъ: одуренныхъ отъ роскоши и одуренныхъ отъ нищеты до такой степени, что они отродясь ни разу сами не мыслили. Притомъ же la question agitée — одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые всего труднѣе даются уму, а именно: объ отношеніи частнаго къ общему, вопросъ о генерализаціи. Генерализація вообще стоитъ людямъ большого труда: сколько на свѣтѣ добряковъ (именно, я это видѣлъ въ сельскихъ жителяхъ), которые не въ состояніи составить себѣ ни малѣйшаго сколько-нибудь общаго понятія или даже представленія, образа (Vorstellung). Почему? — Потому, что то, что есть общее, что составляетъ единство, не есть нѣчто осязаемое (palpable), а нѣчто чисто духовное: c'est tout ce qu'il y a de spirituel, d'immatériel, d'intellectuel, — лишь осязаемое есть само по себѣ частное. Человѣкъ догадывается о существованіи общаго, но затрудненіе состоитъ въ томъ: какъ опредѣлить, выразить, — какъ себѣ его представить. Первые приемы къ рѣшенію этой задачи состоятъ обыкновенно въ томъ, что изъ среды частныхъ выбираютъ одно какое-либо для обозначенія имъ, — для того, чтобы оно, это частное, служило знакомъ общаго. Хотятъ-ли, напримѣръ, въ естественной исторіи обозначить общее всему роду feline, берутъ одно изъ этого рода — кошку, которая вслѣдствіе сего должна обозначать въ одно и то же время и себя, какъ частное, и весь тотъ родъ, къ которому она причисляется. Хотятъ ли въ общественномъ быту означить общее (единство) какого-либо народа? Берутъ одного кого-либо изъ этого народа и говорятъ ему: ты, вѣстимо, Людовикъ, но ты будешь означать и весь народъ, къ которому ты принадлежишь, и скажешь про себя: государство — это я! Хотятъ ли дальше обозначить единство, общее, племенъ индо-германскихъ? Выбираютъ знаменателемъ епископа Рима. Что по понятіямъ людей, такъ поступающихъ, общее или единство ихъ не есть нѣчто чисто матеріальное, а духовное — это видно уже изъ того, что они почитаютъ избраннаго ими знаменателя, какъ только-что онъ избранъ, за высшее прочіихъ существо. Въ древнемъ мірѣ языческія божества первоначально выражали ничто иное, какъ именно сознаніе единства ихъ поклонниковъ — божество было только племенное, какъ Аѳина или Минерва, если поклонники составляли лишь одно племя, или если оно выражало единство только одного племени; оно было народнымъ, какъ Іегова, когда означало единство цѣлаго народа многоплеменнаго. — Съ соединеніемъ племенъ и народовъ идетъ рядомъ соединеніе ихъ боговъ; міеологія. Олимпъ обогащается, населяется постепенно, пока онъ, наконецъ, переходитъ въ *Pan-Deum*. Вотъ является Христосъ, который постигаетъ единство народовъ, и потому старается сгладить народности (единицы народныя), говоря: въ моемъ царствѣ нѣтъ ни Еллиновъ, ни Евреевъ, — Христосъ, который говоритъ: Богъ есть духъ, т. е. не нѣчто осязаемое, „не міра сего“. Напрасно! Понятіе „духъ“ не подѣ силу умамъ — говорить же Гакстгаузенъ: „*rein Geistiges ist ein sinnloses Wort*“, — Богу Христа, единству, общему человечеству даютъ воплощенную форму и представителя въ Панѣ, да еще отдѣляютъ Бога христіанъ отъ язычниковъ.

Такъ, мнѣ кажется, человечество разрываетъ одну за другою формы (знаки воплощенія, представленія или представителей) своего единства — вовсе не потому, чтобы человечеству единство было противно, антипатично, а, напротивъ — потому, что оно сознаетъ эти формы не соответствующими ихъ содержанію, не выражающими того, что онѣ должны выражать.

Христосъ не могъ убѣдить людей въ единствѣ человеческого рода; теперь взялись за рѣшеніе этой задачи, или за доказательство этого предложенія, — пароходы и паровозы, развивая торговлю и съ нею раздѣленіе труда. *Laissez le commerce*, сказалъ Мирабо, *aller et venir: il fondera l'unité du genre humain*. — Но для того, чтобы возникло, установилось, проявилось высшее, болѣе обширное един-

¹ Къ ней я причисляю и социалистовъ à la Прудонъ, такъ какъ коммунизмъ я отношу къ противоположной партіи. Я ничуть не вижу радикальной антитезы между коммунизмомъ, съ одной стороны, и нынѣшнимъ государственнымъ устройствомъ, съ другой. Если они противоположны, то развѣ лишь какъ будущее къ настоящему, настоящее къ прошедшему, а не какъ разныя начала. Уже Кабетъ въ своей Икаріиной поѣздкѣ доказалъ, что коммунизмъ имѣетъ сѣмена въ нынѣшней администраціи; онъ говоритъ, что только этимъ общество и держится, и приводитъ въ примѣръ законы о дорогахъ, каналахъ и т. п. А приведенные самимъ Гакстгаузенемъ Питтовы законы (стр. 524) развѣ не нарушаютъ явно право частной собственности?

ство, — подчиненныя, менѣе объемистыя единства или группы необходимо должны исчезнуть, стереться. — Всякое развитіе начинается съ массы, т. е. въ видѣ неразчлененной коммунистской каши. Сначала, въ туманной, какъ млечный путь (*voie lactée*), сферической массѣ не различается ничто иначе, какъ геометрически, по мѣстоположенію, количественно. Но постепенно части, ее составляющія, начинаютъ различаться одна отъ другой; по своимъ отличительнымъ признакамъ или „сродствамъ“ онѣ сочетаются промежъ себя. Это первое проявленіе въ массѣ жизни, — въ видѣ броженія. Это — формация группъ. Чѣмъ качественныя отличія частей массы становятся рѣзче, опредѣленнѣе, ярче, тѣмъ группы или кружки въ нѣдрахъ массы стягиваются туже и туже, становятся болѣе и болѣе исключительными. Отсюда борьба между группами. Первобытная масса постепенно, изъ-за образующихся въ ней группъ, теряется изъ виду. *Vor lauter Bäumen sieht man nicht mehr den Wald vor lauter Völkern nicht die Menschheit.* — Но сжуженію группъ есть предѣлъ, и именно тамъ, гдѣ границы группы свѣдятся на единицу, монаду или недѣлимое. Тогда возникаетъ плачъ великій и скрежетъ зубовъ о разрывѣ всякихъ союзовъ, что каждый лишь самъ про себя (*für sich*), эгоизмъ, индивидуализмъ, словомъ, кончина міру. Но, какъ при возникновеніи группъ въ нѣдрахъ массы, она изъ виду все болѣе и болѣе исчезала, такъ теперь, съ уничтоженіемъ группъ, съ обрушеніемъ ихъ заборовъ, масса снова выступаетъ на видъ, видѣется — и притомъ не въ первобытномъ своемъ образѣ, а преобразованною, лучезарною, многоизвѣстною, какъ лучъ солнца, который единъ, но въ которомъ и всѣ цвѣта радуги. — Какъ скоро въ массѣ нѣтъ болѣе группъ, а (осязаемо) — только индивидуумы, такъ масса является родомъ. Итакъ, стремленіе къ обобщенію и стремленіе къ индивидуализаціи — совпадаютъ, суть одно и то же. *En dernier résultat*, оно ничто иное, какъ стремленіе монады, индивидуума, къ цѣлости — къ дополненію или пополненію себя; для этого или къ этому вело все предшествующее развитіе, *savoir*: чтобы индивидуумъ сталъ цѣлымъ (въ группѣ онъ только пополняетъ себя). Какъ скоро индивидуальность стала замкнутою сама въ себя, полною, ей раскрывается весь міръ, по крайней мѣрѣ, весь ея родъ. Древнему греку было чуждо все, что лежало за межою его Эллады, но тому римлянину (Лукіанъ?), который впервые сказалъ: *homo sum, уже nihil humanum не было alienum.* Тотъ римлянинъ былъ навѣрное хороший человѣкъ, но уже плохой гражданинъ и патриотъ. — Подъ конецъ общее — не внѣ частнаго, а въ самомъ частномъ, оттого общаго и не видать; единство будетъ въ людяхъ, а не надъ нами; — будетъ едино стадо, но одинаго пастыря ему не будетъ на землѣ.

Объ этомъ-то и сѣтуютъ такіе люди, какъ Гакстаузенъ, которые выдаютъ себя за заклятыхъ враговъ матеріализма, но ничего собственно духовнаго, ничего далѣе матеріальнаго не понимаютъ. Отсюда и бредни о предстоящемъ Европѣ распаденіи на атомы, и желаніе, чтобы единство, союзъ общественный, былъ нѣчто совнѣ данное. Но внѣшнее единство — лишь *un expédient, un faute-de-mieux*: единство не можетъ быть устроено; о немъ и заботиться напрасно: если оно не въ самихъ людяхъ, то нечего имъ его навязывать, оно къ нимъ не пристанетъ, они его сбросятъ; если же оно есть въ нихъ, то ужъ оно само собою проявится. — помимо Папы и Маццини.

Но я слишкомъ далеко забрелъ въ моемъ монологѣ. Еслибъ я „публиковался“, я бы такъ не писалъ (да иначе-то, вотъ бѣда, я писать не умѣю). Недавно прочиталъ я въ „Прессѣ“ нѣсколько словъ о романѣ американскомъ: „*La case de l'oncle Tom*“, — и нашелъ тамъ эти справедливыя слова: „*les maximes philosophiques ne touchent que le petit nombre des esprits lettres et cultivés; mais la peinture, mais le drame agissent sur la masse, sur tout le monde — les images sont ce qui instruit le plus vite.*“

Поэтому и Гакстаузену возражать надобно бы картинами изъ русской жизни. Кто читалъ Гоголя повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ въ Миргородѣ, тому картина уѣзднаго суда стоить болѣе, чѣмъ цѣлая диссертація и письмо Бѣлинскаго къ Гоголю насчетъ религіозности русскаго народа — особенно предъ зеркаломъ суда. Но для этого надобно быть маэстромъ, какъ Вы. — Молчаніе съ Вашей стороны на книгу Гакстаузена будетъ походить на отказъ съ Вашей стороны, на *ressasi* во всѣхъ Вашихъ прежнихъ сочиненіяхъ.

Разумѣется, не только картины слѣдуетъ противопоставлять фрейгерру. Надобно показатъ, что онъ шутъ гороховой. Какъ, напримѣръ, можно въ буквальной смислѣ принимать легенду Нестора о призваніи Варяговъ: почему-же Новгородцы могли знать, если не по набѣгамъ, о существованіи за морями, за горами, Рюрика съ Синеусомъ и Труворомъ? — не по газетамъ же, не по славъ о ихъ миролюбіи — Варяги этимъ съ покоя въ вѣку не отличались. — А какъ Вамъ нравится, что

Гакстгаузенъ не пожелывалъ объявить Новгородскую республику (о существовании Псковской онъ ужъ и не напоминаетъ) за заморскую шутку, за Ганзейское нововведение? — Потому, на что онъ далъ реэстръ русскихъ фрейгерровъ? — Должно быть, на смѣхъ, иначе зачѣмъ бы объявлять міру, что на Св. Руси водятся такіе бояре, какъ Колотиловскій (чисто новгородское произведение), Грязь (изъ Австріи), Фуниковъ (изъ Пруссіи).¹ — Наконецъ, авторъ, который беретъ за книгу 8 1/2 талера, могъ бы нанять корректора, чтобы не печатать Jakubow вмѣсто Яковлевъ. Bartujonsku вмѣсто Бортнянскій, Kaikъ вмѣсто Яикъ и Kaza вмѣсто казна. — Только за шутку, за насмѣшку, можно принять и все то, что онъ говоритъ объ weltgeschichtlichen Beruf Russlands: на стр. 173 читаю: der Beruf Russlands ist, „als Vermittler zwischen Europa und Asien die Kultur des einen Welttheils dem anderen zuzuführen“; на стр. 224: „(England und Russland) beide haben von der Vorsehung in einer bestimmten Richtung ein und dieselbe Mission erhalten, nämlich Christenthum und Civilisation, jeder von seiner Seite und Stellung her, über Asien zu verbreiten. — Russland vom Landwege, England vom Seewege her“; а на стр. 214: „Für alle Civilisation aber sind die Meere die leichtesten und bequemsten Brücken und Wege, die Landwege sind zu (sic! zu) schwierig und unbequem.“

Что книга Гакстгаузена запрещена въ Россіи, это я теперь понимаю почему. Во-первыхъ, вся его философія — не въ духѣ правительства: онъ не только бранитъ чиновничество, но и христолюбивое воинство называетъ die Soldateska (194). — (хотя и благодаритъ его за спасеніе въ 48-мъ году общества отъ супостата, 249) — но онъ и все государственное устройство клеймитъ словами „heidnisch. atheistisch“ (182, 195); плачетъ о секуляризації свѣтской, монархической власти, приписываетъ все это XIV вѣку и пандектамъ, и увѣренъ, что когда-нибудь Россія подчинится папѣ. Но ужъ excusez! — Во-вторыхъ, въ книгѣ Гакстгаузена есть отрывочные факты, куда-какъ не лестные. Напримѣръ, онъ говоритъ, что не позже чѣмъ въ 37-мъ году, правительство имѣло въ виду nur finanzielle Zwecke (стр. 473); — in den grossrussischen Gouvernements wurden die Bauern zum Trunk verführt; in den privilegierten wurden sie dazu gezwungen (474). Это хоть бы автору Russland und die Gegenwart приписать можно. — А каковъ этотъ фактъ? стр. 475: „Bis 1837 war eine grosse Zahl armer und völlig verarmter Leute vorhanden, die, um ihre Gemeindeantheile meist durch Unterdrückung und Betrug gekommen, obdachlos umherzogen. Man mittelte damals gegen 605675 (!) Seelen aus.“

Вотъ послѣ этого и говорите объ отсутствіи пролетаріевъ въ Россіи и что das russische Volksleben gleicht seinem Lande, es ist eine grosse freie Ebene, worin sich alles frei und fröhlich bewegt (149). — На этой же 475-й стр. сказано: die Bauern hatten beinahe gar keine Landrente; — и вообще онъ утверждаетъ, что почва истощается (521), что дворянство бѣднѣетъ (600).

Такія слова не выкупаются ни сравненіемъ русскихъ ревизоровъ съ Missi dominici Карла Великаго (148—9), ни бранью на Пальмерстона и Францію, ни даже этой забористою фразою (стр. 232): Russland hat Dänemark geschützt, als 1848 der betrunkene deutsche Michel es überhül und an dem Kleinen und Schwachen sein Muthchen kühlen wollte. — Да кто же былъ главнымъ поборникомъ войны за Schleswig-Holstein? — Кажется, монархъ фрейгерра. — Каковъ?! ай, да баронъ! — Но довольно; я, чай, и безъ того уже Вамъ надѣлъ. Прощайте.

30-го ноября (1852).

Ну, полно намъ съ вами хандрить, родной мой старикъ! — Увидимъ мы еще какъ у гробового входа

Младая будетъ жизнь играть.

Если Вамъ отъ того на сердцѣ легче, что Вы все Европу хороните, такъ дѣлайте это съ богомъ. Но только серьезно не думайте про себя, что все идетъ ко дну отъ того, что не Осипъ,² да не Кошутъ теперь мастеровъ. Э, Боже мой! баба какъ ни верти задомъ и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ. Вотъ Вы теперь разлюбили Гегеля и меня браните за то, что я его почитаваю. А я себѣ въ утѣшеніе вотъ какую тираду въ немъ приискалъ (не люблю, не слушаю, а я не могу противостоять искушенію выписать ее Вамъ): „Die Geschichte ist die Idee, die auf natürliche Weise, nicht mit dem Bewusstsein der Idee, vollbracht wird. Es wird freilich nach allgemeinen Gedanken des Rechts, des Sittlichen, Gottgefälligen gehandelt; man muss aber wissen, dass Handeln zugleich Treiben des Subjekts als solchem für

¹ А проповѣдь-то, приведенная стр. 100, въ образецъ проповѣдей!! ² Гарибальди

особенные Zwecke ist. Die Verwirklichung der Idee geschieht also durch eine Vermischung von Gedanken und Begriffen mit unmittelbaren, partikularen Zwecken; so dass dieselbe nur einerseits durch den Gedanken, andererseits durch die Umstände, durch die menschlichen Handlungen, als Mittel, produziert wird. Diese Mittel scheiner oft der Idee entgegengesetzt zu sein, das schadet aber nichts; alle jene bestimmten Zwecke sind vielmehr nur Mittel, die Idee hervorzubringen, weil sie die absolute Macht. Die Idee kommt mithin zu Stande in der Welt, da hat es keine Noth; es ist aber nicht nöthig, dass die Regierenden die Idee haben.“

Нѣтъ, съ февральскихъ дней разыгралось больше, чѣмъ только увертюра, какъ Вы говорите. Сыгранъ цѣлый первый актъ той оперы, при которой мы присутствуемъ и которая дается подъ названіемъ: Карачунъ мѣщанству. Въ самомъ дѣлѣ, что же все это вмѣстѣ было, какъ не драма, завязка которой — ссора семейная въ мѣщанствѣ, entre frères aînés et frères cadets. Младшіе, чтобъ только напасть на старшихъ, опрометчиво пригласили къ себѣ на помощь безчисленный классъ бѣдняковъ, людей голодныхъ. Они забыли поговорку: сытый голодному не товарищъ. Приглашеніе было сдѣлано чрезъ suffrage universel. Бѣднякамъ за помощь насулили въ Люксембургѣ золотыя горы; — только на первое время ихъ попросили — еще потерпѣть. Бѣдняки обѣщались положить на алтарь отечества „три мѣсяца голода“. Когда этотъ срокъ пришелъ и бѣдняки приступили къ мѣщанамъ, требуя исполненія даннаго обѣщанія, — мѣщане (младшей линіи) нашли, что такое требованіе — дерзость, и въ 1848 году отвѣтили бѣднякамъ тѣми же словами, какъ въ 1834: „oh! ils n'ont pas de pain à mettre sous la dent, eh bien! on leur donnera de la baïonnette dans le ventre“. — Вотъ чѣмъ, мнѣ кажется, были незабвенные іюньскіе дни. Мѣщане одержали побѣду и, чтобъ ознаменовать свое торжество, принялись мстить рабочему классу за „наглость“ его попытки, за причиненный имъ испугъ: послѣ убійства 12 тысячъ людей, они издали законы о депортации и объ избраніяхъ (30-го мая).

На свѣтѣ еще никакая власть не пала иначе, какъ самоубійствомъ, какъ сама отъ себя: потому что сила не можетъ быть одолѣна безсиліемъ, немощными. Такъ и мѣщанство теперь падаетъ отъ раздоровъ, въ его собственныхъ нѣдрахъ возникающихъ. Главная ошибка, которую они сдѣлали противъ своихъ интересовъ, была отминовеніе ценза, объявленіе suffrage universel. Когда они спохватились, ужъ было поздно, — этотъ сюрражъ помѣстилъ во главѣ правительства человека, не принадлежащаго ни по чѣму къ сословію мѣщанъ, и выбраннаго въ 1849 году впервые въ 1850 вторично и наконецъ теперь въ третій разъ — не мѣщанами, а крестьянами преимущественно (что явствуетъ изъ огромнаго количество вотумовъ). Какъ въ 1849 году, такъ и теперь, народъ далъ ему свои голоса въ твердой надеждѣ, что онъ чрезъ него получитъ облегченіе въ своемъ хозяйственномъ бытѣ. — Первое время мѣщане думали, что новоизбранный будетъ ихъ слушаться и имъ потворствовать такъ же покорно, какъ Луи Филиппъ. Какъ скоро же они замѣтили иное, они заговорили о томъ, чтобъ скрутить его и посадить въ тюрьму. За это они сдѣлали 2-ое декабря — противъ мѣщанъ; по народу не стрѣляли, — народъ говорилъ, что этотъ день — отминовеніе за іюньскіе дни. Теперь народъ въ восторгѣ, это фактъ видный, неоспоримый; мѣщане ходятъ, носъ повѣся, биржа дуется. Народъ вызванъ такимъ образомъ на попріе дѣятельности, онъ вѣритъ, что въ лицѣ президента онъ будетъ короноваться, — вотъ онъ стоитъ на сценѣ, полный надеждъ — надеждъ на то, что ему отнынѣ будутъ обезпечены хорошая заработная плата и хлѣбъ по дешевой цѣнѣ. Тутъ занавѣсъ опускается.

Нельзя же сказать, чтобъ въ этомъ первомъ актѣ не было содержанія, мысли и драматическаго интереса, что это не нѣчто цѣлое! — Что будетъ содержаніемъ акта? — не знаю. Но достовѣрно, что главную роль отнынѣ будетъ играть народъ, а уже не мѣщане, — что народъ не будетъ требовать себѣ письменныхъ правъ, ему еще не до нихъ, онъ еще весь абсорбированъ вопросомъ о пропитаніи. И хотъ такой вопросъ можетъ многимъ по своему названію казаться прозаическимъ, онъ тѣмъ не менѣе исполненъ интереса.

Мѣщане, которые преимущественно — либералы (какъ народъ преимущественно занятъ вопросомъ хозяйственнымъ), поражены теперь не только во Франціи, но и во всѣхъ прочихъ странахъ европейскаго материка. Кѣмъ они поражены? — вѣдь, прозой говоря, нельзя же утверждать, чтобъ цѣлыя сословія были побѣждены когда либо частными лицами, врозь стоящими. Мѣщане, вѣдь, гдѣ они въ 1848 году подняли голову, побѣждены классомъ народа непосредственно подъ ними стоящимъ: въ Венгріи революціонеры опирались только на горожанъ, на муниципалитеты; это подтвердилъ самъ Кошутъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ Англіи. Что австрій-

скій императоръ теперь держитъ въ уздѣ мѣщанъ, опираясь на поселянъ, которыхъ онъ задобрить въ свою пользу значительнымъ уменьшеніемъ барщины, — которые сдѣлали ему за то, осенью радушный приемъ, — вѣдь, это тоже не выдумка. Въ Ломбардіи Радецкій опирается на contadini, — противъ него cittadini. Въ Пруссіи послѣдніе, недавно кончившіеся, выборы доставили побѣду монархической власти надъ либеральною партіею — опять таки единственно потому, что къ этимъ выборамъ были допущены поселяне. Остается привилегированному отчизноу капиталистивъ Англія; вопросъ о свободной торговлѣ рѣшенъ теперь въ ихъ пользу. Разумѣется, теперь на всемъ европейскомъ материкѣ диктатура. Да, вѣдь, о томъ въ послѣднее время красные только и говорили, что для переворота необходима диктатура. Ну вотъ она и есть — только не въ рукахъ тѣхъ, которые объ ней говорили, а въ рукахъ другихъ. Ну, признаюсь, личности меня вовсе не интересуютъ, и если толковать о личностяхъ, то смѣло можно предпочесть имѣющаго теперь здѣсь власть Ледру-Роллену и Луи Блану, отъ которыхъ геніальности не видать было, выдержки тоже не видать, но отъ которыхъ можно бы ожидать самохвальства безконечнаго и кровопролитія безсмысленнаго, такого, какъ они сочинили въ іюньскіе дни. Вѣсма вѣроятно, что эти люди чувствуютъ теперь себя въ вѣсма затруднительномъ положеніи, не зная, какъ имъ — имъ лично — сойти со сцены. Въ старину бывало такъ (если вся исторія не простой puff), что побѣжденные полководцы, не легшіе костью на полѣ брани, старались послѣ своего пораженія спасти остатки своихъ войскъ, и потому они дѣлали такіе отступленія, какъ Ксенофонтъ. Посылать своихъ людей на вѣрный убой считалось постыднымъ, преступнымъ. Нынѣшніе пораженные полководцы, видно, иначе думаютъ, судя по тому, что теперь происходитъ въ Ломбардіи. Всегда войны имѣли слѣдствиемъ переселеніе побѣжденныхъ въ новые края; благодаря преимущественно этому, земной шаръ обсеился — со временъ Моисея, выведшаго евреевъ изъ Египта, и Энея, приплывшаго въ Италію съ троянами. Быть основателемъ колоній — единственная роль, остающаяся побѣжденнымъ полководцамъ, чтобы безъ срама сойти съ подиума политики европейской. Если бы они употребили на повтореніе въ 19 вѣкѣ того, что въ древности римскіе плебеи не сдѣлали, но попытались сдѣлать, покинувъ Римъ и отступивъ на Святую Гору, — если-бъ Осипъ¹ да Кошутъ (которому объ этомъ, впрочемъ, говорили уже въ Америкѣ) на это употребили деньги, собираемыя ими посредствомъ займовъ, исторія имъ не поставила бы это въ вину, тогда какъ за ихъ упорство стѣны лбомъ прошить бы она ихъ проклянуть. Неразъ говорилъ мнѣ Медичи: „Будьте увѣрены: не сентиментальная привязанность къ горамъ, озерамъ и рѣкамъ мѣста родины, а невѣжество приковываетъ людей къ почвѣ отечества, невѣжество, полагающее, что за рубежомъ отчизны свѣтъ клиномъ сошелся. Если-бъ тѣ, которые здѣсь страдаютъ за неимѣніемъ выгодной работы, знали, какъ я (онъ видѣлъ Америку), сколь легко жить въ Монтевидео напримѣръ, они почти всѣ перебрались бы туда.“ — Противъ такого невѣжества есть средство: распространеніе географическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Невѣдѣніе прикрѣпляетъ людей къ извѣстному пространству земли, а только потому, что человекъ прикрѣпленъ къ землѣ, возможно обратить его въ крѣпостное состояніе; самъ по себѣ человекъ — подвижнѣе, благодаря тому, что онъ — двуногое, и со дня на день онъ становится подвижнѣе благодаря пароходамъ. Хоть Вы и сильно бранили Александру² за то, что она понимаетъ свободу не иначе, какъ возможность ходить и развѣзжаться съ мѣста на мѣсто, согласитесь однако же, что подвижность есть основаніе человеческой свободы или волиности. По причинѣ неподвижности людей, происходящей въ свою очередь болѣею частью отъ невѣжества, доселѣ дрались не за свободу людей, а за свободу камней, среди которыхъ эти люди родились, — не о томъ, кому быть или не быть свободнымъ, но о томъ, гдѣ кому быть вольнымъ. — „Итакъ, полковникъ!“ скажете Вы мнѣ, — „Вы сатисфэ! поздравляю Васъ: вотъ какъ выгодно почитать афоризмъ: Alles, was wirklich, ist vernünftig! Со всѣмъ какъ разъ примиришься. Такъ что же, скоро Вы и домой?“ — Я не страдаю отъ голода, я утоляю его исправно, и потому мои требованія переходятъ за черту желудочныхъ потребностей; я не буду поддѣлать изъ-за куска хлѣба (можетъ быть только потому, что покамѣстъ онъ у меня есть... „почемъ знать, чего не знаешь!“). Но я не въ состояніи порицать, клеимъ моимъ презрѣніемъ того бѣдняка, который возлѣ меня день-деньской работаетъ изъ-за куска хлѣба и не смотритъ на то не можетъ выработать себѣ достаточно, чтобы не страдать отъ холода и голода, — я не въ состояніи порицать его за то, что онъ не раздѣляетъ всѣхъ моихъ aspirations,

¹ Гарibaldi. ² Жена Энгельсона.

что у него нѣтъ ни досуга, ни силъ, ни охоты объ нихъ думать, что онъ всё свои мысли и силы сосредоточиваетъ на вопросъ о заработкѣ и дѣлаетъ abstraction всего прочаго. Я не буду гнѣваться на бѣдный классъ за то, что они свои ошутимые интересы ставятъ выше тѣхъ интересовъ, которые пробуждаются въ человѣкѣ лишь благодаря досугу отъ матеріальныхъ заботъ. Вотъ почему я не презираю русскихъ мужиковъ, среди которыхъ я жилъ. Но какъ мнѣ было посреди нихъ, какъ всегда бываетъ сытому посреди голодныхъ, то я поѣхалъ, чтобъ быть среди людей столь же эмансипированныхъ отъ неугомоннаго крика желудка, какъ я. Я думалъ, что въ Европѣ всё или большинство людей — на моей степени развитости. Я ошибся; въ Европѣ безспорно больше достатка, чѣмъ въ Россіи, — во Франціи на примѣръ, въ пять разъ больше,¹ но все-таки и здѣсь большинство людей — недостаточные. Мѣщане, пригѣвая: je suis content, je suis heureux, — chacun doit l'être en ces lieux, — скрывали, маскировали нищету рабочихъ классовъ. Они сдѣлились, когда объ этомъ говорили; ихъ король ежегодно утверждалъ въ рѣчахъ при открытіи палатъ, что prospérité est croissant. Можно полагать, что dans la grosse gaîté de l'épaisse suffisance мѣщане сами вѣрили въ то, что нищета — только исключеніе изъ правила. Ну, теперь голая истина выходитъ наружу, съ тѣхъ поръ какъ уже не меньшинство по прежнему тяготеетъ надъ большинствомъ, а наоборотъ. Если я въ состояніи принимать къ сердцу интересы, участь большинства, мнѣ будетъ не тяжело жить среди него; если же мнѣ это будетъ противно, я не буду кричать, какъ флигель-адъютантъ Е. И. В. князь Меншиковъ, и требовать, чтобъ большинство снова подчинило свои интересы меньшинству; на это у меня не хватитъ наглости — или у меня будетъ слишкомъ много гордости; я тогда уйду тихо, не ожидая, чтобъ меня прославили высылкою.

Вотъ я Вася, я чай, ужъ заинтересовалъ не мною, а кн. Меншиковымъ. Расскажу же Вамъ, безъ комментариевъ, которые представляю Вашей собственной догадливости, что я слышалъ. — Кн. Меншиковъ, флигель-адъютантъ, сынъ бывшаго морского министра (теперь — известно ли Вамъ? — Константинъ Николаевичъ морскимъ министромъ), — кн. Меншиковъ, знаменитый своими пруссами въ жалкихъ петербургскихъ борделяхъ, тѣмъ, что онъ ругается и мучаетъ блудей, которые за то его боятся, не пускаютъ къ себѣ (почему князь является къ нимъ иногда замаскированнымъ: вмѣсто своего флигель-адъютантскаго мундира онъ — экой милый острякъ, подумаетъ! — надѣваетъ черкесскій) — это тотъ самый, о которомъ я вамъ рассказывалъ, что его свѣтлѣйшій отецъ хвалился за заутреней въ Свѣтлое Христово Воскресенье въ Зимнемъ Дворцѣ одному моему приятелю, что онъ (сынъ-то) не получилъ никакого образованія. Министръ говорилъ это, подерживая à la Jean-Jacques тему о бесполезности наукъ и воспитанія. — Флигель-адъютантъ теперь почтѣлъ Парижъ своимъ присутствіемъ и — о чудо! — вотъ тутъ-то и прошу я дать Вашей догадливости разыгаться: у Тортони или въ какомъ-то другомъ кафѣ сталъ громогласно кричать противъ здѣшняго порядка, называя его „деспотизмомъ“. Вслѣдствіе сего комиссаръ полиціи пригласилъ князя къ себѣ — „для собственной его пользы и блага“, какъ выражается Леонтіи Васильевичъ² въ своихъ пригласительныхъ запискахъ. Князь явился, но объявилъ, что онъ — флигель-адъютантъ русскаго императора. — Быть не можетъ, сказалъ комиссаръ. — Я вамъ докажу, отвѣтилъ князь, — пошелъ къ себѣ домой, надѣлъ мундиръ (не черкесскій, а флигель-адъютантскій) и явился въ немъ къ комиссару, надѣясь, вѣроятно, fascинировать его своимъ видомъ, какъ нѣкогда Афантии-отецъ хотѣлъ fascинировать безмолвнымъ взоромъ своихъ судей. Комиссаръ покачалъ головою и сказалъ: „Да, я не полагалъ, чтобъ особа, такъ высоко стоящая, какъ вы, позволила себѣ здѣсь вести себя, какъ вы; знайте однако-жъ, милостивый государь, что если вы будете продолжать ваше поведение, то мы въ состояніи васъ въ этомъ самомъ мундирѣ отправить въ Каену“. — Получивъ такого краснаго феферу, князь поѣхалъ къ Браницкому, бывшему своему товарищу по флигель-адъютантству, и, задыхаясь отъ бѣшенства, говорить ему: „Вообрази себѣ! отъ квартишки (sic!) получишь нагоняй!“ — „Да съ чего ты-то вздумалъ здѣсь кричать?“ — отвѣтилъ ему Браницкій, — „вотъ то-то,“ посади свинью за столъ, она и ноги на столъ“.

¹ „Сравните только бюджеты казны тамъ и здѣсь; на казну можно полагаться, что она высосетъ все, что можетъ, и что если она въ Россіи не идетъ за извѣстныя предѣлы, то только потому, что за этимъ предѣломъ вьзятки гладки. Доходы казны въ Россіи 700 милл. франковъ съ 65 милл. жителей, во Франціи 1700 милл. франк. съ 35 милл. жителей. Пропорція: $\frac{700}{65} : \frac{1700}{35} = x : 1; x = 0,22 \dots$ “

² Грозный тогда ген. Дуббельтъ. ³ „Разговоръ былъ веденъ на русскомъ языкѣ.“

Словомъ. если я буду высланъ отсюда, то потому лишь, что я русскій, ибо наши господа, если вѣрить слухамъ, здѣсь въ запуски кричатъ противъ нынѣ существующаго порядка. А потому самому я надѣюсь, что Вамъ не затруднятъ пріѣздъ сюда, — и потому не ѣду я къ Вамъ, несмотря на Ваше дружеское приглашеніе, которое цѣню отъ души.

Я имѣю сказать Вамъ еще, что Масальскій писалъ Вамъ двѣ недѣли тому назадъ насчетъ журнала или обзора, о которомъ Вы начали съ нимъ переписку. Не получая отвѣта отъ Васъ, онъ въ претензіи на Васъ.

Прощайте. Отвѣчайте: сердитесь Вы на меня за мой образъ мыслей? — Но прежде, чѣмъ мнѣ, отвѣтите Масальскому.

8-го декабря (1852), вечеромъ.

Вы говорите мнѣ, писать Вамъ часто. Благодарю Васъ за это приглашеніе, и повѣрьте, что если я не пользуюсь имъ чаще, то только потому, что у меня рѣдко есть что сказать. Я занятъ, читаю, читаю и исторію химіи, и философію пресловутаго Канта, но я еще далеко не *fertig* съ моими мыслями. Не французъ я, охъ, нѣтъ. Французъ какъ-то все рѣшаетъ сразу, за что бы онъ ни взялся, и увѣренъ въ своей непогрѣшимости болѣе, чѣмъ папа. Для французовъ ничто не вопросъ мыслительный, у нихъ дѣло стоитъ только за приложеніемъ практическимъ. Я, разумеется, говорю не о всѣхъ обитателяхъ Франціи, а только объ тѣхъ, которые здѣсь занимаютъ тотъ же чинъ, какой въ царствѣ небесномъ данъ серафимамъ, т. е. о народѣ ученомъ, пишущемъ. Скромность невѣроятная! — Но оставимъ это; у меня что-то желчи накопилось, того и гляди заврзусь. Скажу только — и то Вамъ однимъ, по секрету, что я останусь здѣсь лишь доколѣ я буду въ состояніи, не погрѣшая противъ законовъ учтивости, жить по-одаль отъ всякаго кружка туземцевъ. Я этимъ очень много потеряю, это мнѣ извѣстно, — уже въ Петербургѣ бывшій мой опекунъ бранилъ меня за то, что онъ называлъ моею дикостью. „Эхъ, Влад. Ар!“ — говаривалъ онъ — „какъ это? Вы, умный человекъ, а не понимаете, что безъ знакомства нѣтъ протекціи, а безъ протекціи пропадешь.“ — Вотъ я и убѣжалъ изъ Петербурга въ край, гдѣ я думалъ, и еще до сихъ поръ думаю, что не необходимо прибавлять себѣ къ протекціи законовъ и правительства еще протекцію кружковъ пріятельскихъ. Когда я увижу, что нельзя такъ жить, уѣду отсюда. Я предпочитаю пропасть; разумеется, это непріятно, но, вѣдь, одной смерти не миновать, а по мнѣ, коли умирать, такъ лучше ужъ разомъ, отъ какого-нибудь слѣплого случая, да на вольномъ воздухѣ, чѣмъ медленно задыхаться въ удушливой, тѣсной, замкнутой сферѣ.

Такъ Вы ужъ, пожалуйста, вычеркните изъ вашей памяти, что въ предъидущемъ письмѣ я Васъ звалъ сюда. Это было сказано много больше по сердцу, чѣмъ по уму. Пріѣдете, хорошо; не пріѣдете, можетъ быть еще лучше.

И этотъ народъ, подумаетъ, играетъ первую роль въ исторіи Европы, и всѣ прочіе по его дудкѣ пляшутъ! Да, въ исторіи народовъ, какъ въ судьбѣ частныхъ людей, важнѣйшее — случай, мѣсто случайно занятое въ обществѣ; характеръ нравственный — почти ничего не значить. Отчего во Франціи вопросы общественные раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, возникаютъ и рѣшаются? Пренормально, если не исключительно, оттого, что эта земля составляетъ уютный уголокъ Европы, огороженный рѣками границами, имѣющей на небольшомъ пространствѣ разнообразную почву. Это даетъ возможность поселившемуся здѣсь племени жить про себя, не разбрасываясь во всѣ стороны, какъ Англія и Россія. *Qui trop embrasse, mal étreint*. Французамъ нужнѣе, чѣмъ другимъ, уладиться промежъ себя, потому что у нихъ покаместъ нѣтъ *ressources*, пособій извнѣ, какъ у Англіи ея колоніи и всѣ народы, покупающие ея произведенія, какъ у Россіи — безконечныя пустоши. Хотя я считаю колонизацію благимъ дѣломъ, полагая, что земной шаръ долженъ быть заселенъ для того, чтобы человѣчество окончательно, и гдѣ бы то ни было, достигло предѣла возможнаго для него развитія, — хотя я считаю переселеніе въ извѣстныхъ случаяхъ и для извѣстныхъ людей обязанностью, я тѣмъ не менѣе вижу, что для народовъ, взятыхъ порознь, расширеніе пространственное есть препятствіе къ переходу съ одной степени гражданственности на болѣе высшую; колонизація — громовой отводъ для социальныхъ вопросовъ. Это поняли тѣ, которые рѣшили завоеваніе Алжира. Да, Алжиря-то оказалась на повѣрку не Индій и не Австралій; не то французы бы какъ-разъ бросили занимать вопросы объ распредѣленіи произведеній или выгодъ труда, а стали бы вмѣсто этого эксплуатировать свою колонію по старой рутинѣ.

Именно потому, что въ моихъ глазахъ матеріальный бытъ народа имѣтъ главное вліяніе на его значеніе въ исторіи прогресса, я и не предвижу, чтобы Россія могла вскорѣ стать поприщемъ прогресса. Пока у насъ будетъ хватать пусто-по-рожныхъ плодороднѣйшихъ пустырей, въ которыхъ стоитъ только легко поцарапать землю, чтобы получить 30-е зерно, — до тѣхъ поръ мы не будемъ серьезно озабочены вопросами политической экономіи, которые не только связаны съ юридическими, политическими и нравственными, но которые — тотъ корень, изъ котораго эти послѣдніе развиваются. Хозяйственный бытъ есть содержаніе законодательства, опредѣляющее въ политикѣ и морали. Посмотрите, какое сходство поразительное между нравственнымъ бытомъ тѣхъ штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ существуетъ невольничество, и между нравственнымъ бытомъ Россіи. Читали-ли Вы *Uncle Tom's cabin*? Я читаю его въ фельетонѣ „Прессы“ и каждый день вспоминаю родину. Тамъ напоминаетъ мнѣ русскихъ благородныхъ старовѣровъ; мамзель Офелія — острзейскую нѣмку средняго сословія, а *Saint-Clair*! Да, это образованный русскій помѣщикъ нашего времени! Въ немъ все русское: простое благородство, себѣ на умѣ, дебошарность, нерѣзительность или лѣность, а главное — это отсутствіе всякаго домогательства (черта исчезающая на западѣ). Онъ слишкомъ гордъ, чтобы домогаться богатствъ или роли, и слишкомъ много имѣтъ чувства собственнаго достоинства, т. е. стыда, скромности, чтобы для достиженія цѣлей быть навязчивымъ и пройдохой. Зато жена его, Marie, настоящая княгиня Трубецкая, называетъ его безчувственнымъ, неракою, мѣшкомъ. Во всемъ домѣ Сенъ-Клера по-русски: дѣти его любятъ слугъ и слуги любятъ дѣтей, и эти слуги, между тѣмъ, расточительны, безпорядочны; баловень камердинеръ не умѣетъ различать барское добро отъ своего. Если Вы не читали этотъ романъ, прочтите его, въ переводѣ de Léon Pilatte. Я теперь на 30-хъ главахъ; предо мною въ лицѣ Legrès явился Собакевичъ. При исторіи miss Cassy Вы, вѣроятно, вспомните, какъ я, написанный Вами разсказъ: Сорока-Воровка.

Отчего же такое сходство въ нравахъ у двухъ племенъ-антиподовъ? Не доказательство ли это, что въ племенахъ такъ же мало врожденныхъ идей, какъ въ индивидуумахъ? А если нѣтъ врожденныхъ идей, то характеръ народовъ долженъ измѣняться вмѣстѣ съ ихъ матеріальнымъ положеніемъ, — и гораздо болѣе, чѣмъ это видно въ частныхъ лицахъ, потому что народы, живя долѣе, чѣмъ индивидумы, попадаютъ въ большее число разныхъ положеній. Но характеръ, измѣняющийся — это *contradictio in adjecto*. Вотъ почему для меня національности pochodять на fictions, когда ихъ хотятъ принимать въ расчетъ въ философскихъ рѣчахъ.

Давно уже тому назадъ я сличалъ то, что Карамзинъ въ 1-мъ томѣ своей исторіи выдаетъ за отличительныя качества славянъ, съ тѣмъ, что Штеффенсъ объявляетъ характеристическими чертами древнихъ германцевъ. И что же? Что одинъ выдаетъ за исключительность своего племени, то другой слово въ слово *révendique* какъ особенность своего.

Гизо въ своемъ курсѣ исторіи цивилизаціи сдѣлалъ такое же сравненіе между текстомъ Тацита *De moribus germanorum* и текстомъ описанія — кажется, Робертсона — нравовъ американскихъ индѣйцевъ. Итакъ, что считается принадлежащимъ народамъ, собственно принадлежить или свойственно той степени общественнаго (и *en premier lieu* экономического) развитія, на которомъ каждый изъ нихъ находится. При тѣхъ самыхъ экономическихъ данныхъ, которыя теперь здѣсь, я русские были-бы и будутъ какъ двѣ капли воды похожи на французовъ.

Если Вамъ странно, что, сравнивая Соединенные Штаты съ Россіей, я упускаю изъ виду разность въ формахъ правленія, то на это я отвѣчалъ-бы Вамъ словами Туссенеля (*Les Juifs rois de l'époque*): „Il y a longtemps que les Etats-Unis d'Amérique seraient constitués en monarchie, s'ils avaient dans leur voisinage de puissants rivaux à combattre.“ Такими для Россіи были татары, поляки, шведы; московская централизація сдѣлалась необходимою именно для сверженія татарскаго ига. Итакъ, и форма правленія опредѣляется прежде всего географическимъ положеніемъ, т. е. внѣшнимъ, а не нравственнымъ фактомъ.

Все это написалъ я Вамъ въ объясненіе того, что я, какъ Вы замѣтили мнѣ въ послѣднемъ письмѣ отъ 2-го числа, никогда не былъ согласенъ съ Вами касательно призванія Россіи. Это происходило не отъ какой-нибудь особенной ненависти во мнѣ къ Россіи, а оттого, что я вообще никакую національность не понимаю, какъ самобытную творческую силу.

Прощайте.

Сообщилъ М.

На поворотѣ.

Мысли о современномъ положеніи Россіи.¹

Отъ редакціи. Мы съ удовольствіемъ печатаемъ въ „Освобожденіи“ эти мысли. Литературная форма выдаетъ тотчасъ нелитератора, но тѣмъ и цѣнна эта статья, что въ ней слышится голосъ человѣка, который изъ непосредственной жизненной борьбы вынесъ свои убѣжденія. Когда я прочелъ предлагаемыя мысли о современномъ положеніи Россіи, мнѣ съ необыкновенной живостью представилось, что творилось и творится въ душахъ людей, вышедшихъ въ 80-хъ и 90-хъ гг. на земскую работу и убѣдившихся въ томъ, что на ихъ пути, по слову поэта,

„Сплошного зла стоитъ твердыня,
Царить безсмысленная ложь.“

Тѣмъ, кто думаетъ, что одна „оторванная“ отъ „земли“ и „мѣстной работы“ интеллигенція мечтаетъ о какомъ-то новомъ „освобожденіи“ Россіи, мы рекомендуемъ прочесть мысли земца. Совершенно очевидно, что передъ нами въ лицѣ автора не „безземельный“ и „безпочвенный“ „интеллигентъ“, выросшій въ „кромольныхъ“ помыслахъ, а отпрыскъ дворянской среды, воспитанный на традиціонныхъ „патріотическихъ“ воззрѣніяхъ. Онъ не радуется разрушенію русской монархіи, наоборотъ, онъ скорбитъ о томъ роковомъ пути, на который ее ставятъ ея безумные охранители.

Знаменательно, что люди такихъ симпатій и традицій, какъ авторъ, подаютъ свой предостерегающій голосъ. Для насъ это явственно свидѣтельствуется о томъ, что мысль о политическомъ освобожденіи Россіи все болѣе и болѣе отвергается въ національную идею, противъ которой становятся безсильны всѣ заученныя фразы казеннаго патріотизма. Подъ знамя освобожденія собирается и соберется все живое, все сознательно любящее родину, все въ нее вѣрящее...

Отнюдь не раздѣляя всѣхъ взглядовъ автора, мы не считаемъ ни желательнымъ, ни нужнымъ вступать здѣсь въ полемику съ нимъ. Одну только мысль мы не можемъ оставить безъ возраженія. Авторъ говоритъ, что „отказъ отъ крупныхъ внутреннихъ реформъ... вслѣдъ за событіемъ 1-го марта, быть можетъ... вызывался государственной необходимостью“, такъ какъ „революціонныя движенія семидесятихъ годовъ, приведшія къ царевубійству, требовали усиленія правительственной власти.“ Это, на нашъ взглядъ, совершенно невѣрно. Событіе 1-го марта было бы несомнѣнно предупреждено откровенной и рѣшительной политической реформой, которая избавила бы страну отъ реакціонныхъ экспериментовъ и отъ тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыхъ требуетъ теперь борьба съ самодержавіемъ. Изъ-за царевубійства нельзя было лишать страны тѣхъ реформъ, которыя только одни могли и могутъ прочно обезпечить ей гражданскій миръ и спокойствіе. Революціонныя движенія 70-хъ годовъ уже потому не могли „требовать усиленія правительственной власти“, что та ненормальная форма, которую приняло мечтательное, но первоначально совершенно мирное социалистическое движеніе 70-хъ гг., — терроръ былъ всецѣло порожденъ „сильной“ правительственной властью, не имѣвшей никакихъ преградъ въ законѣ и не знавшей себѣ никакого удержу.

Въ началѣ 80-хъ гг. революціонеры могли убить царя, но они не могли устроить даже большой уличной демонстраціи. Общественному порядку и спокойствію въ то время — строго говоря — ничего не угрожало. Всѣ дѣйствія революціонеровъ были направлены на правительство въ лицѣ его представителей и эти дѣйствія прекратились бы тотчасъ же, если бы была установлена возможность мирной политической дѣятельности для всѣхъ общественныхъ направленій. Непонятно, какъ еще можно было въ 1881 г. усилить правительственную власть, не связывая

¹ Написаны въ началѣ 1902 г. Ред.

окончательно по рукамъ и ногамъ общество. Правительство и связало общество. Это удалось ему только потому, что само общество впало въ апатію и, въ силу этого, революціонное движеніе стало изнутри слабѣть и изсыхать. Плоды якобы необходимаго въ 80-хъ гг. усиленія правительственной власти теперь на лицо, и авторъ самъ изобразилъ ихъ достаточно ярко. Мирнаго развитія страны это усиленіе во всякомъ случаѣ не облегчило. Теперь уже никогда не удастся провести политическія реформы въ Россіи при такомъ полномъ спокойствіи народныхъ массъ, сельскихъ и городскихъ, какъ то было возможно въ началѣ 80-хъ гг., когда авторитетъ правительственной власти въ народныхъ массахъ еще не былъ распатанъ. За усиленіе власти въ 80-хъ годахъ русскому народу, можетъ быть, еще придется прямо заплатить цѣлыми потоками крови.

П. С.

Прошло семь лѣтъ со времени кончины императора Александра III, и теперь представляется уже возможность опредѣлить общее направленіе политики нынѣшняго царствованія. Врядъ-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе, что во внутреннемъ управленіи Россіи правительство императора Николая II стремится неуклонно придерживаться тѣхъ же началъ, которыя проводились Александромъ III. Въ отличіе отъ исторіи прошлаго XIX вѣка, когда перемѣна царствованій сопровождалась и смѣною направленія правительства, вступленіе на престолъ Николая II не принесло, противно ожиданіямъ, никакого измѣненія во внутреннихъ распорядкахъ государства. Смѣнился кормчій, но русскій государственный корабль продолжаетъ плыть все по тому же намѣченному пути. Объясненія этому нужно искать, какъ думается, не столько въ личныхъ свойствахъ характера императора Николая II, сколько въ событіяхъ ближайшаго прошлаго. Нельзя не признать, что царствованіе императора Александра III, внезапно прерванное раннею кончиною государя, имѣло значительный внѣшній успѣхъ. Дѣйствительно, при своемъ вступленіи на престолъ 1 марта 1881 г. императоръ Александръ III принялъ Россію, раздираемую внутренними смутами, съ потрясенною правительственною властью, съ совершенно расшатанными государственными средствами, униженную Берлинскимъ трактатомъ передъ иностранными державами, и за свое короткое царствованіе покойный государь, казалось, сумѣлъ подавить революціонныя движенія внутри страны, поднять авторитетъ власти, упрочить государственные финансы, увеличить вооруженныя силы арміи и флота и, наконецъ, поднять внѣшнее могущество Россіи. Воображенъя невольно рисуется такая картина. Императоръ, вступивъ на престолъ послѣ ужасной кончины своего отца, изъ всѣхъ путей, представлявшихъ ему въ то роковое время, избралъ возвращеніе къ исконно-русскимъ государственнымъ началамъ, укрѣпленіе самодержавія. Манифестъ 29 апрѣля 1881 г. совершаетъ какъ-бы чудо и, наперекоръ всѣмъ предсказаніямъ, приводитъ русское государство не къ упадку, а къ внѣшнему могуществу. Таковъ наружный обликъ, свидѣтельствующій объ успѣхѣ правительственной системы имп. Александра III. Но не скрываетъ-ли блестящая завѣса темныхъ сторонъ прошлаго царствованія, не слишкомъ-ли велико обаяніе внѣшняго успѣха?

Представимъ себѣ, что кончина императора Николая I послѣдовала-бы не послѣ Севастопольскаго погрома, — этого страшнаго суда всего царствованія, — а до Крымской кампаніи — въ 40-хъ гг., въ эпоху величія и могущества имперіи. Развѣ при этомъ внутреннія язвы

Николаевского царствованія не остались-бы скрытыми для современниковъ и его сынъ и преемникъ не вынужденъ былъ бы итти по тому-же пути внѣшней славы, отдавая время обновленія Россіи въ неопредѣленное будущее? Среди революціонной бури Западной Европы одно русское государство, казалось, было сильно и несокрушимо подъ крѣпкой рукой самодержца. Тогда, какъ и теперь, государственные финансы при талантливомъ министрѣ гр. Канкринѣ были блестящи, авторитетъ правительственной власти непоколебимъ и императоръ Николай являлся командиромъ Европы, потрясенной внутренними смутами. Но Севастополь раскрылъ другую картину, — въ гибели черноморскаго флота, въ крови русскихъ солдатъ на севастопольскихъ бастионахъ была изобличена вся неправда Николаевского правленія, внутреннія язвы, прикрытыя покровомъ внѣшняго успѣха, были всенародно оголены. Невольно задаешься вопросомъ, не является-ли императоръ Николай II слѣпымъ продолжателемъ начинаній покойнаго отца, слѣпымъ, ибо передъ его взорами осталось скрытымъ все внутреннее зло прошлаго царствованія? Внѣшній блескъ имѣетъ неотразимое вліяніе на умы. Передъ молодымъ императоромъ стояли два примѣра: отца и дѣда. Одинъ какъ бы довѣрился общественнымъ силамъ русскаго народа и палъ растерзанный на улицахъ своей столицы, другой — опирался только на власть и привелъ къ возвеличенію Россіи. Самъ рокъ предопредѣлилъ, по которому изъ двухъ путей слѣдовало итти; къ тому-же молодого государя окружали все тѣ-же государственные дѣятели — министры Александра III. Не въ интересахъ, конечно, этихъ сотрудниковъ покойнаго императора было разоблачать всѣ промахи и недочеты прошлаго царствованія. Все сложилось такъ, что путь былъ заранѣе намѣченъ. Благоговѣйная память къ личности отца, преклоненіе передъ величіемъ внѣшняго успѣха, окружающая среда ближайшихъ совѣтниковъ Александра III — все неизбѣжно толкало по одному направленію — неуклоннаго слѣдованія завѣтамъ усопшаго родителя. Тѣнь покойнаго императора изъ-за гроба продолжала руководить судьбами Россіи.

Къ чему-же въ сущности сводилось все внутреннее управленіе при императорѣ Александрѣ III? Думаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что все опредѣлялось однимъ началомъ поддержанія и укрѣпленія авторитета власти. Ужасное событіе 1 марта 1881 г. — цареубійство нанесло тяжкій ударъ самой основѣ государственнаго строя Россіи — нужно было обратить всѣ силы на поддержаніе покореннаго въ государствѣ порядка. Словами манифеста 29 апрѣля 1881 г.: „Мы призваны охранять самодержавіе отъ всякихъ на него попятновеній“ высказывалась основная мысль, руководившая всѣмъ внутреннимъ управленіемъ прошлаго царствованія. Въ то время, какъ императоръ Александръ II въ своихъ великихъ законодательныхъ актахъ довѣрился общественнымъ силамъ русскаго народа и въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи полагалъ все будущее преуспѣяніе Россіи, правительство императора Александра III отшатнулось отъ русскаго общества, полное недовѣрія къ его самодѣятельности. Катковъ, какъ выразитель взглядовъ, господствовавшихъ въ правящей средѣ, не переставалъ утверждать, что задача правительства состоитъ не въ служеніи случайнымъ, измѣчивымъ и шат-

кимъ общественнымъ настроеніямъ, что власть должна опираться не на общественное мнѣніе, а сама на себя. „Болѣе всего требуется“, писалъ онъ, „чтобы показала государственная власть въ Россіи во всей непоколебимой силѣ своей, ничѣмъ не смущенная, не разстроенная, вполне въ себѣ увѣренная. Боже сохрани насъ отъ всякихъ ухищреній, изворотовъ, заискиваній, отъ всякой тѣни зависимости государства отъ какихъ-либо мнѣній. Власть государства не на мнѣніяхъ основана: или ея нѣтъ на дѣлѣ, или она держится сама собой.“ Революціонныя движенія семидесятихъ годовъ, приведшія къ царевѣйству, требовали усиленія правительственной власти. Отказъ отъ крупныхъ внутреннихъ реформъ, отъ извѣстнаго проекта гр. Лорисъ-Меликова въ то время, вслѣдъ за событіемъ 1 марта, быть можетъ, и вызывался государственной необходимостью. Но Катковъ въ своемъ рвеніи служить интересамъ укрѣпленія правительственной власти пошелъ гораздо дальше, въ поискахъ за явными и тайными врагами государственнаго порядка онъ изыскивалъ скрытыхъ противниковъ во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ были заложены зачатки общественной самодѣятельности. По его воззрѣніямъ, въ царствованіе Александра II Кесарево не воздавалось въ должной мѣрѣ Кесарю. Единая власть и никакой иной власти въ странѣ и стомилліонный только ей покорный народъ — таковъ идеалъ истиннаго царства. Всѣ пути, такъ или иначе связывающія власть, должны быть сброшены. Отсюда его безконечныя нападки на судебный уставъ 1864 года, на земскія и городскія учрежденія, на университеты, даже на высшія правительственныя установленія, какъ-то Сенатъ и Государственный Совѣтъ, поскольку они могли оказывать малѣйшія сдержки неограниченному проявленію правительственной власти.

Мнѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“ имѣютъ важное значеніе не столько потому, что они служили отголоскомъ взглядовъ правящей среды, но и потому, что Катковъ несомнѣнно приобрѣлъ большое вліяніе на людей, находившихся у власти. Съ назначеніемъ 30-го мая 1882 г. гр. Д. А. Толстого Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, правленіе, поддержанное Катковымъ, осуществилось на дѣлѣ какъ въ административной области, такъ и въ законодательствѣ. Одно назначеніе гр. Толстого означало уже цѣлую программу. Гр. Толстой не былъ новичкомъ въ государственномъ управленіи, — еще въ качествѣ Министра Народнаго Просвѣщенія онъ сумѣлъ своимъ бездушнымъ бюрократическимъ деспотизмомъ вызвать противъ себя всеобщее раздраженіе, и его удаленіе при гр. Лорисъ-Меликовѣ было встрѣчено нескрываемымъ ликованіемъ. Призывъ отставленнаго, ненавистнаго министра вновь ко власти означалъ, что правительство менѣе всего стѣсняется запросами общественнаго мнѣнія.

На посту Министра Внутреннихъ Дѣлъ гр. Толстой выказалъ себя такимъ-же, какъ и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, человѣкомъ безъ всякихъ нравственныхъ стѣсненій, способнымъ идти до конца напроломъ въ подавленіи малѣйшей тѣни оппозиціи. Разъ была поставлена извѣстная задача, она должна была быть выполнена какими бы то ни было средствами. Задача же заключалась въ укрѣпленіи правительственной власти во что бы то ни стало. Мѣтко про-

званный жандармом классицизма, гр. Толстой явился такимъ же жандармомъ внутренняго управления Россіи, — установилась та-же полицейская подозрительность ко всякимъ общественнымъ начинаніямъ, тотъ-же духъ безпрекословнаго служенія властямъ. Есть нѣчто въ этой темной личности совѣтника императора Александра III, прозваннаго министромъ борьбы, но бывшаго скорѣе министромъ расправы, напоминающее дѣятелей государственнаго переворота 2 декабря, людей, захватившихъ грабежомъ престолъ Франціи и готовыхъ на всякое насиліе, лишь-бы сохранить власть въ своихъ рукахъ. Тѣ-же приемы, тѣ-же средства дѣйствія. Полное презрѣніе къ нравственнымъ свойствамъ націи и признаніе единственной дѣйственной силы въ полицейской власти. Эпохи смутъ и революціонныхъ броженій часто выдвигаютъ впередъ такихъ личностей. Среди общаго разброда возбужденныхъ страстей, потери чувства нравственной мѣры во всѣхъ слояхъ общества, эти люди имѣютъ огромное преимущество въ опредѣленности своей программы, сводящейся къ простому господству грубаго насилія. Успѣхъ обезпечивается имъ рѣшительностью дѣйствій и полной беззащитностью въ выборѣ средствъ. Часто, однако, этотъ достигнутый успѣхъ даетъ обманчивое основаніе рассчитывать на тѣ-же приемы во всякія времена и при всякихъ обстоятельствахъ. Ко всему этому у гр. Толстого примѣшивалось какое-то личное чувство мстительности и злобы ко всѣмъ тѣмъ общественнымъ элементамъ, отъ которыхъ когда-то ему самому приходилось терпѣть ожесточенныя нападки. Захвативъ власть, гр. Толстой сталъ безпощадно преслѣдовать и уничтожать все, что могло оказаться малѣйшей преградой на пути полнаго господства административныхъ властей. Во всякой самостоятельности земскихъ учреждений, судебныхъ установленій, въ нѣкоторой независимости печати и общественнаго мнѣнія онъ усматривалъ вредный духъ оппозиціи, подлежащій искорененію, какъ зародышъ предполагаемой крамолы. Всякая оппозиція, хотя бы законная, признавалась несомѣстимой съ непрерываемымъ авторитетомъ правительства. Противъ печати сразу были изданы временныя правила 27 августа 1882 г., поставившія всѣ повременныя изданія подъ дѣйствіе такихъ взысканій и мѣръ, которыя оказались тяжелѣе и неблагопріятнѣе для гласности и свободы обсужденія, нежели предварительная цензура въ самыя строгія времена ея примѣненія. Цѣлый рядъ изданій прекратилъ свое существованіе, въ числѣ многихъ другихъ „Молва“, „Порядокъ“ и „Голосъ“. Создалась искусственная монополія нѣсколькихъ газетъ, которыя сохранили право на существованіе угодливіостью или безсодержательностью и замалчиваніемъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ современной внутренней жизни. Исходя изъ тѣхъ же взглядовъ, что русское самодержавіе не можетъ и не должно терпѣть никакой неподчиненной ему или не отъ него исходящей власти въ странѣ, графъ Толстой рядомъ репрессивныхъ мѣръ стремился подавить и въ земскихъ учрежденіяхъ малѣйшую самостоятельность. Но, вполне понимая, что одними карательными мѣрами достигнуть намѣченной цѣли невозможно, гр. Толстой предпринялъ и законодательную реформу. По его мнѣнію, законоположенія 1864 г. какъ-бы создали почву въ земствѣ для официальной оппозиціи, которая и свила себѣ прочное

гнѣздо въ этихъ учрежденіяхъ. Для устраненія такого нетерпимаго съ точки зрѣнія министра положенія былъ составленъ проектъ объ упраздненіи земскихъ учреждений. Согласно выработанному плану, предполагалось совершенное уничтоженіе исполнительныхъ земскихъ органовъ. Взамѣнъ губернскихъ и уѣздныхъ управъ учреждались губернскія и уѣздныя земскія присутствія, состоящія въ прямомъ и непосредственномъ подчиненіи губернатору и пополняемыя въ своемъ составѣ по назначенію правительства. Затѣмъ губернскія и уѣздныя собранія хотя и сохранялись, но низводились исключительно до значенія совѣщательныхъ учреждений: всѣ постановленія земскихъ собраній должны были подлежать утвержденію Министра Внутреннихъ Дѣлъ или губернатора, смотря по важности дѣла, а до утвержденія не могли быть приводимы въ исполненіе. Характеренъ былъ также взглядъ гр. Толстого на вопросъ, вправѣ-ли земство обжаловать распоряженія представителей правительственной власти. Исходя изъ мысли, что все, нарушающее начало служебной подчиненности, должно быть устранено, гр. Толстой находилъ, что „посреднику или судѣ, хотя бы облеченному высокими полномочіями правительствующаго сената“, нѣтъ мѣста въ пререканіяхъ между администраціей и подчиненными ей учреждениями земства, что такое вмѣшательство можетъ служить лишь подрывомъ авторитета власти. Посему изъ проекта были вовсе устранены всякія правила о порядкѣ принесенія жалобъ на незаконныя дѣйствія правительственныхъ органовъ. Всѣ эти предложенія гр. Толстого обнаруживаютъ, какіе замыслы созрѣвали въ головѣ министра, который не только управлялъ главнѣйшимъ вѣдомствомъ, но и имѣлъ самое сильное вліяніе на весь ходъ внутренней политики императора Александра III. Несомнѣнно, что въ своей государственной дѣятельности гр. Толстой руководился тѣми же взглядами и убѣжденіями, которыя съ такою очевидностью проглядываютъ въ его затаенныхъ планахъ относительно земскихъ учреждений. Осуществленіе его предположеній означало-бы настоящій разгромъ земства. Сохранялось одно голое названіе, какъ-бы въ насмѣшку надъ тѣмъ общественнымъ дѣломъ, которое обрасталось въ развалины. Извлеченный изъ глубины государственнаго архива, этотъ тайный проектъ, полный затаенной вражды и нескрываемой ненависти ко всякой тѣни самостоятельности общественныхъ учреждений, еще не приведенныхъ къ безграничной покорности правительственной власти, невольно страшитъ, какъ призракъ, поднявшійся изъ могилъ, чтобы угрожать зловѣщимъ будущимъ. Смерть гр. Толстого прервала начатую работу и не дала возможности осуществить предположенія полностью и цѣликомъ. Такимъ образомъ законоположеніе 1890 г. являются только частью общаго плана перестройки земскихъ учреждений, задуманнаго гр. Толстымъ.

Вся сословная политика, проводимая въ царствованіе императора Александра III, вытекала изъ тѣхъ же господствовавшихъ настроеній правительства. Все безсословное общество, созданное реформами Александра II, внушало къ себѣ полное недовѣріе. Смѣшивая революціонныя теченія съ живыми, самостоятельными проявленіями русскаго общества, правительство стало относиться подозрительно ко всей образованной средѣ. Довѣріе было оказано лишь отдѣльнымъ

группамъ, замкнутымъ въ узкія сословныя рамки, связаннымъ традиціей вѣрной службы престолу. Отсюда вниманіе къ дворянству и поддержка его, но опять-таки не какъ общественнаго класса, но какъ сословія, годнаго на службу военную и гражданскую. Изъ дворянства стремились создать какъ бы кадры для пополненія рядовъ чиновничества и офицерства. Таковы были взгляды гр. Толстого, совершенно ясно выразившіеся въ реформѣ земскихъ начальниковъ. Въ этомъ коренномъ преобразованіи мѣстнаго управленія общественныя права дворянства, какъ класса, первенствующаго въ земствѣ, были урѣзаны отнятіемъ выборовъ мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ, взаменъ чего дворянству была предоставлена привилегія поступленія на службу по мѣстному управленію въ качествѣ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Правительство возвращалось какъ бы къ воззрѣніямъ эпохи императора Павла и Николая, изъ которыхъ первый смотрѣлъ на помѣщиковъ, какъ на своихъ лучшихъ полиціймейстеровъ, а второй опредѣлялъ дворянство, какъ сословіе, коего привилегія состоятъ въ поступленіи на службу правительству. Въ крестьянской реформѣ равнымъ образомъ сказалось полное недовѣріе къ общественной самодѣятельности русскаго народа. Крестьянство представлялось въ видѣ разнузданной, развращенной вѣяніями освободительной эпохи толпы, способной лишь на буйство и самоуправство, толпы, для обузданія которой былъ поставленъ земскій начальникъ. Вѣра во всемогущество и какую-то творческую силу власти сказалась со всею очевидностью въ преобразованіяхъ мѣстнаго управленія, проведенныхъ гр. Толстымъ. Была создана новая должностъ земскихъ начальниковъ съ широкимъ правомъ карать и миловать вѣренное имъ крестьянское населеніе и рядомъ съ этимъ съ совершенно неопредѣленными полномочіями и неограниченнымъ кругомъ дѣйствія. Въ изданныхъ законоположеніяхъ все вниманіе было обращено исключительно на усиленіе власти, порядокъ же дѣйствій и предметы вѣдѣнія очерчены въ общихъ чертахъ въ наскоро составленныхъ временныхъ правилахъ, или, скорѣе, въ обрывкахъ правилъ. Настолько сильна была увѣренность, что достаточно только проявить власть, чтобы само собой все привелось въ порядокъ и въ деревняхъ водворились и благоустройство, и благочиніе, и уваженіе къ старшимъ и начальству, однимъ словомъ, все то патріархальное благоденствіе, которое противопоставляется разнузданности и современной порчѣ нравовъ! Ради поддержанія непререкаемаго авторитета власти Толстой не остановился передъ ломкой мировыхъ судебныхъ учреждений, передъ опытомъ сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ и судебныхъ, и административныхъ функцій, передъ безконтрольностью дѣйствій новыхъ правительственныхъ агентовъ. Въмѣсто Сената было создано нѣсколько десятковъ касаціонныхъ присутствій, состоящихъ изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ подъ предсѣдательствомъ губернатора и подчиненныхъ руководству двухъ министровъ — Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи. Весьма характерно то обстоятельство, что новая должностъ земскихъ начальниковъ была создана безъ какихъ-либо перемѣнъ въ крестьянскомъ самоуправленіи, — она наскоро, какъ бы чисто механически, вдвинута въ общій строй мѣстныхъ уѣздныхъ учреждений. Отсюда и вытекало естественное послѣдствіе, что земскіе на-

чальники въ сущности лишены возможности дѣйствовать иначе, какъ нарушая неотмѣненные права крестьянскаго самоуправленія, превышая свои полномочія и вторгаясь въ область другихъ уѣздныхъ учреждений. Болѣе спокойно установились взаимныя отношенія тамъ, гдѣ, вопреки смыслу законоположенія, земскіе начальники ограничивались формальнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей; тамъ же, гдѣ онъ выступалъ въ роли попечительнаго начальства, вдохновившись духомъ новой реформы, тотчасъ же приходилось прибѣгать къ насилію и превышенію власти. Такая должность, снабженная и судебными, и административными функціями, правомъ неограниченнаго надзора, обладающая самыми широкими карательными полномочіями безъ опредѣленія порядка дѣйствій и надлежащаго контроля, самими законоположеніемъ 1889 года поставлена внѣ всякихъ условій законности и представляетъ изъ себя не власть, а чистѣйшую расправу. Предоставленные сами себѣ безъ всякаго руководства, безъ всякихъ законныхъ правилъ, какъ излишнихъ стѣсненій, земскіе начальники принялись насаждать благоустройство въ деревнѣ, каждый на свой образецъ. Близкая къ народу власть, врученная загрубѣлому поручику, привыкшему лишь къ военной командѣ, начинаетъ проявляться въ самыхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ. Дѣло доходило въ нѣкоторыхъ случаяхъ до невѣроятнаго положенія, и образъ дѣйствій земскихъ начальниковъ доводилъ населеніе до суевѣрныхъ страховъ и сказаній объ новоявленныхъ антихристахъ. Вся же вина заключалась не въ томъ или другомъ лицѣ, не въ тѣхъ или иныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ, а въ самой постановкѣ новаго учрежденія, въ той чудовищной вѣрѣ во всемогущество власти, какимъ насъ взъелъ пропитано все законоположеніе 1889 года.

Принимая всѣ мѣры къ усиленію и укрѣпленію авторитета власти, правительство императора Александра III прилагало всѣ старанія, дабы обратить русское общество и русскій народъ въ безсвязныя толпы, надъ которыми можно было безгранично властвовать. Общественная мысль въ печати старательно задавлена, дворянской политической внесена сословная рознь и вражда, земскія учрежденія искажены и сдавлены въ тискахъ административнаго надзора, наконецъ, русское просвѣщеніе новымъ университетскимъ уставомъ 1884 года подверглось настоящему разгрому. Полное недовѣріе къ общественнымъ началамъ привело къ уничтоженію всякой тѣни корпоративнаго устройства университетовъ. Не только ректоръ, но и деканы вмѣсто выборовъ стали назначаться распоряженіемъ министра. Всякая нравственная связь между профессорами и студентами была уничтожена. Профессоровъ сдѣлали лекторами курсовъ по программамъ, одобреннымъ министерствомъ, студентовъ — отдѣльными посѣтителями этихъ курсовъ безъ всякаго единенія между собою и съ профессорами, и надъ этой разрозненной толпой былъ установленъ полиційскій надзоръ въ лицѣ инспектора и цѣлага штата субъ-инспекторовъ и педелей.

Катковъ привѣтствовалъ всѣ эти начинанія своей знаменитой фразой: „Встаньте, господа, правительство идетъ, правительство возвращается!“ И, дѣйствительно, правительство пришло, преисполненное пренебреженія къ запросамъ общественнаго мнѣнія, съ недовѣріемъ и подозрительностью къ общественнымъ началамъ и, напротивъ, съ

одной лишь вѣрой въ приказъ и его могущественное предназначеніе для русскаго народа. Таково направленіе внутренняго управленія, завѣщанное новому царствованію императора Николая II. Всѣмъ памятно, конечно, слова о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“, съ которыми обратился молодой государь къ общественнымъ представителямъ, нарочно для этого вызваннымъ въ Петербургъ. Въ этомъ окрикѣ, оскорбительномъ по формѣ, въ послѣдовавшихъ затѣмъ мѣрахъ строгаго взысканія, наложенныхъ на провинившихся гласныхъ тверскаго земства, ясно почувствовалось, что все останется по-старому. Политика императора Александра III признавалась какъ бы единственной, разъ навсегда неизмѣнной политикой русскаго самодержавія.

Продолжалось все то же, но, конечно, не такъ же. При отсутствіи всякихъ сдержекъ въ нашемъ государственномъ устройствѣ разъ восторжествовавшее направленіе реакціи уже не можетъ остановиться, но стремится уничтожить, искоренить до конца противоположныя начала.

Земскія учрежденія, гдѣ еле тлѣетъ общественный духъ великихъ реформъ, конечно, являются врагами, еще не совсѣмъ приведенными къ покорности всеильному торжествующему принципу власти. Противъ нихъ организованъ систематическій и послѣдовательный походъ. Законодательныя реформы 90-хъ годовъ, какъ незаконченная часть общаго плана уничтоженія земства, задуманнаго гр. Толстымъ, оказались недостаточными, чтобы сломить окончательно враждебныя реакціонной правительственной политикѣ теченія. Въ самихъ земствахъ давно уже заглохъ прежній размахъ широкаго почина, вѣра въ свои силы, въ свое великое предназначеніе для Россіи; заглохли и потухли великодушныя порывы первыхъ начинаній. Земскіе люди замкнулись въ тѣсныхъ рамкахъ отмежеванной имъ дѣятельности и здѣсь, разобщенные, разрозненные, безъ прежняго увлеченія, отдались культурной работѣ, каждый въ своемъ тѣсномъ кругу. Конечно, такая мелочная, хозяйственная работа, работа изо дня въ день, прерываемая подозрительнымъ и недоброжелательнымъ вмѣшательствомъ правительственныхъ властей, не могла привлекать крупныя силы на поприще земской дѣятельности. Окруженное враждебными силами торжествующаго бюрократизма, земство увядало. Сословное начало, введенное въ земскія учрежденія, включеніе въ составъ собраній отдѣльныхъ представителей не по выбору, а по должности, снабженныхъ какою-то особою миссіей охранителей, внесло значительный разладъ въ ходъ земскаго дѣла и повело къ созданію теченій, противныхъ основнымъ началамъ самоуправленія. Во многомъ земскія собранія перестали понимать самихъ себя. Но, поставленное лицомъ къ лицу съ запросами народной нужды, какъ единственное учрежденіе, вѣдающее культурныя потребности населенія, мѣстныя пользы и нужды, земство, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, вынуждено было силою вещей расширять свою дѣятельность. И здѣсь на этой почвѣ продолжались все тѣ же старыя пререканія съ административными властями.

Помимо законодательныхъ ограниченій для успѣшнаго или неуспѣшнаго веденія земскаго дѣла весьма важное, если не преиму-

щественное значеніе, имѣють вѣянія, господствующія въ правительственной средѣ.

Неблагопріятные взгляды на земство со стороны министерства точчасъ же сказываются во всѣхъ мелочахъ взаимныхъ отношеній между губернскими властями и представителями мѣстнаго самоуправления. Начальники губерній, каждый по своему, предпринимають осуществлять виды высшаго правительства, и, вслѣдствіе весьма широкихъ полномочій усиленнаго губернаторскаго надзора, начинается докучливое притѣснительное вмѣшательство во внутренніе распорядки земской дѣятельности, выражающееся сплошь и рядомъ въ грубыхъ выходкахъ административнаго произвола. Не преувеличивая, можно сказать, что въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ чисто личныхъ свойствъ начальниковъ губерній служба въ земскихъ учрежденіяхъ можетъ сдѣлаться прямо нестерпимой. При упорномъ стремленіи правительства къ усиленію губернаторской власти все поставлено въ зависимость отъ большаго или меньшаго умѣнья ладить съ начальствомъ. Хотя земства съ 1890 г. и признаны официально правительственными учреждениями, но такая переимѣна свелась въ сущности къ усиленію лишь официального надзора правительственныхъ властей надъ органами мѣстнаго самоуправления, земское же дѣло, какъ было прежде, такъ и продолжаетъ оставаться чуждымъ правительству. При приказномъ строѣ нашего управленія поддержка оказывается лишь тому, что непосредственно ввѣрено начальству, только та отрасль государственнаго дѣла начинаетъ процвѣтать и расширяться, которая поручена попеченію почему-либо въ данное время сильнаго и властнаго начальника. Цѣлые департаменты и вѣдомства могутъ получать несоразмѣрное значеніе или, напротивъ, приходить въ упадокъ въ зависимости отъ того, поставлено ли во главѣ этого вѣдомства вліятельное въ высшемъ правительствѣ лицо или обратно. Земское же дѣло не ввѣрено непосредственно никому начальству. Успѣхъ земскихъ начинаній не можетъ быть поставленъ въ личную заслугу ни мѣстному губернатору, ни министру внутреннихъ дѣлъ, выслужиться удачной постановкой дѣла улучшения школъ, больницъ, ветеринарной и пожарной части и т. д. невозможно, — отсюда вниманіе органовъ правительства, какъ мѣстнаго, такъ и высшаго, направлено не на облегченіе земству возможности наилучшимъ образомъ удовлетворять пользы и нужды населенія, а лишь на наблюденіе за направленіемъ умовъ въ земскихъ собраніяхъ, на предупрежденіе и пресѣченія оппозиціоннаго духа. Съ этой и только съ этой стороны получаетъ оцѣнку вся дѣятельность начальниковъ губерній въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Для приведенія къ порядку почему-либо признанныхъ упорными земскихъ собраній присылаются наиболѣе искусные администраторы, снабженные надлежащими инструкціями и полномочіями для достиженія поставленной задачи. Преисполненные рвенія искоренить духъ оппозиціи изъ земскихъ учреждений во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ, губернаторы предпринимають рядъ репрессивныхъ мѣръ, — не утверждаютъ земскія смѣты и раскладки, предпринимають походъ противъ служащихъ въ земствѣ, такъ называемаго третьяго элемента, не допускаютъ на должности врачей, фельдшерицъ, разгоняютъ цѣлыхъ отдѣ-

лений губернскихъ уличъвъ. Всѣ эти протесты смѣтъ и неутвержденія вытекаютъ вовсе не изъ соображеній о пользѣ дѣла, а совершенно изъ другихъ основаній, — не утверждаютъ тѣ лица, которыя наиболѣе заподозрѣны въ оппозиціи или прямо неприяты почему-либо начальству.

Во многихъ губерніяхъ цѣлыя отрасли земской дѣятельности не могутъ быть осуществлены только потому, что губернаторы, пользуясь своей дискреціонной властью, систематически отказываютъ въ утвержденіи должностныхъ лицъ, представляемыхъ земскими управами, — таково, напр., оцѣночное дѣло. Но предоставленной власти губернаторамъ, кажется, все еще мало, — и они не перестаютъ хлопотать объ ея усиленіи: такъ, недавно тверской губернаторъ кн. Голицынъ входилъ съ представленіемъ въ министерство, чтобы ему было предоставлено право устранять наиболѣе неблагонадежныхъ изъ состава гласныхъ губернскаго земскаго собранія. Чѣмъ неблагопріятнѣе и подозрителнѣе относится къ земству высшее правительство, тѣмъ усерднѣе на мѣстахъ начинаютъ примѣняться притѣснительныя мѣры начальниками губерній. Въ этомъ отношеніи разоблаченія статс-секретаря Витте, направленные противъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина, обнаруживаютъ со всею очевидностью намѣренія и виды правительства. Всѣ предположенія Горемыкина, подъ видомъ будто-бы упорядоченія земской дѣятельности путемъ ин-струкцій, наказовъ и циркуляровъ, въ сущности сводились къ упраздненію послѣдней тѣни независимости мѣстнаго самоуправления. Не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, насколько правящая бюрократія не можетъ примириться даже съ тѣми остатками самостоятельности, которые уцѣлѣли у земства послѣ реформъ 1890 года. Послѣ удаленія Горемыкина программа его не была оставлена, а продолжаетъ осуществляться по частямъ и его преемниками. Продовольственное дѣло изъято изъ вѣдѣнія земскихъ учреждений, введена предѣльность обложения, ветеринарная часть путемъ циркуляра подчинена ближайшему надзору правительственныхъ чиновниковъ, установлены непремѣнные члены губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій и т. д. и т. д., и если наказъ училищнымъ совѣтамъ и лѣчебный уставъ не приведены въ исполненіе, то изъ послѣдняго представленія Государственному Совѣту министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина видно, что какъ выработка лѣчебнаго устава, такъ и вопросъ объ изъятіи изъ вѣдѣнія земствъ школьнаго дѣла вовсе не отложены окончательно, но имѣются въ виду для ближайшаго будущаго. Однимъ словомъ, должна осуществиться та правительственная программа, которая оставитъ отъ мѣстнаго самоуправления одну внѣшнюю оболочку безъ всякаго дѣлового содержанія, сохранится одна лишь вывѣска, одна тѣнь отъ земскихъ учреждений, куда, по откровенному и циничному выраженію записки Витте, будутъ вербоваться люди, обладающіе малымъ самолюбіемъ и покладистой совѣстью. Насколько не сознание дѣйствительной потребности въ улучшеніи постановки дѣла руководило министерствомъ при выработкѣ всѣхъ этихъ законоположеній, наказовъ и циркуляровъ, видно хотя бы изъ того, что законоположенія идутъ одно наперекоръ другому. Въ то время, какъ лѣчебный уставъ со своей сложной регламентаціей клонился

несомнѣнно къ расширенію земскихъ расходовъ, а медицинское дѣло, законъ о предѣльности обложенія вытекалъ изъ противоположнаго признанія, что земскіе расходы растутъ слишкомъ быстро. Устанавливая положеніе о предѣльности обложенія, правительство въ то же время при введеніи винной монополіи лишало сельскія общества получаемаго дохода отъ питейныхъ заведеній, отнимая такимъ образомъ у мѣстнаго населенія гораздо большія средства, чѣмъ земскіе налоги.

Въ новомъ продовольственномъ уставѣ сказалось то же стремленіе правительства прибрать все въ свои руки. Несомнѣнно, что въ постановкѣ продовольственного дѣла всего, быть можетъ, сильнѣе отразились недостатки дѣйствующаго земскаго положенія: отсутствіе объединенія между губернскими управами, недостатокъ распорядительной власти у земскихъ учреждений и отсутствіе ближайшей болѣе мелкой хозяйственной организациі на мѣстахъ. Но, конечно, устраненіе этихъ недостатковъ всего менѣе входило въ виды правительства. Министерство рѣшило прямо изъять изъ вѣдѣнія земскихъ учреждений все продовольственное дѣло и передать своимъ собственнымъ органамъ — уѣзднымъ сѣздамъ и губернскимъ присутствіямъ. Создались такимъ образомъ какъ бы двѣ хозяйственныя организациі на мѣстахъ, — одна — земская, по всему строю своему приспособленная къ веденію хозяйственного дѣла, другая — правительственная, приспособленная къ судебно-административной дѣятельности и надзору, а не къ закупкѣ, развозкѣ и распредѣленію продовольственного хлѣба. Первая только потому, что она земская, отъ всякаго участія въ дѣлѣ устраниена, вторая же, какъ правительственная, привлечена къ завѣдыванію всѣми продовольственными операціями. Это смѣшеніе въ рукахъ земскихъ начальниковъ и судебной и административной, а теперь и хозяйственной дѣятельности указываетъ только одно — какую-то жажду власти, которая охватила правящую бюрократію и толкаетъ ее на путь все новыхъ и новыхъ захватовъ. Все, что дѣлается, и все, чего не дѣлается для земскихъ учреждений, явно обнаруживаетъ, что забота объ удовлетвореніи мѣстныхъ пользъ и нуждъ является послѣднимъ предметомъ попеченія правительства. Давно признана необходимость объединенія между земствами для осуществленія цѣлаго ряда общихъ дѣлъ, которые могутъ быть выполнены только совокупными силами нѣсколькихъ губерній, однако въ этомъ отношеніи не только ничего не сдѣлано, но даже совѣщанія и сѣзды земскихъ представителей запрещены; всякія попытки со стороны земствъ выйти изъ своего замкнутого и разрозненнаго положенія тщательно пресѣкаются, изданіе общеземскаго органа, необходимость котораго признается самимъ министерствомъ, не разрѣшено, кредитъ, столь необходимый для правильнаго веденія большого земскаго хозяйства, не организованъ, ссуды, устанавливаемые закономъ 1898 года, не выдаются и т. д. Всевозможные новые проекты и предложенія, о которыхъ постоянно ходятъ слухи, не могутъ не внушать самымъ тревожнымъ опасеній за судьбу земскихъ учреждений — мы имѣемъ въ виду проекты объ утвержденіи гласныхъ по представленіямъ губернаторовъ, о запрещеніи земскимъ собраніямъ принесенія жалобъ въ сенатъ на незаконныя дѣйствія и распоряженія губернской администраціи, о подчиненіи земской отчет-

ности контрольнымъ учрежденіямъ, объ изыятіи оцѣночнаго и школьнаго дѣла изъ рукъ земства. И слухи эти подтверждаются въ видѣ внезапныхъ циркуляровъ и распоряженій: такъ, предписаніемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ запрещено земское книгоиздательство, подъ страхомъ уголовной кары запрещены взаимныя общенія между земскими учрежденіями. Наказъ училищнымъ совѣтамъ совершенно случайно сталъ извѣстенъ земскимъ представителямъ, случайно, по особымъ ходатайствамъ, попалъ на обсужденіе общественнаго собранія и случайно не изданъ въ видѣ обязательнаго постановленія, а между тѣмъ этотъ наказъ въ корнѣ подрывалъ всю постановку народнаго образованія и совершенно устранялъ земство отъ участія въ томъ дѣлѣ, которому были посвящены его лучшія силы. До какихъ предѣловъ можетъ дойти Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, ясно показываетъ внезапная пріостановка выбора гласныхъ въ петербургскую думу въ то время, какъ въ министерствѣ даже не заготовленъ еще проектъ того правительственнаго управленія, которымъ предполагается замѣнить городскую общественную организацію. Министерство какъ будто задалось цѣлью нарочно раздражать и безъ того раздраженное общественное настроеніе, пугать неизвѣстностью предстоящей участи. Всѣмъ людямъ, преданнымъ общественнымъ интересамъ, внушаются тревожныя мысли, страхи и опасенія за будущее. Настроеніе создается такое, какъ будто всѣ настоорожились, всѣ ожидаютъ, къ чему можетъ привести разнузданность власти, въ чемъ отольется, наконецъ, явно враждебный общественнымъ началамъ правительственный произволъ, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, переставъ считаться съ какими бы то ни было общественными запросами, идетъ все дальше и дальше, все къ новымъ и новымъ захватамъ.

Въ извѣстной запискѣ статсъ-секретаря Витте, рукою всесильнаго министра финансовъ, земскія учрежденія изобличаются въ самомъ тяжкомъ преступленіи, — по нашимъ основнымъ законамъ, въ государственномъ заговорѣ, въ поползновеніяхъ противъ самодержавной власти. Витте стремится раскрыть, что земское самоуправленіе неминуемо клонится къ конституціонному представительству, и доказываетъ ничего не подозревавшему министру внутреннихъ дѣлъ Горемыкину, что всѣ мѣры, предпринимавшіяся этимъ послѣднимъ изъ бюрократической маніи все подчинять своей собственной власти, есть не что иное, какъ скрытая, сознательная или бессознательная, борьба за неприкосновенность самодержавнаго строя. Уже давно правящая бюрократія привыкла подмѣнивать права и преимущества верховной власти своими собственными интересами и вожделѣніями. Но никогда съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ, какъ въ запискѣ Витте, не было изобличено, что самодержавіе и всесильная, всемогущая и безотвѣтственная власть бюрократіи одно и то же, что противодѣйствіе чиновничеству, его произволу и вмѣшательству во всѣ проявленія жизни страны есть явная или тайная вражда къ самодержавію. Мнѣнія Витте восторжествовали, — они являются не собственными взглядами министра финансовъ, а изложеніемъ программы правительства. Когда столь ясно выраженные положенія проникаютъ въ правящую среду, двухъ мнѣній не можетъ быть, куда будетъ направлена внутренняя политика, и что угрожаетъ

земству. Изъ докладной записки Витте ясно видно, что въ нашемъ государственномъ строѣ земскія учрежденія, какъ чуждыя ему по духу, могутъ быть лишь терпимы, какъ едва терпимы раскольники и сектанты въ нашемъ церковномъ строѣ. При такихъ условіяхъ можетъ быть вопросъ лишь о скрытой или явной, постепенной или рѣшительной политикѣ преслѣдованія и угнетенія земства, но ни о чемъ другомъ не можетъ быть рѣчи. Только привычка дѣйствовать въ мелочахъ, разрозненно, при равнодушіи къ тому, что происходитъ кругомъ, можетъ оставлять земскихъ людей, преданныхъ своему дѣлу, безопасными въ ихъ положеніи. Какъ изъ-за деревьевъ не видно лѣса, такъ въ повседневныхъ мелочахъ будничной работы можно проглядѣть, какъ мало-по-малу надвигающаяся буря бюрократизма снесетъ до основанія все зданіе земскихъ учреждений, воздвигнутое усиліями столькихъ преданныхъ и безкорыстныхъ работниковъ русскаго самоуправления.

Если въ отношеніи земства правительство императора Николая II слѣдуетъ начинаніямъ предшествующаго царствованія, то и въ другихъ вопросахъ внутренней жизни оно неуклонно идетъ по тому же намѣченному пути. Продолжается та же сословная политика. Путемъ разныхъ льготъ и денежныхъ пособій прилагается стараніе создать изъ дворянъ какой-то особый классъ охранителей, связанный служебными привилегіями съ правящей бюрократіей и преданный установленному правительственному порядку за денежные вознагражденія изъ государственнаго казначейства. Дѣйствительные, а не мнимые интересы дворянства, какъ землевладѣльческаго класса, не только не находятъ поддержки, но даже прямо подавлены. Насущные интересы дворянства связаны съ процвѣтаніемъ земледѣлія и развитіемъ всей мѣстной жизни уѣздовъ, а между тѣмъ современная финансовая политика направлена къ угнетенію земледѣльческаго промысла, система же правительственной централизаціи ведетъ къ подавленности провинціи. Всѣ запросы мѣстныхъ нуждъ находятся въ полномъ пренебреженіи. Правительство поглощено своими интересами, вѣишними, совершенно оторванными отъ нуждъ коренной, внутренней Россіи. Эти потребности матеріальныя, культурныя, нужды благоустройства, просвѣщенія и порядка остаются совершенно въ загонѣ и не находятъ себѣ отклика, а между тѣмъ именно въ этомъ кроется залогъ прочнаго положенія дворянства, какъ помѣстнаго класса землевладѣльцевъ. Уже одно угнетеніе земства, гдѣ сосредоточены лучшія силы того же сословія, указываетъ, что вся такъ называемая дворянская политика имѣетъ задачею не поддержаніе и развитіе общественнаго дворянскаго класса, а скрываетъ въ себѣ лишь желаніе воспользоваться сословной организаціей въ интересахъ правящей бюрократіи.

Ко всякимъ проявленіямъ общественныхъ началъ въ дворянскихъ собраніяхъ правительство относится съ одинаковой подозрительностью и враждебностью. Ходатайства дворянства, не исключительно направленные къ выгодамъ одного сословія, оставляются точно такъ же безъ всякаго вниманія, какъ и ходатайства земскихъ собраній. Право непосредственнаго обращенія къ Государю Императору въ дѣйствительности превратилось въ призрачную привиле-

тію, не дающую никакихъ преимуществъ. Даже когда правительство рѣшается сдѣлать что-либо въ интересахъ дворянства, то не обращается къ дворянскимъ собраніямъ, не собираетъ совѣщанія выборныхъ представителей, на что по закону дворянство имѣетъ право, а прибѣгаетъ все къ той же системѣ вызова отдѣльныхъ лицъ, которые почему-то считаются пригодными для означенной цѣли; нужды дворянства въ этихъ правительственныхъ коммисіяхъ обсуждаются не цѣликомъ и не полностью, а лишь въ узкихъ предѣлахъ заранѣе намѣченной программы. Но, ради закрѣпленія связей привилегированнаго сословія съ правительственнымъ бюрократическимъ строемъ, дворянамъ изъ общихъ государственныхъ средствъ раздаютъ денежные пособия на устройство пансіоновъ-пріютовъ, кассъ взаимопомощи, институтовъ и кадетскихъ корпусовъ. Оказанная помощь является ничтожной и не можетъ поддержать расшатаннаго экономическаго благосостоянія, но, розданная въ видѣ особой милости не въ примѣръ другимъ, какъ несправедливая привилегія, она развиваетъ сословную рознь и вражду во всѣхъ другихъ слояхъ населенія. Въ дворянскую среду вносится общественный развратъ, разжигаются корыстные инстинкты, искусственно развиваются взгляды, что традиціонная преданность монархическимъ началамъ должна оплачиваться денежными средствами. Такія требованія все громче и громче заявляются именно той частью дворянства, которая менѣе всего способна оказать какую-либо дѣйствительную поддержку правительству. Вѣрноподданническія чувства выставляются, какъ чуть ли не исключительное достояніе дворянскаго сословія передъ другими слоями русскаго народа, предъявляются притязанія на денежную оплату мнимыхъ услугъ и домогательства служебныхъ льготъ и привилегій только за одні присущія монопольныя свойства вѣрноподданничества. Въ провинціальной средѣ чувства преданности государственнымъ началамъ и сознаніе обязанности безкорыстной службы на общую пользу подмѣниваются погоней за корыстными привилегіями и льготами, а вѣрность престолу по долгу присяги — недостойной угодливостью властямъ. Въмѣсто сознанія дѣйствительныхъ интересовъ землевладѣнія и умѣлаго отстаиванія общихъ нуждъ угнетеннаго земледѣлія выступаетъ одно жалкое выпрашиваніе разныхъ пособій. Открывается какой-то гнусный торгъ правительственныхъ властей съ подкупленнымъ дворянствомъ. Такая система сословной политики отталкиваетъ отъ дворянства лучшія силы того же просвѣщеннаго землевладѣльческаго класса и заставляетъ въ общественномъ сознаніи слагаться враждебнымъ настроеніямъ, забывать дѣйствительныя заслуги и полезное дѣло, созданное на общее благо представителями дворянства. Съ невыразимой грустью приходится видѣть, какъ развращающее вліяніе постепенно проникаетъ въ слои той самой помѣстной среды, которая выдѣлила изъ себя дѣятелей освобожденія крестьянъ и цѣлый рядъ лучшихъ представителей въ земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ.

По мѣрѣ того, какъ въ правящихъ слояхъ бюрократіи укрѣплялась увѣренность въ своихъ силахъ и въ негодности для страны другого орудія управленія, кромѣ приказа начальства, усиленіе власти, возведенное въ систему, все болѣе и болѣе стало выражаться въ про-

явленіяхъ произвола и насилія. Вся существующая система внутренняго управленія представляетъ изъ себя грудѹ учреждений, созданныхъ въ разное время, начиная съ эпохи Екатерины II, съ совершенно противоположными основными началами, учреждений, между собою несогласованныхъ, перепутанныхъ въ отношеніи подчиненія и отвѣтственности и въ предѣлахъ полномочій. Такой порядокъ, ведущій къ безконечнымъ пререканіямъ, столкновеніямъ и упорной враждебности между должностными лицами, исключаетъ возможность законотѣрной дѣятельности. Значеніе и силу имѣетъ не законъ, а непосредственное распоряженіе начальства. Предписанія, циркуляры и инструкции, сплошь и рядомъ идущіе въ разрѣзъ съ закономъ и нарушающіе права частныхъ лицъ, представляютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ правила дѣйствующихъ законоположеній. За неисполненіе закона отвѣтственность налагается только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, лишь неисполненіе предписанія начальства, хотя бы и незаконнаго, угрожаетъ наложеніемъ взысканія. Порядокъ служебной подчиненности, особенно въ полицейской службѣ, почти что приравниваетъ чиновниковъ къ положенію домашней прислуги, которую можно въ любой данный моментъ расчитать и уволить, при какихъ условіяхъ главною задачею становится не добросовѣстное исполненіе своего служебнаго долга, а лишь умѣнье заслужить расположеніе начальства. Во главѣ управленія въ губерніи поставленъ губернаторъ, въ дѣйствительности лишенный возможности руководства и правильнаго надзора застарѣлой рутинной канцелярскаго порядка дореформенныхъ установленій, съ другой стороны — полной спутанностью положенія всѣхъ позднѣйшихъ учреждений, но располагающій самыми широкими полномочіями вмѣшательства во всѣ проявленія мѣстной жизни. Нигдѣ, быть можетъ, власть, опираясь на законъ, не регулируетъ такъ мало теченія жизни, чѣмъ у насъ въ Россіи. Законъ, часто плохо прилаженный, слабо согласованный съ жизненными потребностями, остается на вѣсу, безъ примѣненія, предписаніемъ закона угрожаютъ, законъ срываютъ на отдѣльныхъ лицахъ, но законъ не руководитъ и не направляетъ отношеній между людьми. Власть въ дѣйствительности слаба и проявляетъ себя лишь въ произволѣ. При такомъ положеніи внѣзаконнаго хода всѣхъ дѣлъ, въ сущности, полномочія административныхъ властей получаютъ своеобразное и исключительное значеніе. Въ своихъ дѣйствіяхъ администрація почти ничѣмъ не стѣснена, кромѣ усмотрѣнія высшаго начальства, — ограниченіемъ произвола служить лишь свойство личнаго характера, нежеланіе портить взаимныя отношенія или остановка передъ какимъ-либо крупнымъ скандаломъ.

Подъ вліяніемъ господствующаго направленія старое зло нашего порядка управленія, безотвѣтственность и широта полномочій административныхъ и полицейскихъ властей все болѣе укореняется, упрочивается какъ признанная, единственно пригодная система внутренняго управленія. Губернаторъ превращается въ хозяина губерніи, появляются большіе и малые такъ наз. администраторы крѣпкой руки, начальники, ставящіе себѣ въ заслугу умѣнье по своему расправиться съ ввѣренными имъ населеніемъ. И въ этомъ отношеніи, чѣмъ больше

произвола, тѣмъ болѣе министерство упорствуетъ въ поддержкѣ своихъ зарвавшихся представителей, какъ будто желая показать, что население должно безропотно покоряться всякимъ распоряженіямъ, хотя бы незаконнымъ, поставленной надъ нимъ правительственной власти. Полиція взята подъ особое покровительство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и для поддержанія ея авторитета газетамъ запрещено особымъ циркуляромъ писать что-либо про самыя возмутительныя насилія полицейскихъ агентовъ, исправниковъ, становыхъ, урядниковъ и пр., хотя бы насилія эти были установлены судебнымъ слѣдствіемъ.

Общество должно молчать и покоряться насилію, какъ неизмѣннымъ вѣлѣніямъ судьбы, какъ року.

Институтъ земскихъ начальниковъ продолжаетъ пользоваться особымъ расположеніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сипягина;¹ полномочія ихъ расширяются, въ ихъ руки переданы продовольственное и податное дѣла. Но предоставленной власти земскимъ начальникамъ еще мало, — министерство, озабоченное тѣмъ, что будто бы Сенатомъ дисциплинарная власть по 61 и 62 статьямъ умалется, изыскиваетъ мѣры оградить отъ искаженія сенатской практикой дѣятельности гг. земскихъ начальниковъ. До реформы 1889 года правительственная власть, такъ сказать, скользила по поверхности крестьянской жизни; население было предоставлено самому себѣ, управление производилось какъ бы наѣдомъ, до внутреннихъ же распоряжковъ сельскихъ обществъ начальству не было дѣла. Крестьянское присутствіе, въ видѣ какого-то кассационно-наблюдательнаго учрежденія, исполняло роль чисто случайнаго надзора, ни по предоставленнымъ полномочіямъ, ни по составу неспособнаго близио вмѣшиваться въ народную жизнь. Крестьянская жизнь текла своимъ обычнымъ ходомъ со всѣми ея неустройствами. Теперь съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ правительственная власть проникла въ самую глубь крестьянскаго управленія и, когда, такимъ образомъ, въ круговоротъ воздѣйствія правительственной власти захвачены разнообразнѣйшіе народные интересы во всѣхъ ихъ мелочахъ, всякій произволъ становится тѣмъ болѣе притѣснительнымъ для населенія.

Появленіе начальства, снабженнаго только властью безъ точнаго руководства закона, среди населенія, и безъ того совершенно непривычнаго къ сознанію своихъ правъ, должно приводить къ еще большимъ опустошеніямъ въ правовомъ сознаніи. По-прежнему народъ бродитъ въ потьмахъ въ поискахъ за своими правами, тогда какъ правительство, увѣренное въ могущество начальственныхъ распоряженій, считаетъ, что для деревни все сдѣлано, разъ создана близкая и попечительная власть. Между тѣмъ порядка въ деревнѣ, какъ не было прежде, такъ нѣтъ и теперь; разница заключается только въ томъ, что въ данное время вновь созданная власть, поставленная въ условія произвола, сама является чуть ли не первымъ источникомъ беспорядковъ. Въ прежнее время послѣ введенія судебныхъ уставовъ 1864 г. преобразованные суды явились охраной общества противъ произвола административныхъ властей. Судебное вѣдомство,

¹ Напомнимъ, что статья написана до убійства Сипягина. Ред.

пропикнутое уваженіемъ къ законности, наложило сильную узду на своеволие николаевского чиновничества, старые приемы открытаго насилія и взяточничества стали немислимы. Но такая дѣятельность судебного вѣдомства, направленная къ обузданію представителей власти, была признана подрывающей дисциплину и расшатывающей устой правительства. Наравнѣ съ земскими учрежденіями и университетскимъ строемъ, судебные уставы 1864 г. также подверглись ожесточеннымъ нападкамъ реакціонеровъ съ Катковымъ во главѣ. И, дѣйствительно, на томъ пути, на который встало правительство Александра III, на пути усиленія власти, настоящей диктатуры администраціи, суды съ ихъ независимымъ строемъ, съ уваженіемъ не къ волѣ начальства, а къ закону, явились преградой, которую предстояло во что бы то ни стало сломить. Обвиненія противъ судебныхъ учреждений, противъ Сената не прекращались, вся дѣятельность судебного вѣдомства изображалась, какъ систематическое и умышленное противодѣйствіе правительству, почти что приравнивалось къ „революционнымъ проискамъ“. Лицамъ, стоявшимъ во главѣ судебного вѣдомства, очень ясно дали понять, что судебныя учрежденія должны въ корнѣ измѣнить свое направленіе, чтобы сохранить право на дальнѣйшее существованіе. И вотъ сперва, чтобы не подвергнуть ломкѣ дорогія имъ учрежденія, дѣятели судебного вѣдомства начинаютъ приспосабливаться къ новымъ вѣяніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ задачами правосудія. Еще министр Набоковъ,¹ нѣкогда имѣвшій гражданское мужество отстоять судъ присяжныхъ отъ уничтоженія послѣ процесса В. Засуличъ, счелъ нужнымъ перемѣнить направленіе и въ рѣчи, обращенной къ чинамъ судебного вѣдомства, указалъ на необходимость единенія съ административными властями. Съ тѣхъ поръ, ставъ на этотъ путь, судебное вѣдомство утратило свое прежнее значеніе — служить оплотомъ законности противъ произвола, задача прокуратуры свелась не къ безпристрастному наблюденію за точнымъ исполненіемъ закона, а къ подлаживанію къ видамъ губернскаго начальства. Всѣ усилія были направлены на то, чтобы и въ судебныхъ учрежденіяхъ сломить ту какъ бы официальную оппозицію, которую такъ тщательно стремились подорвать и уничтожить въ земскихъ собраніяхъ. У судебного вѣдомства отняли мировые суды взамѣнъ создали смѣшанныя судебно-административныя учрежденія, сѣзды земскихъ начальниковъ и губернскія присутствія; путемъ подбора персонала, путемъ усиленія прокурорскаго надзора судебное вѣдомство обратилось въ послушное и покорное орудіе министерской власти. Не интересы правосудія, а другія задачи и цѣли были выдвинуты на первый планъ. Эта задача заключалась все въ томъ же служеніи интересамъ укрѣпленія правительственной власти.

Правда, судебныя учрежденія не подверглись коренной ломкѣ, но сохраненіе внѣшнихъ формъ пріобрѣтено путемъ отказа отъ высокаго служенія дѣлу законности, потерю нравственнаго авторитета и прежняго общественнаго значенія. Прямое превышеніе власти, явныя злоупотребленія и даже хищенія прикрывались прокурорскимъ

¹ Авторъ какъ будто забываетъ, что реакціонныя вѣянія начались еще при Александрѣ II въ министерствѣ графа Палена. Ред.

надзоромъ, озабоченнымъ прежде всего сохраненіемъ авторитета власти. Судебное вѣдомство съ тѣхъ поръ, какъ оно взято какъ бы въ подозрѣніе, прилагаетъ всѣ усилія, чтобы доказать свое усердіе передъ торжествующей реакціей. Такія, напримѣръ, явные хищенія и служебныя злоупотребленія, какъ петербургскаго градоначальника генерала Клейгельса, извѣстныя всѣмъ, извѣстныя прокурорскому надзору и Министру Юстиціи, остаются безъ судебного преслѣдованія изъ соображеній политическаго свойства. Такое судебное вѣдомство уже не можетъ служить охраною личности противъ произвола и насилія.

То направленіе внутренней политики, которое окончательно утвердилось со времени вступленія во власть министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстого, въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія неуклонно проводилось еще съ семидесятихъ годовъ.

Школьная система въ теченіе тридцати лѣтъ служила предметомъ общей ненависти. Классицизмъ, введенный гр. Толстымъ, какъ полицейская мѣра укрощенія молодого поколѣнія, со всѣми приемами насильственной и беспощадной расправы, сталъ отождествляться въ общественномъ сознаніи съ его грубымъ и жестокимъ примѣненіемъ. Все учебное вѣдомство, поставленное на боевое положеніе противъ общественныхъ теченій, проникнутое подозрительностью къ семьѣ, и, съ другой стороны, ненавидимое семьей, въ теченіе тридцати лѣтъ исполняло роль жандарма классицизма; усилія начальства были направлены на одну цѣль — оторвать дѣтей отъ родителей, заподозрѣнныхъ въ тлетворныхъ вліяніяхъ, какъ бы конфисковать въ казну все подроставшее молодое поколѣніе. Куда бы ни прикоснулась рука гр. Толстого, вездѣ появлялось одно и то же — какое-то исключительное пристрастіе къ насилию и угнетенію. Изъ классицизма, нѣкогда въ эпоху императора Николая заподозрѣннаго даже въ либеральномъ вліяніи на умы, путемъ тщательнаго вытравленія всякаго развивающаго элемента и сохраненія лишь одной тяжелой формы зубренія особо выдуманной на этотъ предметъ школьной латыни сумѣли сдѣлать орудіе притупленія личности въ видахъ большей покорности и слѣплого повиновенія начальству. Съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго приложенія, гр. Толстой употреблялъ всѣ усилія, чтобы обратить русское просвѣщеніе, хотя бы путемъ ломки, къ услугамъ правительственной власти. Тридцать лѣтъ между николей и обществомъ шла глухая борьба; учебное начальство, безотвѣтственно располагая участію своихъ учениковъ, заставляло и дѣтей, и родителей подъ страхомъ самыхъ суровыхъ мѣръ склоняться передъ собой, безропотно переносить всякія униженія и несправедливости, а общество, полное затаенной ненависти, мстило презрѣніемъ и полнымъ расшатываніемъ всякаго авторитета учебнаго начальства въ глазахъ своихъ дѣтей.

Теперь, когда всѣ слои населенія насквозь пропитаны ненавистью къ школьной системѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что эта система плохо исполняетъ обязанности охраны, правительство съ рѣдкою рѣшимостью для нашихъ бюрократическихъ сферъ въ нѣсколько недѣль предприняло передѣлку и полную ломку учебныхъ программъ. Вмѣсто классицизма вводится реализмъ, создается на обломкахъ классическихъ гимназій новый образецъ средней школы

облегченного типа. Но напрасно думаютъ, что разумные запросы общества будутъ удовлетворены, что между семьей и школой наступитъ единеніе. Ненависть къ классической гимназій созрѣла въ обществѣ не столько изъ отвращенія къ изученію древней словесности, сколько изъ вражды къ школьнымъ порядкамъ, къ господствующей системѣ угнетенія, принявшей размѣры настоящихъ гоненій. Въ рукахъ учебнаго начальства тотъ же реализмъ обратится въ орудіе насилія и гнета. Подкупить расположеніе разумной части общества облегченіями и льготами въ прохожденіи курса для получения диплома нельзя. Разумныя требованія просвѣщеннаго общества всѣ клонятся къ необходимости воспитывать въ школахъ самодѣятельность и развитую личность. Вся же правительственная система цѣликомъ держится на приниженности и подавленности личности, въ рукахъ чиновниковъ школа должна выпускать покорныхъ слугъ бюрократическаго государства.

Вступивъ на путь примиренія и сердечнаго отношенія къ семьѣ, правительство впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Довѣріе къ родителямъ въ сферѣ только школы и недовѣріе къ тѣмъ же родителямъ на поприщѣ общественныхъ и научныхъ собраній, частной и публичной дѣятельности заключаетъ въ себѣ нѣчто непримиримое. Въмѣсто сердечности будетъ одна декорация довѣрія, одинаково тягостная какъ для начальства, такъ и для семьи. Высочайшій призывъ къ взаимнымъ сердечнымъ отношеніямъ можетъ облечься лишь въ формы официального лицемѣрія и лжи. Университетская молодежь не можетъ быть поставлена въ привилегированное положеніе, въ которомъ отказываютъ другимъ слоямъ населенія, студенты не могутъ пользоваться правомъ неприкосновенности личности, правомъ собраній и союзовъ, свободой обсужденія, когда ихъ отцы и родные въ зрѣлыхъ лѣтахъ лишены всѣхъ этихъ благъ. Отсюда неминуемъ тотъ же произволъ начальства, та же необезпеченность и приниженность личности, тѣ же приемы, основанные на подозрительности и внушеніи страха. При существующемъ направленіи правительства у насъ немыслима дѣйствительно либеральная программа, основанная на довѣрії къ обществу и удовлетвореніи его разумныхъ пожеланій, — у насъ возможна лишь политика послабленій или политика гнета.

Наше церковное устройство, поставленное въ полное подчиненіе, въ рабскую зависимость отъ приказа свѣтскаго начальства, неизбежно отражаетъ на себѣ всѣ господствующія вѣянія правительства. Отличительной же чертой современнаго направленія правящей бюрократіи является стремленіе мало-по-малу прибрать все въ свои руки. Еще въ 60-хъ годахъ при самомъ возникновеніи земскихъ учреждений у синодальнаго вѣдомства было поползновеніе передать дѣло народнаго образованія въ руки приходскаго духовенства, но извѣстный запросъ въ этомъ смыслѣ оберъ-прокурора гр. Д. А. Толстого не имѣлъ никакого успѣха. Въ то время подъема общественныхъ силъ земскія собранія отклонили предложеніе оберъ-прокурора и сами взялись за дѣло народнаго просвѣщенія. Создалась земская школа. Но, съ перемѣной направленія правительства въ царствованіе императора Александра III, подозрѣніе и недовѣріе къ общественнымъ

учрежденіямъ сказались и въ этой области. Хотя земскія школы были поставлены подъ наблюденіе чиновниковъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ввѣрены особымъ довѣріемъ Государя надзору предводителей дворянства, какъ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, всего этого оказалось мало. Была создана церковно-приходская школа. Чиновникамъ духовнаго вѣдомства также потребовалась власть подчинять и распоряжаться; была сочинена и выдумана ложная фикція, что земская школа — какая-то особая „свѣтская“ школа, чуждая якобы по своему духу народу, какъ будто въ земскихъ училищахъ учатъ не евангелію и Закону Божию, а какой-то гражданской морали, тогда какъ въ дѣйствительности само преподаваніе Закона Божія всецѣло ввѣрено въ руки приходскаго духовенства и поставлено подъ наблюденіе епархіальнаго архіерея.

Въ противовѣсъ земской школѣ чиновничество духовнаго вѣдомства прилагаетъ всѣ старанія проводить преподаваніе какой-то усиленной церковности и усиленнаго вѣрнопопданничества, хотя бы въ прямой ущербъ просвѣщенію народа. Создается школа синодальнаго вѣдомства, снабженная значительными средствами изъ государственнаго казначейства и обставленная исключительными привилегіями. Завѣдываніе школой передано въ руки чиновниковъ изъ духовенства съ тщательнымъ устраненіемъ общественныхъ представителей.

Сельское духовенство путемъ внушеній и приказовъ начальства толкается на борьбу съ якобы свѣтской школой, духовное вѣдомство признается единственно способнымъ просвѣщать народъ въ духѣ покорности церковнымъ и гражданскимъ властямъ; недовольство церковной школой приравнивается къ политической неблагонадежности. Началась по всѣмъ захолустьямъ нашего обширнаго отечества та мучительная борьба, гдѣ изъ-за тумана ложно выдуманныхъ положеній, за призраками и привидѣніями скрываются истинныя причины вражды. Начались захваты, доносы, противодѣйствія открытію земскихъ школъ, будничная, мелкая, а потому докучливая ссора, гдѣ на сторонѣ духовнаго начальства и крупныя матеріальныя средства государственнаго казначейства, и привилегія закона, и поддержка полицейскихъ властей.

Но нигдѣ православное духовенство не выступаетъ въ столь неподходящей роли для христіанскихъ пастырей, какъ въ борьбѣ съ сектантствомъ. Преслѣдованіе сектантовъ, главнымъ образомъ, происходитъ на почвѣ политической, — преслѣдуются и подвергаются гоненіямъ секты, признанныя опасными для правительства. Создается священникъ-жандармъ, священникъ-сыщикъ по политической неблагонадежности. Изъ духовенства стремятся создать новые отряды охранителей государственнаго порядка. Создается воинствующая церковь, но воинствующая не ради своихъ интересовъ, какъ церковь католическая, а ради услугъ правительственной власти.

Если въ другихъ сферахъ государственнаго управленія неуклонно проведенныя начала усиленія власти привели къ придавленности общественныхъ учрежденій, умаленію независимости суда, безгласности печати, искаженію духовнаго просвѣщенія народа, то въ финансовой политикѣ тѣ же начала выразились въ истощеніи народныхъ средствъ для исключительнаго обогащенія казны.

Въ дѣлѣ государственныхъ финансовъ г. Витте не явился изобрѣтателемъ какой-либо новой системы, — по-прежнему весь центръ тяжести государственныхъ доходовъ заключается въ косвенномъ обложеніи, въ таможенныхъ пошлинахъ, въ обложеніи вина, сахара, керосина и пр. Налоги продолжаютъ падать всею тяжестью на массу неимущаго населенія. Г. Витте явился только продолжателемъ и ловкимъ завершителемъ начинаній своего предшественника и пошелъ, конечно, дальше и быстрѣе по тому пути, по которому Вышнеградскій шелъ ощупью и неувѣренно. Вышній успѣхъ финансовыхъ предпріятій г. Витте находитъ себѣ громкія похвалы многочисленныхъ поклонниковъ, встрѣчаетъ, однако, и непримиримыхъ противниковъ. Доискаться полной ясности при отсутствіи свободы обсужденія представляется невозможнымъ. Въ то время, какъ одни утверждаютъ, что удачныя конверсіи заграничныхъ займовъ дали возможность высвободиться изъ тяжелой экономической зависимости отъ берлинской биржи, другіе доказываютъ, что политическое сближеніе съ Франціей въ рукахъ г. Витте оказалось лишь могущественнымъ средствомъ для заключенія — при помощи рекламы и вздутыхъ патріотическихъ манифестацій — все новыхъ и новыхъ займовъ на колоссальныя суммы. Несомнѣнно, что въ теченіе самаго короткаго срока, къ тому же при полномъ вышнемъ мирѣ, нашъ государственный долгъ достигъ чудовищной цифры 6 миллиардовъ рублей. Сторонники министра финансовъ увѣряютъ, что сдѣланные займы пошли не на покрытіе дефицитовъ, а на производительные расходы и полностью обезпечены вновь прибрѣтеннымъ государственнымъ имуществомъ въ видѣ желѣзныхъ дорогъ и поднятіемъ цѣнности казенныхъ лѣсовъ; противники же доказываютъ, что новыя желѣзнодорожныя линіи оказались бездоходными и, едва покрывая расходы по эксплуатаціи, не могутъ оплачивать процентовъ на затраченный капиталъ. Поклонники г. Витте восторгаются блестящимъ успѣхомъ монетной реформы, грандіознымъ предпріятіемъ казенной винной монополіи, быстрымъ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, необыкновеннымъ ростомъ нашей обрабатывающей и горной промышленности, — скептики съ недовѣріемъ къ вышнимъ успѣхамъ казенныхъ предпріятій не перестаютъ доказывать, что монетная реформа обошлась странѣ слишкомъ дорого и едва ли не поглотила 800 милл. запаснаго военнаго фонда, что винная монополія послужила лишь вывѣской какъ бы для борьбы съ народнымъ пьянствомъ, въ дѣйствительности же служить для извлеченія все большихъ и большихъ средствъ изъ народнаго кармана, что спѣшное и безтолковое проведеніе желѣзныхъ дорогъ приводитъ лишь къ выбрасыванію на рынокъ все тѣхъ же сырыхъ продуктовъ земледѣлія и къ ихъ полному обезцѣненію, что подъемъ нашей обрабатывающей и горной промышленности весь основанъ не на частныхъ заказахъ страны, а на казенныхъ поставкахъ и подрядахъ, и является не болѣе какъ результатомъ дутыхъ предпріятій. Никто, однако, не можетъ отрицать того факта, что хроническіе дефициты исчезли изъ нашего государственнаго хозяйства и, напротивъ, стали получаться ежегодные избытки на десятки и сотни милліоновъ. За самое короткое время нашъ государственный бюджетъ достигъ колоссальной цифры почти двухъ милліардовъ рублей.

Такой чрезвычайный прилив денежных средств въ государственное казначейство начинается невольно страшить чудовищностью своихъ размѣровъ. Противорѣчія между расцвѣтомъ государственной казны и паденіемъ народнаго благосостоянія начинаютъ выступать наружу, становятся все болѣе очевидными.

Въ то время какъ на мѣстныя, культурныя потребности Англія тратитъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ всѣ наши земскія и городскія учрежденія, а расходы одного города Парижа на свое хозяйство равняются или даже превышаютъ расходы всѣхъ русскихъ городовъ, вмѣстѣ взятыхъ, нашъ государственный бюджетъ почти втрое превосходитъ государственные доходы Англіи, этой богатѣйшей мировой державы. Многочисленныя экономическія изслѣдованія указываютъ на медленный, задержанный приростъ народнаго богатства, а во многихъ мѣстностяхъ и на прямой его упадокъ.

Земскимъ и городскимъ учреждениямъ постоянно приходится считаться съ крайнимъ недостаткомъ средствъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ нуждъ населенія, отказывать въ открытіи школъ, расширеніи больницъ, улучшеніи непроѣздныхъ дорогъ и пр. Всякому, кто имѣлъ возможность наблюдать нашъ деревенскій бытъ, невольно бросается въ глаза, въ какой бѣдности, если не прямой нищетѣ, живутъ народныя массы. Какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ лишенія испытываются въ самомъ необходимомъ, въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни — въ жилищѣ, одеждѣ и пищѣ. Наши деревни имѣютъ видъ какихъ-то жалкихъ кочевій, гдѣ люди кое-какъ устроились на временное жилье — это не селенія осѣдлыхъ жителей, трудомъ и капиталомъ завоевавшихъ себѣ прочное господство надъ землей. Малѣйшая невзгода повергаетъ ихъ въ настоящее бѣдствіе, противъ котораго они оказываются безсильными бороться. Непрерывныя, почти непрекращающіяся голодовки невольно заставляютъ задумываться надъ тѣмъ, что что-то недоброе творится въ глубинахъ народнаго хозяйства. Населеніе влачитъ жалкое существованіе, безъ просвѣщенія, безъ охраны здоровья отъ повальныхъ болѣзней, а сплошь и рядомъ и безъ куска хлѣба, а сундуки государственнаго казначейства переполняются избытками золота, выхваченнаго у того же населенія. Само собой возникаетъ сознаніе, что лишь при помощи вновь изобрѣтеннаго усовершенствованнаго финансоваго механизма становится возможнымъ это усиленное выкачиваніе громаднхъ средствъ изъ бѣдной страны, подверженной всѣмъ невздамъ полуголоднаго существованія. До тѣхъ поръ, пока изъ уѣздовъ будутъ продолжать выхватывать десятки и сотни тысячъ, а на всѣ мѣстныя потребности и нужды оставлять жалкіе остатки, страна будетъ представлять изъ себя видъ опустошенной земли, подвергшейся набѣгу непріятеля. Съ высоты двухмилліардной пирамиды государственнаго бюджета, съ этой головокружительной высоты, представляются ничтожными всѣ эти нужды, повседневныя маленькія нужды маленькаго люда — мужика, помѣщика, торговаго чело- вѣка глухихъ захолустій нашего обширнаго отечества — издалека теряется сознаніе, что совокупность этихъ забытыхъ интересовъ и есть интересъ Россіи. Сознаніе реальнаго и фантастическаго, дѣйствительнаго и выдуманнаго путается, заманчивость обширныхъ плановъ,

блестящій внѣшній успѣхъ громкихъ, полныхъ всемірной славы, предпріятій — вотъ что увлекаетъ раздутое, властолюбивое воображеніе.

Все, что дѣлается, дѣлается по приказу безотвѣтственнаго министра — насильственно и безпощадно ко всѣмъ задѣтымъ интересамъ.

Постройка желѣзныхъ дорогъ, какъ одно изъ главныхъ средствъ привлеченія все новыхъ и новыхъ земель въ круговоротъ денежнаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ могучее пособіе желѣзнодорожной промышленности, приняла колоссальные размѣры. Нужды нѣтъ, что желѣзныя дороги оказываются бездоходными, что постройка ихъ при данной дороговизнѣ отечественныхъ матеріаловъ обходится втридорога, что при этихъ условіяхъ товарный тарифъ перестаетъ быть дѣйствительною платой за провозъ, а становится новымъ налоговымъ бременемъ для дешевыхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Нужды нѣтъ, что такая строительная горячка нарушаетъ правильное развитіе промышленности, что увеличеніе желѣзнодорожной сѣти безъ достаточнаго подвижнаго состава ведетъ къ безконечнымъ задержкамъ — этому новому бичу для хлѣбныхъ грузовъ, къ порчѣ и гибели товаровъ. Дороги должны быть проведены. Необходимо толкать Россію въ круговоротъ бѣшеннаго обращенія денегъ, головокружительнаго водоворота, нужно, чтобы деньги лились безостановочнымъ потокомъ изъ рукъ министра финансовъ и создавали миражъ блестящаго процвѣтанія отечественной промышленности.

Съ тою же безпощадностью введена и казенная винная монополія. Всѣ затронутые отдѣльные интересы были оставлены въ полномъ пренебреженіи, всѣ средства, которыя выручались частными лицами и сельскими обществами отъ виноторговли, были просто захвачены властной рукой, крупные интересы торговли нарушены. Достигнуто или нѣтъ сокращеніе народнаго пьянства, остается спорнымъ, безспорнымъ оказывается лишь еще новое приращеніе государственныхъ доходовъ.

Въ свои цѣлкія руки Министръ Финансовъ захватилъ всѣ нити торговой и промышленной дѣятельности страны. Мало-по-малу желѣзнодорожныя общества перешли въ казенное управленіе или поставлены въ полную зависимость отъ правительства.

Банки и биржи подчинены ближайшему надзору и руководству чиновниковъ Министерства Финансовъ.

Цѣна на спиртъ и вино — вслѣдствіе казенной монополіи, на сахаръ — путемъ правительственной нормировки, на чугунъ, желѣзо и сталь — путемъ казенныхъ заказовъ устанавливаются непосредственнымъ распоряженіемъ министра. Незначительнымъ повышеніемъ или пониженіемъ тарифныхъ ставокъ можетъ быть уничтожена промышленность въ одномъ мѣстѣ и перенесена въ другое.

Съ цѣлою арміею чиновниковъ Министръ Финансовъ контролируетъ, наблюдаетъ, руководить, разоряетъ однихъ, обогащаетъ другихъ, не отдавая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Не отъ трудолюбія, усидчивости и умѣнья зависитъ доходность и выгодность предпріятій, а отъ милости Министра Финансовъ. Министръ Финансовъ — желѣзнодорожникъ, банкиръ, биржевикъ, заводчикъ, промышленникъ, виноторговецъ, Министръ Финансовъ — все. Въ то

время, какъ въ Германіи къ предстоящему заключенію торговыхъ договоровъ готовятся въ теченіе трехъ лѣтъ при дѣятельномъ участіи представителей торговыхъ, промышленныхъ и земледѣльческихъ интересовъ, въ сотрудничествѣ со всѣми учеными силами страны, у насъ весь вопросъ будетъ разрѣшенъ въ нѣсколько часовъ на частномъ совѣщаніи министра съ директорами департаментовъ. Упоенный внѣшними успѣхами, Витте начинаетъ играть роль провидѣнія Россіи. Въ нѣмомъ изумленіи передъ колоссальнымъ сооруженіемъ двухмиллиарднаго бюджета иностранцы останавливаются передъ грандіозными успѣхами нашей финансовой политики. Въ Западной Европѣ, гдѣ надъ сохранностью всѣхъ частныхъ интересовъ страны зорко слѣдятъ общественные представители и свободная пресса, этотъ чудовищный ростъ государственныхъ средствъ кажется сказочнымъ, подобно тому, какъ сказочны плѣнительные своею роскошью замки и дворцы восточныхъ владыкъ, воздвигнутые на рабствѣ и нищетѣ подвластнаго народа.

Какъ въ другихъ отрасляхъ правительства, такъ и въ дѣлѣ финансовой политики надъ всѣмъ возобладалъ интересъ государственнаго казначейства. Ежегодные избытки на сотни милліоновъ являются обманчивымъ обликомъ благополучія и процвѣтанія Россіи. Подобно тому, какъ при всякомъ избыткѣ создаются прихоти, излишнія роскошныя затѣи, такъ и при наличности черезъ край переполненной государственной казны и при безконтрольности и безотвѣтственности въ расходахъ начинается настоящее разбрасываніе денегъ. Изъ рукъ Министра Финансовъ вырываются концессіи, безпроцентныя ссуды, разныя льготы и привилегіи для отдѣльныхъ излюбленныхъ людей и поощряемыхъ предпріятій. Началась бѣшеная скачка въ погонѣ за легкой наживой, развилась нездоровая биржевая игра, охватившая, какъ настоящая зараза, всѣ слои общества, начиная отъ великихъ князей и высшихъ сановниковъ имперіи до мелкихъ канцелярскихъ служителей. Всѣ бросились ловить милость и вниманіе всесильнаго министра, изъ рукъ котораго полился золотой дождь на тѣхъ, кто сумѣлъ добиться его расположенія.

Министръ Финансовъ оказался опутаннымъ цѣлою сѣтью биржевыхъ дѣльцовъ, желѣзнодорожныхъ строителей, промышленныхъ предпринимателей и спекулянтовъ всякаго рода. Въ этомъ бѣшенномъ водоворотѣ смѣшалось все, все спуталось въ одинъ неразрывный узелъ, въ которомъ нѣтъ возможности ни разобрать, ни распутать, гдѣ кончается частный интересъ Ротштейна и начинается государственный интересъ страны, гдѣ должна остановиться нажива иностранныхъ предпринимателей и выступить нужды Россіи, гдѣ грань для личной выгоды банкировъ, желѣзнодорожныхъ дѣльцовъ, сахарозаводчиковъ и промышленныхъ синдикатовъ и въ чемъ кроются дѣйствительныя нужды русскаго народа. Среди хаоса корысти и жажды личной наживы, среди давки алчныхъ предпринимателей, знатныхъ и властныхъ дѣльцовъ, среди толпы подкупленныхъ сановниковъ сталъ властно царить Витте, какъ хозяинъ денегъ, истинный господинъ положенія и повелитель.

Уже не въ однихъ ожиданіяхъ, а на дѣлѣ начинаетъ проявлять себя правительство, „ничѣмъ не смущенное, не разстроенное, вполне

въ себѣ увѣренное, свободное отъ какихъ-либо стѣсненій общественнаго мнѣнія“. Власть, сбросившая всякія путы, развѣрывается во всю ширь, во весь свой размахъ. На пути нѣтъ никакихъ преградъ, никакого сопротивленія. Нѣтъ исторически сложившихся государственныхъ или общественныхъ учреждений, дорогихъ по своимъ преданіямъ; постоянная ломка и передѣлка пріучила къ непрочности и недолговѣчности всего существующаго, въ населеніи не развиты ни сознаніе своихъ правъ, ни тѣмъ болѣе навыки стойкаго сопротивленія; старательное вытравленіе всякой взаимности и общности интересовъ привело къ полному непониманію, что въ лицѣ другого могутъ быть нарушены и оскорблены свои собственные права. Среди всего этого разнузданная власть можетъ произвести настоящее опустошеніе. Невольно страшишься, не подошли-ли мы къ положенію, при которомъ въ странѣ ничего не останется, кромѣ бюрократіи. Науки, просвѣщенія нѣтъ, а есть правительственные лекторы и одобренныя учебныя пособія, учебники и курсы. Печати, общественнаго мнѣнія нѣтъ, а есть печатаніе по Высочайше установленному образцу и сужденія согласно видамъ правительства. Церкви и духовенства нѣтъ, а есть чиновники духовнаго вѣдомства. Земскихъ учреждений нѣтъ, а создаютъ присутственныя мѣста, вѣдающія земскія повинности. „Управленія нѣтъ, а есть организованное превышеніе власти“. Вездѣ, во всемъ и всюду одно начальство и только приказъ начальства. Бюрократія, та самая бюрократія, отъ гнета которой, казалось, Россія начала освобождаться послѣ севастопольскаго погрома, вновь поднимается, собираетъ свои силы, переходитъ отъ захватовъ къ новымъ захватамъ, и уже властно предъявляетъ свои права на полное господство. Забыты уроки исторіи, забыта та всеобщая ненависть, которую недаромъ внушило къ себѣ николаевское царство полновластныхъ чиновниковъ, ненависть, доходившая до того, что у насъ, по словамъ современниковъ, поднялись огульныя проклятія на все чиновничество, подобно всеобщему крику анаэмы на аристократовъ и священниковъ революціонной Франціи. Наперекоръ прошлому, въ правительственныхъ кругахъ все болѣе укрѣпляется увѣренность, что бюрократія и только она одна способна справиться и осилить всю трудную задачу управленія вѣчно бродящими, разрозненными толпами русскаго народа. Поддерживаются и распространяются взгляды, что верховная власть, только опираясь на силы бюрократіи, можетъ сломить революціонныя движенія, путемъ приказа начальства водворить порядокъ и добрые нравы, при помощи чиновниковъ духовнаго вѣдомства укрѣпить народныя массы въ духъ покорности православной церкви и самодержавію. Бюрократія снабдила страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ, совершила грандіозное предпріятіе винной монополіи, создала процвѣтаніе отечественной промышленности и обогатила казну. Изобрѣтенъ новый образецъ бюрократической машины съ декоративнымъ придаткомъ общественныхъ элементовъ, при помощи котораго всесильная бюрократія, пользуясь услугами частныхъ лицъ, какъ даровыми чиновниками, располагаетъ такъ устроиться, чтобы вѣчно благодѣтельствовать, направлять и руководить Россіей.

Таковы историческія судьбы русскаго народа, какъ явствуетъ изъ воззрѣній Министра Финансовъ, взявшаго на себя трудъ со всей

очевидностью освѣтитъ правительственную программу въ своей истинѣ исторической запискѣ.

Приемы сохраненія и удержанія въ своихъ рукахъ безраздѣльно всей полноты власти у теперешнихъ представителей бюрократіи остались все тѣ же, старые, испытанные приемы, которые, однако, оказываются столь же дѣйствительными, какъ и прежде. Это внушеніе вѣчныхъ тревогъ и опасеній за цѣлость государственнаго и общественнаго порядка.

Точно также и теперь: всѣ изобличаются въ скрытыхъ проискахъ противъ государственнаго порядка, всѣ, кромѣ бюрократіи; даже славянофилы, эти идеалисты самодержавія, признаются не болѣе, какъ тайными конституціоналистами. Земскія учрежденія прямо обвиняются въ государственномъ заговорѣ противъ верховной власти. Для усмиренія непокорныхъ элементовъ, раскрытыхъ стараніями и предусмотрительностью услужливыхъ агентовъ, требуется усиленіе надзора, постоянная диктатура власти. Немедленно такіа общественныя теченія, вызванныя приемами того же административнаго произвола, выставляются, какъ новое доказательство необходимости усиленія карательныхъ и административныхъ репрессивныхъ мѣръ. Между тѣмъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что придирчивая, притѣснительная, мелочная опека, произвольное нарушеніе общественныхъ правъ и частныхъ интересовъ всего болѣе плодотъ и размножаетъ недовольство существующими порядками и вызываетъ, наконецъ, глухое раздраженіе противъ правительственной власти, поскольку эта послѣдняя начинаетъ отождествляться съ господствующими административными распорядами. Бюрократія всюду и вездѣ отличается присущимъ ей свойствомъ непрекословнаго повиновенія приказу начальства. Когда въ странѣ, какъ у насъ, устанавливается только бюрократія и административныя власти получаютъ несоотвѣтственное значеніе, все должно быть сведено къ полной и непрекословной покорности. Всякая независимость сужденій выдается за подрывъ дисциплины, разномысліе за непокорность, оппозиція, хотя бы на законномъ основаніи, за сопротивленіе властямъ.

Положеніе становится подобнымъ тому, какъ если бы правительство укрѣпилось вооруженнымъ станомъ въ завоеванной странѣ среди непокорнаго и вражескаго племени, готоваго въ каждое данное время къ открытому возстанію. Въ видахъ обороны все приведено на военное положеніе. Полномочія правительственныхъ чиновниковъ освобождены отъ всякихъ стѣсненій и усилены до настоящаго произвола, въ ихъ руки передано право карать и миловать по усмотрѣнію; въ видахъ быстроты дѣйствій и полноты власти для необходимой расправы законъ замѣненъ административнымъ распоряженіемъ, наиболѣе населенные пункты объявлены на положеніи усиленной охраны, личность гражданъ предоставлена на произволъ начальства. Подозрительность и недовѣріе къ населенію заставляетъ накладывать запретъ на какія бы то ни было союзы и объединенія между жителями. Довѣріе оказывается только тѣмъ, кто подкупленъ и состоитъ на казенной службѣ за жалованье. Стремясь разъединять, чтобы властвовать, правительство выдѣляетъ изъ общей массы населенія отдѣльныя группы и изъ нихъ путемъ наградъ и денежныхъ выгодъ

стремится создать особые разряды охранителей, готовых неуклонно служить установленным властямъ. Изъ народной вѣры создаютъ орудіе власти, изъ просвѣщенія — обученіе покорности и техническую выучку для надобностей того же правительства.

Грустное и печальное зрѣлище представляетъ современное состояніе Россіи. Въ странѣ, гдѣ государственная власть утвердилась не путемъ революціи или переворота, гдѣ отсутствуютъ богатые и могущественные классы, склонные къ ниспроверженію существующаго строя и захвату власти, гдѣ самодержавіе покоится въ глубинѣ историческаго прошлаго и связано преданіемъ съ великими событіями народной жизни, создается положеніе, являющееся точнымъ подобіемъ имперіи Наполеона III, правительства государственнаго преступленія 2 декабря, цѣплявшагося за власть, готоваго на всякое насиліе ради интересовъ династии.

Въ государственномъ строительствѣ Россіи, осуществленномъ самодержцами и для самодержавія, все, казалось бы, должно быть создано для крѣпости правительственнаго зданія. А между тѣмъ воздвигнутое сооруженіе оказывается далеко не прочнымъ и требуетъ все новыхъ и новыхъ усилій для его поддержанія. Требуется исключительныя мѣры, нужна постоянная бдительная охрана. Государственный мечъ всегда долженъ быть обнаженъ для сокрушенія всѣхъ тайныхъ и явныхъ враговъ, таящихся въ самыхъ нѣдрахъ русской земли, и все, что даетъ малѣйшій поводъ для подозрѣній, въ чемъ кроется хотя бы зародыши предполагаемаго сопротивленія, подвергается полному искорененію. Не цѣли правосудія, не благо просвѣщенія, не удовлетвореніе мѣстныхъ пользъ и нуждъ, не служеніе духовнымъ запросамъ народа и общественнымъ идеаламъ страны, не поднятіе изъ невѣжества и нищеты народныхъ массъ, не благо Россіи составляютъ непосредственныя задачи правительства, а служеніе укрѣпленію государственной власти. Всѣ силы направлены къ этой одной высшей цѣли, предъ которой все остальное получаетъ второстепенное значеніе, — и вотъ среди развалинъ общественныхъ учреждений, обломковъ просвѣщенія и всеобщей приниженности и нищеты вырастаетъ громада государства, государство-чудище, государство-Вааль. Все должно быть принесено въ жертву одной ненасытной жаднѣ величія и могущества этого новаго кумира обожествленной правительственной власти. Кесарево должно быть полностью воздано кесарю.

Мучительно встаетъ вопросъ, не обратится ли русская земля въ пустыню, гдѣ уже не могутъ взойти слабые ростки общественной правды и справедливости, подобно тому какъ, по сказанію, не росла трава по мѣстамъ, опустошеннымъ полчищами монгольскихъ завоевателей.

Создается настоящая оргія власти, апофеозъ торжествующаго бюрократизма, руками министра финансовъ изъ народнаго достоянія собраны груды золота на милліоны и милліарды, приготовлены роскошный пиръ, открывается праздникъ, какой-то вѣчный праздникъ. Ничто не можетъ смутить и нарушить побѣднаго торжества всесильной бюрократіи. Если есть недовольные, то это пессимисты, лжелибералы, люди, чуждые народнаго духа, зараженные вѣніями

великой лжи западных учений, тайные или явные конституціоналисты, завистники и враги русских народных началъ народа. Чтобы заставить ихъ молчать, установлена цензурная охрана, противъ предполагаемыхъ тайныхъ враговъ выдвинуты административныя стѣсненія, гнетъ взысканій и карательныхъ мѣръ, противъ явныхъ супротивниковъ департаментъ полиціи съ его гласнымъ и негласнымъ надзоромъ, тюрьмою и Сибирью.

Внутри страны образуются какъ бы два лагеря — властвующие и подвластные, гонители и гонимые. Гонимо все то, что было насаждено въ Россіи въ шестидесятихъ годахъ, свободолюбивый духъ великихъ реформъ. Онъ преслѣдуемъ и гонимъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ — въ ученыхъ и литературныхъ обществахъ, частныхъ кружкахъ, въ общественныхъ земскихъ и городскихъ собраніяхъ, въ учебныхъ заведеніяхъ и школахъ. Противъ него двинуты всѣ средства торжествующей реакціи — обманъ, клевета, самыя тяжкія обвиненія въ измѣнѣ своему народу и своей родинѣ, противъ него поставлены на ноги всѣ силы воинствующей бюрократіи.

Великія преобразованія первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра II внесли въ строй русской жизни новыя начала, чуждыя дореформенной Россіи. Современнымъ дѣятелямъ, людямъ повсѣдневныхъ практическихъ задачъ и хозяйственныхъ расчетовъ, для которыхъ великихъ событій нѣтъ, потому что утрачено ихъ пониманіе, хотѣлось бы свести все значеніе шестидесятихъ годовъ къ болѣе или менѣе удачнымъ и болѣе или менѣе своевременнымъ реформамъ разныхъ отраслей государственнаго управленія; по ихъ воззрѣнію, манифестъ 19 февраля, послѣдовавшее затѣмъ введеніе гласнаго общественнаго суда, земскаго и городского самоуправленія и всеобщей воинской повинности привели къ облегченію участи крѣпостнаго населенія, улучшеніямъ въ мѣстномъ хозяйственномъ управленіи, усовершенствованіямъ въ судопроизводствѣ и отбываніи военной службы, но отъ ихъ притупленныхъ взоровъ, отвыкшихъ различать въ сумеркахъ нашего будничнаго времени что-либо значительное, ускользаетъ, что совершилось нѣчто гораздо большее, невѣдомое раньше, — созданъ народъ, свободный отъ крѣпостной неволи, Россія, свободная отъ гнета такой же крѣпостной зависимости государству.

Весь строй николаевскаго царства держался на основахъ кабальныхъ отношеній подданныхъ къ правительству; крѣпостное право было краеугольнымъ камнемъ этого государственнаго зданія всеобщаго порабощенія. Не одно крестьянское населеніе, но и другіе классы русскаго общества были подчинены суровому гнету правительственныхъ властей. Вся жизнь во всѣхъ ея мелочахъ была подавлена казенной опекой. Могла дѣйствовать и проявлять себя только официальная Россія — издавать повелѣнія, начальствовать, распоряжаться, водворять судъ и расправу въ крѣпостной деревнѣ. Русскіе люди обречены были выполнять работу, отправлять разныя повинности, нести службу и даже мыслить по приказу начальства для поддержанія въ должномъ порядкѣ огромныхъ зданій правительственной казармы. Государство было подобно военной командѣ, гдѣ императоръ являлся командиромъ своихъ подданныхъ. Свобод-

ной Россіи не было, она принуждена была таиться въ тѣсныхъ столичныхъ кружкахъ, подобно тому, какъ крѣпостные крестьяне спасались отъ неволи въ бѣгахъ въ глуши непроходимыхъ лѣсовъ.

Когда севастопольскій погромъ нанесъ тяжкое пораженіе официальной Россіи, привелъ къ полному разстройству команду, державшую въ порабоженіи страну, и подъ внѣшнимъ блескомъ раскрылъ всю внутреннюю гниль николаевского царства, стало ясно, что не частичныя улучшенія, но коренная перестройка всѣхъ основаній государства можетъ излѣчить глубокія язвы Россіи.

Непререкаемый авторитетъ правительственной власти былъ поколебленъ, утратилъ свое обаяніе надъ умами людей и палъ среди развалинъ пылающаго Севастополя. Крымскій погромъ не былъ внѣшней неудачей, пораженіемъ военного могущества имперіи, — это было пораженіе всѣхъ основъ той правительственной системы, которая въ теченіе тридцати лѣтъ тяготѣла надъ Россіей, стремясь „къ упраздненію жизни и духа великой страны“.

Весь внутренний смыслъ, вся сущность николаевского царства потерпѣли крушеніе. Утратилось то, что служить невидимой опорой господства внѣшней силы, — всеобщее признаніе и основанное на довѣріи вѣра въ себя.

Взаимныя отношенія между властью и подданными уже не могли болѣе оставаться прежними кабальными отношеніями, слагались иныя воззрѣнія, новые идеалы, получившіе власть надъ умами людей, болѣе могущественную, чѣмъ власть царей и правителей. Совершились великія преобразованія. За освобожденіемъ крестьянъ послѣдовало введеніе мѣстнаго самоуправленія, судебныхъ уставовъ, закона о печати, всеобщей воинской повинности. Связь между этими законодательными актами не случайная, не только по времени, но внутренняя, причинная, нравственная.

Крѣпостное право заключало въ себѣ полномочія государственнаго властвованія, основанныя на рабствѣ людей, но тѣ же начала порабоженія личности проникали и въ дореформенные суды и во все дореформенное управленіе. Великій актъ 19 февраля явился торжественнымъ признаніемъ всей нравственной неправды тѣхъ кабальныхъ началъ, на которыхъ держался строй николаевского царства. Ограничиться одной отмѣной крѣпостной зависимости, сохраняя неприкосновенными суды и управленіе на прежнихъ основаніяхъ, уже осужденныхъ и отвергнутыхъ, было невозможно, — это было-бы не освобожденіемъ русскаго народа, но лишь перемѣщеніемъ власти изъ рукъ помѣщиковъ въ руки полновластныхъ и безотвѣтственныхъ правительственныхъ чиновниковъ. Раскрѣпощенія ждала вся Россія. Новыя вѣянія были такъ сильны, такъ могучъ былъ подъемъ общественнаго духа, въ немъ было столько внутренней правды, что правительство принуждено было уступить и собственными руками наложить на себя ограниченія. Раскрылись тяжелые засовы николаевской крѣпости и изъ тайниковъ были выпущены народныя толпы на волю. Печать безмолвія и безропотной покорности была снята.

Въ преобразованныхъ судахъ, въ мѣстномъ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, въ наукѣ и литературѣ, освобожденныхъ отъ тисковъ цензурнаго надзора, открылось поприще для приложенія

общественныхъ силъ. Впервые явилась возможность русскому человеку выступить и проявить себя, какъ независимому общественному дѣятелю, а не приказному дореформенныхъ присутственныхъ мѣстъ. Во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ отправленіе суда, работа на пользу мѣстнаго населенія были предоставлены свободному творчеству и рѣшенію независимыхъ людей, дѣйствующихъ не изъ страха и по приказу начальства, а изъ побужденій своей совѣсти, изъ сознанія своей нравственной отвѣтственности передъ обществомъ. Впервые общее, государственное дѣло было выведено изъ наглухо закрытыхъ канцелярій, гдѣ оно скрытно творилось подъ надзоромъ и присмотромъ правительственныхъ чиновниковъ и выступило передъ взорами всѣхъ, какъ дѣло правды, покоряющее себѣ людей не безсознательнымъ, смутнымъ и грознымъ авторитетомъ власти, но началами явной справедливости, своей внутренней правотой.

Преобразованиемъ Александра II вытекали изъ лучшихъ сторонъ человеческой личности, основывались на довѣріи къ нравственнымъ свойствамъ и качествамъ духовнымъ русскаго народа. Обновленіе Россіи совершалось какъ бы чудомъ, — изъ старой, казенной она обращалась въ новую, свободную страну. Великія идеи перерождали, творили новыхъ людей.

Старыхъ николаевскихъ служакъ они передѣлывали въ искреннихъ поборниковъ освободительныхъ началъ, чиновниковъ въ настоящихъ государственныхъ людей, умѣвшихъ понимать народныя задачи, а не одинъ казенный интересъ, на мѣстахъ нашлись, работники, ревностные исполнители великихъ законодательныхъ мѣръ. Наплывъ новыхъ идей приводилъ къ высокому подъему нравственныхъ силъ. Бывшій владѣлецъ крѣпостныхъ душъ и бывший крѣпостной преобразились въ гражданъ, равноправныхъ передъ судомъ, дружныхъ и дѣятельныхъ участниковъ одного общаго, земскаго дѣла.

Сложилось свободное русское общество, непохожее на прежнія безропотныя и безмолвныя толпы. Общество стало жить своими запросами, своими идеями и интересами, отдѣльными отъ казенныхъ интересовъ государства. Старые кабальные порядки стали находить себѣ самыхъ ожесточенныхъ противниковъ и въ средѣ людей, порожденныхъ вѣяніями освободительной эпохи. Несомнѣнно въ странѣ появился зародышъ новой силы, складывалось какъ-бы новое государство въ старомъ государствѣ. Отнынѣ съ ними, съ этими скрытыми таинственными силами, придется считаться, ихъ можно временно подавлять, тѣснить, принижать ихъ естественный ростъ, но вычеркнуть ихъ со страницъ грядущей русской исторіи невозможно. Могутъ наступать времена объединенія и союза верховной власти съ внутренними, живыми силами страны, высокаго нравственнаго подъема или, напротивъ, періоды разлада, упадка и смуты, но уже никогда правительство не можетъ стать единственнымъ и полновластнымъ хозяиномъ въ странѣ, — рядомъ съ нимъ появился уже нѣкто другой, — опасный соперникъ или могущественный другъ.

Но люди стараго порядка не были еще окончательно сломлены, — они принуждены были уступить передъ властнымъ напоромъ новыхъ идей, но они были еще сильны, верховное правительство страны было въ ихъ рукахъ. Какъ только стало чувствоваться народное рожденіе какойто

новой силы въ русскомъ обществѣ, какъ только правительство начало смутно сознать, что раскрѣпощеніе населенія можетъ повести за собою полное освобожденіе отъ гнета бюрократическаго государства, тотчасъ-же на этомъ пути стали развиваться недовѣріе и подозрительность къ общественнымъ теченіямъ. Первые признаки появились еще въ царствованіе императора Александра II.¹ Однако, въ послѣдніе годы жизни Государя, въ короткое время правленія гр. Лорисъ-Меликова правительство рѣшилось вступить на путь признанія и примиренія. Событіе 1 марта не дало возможности осуществиться готовившимся преобразованіямъ. Трагическая смерть государя, царствованіе котораго началось такимъ высокимъ подъемомъ нравственныхъ силъ страны и завершилось столь ужаснымъ концомъ, привела къ тяжелымъ разочарованіямъ. Казалось, была потеряна вѣра въ людей, послѣдовали времена упадка общественнаго духа и всеобщаго унынія. Въ этой ужасной трагедіи русской жизни, которая еще ждетъ безпристрастнаго суда исторіи, люди, глубоко ненавидѣвшіе всѣ великія начинанія императора Александра II, увидѣли только самый сильный доводъ въ пользу отверженія всего, что было создано въ освободительную эпоху. Всѣ ихъ усилія были направлены на то, чтобы сломить, уничтожить не только революціонные элементы, но разрушить и тѣ свободныя общественныя силы, которыя начали возникать въ Россіи подѣ дѣйствіемъ великихъ преобразованій предшествующаго царствованія. Отсюда ненависть и преслѣдованія малѣйшей тѣни оппозиціи въ земствѣ, въ судахъ, въ печати, въ общественномъ мнѣніи. Стремились какъ бы водворить тотъ патріархальный бытъ прошлаго времени, со всѣмъ его укладомъ, съ безпрекословнымъ преклоненіемъ передъ авторитетомъ власти. Населеніе должно было обратиться въ переднюю толпу, безропотную, покорную, несущую государственное тягло, поставляющую солдатъ и чиновниковъ на службу правительства. Вновь воскресли идеалы кабальнаго царства.

Но подѣ покровомъ внѣшней тишины совершалась медленная культурная работа. Начался стихійный культурный ростъ народа, незримый для глаза. Каждая школа въ глухомъ захолустѣ, всякое просвѣтительное общество, каждый выпускъ изъ учебныхъ заведеній являлись все новыми и новыми разсадниками знанія. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ, ростъ городовъ, открытіе фабрикъ и заводовъ оказались могучими прогонщиками въ народныя массы тѣхъ-же самыхъ началъ, которыя хранились раньше въ однихъ верхнихъ слояхъ населенія. Запросы образованнаго общества стали распространяться въ ширь и въ глубь. Просвѣщеніе мало-по-малу разлилось въ странѣ и постепенно ведетъ къ созданію въ народѣ болѣе развитой личности, сознательной и мыслящей. Развитой человѣкъ уже не можетъ оставаться стомилліонной податной единицей, его нельзя обратить въ казенную вещь. Зрѣютъ и создаются дорогіе интересы, интересы личности, столь же священные, какъ вѣра и народность. По мѣрѣ культурнаго роста страны люди начинаютъ чувствовать и мыслить уже не про себя, а сознать себя въ народныхъ массахъ. Такъ

¹ Авторъ болѣе, чѣмъ недостаточно, оцѣниваетъ силу и значеніе реакціонныхъ силъ, дѣйствовавшихъ во все время царствованія Александра II до эры Лорисъ-Меликова. Въ сущности царствованіе Александра III есть столько же «черный переѣздъ» реформъ Александра II, сколько смѣлое и послѣдовательное продолженіе Александровской реакціи 1863—1880 гг. П. С.

глубоко въ тайникахъ, въ самыхъ нѣдрахъ земли зрѣютъ и крѣпнутъ большія народныя силы. Зрѣетъ то, что называется націей.

Пробилъ ли часъ, въ который на арену всемірной исторіи выступитъ Россія, не какъ императорское правительство, но какъ государство русскаго народа, сокрыто отъ взоровъ современниковъ. Несомнѣнно одно, что правительственная власть преградила дорогу историческому развитію Россіи. Ведется ожесточенная, ужасная борьба противъ всѣхъ культурныхъ силъ страны, борьба, носящая тѣмъ болѣе насильственный характеръ, что правительству приходится отбирать уже ранѣе дарованныя права, урѣзывать и ограничивать прежнія, болѣе широкія полномочія. У населенія едва сложилась привязанность къ выборнымъ учрежденіямъ, развилась преданность общественнымъ началамъ, какъ уже подымаются гоненія и преслѣдованія за тѣ чувства и настроенія, которыя были насаждены реформами самого же правительства. Такими мѣрами въ ряды противниковъ и враговъ существующаго строя неизбѣжно толкаются люди, не склонные къ протесту и даже преданные по глубокому убѣжденію самодержавной власти, но одновременно одинаково преданные и служенію общественной правдѣ. Передъ ними ставится роковой выборъ — или склоняться передъ силой несправедливыхъ требованій или слѣдовать своей совѣсти и тогда считаться врагами государства. Власть, простирающая свои притязанія до полного отреченія отъ убѣждений, перестаетъ внушать къ себѣ любовь и довѣріе подданныхъ, она привлекаетъ только рабскую покорность изъ страха или ненависть, доходящую до фанатизма.

Такое правительство можетъ держаться только насиліемъ и вѣчной угрозой. На нашихъ глазахъ происходитъ многолѣтняя казнь русскаго общества, и только тѣ, кто не привыкъ вдумчиво относиться ко всему окружающему, могутъ не замѣчать, что совершается во-кругъ нихъ.

Людямъ, выступившимъ на общественное поприще, въ земскихъ ли собраніяхъ, городскихъ думахъ или избравшихъ журнальную, литературную дѣятельность, приходится быть всегда настоящимъ, вѣчно опасаться за свою участь, мириться со всею окружающею неправдой, со всѣмъ несправедливымъ, притѣснительнымъ отношеніемъ правительства къ проявленіямъ общественной дѣятельности, приходится безмолвно и безропотно покоряться постояннымъ насильственнымъ ломкамъ изъ страха неминуемой кары, грозящей не только имъ самимъ, но и бережно охраняемому ими общественному дѣлу.

Сколько униженій, замалчиваній перенесено, чтобы добиться хотя бы временной отсрочки еще большихъ стѣсненій и насилій!

Одно вступленіе въ ряды общественныхъ; журнальныхъ или ученыхъ дѣятелей ставитъ уже въ положеніе людей какъ-бы низшаго разряда и даетъ право на оскорбительное обращеніе со стороны представителей правительственной власти. Снисхожденіе и благосклонность можно заслужить лишь униженностью и отказомъ отъ самого себя. Развѣ эти душевныя состоянія, черезъ которыя проходятъ тысячи русскихъ общественныхъ дѣятелей, не настоящая нравственная пытка? Сказать искреннее убѣжденное слово въ общественномъ собраніи опасно, рѣчь о свободѣ совѣсти внушаетъ подозрѣніе, по-

ричаніе дѣйствій начальства ставить въ разрядъ людей, вредныхъ для правительства. А вызвать неудовольствіе и подозрѣніе властей это значить, по меньшей мѣрѣ, быть лишеннымъ права выступать на поприще какой-либо общественной дѣятельности, грозитъ не только неутвержденіемъ въ какихъ-либо должностяхъ, но и въ качествѣ хотя бы попечителя школы или сельской библіотеки. Двери общественной работы разъ навсегда закрыты.

Огражденіемъ отъ притѣсненій до нѣкоторой степени можетъ еще служить знатность положенія или большія матеріальныя средства. Въ данномъ случаѣ правительственныя власти полагаются на то, что путы родственныхъ связей и крупныхъ денежныхъ доходовъ исполняютъ въ достаточной мѣрѣ роль полицейскаго надзора и служатъ гарантіей противъ проявленія вреднаго направленія. Но въ другихъ слояхъ населенія личность уже болѣе ничѣмъ не ограждена отъ насилія и самой грубой расправы. Малѣйшая огласка, происходящая изъ уѣздныхъ сплетенъ и пересудовъ, ставитъ въ положеніе жандармы, производится внезапный, ночной обыскъ. Малѣйшій поводъ, нахожденіе какой-либо запрещенной книжки является достаточнымъ основаніемъ для ареста, заключенія въ тюрьму и высылки. Накрыта какая-нибудь частная переписка съ лицомъ, политически скомпрометированнымъ — и человекъ схваченъ, увезенъ по обвиненію въ неизвѣстномъ преступленіи, въ которомъ нѣтъ возможности оправдаться, такъ какъ весь обвинительный актъ есть секретъ жандармскихъ доносовъ. Достаточно, чтобы у несовершеннолѣтняго ученика нашли какую-либо брошюру заграничнаго изданія, — и его жизнь вся разбита: онъ не только подлежитъ исключенію изъ учебнаго заведенія, но для полученія какого-либо мѣста даже на частной службѣ требуется разрѣшеніе начальства, которое дается по особому снисхожденію. Какой-либо гласный земскаго собранія позволить себѣ держаться самостоятельно и высказывать открыто что-либо непріятное начальнику губерніи — и тотчасъ же начинается докучливое притѣсненіе и достаточно ничтожнаго предлога, чтобы надъ нимъ былъ установленъ полицейскій надзоръ съ лишеніемъ гражданскихъ правъ, правъ общественной службы и даже частной дѣятельности, необходимой для добыванія средствъ къ существованію. Для людей, взятыхъ подъ надзоръ полиціи, запрещено все — право передвиженія, право общенія съ другими, даже право заработка. Такія мѣры уже теряютъ характеръ наказанія, а становятся настоящими преслѣдованіями изъ личной мести. Изъ столицъ высылаютъ не только за участіе въ уличныхъ демонстраціяхъ, но за одну подпись бумаги, гдѣ излагаются происшествія, которыхъ данное лицо было очевидцемъ. Гоненія на вольно-экономическое общество, закрытіе комитетовъ грамотности, запрещенія публичныхъ лекцій, курсовъ для учителей — всѣ эти преслѣдованія общественной и частной самодѣятельности во всѣхъ ея проявленіяхъ сдѣлались обычными въ современной русской жизни. На публичныхъ собраніяхъ всѣ находятся въ тревогѣ, какъ-бы кто не проговорился, не выговорилъ правдиваго слова, которое всѣ чувствуютъ, но глупо затаили внутри себя. Вездѣ есть уши, чтобы слышать, вездѣ

сыщники, чтобы доносить: и среди учащейся молодежи, и среди офицеровъ, въ войскахъ, въ клубахъ, общественныхъ собраніяхъ и даже въ залахъ дворца. Воздухъ, которымъ дышетъ русское общество, пропитанъ ядомъ подозрительности и страха. Такое состояніе вѣчной боязни приводитъ къ подавленнымъ, удрученнымъ настроеніямъ. Сотни и тысячи семей дрожатъ за участь своихъ дѣтей, друзей, знакомыхъ. Попался тотъ, другой, третій, — за что, уже не спрашиваютъ, — точно это неизбежная участь каждаго; какая-то ужасная лотерея, гдѣ выручаетъ одинъ слѣпой случай. Уже въ тюрьмахъ не хватаетъ мѣстъ для всѣхъ заключенныхъ, уже тысячи и десятки тысячъ находятся въ ссылкѣ, подъ гласнымъ и негласнымъ надзоромъ полиціи. Люди всѣхъ званій, всѣхъ возрастовъ — и старики, и несовершеннолѣтніе дѣти, и молодые дѣвушки, и женщины, и чиновники, и военные, и крестьяне, и рабочіе. И надъ всѣмъ этимъ изо дня въ день совершаемымъ насиліемъ накрытъ покровъ непроницаемой тайны. Пройдитесь по тюрьмамъ, взгляните на заключенныхъ, на полудѣтей, посаженныхъ за желѣзные рѣшетки, вдумайтесь въ положеніе отцовъ и матерей, замученныхъ въ лицѣ ихъ сыновей, переживите то положеніе, когда сына или дочь, воспитанныхъ съ заботливымъ чувствомъ семейной привязанности, бросаютъ избитыми въ тюремное заключеніе, взгляните на то, какъ малолѣтнихъ отправляютъ въ ссылку прямо со школьной скамьи, прочувствуйте, что должны чувствовать тысячи людей, когда ихъ вынуждаютъ угрозой совершать поступки низкіе, отказываться отъ всякаго человѣческаго достоинства и покоряться несправедливымъ притѣсненіямъ, затанвъ внутри себя всю горечь униженія, поймите то положеніе, при которомъ приходится жить изо дня въ день, сознавая себя отданными во власть безотвѣстныхъ жандармовъ. Прочувствуйте это и скажите: общество, которое не годы, а десятки лѣтъ влачитъ такое существованіе, — живо-ли оно или уже перестало жить?

Наступило то, что такъ характерно называется на русскомъ языкѣ словомъ: безвременье. Дѣйствительно, дни идутъ за днями, однообразные, одинъ, какъ другой, безъ всякаго значенія и внутренняго смысла для человѣка. Есть календарные недѣли, мѣсяцы, годы, но нѣтъ времени. Правда стала страшна для русскаго человѣка, онъ боится признаться въ ней даже наединѣ съ самимъ собой. Нельзя принимать за выраженіе искреннихъ убѣжденій огульные обвиненія всего и всѣхъ, столь обычныя у русскихъ людей въ пріятельской бесѣдѣ. Напротивъ, эти постоянныя насмѣшки есть не болѣе, какъ признакъ нежеланія глубоко вдуматься въ окружающія явленія, это свидѣтельство лишь легкомыслія, которымъ хотятъ какъ бы отдѣлаться отъ жгучихъ вопросовъ, требующихъ серьезнаго и вдумчиваго отношенія.

Правды же русскій человѣкъ принужденъ бѣжать и бояться, правда способна раскрыть ему такую глубину общественнаго и государственнаго паденія, въ которой признаться самому себѣ слишкомъ страшно. Признаться — значить потерять спокойствіе, быть вынужденнымъ на такіе поступки и дѣйствія, которые могутъ завести слишкомъ далеко. Насъ, русскихъ, обвиняютъ постоянно и всегда въ отсутствіи гражданскаго мужества, въ отсутствіи людей. Но тамъ, гдѣ

для осуществленія самой простой, самой скромной частицы своихъ убѣждений приходится рисковать чуть-ли не всей будущностью своей дѣятельности, а, быть можетъ, и личной свободой, тамъ не можетъ проявлять себя полностью и цѣликомъ человѣческая личность. Русскому человѣку приходится или всегда молчать или дѣйствовать, всѣмъ жертвуя и ни на что не надѣясь; онъ останется всегда одинъ, будетъ всѣми преданъ и выданъ. При такихъ условіяхъ приходится, напротивъ, сплошь и рядомъ удивляться той поразительной живучести и мужеству, которыя проявляетъ русскій человѣкъ, борящійся со всѣми окружающими невзгодами, въ глуши, никому неизвѣстный, изъ одного сознанія правоты своего дѣла и при полной безнадежности видѣть когда-либо благопріятный исходъ, торжество своихъ начинаній. Весь запасъ энергіи и воли уходитъ на мелочи, на борьбу съ маленькими, докучливыми притѣснителями, — въ яркомъ, крупномъ, цѣльномъ при данномъ положеніи выразиться нельзя. Гдѣ же можетъ проявить себя русскій человѣкъ во всей своей полнотѣ, во всей силѣ, во всей глубинѣ своихъ убѣждений? Въ печатномъ словѣ выразиться нельзя, въ общественныхъ собраніяхъ тоже, въ церкви и того менѣе. Въ кабальномъ царствѣ, гдѣ можно дѣйствовать только по уполномочію вышнихъ, въ ихъ интересахъ и въ ихъ взглядахъ, гдѣ проявляетъ себя во всей своей неограниченности только власть, тамъ личности нѣтъ, тамъ есть только тѣни.

У насъ есть толпа, есть скопища, но нѣтъ личности человѣка. Для того, чтобы она могла проявиться, нужно прежде всего создать и человѣческія условія. Въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ люди не появлялись по той простой причинѣ, что тамъ не было мѣста для лучшихъ, нравственныхъ сторонъ человѣческой природы. Но, какъ только совершились преобразованія, такъ тотчасъ же явились и люди; типы старыхъ подъячихъ сразу исчезли, потому что не могли болѣе существовать при новыхъ порядкахъ, а, напротивъ, открылся просторъ для разумныхъ, справедливыхъ и честныхъ свойствъ человѣческой личности.

Какъ ни странно кажется это въ нашъ матеріальный вѣкъ, когда въ государственныхъ дѣлахъ возобладала политика „трезваго реализма“, а въ частной жизни погоня за практическими расчетами, — тѣмъ не менѣе евангельская истина, что не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ божіихъ, и донинѣ, несмотря на весь государственный и общественный развратъ, остается непреложной истиной не только въ примѣненіи къ отдѣльной человѣческой личности, но и къ союзамъ, обществу и государству. Отвергнуть это положеніе, какъ „нашъ возвышающій обманъ“, какъ идеализмъ, мѣшающій жить, значитъ впасть въ грубѣйшую ошибку. Государство не есть одинъ внѣшній порядокъ, искусно составленная система, но живой организмъ, живое тѣло, чувствующее, мыслящее, радующееся, страдающее, развивающееся и болѣющее, имѣющее свою физическую и духовную природу. Такое тѣло въ государствѣ составляетъ народная личность, съ ея полными запросами не мертвого, но живого существа. Государство такъ же, какъ и человѣкъ, живетъ въ обстановкѣ, конечно, земной, а не небесной жизни. Для него имѣются на лицо всѣ тѣ же неизбѣжныя условія матеріаль-

наго существованія, но не ими одними опредѣляются всѣ правила государственной политики. Руководясь только закономъ внѣшняго господства, можно привести народъ къ полному упадку духовныхъ, а отсюда и матеріальныхъ силъ.

Въ душу человѣка вложено сознаніе добра и зла; неугасимый огонь вѣчнаго исканія правды незримо руководить людьми и народами, неустанно двигая ихъ впередъ, несмотря на испытанія и тяжкія паденія. Правда должна твориться не для себя, а для близкихъ, для всего народа, для государства. Россія можетъ быть дорога не потому одному, что въ ней сто двадцать милліоновъ подданныхъ, что владѣнія ея охватываютъ моря и земли въ полміра, что ея войска въ милліонъ штыковъ способны пріобрѣсти подъ скипетръ російскаго императора новыя земли и новыхъ подданныхъ, — Россію можно любить другимъ чувствомъ, не менѣе страстною, горячею и пламенною любовью, любить, какъ государство русскаго народа, созданіе вѣковъ усилій, тяжкихъ жертвъ, страданій и крови русскихъ людей — родину, гдѣ должны осуществиться добро и правда такъ, какъ можетъ и долженъ ихъ осуществить русскій народъ. Для истинной жизни верховной власти нужны нравственные начала, которыя служили-бы основаніемъ для единенія и союза съ живыми духовными силами народа.

Если бы власть государства держалась не на авторитетѣ нравственномъ, а на силѣ штыковъ и вооруженныхъ жандармовъ, если бы она опиралась только сама на себя, дѣйствуя угрозою и страхомъ, то исчезла бы всякая тѣнь различія между ея господствомъ и иноземнымъ игомъ. Развѣ чужеземные завоеватели не могли-бы установить образцовый внѣшній порядокъ, быть можетъ, болѣе совершенный, чѣмъ прежній, облегчить тяжесть податей и повинностей, предоста-вить еще большія матеріальныя выгоды и преимущества? Если же люди для защиты отъ непріятельскаго нашествія готовы жертвовать своею жизнью, значить для нихъ въ своемъ государствѣ есть что-то болѣе дорогое, чѣмъ одни матеріальныя выгоды и удобства внѣшняго порядка, значить что-либо другое, а не одинъ страхъ передъ грозной силой заставляетъ ихъ покоряться правительству. Это нѣчто другое есть та частица своего, личнаго, своихъ нравственныхъ запросовъ и своихъ идеаловъ, которая осуществляется въ дѣянiяхъ государственной власти.

Тяжкія времена наступаютъ въ исторической судьбѣ страны, когда государственная власть сама обрекаетъ себя на рознь и отчужденіе, когда правда и справедливость бѣгутъ изъ торжественныхъ засѣданій верховнаго правительства и обращаются въ одни несбыточные мечты, отвергнутый и погранный идеаль.

Законодательные акты, помимо ихъ практическихъ задачъ, заключаютъ въ себѣ ту какъ-бы признанную закономъ правду, которая немедленно начинается осуществляться не въ одномъ только дѣловомъ отношеніи, но и въ чувствахъ и настроеніяхъ людей. Если въ дѣянiяхъ правительства скрываются несправедливыя, корыстныя, жестокія и подозрительныя начала, если официальная правда расходится съ правдой общественной, тотчасъ-же этотъ скрытый ядъ, замкнутый въ законодательный актъ, начинаетъ распространяться въ общественной

средѣ настоящую нравственную заразу. То преклоненіе передъ грубой силой власти, полное презрѣніе къ человѣческой личности и недовѣріе къ нравственнымъ свойствамъ русскаго народа, которыми насквозь, пропитаны законодательные акты и все внутреннее управленіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, внесли съ собою страшное зло общественнаго разложенія.

Начавъ борьбу съ свободными общественными силами Россіи, правительственная власть въ условіяхъ нашего времени принуждена была пойти гораздо дальше, чѣмъ даже въ царствованіе императора Николая I.

Тогда примѣнялся только гнѣтъ, теперь, кромѣ гнета, выдвинуто и другое орудіе порабощенія — общественный подкупъ. Правительство разжигаетъ, поощряетъ и поддерживаетъ всѣ низменные инстинкты людей безъ стыда, безъ какихъ-либо нравственныхъ укоровъ. Лучшія человѣческія стороны стерлись, а, напротивъ, худшія выступили во всей своей наготѣ наружу.

До чего можетъ доходить у современнаго правительства презрѣніе къ личности, граничащее съ прямымъ издѣвательствомъ, нагляднымъ примѣромъ можетъ служить изданіе временныхъ правилъ объ отбываніи воинской повинности студентами. Вопреки основному закону, въ нарушеніе всѣхъ гражданскихъ правъ издается за подписью нѣсколькихъ министровъ особый высочайшій указъ, по которому студенты безъ суда, а однимъ распоряженіемъ административной власти отдаются въ солдаты за участіе въ беспорядкахъ, при чемъ хотя-бы единственные сыновья у родителей, хотя-бы несовершеннолѣтніе, физически неспособные, хромые, чахоточные, всѣ подлежатъ той же участи — отбыванію воинской повинности, въ качествѣ рядовыхъ въ строю или нестроевыхъ чиновъ. Полная беззащитность, отсутствіе всякихъ сдержекъ и нравственныхъ уздъ даетъ правительству увѣренность, что можно все, рѣшительно все себѣ позволить.

Внезапная приостановка выборовъ гласныхъ въ петербургскую думу является такимъ-же глумленіемъ надъ публичными правами городского самоуправленія, показывающимъ всю полноту презрѣнія къ общественному мнѣнію.

Исторія разрушенія финляндскаго правового порядка служить подтвержденіемъ того же направленія правящихъ сферъ. Въ Финляндіи внутренній миръ нарушенъ, два генерала съ нѣсколькими чиновниками посланы учинить расправу съ насиліемъ. Подъ самой столицей создали вторую Польшу и все это ради ненасытной жажды власти, какого-то безумія неограниченности своего повелѣнія.

Интересовъ русскаго государства во всемъ этомъ не существуетъ, Россія все потеряла. Ради охраны столицы отъ возможнаго въ каждый данный моментъ открытаго возмущенія на границѣ необходимо держать едва-ли не сто тысячъ лишнихъ русскихъ солдатъ, жертвовать и людьми, и деньгами ради того только, чтобы самовластіе правительства торжествовало неоспоримо.

При такихъ порядкахъ люди исчезли, скрылись, ихъ нѣтъ. Происходитъ внутренняя эмиграція, — человѣкъ спѣшитъ уйти, замкнуться въ частную жизнь, въ семейныя заботы, въ самого себя. — И господствующее направленіе внутренней политики могло утвер-

даться послѣ того, какъ великіе законодательные акты 60-хъ гг. уже совершили переломъ въ нашей жизни, послѣ того, какъ зародышъ уваженія къ нравственной личности, включенный въ освободительныя преобразованія, уже пустилъ ростки въ понятіяхъ русскихъ людей, добрыя сѣмена на русской почвѣ дали уже добрыя всходы!? Русскіе люди на дѣлѣ доказали, что николаевская палка не заколотила ихъ. Трудами русскаго земства создана даровая народная школа и даровое народное лѣченіе. Эти два памятника останутся навсегда непреложнымъ свидѣтельствомъ того, что люди не по приказу, а по собственному свободному побужденію сумѣли приносить жертвы и средствами, и личнымъ трудомъ для признанныхъ общихъ нуждъ народа. Сравните съ этимъ дѣятельность прусскихъ землевладѣльцевъ въ ихъ дореформенномъ мѣстномъ самоуправленіи — и русскіе люди сразу выступятъ съ своими отличительными свойствами, съ своимъ русскимъ дѣломъ. Въ Пруссіи все устраивалось къ исключительной выгодѣ землевладѣльческаго класса. Правительственная власть принуждена была вмѣшаться, чтобы ослабить путемъ реформъ 70-хъ гг. корыстныя тенденціи юнкеровъ, — у насъ правительство принимаетъ всѣ мѣры, чтобы подорвать общественныя начинанія и вселить словесную рознь, и тѣмъ не менѣе искалѣченное земство продолжаетъ идти по тому же пути общественнаго служенія. Страницы изъ исторіи многолѣтней борьбы земскихъ людей изъ-за своихъ начинаній навсегда останутся доказательствомъ развитого общественнаго духа, чуткости и воспріимчивости русскаго общества къ тѣмъ основамъ, которыми держатся всѣ человѣческіе союзы.

И именно потому, что русскимъ людямъ брошена всего горсть этихъ важнѣйшихъ въ жизни человѣка началъ, въ груди подымается такая жгучая боль, когда вырываютъ и безжалостно растаптываютъ молодые всходы, поднявшіеся изъ добрыхъ сѣмянъ общественной правды.

Есть люди, глухіе къ запросамъ совѣсти, которые не перестаютъ утверждать, что начала, вложенныя въ великія реформы Александра II, чужды духу русскаго народа, противны исторіи, географическому положенію и строю русскаго государства.

Но никакой пергаментъ старыхъ грамотъ, никакое извращенное толкованіе скрижалей исторіи, никакія степи, непроходимые лѣса и тундры, никакіе наказы и государственныя установленія не могутъ заглушить въ русскомъ народѣ порывовъ човѣчческаго сердца. Русскій народъ не особая порода безъ совѣсти и разума, не народъ мертвыхъ, но народъ живыхъ людей, — въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ онъ есть таковъ, какимъ былъ всегда: чуткій и отзывчивый къ правдѣ.

Общество, которому отказываютъ въ удовлетвореніи его нравственныхъ запросовъ, начинаетъ внутренне разлагаться. Окружающій повседневный произволъ и притѣсненія становятся явленіями заурядными, привычными, съ ними сживаются, они проникаютъ въ самые нравы и обычаи. Ежедневный опытъ привелъ къ сознанію въ полной бесполезности и бесплодности какой-либо борьбы. Трудно себя представить, гдѣ граница тѣмъ насиліямъ, которыя могли-бы оказаться даже для русскаго общества невыносимыми. 8

Покорность

доведена до настоящей низости. На все наложенъ запретъ, создается полное безучастіе къ судьбѣ ближняго, даже родныхъ, даже собственныхъ дѣтей. Всѣ должны сравняться въ общемъ угнетеніи. Въ этомъ заключается равенство для русскихъ людей. Безкорыстіе и искренность перестаютъ цѣниться въ общественной средѣ; подвергаются полупрезрительнымъ насмѣшкамъ, какъ „пустой идеализмъ“, осужденный на полную бесплодность въ жизни, какъ нѣчто, граничащее съ глупостью. Одинъ успѣхъ, добытый какимъ-бы то ни было путемъ и какимъ-бы то ни было средствомъ, встрѣчаетъ общее поклоненіе и служитъ мѣриломъ всякой дѣятельности. Выдвигаются люди съ покладистой совѣстью, люди, не имѣющие за душой ничего, кромѣ личнаго интереса. Русскіе люди тонутъ въ мутныхъ потокахъ себя-любивой, тусклой и вялой жизни.

Одинаковыя историческія условія создаютъ вездѣ одни и тѣ-же послѣдствія. Когда читаешь исторію Пруссіи во времена реакціи отъ 1814 до 1848 г., какъ будто идешь описаніе современной Россіи, — тѣ же люди, тѣ же мысли, тѣ же чувства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть въ сочиненія Берне или въ записки Штейна.

Берне, напримѣръ, пишетъ слѣдующее: „Народъ, который потому только народъ, что онъ, какъ стадо, пасется на одномъ полѣ, народъ, который боится волка и почитаетъ собаку, а когда грянетъ гроза, скорѣй прячетъ голову и терпѣливо ожидаетъ, пока минуетъ громъ; народъ, который ни во что не ставится въ ежегодныхъ итогахъ исторіи и который самъ себя не ставитъ ни во что даже тогда, когда выполнилъ какую-нибудь задачу — такой народъ можетъ быть очень добръ, хорошо прясть ленъ, быть полезнымъ въ домашнемъ хозяйствѣ, но никогда такой народъ не будетъ имѣть своей исторической драмы; — онъ всегда будетъ только хоромъ въ чужой драмѣ... никогда такой народъ не будетъ самъ героемъ.“ Въ своихъ французскихъ письмахъ онъ говоритъ: „Меня не удивляетъ, что въ Турціи существуетъ рабская низость невольниковъ, что въ Россіи нѣтъ гражданъ, а есть холопы царя, но подлость, которая насквозь пропитала все наше нѣмецкое общество, хуже, чѣмъ низость турокъ и холопство русскихъ. Въ Турціи нѣтъ университетовъ и людей за неповиновение сажаютъ на колъ, въ Россіи нѣтъ просвѣщенія, нѣтъ гражданскихъ учреждений, но въ Германіи, которая прошла въ началѣ столѣтія черезъ высокій подъемъ гражданскихъ чувствъ, гдѣ уже широко распространено образованіе и гдѣ людей не пытаются, угодливостью становится чудовищной, второй природой людей, точно люди такъ сроднились съ низкими чувствами, что они дѣлаются имъ даже пріятны, они начинаютъ низкопоклонничать изъ одного удовольствія быть прислужниками передъ сильными.“

Записки Штейна написаны такъ, какъ будто ихъ писалъ кто-либо изъ земскихъ дѣятелей въ Россіи. Его пререканія съ оберъ-президентомъ Финке и прусскимъ министерствомъ изъ-за превышенія будто-бы ландтагомъ, гдѣ Штейнъ былъ предсѣдателемъ, предѣловъ полномочій и обсужденія общегосударственныхъ вопросовъ — буквально вѣчный споръ земскихъ дѣятелей съ нашими губернаторами. Тяжелыя условія общественной дѣятельности приводили къ тѣмъ же убѣжденіямъ въ безнадежности положенія.

Вотъ слова Штейна, которыя нужно вѣчно помнить русскимъ людямъ. „Провидѣніе скрыло будущее отъ взоровъ человѣка; масса другъ друга захватывающихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ конечный результатъ, необозрима и неисчислима. Поэтому оно вложено въ грудь человѣка чувство правды и обязанности, которое должно руководить насъ во тмѣ, закрывающей отъ насъ будущее. Это чувство иногда предписываетъ намъ итти навстрѣчу даже неизбежной гибели за великое и благородное дѣло, слѣдовательно, дѣйствовать даже при полной увѣренности въ неуспѣхъ.“

Въ странѣ развивается глухое и скрытое раздраженіе. Полное отчужденіе общественной мысли отъ всякой прикосновенности къ дѣламъ государства создаетъ полную безучастность и равнодушіе къ важнѣйшимъ вопросамъ внутренней жизни. Для русскихъ людей нѣтъ отечества, — они живутъ въ немъ, какъ изгнанники, осужденные и отверженные люди. Естественное прирожденное чувство патріотизма обратилось въ какую-то скорбную привязанность къ гонимой и несчастной родинѣ, въ жалость къ русскому народу, состраданіе къ его тяжелой участи. Въ общественномъ сознаніи начинается складываться противоположеніе дѣла правительства интересамъ страны и дѣлу Россіи.

Безнадежность положенія порождаетъ скрытыя надежды на внѣшнія неудачи и пораженіе, на второй севастопольскій погромъ, который избавилъ бы Россію отъ собственнаго правительства, отъ невыносимаго гнета Петербурга. Извѣстія объ убійствѣ русскихъ министровъ были встрѣчены полнымъ молчаніемъ газетъ, кромѣ официальныхъ органовъ, въ общественной средѣ сказались или равнодушіе или едва скрытая радость.

Что-же, это — явленія, тревожныя или не стоящія никакого вниманія, а русское общество величина столь ничтожная, что ею можно всегда пренебречь, раздавить, выбросить со счетовъ наличныхъ, дѣйствительныхъ силъ Россіи?

Уже три года, какъ въ Россіи не существуетъ высшаго образованія, — нельзя же назвать, въ самомъ дѣлѣ, высшимъ образованіемъ прохожденіе курса, смѣняющееся сходками, уличными демонстраціями и побоищами, посѣщеніе лекцій, прерванное арестами, высылками и закрытіемъ университетовъ. Можно, конечно, всю вину свалить на злоумышленниковъ, подстрекающихъ молодежь, на некультурность русскаго общества. Но для тѣхъ, кто не умѣетъ смотрѣть на все только съ точки зрѣнія водворенія внѣшняго полицейскаго порядка, — не прекращающіяся студенческія волненія обнаруживаютъ глухое скрытое броженіе внутри русскаго общества. Дѣйствительно, студенты — это дѣти русскаго просвѣщеннаго общества, для нихъ вопросъ о свободѣ мысли и совѣсти, о свободѣ и неприкосновенности личности не отвлеченныя идеи, но вопросъ жизненный. Именно эта среда терпитъ наибольшій гнетъ и наибольшія гоненія за приущій ей складъ идей. Молодое поколѣніе съ дѣтства начинаетъ чувствовать въ правительствѣ своего скрытаго и безпощаднаго врага. Но внѣ стѣнъ университета люди живутъ разрозненною одинокою жизнью, подъ запоромъ, не могутъ ни сойтись, ни объединиться. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ въ силу необходимости нѣ-

сколько тысячъ человѣкъ начинаютъ жить общою жизнью, подготовляясь къ предстоящей имъ дѣятельности умственного труда, на поприсѣ которой погибло столько русскихъ людей, всѣ чувства, воспитанныя съ дѣтства, всплываютъ наружу — и достаточно малѣйшаго толчка, чтобы они проявились въ бурномъ взрывѣ. Послѣ, по окончаніи университета, они обречены на ту же затворническую, одинокую жизнь; жизнь изо дня въ день подъ замкомъ. Просвѣщеніе было и будетъ всегда самымъ страшнымъ врагомъ той абсолютной власти, которая держится на одномъ слѣпомъ повиновеніи. Одно изъ самыхъ тяжелыхъ состояній, которое приходится переживать русскимъ людямъ — это вынужденное состояніе безучастныхъ зрителей въ настоящей драмѣ университетской жизни, — видѣть и чувствовать, какъ собственныя дѣти пропадаютъ въ этой неравной борьбѣ, быть можетъ, безплодной жертвой угнетенія и насилія, и оставаться въ сторонѣ, не зная и не умѣя найти исхода. Держать въ такомъ напряженіи общественныя настроенія слишкомъ опасно. Здѣсь, въ этихъ тайникахъ, закаляется то оружіе, отливаются тѣ пули, начинаются тѣ снаряды, которые ужаснымъ взрывомъ разряжаются ввоздухъ, пропитанный мрачной и беспощадной злобой, годами скопленной въ груди тысячъ человѣческихъ существъ.

Подвергая жестокимъ преслѣдованіямъ, подавляя общественную мысль и общественную совѣсть, развращая, разъединяя, возстановляя однихъ противъ другихъ, чтобы безгранично властвовать надъ разрозненной и развращенной толпой, правительство создаетъ всѣ условія для настоящей общественной анархіи. Люди перестаютъ правильно понимать самихъ себя, свое положеніе, свои права и обязанности. Всякіе союзы, объединенія для преслѣдованія общихъ задачъ, для служенія общественному дѣлу, воспитывающіе въ обществѣ духъ взаимнаго сближенія и умѣнія дѣйствовать совокупными силами, запрещены и преслѣдуемы. Общественная мысль не можетъ получать правильнаго развитія, здороваго, разумаго, приложимаго къ дѣлу направленія. Въ то время, когда сложность современной жизни требуетъ привитыхъ, воспитанныхъ въ массахъ союзныхъ началъ, русское общество, разрозненное, разобщенное, придавленное, падаетъ въ настоящее политическое одичаніе. При такихъ условіяхъ внутренній инстинктъ борьбы за жизнь неизбежно толкаетъ къ сопротивленію и сверженію того, что давить и не даетъ возможности дальнѣйшаго развитія. При современномъ состояніи общественной среды эта борьба принимаетъ беспорядочный, анархическій характеръ. Все возвращается къ первобытному состоянію общества дикарей, гдѣ противъ насилія можетъ дѣйствовать только насиліе.

Результатомъ политическихъ гоненій является настоящее политическое сектанство со всѣми дурными и хорошими свойствами, присущими сектанству. Создается страстная готовность дѣйствовать во имя высшихъ идеаловъ отдаленнаго будущаго, желаніе полного блага, цѣликомъ, внѣ всякихъ условій, нежеланіе мириться ни съ какой неправдой, полная самоотверженность и рядомъ съ этимъ и полная нетерпимость и непримиримость съ дѣйствительностью. Но еще недавно люди, выступавшіе на борьбу съ правительствомъ, дѣйствовали небольшими группами, — это были какъ-бы офицеры безъ

арміи. Теперь впервые на улицахъ появилась толпа, и въ деревняхъ поджогами, грабежомъ и буйствомъ крестьянское населеніе заявило себя способнымъ на отирытое возмущеніе. Уже городской и сельскій людъ пересталъ жить той полусознательной жизнью лопарей и самоѣдовъ, вымирающихъ отъ недостатка заготовленной пищи, уже исчезъ и разсѣялся безотчетный страхъ передъ властью, уже слышенъ глухой и отдаленный ропотъ и на мостовыхъ раздается крикъ: „доллой самодержавіе! Звѣрь революціи не лизнулъ еще крови, но одинъ гулъ его голоса привелъ уже въ смущеніе и робость. Развѣ мы не находимся вблизи революціи, не дышемъ ея воздухомъ, не слышимъ ея голоса, не говоримъ ея словами, не чувствуемъ біенія ея пульса въ нашей крови?! И что же, спѣшите собрать новые отряды полиціи, на вербовать наемную стражу, объявить города на военномъ положеніи, усилить и сосредоточить власть! Вербуйте и подкрѣпляютъ отряды охранителей изъ священно-служителей! Но, чѣмъ болѣе станутъ надѣлять духовенство полномочіями полицейской охраны, тѣмъ скорѣй и вѣрнѣй распатаютъ и подорвутъ и безъ того слабый духовный авторитетъ ихъ надъ паствою. Напрасны и расчеты, что дворянство разъ навсегда завербовано въ разрядъ охраны.

Въ помѣстной средѣ таится скрытое, но злобное раздраженіе на самовластіе бюрократической олигархіи, а монархическая власть все болѣе и болѣе связываетъ себя неразрывными узами съ бюрократіей — этимъ удавомъ всей русской жизни. Россія повторить собою второй примѣръ Византіи, исторіи тысячелѣтняго растлѣнія государства. Уничтоживъ попытки прикосновенности къ дѣламъ государства сначала въ дворянской средѣ, затѣмъ во всесословномъ земствѣ, утвердивъ свое господство на одномъ подчиненіи изъ страха, не готовить-ли ослѣпленное правительство роковую судьбу для русской монархіи?

Отрѣшившись отъ всякой связи съ общественнымъ мнѣніемъ, правительство стало черпать свои силы изъ самого себя, среди полнаго безмолвія созданной пустыни. Безъ всякихъ нравственныхъ узъ съ русскимъ обществомъ самодержавіе какъ-бы получаетъ опору въ традиціонныхъ вѣрованіяхъ русскаго народа. До сихъ поръ все еще продолжаютъ противопоставлять образованные классы народу, выставлять, что высшіе слои заражены ненародными, нерусскими идеями, а народъ, какъ прежде, такъ и теперь, продолжаетъ видѣть въ самодержавномъ царѣ свой исконно-русскій идеалъ. Раздѣльное представленіе о народѣ, съ одной стороны, какъ простонародья, съ другой — какъ образованнаго общества, быть можетъ, и имѣло нѣкоторое основаніе въ то отдаленное время, когда просвѣщенные верхи жили замкнутыми кружками, оторванными отъ дѣйствительной жизни, обезпеченные даровымъ трудомъ крѣпостной Россіи. Но такое противоположеніе не можетъ быть вѣчно. Русскіе просвѣщенные классы уже начали сливаться съ народными массами и тамъ, гдѣ открылось поприще для приложенія ихъ силъ, несмотря на всѣ тяжелыя условія борьбы, они создали русское народное дѣло. Въ области общественной дѣятельности, въ самоуправленіи, попеченіями и трудомъ русскаго общества воздвигнуто земство со всѣми самобытными от-

личіями, присущими русскимъ людямъ, въ литературѣ русское слово и русская мысль получили міровое значеніе. Не могутъ просвѣщенные классы оставаться вѣчно отверженными, какъ-бы изгоями русской земли. Русское общество и есть русскій народъ, сознательная, мыслящая и дѣйствующая Россія. Въ рукахъ самозванныхъ толкователей русской народности пріемъ отдѣленія Россіи мыслящей отъ Россіи темныхъ народныхъ массъ послужилъ ловкимъ подложнымъ оправданіемъ вѣчныхъ преслѣдованій и вѣчныхъ гоненій. Больше того — такой раздѣлъ Россіи внутри ея самой явился основаніемъ для возведенія самодержавной власти на высоту новаго кумира, воздвигнутаго будто-бы изъ глубины мистической вѣры и народнаго духа. Создалась полная безотвѣтственность власти. Самодержавіе обратилось въ одинъ символъ безъ всякаго отношенія къ запросамъ и нуждамъ дѣйствительной жизни. Всѣ насилія, весь нравственный разрывъ съ страной объяснялись, какъ разрывъ съ отверженной Россіей и, напротивъ, какъ союзъ и единеніе съ народомъ. Но никакой народъ, если только въ немъ не замерли жизненные силы, не можетъ изъ той или другой формы государственной власти сдѣлать предметъ божескаго поклоненія. Не Россія существуетъ для самодержавія, а самодержавная власть должна существовать для Россіи. Самодержавіе можетъ быть дорого русскому народу, поскольку оно отвѣчаетъ народнымъ нуждамъ и идеаламъ. Самодержавіе есть живая власть, осуществляющая живую правду. Современная дѣйствительность, напряженная борьба народныхъ силъ не можетъ вынести окаменѣлыхъ формъ восточныхъ теократій. Служеніе народному благу во всей его полнотѣ и разнообразіи — вотъ высшій долгъ государственной власти. Не одні заботы о внѣшнемъ могуществѣ и объ охранѣ внутренняго порядка, не одни матеріальныя и практическія дѣла составляютъ удѣлъ государства — его область много шире и разнообразнѣе. Государство не есть крупное промышленное предпріятіе на подобіе желѣзнодорожнаго общества, гдѣ всѣ усилія заправилъ направлены къ извлеченію наибольшихъ выгодъ для обогащенія акціонеровъ. Искусство править государствомъ не можетъ быть сведено къ ловкому веденію дѣлъ торговыхъ предпріятій. Государство есть нѣчто большее, — оно есть могущественный оплотъ для наивозможно полнаго развитія всѣхъ не только матеріальныхъ, но и умственныхъ и духовныхъ силъ народа. Среди разброда случайныхъ мнѣній, сталкивающихся интересовъ и вздутыхъ требованій мудрость законодателя должна разгадать запросы народной совѣсти и осуществить ту общественную правду, которую надлежитъ найти и осуществить въ данное время и при данныхъ условіяхъ. Чего-либо неизмѣннаго и непоколебимаго не только въ государственномъ управленіи, но даже въ государственномъ строѣ быть не можетъ.

Исторія свидѣтельствуетъ, что то же русское самодержавіе подвергалось видоизмѣненіямъ согласно запросамъ времени и нуждамъ Россіи. Правленіе первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, избранныхъ народомъ и окруженныхъ земскими соборами и боярской думой, не походитъ на самодержавную диктатуру Петра. Царствованіе императора Николая I не подобно эпохѣ законодательныхъ реформъ импера-

тора Александра II. Между тѣмъ въ нынѣшнее царствованіе не только образъ правленія, но и порядки и систему управленія Александра III возвели какъ-бы въ догматъ вѣры, въ непоколебимый канонъ. Правительственная власть, отрѣшившись отъ первѣйшей обязанности вдумчиваго служенія нуждамъ страны, возвела себя въ предметъ собственнаго поклоненія. Такія роковыя ошибки не проходятъ даромъ, — они ведутъ къ полному разрыву и ужаснымъ потрясеніямъ. Подобно тому, какъ въ нынѣшней политикѣ союзы и соглашенія съ иностранными державами не могутъ основаться на преданіяхъ, но должны вытекать изъ дѣйствительныхъ интересовъ и потребностей государства, такъ точно и въ дѣлахъ внутренняго управленія упорство въ неизмѣнности разъ установленныхъ порядковъ есть роковое заблужденіе. Примѣръ Александра III долженъ служить назидательнымъ урокомъ въ этомъ отношеніи. Для блага Россіи государь сумѣлъ пожертвовать всѣми старыми предразсудками и вступить на вѣрный путь соглашенія съ республиканской Франціей.¹ Государственные умы самого государственнаго народа древности, Римлянъ, ясно понимали ту простую политическую истину, что въ порядкѣ правленія слѣдуетъ проводить то, что требуется положеніемъ государства, направленіемъ умовъ и духомъ согласія. Эта простая истина забыта. Прилагаются неимовѣрные усилія, чтобы, создавъ внутри страны полную общественную смуту, властвовать при помощи одной внѣшней силы. Восторжествовавшая бюрократія отвергла то, что должно составлять душу государственной власти, разорвала всѣ узы, связывающія государей съ Россіей, сокрушила то существо самодержавія, которое, по ученію славянофиловъ, обращаетъ царствованіе русскаго государя въ служеніе русскому народу въ духѣ истины. Отъ самодержавія взяли и сохранили лишь то, что требовалось политикой „трезваго реализма“, т. е. силу и сосредоточеніе правительственной власти. На нашихъ глазахъ разыгрывается настоящая разнузданность, ведущая къ насилію и порабощенію страны, разврату государственному и общественному. Все держится на насиліи и обманѣ. Ложь разлилась мутными потоками по всему лицу русской земли, проникла во всѣ взаимныя отношенія, во всѣ понятія людей. Во всемъ, всюду и всегда одинъ обманчивый обликъ, одни тайные и явные подлоги. Настоящей, мужественной, гражданской вѣрности изъ любви къ своему государству не существуетъ — есть показная, подложная преданность официальныхъ адресовъ и официальныхъ рѣчей, низкая угодливость подъ видомъ исконно-русскихъ чувствъ. То, что выставляется, какъ настоящая преданность правительственному строю внушаетъ одно лишь отвращеніе у мало-мальски нравственно безглицкихъ людей. Законы перестали быть законами, ихъ отвергаютъ какъ ненужныя, стѣснительныя для власти формальности. Общественныхъ учрежденій и общественныхъ дѣятелей нѣтъ, а есть призраки того и другого. вмѣсто православія и православной церкви существуютъ подложныя церковныя установленія и казенное духовное вѣдомство. Изъ народныхъ чувствъ, изъ историческихъ преданій создаютъ поддѣльное самодержавіе со всѣми внѣшними знаками

¹ Матнія о благотѣтельности франко-русскаго союза мы не раздѣляемъ. П. С.

почета и декорацией власти, но безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Самодержавія на дѣлѣ нѣтъ, а есть организованное расхищеніе верховной власти самовластными министрами. Малѣйшее разоблаченіе всей этой лжи, насквозь пропитавшей строй русскаго государства, есть потрясеніе основъ.

Все должно быть спрятано, все скрыто. Министры, какъ настоящіе ночные заговорщики, принуждены составлять свои предположенія и замыслы подъ покровомъ глубокой тайны. Всенародно оглашенные ихъ проекты способны были-бы привести въ настоящий трепетъ даже покорныя сердца русскихъ подданныхъ, привыкшихъ безропотно повиноваться предписаніямъ власти. Еслибы государственныя соображенія г. Витте стали извѣстны въ Россіи всему обществу, и русскіе люди могли-бы увидать, что самодержавіе есть не болѣе, какъ одно голое царство бюрократизма, то трудно сказать, какія потрясенія въ общественныхъ настроеніяхъ могли-бы вызвать эти откровенныя заявленія всесильнаго министра. А между тѣмъ записка г. Витте есть не болѣе, какъ изложеніе основаній всей дѣйствующей правительственной системы. Для поддержанія существующаго строя собраны огромныя матеріальныя средства, сдѣлано все, что можетъ упрочить внѣшнюю силу и могущество государства. Создается, по выраженію Герцена, настоящее царство Чингисхана, снабженное всѣми новѣйшими изобрѣтеніями техники и прикладныхъ знаний. Казалось-бы, эта могущественная имперія съ столь сильной, сосредоточенной правительственной властью, снабженная всѣми матеріальными силами войска, флота, усовершенствованной полиціей и бюрократіей среди покорнаго народа, должна-бы быть несокрушимымъ государствомъ, а между тѣмъ происходитъ нѣчто такое, что было во Франціи во времена второй Имперіи. Правительство Наполеона III, сильное якобы довѣріемъ народныхъ массъ, плебисцитомъ въ нѣсколько милліоновъ голосовъ, славное побѣдами своихъ войскъ, богатствомъ Франціи и блескомъ международнаго положенія — эта могущественная имперія дрожала отъ рѣчи Гамбетты, отъ памфлета Рошфора, отъ демонстраціи при погребеніи журналиста Нуара. Нѣчто подобное происходитъ и у насъ. Все страшно, все внушаетъ опасенія. Правдивое слово на земскомъ собраніи, газетная статья, искренняя рѣчь — опасны; студенческія волненія, стачки и беспорядки рабочихъ, буйство уличной толпы — все это представляетъ угрожающія явленія. Тотчасъ проявляется полная растерянность власти, какой-то испугъ, какъ у людей, завладѣвшихъ богатствомъ нечестными средствами и готовыхъ итти на все, лишь-бы не разоблачился совершенный ими обманъ. Въ Москвѣ распоряженіемъ оберполицеймейстера проводятся мѣры социализма и „Московскія Вѣдомости“ начинаютъ во всеобщее свѣдѣніе проповѣдывать, какъ программу правительства, что самодержавіе разрѣшитъ міровую проблему и перенесетъ Россію черезъ голову буржуазнаго строя Европы прямо въ будущій вѣкъ великаго идеала социализма.

Самодержавный социализмъ, проводимый приказомъ по полиціи, самодержавіе, поддержанное кулаками мясниковъ изъ охотнаго ряда, сердечное отношеніе къ семьѣ и учащейся молодежи и тюрьмы, биткомъ набитыя заключенными, — все это лживые призраки, окута-

шіе непроходимой тьмой обмана русскую землю. Но исторію обмануть нельзя, исторія — великій судья. Въ своемъ описаніи Франціи передъ революціей Карлейль говоритъ: „Когда въ эти времена упадка, гдѣ никакой идеаль не возрастаетъ и не процвѣтаетъ, когда вѣрованіе и вѣрность исчезли и отъ нихъ остается только ложный отзвукъ, когда всякое торжество обращено во внѣшній парадъ, когда всякая вѣра въ авторитетъ сдѣлалась однимъ изъ двухъ — или глупостью или лицемеріемъ —, увы! — отъ такихъ временъ исторія должна отвращать свои взоры. На нихъ не стоитъ останавливаться. Ихъ нужно сокращать все больше и больше и, наконецъ, вычеркнуть ихъ изъ лѣтописей человѣчества, вытереть, какъ незаконныя, что они и суть на самомъ дѣлѣ. Времена безъ надежды, когда болѣе чѣмъ въ другое время родиться есть несчастье, — родиться для того только, чтобы по всякому преданію и по всякому примѣру узнавать, что Божій свѣтъ есть ложь, міръ Бемала и что высшее шарлатанство есть верховный іерархъ человѣчества!“

Если у насъ еще нѣтъ открытаго возстанія, то у насъ уже есть революціонное правительство, революція въ умахъ, революція въ чувствахъ, революція въ настроеніяхъ. Правительство, которое ничѣмъ не гнушается, лишь бы удержать власть въ своихъ рукахъ, само изобличаетъ шаткость своего положенія. Правительственные мѣры уже не вытекаютъ изъ глубокаго сознанія необходимости, разумности и справедливости принимаемыхъ рѣшеній. Эти поспѣшныя мѣры отличаются однимъ свойствомъ — всегда опаздывать и никого не удовлетворяютъ. Твердый оплотъ государственнаго строя исчезъ, а является существованіе изо дня въ день, переходъ отъ насилія къ насилію, отъ преступленія къ преступленію. Это есть правительство революціонное. На ряду съ этимъ въ общественной средѣ господствуетъ поразительный разбродъ мнѣній, переходъ отъ легкомысленнаго отношенія къ настоящему испугу и полной растерянности, недовѣрія къ власти, насмѣшка и презрѣніе ко всякимъ правительственнымъ распоряженіямъ. Устроенными являются только бюрократія, хотя и полная внутренняго разложенія, ослабленная взаимной борьбой разрозненныхъ вѣдомствъ, но располагающая всѣми новѣйшими средствами организованной внѣшней силы, а, съ другой стороны, крайнія партіи, обособленныя и сплоченныя въ духѣ непримиримаго сектанства, съ фанатической ненавистью къ существующему государственному строю. Все остальное находится въ полномъ разбродѣ. Бюрократія знаетъ, чего она хочетъ, — она хочетъ власти; революціонныя партіи знаютъ, чего онѣ хотятъ, — онѣ хотятъ разрушенія монархическаго строя. Верховная власть не знаетъ, чего она должна желать, все остальное русское общество не знаетъ, что ему нужно. Два врага стоятъ внутри Россіи другъ противъ друга, готовые сразиться въ смертельной схваткѣ. Страшна не горсть людей, вступающая въ открытыя дѣйствія, страшна революція въ умахъ, въ общественномъ сознаніи, которая не перестаетъ питать все новыми и новыми силами открытое возмущеніе. За каждымъ павшаго являются десять мстителей, двадцать вновь раздраженныхъ и озлобленныхъ людей. Силы самой бдительной полиціи подъ конецъ изсякнутъ. Правительство въ напряженіи борьбы, смутно

сознавая, гдѣ кроется коренная причина революціоннаго дѣйствія, начинаетъ вести борьбу съ общественными настроеніями — борьбу съ тѣнями, отчаянную борьбу, гдѣ падаетъ подъ ударами и правый, и виноватый, гдѣ создается масса невинныхъ жертвъ и среди которой родятся все новые и новые враги правительственной власти.

Невольно страшить мысль, не попали-ли мы въ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ были въ 80-хъ годахъ передъ событіемъ 1 марта. Жестоко заблуждаются тѣ, кто полагаетъ, что революціонныя движенія того времени были сломлены мѣрами правительства. Событіе 1 марта, царевубійство явилось самымъ могучимъ союзникомъ государственной власти въ борьбѣ съ внутреннею смутою. Дѣло революціи было доведено до конца, и она сама себя обезглавила. Но какъ бы то ни было, если даже считать, что одними мѣрами полиціи возможно подавить современные броженія, изъ всей происходящей борьбы можетъ выйти только новое торжество бюрократіи, еще большее усиленіе реакціи. Въ этой ужасной азартной игрѣ, гдѣ все поставлено на карту, въ проигрышѣ всегда останутся тѣ, кто не сумѣетъ заявить своихъ правъ и потребовать ихъ исполненія. Если послѣ 1 марта наступилъ періодъ двадцати лѣтъ полной при- давленности русскаго общества, сокращенія и умаленія прежде дарованныхъ общественныхъ правъ, то какимъ зловѣщимъ будущимъ угрожаетъ новое торжество реакціонной политики?

Словивъ напоръ революціоннаго движенія, не съ новой ли силой обрушится реакція на тѣ общественныя начала, которыя стоятъ на пути ея къ неограниченному господству?!

Но въ упрямомъ ослѣпленіи своего торжества реакція готовитъ не торжество, а гибель монархіи. Подъ ударами гоненій будутъ расти всѣ непримиримыя революціонныя партіи. Взрывъ неминуемъ и старый порядокъ падетъ; но вмѣстѣ съ нимъ обратится въ развалины и зданіе русской монархіи, потому что уже не будетъ того матеріала, изъ котораго можно обновить и поддержать его расшатанныя стѣны.

Значеніе переживаемаго историческаго момента громадно, — теперь или никогда должно обнаружиться, есть-ли въ Россіи такія силы, которыя способны внѣдрить безъ потрясеній новыя свободныя начала въ нашъ государственный строй. Жребій брошенъ и отступать нельзя. Если люди, стремящіеся видѣть дальнѣйшее будущее Россіи въ разумномъ сочетаніи историческихъ государственныхъ началъ съ началами свободного развитія народной личности, не сумѣютъ понять самихъ себя и найти ключъ положенія, то дни ихъ сочтены. Колесо исторіи безжалостно раздавитъ ихъ, какъ ненужную и бесполезную вещь въ народной жизни; среди совершающихся событій надвигающейся кровавой драмы русской исторіи нѣтъ мѣста празднымъ и безучастнымъ зрителямъ. Намъ нуженъ, наконецъ, миръ, — не мнимый, обманчивый обликъ внутренняго мира, поддержаннаго шапками жандармовъ, но миръ дѣйствительный, основанный на взаимномъ довѣрїи и согласіи. Въ противовѣсъ исключительному господству безответственной бюрократіи нужно сплотить большія общественныя силы, не разрушительныя, но способныя на творческую государственную работу. Но для того, чтобы такія общественныя силы могли

сложиться, для того, чтобы кончился ужасный кошмаръ всеобщаго разброда, необходимо одно — необходимо двинуть общественныя теченія въ правильное и закономѣрное русло, нужно приобщить русское общество къ государственному дѣлу. Необходимо общественное представительство.

Противъ этого немедленно подымется вопль всѣхъ тѣхъ, кто не умѣетъ отличать наружныхъ формъ отъ внутренней сущности. Но, скажите, развѣ то, что есть, есть самодержавіе? Развѣ царь, поставленный въ такое положеніе, при которомъ нѣтъ возможности разобраться во всѣхъ явленіяхъ дѣйствительной жизни, узнать потребности страны и почувствовать запросы народа, — дѣйствительный самодержецъ? Государь, запертый въ четырехъ стѣнахъ съ своими ближайшими совѣтниками, рѣшающій всѣ дѣла только съ ихъ словъ, сообразуясь съ ихъ мнѣніями, мнѣніями тѣхъ, кто является тайными похитителями его власти, — не самодержецъ, а такой же узникъ бюрократіи, какими оказываются и русское общество и русскій народъ. Только люди, для которыхъ въ монархіи уже нѣтъ ничего дорогого, способны оставаться равнодушными къ недостойному зрѣлищу, представляющемуся намъ. При ликованіи торжествующаго бюрократизма происходитъ настоящее глумленіе надъ самодержавіемъ. Самодержцами стали вѣчно смѣнные временщики — вчера гр. Толстой, сегодня г. Витте, завтра г. Плеве. Можетъ происходить смѣна лицъ, но не смѣна порядковъ. Бюрократія всегда останется безответственнымъ распорядителемъ Россіи. И для поддержанія этой гнусной фикціи самодержавія народъ отданъ въ вѣчную кабалу, а русское общество подлежить вѣчному гоненію.

Мы переживаемъ время, подобное тому, которое наступило послѣ севастопольскаго погрома передъ освобожденіемъ крестьянъ. Тогда, какъ и теперь, то, что считалось главнымъ оплотомъ государства, приводило его къ внутреннему разложенію. Крѣпостное право являлось той неправдой, которую нельзя было сохранять долѣе безъ опасности привести къ крушенію то самое государственное зданіе, которое казалось столь твердымъ и непоколебимымъ. Такъ точно и теперь. Страшное сосредоточеніе правительственной власти, усиленіе ея въ ущербъ всѣмъ жизненнымъ силамъ страны, ведетъ не къ прочности, а къ шаткости государственнаго строя. Въ то время, какъ на попрѣ всемірной исторіи выступили народныя массы, та нація окажется первенствующей, гдѣ въ народныхъ массахъ наиболѣе развитъ мощный духъ дѣятельной, сознательной и развитой личности. Увеличивая безъ мѣры власть, правительство ведетъ къ приниженности и придавленности народа. Русское государство становится подобнымъ какому-то безумцу, который сталъ бы упорствовать въ сохраненіи желѣзныхъ латъ и рыцарскихъ доспѣховъ, когда изобрѣтены порохъ и огнестрѣльное оружіе. Страдая подъ тяжестью доспѣховъ, этотъ безумецъ погибъ бы отъ осколка ядра. Такъ точно и русское государство, изнемогая подъ страшной ношей правительственной власти, начинаетъ слабѣть передъ мощнымъ ростомъ культуры своихъ западныхъ сосѣдей. Вновь поставлена роковая загадка — отъ умѣнья разрѣшить ее зависитъ жизнь или гибель монархіи. Россія имѣетъ обманчивый обликъ государства XX столѣтія, но подъ вѣшной обо-

лочкой желѣзныхъ дорогъ, электричества, войска, вооруженнаго много-
стрѣльнымъ оружіемъ, бюрократіи, снабженной современной техникой.
мы хранимъ внутренній духъ XVII вѣка — полное безправіе личности,
отношенія государства къ подданнымъ, кабальныя отношенія XVII
вѣка. Нужно скинуть старыя доспѣхи. Сохраните отъ самодержавія
не его ветхія формы, а его сущность — монархическую власть,
связанную преданіемъ съ далекимъ прошлымъ Россіи, нравственныя
узы, связывающія государя съ народомъ. Среди безсвязныхъ вол-
неній, криковъ толпы, глухого, скрытаго ропота людей и стоновъ муки
не относите все насчетъ происковъ непримиримыхъ враговъ. Взгля-
ните внутрь себя. Опасность велика, а время кратко. Спѣшите, пока
тяжкія испытанія не вырвали еще изъ глубинъ русскаго сердца до-
вѣрія къ царской власти, пока жажда правды не охватила страстнымъ
пламенемъ и не сожгла въ груди любовь къ преданію, къ завѣтамъ
прошлаго и вѣрность имъ, пока самое имя самодержавія не стало
еще ненавистнымъ, какъ неразрывно связанное со всею ложью, пре-
дательствомъ и насиліемъ, царящими кругомъ насъ. Колоколъ об-
щественной правды гудитъ заунывнымъ звономъ, какъ въ снѣжную
мятель, зова среди бурана затерявагося путника. Тотъ же коло-
колъ станетъ гремятъ и страшными звуками набата среди огненнаго
пожара. Но онъ можетъ также разлиться и радостнымъ перезвономъ
въ свѣтлое воскресенье.

Земецъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

Полярный адъ.

I. Англичанинъ въ Средне-Колымскѣ.

Передъ нами декабрьскій, рождественскій номеръ одного изъ самыхъ популярныхъ и распространенныхъ англійскихъ журналовъ: The Strand Magazine. Онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда невинныхъ рождественскихъ очерковъ, фантастическихъ или веселыхъ разсказовъ, легкихъ біографическихъ статей съ соотвѣтствующими, весьма художественными иллюстраціями. И вдругъ, среди всего этого праздничнаго матеріала читатель натывается на нѣчто, до такой степени мрачное и ужасное, что его сердце сразу сжимается, — и беззаботнаго праздничнаго настроенія — какъ не бывало. Читатели! — какъ бы хочется этимъ сказать англійскій журналъ — среди окружающихъ васъ веселья, свободы и свѣта помните, что есть мѣста, гдѣ вѣчно царить мракъ, холодъ и горе, гдѣ люди, можетъ быть, лучше и чище васъ самихъ, незаслуженно несутъ крестъ физическаго и нравственнаго мученичества, живутъ жизнью, какая вамъ и не снилась, и которая горше самой смерти! Такое именно впечатлѣніе производитъ статья извѣстнаго англійскаго путешественника Гарри де-Виндта подъ заглавіемъ: „Darkest Siberia and its political exiles“. Въ ней описывается богоспасаемый градъ Средне-Колымскъ и жизнь тамошнихъ политическихъ ссыльныхъ, съ которыми автору пришлось познакомиться во время недавняго его путешествія по Сибири къ Берингову проливу.

Случилось такъ, что, когда послѣ долгаго изнурительнаго пути экспедиція Гарри де-Виндта добралась до Средне-Колымска, былъ прекрасный, свѣтлый апрѣльскій день, и полярная природа предстала передъ путешественниками въ своеобразной красотѣ своихъ искрящихся снѣжныхъ полянъ, прозрачнаго бодрящаго воздуха и безоблачнаго, голубого неба. Въ этотъ моментъ контрастъ блистающей природы съ жалкимъ поселеніемъ, представившимся его глазамъ, вызвалъ въ авторѣ острое щемящее чувство. „Я почувствовалъ то же, говоритъ онъ, что почувствовали бы веселые танцоры, если бы среди нихъ въ бальную залу внезапно внесли гробъ“. Это сравненіе удивительно подходитъ ко всему очерку „Darkest Siberia“, какимъ онъ является въ литературной рамкѣ рождественской книжки журнала, ко всѣмъ печальнымъ фотографіямъ людей и ландшафта, которыя его иллюстрируютъ. Несомнѣнно „гробомъ“ покажется это описаніе англійскому читателю, каковымъ предсталъ „крайній уголокъ на краю міра“ глазамъ самого автора. А Г. де-Виндтъ видалъ виды! Онъ давно знаетъ Сибирь, посѣщаетъ въ ней пересыльные тюрьмы и этапы, плавалъ съ преступниками на каторжной баржѣ, изслѣдовалъ

жизнь политических каторжанъ въ Акатуѣ. „Тамъ были люди образованные, приговоренные къ долгимъ годамъ каторжныхъ работъ. Суровая тюремная дисциплина, днемъ тяжкая работа въ серебряныхъ рудникахъ, а ночью сообщество въ общей камерѣ съ самыми ужасными уголовными преступниками — вотъ доля тѣхъ политическихъ, кого я видѣлъ въ Акатуйской тюрьмѣ. И между тѣмъ я сомнѣваюсь, согласились ли бы они добровольно промѣнять эту долю на сравнительно свободную жизнь своихъ товарищей — административно-ссылныхъ и поселенныхъ въ Средне-Колымскъ“. Эти слова показываютъ какое сильное впечатлѣніе произвелъ на бывалаго англичанина „мертвый городъ“, куда, большею частью, однимъ почеркомъ пера, однимъ мановеніемъ генераль-губернаторской руки ссылаются на долгіе годы наши политическіе поднадзорные, мужчины и женщины, въ самомъ расцвѣтѣ силъ!

Уже Верхоянскъ, лежащій, какъ извѣстно, на пути изъ Якутска въ Колымскъ, уже этотъ „городъ“ показался де-Виндту и его спутникамъ верхомъ, границей безотрадности для человѣческаго существованія. Во время безостановочной двухнедѣльной ѣзды на оленяхъ отъ Якутска, когда они терпѣли сильныя лишенія, Верхоянскъ рисовался имъ впереди, какъ обѣтованная земля, гдѣ путешественники найдутъ отдыхъ, тепло и успокоеніе. „Но, какъ только я попалъ въ него, говорить авторъ, то единственнымъ моимъ стремленіемъ было поскорѣй покинуть этотъ городъ, хотя бы для неизвѣстныхъ мнѣ новыхъ опасностей и лишеній, потому что мнѣ показалось, что на всемъ земномъ шарѣ не существуетъ болѣе безотраднaго, богомъ забытаго мѣста, нежели Верхоянскъ. Правда, вѣдь, я еще тогда не видалъ Ср.-Колымска“... Убийственный холодъ Верхоянска особенно поразилъ нашего автора: во время его пребыванія, въ началѣ марта, градусникъ показывалъ 65° ниже нуля по Фар. (—36 R.). Ссылный полякъ, г. Абрамовскій, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ регулярно занимается метеорологическими наблюденіями, сообщилъ де-Виндту, что средняя годовая температура Верхоянска равняется — 4° по Фар. (—16 R.), а въ суровыя зимы колеблется между — 70° и — 81° по Ф. Кромѣ холода, ссылки терпятъ нужду и въ пищѣ и жаловались де-Виндту на недостаточность казеннаго пособія, такъ какъ всѣ припасы здѣсь очень дороги, бесплодная земля не даетъ овощей, говядина и оленина представляются роскошью не по карману, такъ что, кромѣ рыбы, приходится питаться кониной. Одна только „золотая нить“ связываетъ это глухое мѣсто съ живымъ міромъ — литература: де-Виндтъ видѣлъ у ссыльныхъ всѣ новѣйшія произведенія Толстого, Золя и многихъ англійскихъ писателей.

Пробывъ въ Верхоянскѣ три дня, экспедиція двинулась далѣе и послѣ крайне изнурительнаго арктическаго пути черезъ 1200 миль достигла Средне-Колымска, гдѣ назначено было остановиться на 10 дней. „И если мы, снабженные всѣмъ, чѣмъ только можно, тяжело страдали отъ голода и холода въ теченіе 26 дней, то каково должно было быть это путешествіе для слабыхъ ссыльныхъ женщинъ, плохо одѣтыхъ, скудно питавшихся, въ теченіе времени впятеро большаго!“ — восклицаетъ авторъ. На первый взглядъ Средне-Колымскъ показался прибывшимъ совсѣмъ вымершимъ или покинутымъ жителями:

не слышно было ни единого звука, не видно ни одного живого существа: только два ряда жалких бревенчатых построекъ съ плоскими крышами, съ льдинами вмѣсто оконъ, да ветхая деревянная церковь на окраинѣ, съ нѣсколькими крестами въ сугробахъ вокругъ нея . . . вотъ внѣшній видъ города. Отведенная же для нихъ квартира оказалась самой холодной и грязной, какую только имъ пришлось занимать послѣ Якутска, — „и, однако же, она была лучше многихъ, занятыхъ ссыльными“, прибавляетъ авторъ.

Въ этомъ то городѣ, населенномъ 3—4-мя сотнями якутовъ да нѣсколькими семьями ссыльно-поселенцевъ и чиновниковъ, Гарри де-Виндтъ засталъ 14 человекъ политическихъ ссыльных (изъ нихъ двѣ женщины), не считая нѣскольکو дѣтей. Нельзя безъ глубокаго волненія и негодованія читать описаніе тѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ лишеній, которыя испытываетъ эта „маленькая колонія мучениковъ“, какъ назвалъ ихъ авторъ. Начать съ того, что всѣ они крайне бѣдны и живутъ почти на одно казенное пособіе. Но выдаваемые 19 руб. на человекъ въ мѣсяцъ слишкомъ недостаточны при огромной дороговизнѣ жизненныхъ продуктовъ, вслѣдствіе страшной удаленности Средне-Колымска отъ ближайшаго культурнаго центра и трудностей сообщенія. Въ описываемое время, напримѣръ, мука продавалась по рублю за фунтъ, а отравительный кирпичный чай стоилъ 2 р. за фунтъ; свѣчи, сахаръ, соль — вдесятеро дороже, нежели въ Якутскѣ, гдѣ цѣны тоже не дешевыя. Главная пища — рыба, заготавливаемая съ лѣта, но безъ соли, поэтому легко портящаяся; кромѣ нея, жидкій чай въ прикуску съ кускомъ чернаго хлѣба — вотъ въ чемъ состоитъ ежедневное питаніе ссыльныхъ. Не хватаетъ средствъ на одежду и квартиру, — поэтому многіе политическіе живутъ въ ветхихъ избахъ, брошенныхъ якутами, а одѣты для полярнаго климата такъ недостаточно и бѣдно, что въ зимнее время не выходятъ за порогъ своихъ промзглыхъ жилищъ. Вотъ какъ де-Виндтъ описываетъ, напримѣръ, свой визитъ къ одному изъ ссыльныхъ, г. Стражевскому, личность котораго оставила въ немъ самое симпатичное воспоминаніе: „Небольшая низкая комната съ голыми бревенчатыми стѣнами; земляной полъ, мокрый и грязный; единственное окно даже въ ясный день пропускало тусклый желтый свѣтъ сквозь толстую льдину, въ него вставленную; нѣсколько досокъ на деревянныхъ козлахъ, покрытыхъ оленьими шкурами, составляли постель, нѣсколько другихъ съ книгами и бумагами — единственный столъ, старый ящикъ изъ подъ керосина — единственный стулъ. Когда я усѣлся на немъ, мой другъ подбросилъ на очагъ нѣсколько полѣньевъ, которыя быстро сгорѣли, и тогда онъ вышелъ и полѣзъ на крышу, чтобы, по примѣру якутовъ, закрыть тряпками отверстіе трубы и тѣмъ удержать тепло въ комнатѣ, — плохая метода, потому что, несмотря на это, во время моего визита температура комнаты по моему градуснику равнялась — 47° F.“ (minus fortyseven degrees Fahrenheit by my thermometer¹). И въ такой безобразной, жалкой обстановкѣ г. Стражевскій, нѣкогда выдающійся адвокатъ въ Варшавѣ, провелъ восемь лучшихъ лѣтъ своей жизни

¹ Мы нарочно выписали слова подлинника, не допускающія возможности опечатки, — до того цифра граничитъ съ невѣроятностью.

и до сихъ поръ влечить въ ней тоскливое, безнадежное существование!“ Самое ужасное, вредное вліяніе жизнь въ Средне-Колымскѣ оказываетъ, конечно, на душевное состояніе ссыльныхъ; даже у людей способныхъ, занимавшихся прежде интеллигентными профессіями, появляется упадокъ духовныхъ силъ и умственныхъ способностей. Одинъ довольно извѣстный польскій писатель (де-Виндта просили не называть его по имени) уже послѣ полугода ссылки въ Средне-Колымскѣ забросилъ всѣ начатыя беллетристическія работы, а, годъ спустя, сводящая съ ума монотонность жизни довершила свое дѣло, такъ что, будь это въ культурномъ мѣстѣ, надъ нимъ учредили бы опеку. Другой политическій, бывшій профессоръ анатоміи, пробывъ 7 лѣтъ въ ссылкѣ, утратилъ всякій интересъ къ наукѣ и, къ удивленію де-Виндта, разспрашивалъ его не о прогрессѣ и открытіяхъ въ медицинѣ, а о парижскихъ кафе-шантанахъ. „Вообще, заключаетъ онъ, я могу засвидѣтельствовать, что, за исключеніемъ троихъ, ни одинъ изъ остальныхъ политическихъ, мужчинъ и женщинъ, не былъ вполне здоровымъ въ духовномъ отношеніи.“

Замѣчательнѣе разговоръ, который авторъ имѣлъ по этому поводу съ „официальнымъ“ лицомъ (повидимому, исправникомъ): „Два-три года здѣшней жизни, говорилъ тотъ, расслабляютъ ихъ (политическихъ ссыльныхъ), а, спустя лѣтъ 5—6, даже наиболѣе сильные духомъ обыкновенно впадаютъ въ дѣтство.“ — „Но отчего же это?“ воскликнулъ я. Мой собесѣдникъ подошелъ къ окну и молча указалъ на печальную, безлюдную улицу, безобразная сѣрѣя лагути, застывшую рѣку, темнѣющую въ туманѣ... „Вотъ отчего,“ сказалъ онъ. „Да еще отъ ужасной тишины... Ни единого звука! И такъ день за днемъ, годъ за годомъ. Вѣрите ли, я стоялъ посреди этой улицы въ самый полдень и слышалъ тиканье собственныхъ часовъ въ карманѣ. Подумайте надъ этимъ, г. де-Виндт! Самъ я здѣсь всего нѣсколько мѣсяцевъ, но скоро буду просить перевода, иначе“... и онъ многозначительно постучалъ пальцемъ по своему лбу.“ Гарри де-Виндтъ могъ охотно повѣрить этому свидѣтельству, потому что и за короткое время испытать на себѣ вліяніе всѣхъ прелестей колымскаго существованія: каждый день казался ему вѣчностью, потому что дѣлать было абсолютно нечего; выходить за городъ — невозможно, не увязнувъ по колѣно въ сугробахъ снѣга, а ссыльныхъ, изъ предосторожности, онъ посѣщалъ только по вечерамъ. Экспедиція, пробывъ 10 дней, оставила Средне-Колымскъ съ чувствомъ, будто она прожила въ немъ столько же мѣсяцевъ. Почта приходитъ сюда только 2 раза въ годъ зимой; въ теченіе же весны, лѣта и осени этотъ злополучный край, словно пустынный островъ въ океанѣ, совершенно отрѣзанъ отъ остального міра непроходимыми болотами и топами, простирающимися на цѣлыя версты вокругъ. Вслѣдствіе этого и лѣтомъ здѣсь, даже въ хорошую погоду, стоитъ сырой туманъ отъ испареній, развиваются эпидеміи. Якуты страдаютъ оспой, проказой, русскіе — бронхитомъ, дифтеритомъ. И въ такомъ-то разномъ гнѣздѣ правительство не заводитъ ни больницы, ни аптеки, ни постоянного врача. Одинъ только ссыльный студентъ-медикъ, Мицкевичъ, пользуется больныхъ, но онъ не можетъ много помочь безъ медикаментовъ и больницы. На послѣднюю была

Отпущена значительная сумма 10 лѣтъ назадъ, но она до сихъ поръ стоитъ лишь въ видѣ фундамента и четырехъ угловъ, какъ памятникъ хищенія бывшаго засѣдателя Иванова.

Кромѣ обычныхъ болѣзней, въ Средне-Колымскѣ часто проявляется, особенно у женщинъ, какъ ссыльныхъ, такъ и туземныхъ, особый родъ истеріи, не встрѣчающійся въ остальной Сибири. Эта болѣзнь, какъ и замѣченная де-Виндтомъ необыкновенная умственная апатія и вялость у политическихъ ссыльныхъ, очевидно, происходитъ отъ исключительнаго однообразія жизни, отъ полного отсутствія умственного возбужденія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ссыльные вздумали завести школу для мѣстныхъ дѣтей, что хотъ нѣсколько разнообразило бы ихъ собственную жизнь, но изъ Петербурга пришелъ приказъ не допускать для поднадзорныхъ такой „привилегіи“. Это заставляетъ де-Виндта сдѣлать саркастическое замѣчаніе, что, повидимому, въ правительственную систему наказанія въ Россіи входятъ не только матеріальныя лишенія, но и полная духовная смерть наказуемыхъ.

За что же, въ самомъ дѣлѣ, такъ жестоко наказываютъ этихъ людей? Даже русскій читатель изъ наивныхъ, не говоря уже объ иностранцахъ, можетъ подумать, что въ этотъ край голода, холода и безумія, что въ Средне-Колымскѣ отовсюду собраны самые ужасные преступники, дѣянія которыхъ заставили говорить о себѣ весь міръ. Ничуть не бывало! Изъ четырнадцати человѣкъ политическихъ ссыльныхъ, о которыхъ повѣствуетъ Гарри де-Виндтъ, только двое, какъ ему сказали сами власти, сосланы за преступленіе: г-жа Акимова (поселена въ Средне-Колымскѣ навсегда), у которой была найдена бомба во время коронаціи Николая II, да рабочій Циммерманъ, принимавшій участіе во взрывѣ динамитомъ казенныхъ мастерскихъ въ Лодзи нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Остальные, по словамъ тѣхъ же властей, не принимали активнаго участія въ революціонномъ движеніи и сосланы въ Средне-Колымскѣ административнымъ порядкомъ. По разпросамъ и наблюденіямъ самого де-Виндта это мирные интеллигентные люди умѣренныхъ политическихъ убѣжденій, — приверженцы конституціоннаго порядка и свободы слова. „Во всякой другой странѣ, говоритъ онъ, они только способствовали бы прогрессу и благу своей родины; во всякой другой странѣ, кромѣ Россіи, ихъ проступки врядъ-ли навлекли бы на нихъ даже наказаніе денежнымъ штрафомъ, а здѣсь они несутъ за нихъ нестерпимое страданіе и духовную гибель.“ Гибнуть они не только отъ злой природы, не только отъ всѣхъ описанныхъ условій своей ссыльной жизни — они гибнутъ еще отъ руки пьяныхъ и грубыхъ мучителей, во власть которыхъ отдана ихъ жизнь и честь. Въ концѣ своего очерка Г. де-Виндтъ приводитъ потрясающій примѣръ такой гибели, описавъ одну изъ самыхъ мрачныхъ трагедій, какая случилась за послѣдніе годы въ ссыльной жизни въ Сибири.

Мы рассказываемъ ниже эту потрясающую повѣсть изъ сибирской ссылки, на основаніи подлинныхъ официальныхъ документовъ, доставленныхъ въ редакцію „Освобожденія“. Но подобная трагедія — не единственная, говоритъ авторъ *Darkest Siberia*, и увѣряетъ своихъ англійскихъ читателей, что съ 1898 г. было не менѣе 3-хъ случаевъ самоубійства и 4-хъ помѣшательства среди ссыльныхъ Средне-Колымска.

Онъ не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы заклеить этъ darkest Siberia, чтобы выставить всю жестокость ссылки въ этотъ „полярный адъ“, какимъ рисуется ему Средне-Колымскъ.

И это дѣлаетъ не кто иной, какъ Гарри де-Виндтъ, который, если помнить русскіе читатели, явился нѣкогда оппонентомъ Кеннану — защитникомъ русской пенитенціарной системы; тотъ Гарри де-Виндтъ котораго извѣстная русская политиканша въ Лондонѣ, г-жа Новикова, рекомендовала русскому правительству, и который поѣтому въ своихъ путешествіяхъ по Сибири въ 1890 г. былъ всюду встрѣчаема властями съ распростертыми объятіями и воспріять „Новымъ Временемъ“; тотъ г. де-Виндтъ, который самъ говоритъ, что его считали подкупленнымъ русскимъ правительствомъ, съ цѣлью „облѣпить“ послѣднее отъ обвиненій Кеннана; тотъ де-Виндтъ, наконецъ, который и теперь, въ началѣ своего очерка, утверждаетъ, что, если бы ему лично пришлось выбирать между англійской и русской каторгой, онъ выбралъ бы послѣднюю.

Вотъ почему очеркъ Darkest Siberia, содержаніе котораго мы вкратцѣ передали, является особенно знаменательнымъ, особенно яркимъ и сильнымъ обвиненіемъ въ иностранной печати того бездушнаго и незаконнаго мучительства, которому подвергается политическая интеллигенція въ Россіи, и къ которому она къ тому же приговаривается путемъ „постыднаго маскарада правосудія“ (outrageous travesty of justice), какъ называетъ де-Виндтъ нашу административно-юридическую процедуру.

„Воззваніе къ цивилизованному міру“ — такъ гласитъ подзаголовокъ очерка Darkest Siberia, мѣтко характеризующій цѣль автора и волнующія его самого чувства. „Я представилъ, говоритъ Гарри де-Виндтъ въ концѣ своего очерка, простой, неприкрашенный докладъ о пенитенціарномъ поселеніи, называемомъ Средне-Колымскомъ. Я взываю къ читателямъ, я хочу обратить всеобщее вниманіе на это проклятое мѣсто, чтобы оно исчезло, какъ можно скорѣе, съ лица цивилизації!“ Какова должна быть дѣйствительность, которая вырвала этотъ крикъ изъ груди защитника русской каторги!

II. Дѣло Ергина по официальнымъ документамъ.

Переходимъ теперь къ описанію „одной изъ самыхъ мрачныхъ трагедій сибирской ссыльной жизни“, какъ справедливо назвалъ выше англійскій путешественникъ дѣло Ергина и Калашникова. Оно очень характерно для этой жизни. Всѣмъ своимъ содержаніемъ, обстановкой и взаимными отношеніями дѣйствующихъ лицъ оно вообщію показывается, до чего мучительна, до чего безправна жизнь политическихъ ссыльныхъ въ „полярномъ аду“. Вотъ почему нѣсколько официальныхъ бумагъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи и представляющихъ подлинное слѣдственное производство якутскаго судебного слѣдователя, вырастаютъ въ цѣлую бытовую картину. Съ трудомъ вѣрится, что заключенная въ этихъ сухихъ, канцелярски изложенныхъ документахъ трагедія живыхъ лицъ происходила такъ недавно, всего года два назадъ.

Въ трагедіи этой два акта. Первый относится къ юню 1900 г. Дѣйствующія лица — административный ссыльный Иванъ Калашниковъ и начальникъ города Средне-Колымска, земскій засѣдатель Ивановъ. Матерьялы слѣдствія, касающіеся лишь фактовъ, не даютъ, конечно, указаній на характеръ этихъ лицъ и ихъ взаимныя отношенія. Но въ очеркѣ „Darkest Siberia“, въ которомъ вкратцѣ изложена исторія Ергина и Калашникова, притомъ изложена со словъ оффиціальнаго лица, смѣнившаго Иванова, мы находимъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о Калашниковѣ. Бывшій морякъ Добровольнаго Флота, штурманъ дальняго плаванія И. Калашниковъ, по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному сообществу, просидѣлъ два года въ Харьковской тюрьмѣ, а затѣмъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь на восемь лѣтъ. Молодой человѣкъ, живой и веселый, хотя очень горячій и вспыльчивый, Калашниковъ быстро снискалъ всеобщую симпатію не только товарищей, но казаковъ и чиновниковъ въ Средне-Колымскѣ. Но не пришелся онъ по вкусу угрюмому засѣдателю Иванову, представлявшему собой типъ сибирскаго Держиморды полуякутскаго происхожденія. Тотъ съ перваго же шага далъ почувствовать Калашникову свое отвращеніе и придирался къ нему по всякому поводу. То же случилось и въ роковой день 26-го юня, подробно описанный въ матерьялахъ слѣдствія. Въ этотъ день Калашниковъ находился на охотѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города на рѣкѣ Колымѣ; переплывая рѣку, онъ встрѣтилъ паузокъ, который подъ начальствомъ Иванова везъ муку въ Нижній-Колымскъ. Сидя въ вѣткѣ (маленькая лодка) съ ружьемъ и собаками, Калашниковъ затѣялъ шутливый разговоръ съ знакомыми ему рабочими паузка. Ивановъ стоялъ на кормѣ и грубо вмѣшался въ разговоръ, кричаъ по адресу Калашникова: „Не твое дѣло!“ — „Я не съ вами разговариваю, милостивый государь“, — отвѣтилъ тотъ. „Молчать, жиды!“ — заревѣлъ представитель власти. Калашниковъ отвѣчалъ ругательствомъ. Завязалась перебранка, въ концѣ которой засѣдатель крикнулъ: „Поди сюда, я тебя проучу! Не помня себя отъ гнѣва, вспыльчивый Калашниковъ тотчасъ же полѣзъ на паузокъ, а тѣмъ временемъ, по приказанію Иванова, одинъ изъ казаковъ схватилъ у него ружье. Взойдя на паузокъ, Калашниковъ бросился къ Иванову и хотѣлъ столкнуть его въ воду, но на него набросились казаки и рабочіе и повалили его на полъ. Тутъ-то произошла дикая расправа засѣдателя надъ лежащимъ на полу, беззащитнымъ врагомъ. Ивановъ накинудся на Калашникова и сталъ бить и топтать его ногами по всему тѣлу и ударомъ каблука въ лицо разсѣкъ ему лобъ до крови. Онъ такъ разсвирѣпѣлъ, что сопровождавшіе отъ страха разбѣжались. Надругавшись вволю, засѣдатель велѣлъ связать Калашникова и сталъ писать протоколъ, въ которомъ говорилось, что Калашниковъ покушался убить его, прицѣливаясь на него съ вѣтки изъ ружья. Калашниковъ отказался подписать этотъ лживый протоколъ. Въ послѣдствіи и всѣ свидѣтели происшествія опровергли нахальную ложь засѣдателя, показавъ на слѣдствіи, что Калашниковъ не прицѣливался въ Иванова изъ ружья; самъ же онъ говорилъ потомъ товарищамъ, что, несмотря на все гнѣвъ, ни на

одну минуту не вспомнилъ о бывшемъ съ нимъ ружьѣ, а хотѣлъ только пугнуть Иванова, столкнувъ его въ воду. Послѣ составленія протокола Калашникова развязали и отпустили. Онъ просилъ, чтобы ему дали людей въ лодку, такъ какъ чувствовалъ себя очень дурно, но Ивановъ отказалъ, и онъ долженъ былъ одинъ уплыть на вѣткѣ. Захвативъ на своей заимкѣ на берегу рабочаго, который впослѣдствіи показывалъ, что Калашниковъ имѣлъ на лбу рану и казался очень больнымъ, Калашниковъ поплылъ домой въ Средне-Колымскъ, но по дорогѣ заѣхалъ къ знакомому казаку, на заимку Среднее. Здѣсь онъ какъ разъ встрѣтилъ только-что пріѣхавшихъ изъ города товарищей — ссыльныхъ Орлова, Яновича и Л. Ергину. Тѣ поразились разстроеннымъ и болѣзненнымъ видомъ Калашникова, который сейчасъ же спросилъ, нѣтъ-ли съ ними доктора, такъ какъ чувствовалъ боль въ груди. На лицѣ его были синяки и шрамъ съ запекшейся кровью. Хотя прошло уже два дня со времени происшествія на паузкѣ, Калашниковъ, видимо, не могъ успокоиться и казался ненормальнымъ. Но товарищи поняли его, когда услышали отъ него рассказъ о столкновеніи съ засѣдателемъ. Въ это время хозяинъ заимки пригласилъ ихъ обѣдать. Среди обѣда Калашниковъ вдругъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Черезъ четверть часа послышался выстрѣлъ — и товарищи нашли его въ пустой избушкѣ застрѣлившимся изъ ружья наповаль. „Онъ лежалъ на спинѣ; рубашка на груди его горѣла; на очагѣ лежало ружье, у котораго спускъ курка былъ привязанъ веревкой къ ножкѣ кровати“ — такъ описываютъ свидѣтельскія показанія безвременную кончину несчастнаго Калашникова. Тамъ же на кровати нашли записку на имя Яновича:¹ „Людвигъ Фомичъ! Прошу товарищей взять Борьку. Прощайте. Кровь на голову прохвоста Иванова. Калашниковъ. — Умираю съ вѣрой въ лучшее будущее. Пусть Борька отомститъ за меня“ (Борька — маленький сынъ Калашникова). Записка эта приложена къ дознанію о самоубійствѣ административно-ссыльнаго Ивана Калашникова.

На другой день послѣ самоубійства Калашникова Ергина и Яновичъ взяли тѣло его и повезли въ Средне-Колымскъ, гдѣ въ числѣ первыхъ встрѣтилъ ихъ мужъ Ергинѣ Александръ, другъ Калашникова. Вотъ какъ описываетъ она въ письмѣ, приложенномъ къ дѣлу, общее впечатлѣніе отъ случившагося: „Нашъ пріѣздъ произвелъ на товарищей потрясающее впечатлѣніе. Всѣхъ, словно камнемъ тяжелымъ, придавило. Всѣ мы жили въ какомъ-то тяжеломъ кошмарѣ. Я до того была потрясена всѣмъ происшедшимъ, нервы до того были разстроены, что постоянно была въ ожиданіи чего-то ужаснаго, что должно съ нами произойти, и совершенно не могла оставаться одна, даже днемъ, испытывая какой-то непонятный страхъ. Это было очень тяжелое время“.

Таковы факты этой ужасной исторіи, рассказанные въ официальныхъ документахъ. Можно бы думать, что послѣ самоубійства Калашникова начальство тотчасъ распорядится убрать засѣдателя Иванова изъ Колымска. — Ничуть не бывало. Изъ рассказа де-Виндта выходитъ какъ-будто, что во время дознанія о смерти Калашникова

¹ Яновичъ (польскій социалистъ), выдержавшій пребываніе въ Шлиссельбургѣ, не перенесъ „полярнаго ада“. Онъ покончилъ въ Средне-Колымскѣ самоубійствомъ.

засѣдатель былъ временно отстраненъ отъ исполненія своихъ обязанностей; слѣдствіемъ этого, вѣроятно, и было имъ поданное, спустя два мѣсяца, въ августѣ, якутскому губернатору прошеніе объ отставкѣ, находящееся въ числѣ документовъ. Тѣмъ не менѣе Ивановъ продолжалъ проживать въ Средне-Колымскѣ, и даже позднѣе, въ сентябрѣ, мы встрѣчаемъ въ дѣлѣ Ергина прямое указаніе, что Ивановъ попрежнему ходилъ въ полицейское управленіе, — слѣдовательно, онъ не былъ уволенъ со службы, несмотря на возмутительный и незаконный поступокъ съ несчастнымъ Калашниковымъ.

Спрашивается, что же это былъ за человѣкъ, которымъ такъ дорожило начальство, оставляя его, вопреки всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ, на мѣстѣ его подвиговъ? — Не говоря уже о свидѣтельствѣ политическихъ ссыльныхъ, рисующихъ засѣдателя грубымъ, необразованнымъ человѣкомъ, натворившимъ массу безчинствъ, и ненавидимымъ населеніемъ, — среди самихъ официальныхъ документовъ встрѣчается жалоба одного казака губернатору на Иванова за понесенные отъ него побои; также жалоба старшаго казака команды окружному исправнику на ругательства и невозможное обращеніе засѣдателя со всей командой, гдѣ, между прочимъ, сказано: „по отношенію его къ обывателямъ я только могу сказать, что они, какъ и казаки, боятся хотя бы и по дѣлу входить въ квартиру г. засѣдателя“;¹ наконецъ, въ униженномъ полуграмотномъ прошеніи самого Иванова объ отставкѣ на имя якутскаго губернатора читаемъ: „лучшіе мои поступки сводились на ступень личностей и затемняли настоящую причину“. — Какъ ни скудны эти официальные свѣдѣнія объ Ивановѣ, они достаточно обрисовываютъ личность человѣка, въ руки котораго отдала была судьба и честь политическихъ ссыльныхъ въ Колымскѣ. И такой-то „представитель власти и закона“ не только не понесъ кару за избиеніе политическаго ссыльнаго, но по бездушію начальства оставленъ былъ среди товарищей поруганнаго и погибшаго Калашникова. Между тѣмъ одинъ видъ его служилъ имъ провокаціей, оскорбляя всѣ ихъ чувства и память умершаго. Вполнѣ естественно поэтому, что первый актъ трагедіи повлекъ за собою второй: 4-го сентября другъ Калашникова, Александръ Ергинъ, встрѣтивъ на своемъ пути ненавистнаго засѣдателя, не выдержалъ и выстрѣлилъ въ него изъ охотничьяго ружья, заряженнаго крупной дробью. На другой день Ивановъ умеръ отъ полученныхъ ранъ.

Такъ возникло „Дѣло отставнаго губ. секретаря А. Ергина“, изъ котораго мы черпаемъ подлинныя свѣдѣнія обо всей мрачной трагедіи, упоминаемой въ статьѣ Darkest Siberia. Свидѣтели показываютъ, что когда они приближали къ мѣсту, гдѣ упалъ раненый засѣдатель (который шелъ домой изъ полицейскаго управленія), то увидѣли невдалекѣ стоящаго Ергина съ ружьемъ на плечѣ, который говорилъ: „это я выстрѣлилъ въ Иванова за Калашникова“. Изъ всей обстановки покушенія, изъ свидѣтельскихъ показаній и словъ обвиняемаго, наконецъ, изъ характеристики Ергина ясно, что это не

¹ Любопытна резолюція окружного исправника на этой жалобѣ: „Къ свѣдѣнію. Даны личныя указанія съ предупрежденіемъ, что въ будущемъ будетъ доведено до свѣдѣнія областного начальства.“ — И только!

было предумышленное убійство. Удостоверено, что Ергинъ ходилъ по этой дорогѣ въ послѣднее время ежедневно, утромъ и вечеромъ, на работу къ строящейся юртѣ товарища Полянского, гдѣ онъ ставилъ печку; удостовѣрено, что, какъ и всѣ другіе сильные, онъ всегда носилъ ружье осенью, во время перелета дикихъ гусей; наконецъ, какъ человѣкъ крайне тихій и незлобивый, онъ менѣе всего способенъ былъ задолго задумать кровавое дѣло. И тѣмъ не менѣе онъ совершилъ его, онъ не могъ не совершить его, когда случайно увидѣлъ передъ собой убійцу Калашникова. Мы уже знаемъ, какое впечатлѣніе произвела гибель послѣдняго на товарищѣ по ссылкѣ, но очевидно, что сильнѣе всего почувствовалъ это несчастіе „тихий“ Ергинъ. Вотъ что онъ говорилъ, между прочимъ, въ своемъ показаніи судебному слѣдователю: „Извѣстіе о смерти К. произвело на меня потрясающее впечатлѣніе. Но еще болѣе взволновалъ видъ покойнаго К. — несчастной жертвы безчеловѣчной расправы. Передо мной, какъ живая, стояла неотступно картина надругательства надъ опозореннымъ товарищемъ, столь трагически покончившемъ съ собой. И моя собственная жизнь стала мнѣ казаться какимъ-то тяжелымъ и мучительнымъ кошмаромъ. Я старался различными способами побороть въ себѣ это состояніе духа. Лучшимъ средствомъ явился трудъ, отвлекавшій меня отъ страшныхъ образовъ, носившихся передъ моими глазами. Мнѣ удалось отчасти уже возстановить свое душевное спокойствіе, какъ неожиданная встрѣча съ засадателемъ, котораго я считаю единственнымъ виновникомъ смерти Калашникова, возбудила во мнѣ такое чувство негодованія и гнѣва противъ этого человѣка, что я схватилъ съ плеча ружье и выстрѣлилъ въ Иванова.“

Спрашивается, кто виновные въ „дѣлѣ Ергина“? Кто виноватъ, что жизнерадостный, веселый, симпатичный Калашниковъ кончилъ самоубійствомъ, что тихій, что называется, не обидѣвшій мухи Ергинъ дѣлается убійцей? — Мы знаемъ, кто виноватъ, и не должны забывать этого, какъ не должны забыть образы этихъ двухъ героевъ-страдальцевъ, погибшихъ въ полярномъ аду.

Мы познакомились изъ сухихъ официальныхъ источниковъ съ фактами Сибирской жизни, подъ которыми скрывается цѣлая бездна горя и безправія — съ одной стороны, произвола и бездушія — съ другой. Еслибы Горькій, напримѣръ, воплотилъ слѣдственное дѣло Ергина въ художественное произведеніе, еслибы онъ вывелъ изъ него наружу весь заключающійся въ немъ трагизмъ и поэзію подвига, еслибы онъ заставилъ его героевъ раскрыть свою душу въ драматическомъ монологѣ со сцены — онъ, навѣрное, потрясъ бы зрителей до глубины сердца, заставилъ бы плакать и негодовать самыхъ равнодушныхъ. Но врядъ ли бы въ то же время знаменитый художникъ уберегся отъ упрека въ шаржъ, въ сгущеніи красокъ, въ тенденціозности (для правительства — въ неблагонадежности) своего произведенія. Это было бы тысячное доказательство извѣстнаго положенія, что реальная жизненная драма часто опережаетъ фантазію средняго человѣка, что жизнь бываетъ трагичнѣе трагедіи, — а въ особенности наша русская жизнь.

Слѣдствіе по дѣлу А. Ергина закончилось въ августѣ 1901 г. и весь этотъ годъ обвиняемый просидѣлъ въ верхожанской тюрьмѣ.

Весной 1902 г. Ергинъ былъ судимъ Якутскимъ Окружнымъ Судомъ. Защищалъ Ергина петербургскій прис. пов. Переверзевъ, который, въ согласіи съ подсудимымъ, отрицалъ у него умыселъ на убійство засѣдателя Иванова. Судъ не согласился съ этимъ взглядомъ защиты и, признавъ Ергина виновнымъ въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, приговорилъ его, по лишеніи всѣхъ особенно, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ къ отдачѣ въ исправительныя, арестантскія отдѣленія срокомъ на четыре года. Приводимъ изъ приговора наиболее существенные и интересные его мотивы, свидѣтельствующіе о томъ, что даже коронный судъ не могъ не оцѣнить значенія той ужасной обстановки, въ которой совершилась среднеколымская трагедія. Обстоятельства дѣла убѣдили судъ въ томъ, что Ергинъ

„совершилъ преступленіе подъ вліяніемъ охватившаго его аффекта, т. е. въ состояніи запальчивости и раздраженія. По объясненію какъ на предварительномъ слѣдствіи подсудимаго Ергина, занесенному въ обвинительный актъ, такъ равно и на судѣ, смерть товарища его по ссылкѣ Калашникова, лишившаго себя жизни вслѣдствіе нанесенныхъ ему земскимъ засѣдателемъ Ивановымъ истязаній, крайне тягостно повліяла на него, Ергина, считавшаго Иванова виновникомъ смерти Калашникова. Встрѣтивъ 4-го сентября 1900 года случайно на улицѣ Иванова, котораго послѣ самоубійства Калашникова впервые увидѣлъ, Ергинъ, по его объясненію, пришелъ въ страшное негодованіе — его охватилъ сильнѣйшій гнѣвъ, онъ не удержался, схватилъ бывшее съ нимъ для стрѣльбы по перелетнымъ гусямъ ружье и выстрѣлилъ въ Иванова. Утвержденіе Ергина о встрѣчѣ съ Ивановымъ впервые 4-го сентября ничѣмъ по дѣлу не опровергается, такъ какъ, хотя, по удостовѣренію свидѣтеля Горна, Ергинъ былъ 4 сентября въ полицейскомъ управленіи, гдѣ былъ и Ивановъ, но, по объясненію Горна, свидѣтель не можетъ утверждать того, видѣлъ ли тогда Ергинъ Иванова. Вполнѣ установлено по дѣлу также и то, что въ г. Средне-Колымскѣ во время весенняго и осенняго перелета гусей и лебедей охотники постоянно носятъ съ собою и въ городѣ заряженное ружье, стрѣляя и въ городѣ по летящимъ птицамъ. Что касается засимъ объясненія подсудимаго о душевномъ состояніи его послѣ извѣстія о самоубійствѣ Калашникова и во время совершенія преступленія, то эти объясненія находятъ себѣ въ дѣлѣ достаточное подтвержденіе. Изъ оглашеннаго въ засѣданіи суда протокола произведеннаго судебнымъ слѣдователемъ осмотра дознанія о самоубійствѣ Калашникова видно, что 25-го іюля 1900 г. земскій слѣдователь Ивановъ учинилъ тяжкое надъ Калашниковымъ насиліе, котораго не пережилъ Калашниковъ, лишившій себя 28-го іюля жизни выстрѣломъ изъ ружья и оставившій предсмертную записку съ яснымъ указаніемъ на причину самоубійства. Смерть Калашникова, товарища по ссылкѣ и лица, близкаго подсудимому, подѣйствовала на Ергина, какъ удостовѣрено показаніями свидѣтелей Полянскаго, Яновича, жены подсудимаго, Любови Ергинной, а отчасти свидѣтеля Горна, крайне тягостно, подавляюще. Если подсудимый, находившійся въ административной, на далекой, суровой окраинѣ, ссылкѣ, поставленный въ крайне тяжелыя мате-

ріальныя и бытовыя условія существованія, чело́вѣкъ, по свидѣтельству издавна знавшихъ его лицъ (свидѣтели Браудо и Александровъ), нервный, впечатлительный, крайне отзывчивый, способный къ глубокому и сильному чувству, — то нельзя не признать полную правдивость объясненія подсудимаго о томъ, что 4-го сентября, увидѣвъ случайно на улицѣ Иванова, Ергинъ охваченъ былъ чрезвычайнымъ порывомъ гнѣва и въ состояніи такого возбужденія совершилъ преступленіе. Совершеніе Ергинимъ убійства Иванова, подѣ влияніемъ сильнаго и страстнаго душевнаго волненія подтверждается и состояніемъ его въ моментъ совершенія этого преступленія, удостовѣреннымъ показаніями свидѣтелей Полянскаго, Яновича, Горна; не можетъ опровергать объясненія подсудимаго о совершеніи имъ преступленія въ запальчивости и раздраженіи ни то обстоятельство, что Ивановъ лично зла Ергину не причинилъ, ни то, что насиліе со стороны Иванова, вызвавшее самоубійство Калашникова, имѣло мѣсто еще 26-го іюля, ибо, во 1-хъ, нельзя отрицать того, что чуткіе къ чужимъ страданіямъ, впечатлительные, нервные люди не менѣе своей личной обиды способны чувствовать обиду, зло и неправду, причиненныя другимъ, въ особенности почему-либо близкимъ людямъ, а во 2-хъ, не подлежитъ сомнѣнію и то, что зародившіеся въ душѣ подѣ влияніемъ тяжкой обиды злора и гнѣвъ, въ отсутствіе обидчика тлѣющіе въ глубинѣ души, вдругъ при внезапной, случайной съ нимъ встрѣчѣ вспыхиваютъ яркимъ пламенемъ, охватывая порывомъ страсти все существо чело́вѣка. Признавая установленнымъ по дѣлу, что Ергинъ совершилъ приписываемое ему убійство не въ нормальномъ, покойномъ состояніи духа, а въ возбужденномъ состояніи нервныхъ силъ, подѣ влияніемъ сильнаго душевнаго волненія, причемъ и самое возникновеніе и осуществленіе намѣренія на убійство имѣло мѣсто въ такомъ состояніи аффекта, судъ не можетъ не присовокупить и того, что если бы въ этомъ отношеніи и могли бы даже быть какія-либо сомнѣнія, то и тогда, разрѣшая вопросъ о степени виновности и мѣрѣ отвѣтственности подсудимаго и руководствуясь правиломъ толкованія всякаго вытекающаго изъ дѣла сомнѣніе не во вредъ, а въ пользу обвиняемаго, а также во вниманіе къ тому, что большая степень виновности и отвѣтственности обвиняемаго должна быть основана на точныхъ доказательствахъ и что никакое обстоятельство, увеличивающее степень виновности подсудимаго не должно быть предполагаемо, — подсудимый не можетъ быть признанъ виновнымъ по 1 ч. 1455 ст. Улож. о Нак.¹

Судомъ присяжныхъ Александръ Ергинъ, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ бы оправданъ.

¹ Т. е. въ преднамеренномъ убійствѣ. Авторъ.

Матеріалы по новѣйшей исторіи русской цензуры.

I. Книги, рассмотрѣнныя Комитетомъ Министровъ съ 1872 по 1891 годъ.

Въ нашихъ рукахъ имѣется нижеслѣдующій любопытный документъ, рисующій положеніе русской литературы за періодъ 1872—1891 г. Вотъ точный текстъ этого памятника соединенной дѣятельности цензурнаго вѣдомства и Комитета Министровъ:

Справка къ представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 13 ноября за № 5320, о запрещеніи книги: Полное собраніе сочиненій Виктора Гюго въ переводѣ русскихъ писателей. Т. II. (Изъ дѣлъ Комитета Министровъ.)

Названія книгъ, представленныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Комитетъ Министровъ для воспрещенія выпуска оныхъ въ свѣтъ, основанія, по коимъ книги эти признавались вредными, и состоявшіяся по симъ представленіямъ положенія Комитета Министровъ.

1. Гарридо. Современная Испанія. Переводъ съ нѣмецкаго. — Pamфлетъ, направленный противъ монархической власти, основныхъ началъ воинской дисциплины и отчасти противъ религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ.

Положеніе Комитета Министровъ 11 юля 1872 года. — Комитетъ, рассмотрѣвъ настоящее представленіе, согласно Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, о примѣненіи силы закона 7 юня 1872 г. къ указаннымъ въ немъ неподцензурнымъ книгамъ и изданіямъ, по коимъ до обнародованія сего закона не состоялось еще судебныхъ рѣшеній, — находилъ, что напечатанный безъ предварительной цензуры и остановленный С.-Петербургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ въ 1869 г. переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Гарридо, подъ заглавіемъ: „Современная Испанія, ея умственный и матеріальный прогрессъ“, не имѣетъ серьезнаго для науки значенія, а между тѣмъ представляется крайне вреднымъ, какъ по общему своему направленію, такъ и по отдѣльнымъ заключающимся въ книгѣ сужденіямъ, касающимся наслѣдственной монархической власти, основныхъ началъ воинской дисциплины и принятыхъ православною церковью религіозныхъ вѣрованій. Посему Комитетъ, согласно съ заключеніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, положилъ: выпускъ въ свѣтъ означеннаго перевода, на основаніи пункта 1-го Высочайше утвержденного 7 юня 1872 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта о дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ дѣйствующихъ узаконеній о печати, воспретить.

Независимо отъ сего, имѣя въ виду особое значеніе и характеръ вновь возложенной на Комитетъ обязанности по рассмотрѣнію представленій Министра Внутреннихъ Дѣлъ относительно воспрещенія выпуска въ свѣтъ особенно вредныхъ къ распространенію въ публикѣ сочиненій, Комитетъ призналъ необходимымъ нынѣ же войти въ ближайшее обсужденіе нѣкоторыхъ подробностей, какъ порядка внесенія въ Комитетъ означенныхъ представленій, такъ и рассмотрѣнія ихъ въ самомъ Комитетѣ. Въ этомъ отношеніи Комитетъ положилъ:

I. Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, независимо отъ соблюденія, при внесеніи имъ упомянутыхъ дѣлъ на рассмотрѣніе Комитета, установленныхъ въ Учрежденіи Комитета правилъ о порядкѣ вступленія дѣлъ: а) оговаривать въ представленіяхъ своихъ время напечатанія и задержанія выхода въ свѣтъ предполагаемой къ запрещенію книги и возбуждено ли по оной судебное преслѣдованіе; б) указывать на страницѣ сочиненія, содержація, по его, Министра, заключенію, вредныя для распространенія въ публикѣ сужденія, и в) доставлять Управляющему дѣлами Комитета, по возможности, соотвѣствующее числу членовъ Комитета количество экземпляровъ сочиненія и, кромѣ того, одинъ экземпляръ для приобщенія къ дѣлу.

II. Предоставить Управляющему дѣлами Комитета: а) не означая въ разсылаемыхъ членамъ Комитета печатныхъ въдомостяхъ назначеннымъ къ докладу дѣламъ названія предполагаемаго къ запрещенію сочиненія, оговаривать въ тѣхъ въдомостяхъ, что представленіе сдѣлано на основаніи дополнительныхъ о печати правилъ 7 іюня, или Высочайшаго повелѣнія 29 апрѣля 1872 г.; б) не дѣлая распоряженія о печатаніи представленій Министра Внутреннихъ Дѣлъ по означеннымъ дѣламъ, принять зависящія мѣры, чтобы при разсылкѣ членамъ Комитета экземпляровъ подлежащихъ обсужденію сочиненій, были въ нихъ отмѣчены указываемыя въ запискѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ мѣста, и в) присылаемые для разсмотрѣнія экземпляры сочиненій, по возвращеніи оныхъ предсѣдателемъ и членами, препровождать немедленно къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

2. Сочиненія Фердинанда Лассалы. Переводъ В. Зайцева, СПб., изданіе Н. Полякова, 1870 г., въ двухъ томахъ. — Кошунственное порицаніе христіанской вѣры, нападки на принципъ собственности и осужденіе принципа монархической власти.

Положеніемъ Комитета Министровъ 22 августа 1872 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

3. Верморель. Жаңъ Мара (l'ami du peuple), другъ народа. Собраніе сочиненій. Переводъ съ французскаго. — Полнѣйшее осужденіе монархической власти и государственныхъ учреждений.

Положеніемъ Комитета Министровъ 12 сентября 1872 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

4. Бесѣда. Журналъ. Выпускъ VII. — Рѣзкое порицаніе Министерства Народнаго Просвѣщенія за установленіе и самый порядокъ экзаменовъ.

Положеніе Комитета Министровъ 12 сентября 1872 г. — Разсмотрѣвъ настоящее представленіе и помѣщенную въ VII книгѣ издаваемаго, безъ предварительной цензуры, въ Москвѣ ученаго, литературнаго и политическаго журнала „Бесѣда“ статью подъ заглавіемъ: „Учебныя испытанія гимназистовъ въ 1872 г.“, Комитетъ остановился прежде всего на опредѣленіи характера этой статьи и на обсужденіи вопроса, соответствуетъ ли ея значенію мѣра, предлагаемая Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ на основаніи дополнительнаго закона о печати 7 іюня 1872 г.

Въ этомъ отношеніи Комитетъ находилъ, что означенная статья изложена на 6 страницахъ, въ формѣ письма, за подписью „одинъ изъ отцовъ“, съ сочувственнымъ къ содержанію ея объясненіемъ редактора, и, выходя изъ границъ спокойнаго и дозволеннаго закономъ обсужденія распубликованныхъ правительственныхъ мѣръ, содержитъ въ себѣ полное порицаніе, въ весьма рѣзкихъ и крайне неприличныхъ выраженіяхъ, какъ общаго характера дѣятельности чиновъ въдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и, въ особенности, способа примѣненія новаго устава гимназическаго курса. Обращаясь же къ распубликованному Высочайше утвержденному 7 іюня 1872 г. мѣншію Государственнаго Совѣта о дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ дѣйствующихъ узаконеній о печати, Комитетъ усматривалъ, что законъ этотъ изданъ съ исключительною цѣлью положить предѣлъ безпрятственному распространенію въ публикѣ такихъ сочиненій, которыя не заключая въ себѣ прямого нарушенія какой-либо статьи карательнаго закона, наполнены опасными лжеученіями, стремящимися ниспровергнуть священные истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка. Посему и имѣя въ виду, что разсматриваемая статья въ журналѣ „Бесѣда“ прямо нарушаетъ выраженное въ п. 1 ст. 9 и въ ст. 16 гл. IV дѣйствующихъ временныхъ правилъ о цензурѣ и печати запрещеніе оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія о распоряженіяхъ правительственныхъ властей, Комитетъ признавалъ, что, по точному смыслу закона 7 іюня 1872 г., къ настоящему нарушенію должно бы было примѣнить не означенный законъ, но предоставленное Министру Внутреннихъ Дѣлъ право предостереженій, тѣмъ болѣе, что мѣра эта не обратила бы на себя такого особаго вниманія публики, какъ приостановленіе и запрещеніе цѣлой книги ежемѣсячнаго журнала. Но при этомъ Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія заявилъ, что, въ виду дѣйствительно существующаго въ обществѣ возбужденія умовъ противъ принятыхъ въ послѣднее время преобразовательныхъ мѣръ по въдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, порицаніе означеннаго въдомства въ такой неприличной формѣ, какъ это сдѣлано въ разсматриваемой статьѣ журнала „Бесѣда“, усиливая это возбужденіе, можетъ имѣть въ настоящее время особенно вредное влияние на учащуюся молодежь, развивая въ ней недовѣріе къ начальству и побуждая къ неповиновенію.

Принимая во вниманіе такой отзывъ статсъ-секретаря Делянова, подкрѣпленный и статсъ-секретаремъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, Комитетъ пришелъ къ единогласному убѣжденію въ необходимости признать, на основаніи закона 7 іюня 1872 г., разсмотрѣнную статью вредною для распространенія въ публикѣ.

Вслѣдствіе таковыхъ соображеній Комитетъ положилъ: означенную книгу воспретить.

5. Вольтеръ, его жизнь и сочиненіе. Давида Фридриха Страусса. Лекція, читанная при Гессенъ-Дармштадтскомъ Дворѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Н. Н. Страхова. СПб. 1872 г. — Мѣста, касающіяся догматовъ, противны христіанской религіи и оскорбляютъ чувство приличія.

Положеніе Комитета Министровъ 7 ноября 1871 г. — Приступивъ къ разсмотрѣнію настоящаго представленія, Комитетъ остановился предварительно на вопросѣ: можно ли входить въ сужденіе о воспрещеніи выпуска въ свѣтъ признанныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ вредныхъ къ распространенію и задержанныхъ по его распоряженію книгъ, безъ представленія въ Комитетъ, согласно положенію оного 11 іюля 1872 г., соответствующаго числу членовъ Комитета количества экземпляровъ предполагаемаго къ запрещенію сочиненія. Въ этомъ отношеніи Комитетъ усмотрѣлъ, что означенный порядокъ соблюдается только по представленіямъ, касающимся книгъ и номеровъ современныхъ изданій, задержанныхъ на основаніи Высочайше утвержденного 7 іюня 1872 г. мѣннія Государственнаго Совѣта о доплененіи и измѣненіи нѣкоторыхъ дѣйствующихъ узаконеній о печати. Что же касается тѣхъ книгъ, которыя были задержаны ранѣе 7 іюня 1872 г. и представленія о коихъ поступаютъ въ Комитетъ въ силу Высочайшаго повелѣнія 29-го апрѣля 1772 г., то Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ доводилъ до свѣдѣнія Комитета о встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ къ внесенію въ Комитетъ потребнаго, по числу членовъ оного, экземпляровъ таковыхъ книгъ. Нынѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ заявилъ, что возможность представленія потребнаго количества экземпляровъ задержанныхъ до 7 іюня 1872 г. книгъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ Министра Юстиціи, такъ какъ по нимъ возбуждены уже судебныя преслѣдованія и задержанныя книги передавы въ судебное вѣдомство, а статсъ-секретарь графъ Паленъ отозвался, что требованія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о присылкѣ извѣстнаго количества экземпляровъ задержанныхъ книгъ могутъ, по распоряженію его, быть исполняемы судебнымъ вѣдомствомъ.

За разъясненіемъ настоящаго вопроса, Комитетъ положилъ: предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ на будущее время при представленіяхъ въ Комитетъ о запрещеніи книгъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29 апрѣля 1872 г. доставлять, согласно положенію Комитета 11 іюня, соответственное числу членовъ оного количество экземпляровъ предположенныхъ къ запрещенію книгъ, подобно тому, какъ это нынѣ соблюдается относительно книгъ и номеровъ повременныхъ изданій, задержанныхъ послѣ закона 7 іюня.

Затѣмъ Комитетъ обратился къ разсмотрѣнію, по существу, представленія генералъ-адъютанта Тимашева о запрещеніи напечатанной, безъ предварительной цензуры, вышеназванной книги. Выслушавъ записку по сему дѣлу и находя, что приведенныя въ оной многочисленныя мѣста изъ означеннаго сочиненія, оскорбляя во всѣхъ отношеніяхъ чувство приличія, противны христіанской вѣрѣ, Комитетъ призналъ распространеніе означеннаго перевода въ публикѣ крайне вреднымъ и потому положилъ: согласно съ заключеніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, выпускъ сего перевода въ свѣтъ воспретить.

6. Фр. М. Вольтеръ. Философія исторіи. Переводъ В. Зайцева. — Глуменіе надъ признаваемыми христіанскою церковью истинами и опроверженіе Св. Писанія.

Положеніемъ Комитета Министровъ 7 ноября 1872 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

7. IX книга издаваемаго въ Москвѣ журнала „Весѣда“, статья подъ заглавіемъ: Очеркъ современнаго женскаго института. — Неприличныя сужденія о женскихъ закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ Россіи вообще и крайне рѣзкое порицаніе дѣятельности какъ лицъ, посвятившихъ себя воспитанію дѣвицъ въ институтахъ, такъ и тѣхъ, кои приняли на себя попеченіе и заботливость о сихъ заведеніяхъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 7 ноября 1872 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

8. Историческіе характеристики и этюды Шерра. Переводъ М. А. Антоновича. Томъ I. Изданіе Н. П. Полякова. СПб. 1871 года. —

Крайняя враждебность христианской религии и монархическому началу отдѣльных популярных изложенных исторических очерковъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 21 ноября 1872 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

9. Томасъ Гоббзъ. Левіаеанъ, или о сущности, формѣ и власти государства. Перев. съ англійскаго С. Автокротова и В. Зайцева. Изданіе Николая Полякова. СПб. 1868 г. — Оспариваются нѣкоторые догматы христианства и извращаются событія священной исторіи.

Положеніе Комитета Министровъ 21 ноября 1872 г. — Выслушавъ настоящее представленіе, Комитетъ нашелъ: 1) что книга эта, напечатанная въ 1868 г., безъ предварительной цензуры, была въ томъ же году задержана С.-Петербургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ какъ содержащая въ себѣ разсужденія, касающіяся священной и церковной исторіи и догматовъ христианской вѣры, а потому подлежащія предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры, и 2) что затѣмъ книга эта была подвергнута разсмотрѣнію Комитета духовной цензуры, который усмотрѣлъ въ оной важныя заблужденія, противныя св. писанію и ученію православной церкви. Посему и принимая въ соображеніе, что, на основаніи Высочайшаго указа 6 апрѣля 1865 г., содержащіяся въ немъ правила объ освобожденіи опредѣленнаго размѣра книгъ, переводовъ и другихъ изданій отъ предварительной цензуры не распространяются на сочиненія, переводы и изданія, а также и мѣста въ нихъ, подлежащія, по дѣйствующимъ постановленіямъ и распоряженіямъ, духовной цензуры, Комитетъ положилъ: не входить въ подробное разсмотрѣніе признанной уже Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ подлежащей предварительной духовной цензуры вышеназванной книги, предоставилъ генералъ-адъютанту Тимашеву въ дальнѣйшихъ его, по сему предмету, распоряженіяхъ принять къ руководству существующія относительно духовной цензуры узаконенія.

10. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Наблюденія и изслѣдованія Флеровскаго. СПб. 1872 г. — Весьма рѣзкое и страстное, проникнутое ученіемъ крайняго социализма, сужденіе объ экономическомъ положеніи рабочаго класса вообще, объ отношеніяхъ рабочихъ къ капиталистамъ и землевладѣльцамъ и о тѣхъ мѣрахъ, кои могли бы служить средствами къ измѣненію существующаго въ экономическомъ строѣ порядка.

Положеніемъ Комитета Министровъ 19 декабря 1872 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

11. Записки идеалистки между двумя революціями 1838—1848 гг. Мемуары женщины Германіи сороковыхъ годовъ. Переводъ съ французскаго М. Цебриковой. — Изложеніе въ легкой формѣ автобіографическаго разсказа революціонныхъ стремленій и противогосударственныхъ началъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 19 декабря 1872 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

12. Артуръ Бутъ. Біографія и дѣятельность Роберта Овена, основателя социализма въ Англіи, автора „Образованіе человѣческаго характера“ и книги „Новый нравственный міръ“. Переводъ съ англійскаго. СПб. 1871 г. — Изложеніе ложныхъ матеріалистическихъ и коммунистическихъ воззрѣній.

Положеніемъ Комитета Министровъ 23 января 1873 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

13. Арманъ Каррель. Томъ второй. Статьи историческія и политическія. Изданіе Н. А. Тиблена. СПб. 1866 г. — При общемъ республиканскомъ направленіи, отдѣльные отзывы и сужденія направлены противъ монархической власти.

Положеніемъ Комитета Министровъ 23 января 1873 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

14. Политическая исторія новѣйшаго времени 1816—1868 гг. Сочиненіе Вильгельма Мюллера, профессора Тюбингенскаго университета. СПб. 1872 г. — Противомонархическія воззрѣнія и оправданіе какъ политическихъ преступленій отдѣльныхъ лицъ, такъ и вооруженнаго возстанія народовъ противъ закономъ установленной государственной власти.

Положеніемъ Комитета Министровъ 20 февраля 1873 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

15. Луи Вланъ. Исторія Февральской Революціи 1848 г. Томъ I. Изданіе Гріднина и Рождественскаго. СПб. 1872 г. — Рѣзкое порицаніе

существующаго политическаго и соціальнаго порядка, пропикнутое учениемъ крайняго социализма.

Положеніемъ Комитета Министровъ 20 февраля 1873 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

16. Сборникъ на 1871 г. Изданіе редакціи журнала „Библіотека“. Статьи: „Хорошее семейство“ и „Подвиги и Приднѣпровье“. СПб. 1871 года. — Цинизмъ изложенія первой статьи и крайняя враждебность къ правительственнымъ органамъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ второй статьи.

Положеніемъ Комитета Министровъ 3 апрѣля 1873 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

17. Франція 1871 г. Политическіе эскизы Евг. Утина. СПб. 1872 г. — Весьма враждебное отношеніе къ монархическому началу и полное сочувствіе какъ учению крайняго социализма, такъ и революционнымъ народнымъ движеніямъ и республиканскому образу правленія.

Положеніемъ Комитета Министровъ 3 апрѣля 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

18. Соціальная статика. Изложеніе соціальныхъ законовъ, обусловливающихъ счастье человѣчества. Соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Н. П. Полякова. СПб. 1872 года. — Подробное изложеніе философской системы автора, не только опровергающей главныя основы существующаго государственнаго порядка, но и стремящейся доказывать право отдѣльныхъ лицъ на сопротивленіе опредѣленіямъ государственной власти и обязанность стремиться къ обращенію въ дѣйствительность созданныхъ ими идеаловъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 24 апрѣля 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

19. Россель. Посмертныя записки, сочиненія и письма, собранныя и приведенныя въ порядокъ Жюлемъ Амигомъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Н. Павловскаго. СПб. 1872 г. — Изложеніе крайнихъ революционныхъ теорій, имѣющее свою цѣлью возбужденіе сочувствія какъ къ симъ теоріямъ, такъ и къ тѣмъ дѣятелямъ, которые жертвуютъ собою, преслѣдуя осуществленіе своихъ политическихъ идеаловъ посредствомъ открытаго вооруженнаго возстанія противъ установленной власти.

Положеніемъ Комитета Министровъ 24 апрѣля 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

20. Соч. Бюхнера: Откуда мы, кто мы, куда мы. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе И. Д-тъ Зеновича. СПб. 1872 г. — Крайнія матеріалистическія и социалистическія ученія, клонящіяся къ поколебанію религіозныхъ вѣрованій и существующихъ основъ гражданскаго быта.

Положеніемъ Комитета Министровъ 9 мая 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

21. Сочиненія Радищева. Томы I и II. Съ портретомъ автора и статью „О жизни и сочиненіяхъ Радищева“. А. П. Пятковскаго. Редакція изданія П. А. Ефремова. Изд. книжнаго магазина Черкесова. СПб. 1872 г. — Памфлетъ политическаго характера, порицающій монархическій принципъ и подрывающій воинскую дисциплину.

Положеніемъ Комитета Министровъ 9 мая 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

22. Исслѣдованія по текущимъ вопросамъ. СПб. Въ типографіи В. Нусвальдта. 1872 г. — Извращеніе историческихъ фактовъ, съ цѣлью возбудить недоумѣніе и ненависть къ существующимъ образамъ правленія и даже къ христіанству.

Положеніемъ Комитета Министровъ 22 мая 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

23. Сборникъ разсказовъ въ прозѣ и стихахъ. СПб. Въ типографіи А. М. Котомина. 1871 г. — Подборъ отдѣльныхъ статей въ легкой повѣствовательной формѣ, съ явною цѣлью осужденія настоящаго общественнаго строя и возбужденія враждебнаго настроенія въ массѣ читателей изъ бѣднаго и рабочаго классовъ народа.

Положеніемъ Комитета Министровъ 22 мая 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

24. Лишеніе свободы, какъ наказаніе исправительное. М. Ѳ. Прянишникова. СПб. 1872 г. — Рѣзкія порицанія тюремной системы въ Россіи и совершенно произвольные и предосудительные выводы изъ дѣйствующихъ по сей

части законоположений, съ явнымъ намѣреніемъ поколебать довѣріе къ распоряженіямъ административныхъ властей и возбудить къ нимъ неуваженіе.

Положеніемъ Комитета Министровъ 12 іюня 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

25. Естественная исторія міротворенія. Соч. д-ра Эрнеста Геккеля. Проф. Іенскаго университета. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія А. Я. Герда. СПб. 1873 г. — Изложеніе материалистическаго ученія о мірозданіи, о происхожденіи человѣка и о существѣ Божіемъ, опроверженіе основныхъ догматовъ христіанскаго ученія и враждебныя монархическому началу политическія воззрѣнія.

Положеніемъ Комитета Министровъ 12 іюня 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

26. Исторія возникновенія и вліянія рационализма въ Европѣ. В. Э. Гартполя Лекки. Т. II. Переводъ съ англійскаго А. Н. Пыпина. Изд. Н. П. Полякова. СПб. 1872 г. — Опроверженіе догматовъ вѣры православной и изложеніе началъ рационалистическихъ ученій.

Положеніемъ Комитета Министровъ 26 іюня 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

27. Вилліамъ Эдуардъ Гартполь Лекки. Исторія нравственности въ Европѣ отъ Августа до Карла Великаго. Переводъ съ англійскаго. Томъ I. Выпускъ I. Изд. А. С. Героглифова. СПб. 1872 г. — Крайне неудобныя въ печати разсужденія о религіозныхъ предметахъ и объ отношеніяхъ между верховною властью и подданными.

Положеніемъ Комитета Министровъ 26 іюня 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

28. Безъ ярлыка (Внѣ колен). Романъ въ четырехъ книгахъ А. Корнева. Т. I. Въ 2-хъ книгахъ. СПб. 1872 г. — Весьма рѣзкія нападки на принятую правительствомъ систему классическаго образованія и неблагоприятныя сужденія о существующемъ общественномъ строе.

Положеніемъ Комитета Министровъ 17 іюля 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

29. Романы и повѣсти Д. Дидро. Въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго В. Зайцева. Т. II. СПб. 1872 г. — Безнравственность и антирелигіозность какъ въ общемъ направленіи, такъ и въ отдѣльныхъ заключающихся въ ней сужденіяхъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 17 іюля 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

30. Жертва вечерняя. Романъ въ 4 книгахъ, П. Д. Воборыкина. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное, Н. А. Шигина. СПб. 1872 г. — Крайне неприличное содержаніе.

Положеніе Комитета Министровъ 7 и 14 августа 1873 г. — При разсмотрѣніи сего представленія и приложенной къ оному книги между Членами Комитета произошло разномысліе:

Шестъ Членовъ: Генераль-Лейтенантъ Графъ Бобринскій, Статсъ-Секретарь Шторхъ, Генераль-Адъютанты: Грейгъ, Лесовскій, Графъ Левашевъ и Тайный Совѣтникъ Островскій признали, что романъ Воборыкина: „Жертва вечерняя“, принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній печати, которыя, составляя лишь подражаніе легкой французской литературѣ, не имѣютъ сами по себѣ особаго значенія. Въ основаніи романа нѣтъ рѣшительно никакой ни антисоціальной, ни даже какой бы то ни было политической цѣли, а по характеру содержанія своего и способу изложенія нѣкоторыхъ сценъ, признаваемыхъ Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ безнравственными, романъ этотъ стоитъ на одинаковой степени нравственнаго значенія съ весьма многими беллетристическими произведеніями печати и театральными пьесами современной литературы и не превосходитъ въ этомъ отношеніи встрѣчающихся подобныхъ описаній въ сочиненіяхъ даже перво-классныхъ романистовъ и драматурговъ всѣхъ временъ и народовъ. Независимо отъ сего, шесть членовъ обратили особое вниманіе и на то обстоятельство, что задержанное изданіе романа „Жертва вечерняя“ есть второе изданіе распространеннаго уже въ публикѣ произведенія и что потому разрѣшеніе выпуска оного въ свѣтъ не можетъ сопровождаться вредными послѣдствіями. Не находя по вѣсѣмъ симъ соображеніямъ, чтобы 2-ое изданіе романа „Жертва вечерняя“ могло бы быть приравнено къ произведеніямъ печати, наполненнымъ опасными лжеученіями, имѣвшимися въ виду при изданіи закона 7 іюня 1872 г., и признавая, что законъ этотъ по разуму своему и цѣли, съ которою былъ изданъ, можетъ быть примѣняемъ

только въ тѣхъ случаяхъ, когда книга должна быть признана особенно вредною, шесть Членовъ не усматривали достаточныхъ оснований къ воспрещенію, административнымъ порядкомъ, выхода въ свѣтъ разсматриваемаго романа и потому полагали: силу высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 7 іюня 1872 г. къ представленной въ Комитетъ книгѣ не примѣнять.

А Предсѣдатель и шесть Членовъ: Статсъ-Секретарь Графъ Паленъ и Деляновъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Вестманъ, Статсъ-Секретари Князь Лобановъ-Ростовскій и Брунъ, и Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Князь Ливень находили, что содержаніе разсматриваемаго романа, въ особенности при тѣхъ дополненіяхъ, которыя включены въ настоящее изданіе, крайне безнравственно какъ по циническому изложенію отдѣльныхъ сценъ, такъ и по общему направленію своему, составляющему какъ бы протестъ противъ общественныхъ условий, въ коихъ находится женщина, принадлежащая, по положенію своему, къ современному свѣтскому обществу. Подобное чтеніе, по мнѣнію Предсѣдателя и шести Членовъ, можетъ имѣть весьма вредное вліяніе на неустановившееся воображеніе молодого поколѣнія и преимущественно женскаго. Самая форма легкаго изложенія беллетристическаго произведенія ручается за большое распространеніе книги, которая, при крайне циническомъ содержаніи своемъ, представляетъ рядъ возмутительныхъ картинъ, могущихъ извращать понятія о нравственности. Посему и усматривая, что законъ 7 іюня 1872 г. имѣетъ, между прочимъ, въ виду положить предѣлъ распространію въ публикѣ сочиненій, наполненныхъ идеями, извращающими понятіе о нравственности, Предсѣдатель и 6 Членовъ признавали распространеніе разсматриваемой книги особенно вреднымъ и полагали выпускъ оной въ свѣтъ, согласно съ представленіемъ Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, воспретить.

Такое разномысліе Комитетъ повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

На журналѣ Комитета послѣдовала на 6-ой день сентября 1873 г. Собственно-ручная Высочайшая резолюція:

„Хотя Я и нахожу романъ этотъ въ высшей степени неприличнымъ и безнравственнымъ, но считаю запрещеніе его неудобнымъ, ибо оно обратило бы еще большее на него вниманіе публики, такъ какъ первое его изданіе уже находится, къ сожалѣнію, въ обращеніи.“

31. Соч. Д. И. Писарева. Часть 4-ая и 7-ая. Изд. второе. СПБ 1872 г. — Оправданіе и превознесеніе развращающихъ доктринъ нигилистовъ, отрицаніе начала семейнаго союза, желаніе насильственныхъ измѣненій существующихъ экономическихъ условий и осмѣяніе религіозныхъ вѣрованій, общихъ всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 11 сентября 1873 г. воспрещены къ выпуску въ свѣтъ.

32. Люцинда. Романъ Швейцера (авторъ романа Эмма). Переводъ съ нѣмецкаго. СПБ. 1872 г. — Крайнія социалистическія тенденціи и возбужденіе ненависти къ существующему порядку вещей, и Ланжале и Коррье. Исторія революціи 13 марта. Переводъ съ французскаго подъ редакціею А. Михайлова. СПБ. 1873 г. — Апологія самыхъ крайнихъ коммунистическихъ и революціонныхъ стремленій и отсутствіе какъ ученаго достоинства, такъ и историческаго интереса.

Положеніемъ Комитета Министровъ 16 октября 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

33. Отъ колыбели до могилы, мужчина — женщина. Картины и очерки публичной и семейной жизни современнаго русскаго общества. Въ двухъ книгахъ. Соч. Бабикова. Москва 1872 г. — Крайне безнравственное содержаніе, имѣющее цѣлью оправдать развратъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 6 ноября 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

34. Скорбящіе. Романъ М. А. Филиппова. Въ 2-хъ частяхъ. СПБ. 1873 г. — Описаніе возмутительныхъ злоупотребленій упраздненнаго крѣпостнаго права, нравовъ помѣщиковъ и вообще высшаго сословія съ явною тенденціозностью и съ крайнимъ цинизмомъ, оскорбляющимъ нравственное чувство.

Положеніемъ Комитета Министровъ 6 ноября 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

35. Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. К. Ф. Неймана. Томъ 2-ой. Переводъ съ нѣмецкаго. СПБ. 1873 г. — Антимонархическое и антирелигіозное направленіе.

Положеніемъ Комитета Министровъ 6 ноября 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

36. Очерки развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ 1825—1860 гг. Соч. А. Скабичевскаго. СПб. 1872 г. — Попытка возстановитъ авторитетъ и политическую честность агитатора (Герцена) и изложеніе его сочиненій, что не согласно съ смысломъ Высочайшаго повелѣнія 1871 г. о неразрѣшеніи выпуска сочиненій лицъ, признанныхъ изгнанниками отечества, тайно покинувшихъ его, и государственныхъ преступниковъ, какого-бы содержанія и въ какомъ видѣ сочиненія эти ни были.

Положеніемъ Комитета Министровъ 20 ноября 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

37. Женское дѣло въ Европѣ и Америкѣ, съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по женскому вопросу. Соч. Г. Алферьева. СПб. 1873 г. Обсужденіе женскаго вопроса въ духѣ социалистическомъ и революціонномъ и перечень всѣхъ тенденціозныхъ трактатовъ по этому вопросу.

Положеніемъ Комитета Министровъ 10 декабря 1873 г. воспрещенъ къ выпуску въ свѣтъ.

38. Артели на Руси. В. Ю. Скалона. Москва. 1873 г. — Попытка пропагандировать ученія повѣйшихъ социалистовъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 10 декабря 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

39. Лоренцъ Штейнъ. Исторія социальнаго движенія Франціи съ 1789 года. Томъ первый. Основное понятіе общества и социальная исторія Французской революціи до 1830 года. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія. СПб. 1872 г. — Возбужденіе ненависти между бѣдными и богатыми и попытка доказать, что реформы правительства должны быть основаны на началахъ такъ называемой социологіи, ложное толкованіе права собственности и нѣкоторыя заимствованія изъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs“, запрещеннаго въ Россіи.

Положеніемъ Комитета Министровъ 10 декабря 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

40. Современные вопросы. Выпускъ первый. СПб. 1873 г. — Легкомысленные и нелѣпые сужденія о государственныхъ вопросахъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 10 декабря 1873 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

41. Объ отношеніи господъ къ прислугѣ и о Мировомъ Институтѣ. Москва. 1871 г. — Возбужденіе прислуги противъ нанимателей и пропаганда враждебности низшихъ классовъ къ высшимъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 18 июня 1874 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

42. Отечественныя записки № 5 1874 г. Статьи: а. Рекрутскій наборъ (Замѣтки провинціального адвоката) В. Кроткова. — Возбужденіе общественнаго нерасположенія къ воинской повинности и общаго недовѣрія къ правительственнымъ агентамъ, на которыхъ возложено ея исполненіе; б. Очень маленькій человекъ (страница изъ однихъ записокъ) Глѣба Успенскаго. — Проповѣдь социализма вообще и, въ частности, пропаганда вражды между имущими и неимущими классами, и в. Литературныя и журнальныя замѣтки — сопоставленіе социалистической теоріи, доведенной до крайнихъ предѣловъ, съ государственнымъ строемъ и даже примѣненіе ея въ гипотезѣ къ Россіи.

Положеніемъ Комитета Министровъ 30 іюля 1874 г. воспрещены къ выпуску въ свѣтъ.

43. Библіотека переводовъ. Выпускъ 3-й. Подачка собакамъ. Романъ Эмиля Золя. Переводъ съ французскаго. Изданіе Карбасникова. СПб. 1874 г. — Возмутительное, по неблагопристойности многихъ подробностей, содержаніе.

Положеніемъ Комитета Министровъ 10 сентября 1874 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

44. Лучъ. Учено-литературный сборникъ. Томъ II. Изданіе П. Ткачева. СПб. 1866 г. — Статьи: а. Психологическіе этюды. Соч. Эрн. Колонна. — по материалистическому, неблагопристойному и противорелигіозному содержанію въ прямое нарушеніе законовъ о печати; б. Городъ и деревня, картины провинціальной жизни. Потанина — безобразные и грязные очерки нравовъ, отчасти цинически порицающіе духовенство; в. Очерки московскихъ

правовъ. А. Левитова — по грубой неблагопристойности; г. Теоретическія гуманныя попытки XVIII вѣка. Шелгунова — стараніе доказать, что до конца XVIII вѣка во внутренней политикѣ западно-европейскихъ государствъ царствовалъ принципъ насилія, какъ естественное послѣдствие неограниченной формы монархическаго правленія; д. Женскій вопросъ — по крайнему направленію съ искаженіемъ текста Священнаго Писанія, и е. Государственное хозяйство Европы. П. Ткачева — вслѣдствие противоправительственнаго направленія и отрицанія у Верховной власти права назначать налоги.

Положеніемъ Комитета Министровъ 15 октября 1874 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

45. Наука о любви. Соч. Д. Лобанова. Въ 2-хъ частяхъ. СПб. 1875 г. — Изложеніе предмета исключительно со стороны чувственности, внушеніе дѣтямъ недовѣрія и неуваженія къ авторитету родителей, игнорированіе святости брака, какъ таинства, и оправдываніе преступленій и убійствъ, совершаемыхъ изъ ревности.

Положеніемъ Комитета Министровъ 11 февраля 1875 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

46. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ III. Книга II. Вѣкъ Фридриха Великаго. Соч. Г. Геттнера. Переводъ съ нѣмецкаго Павла Барсова. Москва. 1874 г. — Изложеніе мнѣній рационалистовъ безъ серьезнаго опроверженія ихъ парадоксальности и дерзкаго нападенія на основы христіанской религіи и нравственности.

Положеніемъ Комитета Министровъ 26 марта 1875 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

47. Пропаль. Романъ изъ быта сельскаго духовенства и раскольниковъ. Соч. Н. Александрова. СПб. 1875 г. — Изображеніе жестокости помѣщичьяго управленія въ Россіи во время крѣпостного права въ такихъ чертахъ, въ какихъ оно и прежде являлось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ съ цѣлью возстановленія крестьянъ противъ бывшихъ помѣщиковъ и противъ правительства.

Положеніемъ Комитета Министровъ 22 апрѣля 1875 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

48. Эдгаръ Кине. Новый духъ. Переводъ съ французскаго. Изданіе А. А. Жемчужникова и А. П. Коломнина. СПб. 1875 г. — Авторъ горячій приверженецъ республики и съ ненавистью говоритъ о цезаризмѣ и вообще о монархическомъ правленіи.

Положеніемъ Комитета Министровъ 11 ноября 1875 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

49. С. С. Шашковъ. Женское дѣло въ Америкѣ. СПб. 1875 г. — Косвенное порицаніе монархическаго принципа, ослабленіе началъ семейнаго союза и пропаганда идей, несогласныхъ съ нашимъ общественнымъ и государственнымъ строемъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 15 декабря 1876 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

50. Мысль и Трудъ. Чтеніе для юношества. Томъ I. СПб. 1876 г. — По своей возмутительной тенденціозности

Положеніемъ Комитета Министровъ 9 марта 1876 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

51. Будивля сыита. 3. Метаморфозъ Овидія Назона. Перевивъ простомовою К. Шейковскій. Вобруйскъ. 1875 року. — Какъ преслѣдующія украинофильскія стремленія и предназначенія для простаго народа юго и сѣверо-западнаго края, т. е. именно для тѣхъ мѣстностей Имперіи, гдѣ по особымъ политическимъ условіямъ украинофильскія попытки могутъ принести еще больше вреда, чѣмъ въ коренныхъ малороссійскихъ губерніяхъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 4 мая 1876 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

52. Человѣческая трагикомедія. Очерки и картины. Іоганна Шерра. Переводъ съ нѣмецкаго. — Стремленіе поколебать религіозныя убѣжденія и ослабить уваженіе къ монархической власти и изложеніе картинъ соблазнительнаго, доходящаго до неприличія, содержанія.

Положеніе Комитета Министровъ 1877 года. Разсмотрѣвъ это представленіе, Комитетъ принялъ въ соображеніе, что Высочайше утвержденнымъ Его Императорскимъ Величествомъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, 7 іюня 1872 г. Комитету Министровъ предоставлено воспрещеніе собственному выпуску въ свѣтъ такихъ сочиненій, напечатанныхъ безъ предварительной цензуры, кои были подвергнуты, по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, предварительному задержанію.

Имѣя за сѣмъ въ виду, что изданная въ Москвѣ и признанная нынѣ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ крайне вредною книга подъ заглавіемъ: „Человѣческая трагикомедія“ поступила уже въ продажу по упущенію цензора (удаленнаго за сѣ отъ должности), Комитетъ призналъ правильнымъ повергнуть заключеніе свое по этому дѣлу, какъ превышающее Высочайше предоставленную Комитету Министровъ власть на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе.

Что же касается существа самого представленія генераль-адъютанта Тимашева, то Комитетъ раздѣляя вполне изложенное въ ономъ мнѣніе о необходимости изыять изъ обращенія названную книгу, какъ несомнѣнно крайне вредную.

Посему и принимая во вниманіе, что книга эта содержитъ въ себѣ статьи, уже запрещенныя Комитетомъ Министровъ въ сборникъ подъ другимъ названіемъ къ выпуску въ свѣтъ, и такія, кои заимствованы изъ сочиненій Шерра, не допущенныхъ цензурою къ обращенію въ публикѣ, Комитетъ полагаетъ не только воспретить обращеніе названнаго изданія въ продажѣ, но и представить вмѣстѣ съ тѣмъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлать немедленно распоряженіе объ отобраніи книги какъ изъ мѣста продажъ, такъ и изъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, а также объ уничтоженіи отобранныхъ экземпляровъ.

Положеніе Комитета Министровъ удостоилось Высочайшаго утвержденія 18-го марта 1877 года.

53. Славянскія драмы. Соч. Д. Мордовцева. СПб. 1877 г. — Сочувствіе революціоннымъ движеніямъ народныхъ массъ, вызовъ на борьбу противъ всякаго проявленія правительственной власти и изложеніе, подъ весьма прозрачнымъ замаскированіемъ, дѣятельности русскихъ политическихъ эмигрантовъ Герцена и Бакунина.

Положеніемъ Комитета Министровъ 14 іюня 1877 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

54. Дѣло Капитана Лукина. — Рѣзкія сужденія о дѣйствіяхъ военныхъ судовъ, особенно по поводу приговора высшаго военнаго суда, всенеподданнѣйше доложеннаго Государю Императору, утвержденнаго и всемилостивѣйше смягченнаго Его Величествомъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 12 іюля 1877 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

55. Земля, рабочій трудъ и капиталъ въ русской сельско-хозяйственной промышленности. Соч. Н. П. Данилова. Москва. 1877. — Попытка объяснить ухудшеніе положенія нашихъ крестьянъ неблагоприятными усиліями дворянства извратить для своихъ выгодъ направленіе реформы и эксплуатацію дворянами крестьянскаго труда, при чемъ враждебное отношеніе къ дворянству можетъ служить подспорьемъ врагамъ общественнаго порядка для проведенія въ народъ ненависти къ крупнымъ земельнымъ собственникамъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 26 іюля 1877 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

56. Вятская незабудка. Памятная книжка Вятской губерніи на 1878 годъ. Неофициальное изданіе. — Сборникъ обличительныхъ статей и пасквильныхъ разсказовъ о правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ Вятской губерніи и мѣстныхъ лицахъ, начиная съ волостныхъ писарей до губернатора и архіерея, при чемъ всѣ лица обозначены полными именами какъ въ книгѣ, такъ и въ приложенномъ алфавитѣ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 2 мая 1878 года воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

57. Сентябрьская книжка журнала „Слово“. Статья „Вольтеръ“. — Враждебное отношеніе не только къ христіанству, но и ко всякому богопочитанію и рѣзкіе отзывы о монархической власти. Стихотвореніе „Борьба“ — желаніе вызвать сочувствіе къ политическимъ агитаторамъ, причѣмъ общее направленіе журнала, выразившееся въ сентябрьской книжкѣ, — замаскированное проведеніе матеріалистическихъ и революціонныхъ идей.

Положеніе Комитета Министровъ 31 октября 1878 г. — При слушаніи этого представленія, Комитетъ принявъ въ особое вниманіе заявленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ о томъ, что общее направленіе издаваемого съ января 1878 г. журнала „Слово“ обнаруживаетъ несомнѣнное стремленіе редакціи проводить въ среду своихъ читателей, посредствомъ осторожно высказываемыхъ отрывочныхъ идей, вредныя матеріалистическія и социалистическія ученія, влѣдствіе чего журналъ этотъ успѣлъ уже приобрести авторитетность въ извѣстномъ кругу читателей. Посему Комитетъ, рассмотрѣвъ внесенную Генераль-Адъютантомъ Тимашевымъ сентябрь-

скую книжку означеннаго журнала, положилъ: выпускъ въ свѣтъ этой книжки воспретить.

58. Стенографическій отчетъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. — Въслѣдствіе имѣвшихъ мѣсто на судѣ несомнѣнныхъ съ достоинствомъ правительственной власти заносчивыхъ и непримиримыхъ выходовъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ и защитниковъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 14 ноября 1878 г. воспрещенъ къ выпуску въ свѣтъ.

59. Общедоступный календарь на 1879 г. С. Шашкова. — Крайній цинизмъ нѣкоторыхъ статей, а въ другихъ — тенденціозность представленія настоящаго положенія Россіи въ самомъ тяжкомъ и безотрадномъ видѣ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 19 декабря 1878 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

60. Исторія Византійской и Греческой Имперіи съ 716 по 1435 гг. Георга Финлея въ двухъ частяхъ. Часть 1-ая. — Какъ заключающая въ себѣ мысли, направленные противъ нѣкоторыхъ ученій православной церкви и сверхъ того противъ неприкосновенности Верховной власти и ея атрибутовъ.

Положеніе Комитета Министровъ 13 февраля 1879 г. — По разсмотрѣніи сего представленія и приложенной къ оному книги, между членами Комитета произошло разногласіе:

8 Членовъ (статсъ-секретарь Валуевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Абаза, статсъ-секретарь Набоковъ, генераль-адъютанты: Дренгельнъ и Лесовской, статсъ-секретарь Гирсъ, дѣйствительный тайн. совѣтникъ Гирсъ и тайн. совѣтникъ Филипповъ) признавали, что законъ 7 іюня 1872 г., вооружившій Министра Внутреннихъ Дѣлъ правомъ задерживать выпускъ въ свѣтъ напечатанныхъ безъ предварительной цензуры книгъ и представлять объ ихъ воспрещеніи Комитету Министровъ, состоялся въ видахъ прекращенія распространенія въ публичъ сочиненій, наполненныхъ лжеученіями, стремящимися ниспровергнуть священные истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка. Между тѣмъ, по внимательномъ разсмотрѣніи предположеннаго нынѣ къ запрещенію перевода первой части Исторіи Византійской и Греческой Имперій сочиненія Финлея и по всестороннему обсужденіи тѣхъ отдѣльных, особо выдающихся ея мѣстъ, которыя указаны въ представленіи по сему предмету, какъ наиболѣе вредныя, 8 Членовъ не могли признать, чтобы книга эта принадлежала къ числу тѣхъ произведеній печати, которыя имѣлъ въ виду законъ 1872 г. Сочиненіе Финлея, коего первая часть объемлетъ собою весьма подробное изложеніе судьбы Византійской Римской Имперіи въ періодъ трехъ съ половиною вѣковъ (717—1057 г.), составляетъ одинъ изъ серьезныхъ трудовъ новейшей исторической литературы. Излагая событія важнаго по своему значенію въ судьбахъ Византійской Имперіи времени иконоборства, авторъ, какъ протестантъ, касается этихъ событій съ точки зрѣнія иновѣрца, а при характеристикѣ политическихъ дѣятелей того времени высказываетъ нѣкоторыя мысли, признаваемые Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ неудобными въ русской печати. Но, въ нашъ вѣкъ, когда, къ несчастію, нѣтъ дня, въ которомъ духъ полнаго невѣрія, разрушительныхъ политическихъ ученій и совершенно безнравственныхъ началъ не стремился бы, въ той или другой общедоступной формѣ, и преимущественно посредствомъ газетной, журнальной прессы и легкихъ брошюръ, ниспровергнуть коренныя основы христіанской вѣры, нравственности и порядка, какъ государственнаго, такъ и общественнаго, нельзя, по убѣжденію 8 Членовъ, съ одинаковою строгостію относиться къ тѣмъ произведеніямъ, кои систематически разносятъ тлетворный ядъ разрушительныхъ идей, и къ такимъ научнымъ трудамъ, которые, подобно сочиненію Финлея, заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, оцѣнку лишь частныхъ того или другаго вѣроученія или отдѣльных историческихъ личностей. Преслѣдованіе подобнаго рода книгъ было-бы, по мнѣнію 8-ми Членовъ, въ особенности нежелательнымъ въ настоящее время, когда правительство ведетъ борьбу противъ вліянія разрушительныхъ началъ. Чѣмъ рѣшительнѣе и строже будутъ дѣйствія правительства въ этомъ направленіи, тѣмъ осторожнѣе должно быть примѣненіе начала запрещенія къ тѣмъ произведеніямъ печати, уничтоженіе коихъ не обуславливается необходимостію и можетъ полагать преграды историческому изученію давно прошедшихъ временъ. При такомъ воззрѣніи на задачу правительства въ отношеніи къ печати, 8 Членовъ не видѣли въ заключающихся въ сочиненіи Финлея сужденіяхъ по распрѣ съ иконоборцами достаточныхъ оснований къ запрещенію перевода его книги. Равнымъ образомъ 8 Членовъ признавали, что оцѣнка авторомъ дѣ-

ательности нѣкоторыхъ изъ Византійскихъ императоровъ не представляеть рѣшительныхъ къ сему поводовъ. Нельзя предположить, чтобъ иностранный ученый, излагая въ Россіи историческія судьбы несуществующей имперіи, имѣлъ хотя-бы отдаленное намѣреніе дѣлать сближенія съ существующимъ въ Россіи порядкомъ. Еще менѣе вѣроятнымъ является опасеніе, чтобы общій смыслъ сочиненія Финлея или отдѣльныя указанія въ представленіи мѣста могли дать какое-либо основаніе читающей публикѣ проводить аналогію съ современнымъ положеніемъ вещей въ Россіи. Подобныя мысли, какъ указаніе, что въ иконоборческой періодъ Византійской Имперіи „было сдѣлано все для возвеличенія императорской власти и ничего для того, чтобы вывести изъ униженія народъ“, не могутъ ни въ какомъ случаѣ быть относимы публикою къ царствованію Государя Императора. Между тѣмъ, запрещеніе книгъ научнаго содержанія, по поводу подобныхъ выраженій, сдѣлано бы невозможнымъ изданіе не только историческихъ трудовъ западной литературы, каковы сочиненія Гиббона, Сегюра, Шюссера и др., но даже классическихъ русскихъ произведеній, какова, напримѣръ, Исторія Государства Россійскаго Карамзина. Томъ IX этой исторіи, излагающій вторую половину царствованія Іоанна Грознаго, переполненъ самыми строгими приговорами историка при описаніяхъ Іоанновыхъ казней и, несмотря на крайнюю рѣзкость этихъ приговоровъ, Исторія Государства Россійскаго не только не была запрещена цензурою, но издана и напечатана по Высочайшему повелѣнію.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ и усматривая, что первая часть исторіи Византійской и Греческой Имперій, по специальности содержанія и высокой продажной цѣнѣ (4 р.), не можетъ имѣть обширнаго круга читателей, 8 членовъ полагаютъ: представленный переводъ разрѣшить къ выпуску въ свѣтъ, не примѣняя къ оному закона 7-го іюня 1872 г.

А председатель и 5 членовъ (Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, статсъ-секретарь князь Урусовъ, генералъ-адъютантъ Посыетъ, статсъ-секретарь Маковъ и тайный совѣтникъ князь Ширинскій-Шахматовъ) находили, что, въ виду господствующаго духа невѣрія и постоянно усиливающагося распространенія разрушительныхъ лжеученій, подкапывающихся подъ основы христіанской вѣры и всякаго порядка, правительство не должно допускать во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ православія и къ неприкосновенности верховной самодержавной власти. Грустныя событія современной жизни достаточно указываютъ, насколько вниманіе правительства должно быть бдительно направлено къ тому, чтобы лжеученія не проникали въ массу читающей публики тѣмъ или другимъ путемъ. Поэтому председатель и согласные съ нимъ члены признавали, что, независимо отъ строгаго наблюденія за газетною и журнальною пресою, Главное Управленіе по дѣламъ печати должно внимательно слѣдить и за появленіемъ такихъ книгъ, которыя, подобно переводу Исторіи Византійской и Греческой Имперій Финлея, могутъ содѣйствовать распространенію ложныхъ убѣжденій, несогласныхъ съ ученіемъ православія и возбуждающихъ критику существующаго въ Россіи образа правленія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, председатель и согласные съ нимъ члены усматриваютъ, что въ предположенной нынѣ къ запрещенію книгъ Финлея содержится пренебрежительные отзывы объ иконахъ, пророчествахъ, чудесахъ и о Матери Божіей и неумѣстныя сужденія о верховной самодержавной власти вообще. Распространеніе сочиненія Финлея, содержащаго въ себѣ подобнаго рода отзывы и мысли, должно быть признано тѣмъ болѣе вреднымъ, что сочиненіе это, будучи изложено въ общедоступной формѣ, пріобрѣтеть безъ сомнѣнія значительный кругъ читателей, а, по заявленію Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, можетъ по связи сочиненія съ предметами преподаванія въ училищахъ проскользнуть, какъ пособие, въ частныя учебныя заведенія. По мнѣнію председателя и согласныхъ съ нимъ членовъ, польза отъ выпуска въ свѣтъ представленнаго перевода не можетъ ни въ какомъ случаѣ равняться съ тѣмъ вредомъ, который неизбеженъ отъ его распространенія, и выпускъ въ свѣтъ подобныхъ книгъ, хотя бы историческаго и научнаго содержанія, долженъ неминуемо имѣть, съ одной стороны, вредное вліяніе на колеблющіеся умы, а съ другой — укрѣплять ложныя убѣжденія въ массѣ читающей публики; по убѣжденію председателя и согласныхъ съ нимъ членовъ, печатаніе въ Россіи, на русскомъ языкѣ, книгъ, очевидно противныхъ ученію православной церкви, не должно быть допускаемо, такъ какъ православная церковь составляетъ надежнѣйшую охрану нашего государственнаго строя.

Съ своей стороны статсъ-секретарь князь Урусовъ заявилъ, что, хотя онъ и не считаетъ книгу Финлея о деспотизмѣ византійскихъ императоровъ направленною

противъ существующаго у насъ образа правленія, но признавалъ, что сужденія автора могутъ быть неправильно примѣняемы читающею публикою къ самому принципу монархической неограниченной власти. Посему и имѣя въ особенности въ виду, что переводъ книги Финлея задержанъ уже Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и что отъѣзду распоряженія при нынѣшнихъ обстоятельствахъ представляется неправильною, статсъ-секретарь князь Урусовъ присоединился къ мнѣнію о необходимости воспретить разсматриваемую книгу.

Въ виду изложеннаго, председатель и 5 членовъ, соглашавшаяся вполне съ заключеніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о необходимости примѣнить законъ 7-го іюня 1872 г. къ переводу книги Финлея, полагали: представленіе статсъ-секретаря Макова утвердить.

Такое разномысліе Комитетъ повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

На журналъ Комитета послѣдовала въ 22 день февраля 1879 г. Собственно-ручная Высочайшая резолюція: „Исполнить по мнѣнію меньшинства“.

61. Сборникъ государственныхъ знаній, подъ редакціею В. П. Безобразова. Т. VII. Спб. 1879 г. — Статья профессора Сергѣевича „Государство и право въ исторіи“. Представительное устройство (народное представительство, отдѣленіе суда отъ управленія, отвѣтственность органовъ управленія, свобода совѣсти, печати и общественныхъ союзовъ) авторъ считаетъ необходимымъ слѣдствіемъ всякаго правильнаго движенія исторической жизни, видитъ не только зачатки егѳ въ нашей прежней исторіи, но и попытки, исходившія прямо отъ самодержавной власти, дать у насъ началу представительства полное осуществленіе, причемъ нѣкоторые признаки новаго порядка вещей усматриваются въ реформахъ царствованія императора Александра II.

Положеніе Комитета Министровъ 22 мая 1879 г.

По разсмотрѣніи сего представленія и приложенной къ оному книги, Комитетъ нашелъ, что законъ 7 іюня 1872 г., предоставившій Министру Внутреннихъ Дѣлъ право задерживать выпускъ въ свѣтъ напечатанныхъ безъ предварительной цензуры книгъ и представлять объ ихъ воспрещеніи Комитету Министровъ, состоялся въ видахъ прекращенія распространенія въ публикѣ сочиненій, наполненныхъ лжеученіями, стремящимися ниспровергнуть священные истины религіи, извратить понятіе о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка. Но по внимательному разсмотрѣніи статьи профессора Сергѣевича: „Государство и право въ исторіи“, помѣщенной въ предположенной нынѣ къ запрещенію книгъ: „Сборникъ государственныхъ знаній. Томъ VII“, и по всестороннему обсужденіи тѣхъ отдѣльныхъ особо выдающихся мѣстъ этой статьи, которыя указаны въ представленіи по сему предмету, какъ наиболѣе вредныя, Комитетъ не могъ признать, чтобы упомянутая статья принадлежала къ числу тѣхъ произведеній печати, которыя имѣлъ бы въ виду законъ 1872 года.

Статья профессора Сергѣевича заключаетъ въ себѣ 5 главъ, изъ коихъ въ первыхъ четырехъ авторъ излагаетъ, исключительно съ философской точки зрѣнія, сужденія свои объ общихъ законахъ развитія человѣческихъ обществъ и подвергаетъ критикѣ ученія по сему предмету различныхъ писателей; въ пятой же главѣ профессоръ Сергѣевичъ ставитъ себѣ цѣлью раздѣлить по существу, а не по внѣшнимъ только признакамъ, исторію развитія человѣческихъ обществъ на періоды, прилагая это дѣленіе и къ русскому государству. Хотя въ послѣдней главѣ этой статьи авторъ и выражаетъ между прочимъ мысль о томъ, что представительныя учрежденія являются, съ отвлеченной точки зрѣнія, прямымъ послѣдствіемъ правильнаго и прогрессивнаго движенія исторической жизни народовъ, но онъ указываетъ при этомъ на то, что надежды, возлагавшіяся на представительное правленіе, нигдѣ вполне не оправдались, и вовсе не дѣлаетъ примѣненія своей теоретической мысли къ современному положенію Россіи. Вся статья профессора Сергѣевича изложена, какъ это признавалъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, совершенно спокойнымъ догматическимъ тономъ, соответствующимъ вполне ученому сочиненію, а пятая глава этой статьи, заключающая въ себѣ лишь немногія и притомъ весьма умѣренныя сужденія автора о достоинствахъ и недостаткахъ представительныхъ учреждений, наполнена, въ значительной степени, ссылками по сему предмету на другія изданія, дозволенные уже къ обращенію въ публикѣ, и на официальные правительственные акты прежнихъ и нынѣшняго царствованій.

При оцѣнкѣ значенія и достоинства статьи профессора Сергѣевича: „Государство и право въ исторіи“, Комитетъ принялъ также во вниманіе, что статья эта помѣщена въ Сборникъ государственныхъ знаній, не составляющій ежедневнаго

п даже срочнаго изданія, а выходящемъ отдѣльными томами, что сборникъ этотъ, по удостовѣренію Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, отличается вполне ученымъ и серьезнымъ направленіемъ и что, наконецъ, самое содержаніе предложенной къ запрещенію статьи профессора Сергѣевича составляетъ предметъ чтеній по государственному праву и исторіи иностранныхъ законодательствъ, излагаемыхъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ передъ несравненно болѣе значительнымъ числомъ слушателей, чѣмъ тотъ кругъ читателей, на который можетъ разсчитывать эта книга, въ особенности въ виду спеціальнаго ея значенія, а также и относительно высокой продажной цѣны (отъ 3 до 5 р. за экземпляръ). По мнѣнію Комитета, чѣмъ рѣшительнѣе и строже должны быть дѣйствія правительства въ борьбѣ противъ вліянія разрушительныхъ началъ, проникающихъ въ публику между прочимъ и посредствомъ легкихъ общедоступныхъ брошюръ и газетно-журнальной прессы, тѣмъ осторожнѣе надлежитъ примѣнять начала запрещенія къ тѣмъ произведеніямъ печати, уничтоженіе коихъ не вызывается необходимостью, а можетъ повести къ стѣсненію изученія исторіи государственной жизни лицами, спеціально посвятившими себя наукѣ.

Не находя, по вышеннеложеннымъ доводамъ, въ помѣщенной въ „Сборникъ государственныхъ знаній. Томъ VII“ статьѣ профессора Сергѣевича: „Государство и право въ исторіи“ достаточныхъ основаній къ запрещенію этой книги, Комитетъ принялъ однако въ особое соображеніе заявленія Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ и Главнаго Начальника Третьяго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи о томъ, что, въ виду ложно распространенныхъ слуховъ о предстоящихъ новыхъ государственныхъ реформахъ, безусловное разрѣшеніе правительствомъ къ выпуску въ свѣтъ этой статьи могло бы подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, особенно нежелательнымъ въ настоящее тревожное время.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, Комитетъ положилъ: предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшить выпускъ въ свѣтъ вышеназванной книги, объявивъ редактору этого журнала, академику Безобразову, чтобы, въ виду тревожныхъ событийъ настоящаго времени, имъ приложена была вѣщая осторожность при изданіи Сборника, съ цѣлью избѣжанія такихъ статей, которыя могли бы давать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ намѣреній правительства.

62. Декабрская книга (1879 г.) журнала „Вѣстникъ Европы“, статья: „По поводу разъясненій, напечатанныхъ въ ноябрьской книгѣ журнала въслѣдствіе требованія Министерства Народнаго Просвѣщенія“. — Подвергается строгому разбору и обсужденію „разъясненіе“ со стороны его законности и способа изложенія.

Положеніе Комитета Министровъ 18 декабря 1879 г. — При докладѣ сего дѣла Министръ Внутреннихъ Дѣлъ заявилъ, что, хотя С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати и самъ онъ, министръ, не усматриваютъ въ помѣщенномъ въ декабрьской книгѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ объясненіи редакціи на статью, напечатанную въ предыдущей книгѣ того же журнала по требованію Министерства Народнаго Просвѣщенія, достаточныхъ поводовъ къ запрещенію выпуска въ свѣтъ означенной книги, на основаніи закона 7 іюня 1872 г., но упомянутыя учрежденія и онъ, статсъ-секретарь Маковъ, встрѣтили въ семъ отношеніи весьма существенное сомнѣніе. Сомнѣніе это, независимо отъ исключительности случая рѣзкаго по тону отзыва на официальное сообщеніе, основывается главнѣйшимъ образомъ на томъ обстоятельстве, что выпускъ въ свѣтъ этого „объясненія“ имѣлъ бы вѣроятнымъ своимъ послѣдствіемъ появленіе цѣлаго ряда неудобныхъ по содержанію газетныхъ и журнальныхъ статей, направленныхъ къ дальнѣйшей критикѣ официальной статьи Министерства Народнаго Просвѣщенія, подавшей поводъ какъ въ разсматриваемому отзыву редакціи „Вѣстника Европы“, такъ и къ сѣваніямъ со стороны періодическихъ изданій на неудобные для нихъ значительные размѣры правительственныхъ сообщеній. Въ виду этого сомнѣнія, а также помѣщенныхъ въ объясненіи редакціи указаній на сдержанность официальныхъ опроверженій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарь Маковъ не принялъ на себя разрѣшить выпускъ въ свѣтъ декабрьской книги „Вѣстника Европы“ и считалъ бы весьма полезнымъ разъясненіе по этому поводу порядка изложенія правительственныхъ опроверженій вообще, такъ какъ въ законѣ нѣтъ по этому предмету никакихъ опредѣлительныхъ указаній.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, не отрицая, что въ помѣщенномъ въ ноябрьской книгѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ официальномъ сообщеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія заключаются нѣкоторыя неудобныя выраженія, выра-

зпль, что размѣръ самой статьи обусловленъ былъ содержаніемъ оной, вызвавшимъ необходимость прибѣгнуть къ пространнѣмъ выпискамъ изъ документовъ, на которые сдѣланы ссылки, и что Министерство Народнаго Просвѣщенія не злоупотребило вообще правомъ печатать опроверженія, такъ какъ нынѣ упоминаемое есть пятый съ 1872 г. отвѣтъ редакціи „Вѣстника Европы“, напечатанной уже до 125 статей, направленныхъ противъ этого Министерства. Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой присовокупилъ, что, не находя разсматриваемую нынѣ статью подпадающею подъ законъ 7 іюня 1872 г., онъ не встрѣчалъ препятствій къ выпуску въ свѣтъ задержанной, безъ предварительнаго съ нимъ соглашенія, декабрьской книги журнала „Вѣстникъ Европы“. Что же касается разъясненія порядка составленія правительственными учрежденіями официальныхъ опроверженій и исправленій разныхъ газетныхъ и журнальныхъ извѣстій, то дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой находилъ, что такое разъясненіе, если оно будетъ нужнымъ, можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ по особому о томъ представленію подлежащаго Министра.

Комитетъ, съ своей стороны, принимая во вниманіе, что законъ 7 іюня 1872 г. состоялся въ видахъ прекращенія распространенія въ публикѣ сочиненій, наполненныхъ лжеученіями, стремящимися испровергнуть священные истинны религіи, извратить понятіе о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка, и не признавая удобнымъ входить въ разсмотрѣніе вопроса объ установленіи точныхъ правилъ для печатанія правительственныхъ разъясненій, — положилъ: предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшить выпускъ въ свѣтъ декабрьской книги журнала „Вѣстникъ Европы“ за 1879 г.

63. Искушеніе Пустыника. Соч. Густава Флобера. Переводъ С. Якубовича. — Самая рѣзкая, возмутительная и оскорбляющая религіозное чувство нападенія на христіанство и на христіанскую церковь.

Положеніемъ Комитета Министровъ 2 января 1880 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

64. Э. Геккель. Исторія племеннаго развитія организмовъ. Переводъ съ нѣмецкаго О. Ф. Лауницъ, подъ редакціей проф. Э. К. Бранта. СПб. 1879 г. — По своему матеріалистическому и совершенно противорелигіозному характеру,

положеніемъ Комитета Министровъ 4 марта 1880 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

65. Возмутительницы, или кто же тутъ социалисты. Юмористическій романъ изъ временъ непониманія другъ друга. Александра Соколова. Часть 1-ая. — Порочаніе административныхъ органовъ правительства за мѣры, принимаемыя противъ социалистовъ.

Положеніе Комитета Министровъ 27 апрѣля 1882 г. — Разсмотрѣвъ это представленіе и приложенную къ оному книгу, Комитетъ находилъ, что романъ Соколова: „Возмутительницы, или кто же тутъ социалисты“, по усматриваемому въ немъ характеру мыслей, едва ли можетъ быть въ строгомъ смыслѣ отнесенъ къ сочиненіямъ, безусловно вреднымъ. По убѣжденію Комитета, наша современная печать являетъ, къ сожалѣнію, весьма частыя примѣры произведеній, несравненно болѣе опасныхъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя они оставляютъ въ умахъ читающей публики. Засимъ, и съ другой стороны, Комитетъ принялъ, однако, въ особое вниманіе, что изъ указанныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ означенной книгѣ отдѣльныхъ мѣстъ нѣкоторые, какъ въ отношеніи самаго ихъ содержанія, направленнаго къ явнымъ и несообразнымъ дѣйствительности преувеличеніямъ, такъ равно въ виду рѣзкаго способа ихъ изложенія, нельзя не признать совершенно неудобными въ печатномъ словѣ и посему вызывающими справедливое основаніе примѣненія ко всему сочиненію предусмотрѣннаго закономъ 7 іюня 1872 г. мѣры. Вслѣдствіе сего и за сдѣланнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ заявленіемъ о томъ, что, независимо отъ постоянного стремленія къ удержанію нашихъ печатныхъ изданій въ должныхъ предѣлахъ, по вѣренному ему, генералъ-адъютанту графу Игнатьеву, управленію, приступлено также къ разработкѣ общаго вопроса о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ дѣлопроизводствѣ по дѣламъ печати, Комитетъ, не встрѣчая препятствій къ приведенію заключенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ исполненіе, положилъ: означенную книгу воспретить.

66. Женщины-грѣшницы. П. И. Макѣева и С. М. Харитонова. — Крайняя безнравственность содержанія и цинизмъ въ изложеніи.

Положеніемъ Комитета Министровъ 6 іюля 1882 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

67. А. С. Пругавицъ. Расколъ внизу и расколъ вверхъ. Очерки современнаго сектантства. Изданіе Суворина. — Въслѣдствіе дерзкихъ отзывовъ о православіи вѣрѣ и духовенствѣ и стремленія приписать правительству жестокія и несправедливыя дѣйствія относительно сектантовъ, выставяемыхъ въ лучезарномъ свѣтѣ.

положеніемъ Комитета Министровъ 26 іюля 1882 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

68. Николай Минскій. Стихотворенія 1877—1882 гг. Изданіе О. И. Бакста. СПб. 1883 г. — Осужденіе всего правильнаго и законнаго, чѣмъ держатся порядокъ и нравственность, стремленіе предрасположить въ пользу анархическихъ идей.

Положеніемъ Комитета Министровъ 29 марта 1883 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

69. Документы и матеріалы по исторіи противоеврейскихъ безпорядковъ 1881—1883 гг. Вып. I. — Страстность изложенія и тенденціозность, которыя могутъ способствовать новому возбужденію страстей.

Положеніемъ Комитета Министровъ 6 марта 1884 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

70. А. И. Чанцевъ. Петербургъ. Бытовые этюды. СПб. 1884 г. — Pamфлетъ, направленный противъ высшаго общества и содержащій соблазнительныя описанія и безнравственные рассказы, стремящіеся къ возбужденію въ низшихъ слояхъ общества ненависти и презрѣнія къ высшимъ.

Положеніе Комитета Министровъ 20 марта 1884 г. — Разсмотрѣвъ настоящее представленіе, Комитетъ нашелъ, что задержанная по распоряженію цензурнаго начальства книга Чанцева, въ сущности, не болѣе какъ весьма плохое и неумѣлое подражаніе легкимъ французскимъ романамъ реалистической школы, изобличающее при этомъ въ авторѣ полное отсутствіе таланта къ беллетристикѣ. Засимъ, сравнивая названные „Бытовые этюды“ съ выходящими нерѣдко въ печати подобными изданіями какъ оригинальными, такъ и переводными, а равно съ многими помѣщаемыми въ фельетонахъ газетъ такого же рода повѣстями, Комитетъ не могъ не замѣтить, что послѣдніе упомянутыя книги и фельетоны болѣею частью, къ сожалѣнію, въ значительной степени превосходятъ сочиненіе Чанцева по цинизму изложенія отдѣльныхъ сценъ, явно рассчитанныхъ на возбужденіе грубой чувственности. Тѣмъ не менѣе Комитетъ, имѣя въ виду возможность обращенія этой крайне неприличной по нѣкоторымъ въ ней описаніямъ книги преимущественно среди неопытной молодежи, которой несвойственно критическое отношеніе къ произведеніямъ литературы и должная разборчивость въ чтеніи, положилъ: выпускъ оной въ свѣтъ воспретить.

71. Исторія новѣйшей русской литературы (отъ смерти Вѣлинскаго до нашихъ дней). С. А. Венгерова. Ч. I. Конечные годы дореформенной эпохи (1848—1855). СПб. 1885 г. — Отсутствіе малѣйшихъ достоинствъ въ научномъ отношеніи и принадлежность къ разряду весьма вредныхъ, по своимъ тенденціямъ, памфлетовъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 29 октября 1885 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

72. Всемирная Илиада. Опытъ исторической хрестоматіи въ стихотвореніяхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Составилъ Е. М. Ждановъ. СПб. 1886 г. — Какъ сборникъ стихотвореній, могущій вліять раздражающимъ образомъ на нравственное чувство молодежи.

Положеніе Комитета Министровъ 4 февраля 1886 г. — Разсмотрѣвъ это представленіе и приложенную къ оному книгу, Комитетъ нашелъ, что самое заглавіе и группировка стихотвореній указываютъ на преслѣдуемую составителемъ книги педагогическую цѣль при преподаваніи исторіи. Составитель полагаетъ, что поэтическія картины, отразившія въ себѣ данную эпоху, могутъ служить иллюстраціей къ усваиваемымъ фактамъ и, по убѣжденію его, несомнѣнно, должны способствовать оживленію проходимаго учениками курса исторіи. Не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько такой методъ изученія исторіи соотвѣтствуетъ цѣли и можетъ быть полезенъ, Комитетъ остановился на содержаніи помѣщенныхъ въ сборникъ стихотвореній. Въ семъ отношеніи Комитетъ усматривалъ, что почти въ каждомъ изъ отдѣловъ этой хрестоматіи встрѣчаются стихотворенія, помѣщеніе коихъ въ учебномъ пособіи было бы нежелательно какъ по содержанію, такъ и по тому освѣщенію, которое они могутъ дать въ умѣхъ юношества тѣмъ или другимъ историческимъ событіямъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Комитета, наставники и роди-

тели могутъ по первому взгляду не обратить должнаго вниманія на внутреннее содержаніе хрестоматіи Жданова, въ виду помѣщенія въ книгѣ этой въ значительномъ числѣ извѣстныхъ и уже прежде напечатанныхъ стихотвореній нашихъ лучшихъ поэтовъ, имена которыхъ являются какъ бы ручательствомъ за содержаніе книгн. По объясненію Министра Народнаго Просвѣщенія, книга эта не будетъ считаться учебнымъ пособіемъ, такъ какъ для этого требуется одобреніе или ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, или учебнаго комитета Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, или же духовно-учебнаго комитета, состоящаго при святѣйшемъ Синодѣ, а такового одобренія, по заявленію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Делянова, книга эта безъ сомнѣнія не получитъ, и потому она не будетъ допущена для пользованія въ учебныхъ заведеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, по заключенію Комитета, въ виду значенія, приданнаго этому сборнику составителемъ оного — служить подспорьемъ при изученіи исторіи —, упоминаемая хрестоматія легко можетъ ввести въ заблужденіе учащуюся молодежь внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній. При такихъ условіяхъ, распространеніе сборника Жданова въ настоящемъ его видѣ представлялось нежелательнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ не могъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что большая часть стихотвореній, помѣщенныхъ въ сборникѣ, принадлежитъ перу лучшихъ русскихъ поэтовъ, и что лишь нѣкоторыя стихотворенія представляются по содержанію и по формѣ изложенія вредными, въ особенности же, при намѣченной составителемъ книгн въ предисловіи и въ самомъ названіи цѣли. При измѣненіи заглавія книгн съ исключеніемъ изъ оного наименованія: „Историческая Хрестоматія“, при устраненіи изъ означеннаго сборника предисловія, а также при изыятіи изъ него, по ближайшему усмотрѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нѣкоторыхъ (частью вредныхъ по направленію, частью неприличныхъ) стихотвореній, можно было бы, по мнѣнію Комитета, допустить выпускъ этого изданія въ свѣтъ.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Комитетъ положилъ: выпускъ въ свѣтъ означенной книгн въ настоящемъ ея видѣ воспретить, поставивъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ извѣстность о приведенныхъ выше соображеніяхъ Комитета.

73. Вл. Гиляровский. Трущобные люди. Этюды съ натуры. — Отсутствіе всякихъ литературныхъ достоинствъ, изложеніе дѣлага ряда грязныхъ сценъ, причемъ авторъ не скрываетъ своихъ симпатій къ жертвамъ порока и разврата и усиливается показать, что они дошли до паденія отнюдь не по своей волѣ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 26 января 1888 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

74. Гигіеналюбви. Соч. П. Мантегаццы. Переводъ съ французскаго. — Вслѣдствіе содержащихся въ изобиліи циническихъ описаній, причемъ помѣщенные въ ней рецепты могутъ быть источникомъ различныхъ страданій, положеніемъ Комитета Министровъ 29 марта 1888 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

75. Продолженіе записки о гербовыхъ пошлинахъ и о налогѣ на наследственные имущества. Составилъ І. Борткевичъ. — Въ виду крайне странныхъ сужденій и рѣзкихъ порицаній существующихъ законоположеній, при чемъ сужденія эти по неприличію превосходятъ всякую мѣру, положеніемъ Комитета Министровъ 17 мая 1888 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

76. Психонаты благотворительности и дѣйствительные филантропы (изъ записокъ умершаго). СПб. 1888 г. — Pamфлетъ, содержащій почти на каждой страницѣ поруганія и грязные намеки.

Положеніемъ Комитета Министровъ 14 іюня 1888 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

77. К. О. де-Скороховскій. Желѣзнодорожное хозяйство и бюрократія. СПб. 1888 г. — Стремленіе выставить въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ дѣятельность правительства по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 14 іюня 1888 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

78. Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекціи, читанныя въ Копенгагенскомъ университетѣ Г. Брандесомъ. Переводъ съ нѣмецкаго изданія Адольфа Шродтмана. Часть III. Реакція во Франціи. Изданіе В. Н. Невѣдомскаго. Москва. 1888 г. — Отсутствіе всякихъ научныхъ достоинствъ, при чемъ сочиненіе является не болѣе, какъ памфлетомъ на христіанскую церковь и монархическую власть.

Положеніемъ Комитета Министровъ 1 ноября 1888 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

79. Т. Рибо. Философія Шопенгауера съ приложеніемъ избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій Шопенгауера. Переводъ подъ редакціей В. В. Чуйко. СПб. 1889 г. Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. — Проникнуто мрачнымъ пессимизмомъ, безвѣріемъ и отрицаніемъ всѣхъ основъ нравственности.

Положеніе Комитета Министровъ 7 іюня 1889 года. — Выслушавъ настоящее представленіе, Комитетъ обратилъ особое вниманіе на приложенныя къ очерку философіи Шопенгауера избранныя мѣста изъ его сочиненія. Находя, что выборки эти, представляя цѣлый рядъ мыслей самаго мрачнаго пессимизма, безвѣрія и отрицанія всѣхъ основъ нравственности, могутъ произвести весьма губительное вліяніе на неопытные умы, въ особенности, вслѣдствіе принятой авторомъ въ упомянутомъ приложеніи формы изложенія ученія Шопенгауера безъ критическаго его разбора. Комитетъ вполнѣ присоединился къ заключенію по сему дѣлу Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ виду сего, признавая вреднымъ распространеніе означенной книги, Комитетъ положилъ: выпускъ оной въ свѣтъ воспретить.

80. Эволюція морали. Лекціи Ш. Летурно, читанныя въ Парижской Антропологической школѣ въ зимній семестръ 1885—1886 гг. Переводъ Б. Маркевича. Изданіе К. Т. Солдатенкова. — Вслѣдствіе матеріалистическихъ тенденцій, порицанія взгляда на бракъ, какъ тайнство, и возбужденія рабочихъ классовъ къ борьбѣ противъ существующаго экономическаго порядка,

положеніемъ Комитета Министровъ 21 ноября 1889 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

81. Государственныя конверсіи 1888—1889 гг. I. Борткевичъ. СПб. 1890 г. — Какъ основанная на фальшивыхъ началахъ и произвольныхъ предположеніяхъ, рѣзко порицающихъ наше финансовое управленіе,

положеніемъ Комитета Министровъ 17 апрѣля 1890 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

82. Феликсъ Весоловскій. Русско-Польскій союзъ съ историческо-политической точки зрѣнія. СПб. 1890 г. — Порицаніе образа дѣйствія правительства по отношенію къ полякамъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 5 іюня 1890 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

83. Наканунѣ воли. Архивныя силуэты. Д. А. Мордовцева. — Вслѣдствіе памфлетнаго характера описаній отношеній крестьянъ и помѣщиковъ за послѣдніе годы крѣпостного права и притомъ исключительно злоупотребленій помѣщичьей властью,

положеніемъ Комитета Министровъ 5 іюня 1890 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

84. I. Борткевичъ. Нѣсколько словъ по поводу статьи „Финансовые итоги нашихъ конверсій“, помѣщенной въ газетѣ „Новое Время“ 1 мая 1890 г. СПб. 1890 г. — Изложеніе въ иномъ порядкѣ и въ сокращенномъ видѣ положеній, уже высказанныхъ имъ въ книгѣ: „Государственныя конверсіи“, выпускъ въ свѣтъ которой, въ виду ея порицанія нашего финансового управленія, воспрещенъ Комитетомъ Министровъ 17 апрѣля 1890 г.

Положеніемъ Комитета Министровъ 30 октября 1890 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

85. В. Вильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Т. II. СПб. 1891 г. — Характеръ памфлета, причемъ сужденія автора о событіяхъ и дѣятельности правительства отмѣчены нерѣдко фальшивымъ либерализмомъ.

Положеніе Комитета Министровъ 8 января 1891 г. — Разсмотрѣвъ приложенную къ означенному представленію книгу и выслушавъ приведенныя въ Запискѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ соображенія, вслѣдствіе которыхъ онъ, статсъ-секретарь Дурново, признаетъ необходимымъ запретить оную къ обращенію, Комитетъ оставилъ главнымъ образомъ на томъ соображеніи, что авторъ, избравъ предметомъ своего изслѣдованія жизни и государственную дѣятельность Русской Монархини, отступилъ въ своемъ сочиненіи отъ серьезнаго историческаго изложенія и придалъ своему труду характеръ памфлета.

Въ виду сего Комитетъ положилъ: выпускъ въ свѣтъ означенной книги воспретить.

86. Динамическая социологія, или прикладная социальная наука, основанная на статистической социологіи и менѣе сложныхъ наукахъ.

Лестера Ф. Уорда. 2 тома. Переводъ П. Николаева. Т. I, изд. Солдатекова. Москва 1891 г. — Проникнута самымъ грубымъ матеріализмомъ.

Положеніемъ Комитета Министровъ 26 марта 1891 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

87. Слово подсудимому. Съ письмами гр. Л. Н. Толстого, Б. Н. Чичерина, Вл. Серг. Соловьева, В. Г. Короленко. Г. Спб. 1891 г. — Стремленіе выставитъ въ крайне ненавистномъ свѣтѣ принимаемыя правительствомъ мѣры по еврейскому вопросу.

Положеніе Комитета Министровъ 14 мая 1891 г. — По рассмотрѣніи соображеній, изыясненныхъ въ представленіи по сему дѣлу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Комитетъ находилъ, что заключающіяся въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Слово подсудимому“ сужденія относительно еврейскаго вопроса, изложенныя въ крайне страстной формѣ, имѣютъ преимущественно цѣлью подвергнуть подробному критическому разбору и выставитъ въ возможно ненавистномъ свѣтѣ признаваемыя правительствомъ необходимыми мѣры и распоряженія для огражденія христіанскаго населенія Россіи отъ эксплуатаціи со стороны евреевъ. Будучи при этомъ переполнена соображеніями и выводами, выраженными въ весьма рѣзкой формѣ, книга эта, по замѣчанію председателя Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта, должна вызвать раздраженіе не столько въ средѣ евреевъ, единовѣрцевъ автора, сколько въ средѣ христіанскаго народонаселенія, и желаніе, путемъ ли отдѣльных изданій или статей въ періодической печати, опровергнуть приводимыя въ книгѣ сужденія Между тѣмъ, какъ о томъ заявилъ председатель Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта, въ повременныхъ нашихъ изданіяхъ въ послѣднее время, къ сожалѣнію, замѣчается отсутствіе спокойнаго и хладнокровнаго изложенія и рассмотрѣнія столь крупнаго вопроса внутренней нашей жизни, какъ вопроса еврейскаго, и помѣщенная въ какой-либо газетѣ по сему предмету статья или замѣтка порождаетъ каждый разъ цѣлую полемику, не всегда достаточно сдержанную. Такой способъ обсужденія вопросовъ общей государственной внутренней политики не можетъ быть желательнымъ и хотя, конечно, не долженъ имѣть какого-либо вліянія на правительственныя мѣропріятія, но заслуживаетъ полнаго вниманія, дабы путемъ своевременнаго воздѣйствія на періодическую печать охранить спокойствіе въ умахъ населенія. По мнѣнію председателя Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта, раздѣляемому Комитетомъ, должное въ семъ направленіи воздѣйствіе на нашу прессу, безъ употребленія, впрочемъ, какихъ-либо карательныхъ мѣръ, представляется весьма желательнымъ.

Съ своей стороны Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, соглашаясь съ высказанными соображеніями, замѣтилъ, что Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ обращено уже должное вниманіе на помянутое направленіе нашей періодической печати и что по такому вопросу, какъ еврейскій, составляющему въ настоящее время предметъ всемірнаго интереса, преподаются соотвѣстственныя указанія издателямъ чрезъ Главное Управленіе по дѣламъ печати; итти же далѣе и подвергать изданія предумотрѣннымъ закономъ репрессивнымъ мѣрамъ, по поводу той или другой неумѣстной отдѣльной статьи, едва ли достигало бы цѣли и только обратило бы большее вниманіе читающей публики на уже появившуюся статью въ газетахъ. Къ сему сенаторъ Плева присовокупилъ, что со стороны Министра Внутреннихъ Дѣлъ и впредъ будутъ принимаемы зависящія мѣры, направленныя къ предупрежденію страстныхъ выходокъ печати, вызывающихъ нерѣдко вредное раздраженіе въ разныхъ слояхъ населенія.

Присоединяясь къ такому заявленію, Комитетъ положилъ: выпускъ въ свѣтъ означенной книги — воспретить.

88. Русскіе люди о евреяхъ. Спб. 1891 г. — Осужденіе всего дѣйствующаго у насъ законодательства о евреяхъ и дерзкій и кощунственный отзывъ объ одномъ изъ важѣйшихъ предметовъ христіанскаго вѣрованія.

Положеніемъ Комитета Министровъ 8 октября 1891 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

89. Гигіена любви. Профессора антропологии П. Мантегаццы, съ приложеніемъ сообщеній Германа Фоль: сходство между супругами. Переводъ А. Анисимова. Спб. 1891 г. — Эротическія и крайне циническія описанія.

Положеніемъ Комитета Министровъ 22 октября 1891 г. воспрещена къ выпуску въ свѣтъ.

Опубликованный выше список задержанных цензурой и разсмотрѣнныхъ Комитетомъ Министровъ книгъ представляетъ огромный интересъ и вызываетъ на цѣлый рядъ размышленій. Онъ краснорѣчиво говоритъ объ опустошительной власти русской цензуры второй половины XIX вѣка, не останавливавшейся ни передъ Гоббсомъ (№ 9), ни передъ Вольтеромъ (№ 6) и Дидро (№ 29), смѣявшейся надъ чистой наукой въ лицѣ Лор. Штейна (№ 39), Лестера-Уорда (№ 86), Филлея (№ 60), Неймана (№ 35), Бильбасова (№ 85) и другихъ, ограждавшей отъ нападковъ даже „упраздненное крѣпостное право“ (№№ 24 и 82). Кстати, эта тенденція цензуры эпохи Александра II и Александра III не допускать слишкомъ яркаго изображенія безобразій крѣпостного права въ высшей степени характерна — она лучше многого другого показываетъ силу крѣпостническихъ переживаній въ нашемъ самодержавномъ государствѣ и вскрываетъ внутренний характеръ той правительственной реакціи, которая началась едва ли не тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ и съ небольшимъ перерывомъ продолжается поднесъ. Но напечатанный нами списокъ, показывая огромную власть русской цензуры и свѣдѣтельствуя объ опустошеніяхъ, произведенныхъ ею, для болѣе внимательнаго взора раскрываетъ въ то же время и растущее безсиліе цензуры въ нашей странѣ, безсиліе, вынуждающее ее сосредоточиться исключительно на преслѣдованіи самыхъ настоятельныхъ, чисто полицейскихъ задачъ. Въ 60-хъ и 70-хъ гг. были уничтожены цензурой переводы „Этики“ Спинозы, Левіафана Гоббса, произведенія Дидро, Вольтера, Лоренца-фонъ-Штейна, Спенсера, Лекки, Геккеля, Геттнера, Д. Фр. Штрауса.

Въ половинѣ 80-хъ гг. и въ началѣ 90-хъ гг. были уничтожены: чисто научная книга Венгерова (№ 71),¹ Рибо (№ 79), Летурно (№ 80) и Лестера-Уорда (№ 86). На 1891 г. оканчивается нашъ списокъ, но практика цензуры и Комитета Министровъ съ этого года извѣстны намъ уже непосредственно. За послѣднія 10 лѣтъ цензура капитулируетъ передъ общими идеями: она почти перестаетъ задерживать и уничтожать чисто научныя книги, сосредоточиваясь исключительно на преслѣдованіи публицистики и научно-популярной литературы агитационнаго характера. Правда, за это время особенно развивается практика вырѣзокъ или „исключеній“ изъ задерживаемыхъ цензурой книгъ, практика, примѣненіе которой, быть можетъ, спасло бы нѣкоторыя изъ книгъ, уничтоженныхъ въ 70-хъ и 80-хъ гг. Но это не самое главное. Существеннѣе то, что огромное развитіе литературы, какъ оригинальной, такъ, быть можетъ, еще болѣе переводной, вынуждаетъ цензуру къ экономіи силъ въ отношеніи книгъ. Благодаря этой практикѣ, цѣлый рядъ прежде запрещенныхъ книгъ можетъ появиться вновь: такъ, въ 80-хъ, и 90-хъ гг. выходятъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ переводъ „Этики“ Спинозы, въ 90-хъ гг. въ двухъ изданіяхъ „Вольтеръ“ Штрауса, нѣкогда запрещенный въ переводѣ благонамѣреннаго Н. Н. Страхова. Это „смягченіе“ цензуры — вовсе не добровольное, а прямо вынужденное развитіемъ литературы. Противъ общихъ идей цензура уже не въ силахъ бороться въ современной Россіи; ей только-бы угнаться за прямыми нападками на существующій политическій строй и господствующую церковь и за литературой, предназначенной для народныхъ массъ, для политической и социальной пропаганды. При такомъ положеніи вещей въ общественное сознание черезъ литературу вливаются широкой волной общія идеи, совершенно противорѣчащія „основамъ“ русскаго государственнаго строя, и до свѣдѣнія русскихъ читателей почти безпрепятственно доходятъ такіе факты русской и иностранной жизни, которые не могутъ не наталкивать ихъ мысли на разнаго рода „превратныя толкованія“. Въ этомъ заключается огромная революціонная работа легальной литературы, и противъ этой работы цензура — повторямъ — безсильна. Такъ, несмотря на цензуру, легальной литературой готовится и, въ сущности, уже въ значительной мѣрѣ подготовленъ въ умахъ интеллигенціи тотъ переворотъ, который литература нелегальная стремится перевести въ дѣйствіе.

Общая идея, передъ которыми цензура не могла не капитулировать, ждуть, требуютъ и дождутся своихъ примѣненій — рѣшительной и побѣдоносной борьбы со всѣмъ полицейскимъ строемъ нашей государственной жизни, т. е. упраздненія самодержавія и, тѣмъ самымъ, конечно, всякой цензуры. П. С.

II. Запретительные циркуляры по безцензурнымъ изданіямъ въ 1901 и 1902 гг.

Извѣстно, какимъ стѣсненіямъ подвергается въ Россіи періодическая печать и сколь велики тѣ препятствія, которыя не даютъ ей сколько-нибудь свободно вы-

¹ Отзывъ цензурнаго вѣдомства объ этой книгѣ поражаетъ своею наглостью.

сказываться по всем наболѣвшимъ вопросамъ нашей современной дѣйствительности. Относительно громаднаго большинства нашихъ повременныхъ изданій, выходящихъ съ разрѣшенія предварительной цензуры, это всемъ извѣстно: здѣсь цензоръ или исполняющій его обязанности чиновникъ (въ губернскихъ городахъ — вице-губернаторъ) свободно вычеркиваетъ все то, что ему почему-либо не нравится и что ему представляется опаснымъ для умовъ его согражданъ. Здѣсь полное царство произвола. „Лучше перебачить, чѣмъ не добачить“ — вотъ принципъ, котораго придерживаются носители власти, боясь, въ случаѣ чрезмѣрнаго попустительства, понести отвѣтственность передъ начальствомъ. Но, скажутъ намъ, рядомъ съ подцензурною печатью у насъ есть и свободная отъ предварительной цензуры печать, къ которой сказанное непримѣнимо. Между тѣмъ это не такъ. Прежде всего, эта печать, въ случаѣ обнаруженія „вреднаго“ направленія, подлежитъ разнымъ карамъ, налагаемымъ на нее безъ суда, по одному усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и система этихъ каръ убѣчивается правомъ четырехъ министровъ вовсе закрывать періодическія изданія, признавша по своему направленію неудобными (такимъ путемъ, какъ помнитъ читатель, за послѣднее время были закрыты „Новое Слово“, „Начало“, „Жизнь“, а также „Россія“). Замѣтимъ, что въ 1901 г. было издано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 4-го мая 1901 г., коимъ были введены нѣкоторыя облегченія въ цензурныя кары. Любопытно, однако, что по поводу этого „изъявленія монаршей милости къ періодической печати“ (когда у насъ перестанутъ выражаться на этомъ рабѣемъ языкѣ?) главное управленіе по дѣламъ печати поспѣшило въ особомъ циркулярѣ (12-го іюня 1902 г.) разъяснить, что „новый законъ не измѣняетъ по существу отношеній правительственной власти къ органамъ печати, въ случаѣ обнаруженія съ ихъ стороны вреднаго направленія“ и „не ограничиваетъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ его правѣ и впередъ по своему усмотрѣнію, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печати, подвергать взысканіямъ повременныя изданія, обнаружившія вредное направленіе.“ Но мало того: со времени появленія въ „Россіи“ извѣстнаго фельетона Амфитеатрова, въ цензурныхъ комитетахъ были введены ночныя дежурства, и ни одна изъ безцензурныхъ газетъ не можетъ появиться въ свѣтъ (точнѣе: начать печататься) ранѣе, чѣмъ за то не будетъ получено санкціи прочитавшаго номеръ газеты дежурнаго цензора. Другими словами, статья Амфитеатрова произвела въ правящихъ сферахъ такой переполохъ, что тѣ немногія законодательныя гарантіи, которыя еще заключались въ цензурномъ уставѣ, были просто на просто оставлены безъ вниманія, какъ не соотвѣтствующія данному настроенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ и его сотрудниковъ, и ohne Sang und Klang отбѣнены административнымъ распоряженіемъ.

Такимъ образомъ, вся безцензурная печать была превращена въ подцензурную. Однако, и это еще не все. Помимо указаннаго, наше правительство въ широкой мѣрѣ пользуется и еще однимъ средствомъ: путемъ циркуляровъ, посылаемыхъ по большей части по телеграфу, запрещаетъ печати касаться тѣхъ или другихъ важныхъ вопросовъ дня. Эти циркуляры такъ многочисленны, что можно бы составить цѣлый сборникъ и знакомство съ ними — (а такоево необходимо, конечно, каждому редактору) требуетъ не малаго вниманія. Мы хотѣли бы дать здѣсь читателю представленіе объ этихъ проявленіяхъ нашей административной системы, но такъ какъ дать полную картину всѣхъ циркуляровъ представляетъ изъ себя задачу недостижимую, то мы изберемъ болѣе скромную цѣль: дать въ настоящемъ очеркѣ характеристику циркуляровъ, изданныхъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати въ 1901/1902 гг. Эти циркуляры, конечно, не могутъ дать полной картины, такъ какъ они все же построены на фундаментѣ предыдущихъ циркуляровъ, но и они могутъ представить нѣкоторый интересъ. Замѣтимъ, что въ теченіе 1901 г., какъ извѣстно, во главѣ Главнаго Управленія стоялъ князь Н. В. Шаховской, до этого въ Москвѣ (правда, въ должности цензора) изображавшій изъ себя либерала. Этотъ либерализмъ не помѣшалъ ему стать во главѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати въ ультра-реакціонномъ министерствѣ Сипягина и затѣмъ издавать приводимые ниже циркуляры. — Впрочемъ, кн. Шаховской все же не сдѣлалъ угодитъ, и, со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ г. Плеве, ему было предложено выйти въ отставку. Отставка эта толкуется различно: по однимъ слухамъ, кн. Шаховскому было поставлено въ вину то обстоятельство, что многія газеты о смерти Сипягина говорили въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ и что, такимъ образомъ, онъ не оказался на высотѣ своего положенія, какъ „хозяинъ“ русской періодической печати. По другимъ слухамъ, паденіе кн. Н. В. Шаховскаго было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ въ своей частной перепискѣ неодобрительно высказывался о Сипягинѣ; переписка эта была перехвачена (говорятъ, что

за перепиской высокопоставленных лиц организовать энергический надзор), и двоедущный князь был уволен. Как обнаружил свою способность быть „хозяйном“ печати новый начальник Главного Управления, г. Звѣревъ, бывший профессоръ философіи права (въ Московскомъ университетѣ)?

Задача ему предстояла не легкая: прежде правительство только запрещало говорить о тѣхъ или другихъ событіяхъ, теперь же оно хотѣло пойти дальше и давать печати положительныя предписанія, требуя, чтобы она о тѣхъ или другихъ событіяхъ говорила въ опредѣленномъ духѣ. Говорять, что г. Звѣревъ уже сдѣлалъ подобную попытку по поводу покушенія на харьковскаго губернатора кн. Оболенскаго, пригласивъ черезъ цензурные комитеты редакторовъ газетъ напечатать статьи, высказывающія сочувствіе кн. Оболенскому и порицаніе виновнику покушенія... Говорятъ также, что нѣкоторые органы послѣдовали этому гнусному предложенію.

Уже самый бѣглый просмотръ циркуляровъ показываетъ намъ, что современный политическій режимъ можетъ существовать только при постоянномъ страхѣ его представителей. Что самое мелкое разоблаченіе, свободное слово, сказанное иногда по поводу самыхъ невинныхъ вещей, можетъ ему повредить. Поэтому нѣтъ той области управленія, которой Главное Управленіе по дѣламъ печати не брало бы подъ свою защиту, скрывая правду отъ населенія или придавая незаконному видъ законнаго. Что иногда запрещенія Главнаго Управленія доходятъ до смѣшного, видно хотя бы изъ постановленія его, приведеннаго въ № 5 „Освобожденія“ и касающагося обмѣна салютами между русскими и германскими императорами. Прежде всего нѣкоторые циркуляры ограждаютъ личность самого Государя — цирк. 30-го мая 1901 г. предписываетъ „не помѣщать никакихъ слуховъ, замѣтокъ, извѣстій и статей по поводу какихъ-либо сухопутныхъ или морскихъ путешествій Его И. В. Государя Императора, о которыхъ не будетъ сообщено въ „Прав. Вѣстникѣ“. Когда затѣмъ осенью Государь поѣхалъ во Францію, то циркуляромъ 23-го августа было объявлено, что извѣстія о путешествіи Государя будутъ печататься въ „Прав. Вѣстникѣ“ и „Русскомъ Инавалидѣ“, „откуда и должны быть заимствованы всѣми остальными періодическими изданіями“, и что другія корреспонденціи могутъ быть помѣщаемы въ газетахъ лишь съ одобренія ихъ путевой канцеляріей Его Императорскаго Величества. Перепечатки изъ иностранныхъ газетъ и другія сообщенія, не бывшія на разсмотрѣніи путевой канцеляріи, „подлежатъ на общемъ основаніи цензурѣ Министерства Императорскаго Двора въ С.-Петербургѣ.“ Особая цензура (путевой канцеляріи Мин. Двора) установлена и для газетныхъ снимковъ съ иностранныхъ фотографій и рисунковъ. Впрочемъ, защитой Главнаго Управленія по дѣламъ печати пользуется не только личность царствующаго Государя, но и личности усопшихъ монарховъ. Такъ, когда появилась книга объ Александрѣ I извѣстнаго (покойнаго) историка и директора публичной бібліотеки въ С.-Петербургѣ, генералъ-лейтенанта Шильдера, то изданный въ апрѣлѣ 1901 г. циркуляръ Главнаго Управленія предписалъ періодическимъ изданіямъ къ заимствованиямъ изъ этой книги относиться „съ особой осторожностью, такъ какъ въ подобнаго рода строго научныхъ работахъ нерѣдко оглашаются такіе свѣдѣнія, каковыя по силѣ дѣйствующихъ постановленій о печати не могутъ быть допускаемы въ доступныхъ всѣмъ общимъ политическо-литературныхъ журналахъ и газетахъ ни въполнѣ, ни въ отдѣльныхъ выдержкахъ.“ Однако, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ ограждаетъ отъ печати не только особу Государя, но и свою собственную. Такъ, когда министръ Сяпигинъ въ юлѣ 1900 г. отправился въ путешествіе по Волгѣ, то 16-го іюля по телеграфу всѣмъ редакторамъ было предписано кн. Шаховскимъ, всѣ собственныя корреспонденціи мѣстныхъ газетъ о путешествіи г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ представлять на предварительный просмотръ ст. сов. Арбузова, сопровождающаго министра въ его путешествіи. Гораздо важнѣе приведенныхъ циркуляровъ суть тѣ циркуляры, которые непосредственно вызваны стремленіемъ скрыть отъ населенія тѣ или другія злоупотребленія разныхъ должностныхъ лицъ, или тѣ условія, цѣной которыхъ поддерживается современный политическій режимъ. Примѣромъ перваго можетъ служить изданный въ началѣ марта 1901 г. циркуляръ, временно запрещающій помѣщать въ повременныхъ изданіяхъ какъ отчеты о судебныхъ процессахъ, возбуждаемыхъ противъ чиновъ полиціи такъ и статьи по поводу таковыхъ процессовъ. Такимъ образомъ, правительство, вмѣсто того, чтобы бороться съ злоупотребленіями полиціеискихъ чиновниковъ путемъ гласности, думаетъ обмануть населеніе, скрывая эти злоупотребленія. Сюда же могутъ быть отнесены и другіе циркуляры. Такъ, въ концѣ января было запрещено газетамъ сообщать что-либо „о происшествіи съ управляющимъ император-

скими театрами (въ Москвѣ) Теляковскимъ“ (это „происшествіе“ состояло въ томъ, что г. Теляковскому во время генеральной репетиціи одною изъ служавшихъ театра, по поводу неправильнаго увольненія ея мужа, была публично дана пощечина. Г. Теляковскому съ тѣхъ поръ дано было повышение, и онъ въ настоящее время стоитъ во главѣ всего управленія императорскихъ театровъ въ Россіи); въ началѣ мая по телеграфу было запрещено печатать какія-либо свѣдѣнія или статьи по поводу растраты въ Императорскомъ жепскомъ патриотическомъ обществѣ въ С.-Петербургѣ, кромѣ оглашенія самаго факта“, далѣе циркуляръ 26-го августа 1901 г. запретить перепечатывать изъ номера 98 газеты „Степной край“ „неправильно обнародованный въ этой газетѣ приказъ по Сибирскому военному округу о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, наложенныхъ на нѣсколькихъ офицеровъ Омскаго резервнаго баталіона“... Сюда же относятся циркуляры, касающіеся извѣстнаго дѣла Тальмы. А именно, 16-го февраля 1901 г. газетамъ и журналамъ было запрещено что-либо печатать по дѣлу Тальмы и Карповыхъ, „за исключеніемъ лишь отчета о судебномъ засѣданіи, происшедшемъ 16-го сего февраля въ Прав. Сенатѣ по этому дѣлу“. Въ дополненіе къ этому послѣднему циркуляру въ началѣ марта телеграммамъ было разъяснено, что „распоряженіе 16-го февраля сохранять свою силу и по восполненіи Высочайшаго повелѣнія объ облегченіи участи Тальма и Христины Карповой.“ Мы встрѣчаемъ запрещенія и по другимъ судебнымъ дѣламъ: такъ циркуляръ 22 декабря 1901 г. запрещаетъ помѣщать какія-либо свѣдѣнія о какомъ-то „судебномъ дѣлѣ мѣщанина Янкеля Сосны“.

Ко второй категоріи принадлежатъ циркуляры, вызванныя убійствомъ министра народнаго просвѣщенія Богодѣлова. Немедленно же послѣ покушенія періодическимъ изданіямъ по телеграфу было запрещено печатать о немъ какія-либо свѣдѣнія, „кромѣ тѣхъ, которыя будутъ объявлены въ „Прав. Вѣстникъ“. Затѣмъ въ началѣ марта, опять по телеграфу, Главнымъ Управленіемъ было предписано, чтобы въ силу распоряженій Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 29-го сентября 1892 г. и 14-го февраля 1901 г. въ періодической прессѣ не были помѣщаемы свѣдѣнія ни о Карповичѣ ни о времени слушанія судомъ его дѣла. Мало того, 17-го апрѣля 1901 г. опять издается циркуляръ объ этомъ дѣлѣ. „Не должно быть допускаемо оглашеніе отчета о судебномъ засѣданіи Прав. Сената по кассационной жалобѣ Карповича на приговоръ С.-Петербургской Судебной Палаты, а равно и какихъ-либо сужденій по означенному дѣлу.“ — Когда въ началѣ марта было произведено покушеніе на Побѣдоносцева, то редакціямъ также было предложено „ничего не печатать о выстрѣлахъ въ окна квартиры оберъ-прокурора Св. Синода, кромѣ официальныхъ свѣдѣній.“

Еще въ 1900 г. (цирк. 23-го іюля) было запрещено помѣщать „какія бы то ни было свѣдѣнія и біографическія данныя о личности преступниковъ, покушающихся на жизнь особъ царствующаго домовъ и главъ государства.“ Это постановленіе было подтверждено и въ 1901 г. по поводу убійства президента Соед. Штатовъ Макъ-Кинлея.

Изложенное въ достаточной мѣрѣ показываетъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгаетъ правительство, чтобы либо вовсе скрыть истину отъ населенія, либо представить ее ему въ фальсифицированномъ видѣ. Понятно, что къ этимъ же средствамъ правительство прибѣгаетъ и по отношенію къ тѣмъ возмненіямъ и безпорядкамъ, которые за послѣднее время все чаще и чаще происходятъ у насъ въ разныхъ слояхъ населенія: въ городахъ, университетахъ, на фабрикахъ и т. д. Понятно, что и имъ посвященъ рядъ циркуляровъ. Такъ, еще циркуляромъ 25-го ноября 1900 г. было запрещено что-либо печатать о пьесѣ „Контрабандисты“; 5-го января 1901 г. это запрещеніе было снято, но за то было запрещено что-либо сообщать о безпорядкахъ, происшедшихъ по поводу этой пьесы въ Маломъ театрѣ 23-го ноября 1900 г. Затѣмъ предписаніемъ 19-го апрѣля было запрещено что-либо помѣщать о сходахъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга; 10-го ноября было запрещено что-либо писать „о дѣлѣ по обвиненію полицейіи студентовъ Демидовскаго Лицея“; а 15-го декабря было предписано не помѣщать „безусловно никакихъ свѣдѣній и статей о безпорядкахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.“

Въ особенности, однако, любопытенъ циркуляръ 11-го мая 1901 г. о безпорядкахъ на фабрикахъ и заводахъ. Дѣло въ томъ, что еще въ 1896 г. (8-го іюня) и 1897 года (4-го января) было запрещено повременнымъ изданіямъ печатать статьи не только о фабричныхъ безпорядкахъ, но и вообще объ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Между тѣмъ министерство теперь нашло, что оно зашло уже слишкомъ далеко. Поэтому названнымъ циркуляромъ 5-го мая оно позволило помѣщать свѣдѣнія какъ о фабричныхъ безпорядкахъ, такъ и другихъ случаяхъ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія, съ тѣмъ лишь условіемъ, „чтобы указанная

происшествія излагались въ полномъ согласіи съ дѣйствительностью.“ Подумаешь, что за либерализмъ!... „Согласіе съ дѣйствительностью“: можно ли предъявить къ прессѣ болѣе справедливое требованіе для осуществленія ея высшихъ цѣлей? Однако, все это окажется жалкой фальсификаціей, если мы познакоимся съ тѣми средствами, какими должно быть обезпечено это „соотвѣтствіе“: средства эти заключаются въ томъ, чтобы всѣ подобныя сообщенія до ихъ напечатанія представлялись „для провѣрки ихъ фактической точности“ (?) въ департаментъ полиціи и печатались лишь съ разрѣшенія послѣдняго! Можно себѣ представить ту высокую степень безпристрастія, которую должно ожидать отъ столь почтеннаго и столь ревностнаго на пути исканія истины учрежденія, какъ департаментъ полиціи...

Такую же любовь къ истинѣ, какъ и въ изложенномъ текстѣ циркуляра, правительство обнаруживаетъ и въ другомъ своемъ постановленіи, а именно въ циркулярѣ 29-го августа 1901 г., касающемся неурожая. Здѣсь сообщается, что „за дѣятельностью правительственныхъ благотворительныхъ учреждений и частныхъ лишь въ общей борьбѣ съ послѣдствіями неурожая и за положеніемъ пострадавшаго населенія „будетъ съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдить по газетамъ вся читающая публика въ Россіи. Отсюда понятно, — какая тяжкая ответственность лежитъ на повременныхъ изданіяхъ въ случаѣ помѣщенія въ нихъ о предстоящей продовольственной кампаніи свѣдѣній невѣрныхъ или же статей и извѣстій, тенденціозно освѣщающихъ факты.“ Исходя изъ мысли, „что кромѣ смущенія читателей, подобныя статьи и свѣдѣнія могутъ оказать вредъ и самому дѣлу помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая“, министръ предписалъ предупредить редакторовъ, „что сообщеніе ложныхъ фактовъ или тенденціозныхъ (?) свѣдѣній и статей о продовольствіи бѣдствующаго населенія повлечетъ за собою не только лишеніе газетъ права обсуждать указанный вопросъ, но даже наложеніе на повременныя изданія соотвѣтствующихъ административныхъ взысканій.“

Однако, правительство относится боязливо не только къ оглашенію такихъ событій, какъ разныя злоупотребленія, покушенія, политическія убійства и безпорядки. Оно пытается прикрыть канцелярской тайной и дѣятельность отдѣльныхъ своихъ органовъ. Такъ, напримѣръ, извлеченія изъ журналовъ Государственнаго Совѣта могутъ печататься лишь съ особаго каждый разъ разрѣшенія государственнаго секретаря. Здѣсь мы должны отмѣтить циркуляръ Главнаго Управленія отъ 5-го сентября 1901 г., предписывающій, согласно ст. 140 ценз. не помѣщать безъ предварительнаго разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія „никакихъ свѣдѣній о ходѣ работъ комиссій по учебному дѣлу.“ Это предписаніе было вызвано тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ газетахъ появились сообщенія о ходѣ работъ въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ комиссій, причемъ эти сообщенія — о ужасъ! — появлялись иногда до поступленія въ министерство официальныхъ свѣдѣній о ходѣ этихъ работъ.

Особенно удостоило своего вниманія наше пекущееся о просвѣщеніи правительство гордость русской литературы — Льва Николаевича Толстого: его Главное Управленіе почтало рядомъ циркуляровъ. Когда появилось извѣстное постановленіе и посланіе Синода графу Толстому, то (цирк. 24-го февраля) ихъ было разрѣшено перепечатывать, но всякіе комментарии были запрещены. Когда, однако, лѣтомъ въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ появилась статья „Новая исповѣдь Толстого“, то эту статью и перепечатывать было запрещено (цирк. 22-го іюня 1901 г.). Еще ранѣе того, въ марѣ, было запрещено печатать въ періодическихъ изданіяхъ извѣстія и телеграммы, выражающія сочувствіе Льву Николаевичу: далѣе, въ августѣ, было запрещено помѣщать какія-либо извѣстія „о провѣздѣ Льва Николаевича Толстого на югъ, о встрѣчахъ, устраиваемыхъ ему и о привѣтствіяхъ, обращенныхъ къ этому писателю со стороны его почитателей“ (цирк. 8-го августа). Затѣмъ 23-го августа было запрещено перепечатывать изъ номера 23 „Новостей“ письмо сына Л. Н., графа Сергѣя Львовича Толстого, а 9-го сентября было запрещено перепечатывать изъ № 246 „Петербургской Газеты“ извѣстіе объ отъѣздѣ гр. Толстого...

Можно бы было привести за 1901 г. еще нѣсколько запрещеній, касающихся продовольственнаго дѣла (напр. запрещеніе печатать сообщенія „о принимаемыхъ правительствомъ мѣрахъ по заготовкѣ хлѣба“, чтобы избѣжать искусственнаго подѣема цѣнъ на хлѣбныхъ рынкахъ), борьбы съ острозаразными заболѣваніями (цирк. 13-го января) и фактовъ внѣшней политики (запрещеніе 25-го апрѣля печатать что-либо объ убійствѣ въ Тянь-Цзинѣ германскимъ солдатомъ русскаго офицера; запрещеніе 1-го ноября печатать что-либо о соглашеніи относительно торговыхъ сношеній между Россіей и Персіей и т. д.). Но и сказаннаго уже достаточно, чтобы видѣть, какой мелочной надзоръ, и при томъ со стороны не одного только

цензурнаго вѣдомства, тяготѣлъ въ этомъ году надъ русской повременной печатью и какими терніями былъ устьянъ путь, по которому приходилось ити тѣмъ изъ ея представителей, которые проникнуты сознаниемъ лежащаго на нихъ высокаго призванія и не продаютъ своего пера ни за деньги, ни за улыбки начальства. . . .

Выше мы уже упомянули о томъ, что, послѣ статьи Амфитеатрова въ „Россіи“, и безцензурныя изданія, строго говоря, были подвергнуты предварительной цензурѣ. Относящееся сюда постановленіе занимаетъ несомнѣнно одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ среди предписаній печати за 1902 г., къ обзору которыхъ мы теперь обратимся. Оно было издано въ февралѣ и заключалось въ установленіи ночного дежурства цензоровъ съ тѣмъ, чтобы на ихъ разсмотрѣніе доставлялось известное число экземпляровъ безцензурныхъ изданій: послѣднія могутъ быть выпускаемы въ свѣтъ лишь послѣ полученія на то согласія цензора. Такимъ образомъ, вся безцензурная печать фактически была превращена въ подцензурную.

Другимъ важнымъ событіемъ въ жизни печати была перемена въ личномъ составѣ: князя Шаховскаго, какъ знаемъ, смѣнилъ г. Звѣревъ. Г. Звѣревъ — бывшій профессоръ философіи права московскаго университета. Ему 50 лѣтъ. Происходя изъ очень бѣдной семьи, онъ обучался въ нижегородской гимназіи, окончивъ которую ему помогла заинтересовавшая имъ семья Хотяинцевыхъ. Затѣмъ онъ прошель курсъ московскаго университета, причемъ судьба его свела съ почитаемымъ петербургскаго учебнаго округа, известнымъ нашимъ ученымъ Ѳ. М. Дмитриевымъ, при которомъ онъ состоялъ секретаремъ, но влияние котораго на немъ, къ сожалѣнію, не отразилось. По своимъ симпатіямъ г. Звѣревъ всегда склонялся въ сторону Каткова. Но, въ сущности говоря, г. Звѣревъ представляетъ изъ себя человѣка, совершенно лишеннаго какихъ-либо убѣжденій и готоваго мѣнять свои взгляды по требованіямъ минуты. Когда-то поэтому онъ велъ дружбу съ вѣковыми либералами и вмѣстѣ съ С. А. Муромцевымъ, Ю. С. Гамбаровымъ, М. М. Ковалевскимъ и другими выступалъ въ московскомъ юридическомъ обществѣ (не теряя при этомъ, однако, и близкихъ связей съ г. Грингмутомъ), теперь же онъ призванъ, чтобы „подтянуть“ печать, а московское юридическое общество вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ закрыто министромъ Боголѣповымъ въ бытность того же г. Звѣрева товарищемъ министра. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Звѣревъ всѣми признанъ за человѣка весьма ловкаго и изворотливаго. Благодаря этимъ качествамъ, онъ сумѣлъ приобрести довѣріе своего товарища по факультету Н. П. Боголѣпова. Это помогло ему сдѣлаться помощникомъ ректора московскаго университета; когда же Н. П. Боголѣповъ сталъ во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Н. А. Звѣревъ былъ назначенъ сначала ректоромъ университета (хотя онъ, будучи магистромъ, былъ лишь экстраординарнымъ профессоромъ, и самъ Боголѣповъ, будучи министромъ, запретилъ назначать магистровъ даже въ экстраординарные профессоры), а вскорѣ затѣмъ — товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія. Послѣ смерти Боголѣпова, съ вступленіемъ въ должность министра Народнаго Просвѣщенія П. С. Ванновскаго, Н. А. Звѣревъ долженъ былъ покинуть свой постъ и былъ назначенъ сенаторомъ. Однако, указанный выше качества г. Звѣрева, столь цѣнныя въ С.-Петербургѣ, не дали ему долго пробить за кулисами, и теперь онъ призванъ быть „хозяйномъ“ русской печати. Замѣтимъ въ заключеніе, что научныхъ заслугъ за г. Звѣревымъ нѣтъ, если не считать ряда не имѣющихъ научной цѣнности статей: имъ напечатана лишь одна работа, а именно магистерская диссертация о классификаціи государствъ (1884 г.), книга, имѣющая лишь незначительныя научныя достоинства. Со времени появленія этой книги другихъ крупныхъ работъ г. Звѣрева не появилось; докторской диссертации онъ такъ и не написалъ. Да и гдѣ тутъ было заниматься наукой, когда все время г. Звѣрева поглощалось гораздо болѣе свойственною ему областю — административною дѣятельностію и административнаго . . . интриганства. Административное обремененіе г. Звѣрева отразилось, впрочемъ, и на его дѣятельности, какъ университетскаго лектора: въ своемъ курсѣ онъ излагалъ лишь исторію философіи права древности, и въ теченіе своей 15-лѣтней университетской дѣятельности такъ и не успѣлъ приготовить курса о среднихъ вѣкахъ и новомъ времени, такъ что его слушатели кончали курсъ, не имѣя никакого понятія о томъ, что происходило въ области философіи права послѣ Аристотеля . . .

Итакъ, вторымъ событіемъ для русской печати за 1902 годъ было назначеніе г. Звѣрева на мѣсто кн. Шаховскаго. Несомнѣнно было, что первый пойдетъ дальше послѣдняго, такъ какъ съ радостію и рвеніемъ будетъ дѣлать то, что кн. Шаховскій дѣлалъ, быть можетъ, иногда и нехотя, вступая въ компромиссы съ своею совѣстью. Такихъ „угрызений“ у г. Звѣрева не будетъ. Говорятъ, какъ мы уже упомянули

выше, забывая впередъ, что уже теперь разные органы печати испытывали на себѣ давленіе г. Звѣрева. Впрочемъ, на имѣющихся у насъ подъ руками постановленіяхъ главнаго управленія по дѣламъ печати за 1902 г. перемена курса еще не отразилась: поэтому мы рассмотримъ эти постановленія безъ различія, относяся ли они къ эпохѣ кн. Шаховскаго или г. Звѣрева.

Извѣстно, что московское охранное отдѣленіе въ прошломъ году сдѣлало попытку взять въ свои руки рабочее движеніе и стать во главѣ его. Эта попытка потерпѣла полное фіаско, такъ какъ очень скоро московскіе рабочіе (главнымъ образомъ рабочіе механическаго производства) скорѣе чѣмъ можно было ожидать, поняли, съ какой фальсификаціей они имѣютъ здѣсь дѣло.¹ Но, какъ бы то ни было, попытка была сдѣлана и нашла свое высшее выраженіе въ организаціи празднованія рабочими 19-го февраля 1902 года въ Кремлѣ, у подножія памятника Александра II. Это празднованіе состояло изъ весьма торжественнаго богослуженія въ присутствіи московскаго генералъ-губернатора великаго князя Сергѣя Александровича при громадномъ стеченіи рабочихъ (говорятъ до 40—50 тысячъ). „Московскія Вѣдомости“ по этому поводу ликовали, указывая въ своихъ статьяхъ на происшедшее 19-го февраля „единеніе“ царя и народа, а также и на то, что этотъ народъ, оставаясь вѣрнымъ старымъ традиціямъ, не идетъ по стопамъ соврашающихъ его злонамѣренныхъ людей, но крѣпко держится за основныя устои нашей жизни: самодержавіе и православіе. Между тѣмъ, въ правительственныхъ кругахъ описанное событіе вызвало расколъ и переполохъ, причемъ противникомъ московской политики, отстаиваемой великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, выступилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ. Выраженіемъ этого раскола и явился циркуляръ Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 26-го февраля 1902 года. Мы приводимъ изъ него слѣдующую любопытную выписку: „Въ Москвѣ 19-го сего февраля въ Кремлѣ происходило у памятника Императора Александра II торжественное молитвословіе, на коемъ присутствовали рабочіе нѣкоторыхъ московскихъ фабрикъ. Этому совершенно мѣстному торжеству, обусловленному именно тѣмъ, что въ Московскомъ Кремлѣ сооруженъ памятникъ почившему монарху, нѣкоторые органы печати пытаются придать характеръ знаменательнаго событія, имѣющаго очень значительную общественную цѣнность, служащаго выраженіемъ пробудившагося общественнаго сознанія въ трудящихся массахъ и какъ бы указывающаго на официальное признаніе существованія у насъ особаго класса рабочихъ. Такое объясненіе упомянутаго событія, представляясь по существу невѣрнымъ и крайне тенденціознымъ, отнюдь не должно быть допускаемо въ подцензурной печати. Не слѣдуетъ дозволить обобщенія этого отдѣльнаго факта и сообщать ему характеръ всероссійскаго событія.“ Въ этомъ циркулярѣ каждое слово настолько характерно, что едва ли онъ требуетъ особыхъ комментариевъ. Мы хотѣли бы видѣть лицо кн. Шаховскаго и заглянуть въ его совѣсть, когда онъ — самъ авторъ недурной книги о сельскохозяйственныхъ рабочихъ² — отрицалъ у насъ пробужденіе „общественнаго сознанія въ трудящихся массахъ“ и „существованіе у насъ особаго рабочаго класса“...

Если мы обратимся затѣмъ къ другимъ циркулярамъ Главнаго Управленія, то увидимъ, что они такъ или иначе ставятъ себѣ цѣлью либо скрыть какое-нибудь событіе или представить его въ невѣрномъ свѣтѣ, либо запретить его обсужденіе въ печати. При этомъ такого рода мѣры распространялись на событія и важныя и мелкія. Такъ, въ январѣ было запрещено печатать что-либо о докладѣ Орловскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича на Орловскомъ миссіонерскомъ сѣздѣ о свободѣ совѣсти „какъ самостоятельно, такъ и въ связи съ дворянскими выборами въ Орлѣ“ — выборами, какъ припомнить читатель, оказавшимися очень благоприятными для г. Стаховича (предписаніе 3-го января 1902 г.); тогда же было запрещено обсуждать въ печати временныя правила о студенческихъ организаціяхъ, изданныя генераломъ Ванновскимъ 22-го декабря 1901 г. (предписаніе 5-го января 1902 г.); далѣе было запрещено писать что-либо о приостановленіи выхода „Россіи“ (за статью Амфитеатрова) и о причинахъ этого приостановленія (предп. 14-го января 1902 г.); далѣе было запрещено сообщать какія-либо свѣдѣнія по дѣлу о безпорядкахъ на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, которое было назначено къ слушанію въ Сенатѣ 25-го января (предп. 22-го января 1902 г.); такое же постановленіе было издано по поводу покушенія 21-го марта на московскаго оберъ-полицеймейстера Трепова (предп. 22-го марта 1902 г.), а когда 2-го апрѣля былъ убитъ

¹ Этому вопросу посвящена специальная статья въ №№ 17 и сл. „Освобожденія“ (подъ заглавіемъ „Зубатовщина“).

² Кн. Шаховской. Сельскохозяйственные отхожіе промыслы. Москва 1896.

министръ внутреннихъ дѣлъ, то редакціямъ было запрещено печатать фамилію убійцы и было предписано ограничиться свѣдѣніями объ убійствѣ, сообщаемыми телеграфнымъ агентствомъ (предп. 3-го апрѣля 1902 г.).¹

Особенно боится правительство появленія въ печати распоряженій или предписаній начальствующихъ лицъ къ ихъ подчиненнымъ. Поэтому печатаніе такихъ распоряженій безъ согласія издаващаго ихъ учрежденія было запрещено уже и ранѣе. Теперь это запрещеніе было подтверждено въ 1902 г. (предп. 23-го марта 1902 г.).² Далѣе, еще въ 1902 г. было запрещено печатать „какія-либо извѣстія, касающіяся внутренней жизни учебныхъ заведеній безъ разрѣшенія подлежащаго учебнаго начальства и обсуждать дисциплинарныя наказанія, налагаемыя на воспитанниковъ этихъ заведеній.“ Вслѣдствіе случаевъ нарушенія и это запрещеніе было теперь подтверждено (предписаніе 5-го февраля 1902 г.).

Какъ извѣстно, часть нашихъ сектантовъ, такъ называемыхъ духоборовъ, переселенныхъ на Кавказъ за ихъ религіозныя воззрѣнія, испытывала тамъ сильнѣйшую нужду и претерпѣвала въ добавокъ къ тому еще разныя притѣсненія со стороны представителей мѣстной администраціи, которые безъ сомнѣнія встрѣчали при этомъ поощреніе и со стороны центрального правительства. Благодаря содѣйствію графа Л. Н. Толстого, пожертвовавшаго для этой цѣли гонораръ за „Воскресеніе“, часть этихъ духоборовъ была переселена въ Канаду, гдѣ встрѣтила радужный пріемъ со стороны мѣстнаго правительства. Послѣ этого въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ стали появляться статьи объ этихъ переселенцахъ. Правительство нашло, что нѣкоторыя изъ этихъ статей изображали положеніе послѣднихъ въ излишне привлекательномъ свѣтѣ, что можетъ оказывать очень вредное вліяніе, такъ какъ эти статьи производятъ впечатлѣніе на другихъ сектантовъ и побуждаютъ ихъ выселяться, и, такимъ образомъ, подвергаютъ ихъ лишеніямъ и опасности впасть въ „тяжелыя жизненныя условія на чужбинѣ“. Поэтому такія статьи были объявлены нежелательными (предписаніе 11 февраля). Едва ли правительство боялось выселенія сектантовъ. Повидимому оно боялось, что названныя статьи могутъ усилить и безъ того уже сильное среди сектантовъ броженіе и недовольство своимъ положеніемъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что, какъ и въ 1901 г., нѣкоторыя постановленія Главнаго Управленія по дѣламъ печати были посвящены гр. Толстому. 11-го февраля было запрещено перепечатывать изъ „Пермскихъ Вѣдомостей“ телеграмму Льву Толстому, посланную изъ Вятки. Еще ранѣе того было подтверждено запрещеніе 1901 г. о помѣщеніи какихъ-либо свѣдѣній и статей, имѣющихъ отношеніе къ постановленію Синода 20—22-го февраля 1901 г. и вообще было предписано, во всѣхъ статьяхъ и извѣстіяхъ о Л. Н. Толстомъ соблюдать „необходимую объективность и осторожность“ (!).

Мы пропускаемъ здѣсь рядъ запрещеній, касающихся вопросовъ международной политики, какъ, напр., переговоровъ съ Китаемъ по Маньчжурскому вопросу, соглашенія между Англійей и Японіей и т. д. Изложенное въ достаточной степени показываетъ намъ, какъ разнообразны тѣ вопросы, которыхъ касаются запрещенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати и какъ трудно должно быть разобраться въ этомъ калейдоскопѣ постановленій, изъ которыхъ, къ тому же, нѣкоторыя имѣютъ длительное, другія же — лишь временное, переходящее значеніе.

Отсюда понятнo у лицъ, стоящихъ во главѣ Главнаго Управленія, стремленіе дать своимъ подчиненнымъ извѣстную руководящую нить среди этого лабиринта государственной мудрости. Это стремленіе находитъ свое выраженіе въ попыткахъ начальниковъ Главнаго Управленія кодифицировать тѣ постановленія, которыя должны сохранять силу. Такія попытки были сдѣланы и г. Соловьевымъ, и кн. Шаховскимъ, и г. Звѣревымъ. Кодификація цензурныхъ запретовъ, принадлежащая г. Звѣреву, формулирована въ конфиденціальномъ циркулярѣ, цѣликомъ напечатанномъ въ № 7 „Освобожденія“.

¹ Можно было бы привести и другія подобныя постановленія: такъ, напримѣръ, 15-го мая было запрещено помѣщать какія-либо свѣдѣнія объ отъѣздѣ за границу (вслѣдствіе личныхъ обстоятельствъ) вел. кн. Павла Александровича; 26-го мая — о „лицахъ служебнаго персонала и воспитанникахъ С.-Петербургскаго сиротскаго института Императора Николая I“; 22-го іюля о путешествіи министра финансовъ Витте въ Одессу; 11-го августа — о прібытіи въ С.-Петербургъ харьковскаго губернскаго кн. Оболенскаго; 28-го августа — о судебномъ засѣданіи Харьковского Окружнаго суда по дѣлу помощника прис. пов. Рогачевского и т. д.

² Это подтвержденіе было сдѣлано, вѣроятно, по поводу появленія въ № 9351 „Новаго Времени“ циркуляра Виленскаго епископа, перепечатываніе и обсужденіе котораго въ другихъ изданіяхъ было, кромѣ того, специально запрещено предписаніемъ Главнаго Управленія отъ 19-го марта 1902 г.

Теорія вѣроятностей и борьба съ крамолой.

Въ сферахъ правительственныхъ и охранительныхъ издавна принято различать науки по степени ихъ благонадежности. Какъ въ бывшее время наиболѣе опасными считались естественныя науки, такъ нынѣ этотъ характеръ приписывается наукамъ общественнымъ и государственнымъ. Своеобразный способъ обезвредить ихъ въ политическомъ отношеніи и направить на истинный путь служенія „православію, самодержавію и народности“ изобрѣлъ бывший профессоръ математики Московскаго университета, а нынѣ попечитель Московскаго учебнаго округа П. А. Некрасовъ. Въ своей брошюрѣ, озаглавленной „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человеческой дѣятельности (Пересмотръ основаній социальной физики Кетле)“, Москва 1902, онъ выступаетъ убѣжденнымъ сторонникомъ примѣненія къ изученію общественныхъ явленій теоріи вѣроятностей. Это мысль не новая, и доводы автора въ ея пользу, въ общемъ, не отличаются оригинальностью, поскольку этимъ доводамъ присущъ характеръ теоретическій. Наибольшаго, сравнительно, вниманія въ научномъ отношеніи заслуживаютъ разсужденія о различныхъ видахъ и степеняхъ зависимости между явленіями, въ главѣ первой. Поражаетъ, однако, что авторъ не нашелъ вовсе нужнымъ справиться съ специальной литературой по философіи и логикѣ теоріи вѣроятностей и, что еще удивительнѣе, съ болѣе новыми работами по вопросу о примѣненіи теоріи вѣроятностей къ статистикѣ. Хотя бы изъ сочиненій вѣнскаго математика проф. Чубера (E. Czuber, „Die Entwicklung der Wahrscheinlichkeitstheorie und ihrer Anwendungen“, Leipzig 1898 и „Wahrscheinlichkeitsrechnung und ihre Anwendung auf Fehlerausgleichung, Statistik und Lebensversicherung“, Leipzig 1902—03) г. Некрасовъ могъ бы убѣдиться въ томъ, что со времени Кетле эта область не пребывала въ состояніи застоя, а также, что „пересмотръ основаній социальной физики Кетле“ уже былъ произведенъ другими, до него, и притомъ съ неизмѣримо большимъ усиліемъ, выразившимся въ определенныхъ положительныхъ результатахъ, о которыхъ г. Некрасовъ, очевидно, никакихъ свѣдѣній не имѣетъ. Но и болѣе ранняя специальная литература о Кетле осталась автору, за немногими исключеніями, неизвѣстной. Если бы г. Некрасовъ былъ знакомъ съ сочиненіями, сюда относящимися, то онъ и не думалъ бы, что открываетъ Америку своими указаніями на присутствіе въ трудахъ Кетле элементовъ, отчасти противорѣчащихъ точкѣ зрѣнія позитивизма, такъ какъ давнымъ давно критикой было обращено вниманіе на существенныя непоследовательности и противорѣчія какъ во взглядахъ Кетле, такъ и въ способахъ ихъ выраженія. На это, между прочимъ, указывается и въ „Теоріи Статистики“ Янсона, котораго г. Некрасовъ совсѣмъ напрасно упрекаетъ въ передѣлкѣ ученія Кетле „на позитивный ладъ“ (стр. 9). Между тѣмъ самъ г. Некрасовъ, дѣйствительно, повиненъ въ тенденціозномъ цитированіи Кетле. Онъ замалчиваетъ извѣстныя изреченія Кетле въ родѣ, напр., слѣдующаго: „ce qui se rattache à l'espèce humaine considérée en masse. est de l'ordre des faits physiques“ — изреченія, обнаруживающаго всю тщетность усилій г. Некрасова доказать, что „Кетле и Юссмилхъ вполне однородны по философскимъ взглядамъ“ (тамъ-же). Увлеченіе автора Юссмилхомъ и Эттингеномъ, которые примѣняли къ изслѣдованію общественныхъ явленій по статистическому методу теологическую точку зрѣнія, наврядъ ли вытекаетъ изъ того, чтобы онъ признавалъ ихъ „научныя схемы“ болѣе совершенными сравнительно съ схемой позитивистовъ, къ которой онъ относится строго критически. Вѣдь, и Юссмилху, и Эттингену совершенно чужды тѣ научно-философскія концепціи, связанныя съ теоріей вѣроятностей, которыми такъ дорожитъ г. Некрасовъ. Скорѣе всего высокая

отъика названныхъ авторовъ со стороны г. Некрасова объясняется его явнымъ пристрастіемъ ко всему божественному. Такъ, во многихъ мѣстахъ брошюры (стр. 105, 127, 133) идетъ рѣчь о жизнеописаніяхъ св. подвижниковъ и подвижницъ, рекомендуемыхъ на первомъ мѣстѣ въ числѣ научныхъ матеріаловъ, долженствующихъ лечь въ основаніе общественной науки будущаго. Особенности надежды возлагаетъ авторъ на „русскую науку о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, привязшую отъ Запада выработанные имъ точные методы, изслѣдующіе видимыя и осязаемыя проявленія духовно-нравственной силы въ ея массовыхъ итогахъ, а отъ Востока богочеловѣческой принципъ, составляющій сущность христіанской морали и выразившійся въ православномъ вѣроученіи“. „Вообще,“ продолжаетъ авторъ, „широта идеально-реального міровоззрѣнія¹ въ религіи (?), въ философіи, въ наукахъ историческихъ, юридическихъ и общественныхъ и въ психологическихъ образахъ писателей-художниковъ отмѣчается въ русской литературѣ, какъ коренной тонъ той ея части, которая осталась вѣрна началамъ русской жизни. Славянофиламъ принадлежить, напримѣръ, вѣрный взглядъ на свойства русскаго идеальнаго реализма, провѣреннаго тысячелѣтнею нашею исторіей. Знаменитѣйшіе изъ русскихъ писателей идеально-реального направленія (Пушкинъ, Гоголь, Гончаровъ, Достоевскій, гр. Л. Н. Толстой и другіе) съ великимъ успѣхомъ изобразили отраженіе идеально-реальныхъ свойствъ человѣческой души въ художественныхъ образахъ. Наше изложеніе внутренне связано съ этимъ русскимъ міровоззрѣніемъ, касаясь, однако, главнымъ образомъ, той стороны его, въ которой играетъ роль математическое мѣрило“ (стр. 79). Насколько претензіи г. Некрасова на солидарность съ лучшими представителями русской мысли въ науку, философію и литературѣ основательны, выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія его взглядовъ. Теперь же не мѣшаетъ установить, что по частному вопросу объ отношеніи позитивизма и, прежде всего, самого Конта къ проблемѣ о движущихъ силахъ историческаго процесса воззрѣнія г. Некрасова не находятъ себѣ подтвержденія, между прочимъ, со стороны тѣхъ представителей русской исторической науки, которыхъ онъ, вѣроятно, желалъ бы считать своими единомышленниками. Я имѣю въ виду весьма обстоятельную статью А. С. Лаппо-Данилевскаго въ „Проблемахъ Идеализма“ объ основныхъ принципахъ социологической доктрины Конта, гдѣ содержится указаніе на то, что Контъ не только въ своей „политикѣ“ отвелъ весьма видную роль волевоу началу, „но въ сущности уже въ своемъ „курсѣ“ придалъ волѣ значеніе чуть ли не самостоятельнаго фактора въ явленіяхъ общественной жизни“ (стр. 428). Правда, что главное обвиненіе г. Некрасова противъ Конта и позитивизма формулируется имъ такимъ образомъ, что они исключили „изъ исторической, экономической и юридической науки“ не просто „волю“, а „свободную волю“ (стр. 73). Но эту свободную волю г. Некрасовъ опредѣляетъ или, вѣрнѣе, описываетъ такимъ образомъ: „Свободная воля обвиняетъ заключенныя въ душѣ человѣка личныя самодовлѣющія разумныя причины, не зависящія (въ нѣкоторой сферѣ дѣйствія) отъ прочихъ силъ или причинъ, съ которыми она сочетается, какъ особое крупное слагаемое“ (стр. 76). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 128) говорится, что „свободная воля должна трактоваться, какъ особая психическая сила, слагающаяся изъ всѣхъ душевныхъ силъ (сердечныхъ и умственныхъ), какъ ихъ равнодѣйствующая“. Такимъ образомъ, г. Некрасовъ, что доказывается также его ссылками на Лейбница и Лапласа, въ которыхъ онъ находитъ подтвержденіе своей точкѣ зрѣнія, отнюдь не является сторонникомъ „свободы воли“ въ собственномъ смыслѣ слова, а лишь противникомъ тѣхъ ученій, которые сводятъ на нѣтъ роль личной психики и въ частности волевого момента въ исторіи и социологіи. Но въ такомъ случаѣ возводимое имъ на Конта и позитивистовъ обвиненіе является, какъ это видно изъ приведенныхъ словъ г. Лаппо-Данилевскаго, во всякомъ случаѣ слишкомъ огульнымъ. А что касается до, якобы, существующаго глубокаго различія между Контомъ и позитивистами вообще, съ одной стороны, и Кетле, съ другой, въ ихъ взглядахъ на значеніе волевого начала, и до упрековъ по адресу Янсона и др. въ передѣлкѣ Кетле на позитивный ладъ, то въ этомъ отношеніи г. Некрасовъ уже прямо неправъ. Ничего не стоило бы искуснымъ подборомъ цитатъ произвести ту операцію, которой въ разбираемой брошюрѣ подвергся Кетле, съ Контомъ, чтобы приблизить его къ представителямъ, хотя бы того же, столь цѣннаго въ глазахъ г. Некрасова, теологическаго взгляда на процессы общественной жизни. Встрѣчающимся у Кетле выраженіямъ „рука Всемогущаго“ и „дѣло Творца“ (стр. 74), за которыя цѣпляется г. Некрасовъ и за

¹ „Идеальнымъ реализмомъ“ г. Некрасовъ называетъ „идеализмъ, провѣренный опытомъ и наблюдениемъ конкретной дѣйствительности“ (стр. 78).

пропускъ которыхъ въ соответствующей цитатѣ онъ такъ строго осуждаетъ Янсона, можно было бы противопоставить „Великое Существо“ изъ „Cours de philosophie positive“ Конта. Передъ судомъ г. Некрасова позитивисты и послѣдователи Кетле, неправильно его понимавшіе, оказываются виновными еще и вообще въ умаленіи роли морально-интеллектуальныхъ силъ. Но, вѣдь, Бокль, который, главнымъ образомъ, имѣется тутъ въ виду, считалъ самымъ могущественнымъ факторомъ историческаго развитія успѣхи положительнаго знанія. Это ли не интеллектуальная сила? А по вопросамъ нравственности Боклю, какъ извѣстно, была чужда идея эволюціи нравственныхъ понятій — т. е. та идея, которая, вообще говоря, и вызываетъ отпоръ со стороны приверженцевъ абсолютной морали. Съ Кетлетизмомъ въ освѣщеніи Бокля и Адольфа Вагнера г. Некрасовъ приводитъ въ связь „соціологическій (экономическій и историческій) материализмъ Карла Маркса, Энгельса, Лоріа и др.“ (стр. 73), „въ которомъ всѣми явленіями массовой человѣческой жизни фатально управляютъ лишь фیزیологическіе акты, а высшія способности человѣка отрицаются или, по крайней мѣрѣ, игнорируются, какъ не имѣющія значенія“ (стр. 87). Не вдаваясь въ оцѣнку этой явно неправильной характеристики экономическаго материализма, мы не можемъ не высказать удивленія по поводу того, что авторъ ищетъ корней этого направленія у позитивистовъ и Кетле. Кому не извѣстно, что философія основанія заимствована Марксомъ и Энгельсомъ отчасти изъ Гегеля, отчасти изъ материализма, отъ котораго настоящіе позитивисты отрещиваются?¹ Однако, по г. Некрасову, тлетворное вліяніе кетлетизма простирается дальше. „Болѣе довѣрчивыхъ“ изъ историковъ и юристовъ послѣдній привелъ „къ увлеченію утопіями“ (стр. 6) вслѣдствіе извращеннаго понятія о характерѣ законовъ, коими управляетъ человѣческая жизнь. „Проведеніе такихъ запутанныхъ понятій въ жизнь“, повѣствуетъ г. Некрасовъ, „черезъ посредство законодательныхъ реформъ можетъ по недоразумѣнію причинить (и уже причиняло) человѣку много совершенно ненужныхъ и безсмысленныхъ волненій и страданій.“ „Руководители государственной и общественной жизни, опирающіеся на такіа заблужденія, принимаемые за истину, своими реформами могутъ легко растратить не мало силъ, способныхъ поддержать регулярность благотворнаго общественнаго процесса, и, наоборотъ, могутъ накопить по ошибкѣ такіа силы, которыя дѣйствуютъ на общественную жизнь разлагающимъ и разрушающимъ образомъ. А нѣкоторые фанатики большого числа ведутъ общество къ переустройству путемъ разрушеній вполне убѣжденно, такъ какъ думаютъ, что и самое разрушеніе благотвельно, ибо, по ихъ мнѣнію, большое число всетаки останется и, обладая само изъ себя творческою силою, создастъ непременно лучшую форму человѣческаго общежитія, чѣмъ форма разрушенная. Изъ этого нелѣпо-мистическаго источника проистекаютъ многія мнимо-научныя политико-экономическія и соціалистическія ученія, въ которыхъ масса и большинство обоготворены: а отдѣльныхъ человѣкъ оцѣненъ съ точки зрѣнія суммы хозяйственныхъ благъ, перелагаемой на фунты стерлинговъ, и вѣчно поработанъ то капитализму, то механическому соціальному строю“ (стр. 89). По поводу этого отрывка нельзя, прежде всего, не замѣтить, что связь, якобы существующая между теоріями Кетле и позитивизмомъ, съ одной стороны, и разными необдуманнми реформами и революціонными движеніями, съ другой стороны, есть не болѣе, какъ плодъ досужей фантазіи г. Некрасова. До сихъ поръ принято было, хотя и безъ достаточныхъ оснований, ставить Кетле въ упрекъ, что его точка зрѣнія приводитъ, наоборотъ, къ соціальному квітизму. А тутъ оказывается, что имъ вдохновлялись революціонеры. Жаль, что въ разбираемомъ сочиненіи не содержится на сей счетъ болѣе опредѣлительныхъ указаній. Что касается, затѣмъ, въ частности до статистической категоріи „большого числа“, будто бы служащей для оправданія политическихъ переворотовъ, то приходится недоумѣвать, имѣешь ли тутъ дѣло съ явной нелѣпостью, проистекающей изъ невообразимой путаницы понятій, или же съ неудачнымъ каламбуромъ. Наконецъ, послѣдняя фраза въ приведенномъ отрывкѣ, которую имѣлось въ виду надлежащимъ образомъ охарактеризовать идеалы демократіи и соціализма, можетъ служить образчикомъ аляповатости полемическихъ приемовъ автора. Стоитъ отмѣтить также его отношеніе къ капиталистическому строю. И въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія (стр. 106) онъ указываетъ на „современныя жесткія отношенія труда и капитала“

¹ Фулье. въ „Esquisse psychologique des peuples Européens“, 2-ое изд., 1903 г., стр. 468, въ полную противоположность г. Некрасову, замѣчаетъ: „Le positivisme d'Auguste Comte a sa partie idéologique: c'est la loi des trois états, qui subordonne le mouvement social entier au développement intellectuel, aux idées d'abord théologiques, puis métaphysiques, enfin scientifiques et positives. Le comtisme français est aujourd'hui l'antithèse du marxisme allemand“.

и предлагает „устранить эту жестокость посредством устройства кассъ, страховых рабочих и пр.“. И мы знаем, что читаемъ слѣдъ за этимъ, „что въ христіанскихъ культурахъ богатый, если онъ не матеріалистъ, очень часто оказывается лишь исполняющимъ заповѣдь любви къ ближнему организаторомъ добычи насущнаго хлѣба для трудящихся массъ.“ Но авторъ по вопросу объ отношеніяхъ труда и капитала не ограничивается этими замѣчаніями, мало оригинальными по содержанию и характерными для него лишь по тону претящей елейности. Онъ и вниманію экономистовъ рекомендуетъ теорію вѣроятностей, которая, по его мнѣнію, можетъ пригодиться „для смягченія этихъ жестокихъ отношеній“, способствуя введенію „нравственнаго элемента“ „въ самую оцѣнку труда и вещей, какъ это пытались сдѣлать Даніилъ Бернулли и Бюффонъ, предложившіе для оцѣнки случайныхъ суммъ особое мѣрило, называемое нравственнымъ ожиданіемъ“ (стр. 106). Вся неумѣстность этого наставленія экономистамъ выясняется изъ ближайшаго знакомства съ понятіемъ нравственнаго ожиданія, которое впервые встрѣчается въ мемуарѣ Д. Бернулли „Specimen theoriae novae de mensura sortis“, напечатанномъ въ 1738 г. въ Запискахъ Петербургской Академіи Наукъ, и которое послужило ему средствомъ для рѣшенія (впрочемъ, невѣрнаго) одной задачи изъ теоріи вѣроятностей, извѣстной подъ именемъ „петербургской“. Это понятіе не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ вопросами нравственности и отнюдь не можетъ служить противовѣсомъ „крайне матеріалистической оцѣнки человѣка, производящаго хозяйственныя блага“, въ которой г. Некрасовъ упрекаетъ политическую экономію. Бернулли даже не употребляетъ выраженія „нравственное ожиданіе“, а говоритъ о „lucrum“ (выгода). При чемъ тутъ „нравственный элементъ“, и къ чему эта игра словами у г. Некрасова? Но этого мало. На самомъ дѣлѣ экономисты, не въ цѣляхъ, конечно, смягченія отношеній между трудомъ и капиталомъ, а въ области ученія о цѣнности уже давно, не дожидаясь указаній г. Некрасова, воспользовались представленіями, сходными съ тѣми, которыя выдвинулъ Даніилъ Бернулли при рѣшеніи „петербургской задачи“. У имѣю въ виду теорію предельной полезности, на связь которой съ конструкціей названнаго математика имѣются указанія въ литературѣ.¹ Г. Некрасовъ по своей специальности математика, конечно, не обязанъ этого знать. Но въ такомъ случаѣ, что заставляетъ его выступать съ поученіями по адресу другихъ специалистовъ? Впрочемъ, собственно экономической области онъ касается лишь вскользь. Соціальныя и политическія теоріи и направленія интересуютъ его, главнымъ образомъ, съ болѣе общей точки зрѣнія. Какъ мы видѣли, позитивизмъ, отождествляемый имъ съ матеріализмомъ, и „научная схема“ Кетле приводятъ, по его мнѣнію, къ необдуманнымъ реформамъ, къ революціи, демократіи и социализму. Ошибочныя предположенія, однородныя съ ошибками Кетле, авторъ находитъ даже у Лъва Толстого, который „отвергаетъ всѣ данныя Богомъ и выработанныя человѣческимъ опытомъ учрежденія, назначенныя по самой идее своей поддержать (sic!) въ колеблющемся человѣчествѣ стремленіе къ Царствію Божію, — отвергаетъ церковь, государство, науку, судъ и пр.“ (стр. 93). „Логическая схема Кетле,“ замѣчаетъ авторъ, „ея ошибочными предположеніями привела къ колебаніямъ мысли между рабскимъ началомъ и анархіей, такъ какъ она лишена правильнаго мѣрила для разумной свободы и разумнаго стѣсненія“ (стр. 94). Посмотримъ же, какимъ образомъ г. Некрасовъ извлекаетъ это мѣрило изъ теоріи вѣроятностей и „точной логики индуктивныхъ наукъ“.

Точкой отправленія является у него въ этомъ отношеніи понятіе взаимной независимости случайныхъ явленій, имѣющее существенное значеніе для теоріи вѣроятностей. „Два случайныхъ явленія А и В“, читаемъ у г. Некрасова (стр. 161). „называются независимыми одно относительно другого, если вѣроятность осуществленія одного изъ нихъ не способна измѣняться а posteriori по удостовѣреніи осуществленія другого явленія. Такъ, при бросаніи на удачу двухъ монетъ, вскрытія орла на той и на другой монетѣ будутъ двумя независимыми явленіями. Точно также въ обстоятельствахъ жизни двухъ лицъ могутъ быть немало явленій независимыхъ: смерти того и другого лица въ данный срокъ будутъ, напримѣръ, вообще явленіями независимыми“. Очевидно, что понятіе взаимной независимости явленій примѣнимо также и къ поступкамъ человѣка, поскольку они поддаются разсмотрѣнію съ точки зрѣнія теоріи вѣроятностей. Независимость въ этомъ смыслѣ авторъ называетъ свободой и, какъ будто, вовсе не сознавая крайней условности такого обозначенія, въ дальнѣйшемъ отождествляетъ это новое математическое

¹ F. von Wieser, Der natürliche Wert, 1889, стр. IX и Ludwig Fick въ предисловіи къ нѣмецкому переводу (проф. Прингсгейма) вышеуказаннаго сочиненія Д. Бернулли: „Die Grundlage der modernen Wertlehre. Daniel Bernoulli etc.“. Leipzig 1896.

понятіе свободы то съ метафизическимъ или скорѣе психологическимъ понятіемъ свободы воли, то съ политико-общественнымъ понятіемъ свободы. Подобныя явныя и неостроумныя передержки нужны г. Некрасову для того, чтобы, какъ мы сейчасъ увидимъ, авторитетомъ теоріи вѣроятностей прикрыть свои реакціонныя вожделѣнія. Это достигается, прежде всего, различіемъ между свободой „дѣйной“ или „благотворной“ и „вредной“ или „неблаготворной“. Теорія вѣроятностей, которая, какъ только что было указано, по Некрасову, раскрываетъ истинное понятіе свободы, и въ вопросѣ о различіи между указанными видами свободы, по его мнѣнію, „вноситъ точный взглядъ“. Судя по нѣкоторымъ замѣчаніямъ автора, эти слова хотѣлось бы понимать въ томъ смыслѣ, что теорія вѣроятностей или точнѣе статистическія наблюденія, связанныя съ нѣкоторыми концессіями этой математической дисциплины, даютъ возможность устанавливать характеръ и мѣру вліянія того или другого законодательнаго мѣропріятія, государственнаго режима или образа дѣйствій правительства на общественную жизнь. Такъ, напримѣръ, возражая противъ ученія Льва Толстого о непротивленіи злу, г. Некрасовъ замѣчаетъ, что индукція могла бы доказать ошибочность этого ученія: „уничтоженіе судебной репрессіи противъ злыхъ проявленій свободной воли повело бы къ увеличенію вѣроятностей преступленій и къ фактическому умноженію преступности“ (стр. 94). Въ этомъ примѣрѣ авторъ считаетъ опытную провѣрку того положенія, что данный правовой институтъ (уголовный законъ и опирающагося на него судебная репрессія) представляетъ собой „разумное стѣсненіе“, и что отмена этого института привела бы къ „свободѣ неблаготворной“, излишней. Но въ другихъ случаяхъ способъ рѣшенія вопроса о разумности стѣсненія и благотворности свободы заключался бы именно въ обнаруженіи, при помощи сравнительной статистики, послѣдствій тѣхъ мѣропріятій и учреждений, которые выражаютъ собою стѣсненіе или свободу. Вотъ къ какой нехитрой и обыденной мысли сводится претенціозное утвержденіе автора, будто теорія вѣроятностей (!) приводитъ „во многихъ случаяхъ къ точнымъ (!) выводамъ по вопросу о томъ, какъ укрѣпить въ человѣческомъ сообществѣ благотворное вліяніе („стѣсненіе“ тожъ) и благотворную свободу, это высшее благо разумаго человѣческаго существа“ (стр. 26). Однако, г. Некрасовъ, какъ будто, сознаетъ, что подобный статистическій критерій, позволяющій отличать благотворную свободу отъ неблаготворной, можетъ иной разъ оказаться не совсемъ безопаснымъ. Какъ быть, въ самомъ дѣлѣ, если „по точной логикѣ индукціи“ окажется, что та или другая законною властью установленная мѣра „стѣсненія“ „увеличиваетъ вѣроятности“ явленій явно отрицательнаго характера, въ родѣ, напримѣръ, нищеты, голода, пьянства, невѣжества, „порабощенія капиталу“ и проч.? Въдѣ, за статистику ручаться нельзя.¹ Ея выводы могутъ привести къ „колебанію основъ“. А ихъ-то нужно, во что бы то ни стало, спасти и поддержать. И мы видимъ, что г. Некрасовъ не настаиваетъ на примѣненіи указаннаго статистическаго критерія, а производя въ дальѣйшемъ расцѣпку различнымъ видамъ свободы, руководствуется уже совсемъ другого рода критеріемъ, который, правда, рѣшительно не имѣетъ ничего общаго ни съ теоріей вѣроятностей, ни съ „точной логикой индукціи“, но зато представляетъ преимущество необыкновенной простоты и опредѣленности. Благотворная свобода, съ точки зрѣнія этого новаго критерія, есть та, которая соотвѣтствуетъ „правственному и гражданскому законамъ“, неблаготворная свобода характеризуется тѣмъ, что она противорѣчитъ этимъ законамъ (стр. 113 и слѣд.). Содержаніе же правственнаго закона, по Некрасову, указывается христіанской религіей. „Попытки вывести совершеннѣйшій нравственный законъ не изъ совершеннѣйшей религіи, а раціональнымъ эмпирическимъ путемъ всегда, какъ извѣстно, не удаются“, такъ гласитъ приговоръ автора надъ всей исторіей этики. „Практически“, читаемъ дальше, „попытки обосновать такимъ путемъ нравственный законъ обыкновенно бывають болѣе удобны не для истинно-нравственныхъ людей, а для такихъ, которымъ нужно покрытіе своей нравственной подлости или своихъ низменныхъ біологическихъ инстинктовъ личиною нравственнаго закона. Въ концѣ концовъ искренно вѣрующій въ Бога не только христіанинъ, но даже магометанинъ или буддистъ, какъ основная монада въ построеніи моральнаго общественнаго организма, безконечно выше послѣдователя любой раціоналистической морали, которая, дѣйствуя на умъ, не можетъ никогда возжечь сердце истинною любовью къ ближнему“ (стр. 100). Приведенное мѣсто можетъ служить, между

¹ Стѣдующія слова, очевидно, направлены противъ земскихъ статистиковъ: „Лучшими статистиками-наблюдателями являются по различнымъ отраслямъ тѣ образованные люди, которые состоятъ при этихъ отрасляхъ въ постоянныхъ дѣловыхъ связяхъ, направляя ходъ дѣлъ. Управление и статистика, въ сущности, не отдѣлимы одно отъ другой“ (стр. 46).

прочимъ, для характеристики рыцарскаго отношенія г. Некрасова къ противникамъ. Онъ вообще то-и-дѣло прибѣгаетъ къ полемическимъ выраженіямъ въ родѣ: „нравственная подлость“, „плутовскій свободомыслія“ (стр. 103), „болтуны и плуты“ (стр. 121) и проч. Преимущество богословской морали передъ рационалистической авторъ пытается доказать и на основаніи историческихъ данныхъ. Установивъ, что понятіе о нравственномъ законѣ, почерпнутое изъ богооткровенной христіанской религіи, есть „вершина въ лѣствицѣ нравственныхъ понятій“ и „что эту лѣствицу и необходимо положить въ основу точной индуктивной науки о проявленіяхъ чело-вѣческой дѣятельности“ (стр. 100), онъ высказывается слѣдующимъ образомъ о роли христіанства въ исторіи народовъ. „Вершина вышеуказанной нравственной лѣствицы должна озарять путь свободонравственнаго историческаго процесса. Эта вершина ясно свѣтитъ христіанскимъ культурамъ. Христіанскіе народы, спотыкаясь, иногда отчаяваясь, даже подчасъ отвергая реальность этой вершины, въ общемъ восходятъ по этой лѣствицѣ. Отвергавшіе этотъ путь христіанскіе народы, воздвигавшіе гоненіе на христіанскую свободу подъ флагами социализма, іезуитизма и богини разума, либо ad absurdum убѣждались (!)¹ въ своихъ заблужденіяхъ и возвращались на тотъ же свободонравственный путь, либо вырождались, уступая нравственную гегемонію богоязненнымъ народамъ“ (стр. 102). И подобныя историческія фантазіи выдаются за положенія „точной индуктивной науки“, и г. Некрасовъ обладаетъ смѣлостью обращаться съ методологическими указа-ніями по адресу представителей исторической науки, какъ, напримѣръ, по адресу проф. Виноградова (стр. 91—92)! Отъ разсужденій о нравственномъ законѣ авторъ переходитъ къ соображеніямъ о гражданскомъ законѣ, въ которомъ „положены наглядныя границы для свободонравственныхъ дѣйствій“. „Преступившій эти границы“, замѣчаетъ г. Некрасовъ, „отвѣчаетъ не только передъ Богомъ и своею совѣстью, но и передъ гражданскою властью“ (стр. 104). „Гражданскій законъ“ г. Некрасовымъ отождествляется съ существующимъ режимомъ, съ такъ называемымъ положительнымъ правомъ, и мы напрасно стали бы искать въ его изложеніи малѣйшаго намека на возможность разлада между стѣсненіями „гражданскаго закона“ и идеалами „благотворной свободы“. „Стѣсненія“, устанавливаемые гражданскимъ закономъ, оказываются всегда стѣсненіями свободы неблаготворной. „Церковь, государство съ его учрежденіями и общественныя подраздѣленія и классы“ сообща-ютъ „общественному организму внутреннюю стойкость, содѣйствуютъ скрѣпленію его въ одно цѣлое“ (стр. 107). Но „человѣческое общество“, разсуждаетъ г. Некрасовъ, „должно считаться не только съ силами моральнаго сдѣленія, но и съ обратно-направленными внутренними силами, т. е. съ внутренними разлагающими вліяніями и причинами, которыя обуславливаются неблагопріятнымъ направленіемъ свободной воли части общества. Эти самочинно-интеллектуальныя силы часто бываютъ очень велики, имѣютъ свою жестокую дисциплину, образующую сплоченные скопы. При этомъ въ отношеніи благотворныхъ проявленій массовый общественный процессъ перестаетъ быть самъ собою вполне устойчивымъ и нуждается въ особыхъ опорахъ въ видѣ репрессивныхъ гражданскихъ учреждений, принудительно связывающихъ вредныя проявленія худшей части общества при посредствѣ вліяній лучшей его части. Эти опоры“, заканчиваетъ авторъ, „могутъ дать благотворному массовому процессу достаточную устойчивость“ (стр. 137). О „шайкахъ и скопкахъ“, какъ о „процессахъ“ (!), недопустимыхъ и требующихъ неуклоннаго преслѣдованія, говорится въ различныхъ мѣстахъ сочиненія (напримѣръ, стр. 113, 109 и др.). Изъ приведенныхъ отрывковъ видно уже, что Некрасовское различіе между свободой благотворной и неблаготворной, въ конечномъ счетѣ, совпадаетъ съ различіемъ между тѣмъ, что дозволено, и тѣмъ, что запрещено.

Къ тому же резульату приводитъ и другое вводимое авторомъ подраздѣленіе понятія свободы: онъ различаетъ свободу отвѣченную и конкретную. Это подраздѣленіе связано съ взглядами автора на отвѣченный и реальный идеализмъ. Только послѣдній, т. е. идеализмъ, „пробѣренный опытомъ и наблюденіемъ кон-

¹ „Ad absurdum“ значитъ „къ нелѣпости“. Можно убѣдиться въ истинности какой-нибудь мысли приведеніемъ противоположной ей мысли, путемъ умозаключеній, къ нелѣпости (reductio ad absurdum). Но что значитъ „убѣдиться въ чѣмъ-нибудь къ нелѣпости“, этого, надо полагать, и самъ г. Некрасовъ, въ качествѣ специалиста по „точной логикѣ“, не въ силахъ объяснить. Безграмотные обороты, не только съ участіемъ, но и безъ участія латинскаго языка, вообще встрѣчаются у г. попечителя московскаго учебнаго округа довольно часто. Вотъ образецъ его стиля: „Вліяніе свободной воли на различныя под-лежащаія ему послѣдствія бываетъ различнымъ по напряженію, числовое опредѣленіе котораго (не только по величинѣ, но и по направленію) возможно устанавливать при посредствѣ вѣроятностей, какъ указано въ главѣ IV“ (стр. 134). Интересно также, что пристрастіе г. Некрасова къ древне-русскимъ формамъ языка (напр., „лѣствица“) уживается рядомъ съ злоупотребленіемъ словами иностраннаго происхожденія. Такъ, на стр. 120 говорится объ идеяхъ „безъ достаточнаго фонда въ окружающихъ условіяхъ“.

кретной действительности", имѣть законное право на существованіе. „Если“, говорить г. Некрасовъ, „отвлеченіе отъ идеально-реальнаго характера ученія Христа-Спасителя породило Торквемаду, а отвлеченный идеализмъ Руссо привелъ къ Робеспьеру и Марату, то и этихъ опытовъ довольно, чтобы въ наукѣ о человѣкѣ не пользоваться отвлеченнымъ идеализмомъ“ (стр. 78). Въ примѣненіи къ вопросу о свободѣ точка зрѣнія „реальнаго идеализма“ приводитъ г. Некрасова къ рѣзкому осужденію всякихъ попытокъ позаимствованія свободныхъ политическихъ учреждений у чужихъ народовъ. „Всякій великій народъ“, поучаетъ г. Некрасовъ, „долженъ развивать свою національную идеально-реальную благотворную свободу. Вотъ почему, между прочимъ, славянофилы такъ убѣжденно защищали три столпа русской идеально-реальной благотворной свободы: православіе, самодержавіе и народность“ (стр. 124). Впрочемъ, авторъ не вполне выдерживаетъ точку зрѣнія относительности при оцѣнкѣ политическихъ учреждений различныхъ народовъ. Такъ, мы видѣли, что онъ абсолютно осуждаетъ свободу ассоціацій и коалицій („шаекъ и скоповъ“, по его терминологіи), не считаясь съ тѣмъ, что, напримѣръ, въ Англіи этотъ именно видъ „нестысненной дѣятельности“ всѣми признается безусловно обязательнымъ элементомъ „національной идеально-реальной благотворной свободы“. Зато въ другихъ отношеніяхъ онъ, повидимому, не прочь кое-чѣмъ позаимствоваться отъ Англіи. Объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующее характерное мѣсто: „Государства“, говоритъ г. Некрасовъ, „въ которыхъ наиболѣе развита свободонравственная общественная жизнь, наиболѣе послѣдовательно во всѣхъ видахъ репрессіи недобрыхъ проявленій свободной воли. Система, напримѣръ, англійскаго воспитанія, дающая столь свободолюбивыхъ гражданъ, не отстываетъ въ своихъ школахъ и особенно въ лучшихъ школахъ даже отъ физической репрессіи для блага наказуемаго. Во всей остальной общественной жизни Англіи послѣдовательная и неуклонная репрессія противъ дурныхъ проявленій свободной воли составляетъ основу ея свободонравственной общественной и государственной жизни. Дряблая распушенность въ выполненіи справедливой репрессіи противъ неблаготворной свободы есть спутникъ нравственнаго разложенія народовъ. Уклоненіе того, кто долженъ совершить во имя общаго блага справедливую репрессію, отъ этого долга, по эффекту дѣйствія, равносильно соучаствію въ соотвѣствующихъ актахъ злой воли. Препятствующіе выполненію такой репрессіи помогаютъ актамъ злой воли, такъ какъ неумолимо ведутъ къ увеличенію въ статистическихъ таблицахъ рубрики злыхъ дѣйствій“ (стр. 132). Этотъ призывъ къ неуклонной репрессіи и тѣлеснымъ наказаніямъ является какъ бы заключительнымъ аккордомъ философско-политическаго трактата обскуранта-ученаго. Усвоенная имъ точка зрѣнія тупого, неразборчиваго и непримиримаго консерватизма сама по себѣ неоригинальна и неинтересна, но заслуживаютъ вниманія приемы, употребляемые въ данномъ случаѣ для ея оправданія. Необдуманное привлеченіе теоріи вѣроятности къ рѣшенію социальныхъ и политическихъ проблемъ, выборъ главнымъ объектомъ для полемики научнаго направленія (Кетле), въ извѣстномъ смыслѣ отжившаго и, во всякомъ случаѣ, не играющаго роли въ современномъ движеніи русской мысли, полная неспособность ориентироваться въ различныхъ доктринахъ и системахъ, заигрыванье съ философскимъ идеализмомъ, какъ стоящимъ нынѣ на очереди,¹ смиренное и безусловное преклоненіе передъ свѣтской и духовной властью, а въ смыслѣ формы и языка довольно безпорядочное изложеніе и курьезный мнимо-научный жаргонъ собственнаго изобрѣтенія — вотъ главные черты, характеризующія Некрасовскую критику волюнтаризма и проповѣдь нравственнаго и физическаго насилія. Не можетъ ли все это служить симптомомъ скудости и слабости интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ въ лагерѣ современныхъ охранителей?

Г. Некрасовъ большой поклонникъ Лапласа, не только какъ математика, но и какъ философа. О Лапласѣ, которому пришлось въ теченіе шести недѣль занимать постъ министра внутреннихъ дѣлъ, Наполеонъ, которому онъ былъ обязанъ назначеніемъ на этотъ постъ, разочаровавшись въ немъ, говорилъ, что „онъ всюду искалъ тонкостей и вносилъ духъ исчисленія безконечно-малыхъ въ дѣла управленія“. Г. Некрасовъ, подобно Лапласу, математикъ и, какъ нѣкогда Лапласъ, привлеченъ къ административной дѣятельности. Но, какъ мы видѣли, когда дѣло

¹ И чего можно ожидать отъ этого русскаго нео-идеализма, кромѣ самаго рѣшительнаго и недумсмысленнаго отпора? Въ статьѣ: „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“ г. П. Г. замѣчаетъ, что „философскій идеализмъ и государственный позитивизмъ непримиримы по духу“, и приписываетъ заслугу выясненія этой мысли Владимиру Соловьеву (Проблемы идеализма, стр. 86). Это, между прочимъ, одинъ изъ тѣхъ мыслителей, съ которыми г. Некрасовъ имѣетъ неосторожность считать себя солидарнымъ, и чье имя онъ особенно часто произноситъ вслухъ.

касается вопросов общественного и политическаго характера, онъ даже въ теоріи избѣгаетъ тонкостей и не заботится о чрезмѣрной точности. Для враговъ народа и порядка: позитивистовъ, матеріалистовъ, социалистовъ и поклонниковъ политической свободы у него одна оцѣнка и одинъ рецептъ: это все „лукавыя политическія партіи“ (стр. 131), „плуты“, „болтуны“, „паразиты“ (стр. 121); неумолимая репрессія одна только по отношенію къ нимъ и умѣстна. Да, въ отличіе отъ Лапласа, г. Некрасовъ рубить съ плеча, и можно ожидать, что его административная карьера окажется прочтѣе административной карьеры великаго французскаго математика. Во всякомъ случаѣ настоящее сочиненіе, если и не прибавитъ ничего къ научной репутаціи его автора, то, надо полагать, не поколеблетъ его административнаго положенія. Было бы странной ироніей судьбы, если бы „наверху“, по недоразумѣнію, не удовлетворились Некрасовскимъ опытомъ обоснованія принциповъ твердой власти и самодержавія, какъ необходимыхъ условій нашего государственнаго бытія, при помощи теоріи вѣроятностей, въ основныхъ концепціяхъ которой категорія необходимости совершенно отсутствуетъ.

Б.

Проектъ реформы Комитета Министровъ.

До сихъ поръ остается сравнительно мало извѣстнымъ въ болѣе широкихъ кругахъ проектъ преобразованія Комитета Министровъ въ своего рода кабинетъ съ очень широкими правами и полномочіями, проектъ, возникшій въ послѣдніе мѣсяцы министерства Сипягина. Насколько намъ извѣстно, проектъ этотъ дальше частныхъ записокъ и салонныхъ, вѣрнѣе, кабинетныхъ, разговоровъ не пошелъ, но онъ вызвалъ такой интересъ среди высшаго петербургскаго чиновничества и до того вытекаетъ изъ условий и тенденцій русскаго государственнаго строя, что ознакомленіе съ нимъ безусловно необходимо.

Въ основу проекта клались права, которыми Комитетъ фактически пользовался въ царствованіе императора Александра I до реформы 20 марта 1812 г., но права эти истолковывались очень своеобразно и расширялись чрезвычайно. Для достиженія единства и послѣдовательности въ управленіи предполагалось совершенно прекратить доклады Государю отдѣльныхъ министровъ; до Государя должны были доходить исключительно положенія, принятые большинствомъ Комитета и докладываемыя его предсѣдателемъ. Проекты законовъ, разсмотрѣнные Государственнымъ Совѣтомъ, должны были поступать не непосредственно на утвержденіе Государя, а проходить предварительно черезъ Комитетъ, который ихъ уже отъ себя представлялъ бы на Высочайшее утвержденіе, и при томъ обязательно только одинъ проектъ, получившій большинство голосовъ Комитета, а не такъ, какъ теперь, мнѣнія и большинства, и меньшинства. Тотъ же порядокъ предполагалось установить и для утвержденія государственной росписи и всякихъ сверхсметныхъ расходовъ. Государственный Совѣтъ долженъ былъ сохранить свой теперешній характеръ высшаго учрежденія, разрабатывающаго проекты законовъ и разсматривающаго другіе вопросы первостепенной важности, но его исключительно совѣщательный характеръ подчеркивался еще рѣзче: общія собранія предполагалось совершенно уничтожить и сохранить только департаменты, соединяя для разсмотрѣнія отдѣльныхъ, особенно сложныхъ, вопросовъ нѣсколько департаментовъ. Проекты законовъ должны были поступать на разработку Государственнаго Совѣта по Высочайшему повелѣнію, но не иначе, какъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія въ Комитетѣ. Обнародованіе законовъ предполагалось передать изъ Сената въ Комитетъ Министровъ. Но наиболѣе характерной и важной стороной проекта слѣдуетъ, несомнѣнно, считать тотъ порядокъ, который предполагалось установить для замѣщенія постовъ министровъ и другихъ должностей, замѣщаемыхъ въ настоящее время по Высочайшему повелѣнію: на эти должности должны были назначаться исключительно кандидаты, представленные на Высочайшее утвержденіе Комитетомъ.

Составъ Комитета, по первоначальному проекту, долженъ былъ остаться безъ измѣненія, но затѣмъ было указано на необходимость для поднятія значенія Комитета и упроченія его значенія и вліянія включить въ его составъ еще нѣсколько членовъ. Повидимому, взяло верхъ мнѣніе, что въ составъ Комитета на равныхъ правахъ съ прочими членами должны войти первоприсутствующіе въ департаментахъ Сената и братья и сыновья царствующаго или царствовавшаго Государя. Не обошлось и безъ указаній на необходимость предоставить извѣстную долю значенія представителямъ нашей высшей аристократіи. Но со стороны наиболѣе горячихъ защитниковъ проекта мнѣніе это встрѣило самый сильный отпоръ: указывалось и на трудную выполнимость, и на полную безцѣльность подобной мѣры; русская аристократія не представляетъ политической организаціи, которая могла бы выставить своихъ представителей, ея силы крайне ничтожны, она настолько лишена политическаго самолюбія, смѣлости и инициативы, что оппозиція съ ея стороны въ вопросахъ общегосударственныхъ не представляется сколько-нибудь серьезной, для урегулированія же ея дѣятельности на мѣстахъ необходимы мѣры совершенно иного

характера и прежде всего полное признание правъ государственной службы за предводителями дворянства съ назначеніемъ имъ соотвѣствующихъ окладовъ изъ суммъ государственнаго казначейства.

Мы не останавливаемся на дальнѣйшихъ частностяхъ проекта, какъ потому, что намъ неизвѣстна окончательная редація, на которой остановились его наиболѣе горячіе защитники, такъ и потому, что не придаемъ особеннаго значенія деталямъ подобныхъ предварительныхъ проектовъ. Отмѣтимъ здѣсь только двѣ характерныя частности: 1. губернаторовъ, согласно проекту, предполагалось изъять изъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и подчинить непосредственно Комитету, отчеты же ихъ должны были поступать на предварительное разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта; 2. члены Комитета подчинялись специальной юрисдикціи, они могли быть судимы только особымъ Высшимъ Присутствіемъ, составленнымъ изъ лицъ, назначаемыхъ для каждаго отдѣльнаго раза Высочайшимъ указомъ по представленію Комитета. Укажемъ еще, что особенно много толковъ возбудила роль председателя Комитета: по первоначальному проекту его права и обязанности должны были быть соединены съ постомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, но предположеніе это встрѣтило сильный отпоръ, такъ какъ его осуществленіе давало бы Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который явился бы единственнымъ лицомъ, непосредственно сносящимся съ Государемъ, совершенно особое положеніе и могло бы уничтожить значеніе Комитета и лишить реформу всякаго значенія. Не встрѣтило сочувствія и предположеніе вернуться къ порядку, существовавшему въ Комитетѣ до назначенія при Александрѣ I председателемъ гр. Румянцева, порядку, согласно которому председательствовали въ Комитетѣ поочередно. Наиболѣе цѣлесообразнымъ было, повидимому, признано предоставить самому Комитету право избирать председателя, точнѣе, кандидата въ председатели, такъ такъ само назначеніе должно было происходить по Высочайшему повелѣнію; срокъ полномочій председателя ограничивался полугодомъ.

Приведенныя подробности вполне характеризуютъ проектъ и цѣли его сторонники: они стремятся, сохраняя для Россіи внѣшній обликъ самодержавія монарха, передать фактически всю власть, какъ административную, такъ и законодательную, въ руки бюрократіи. Поползновенія эти не новы: съ самаго учрежденія министерствъ идутъ попытки какъ отдѣльныхъ министровъ, такъ и всего Комитета выйти изъ рамокъ, указанныхъ ему закономъ, и подчинить себѣ управленіе страной въ самомъ широкомъ смыслѣ, не исключая и области законодательной; борьба министровъ съ Государственнымъ Совѣтомъ и закономъ принадлежитъ къ наиболѣе характернымъ явленіямъ русской жизни. Но до сихъ поръ министры наши стремились главнымъ образомъ къ приобрѣтенію личной власти и добивались поддержки Государя или лицъ, къ нему близко стоящихъ; согласно же новому проекту вліяніе отдѣльныхъ министровъ должно несомнѣнно уменьшиться; зато должно возрасти въ совершенно исключительныхъ размѣрахъ значеніе Комитета: онъ долженъ стать по существу, если не по формѣ, вполне независимымъ отъ взглядовъ и желаній Государя.

Близжайшимъ поводомъ къ возникновенію проекта послужило, говорятъ, назначеніе Ванновскаго и его дѣятельность, прозвучавшая такимъ рѣзкимъ диссонансомъ среди обычныхъ въ послѣдніе годы приемовъ управленія. Извѣстны отношенія къ Ванновскому и Сипягина, и Пободоносцева, извѣстны и отзывы ихъ, что, при существованіи среди министровъ господъ въ родѣ Ванновскаго, немисливо управленіе страной, немисливо и спокойствіе страны. Назначенію Ванновскаго предшествовалъ какъ разъ періодъ, когда между различными министрами установились сравнительно опредѣленные отношенія, выработалось извѣстное единство дѣйствій, извѣстная система — и вдругъ все это было грубо нарушено постороннею властью. Ясно сознавалось, что подобнаго рода нарушенія единства бюрократическаго управленія страной всегда возможны, когда высшая власть находится не въ рукахъ самой бюрократіи, а лица, стоящаго внѣ ея, какимъ всетаки въ концѣ концовъ остается государь, пользующійся самодержавною властью. Составъ Комитета Министровъ, за исключеніемъ Ванновскаго, являлся въ глазахъ составителей проекта, вполне подходящимъ для его осуществленія: Сипягина считали лицомъ, пользующимся въ глазахъ Государя авторитетомъ, необходимымъ для проведенія проекта и вмѣстѣ съ тѣмъ неспособнымъ по недостатку подготовки и широкаго государственнаго ума, захватить всецѣло власть въ свои руки. Смерть Сипягина разрушила надежды лицъ, ожидавшихъ въ ближайшемъ будущемъ бюрократическаго „увѣнчанія зданія“. Стремленіе фонъ-Плеве вернуть Министерству Внутреннихъ Дѣлъ принадлежавшую ему раньше руководящую роль въ жизни страны, его

борьба съ всеильнымъ Министромъ Финансовъ, недовѣріе между отдѣльными министерствами, обозначившееся вновь съ особенною силой, заставили отложить попытки къ осуществленію плана.

На долго ли? Сторонники проекта увѣрены, что отсрочка должна опредѣляться мѣсяцами, а не годами, что прекращеніе борьбы между министерствами можетъ произойти только на почвѣ ихъ проекта, что по практической осуществимости съ нимъ не можетъ бороться ни одна изъ трехъ системъ управленія страной, которая ему можно противопоставить. Конституціонный строй? Можетъ быть, когда-нибудь и придетъ къ нему Россія, можетъ быть, и въ настоящее время на введеніе его, въ болѣе или менѣе замаскированномъ видѣ, и согласился бы Государь, но его никогда добровольно не приметъ та бюрократическая сила, которой принадлежить въ настоящее время рѣшающее слово въ странѣ. Самодержавіе въ духѣ славянофильскихъ мечтаній? Но его осуществить еще труднѣе, чѣмъ строй конституціонный.

Еще Аксаковъ сказалъ: „кто говоритъ Царь, тотъ говоритъ земство“. Славянофильскій идеаль самодержавія требуетъ широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія, другими словами, отказа центральнаго правительства отъ руководства многими сторонами жизни страны. Тотъ же славянофильскій идеаль требуетъ, чтобы страна могла громко и опредѣленно высказывать свой взглядъ не только по частнымъ и мѣстнымъ вопросамъ, но и по основнымъ общегосударственнымъ. Печать должна быть свободна; голосъ страны долженъ имѣть самый широкій доступъ къ трону: учрежденія, корпораціи и отдѣльныя лица должны обладать правомъ ходатайства; Государь при посредствѣ довѣренныхъ лицъ долженъ чувствовать пульсъ жизни страны черезъ головы, такъ сказать, обычныхъ исполнителей-чиновниковъ; при рѣшеніи трудныхъ и важныхъ вопросовъ должны созываться земскіе соборы. Правда, имъ предоставляется только голосъ совѣщательный, но, вѣдь, совершенно ясно, что Государь, призывая страну высказываться по тѣмъ или другимъ вопросамъ, дѣлаетъ это не съ тѣмъ, чтобы въ своихъ мѣропріятіяхъ идти въ разрѣзъ съ ясно выраженными желаніями населенія. Словомъ, если бы славянофильскій идеаль былъ осуществленъ (и осуществимъ! Ред.) въ дѣйствительности, то при немъ вліяніе населенія на ходъ государственной жизни давало себя знать приблизительно такъ же сильно, какъ при строй конституціонномъ.

Воля правителя и его приближенныхъ въ конституціонной странѣ ограничивается всѣмъ строемъ государства, въ самодержавномъ славянофильскомъ государствѣ она должна подвергаться самоограниченію, а такихъ примѣровъ исторія пока не знаетъ.

Остается такимъ образомъ только третій типъ — строй бюрократическій-самодержавный, существующій теперь въ Россіи. Государь управляетъ страной, руководитъ ея жизнью самолично, самодержавно при помощи сложной бюрократической машины. Но мыслимо ли личное управленіе въ настоящее время? Въ прошломъ всемірная исторія насчитываетъ, правда, извѣстное число самодержцевъ, т. е. правителей, оказывавшихъ лично сильное вліяніе на ходъ и строй современнымъ имъ жизни, но такихъ на всемъ протяженіи исторіи было очень не много.

Для того, чтобы держать единолично въ рукахъ всѣ нити управленія, требуются не только необыкновенныя дарованія, но и совершенно изъ ряда вонъ выходящая работоспособность, которая можетъ встрѣчаться только въ качествѣ рѣдкаго исключенія. Вслѣдъ за Государемъ, до нѣкоторой степени приближавшимся къ типу самодержца, идетъ рядъ такихъ, при которыхъ власть фактически дробится между нѣсколькими лицами — министрами или любимцами — или, значительно рѣже, сосредоточивается въ рукахъ какого-нибудь геніальнаго мажордома, канцлера. Личное вліяніе номинальнаго самодержавнаго государя скрывается только въ отдѣльных отрывочныхъ актахъ, нарушающихъ строй жизни, не имѣя организованный, не имѣя руководимый. Если мы ближе присмотримся къ дѣятельности единодержавныхъ правителей, даже самыхъ геніальныхъ, то увидимъ, что представленіе о всеобъемлющемъ характерѣ ихъ дѣятельности въ значительной мѣрѣ фикція: ихъ личное вліяніе, ихъ личные взгляды отражались только на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни, особенно близкихъ имъ, всѣ же другія стороны жизни страны шли своимъ ходомъ, только номинально подчиняясь всемогущему государю или министру.

Въ настоящее время для одного человѣка стало окончательно невозможно управлять единолично страной и не только потому, что государства достигли небывалыхъ прежде размѣровъ, но также потому, что темпъ жизни совершенно измѣнился: для правителя прошлыхъ годовъ было достаточно усвоить себѣ разъ навсегда опредѣленную программу или даже унаслѣдовать ее отъ предковъ — и онъ

могъ примѣнять ее безъ существенныхъ измѣненій въ теченіе долгихъ годовъ, теперь же каждое десятилѣтіе, каждое пятилѣтіе приноситъ свои совершенно новые вопросы, новыя условія, теперь приходится постоянно пересматривать самыя основныя положенія государственной жизни и отвѣты, бывшіе еще недавно удовлетворительными, оказываются совершенно устарѣлыми.

Славянофилы высказываютъ пожеланіе, чтобы Государь, оставивъ всѣ частности исполнителямъ, сохранилъ бы за собою только общее руководство; но въ томъ то и дѣло, что для общаго руководства, для установленія основныхъ принциповъ требуется масса специальныхъ знаній, которыми въ разныхъ областяхъ одинъ человѣкъ обладать не можетъ. Какой характеръ придать нашему флоту? Строить-ли намъ быстроходные крейсера или грозные эскадренные броненосцы? Тратить-ли деньги на подводныя суда? Какъ распредѣлять наши суда по морямъ? Добиваться-ли выходовъ въ южныя моря? Заводить-ли самостоятельныя угольныя станціи? Къ какому типу войны готовиться — оборонительному или наступательному? Какой держаться торговой политики? Какимъ видамъ промышленности покровительствовать? Въ какихъ частяхъ Россіи развивать стѣжъ желѣзныхъ дорогъ? Какую принять монетную систему? Какое давать образованіе юношеству — классическое или реальное? Какую принять систему техническаго спеціальнаго образованія? Какую принять организацію судебныхъ учреждений? Словомъ, ставится безчисленное множество важныхъ вопросовъ, самостоятельнымъ отвѣтъ на которые требуетъ массу специальныхъ знаній. А между тѣмъ по всѣмъ этимъ вопросамъ пишется: „исполняя предначертанія Вашего Величества . . .“

Для каждаго сколько-нибудь высоко поставленнаго чиновника ясно, что самодержавіе въ настоящее время — фикція, и не для чиновничества нужна эта фикція, а для управляемой некултурной массы. Но для нея проектъ сохраняетъ въ неприкосновенности весь внѣшній обликъ самодержавія: вездѣ будетъ стоять имя Государя, всѣ законы, указы, назначенія будутъ итти отъ его имени, все внѣшнее представительство будетъ лежать на немъ, весь внѣшній блескъ по прежнему будетъ сосредоточенъ вокругъ его имени. Да и по существу дѣла, говорятъ сторонники проекта, никакихъ существенныхъ измѣненій въ дѣйствительный строй государственной жизни проектъ не внесетъ: проектируемыя новшества сводятся къ тремъ основнымъ пунктамъ: 1. устраненіе докладовъ отдѣльныхъ министровъ; 2. назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ по рекомендаціи Комитета; 3. подчиненіе Государственнаго Совѣта Комитету. Устраненіе докладовъ отдѣльныхъ министровъ не является чѣмъ-то новымъ въ исторіи Комитета: какъ извѣстно, съ 1816 г. „для доклада и надзора по дѣламъ Комитета“ состоялъ до самой смерти Александра I Аракчеевъ. Это предположеніе не столько ограничиваетъ Государя, сколько отдѣльныхъ министровъ, лишая ихъ возможности вліять на ходъ дѣлъ, пользуясь своимъ личнымъ вліяніемъ на Государя, и вносить во всякомъ случаѣ значительно большую стройность въ управленіе. Согласованіе предположеній и мѣропріятій отдѣльныхъ министровъ будетъ производиться не самимъ Государемъ, который при докладахъ отдѣльныхъ министровъ ознакомляется всегда только съ одной стороною дѣла, а путемъ обсужденія лицами, на которыхъ лежитъ отвѣтственность по управленію страной. То же самое можно сказать относительно выбора министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ: для единства управленія должно существовать и единство въ подборѣ управляющихъ. Кабинетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ представляетъ изъ себя вѣчно дѣльное и однородное. Это является настолько необходимымъ требованіемъ жизни, что въ значительной мѣрѣ практикуется и у насъ. Правда, юридически никто не имѣетъ права навязывать Государю своихъ кандидатовъ, но при бюрократическомъ строѣ число лицъ, изъ которыхъ можетъ быть сдѣланъ выборъ, крайне ограничено, и передъ каждымъ новымъ назначеніемъ опытные люди всегда могутъ съ большою вѣроятностью предсказать, на комъ фактически Государь долженъ будетъ остановить свой выборъ, согласовывая его съ настоятельными желаніями наиболѣе вліятельныхъ министровъ. Въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ Государю удастся прорвать окружающее его стальное кольцо и выбрать не то лицо, которое ему желаютъ навязать, но и это не приводитъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: общій строй бюрократическаго механизма выбрасываетъ изъ своей среды всякое постороннее тѣло и сурово караетъ за непрощенное вмѣшательство, какъ хорошо узнали по горькому опыту ген. Ванновскій и кн. Вяземскій.

Несомнѣнно, иной характеръ имѣетъ третій пунктъ: подчиненіе Государственному Совѣту Комитету. Мы здѣсь встречаемся съ предположеніемъ, рѣзко противорѣчащимъ всѣмъ принципамъ западно-европейскаго строя, несоответствующимъ и

отвлеченнымъ принципамъ нашего законодательства. Но, несуществующее въ теоріи, подчиненіе власти законодательной органамъ административнымъ практикуется въ Россіи, какъ извѣстно, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Законодательная инициатива находится у насъ всецѣло въ рукахъ министровъ. При обсужденіи законопроектовъ голоса ихъ юридически считаются равнозначущими съ голосами остальныхъ членовъ Совѣта и они могутъ остаться въ меньшинствѣ. Однако постоянно видимъ, что въ угоду вліятельному министру Государь соглашается и даетъ силу закона мнѣнію меньшинства, а иногда и одного министра противъ голосовъ всего Совѣта. Подобное подавленіе министерскимъ меньшинствомъ большинства основныхъ членовъ Совѣта, встрѣчавшееся только какъ рѣдкое явленіе въ царствованіе Александра II, стало обычнымъ явленіемъ въ царствованіе Александра III и уронило окончательно значеніе Совѣта: новый проектъ валилъ не здоровое, а уже давно подрубленное подъ корень дерево. Наконецъ, въ царствованіе же Александра III Россія свыкла съ тѣмъ, что министръ, не желая встрѣтить хотя бы и временной задержки осуществленію своихъ плановъ, благодаря разсмотрѣнію ихъ во Государственномъ Совѣтѣ, обходитъ его совершенно и или ведетъ дѣло черезъ Комитетъ Министровъ или испрашиваетъ непосредственно Высочайшее повелѣніе.

Мы постарались изложить возможно объективнѣе доводы защитниковъ проекта, поскольку они намъ извѣстны. Охотно готовы признать за ними извѣстную долю справедливости. Еще охотнѣе признаемъ, что проектъ является логическимъ выводомъ изъ современной системы управленія и что бюрократія, если будетъ продолжать занимать прежнее положеніе, въ ближайшемъ будущемъ проведетъ этотъ или какой-нибудь аналогическій проектъ, который долженъ закрѣпить юридически положеніе, занятое ею фактически.

Да, все это будетъ, если продолжится господство бюрократіи. Но долго ли оно продолжится?

З. З.

Не въ очередь.

Письмо съ береговъ Женевскаго озера и отвѣтъ на него
редактора „Освобожденія“.

Редакторъ „Освобожденія“ вскорѣ послѣ основанія этого изданія
получилъ нижеслѣдующее письмо:

Многоуважаемый Петръ Бернгардовичъ!

Въ передовой статьѣ Вашей, напечатанной въ первомъ номерѣ Вашего журнала, Вы приглашали друзей „Освобожденія“ къ дѣятельному сотрудничеству и полагали свою задачу единственно въ томъ, чтобы предавать тисненію идущее изъ Россіи свободное слово. Это Ваше приглашеніе служить мнѣ порукою, что Вы не откажетесь дать и мнѣ — одному изъ друзей „Освобожденія“ — возможность высказать на страницахъ Вашего журнала мое тоже свободное слово.

Я называю себя другомъ Вашего журнала, потому что глубоко сочувствую Вашему стремленію приблизить минуту политическаго освобожденія Россіи и потому что, подобно Вамъ, не вижу иного пути къ этой свободѣ, кромѣ низверженія абсолютизма съ его церковнымъ и свѣтскимъ чиновничествомъ. Я также раздѣляю Вашу увѣренность въ томъ, что развязка близка. Противоестественно заглушать человѣческую рѣчь и карать ссылкой и смертю за мнѣнія; противоестественно закрывать людямъ доступъ къ знанію; противоестественно обречать миллионы труженниковъ голодной смерти; противоестественно грубой и полной произвола централизацией душировать сложную жизнь громаднаго государства и болѣе, чѣмъ противоестественно — до изступленія дико — дѣлать все это ради матеріальной выгоды одного или нѣсколькихъ человѣкъ. Исторія знаетъ другой примѣръ такого противоестественнаго (и потому безплоднаго!) закрѣпощенія цѣлаго народа: послѣдніе годы Западной Римской имперіи. Но тамъ правительство могло оправдываться необходимостью отстоять государство противъ напавшихъ со всѣхъ сторонъ варваровъ. Россія закрѣпощена съ цинизмомъ, невиданнымъ въ исторіи, безъ всякой тѣни хотя бы субъективнаго оправданія; ее держитъ подъ усиленной охраной: номинально — царская власть, фактически — адское сочетаніе алчности и страха. Здѣсь нѣтъ идеи, нѣтъ убѣжденій: только жажда матеріальныхъ благъ (власти и тысячныхъ окладовъ или просто куска хлѣба для семьи) привязываетъ русское чиновничество, отъ министра до послѣдняго хожалаго, къ колесницѣ самодержавія и заставляеть его влечить эту колесницу по трупамъ. Это противоестественно, и потому это не можетъ долго продолжаться. Я думаю вмѣстѣ съ Вами, что всякій разумный и чувствующій человѣкъ обязанъ содѣйствовать устраненію этого противоестественнаго и безчеловѣчнаго порядка вещей. Но, въ отличіе отъ Васъ, я думаю, что это — лишь часть задачи, предлагающей всякому разумному человѣку, и притомъ меньшая.

Я рѣшился писать Вамъ потому, что и Вы, открывая новый журналъ, обошли полнымъ молчаніемъ важнѣйшую часть этой задачи и, повидимому, вовсе не думаете касаться ея. Удивляться нечему: Вы слѣдуете въ этомъ отношеніи примѣру всей нашей оппозиціонной печати, которая вотъ уже полвѣка старается мобилизовать всѣ нравственные силы русской интеллигенціи исключительно противъ господствующей у насъ политической власти. Тенденція эта глубоко прискорбна, потому что она искажаетъ нравственную перспективу, ослѣпляя глаза яркимъ блескомъ политическаго вопроса и тѣмъ заставляя ихъ не видѣть всего остальнаго зла нашей жизни, которое неизмѣримо больше, нежели зло самодержавной власти. Люди любятъ опьянять себя, а политикой можно опьянить себя не хуже, чѣмъ виномъ и картами.

Вопросы политики, вопросы о государственной власти, о правильномъ устройствѣ общественной жизни суть, конечно, вопросы нравственнаго порядка; но дурно

и пагубно, когда они отдѣляются отъ своей законной почвы, когда политика обособляется въ нечто специфическое и самодовлѣющее. Это именно произошло у насъ: въ мировоззрѣніи лучшей части русскаго общества политика (вопросъ о борьбѣ съ самодержавіемъ) отшнуровалась отъ нравственности, какъ у низшихъ органическихъ существъ созрѣвшее дочернее тѣло отшнуровывается отъ материнскаго. А, отдѣлившись, она пошла жить и развиваться по своимъ особымъ законамъ, не всегда совпадающимъ съ законами нравственности, а, главное, закрыва собой отъ взоровъ общества свой источникъ — стремленіе жить по правдѣ. Это обособленіе политики совершилось у насъ недавно, почти на нашихъ глазахъ; оно было совершенно чуждо не только борцамъ противъ крѣпостнаго права, но еще и людямъ, „ходившимъ въ народъ“.

Явленіе это кажется мнѣ печальнымъ по тремъ причинамъ, изъ которыхъ двѣ я сейчасъ назвалъ. Во-первыхъ, такая специфическая политика, забывъ свое происхожденіе, сплошь и рядомъ вовлекаетъ своихъ ратниковъ въ пошутки, которыхъ они никогда не совершили бы, если бы руководились не „политической“ цѣлью, а простымъ человѣческимъ стремленіемъ жить по совѣсти и разуму. Во-вторыхъ, не провѣряемая ежеминутно этимъ простымъ мѣриломъ, она неизбежно должна исказиться въ самомъ существѣ и дать плодъ, который, съ точки зрѣнія правды, придется сурово осудить. Наконецъ, въ-третьихъ, она даетъ общественному мнѣнію и мировоззрѣнію отдѣльных лицъ одностороннее направленіе, сводя для нихъ всю нравственность къ той части ея, которая лежитъ въ основаніи политики, и заставляя ихъ игнорировать остальное. Изъ этихъ трехъ опасностей послѣдняя кажется мнѣ наибольшею, и на нее преимущественно я хотѣлъ бы указать.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что желаніе устроить нашу жизнь такъ, какъ велитъ намъ совѣсть и здравый смыслъ, встрѣчаетъ въ Россіи крупныя препятствія со стороны государственной власти, и потому послѣдняя должна быть измѣнена. Но неужели Вы думаете, что эта власть узурпировала и можетъ узурпировать всю область нравственности? Неужели Вы не знаете, что во всѣ времена главная доля нравственныхъ задачъ человѣка лежала внѣ сферы дѣйствія государственной власти? Вспомните, при какихъ условіяхъ пришелъ въ міръ Христосъ: его родина была обезпечена и тяжело угнетаема чужеземцами, надъ нею тяготѣлъ невыносимый политическій гнетъ. Что-же? Пошелъ ли онъ по стопамъ Маккавеевъ? Обратилъ ли онъ свою великую духовную силу, свою магическую власть надъ массою на политическое освобожденіе Іудей? Или, подобно Анахарсису Клоцу, онъ призвалъ весь міръ на борьбу противъ тирановъ? Нѣтъ: Христосъ, которому Вы, конечно, не откажете въ умѣ, всеобъемлющемъ и проникающемъ, почти свѣше человѣческаго уровня, — Христосъ совершенно игнорируетъ вопросъ власти и равнодушно говоритъ: отдайте кесарю кесарево.

Вы знаете это, конечно, не хуже меня; я увѣренъ также, что и Вами руководить единственно стремленіе приблизить жизнь къ идеалу правды, — и потому во мнѣ невольно рождается вопросъ: неужели Вы думаете, что та неизмѣримо большая часть правды, которая лежитъ внѣ сферы политической власти, у насъ, въ Россіи, уже осуществлена? Думаете ли Вы, что наша интеллигенція, къ которой Вы обращаетесь съ политическимъ призывомъ, прошла уже весь открытый путь правды, дошла до шлагбаума власти и теперь должна направить всѣ силы на устраненіе этого шлагбаума, чтобы пойти дальше? А если нѣтъ (Вы не можете такъ думать), то почему же Вы придаете такое первостепенное значеніе борьбѣ противъ политической власти, забывая объ остальномъ? Не кажется-ли Вамъ, что въ послѣдніи десятилѣтія русское образованное общество стало похоже на человѣка, утратившаго чувство перспективы? Случилось то, что наша политическая нравственность доведена до величайшей чуткости, а вся остальная обширная правда едва прозябаетъ. И получается такая странная картина: въ то время, какъ всякій порядочный человѣкъ въ Россіи съ презрѣніемъ отворачивается отъ ретрограда. Вы, я, мы всѣ, дружески жмемъ руку просвѣщенному земцу, т. е. помѣщику, т. е. человѣку, который беретъ съ мужика столько-то рублей за наемъ десятины или, платя ему цѣлковый за день, наживается на немъ два. — другими словами, грабить его такъ же точно безъ всякаго оправданія, какъ и царская казна. Я, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ, чтобы такіа тяжкія преступленія противъ законовъ совѣсти и здраваго смысла, каково, напримѣръ, частное землевладѣніе, неизбежно связанное съ эксплуатаціей людей, клеймились у насъ хоть въ малой степени столь-же сурово, какъ любой политическій проступокъ. Между тѣмъ, на мой взглядъ — полагаю, что и на Вашгъ —, просвѣщенный, т. е. знающій правду, но продолжающій поступать по кривдѣ помѣщикъ стоитъ нравственно ниже самого Трингмута. Объ

этомъ забыли изъ-за политики; и Вы сами въ первыхъ нумерахъ Вашего журнала напечатали нѣсколько коллективныхъ заявленій такихъ именно людей и сопроводили эти заявленія словами горячаго сочувствія. Все прощается, мало того — просто не замѣчается, лишь бы въ порядкѣ были политической образъ мыслей человека и его политическое поведение; вражда къ самодержавію — какъ бы галстукъ, безъ котораго нельзя показаться въ обществѣ, и у насъ позволяють человеку разгуливать въ нижнемъ бѣльѣ, разъ этотъ галстукъ въ исправности.

Такой неправды, примѣръ которой я сейчасъ привелъ, полна жизнь нашего общества. Переберите всю нашу интеллигенцію, исключая учащейся молодежи, живущей на средства родителей: много ли Вы найдете среди нея людей, которые добывали бы деньги, нужныя на жизнь, личнымъ трудомъ, притомъ такимъ, который они сами могли бы оправдать съ точки зрѣнія совѣсти? Помѣщикъ, безъ труда отнимающій у крестьянина добрую часть урожая; адвокатъ, за деньги защищающій неправду и, что хуже того, правду; инженеръ, вооружающій наукою безрукій капиталъ для наиболѣе выгоднаго использованія рабской силы; учитель гимназіи, обучающій по казенной программѣ и хорошо сознающій ложь и вредъ своего преподаванія, профессоръ и газетный сотрудникъ, — могутъ ли они по совѣсти оправдать свой заработокъ? Или возьмемъ другое. Никто не будетъ отрицать, что мы, т. е. вся интеллигенція, занимаемъ въ народѣ совершенно исключительное положеніе въ смыслѣ матеріальной стороны жизни: мы свободны отъ всего необходимого для существованія физическаго труда, который несутъ за насъ крестьянинъ, мастеровой, фабричный рабочий и служанка. Какъ это сдѣлалось — другой вопросъ; фактъ тотъ, что мы, кучка, пользуемся огромной привилегіей передъ сотней миллионновъ людей, привилегіей, съ которою, по размѣрамъ и по беззачетности, не можетъ идти въ сравненіе никакая другая изъ существующихъ у насъ. Если бы эта привилегія была установлена и охранялась правительствомъ, то — не правда ли? — наша свободная печать избрала бы ее главной своей мишенью; она должна была бы отодвинуть всѣ прочія свои требованія на второй планъ, поставивъ на первый уничтоженіе этого вопиющаго неравенства, этого новаго рабства. Но посмотрите: привилегія эта не охраняется правительствомъ; полиція не запретитъ мнѣ сколотить себѣ столъ или вскопать огородъ, а моей женѣ — сварить обѣдъ и выстирать бѣлье. И тѣмъ не менѣе мы преспокойно, даже вовсе не думая объ этомъ, пользуемся этой вопиющей привилегіей, отъ которой никто не мѣшаетъ намъ отказаться, и вмѣсто того, чтобы, насколько въ нашихъ силахъ, перестать дѣлать эту неправду, т. е. пойти прямой дорогой, спѣшимъ къ благу народному далекимъ закоулкомъ политики. Въ результатъ — ложь, чѣское море лжи и почти наивнаго лицемерія. Политика Сипягина по отношенію къ голодающимъ вызвала въ обществѣ и особенно среди земскихъ дѣятелей бурю негодованія; но слышали ли Вы, чтобы послѣ этихъ ужасныхъ голодныхъ годовъ хоть одинъ земецъ отдалъ свою землю (или даже часть ея) крестьянамъ, хоть одинъ изъ тѣхъ, которые скорбѣли, негодовали и устраивали (на отнятыя у народа деньги) столовыя? Слышали ли Вы, чтобы хоть одинъ народолобивый интеллигентъ, изъ которыхъ три четверти тѣмъ или другимъ способомъ живутъ на народные деньги, почувствовалъ горечь во рту отъ этого хлѣба и пошелъ кормиться праведнымъ трудомъ? Вспомните о нашей домашней прислугѣ. Это ли не позоръ? Рабство пышнымъ цвѣтомъ цвѣтетъ среди насъ (какъ, впрочемъ, и во всемъ „цивилизованномъ“ мірѣ) въ худшей своей формѣ — въ дворовой; за 7—8 рублей мы покупаемъ человека, заставляемъ его работать для насъ наиболѣе грязную работу и, держа его подъ своей кровлею, стараемся какъ можно болѣе огородить себя отъ общенія съ нимъ, для чего отводимъ ему особую конуру. Человека, благоговѣющій предъ памятью борцовъ за освобожденіе крестьянъ и держаций, какъ водится, служанку, будетъ несказанно удивленъ, когда Вы скажете ему, что онъ и самъ — рабовладѣлецъ. Я увѣренъ, что лѣтъ чрезъ сто люди будутъ вспоминать положеніе нашей домашней прислуги съ такимъ же ужасомъ и отвращеніемъ, съ какими мы вспоминаемъ крѣпостное право; а современныя интеллигентъ просто даже не замѣчаютъ, что бабками, которые онъ надѣваетъ утромъ, вычищены рабскими руками, что рабскими руками вымыто его бѣлье, приготовлены его обѣдъ, постель и лампа.

Какъ это стало возможно? Какъ человекъ, свято блудущій одну, малую долю нравственности — политическую, — или, по крайней мѣрѣ, стыдящійся, если не можетъ ее соблюсти, — съ легкимъ сердцемъ и открытымъ лицомъ попираетъ остальную, большую, просто человеческую нравственность? И почему общественное мнѣніе, столь чуткое тамъ, здѣсь такъ снисходительно? И почему голосъ Л. Н. Толстого, двадцать лѣтъ зовущаго насъ cadaго въ отбѣлыши отглануться на

свою жизнь и очистить ее, остается одинокимъ и безсильнымъ? Здѣсь не мѣсто разбирать причины этого явленія. Полагаю, что онъ двоякаго рода: обще-человѣческаго и специально-русскаго; и среди послѣднихъ не послѣднее мѣсто, по моему убѣжденію, занимаетъ то исключительно позитивное направленіе, которое усвоила себѣ за послѣднія десятилѣтія наша либеральная и революціонная печать. Лучшая часть русскаго общества ослѣпана политикою и не видитъ болота, въ которомъ живетъ.

Легче рѣшиться выстрѣлить въ министра, обрекая себя на вѣрную смерть, чѣмъ рѣшиться всю жизнь обходиться безъ прислуги; легче выкинуть на улицѣ красное знамя, навѣрняка рискуя Сибирью, чѣмъ зная, что должность, за которую тебѣ платятъ, неправедна, отказаться отъ нея и тѣмъ оставить семью на время безъ хлѣба. Мнѣ кажется, что долгъ печати — не только не ослѣплять людей политикою, но, напротивъ, направить свои усилія туда, гдѣ еще безъ движенія лежатъ и важнѣйшія, и труднѣйшія нравственныя проблемы, — иными словами: призывать людей къ осуществленію правды, уже сознанной ими, и разъяснять имъ тѣ стороны правды, которыхъ тотъ или другой еще не знаетъ. Въ отношеніи же къ политическому вопросу ея долгъ — не культивировать специфическую, обособленную, самодовлѣющую политику, а отвести ей ея законное мѣсто въ сферѣ нравственности, вернуть ее къ ея истинному источнику — къ стремленію людей жить по разуму и совѣсти. Отъ этого политика только выиграетъ, и не только нравственно, но и практически. Вы обращаетесь ко всему обществу и призываете его дѣйствовать скопомъ: дѣйствительно, люди должны, гдѣ можно, добывать правду совмѣстными усиліями. Но въ Вашихъ же интересахъ обращаться и къ каждому въ отдѣльности: вѣдь, вопросы политики — прежде всего вопросы личной совѣсти. Подумайте, что ждетъ Россію послѣ ожидаемаго переворота. Наше общество уже настолько либерально и демократично, что нѣтъ основанія опасаться воцаренія олигархіи: власть будетъ сдѣлана, конечно, достояніемъ всего народа. Но какъ сложится дѣло фактически? Мыслимо ли у насъ фактическое равенство всѣхъ слоевъ населенія во власти? Нѣтъ, когда всѣ станутъ номинально равными, тогда на дѣлѣ власть достанется тѣмъ, кто лучше вооруженъ: капиталъ и особенно знаніе (въ гораздо меньшей степени талантъ) — вотъ тѣ двѣ силы, которыя теперь сдерживаетъ царская власть и которыя тогда съ роковой неизбежностью возьмутъ перевѣсъ надъ нищимъ и, главное, невѣжественнымъ народомъ. Законодателемъ на дѣлѣ станетъ интеллигенція, притомъ не безкорыстные, полные идеализма юноши 20 лѣтъ, а тѣ же профессора, учителя, адвокаты, врачи и — прежде всего — земцы. Вѣдь, Вамъ, какъ и мнѣ, уничтоженіе самодержавія нужно не только для возстановленія Вашей и моей свободы говорить и дѣйствовать, но болѣе всего — ради „великаго дѣла облегченія участи трудящихся и угнетаемыхъ“ (какъ писалъ Балмашевъ въ письмѣ къ родителямъ). А если такъ, то выгодно ли намъ отдавать власть земцу, который есть землевладѣлецъ, т. е. который пашетъ землю не своими, а мужицкими руками? Слѣдуетъ ли дѣлать собаку мясникомъ и кошку молочницей? И если бы печать начала съ этого конца, то я вѣрю — Россія была бы теперь ближе къ истинной свободѣ, чѣмъ она есть. Теперь, послѣ того, какъ русская печать полвѣка проповѣдуетъ вражду къ политическому произволу, она достигла того, что все наше образованное общество съ негодованіемъ встрѣчаетъ акты этого произвола. Если бы она съ такимъ же упорствомъ и такою же страстностью полвѣка призвала людей жить по совѣсти, то, можетъ быть, сегодня порядочному человѣку было бы такъ же стыдно быть фабрикантомъ или помѣщикомъ, какъ ему стыдно быть агентомъ полиціи. Поймите меня хорошо: я далека отъ мысли отвергать политическую агитацію, т. е. попытки цѣлыхъ группъ совокупными усиліями помогать торжеству правды, и, предсказывая печальное будущее, я вовсе не хочу сказать, что самодержавіе лучше и что его надо сохранить, — конечно, нѣтъ: я только говорю, что одновременно съ „политической“ работою необходимо будить совѣсть и что эта работа важнѣе той. Толстой сказалъ: „Мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть“. Когда Вы обращаете Вашу рѣчь къ русскому обществу, Вы обращаетесь, вѣдь, къ отдѣльнымъ людямъ: зовите же ихъ, какъ отдѣльныхъ людей, на подвигъ добра, говорите имъ, что имъ должно каждому самому одному жить по совѣсти. И повѣрьте: когда люди вступаютъ на этотъ путь, они сами увидятъ, гдѣ имъ удобнѣе соединиться скопомъ для служенія правдѣ, и не преминутъ сдѣлать это. Революционируйте сознаніе отдѣльныхъ людей: это — кратчайшій путь къ общественнымъ революціямъ, истиннымъ, а не только внѣшнимъ.

Какъ послѣдовательный либераль, я рѣшилъ, что напечатаю Ваше письмо въ книжкахъ „Освобожденія“, но, долженъ сказать откровенно, оно меня очень огорчило. Отъ него на меня пахнуло старой и, какъ мнѣ думалось, окончательно уже преодоленной путаницей идей, такъ долго господствовавшей въ широкихъ кругахъ общества. Отъ этой путаницы я чувствую почти физическую боль, такъ же, хотя, конечно, не такую же, какъ отъ проповѣди хищнаго націонализма, юдофобства и прочаго насильничества. И въ самомъ дѣлѣ, Ваши разсужденія — какой-то безнадежно запутавшійся клубокъ, распутать который страшно трудно, надъ которымъ нужно биться и биться — такъ въ немъ все скручено и перекручено: не знаешь, гдѣ тотъ кончикъ, ухватившись за который можно было бы превратить неблагообразіе ни къ чему негоднаго клубка въ свободную нитку, которая можетъ пойти на всякую потребу и, главное, вывести насъ туда, куда слѣдуетъ.

Позвольте сказать Вамъ притчу. Наступила весна, земледѣлецъ выѣхалъ пахать. И вотъ къ нему является мудрый, премудрый агрономъ и говорить: „Брось, братецъ, пахать; твоя земля не воздѣлана и не удобрена, какъ слѣдуетъ. Разрыхли ее американскими орудіями, утучни искусственными туками“. Земледѣлецъ послушался и бросилъ пахать. Жатвы онъ въ этомъ году не получилъ, но хуже того — за внушеніе агронома-мудреца онъ заплатилъ всей своей землей, которая пошла съ торговъ.

Въ такомъ положеніи окажется „Освобожденіе“, если оно послушается Вашихъ совѣтовъ и будетъ учить „жить по правдѣ“. Его полоса будетъ не вспахана и оно само останется и другихъ оставить безъ хлѣба.

Вы призываете жить по правдѣ и вторите проповѣди Льва Толстого. Эту проповѣдь я слышалъ съ юности своей и давно она заключена въ сердцѣ моемъ. Но я не могъ никогда сдѣлаться толстовцемъ, потому что для меня всегда было ясно, что пути къ правдѣ гораздо сложнѣе, чѣмъ это представляется Толстому и Вамъ. Въ одномъ мѣстѣ письма Вы говорите: „Вѣдь, Вамъ, какъ и мнѣ, уничтоженіе самодержавія нужно не только для восстановленія Вашей и моей свободы говорить и дѣйствовать, но болѣе всего ради „великаго дѣла облегченія участи трудящихся и угнетаемыхъ“. Въ другомъ мѣстѣ, черезъ нѣсколько строкъ, Вы вдохновляетесь проникнутыми совершенно другимъ, индивидуалистическимъ, настроеніемъ словами Толстого: „Мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть“. Я не знаю, какъ примиряются Вашъ социальный альтруизмъ и Вашъ моральный индивидуализмъ. Но для меня не существуетъ никакого противоположенія между моей жаждой свободы и интересами огромной массы трудящихся и угнетаемыхъ.

Свобода нужна и интеллигенціи, и не менѣе того народу. Нужна не только для вѣшняго благополучія, но и для достойнаго человѣческаго существованія. Я — социалистъ; но я не раздѣляю мнѣнія Толстого, что только индивидуальной проповѣдью и индивидуальнымъ дѣяніемъ можно измѣнить существующій несправедливый общественный строй. Я социалистъ, но я не раздѣляю мнѣнія марксистовъ и всѣхъ другихъ революціонныхъ социалистовъ, что проле-

таріату достаточнo фізически одолѣть буржуазію, захватить власть для того, чтобы „учредить“ соціализмъ. „Учредить“ прочно соціализмъ можно только въ умахъ, и для этого нужно перевоспитаніе общества. Въ такомъ перевоспитаніи извѣстную роль можетъ сыграть индивидуальная проповѣдь (революціонизированіе сознанія отдѣльныхъ людей) и индивидуальное дѣяніе (примѣръ), но еще большую роль могутъ и должны сыграть учрежденія и установленія, упорная работа надъ ними и въ нихъ.

Но если учрежденія важная вещь, то именно потому, что самыя глубокія, наиболѣе врѣзывающіяся въ жизнь людей учрежденія не могутъ быть просто „учреждаемы“, т. е. предписываемы и насаждаемы. Недостаточно захватить и держать власть: никакія учрежденія *à la longue* не могутъ опираться на голое насиліе — и потому одною властью можно очень мало сдѣлать: о рѣшительное активное, а, главное, пассивное сопротивление меньшинства разобьется всякій соціализмъ, который не будетъ прочно учрежденъ въ общественномъ мнѣніи, въ умахъ людей. Вашъ учитель Толстой очень хорошо оцѣнилъ огромное значеніе общественнаго мнѣнія. Тѣ мѣста въ сочиненіи: „Царство Божіе внутри васъ“, которыя трактуютъ объ общественномъ мнѣніи и его власти, представляютъ, какъ я покажу еще ниже, лучшее опроверженіе или, вѣрнѣе, ограниченіе толстовской теоріи о преодолѣніи существующаго общественнаго и государственнаго зла индивидуальнымъ отказомъ подчиняться ему. Точно такъ же, какъ соціально-политическій радикализмъ, классическій образецъ котораго явило якобинство, всегда впадаетъ въ преувеличенную оцѣнку государственныхъ велѣній и мѣропріятій, такъ этический радикализмъ Толстого безмѣрно преувеличиваетъ значеніе индивидуальнаго отрицанія общественнаго и государственнаго строя. Отсюда, съ одной стороны, у проникнутыхъ якобинизмомъ научныхъ соціалистовъ совершенно ненаучное суевѣрное превращеніе проблемы соціализма въ готовый, не подлежащій оспариванію и пересмотру отвѣтъ, точно соціализмъ есть квадратное уравненіе, для рѣшенія котораго совсѣмъ не требуется никакого творчества, а достаточно, захвативъ власть и установивъ „диктатуру“, примѣнить формулу „программы“. Отсюда, съ другой стороны, у анархистовъ, въ родѣ Толстого, чисто дѣтская вѣра въ творческую и влекущую силу радикальнаго индивидуальнаго рѣшенія.

Одни не понимаютъ, что формы общественной жизни не могутъ быть „рѣшены“, какъ уравненія, и не могутъ быть „приказаны“ людямъ никакой диктатурой, — другіе слѣпы къ тому, быть можетъ, печальному, но несомнѣнному факту, что человѣчество тяжело на подъемъ, что оно очень мало пластично, а потому его и изъ него не такъ легко лѣпить. Одни слишкомъ вѣрятъ во власть, другіе въ проповѣдь. И потому такіе реформаторы, начертывая новые пути человѣчеству, часто попадаютъ въ положеніе проводника, который, указывая вамъ дорогу, такъ далеко ушелъ впередъ, что вы его перестали видѣть, и голосъ его не доносится больше до васъ. Легко, конечно, всѣ такія критическія мысли назвать постепеновщиной и осудить съ точки зрѣнія политическаго или нравственнаго идеала. Но поймите же, наконецъ, что есть предѣлъ, за которымъ радика-

лизмъ теряетъ смыслъ или, по крайней мѣрѣ, теряетъ возможность, а потому и право — руководить жизнью. Ибо, повторяю: проводника нужно видѣть и слышать — и, потерявъ его изъ виду, потеряешь и путь.

Критическая ясность въ вопросѣ о „постепеновщинѣ“ или оппортунизмѣ есть нѣчто самое нужное въ настоящее время для теоретическаго сознанія передовой русской интеллигенціи. Между тѣмъ, этотъ жгучій вопросъ, требующій отъ мысли честности и дерзновенія, глубины и гибкости, рѣдко подвергается безбоязненному и въ то же время вдумчивому обсужденію. Давно пора начать такое обсужденіе. Въ этомъ вопросѣ до сихъ поръ слышится только либо голосъ страсти, либо фразы — плачевныя порожденія духовной рутины. Смѣлая мысль, не боящаяся подвергать сомнѣнію и пересмотру ходячія опредѣленія, критиковать безмысліе и косномысліе, скрывающіяся за широко распространенными взглядами, почти не начинала еще своей работы.

Эта, казалось бы, отвлеченная тема имѣетъ самый животрепещущій интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякое практическое и потому всякое политическое поведеніе не можетъ находиться въ зависимости только отъ инстинкта или порыва — оно должно опираться на строгую критическую мысль, все ставящую подъ перекрестный огонь сомнѣній. Въ началѣ XX вѣка мы не можемъ быть наивны и не должны быть догматичны. Мы не можемъ и не должны терпѣть „насъ возвышающаго обмана“. Критикуя радикализмъ какъ Толстого, такъ и революціонеровъ, я дѣлаю это не потому, чтобъ мои требованія отъ дѣйствительности не включали радикальныхъ и широкихъ задачъ, тождественныхъ по своему содержанію съ задачами самыхъ рѣшительныхъ общественныхъ реформаторовъ. Наоборотъ, я стою вовсе не за умѣренность конечныхъ цѣлей и не съ точки зрѣнія таковой считаю нужнымъ оправдывать „постепеновщину“ и оппортунизмъ. Мой оппортунизмъ есть исключительно оппортунизмъ средствъ, не только не исключаящій радикализмъ цѣлей, а, наоборотъ, въ немъ имѣющій свое оправданіе и санкцію. Я уже указалъ на то, что общественно-политическій радикализмъ средствъ выступаетъ въ исторіи идей и стремленій въ двухъ типическихъ формахъ. Одну изъ нихъ можно назвать радикализмомъ этическимъ. Теоретическая сущность этого радикализма, самымъ законченнымъ выразителемъ котораго въ наше время является Левъ Толстой, сводится къ слѣдующему. Есть одинъ способъ совершенствованія общества; этотъ способъ нужно познать и путемъ настойчиваго индивидуальнаго примѣненія стремиться создать изъ него общественную норму, дѣйствующую помимо всякаго принужденія, въ силу добровольнаго признанія. Это — путь индивидуальнаго дѣянія, которое всякую борьбу противъ существующаго облекаетъ въ форму пассивнаго сопротивленія или, что то же, — сопротивленія злу неучастіемъ въ немъ. Я такъ опредѣляю толстовскій методъ, потому что, на мой взглядъ, для Толстого характерно не „непротивленіе“, о которомъ онъ говорить, а сопротивленіе, не примиреніе или подчиненіе, а борьба или возстаніе. Выставивъ этотъ преобразовательный методъ, какъ единственный могущій приводить къ цѣли, Толстой, какъ извѣстно,

пришелъ къ отрицанію государства во всѣхъ его формахъ. Подъ государствомъ онъ понимаетъ принудительную власть общества или его представителя, правительства, надъ личностью. Но, нарисовавъ такой путь преобразованія жизни, Толстой, какъ я уже указалъ выше, дѣлаетъ оговорку, упраздняющую абсолютный характеръ этого пути. Переходъ людей отъ одного пониманія жизни къ другому совершается

„не однимъ только¹ этимъ внутреннимъ способомъ, а еще и другимъ внѣшнимъ способомъ, при которомъ уничтожается постепенность этого перехода.

Переходъ людей отъ одного устройства жизни къ другому совершается не постоянно такъ, какъ пересыпается песокъ въ песочныхъ часахъ: песчинка за песчинкой, отъ первой до послѣдней, а скорѣе такъ, какъ вливается вода въ опущенный въ воду сосудъ, который сначала медленно и равномерно выпускаетъ въ себя воду, а потомъ отъ тяжести уже влившейся въ него воды вдругъ быстро погружается и почти сразу принимаетъ въ себя всю ту воду, которую онъ можетъ вмѣстить. То же происходитъ и съ обществами людей при переходѣ отъ одного пониманія, а потому и устройства жизни, къ другому. Люди только сначала постепенно и равномерно, одинъ за другимъ, воспринимаютъ новую истину внутреннимъ путемъ и слѣдуютъ ей въ жизни; при извѣстномъ же распространеніи истины она усваивается ими уже не внутреннимъ способомъ, не равномерно, а сразу, почти невольно.“

„И потому перемена въ жизни человѣчества, та, вслѣдствіе которой люди, пользующіеся властью, откажутся отъ нея, и изъ людей, покоряющихся власти, не найдется болѣе людей, желающихъ захватить ее, наступитъ не тогда только, когда всѣ люди одинъ по одному до послѣдняго усвоятъ сознательно христіанское жизнепониманіе, а тогда, когда возникнетъ такое опредѣленное и всѣмъ понятное христіанское общественное мнѣніе, которое покорить себѣ всю ту инертную массу, неспособную внутреннимъ путемъ усвоить истины и по этому самому всегда подлежащую воздѣйствію общественнаго мнѣнія. Общественное же мнѣніе не нуждается для своего возникновенія и распространенія въ сотняхъ и тысячахъ лѣтъ и имѣетъ свойство заранѣе дѣйствовать на людей и съ большою быстротою охватывать большія количества людей.“²

„Рѣшителемъ всего, основною силою двигающею людьми и народами была и есть только одна невидимая, неосознаваемая сила — равнодѣйствующая всѣхъ духовныхъ силъ извѣстной совокупности людей и всего человѣчества, выражающаяся въ общественномъ мнѣніи.“³

Итакъ, существующее зло держится на общественномъ мнѣніи. Въ этомъ признаніи силы общественнаго мнѣнія заключается не только отказъ отъ крайняго индивидуализма, но еще большее. Это есть признаніе, что для измѣненія формы общежитія необходима воспитательная работа, перевоспитаніе общества, и что ни индивидуальное дѣяніе, ни индивидуальная проповѣдь не достаточны еще для того, чтобы общество покинуло старые пути и перешло на новые. Замѣчательно, что Толстой, обрушивающійся на современный строй за то, что онъ держится на гипнозѣ, возможность скорого перехода къ новому строю выводитъ тоже изъ своего рода гипноза. „При извѣстномъ . . . распространеніи истины, она усваивается . . . не внутреннимъ способомъ, а сразу, почти невольно.“ „При извѣстной степени распространения истины, люди, стоящіе на низшей степени развитія принимаютъ ее всѣ сразу по одному довѣрію къ тѣмъ, которые приняли ее внутреннимъ способомъ и прилагаютъ ее къ жизни.“⁴ Въ этомъ указаніи на способъ принятія новой истины логически заключается теоретическое признаніе значенія (отрицательнаго или

¹ См. „Царство Божіе внутри насъ“, стр. 92—93.

² Тамъ же, стр. 94. — ³ Тамъ же, стр. 96. — ⁴ Тамъ же, стр. 97.

положительнаго) всѣхъ тѣхъ воспитательныхъ воздѣйствій, которыя государство оказываетъ на огромное большинство людей.

Толстой полагаетъ, что формулировка новаго, болѣе правильнаго общественнаго мнѣнія происходитъ путемъ индивидуальнаго познанія истины и личнаго дѣянія и другимъ путемъ происходитъ не можетъ. Это положеніе или не доказано, или, вообще, не доказуемо. Толстой всюду предполагаетъ, что дѣйствія, обличенныя въ форму права и закона, всегда опираются на насиліе, но его же собственные разсужденія о силѣ общественнаго мнѣнія говорятъ совершенно обратное. Законы и учрежденія, по общему правилу, опираются на общественное мнѣніе, т. е. на добровольное согласіе и содѣйствіе огромнаго большинства общества. Въ этомъ фактѣ или, точнѣе, въ необходимости измѣнить или перестроить общественное мнѣніе заключается трудность всякаго крупнаго социальнаго или политическаго переворота.

Всякое общественное реформаторство необходимо предполагаетъ перевоспитаніе общества. Мы согласны съ Толстымъ, что такое перевоспитаніе можетъ обнаружиться сразу, но происходитъ оно всегда постепенно и въ глазахъ общественнаго реформатора оно не можетъ не представляться дѣломъ труднымъ, требующимъ упорной работы. Въ этомъ-то и заключается общественное оправданіе постепенныхъ и частичныхъ реформъ. Совершенно по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ неправъ этический радикализмъ Толстого, неправъ и социально-политическій радикализмъ революціонеровъ. Въ социализмъ нельзя просто убѣдить человѣчество, къ социализму нельзя просто принудить его.

Позвольте теперь вернуться къ Вашему письму и сказать нѣсколько словъ о Вашихъ моральныхъ тирадахъ противъ „просвѣщенныхъ“ землевладѣльцевъ. Онѣ рѣзнули меня по душѣ, потому что, произнося ихъ, Вы совершенно забываете ту проповѣдь терпимости не ко злу, а къ творящимъ зло, которую мы всѣ такъ высоко цѣнимъ у Толстого, и которая есть необходимая сторона его этическаго радикализма. Для Васъ, стоящаго на этой точкѣ зрѣнія, не должно было бы быть преступниковъ; въ Вашихъ глазахъ могутъ быть только заблуждающіеся, отъ которыхъ нельзя „отворачиваться съ презрѣніемъ“. И, кажется, въ этомъ отношеніи даже я, политикъ *par excellence*, ближе Васъ къ Толстому. Я не могу быть такъ нетерпимъ къ людямъ, какъ Вы, ибо думаю, что нельзя убѣждать людей, выражая имъ презрѣніе и клеймя ихъ. Не могу я также говорить, что „стыдно быть фабрикантомъ или помѣщикомъ“ ибо я не могу сказать, какъ сдѣлать такъ, чтобы фабрикантовъ или помѣщиковъ сейчасъ не было. Я не могу этого сказать потому, что я знаю, что ни проповѣдью, ни насиліемъ невозможно упразднить ни фабрикантовъ, ни помѣщиковъ.

Вы пишете:

„Вы, открывая новый журналъ, обошли полнымъ молчаніемъ важнѣйшую часть этой задачи и, повидимому, вовсе не думаете касаться ея. Удивляться нечему: Вы слѣдуете въ этомъ отношеніи примѣру всей нашей оппозиціонной печати, которая вотъ уже полвѣка старается мобилизовать всѣ нравственныя силы русской

интеллигенціи исключительно противъ господствующей у насъ политической власти.¹ Тенденція эта глубоко прискорбна, потому что она искажаетъ нравственную перспективу, ослѣпляя глаза яркимъ блескомъ политическаго вопроса и тѣмъ заставляя ихъ не видѣть всего остального зла нашей жизни, которое неизмѣримо больше, нежели зло самодержавной власти. Люди любятъ опынять себя, а политикой можно опынять себя не хуже, чѣмъ виномъ и картами.“

Я очень терпимый человѣкъ, но мнѣ трудно совладать съ горечью, почти съ негодованіемъ, когда я читаю подобныя строки. Во-первыхъ, имъ обрадуются акробаты печатнаго слова и прислужники насилія, которые противъ либерализма козыряютъ социализмомъ, а противъ социализма — либерализмомъ, которые не вѣрятъ ни въ одинъ аргументъ, но пользуются всякимъ, лишь бы онъ былъ выгоденъ и кстати въ данный моментъ спора. Въ Вашемъ разсужденіи скрывается огромная фальшь, которую лѣнныя умы и усыпленные души всегда проглядываютъ, и которою поэтому съ такой ловкостью пользуются софисты и апологеты насилія. Вы тоже съ спокойной душой, изъ какой-то душевной простоты, принимаете эту фальшь за правду. Допустимъ, что все остальное зло нашей жизни „неизмѣримо больше, нежели зло самодержавной власти“. Допустимъ, но противъ этого всего остального зла Толстой и Вы указываете лѣкарства, дѣйствіе которыхъ такъ же сомнительно, какъ дѣйствіе гомеопатическихъ крупинокъ на ядъ сифилиса или дифтерита. Болѣзнъ (если къ такимъ состояніямъ приложимо названіе болѣзни) такова, что только простодушно вѣрующіе люди или шарлатаны могутъ обѣщать отъ нея сильно и быстро дѣйствующія лѣкарства. Вы требуете отъ насъ невозможнаго: Вы желаете, чтобы мы, изъ нравственныхъ побужденій, либо простодушно повѣрили въ чудодѣйственную силу проповѣди, либо стали шарлатанами... Между тѣмъ, противъ зла „самодержавной власти“ есть лѣкарства и очень простые. Вы сами понимаете — и большая заслуга Толстого въ томъ, что онъ выдвинулъ эту сторону вопроса — что осуществленіе социальной справедливости не можетъ быть достигнуто законодательнымъ актомъ. Между тѣмъ, самодержавіе можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ упразднено почеркомъ пера одного лица. И это вовсе не мелочь, ибо уничтоженіе самодержавія — огромная и вопіющая нужда русской жизни. Вѣдь, отъ того, что Вы и я откажемся отъ домашней прислуги, а князь Н. отъ поземельной собственности, социальная неправда не измѣнится ни на волосъ, отъ того же, что Николай II откажется за себя и за своихъ министровъ отъ самодержавія, измѣнится разомъ страшно много. Я не знаю, обходитесь ли Вы безъ домашней прислуги, но это меня и не интересуетъ, хотя выясненіе это пункта и было-бы не лишено извѣстнаго значенія съ той точки зрѣнія, на которой стоите Вы. Для меня это не важно, потому что, къ сожалѣнію, мнѣ дѣло преобразованія человѣческихъ отношеній представляется вовсе не столь простымъ, какъ, повидимому, Вамъ. Наоборотъ, дѣло упраздненія самодержавія въ моихъ глазахъ не только крайне важное, самое важное, но и совершенно простое дѣло. Я не хочу этимъ сказать, чтобы это было дѣло легкое. Вовсе нѣтъ. Но я знаю, что

¹ Какъ съ этимъ утвержденіемъ вьется другое, которое Вы дѣлаете нѣсколькими строками раньше: „обособленіе политики совершилось у насъ недавно, почти на нашихъ глазахъ: оно было совершенно чуждо не только борцамъ противъ крѣпостного права, но еще и людямъ, „допившимъ въ народъ“ — этого я понять не могу. Но Вы вообще вынуждены на каждомъ шагѣ противорѣчить себѣ.“ П. С.

осуществить его чрезвычайно просто, для этого достаточно почерка пера, какъ его было достаточно для уничтоженія крѣпостного права. Этотъ почеркъ пера будетъ, быть можетъ, стоять потоковъ крови, но я не знаю никакихъ другихъ средствъ предупредить ихъ, какъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы перо какъ можно скорѣе пришло въ дѣйствіе, т. е. чтобы давленіе общественнаго мнѣнія на власть было какъ можно сильнѣе, чтобы оно стало неотразимо.

Упрекъ въ обособленіи политики и нравственности, который Вы бросаете русскому обществу, борющемуся противъ правительства, (и въ томъ числѣ и мнѣ въ качествѣ редактора „Освобожденія“), совершенно несправедливъ. Руководящая русская оппозиціонная литература никогда не была односторонне политической. Не является она таковой и въ настоящій моментъ. „Освобожденіе“ рѣшительно отклоняетъ отъ себя упрекъ въ томъ, что оно отдѣляетъ политическій вопросъ отъ нравственнаго. Если бы я — изъ дипломатіи — и считалъ нужнымъ стремиться къ такому отдѣленію, то я бы долженъ былъ совершать насиліе надъ собой, ибо моя приверженность къ политической свободѣ вытекаетъ изъ всего моего моральнаго и религіознаго міросозерцанія и имъ опредѣляется.

Я опять перейду въ нападеніе и скажу Вамъ, что не я, а Вы, противопоставляя политическія стремленія нравственнымъ задачамъ, совершаете незаконное обособленіе политики и нравственности. Для Васъ, повидимому, вопросъ о политической свободѣ есть только вопросъ объ организаціи власти, и Вы уже спрашиваете: „выгодно ли намъ отдавать власть земцу, который есть землевладѣлецъ, т. е. который пашетъ землю не своими, а мужицкими руками? Слѣдуетъ ли дѣлать собаку мясникомъ и кошку молочницей?“ Если бы въ русской интеллигенціи многіе думали такъ, какъ Вы, то слѣдовало бы сказать, что она почти ничему не научилась и почти ничего не забыла, а „Освобожденію“ предстояло бы ужасно много работы въ ея передовыхъ слояхъ. Я, конечно, не даромъ побывалъ въ школѣ Маркса и хорошо знаю, что и при политической свободѣ власть слишкомъ часто сопрягается съ фактическимъ и прежде всего съ экономическимъ могуществомъ. Но мы, сторонники и работники политическаго освобожденія, желаемъ не только перемѣстить власть въ руки общества и его избранниковъ, мы желаемъ ограничить всякую власть неотъемлемыми правами личности. Мы желаемъ упразднить всякое самодержавіе, и самодержавіе народа насъ прельщаетъ такъ же мало, какъ самодержавіе царя. Вы же въ упраздненіи самодержавія не видите, повидимому, ничего кромѣ перемѣщенія власти въ другія руки. Такимъ образомъ, Вы впадаете въ ту странную ошибку, которой нѣкогда въ значительной мѣрѣ опредѣлялось равнодушіе нашихъ народниковъ къ политикѣ и ихъ враждебность конституціи. За эту ошибку русскіе народники-революціонеры заплатили исторіи кровью Александра II и головами Желябова и Перовской, и наше поколѣніе было-бы безнадежно тупо въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, если бы эти кровавые уроки пропали для него.

Вы, повидимому, не понимаете и того, что ни при какой другой организаціи власти нельзя знатнымъ и богатымъ такъ эксплуатиро-

вать народные массы и такъ издѣваться надъ ними, какъ подѣ эгидой русскаго самодержавія. Это совершенно просто объясняется тѣмъ, что интересы богатыхъ и знатныхъ легко, почти автоматически, вліяютъ на тѣсно связанную разными узами съ высшими классами бюрократію, при самодержавіи совершенно безконтрольную и всемогущую.

Россіи было суждено явить міру царство Чингисхана не только съ телеграфами, прекрасно вооруженной арміей и организованной — по послѣднему слову науки — полиціей, но и съ промышленными синдикатами. Только въ Россіи такія небольшія отдѣльныя группы въ нѣсколько десятковъ тысячъ людей, какъ наше дворянство, получаютъ кредитъ, оплачиваемый государствомъ, т. е. народными массами. Только въ Россіи возможно было осуществить такое прямо скандальное учрежденіе, какъ субсидируемая государствомъ дворянскія кассы, въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ названныя кассами взаимопомощи и оказывающія кредитъ для уплаты... процентовъ по ипотечнымъ долгамъ. Наконецъ, гдѣ, кромѣ Россіи, возможна была такая наглая расправа надъ крестьянами, наложеніе на нихъ штрафной контрибуціи и пр., и пр.? По существу все, что продѣлывалось при Николаѣ II въ 1902 г. надъ полтавскими и харьковскими крестьянами, равносильно тому, что продѣлывалось надъ русскими же крестьянами при Павлѣ I.

Дѣлать такія вещи значитъ не только въ пользу имущихъ обирать неимущихъ — это значитъ развращать имущихъ прямымъ подкупомъ.

Вы пишете, что при конституціонной реформѣ капиталъ и особенно знаніе и его представители, т. е. интеллигенція, „съ роковой неизбѣжностью возьмутъ перевѣсъ надъ нищимъ и, главное, невѣжественнымъ народомъ“.

Но кто держитъ народъ въ нищетѣ и невѣжествѣ? Кто сѣчетъ и обираетъ его, кто изъ его пота и крови строитъ — для стратегическихъ и завоевательныхъ цѣлей — желѣзныя дороги на сотни милліоновъ рублей? Кто всячески задерживаетъ просвѣщеніе народа изъ страха пропаганды, т. е. изъ страха потери власти?

Самодержавіе и его носитель, бюрократія.

Кто ставитъ вопросъ объ экономическихъ реформахъ, о правахъ крестьянина, о справедливомъ распредѣленіи земли и налоговъ, кто требуетъ просвѣщенія невѣжественнаго народа и отдаетъ свои силы трудной и неяркой работѣ въ роли учителей и врачей? Кто съ полнымъ забвеніемъ личной безопасности несетъ въ народъ новыя идеи справедливости и свободы?

Интеллигенція, которую Вы такъ безъ всякаго разбора и, протите, безъ всякаго смысла поносите.

Это она настойчиво требуетъ всеобщаго обученія невѣжественнаго народа, доказывая его возможность и необходимость.

А кто всячески внушаетъ мысль, что всеобщая грамотность есть сумасбродная иллюзія?

Правительствующая бюрократія, устами К. П. Побѣдоносцева утверждающая:

„настаивать на осуществленіи чего-либо матеріально и нравственно невозможнаго значило бы искусственно разрушать то, что требуется создавать органически,

въ примѣненіи къ условіямъ и потребностямъ природы. А такова именно задача, которую нынѣ ставятъ передъ собой и усиленно разрабатываютъ многія земства — задача осуществить идею всеобщаго обученія во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Осуществленіе ея — возможное, по особливымъ условіямъ, развѣ въ Ярославской губерніи, — въ примѣненіи ко всей Россіи является идеальнымъ мечтаніемъ, лишеннымъ реальной почвы и потому осужденнымъ на гибель и на безплодные усилія устроить невозможное.¹

Вотъ лучший отвѣтъ на Ваши обвиненія земцевъ. Не идеализируя вовсе земцевъ, мы можемъ и должны въ тѣхъ изъ нихъ, которые предаются осуждаемымъ г. Побѣдоносцевымъ „мечтаніямъ“ и работаютъ для ихъ осуществленія, видѣть нашихъ союзниковъ. Этого требуютъ одинаково и простая справедливость, и политическій смыслъ.

Кромѣ того, Вы забываете, что въ Россіи выросла и растетъ непрестанно демократическая интеллигенція, тысячею нитей связанная съ народомъ. Это она, въ союзѣ съ народными массами, вырветъ народъ изъ подчиненія самодержавію, т. е. изъ цѣпей нищеты и невѣжества.

Ваши страхи, какъ безпредметные, прямо смѣшны. Хуже самодержавія ничего не можетъ быть, и если самодержавіе еще и держится на чемъ, такъ это на нищетѣ и невѣжествѣ народа и на грубомъ своекорыстіи представителей собственности и капитала, не желающихъ поступиться тѣми привилегіями, которыя обезпечиваются имъ самодержавіемъ.

Грубое насиліе надъ низшими классами и беззащитный подкупъ высшихъ — вотъ альфа и омега нашей государственной системы, которая вовсе не сдерживаетъ всяческой эксплуатаціи, какъ въ какомъ-то ослѣпленіи думаете Вы, а, наоборотъ, усиливаетъ ее въ огромной степени. Конечно, не все зло въ самодержавіи, но, какъ нѣкогда крѣпостное право, самодержавіе и всѣ его слѣдствія — самое осязательное и отвратительное зло нашей жизни. Пусть это капля въ морѣ зла, но это — „специфическая“ и самая ядовитая капля, съ которой нестерпимо жить.² Не мы, а Вы искажаете естественную и нравственную перспективу, когда рекомендуете намъ забыть о существованіи такой капли.

Вы можете вѣрить въ то, что индивидуальное отреченіе отъ собственности, отъ услугъ домашней прислуги и т. п. поступки суть дѣйствительное и лучшее средство борьбы съ социальнымъ зломъ нашего времени. Я — повторяю еще разъ — не вѣрю въ это и думаю, что эксплуатація человѣка человѣкомъ можетъ быть упразднена только путемъ сложной системы лишь постепенно осуществимыхъ социальныхъ реформъ, охватывающихъ всѣ стороны человѣческаго существованія. „Правда жизни“ не можетъ быть добыта никакимъ заклинаніемъ — человѣчество должно создать ее упорной работой надъ собой. Слава Толстому и другимъ людямъ, будающимъ совѣсть, но мы не можемъ считать ихъ чудотворцами и не вѣримъ ни въ единственные, ни въ исключительные пути для человѣчества. И потому мы не можемъ заняться такой нравственной проповѣдью, къ которой призываете Вы: мы очень мало вѣримъ въ ея жизненный

¹ Извлеченіе изъ отзыва оберъ-прокурора Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 30 октября 1898 года за № 216. (Приложеніе 2-е къ представленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Государственный Совѣтъ отъ 22 августа 1901 г. за № 166. Стр. 20.)

² Помните, какъ Щедринъ охарактеризовалъ въ „Похоронахъ“ крѣпостное право.

успѣхъ и потому иначе, чѣмъ Вы, оцѣниваемъ ея практическое вліяніе на жизнь. Мы знаемъ, что нравственное сознание человѣчества развивается постепенно и что признаніе и провозглашеніе политической свободы есть необходимый и огромной важности шагъ на этомъ пути.

И я даже думаю, что принципиально и въ нравственномъ отношеніи это самый важный шагъ.

Въ признаніи политической свободы, основной идеей которой исторически и логически является идея правъ человѣка, заключается признаніе нравственной личности человѣка, какъ самостоятельной силы. Свобода лица — это идея политическая, моральная, метафизическая, религіозная или, вѣрнѣе, въ обратномъ порядкѣ — религіозная, метафизическая, моральная, политическая. Вездѣ она отрицаетъ власть или авторитетъ, какъ таковой, противопоставляемый человѣческой личности, какъ нѣчто обязательное, помимо ея свободнаго признанія. Для нея нѣтъ Бога-Власти и Бога-Хозяина, для нея нѣтъ Закона-Власти, Закона-Повелителя, для нея нѣтъ Государства-Власти, Государства-Господина. Бога свободный человѣкъ самъ себѣ отыскиваетъ, онъ ему не покоряется, онъ его любитъ. Нравственный законъ свободный человѣкъ самъ себѣ творить и ему свободно слѣдуетъ. Государство свободный человѣкъ самъ себѣ строить и имъ живетъ, не поступаясь собой.

Политическая свобода есть самое осязательное и непререкаемое обнаруженіе идеи свободной личности. Внѣ и безъ политической свободы намъ нельзя „жить по совѣсти“ иначе, какъ въ непрерывной и непримиримой борьбѣ съ государствомъ-господиномъ. И относительно этой борьбы не можетъ быть никакихъ сомнѣній и колебаній у того, кто принялъ въ свою душу и осозналъ идею свободы. Не случайно, не потому, чтобы люди были глупы или подлы, идея социализма является гораздо болѣе спорной для современнаго человѣчества, чѣмъ идея свободы. Это объясняется тѣмъ, что правда идеи социализма, въ которую я тоже вѣрю, не открылась людямъ еще съ такою силою и ясностью, какъ правда идеи свободы. Если я хочу „спастись самъ“, то мнѣ, конечно, все равно, что дѣлается въ душѣ другихъ людей, но, если я хочу улучшить и подвинуть впередъ общую жизнь, я буду говорить то, что можетъ быть услышано и осуществлено. Поступать иначе, значило бы на мѣсто долга и дѣла ставить произволъ и самоуслаженіе. Человѣкъ можетъ, пожалуй, мыслить и писать исключительно для себя, но призывать къ дѣйствіямъ можно только другихъ, для другихъ и ради другихъ.

Сказавъ, что идея социализма является для современнаго человѣчества болѣе спорной, чѣмъ идея свободы, я выразился грубо и неточно. Первая идея заключается во второй, какъ ея необходимомъ слѣдствіи. Но жизненное раскрытіе этого необходимаго слѣдствія, его практическое оправданіе, безъ котораго теоретическое усвоеніе останется безплоднымъ, безсильнымъ и, въ сущности, недѣйствительнымъ, медленно и постепенно совершается въ процессѣ общественнаго развитія. Извѣстное опредѣленіе социализма: упраздненіе частной собственности на орудія и средства производства, или обобществленіе производства — заключаетъ въ себѣ вовсе не идею социализма, которая тождественна съ идеей всесторонняго освобожденія

личности, а даетъ лишь техническую, и потому вполне условную (и для меня совсѣмъ не безспорную) формулу средствъ осуществленія социалистической идеи. Для социализма, какъ идеи освобожденія личности, безразлично, какимъ путемъ будетъ осуществлена эта цѣль. Социализмъ есть идея этическая, и социально-экономическія формулы социализма имѣютъ по отношенію къ этой идеѣ лишь служебное значеніе. Индивидуалистическій освободительный смыслъ социализма затемняется и извращается, когда эти формулы изъ служебной и условной роли средствъ возводятся въ цѣль и мѣрило и провозглашаются высшей цѣнностью.

Эти формулы не только лишены принципиальной цѣнности, но и крупнаго практическаго значенія. Последнее принадлежит политическимъ и социальнымъ завоеваніямъ демократіи, освобождающимъ личность отъ гнета насилія и нужды и составляющимъ жизненное раскрытіе въ учрежденіяхъ и нравахъ идеи либерализма = социализму. Человѣчество идетъ медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ отъ освобожденія къ освобожденію, по прекрасному выраженію Герцена, и въ этомъ ходѣ осуществляется единая и нераздѣльная идея свободы. Принципиально она заключена вся въ тѣхъ требованіяхъ, которыя принято называть политической свободой и къ которымъ люди, мыслящіе подобно Вамъ, относятся съ непростительнымъ теоретическимъ и практическимъ небреженіемъ. И въ заключеніе позвольте Вамъ напомнить знаменательный и полный глубокаго драматизма моментъ въ исторіи русской культуры. Прощаясь навсегда съ родиной, чѣмъ мотивировалъ Герценъ въ книгѣ „Съ того берега“ свой такъ не легко давшійся ему „исходъ“? Западъ глубоко разочаровалъ его: въ его глазахъ „буржуазная“ культура тогда неудержимо клонилась къ упадку и вырожденію, социализмъ же несъ съ собой только разрушеніе культуры и, быть можетъ, новое рабство. Отчаявшись въ судьбахъ западной культуры, Герценъ все-таки остался на Западѣ. Почему и ради чего? Въ чемъ не отчаялся, въ чемъ не усомнился Герценъ? Глубокий и вѣчный смыслъ имѣетъ признаніе великаго русскаго изгнанника: „Дорого мнѣ стоило рѣшиться... вы знаете меня... и повѣрите. Я заглушилъ внутреннюю боль, я перестрадалъ борьбу и рѣшился, не какъ негодующій юноша, а какъ человѣкъ обдумавшій, что дѣлаетъ, сколько теряетъ... Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колебался и, наконецъ, принесъ все на жертву: *человѣческому достоинству, свободной рѣчи.*“

„Свобода лица — величайшее дѣло“, на ней и только на ней можетъ возрасти дѣйствительная воля народа. Въ себѣ самомъ человѣкъ долженъ уважать свою свободу и чтить ее не менѣе какъ въ ближнихъ, такъ и въ цѣломъ народѣ. Если вы въ этомъ убѣждены, то вы согласитесь, что остаться теперь здѣсь мое право, мой долгъ.“

Да, Герценъ былъ правъ навсегда и безусловно: „свобода лица — величайшее дѣло“.

Въ этихъ словахъ — начало и конецъ нашей религіозной и политической вѣры. Въ этомъ мы не сомнѣвались и не усомнимся. Этой вѣрой мы живемъ и дѣствуемъ.

Библиографія.

Записки Кропоткина.

П. А. Кропоткинъ. Записки Революціонера. Историческая бібліотека. Вып. I. Лондонъ 1902 г. Стр. XX и 477.

Одинъ изслѣдователь роли, которую сыграла инквизиція въ духовномъ развитіи европейскихъ народовъ, замѣчаетъ, что далеко не всегда политическій строй и учрежденія, самыя гибельныя, самыя деспотическія, осуществляютъ полностью свое разрушительное назначеніе. Такъ, Россія, живущая до сихъ поръ подъ режимомъ, весьма близкимъ къ инквизиціонному, Россія Александра III и реакціонныхъ оргій его сотрудниковъ, выставила графа Л. Н. Толстого, который духовно опережаетъ самыя прогрессивныя теченія западно-европейской мысли; русская мысль, при всѣхъ оковахъ, на нее наложенныхъ, удивляетъ своею свѣжестью и смѣлостью. Замѣчаніе, безспорно вѣрное, хотя едва ли оно утѣшитъ насъ за безконечныя гекатомбы людей мысли, принесенныя въ жертву русской инквизиціей тому богу, которому она служить . . .

Вышедшая въ настоящее время въ русскомъ переводѣ книга Кропоткина могла бы доставить автору новый примѣръ. Разстояніе, пройденное отъ пажескаго корпуса до критики всякаго государственнаго строя, до проповѣди свободныхъ общественныхъ соединеній, въ которыхъ атрофируется насиліе и принужденіе, какъ постепенно атрофировались варварскіе навыки и чувства первобытныхъ временъ, — путь, безспорно, весьма длинный: мало найдется въ исторіи Западной Европы мыслителей, жизненный путь которыхъ былъ бы длиннѣе. Это, навѣрное, — одна изъ причинъ, почему записки Кропоткина читаются съ такимъ глубокимъ, захватывающимъ интересомъ. Люди, легко отъ образа переходящіе къ символу, могутъ себѣ представлять, что весь ходъ развитія Кропоткина не является единичнымъ, что общественные элементы, которые у насъ и по своему происхожденію, и по воспитанію, какъ будто обречены прозябать въ замкнутомъ кругу узкихъ мыслей и ничтожныхъ чувствъ, чаще способны разрывать этотъ замкнутый кругъ, чѣмъ ихъ западно-европейскіе собратья. Но безразлично, представляетъ ли изъ себя Кропоткинъ характерное явленіе или только исключительно счастливо организованную натуру, для которой „не писанъ социальный законъ“, — его книга есть одинаково замѣчательное произведеніе какъ въ общеевропейской, такъ и въ русской литературѣ. Мемуары Кропоткина даютъ драгоценный матеріалъ для пониманія какъ эпохи великихъ реформъ, такъ и слѣдовавшей за ней эпохи постепеннаго разрушенія этихъ реформъ. Обстоятельства русской жизни таковы, что мы, навѣрное, весьма долго не будемъ имѣть настоящей научной исторіи этихъ эпохъ, знать которыхъ намъ такъ необходимо. Только такое знаніе предохраняетъ отъ повторенія гибельныхъ ошибокъ, отъ вредныхъ политическихъ предразсудковъ. Напримѣръ, славянофильскія иллюзіи и идилліи, которыя, кажется, имѣютъ успѣхъ среди нѣкоторой части, даже сравнительно передовой, русскаго общества, могли и еще болѣе могутъ питаться лишь совершеннымъ пренебреженіемъ къ историческому опыту. Можно создавать въ своей головѣ самыя невѣроятныя политическія комбинаціи, но трудно людямъ, которые не желаютъ быть одураченными, игнорировать уроки исторіи и такой свѣжей исторіи!

Кропоткинъ пишетъ, какъ очевидецъ, вращавшійся, можно сказать, во всѣхъ типичныхъ кругахъ русскаго общества, одинаково знакомый и съ атмосферой петербургскихъ придворныхъ круговъ и съ жизнью восточно-сибирскихъ захолустій. И при этомъ онъ очевидецъ, горячія симпатіи и антипатіи котораго ни на минуту не затуманиваютъ его безпристрастія. Онъ глубоко проникнуть истиной, высказанной имъ, что люди

обыкновенно бывают пѣсколю лучше, чѣмъ учрежденія, или, можетъ быть, скорѣе являются жертвами учрежденій. Такой жертвой былъ бесспорно и Александръ II, освободительныя стремленія и гуманныя настроенія котораго не могли противостоять гипнозу самодержавія. Кропоткинъ рассказываетъ о своемъ производствѣ въ офицеры, происшедшемъ вскорѣ послѣ огромнаго пожара Апраксина двора. Здѣсь онъ впервые увидѣлъ Александра II — не царя-освободителя, который и для Герцена былъ „побѣдившимъ галилеяниномъ“, а другого. „Когда парадъ кончился, Александръ II громко скомандовалъ: „Произведенные офицера — ко мнѣ!“ Мы окружили его. Царь остался на конѣ. Тутъ я увидѣлъ Александра II въ совершенно новомъ для меня свѣтѣ. Во весь ростъ возсталъ передо мной теперь человекъ, который черезъ годъ проявилъ себя кровожаднымъ и мстительнымъ подавителемъ польской революціи. Онъ весь обрисовался въ рѣчи, обращенной къ намъ. Началъ онъ въ спокойномъ тонѣ. „Поздравляю васъ. Вы теперь офицеры.“ Онъ говорилъ о военныхъ обязанностяхъ и о вѣрности Государю, какъ это всегда говорится въ подобныхъ случаяхъ. Но затѣмъ лицо его исказилось гнѣвомъ и онъ принялся выкрикивать злобнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово: „Но, если, чего Боже сохрани, кто-нибудь изъ васъ измѣнитъ Царю, престолу и отечеству, я поступлю съ нимъ по всей строгости закона, безъ малѣйшаго пощуженія!“ — Его голосъ оборвался, лицо его исказилось злобой и тѣмъ выраженіемъ слѣпой ярости, которое я видѣлъ въ дѣтствѣ у помѣщиковъ, когда они грозились „спустить шкуру“ крѣпостнымъ. Александръ II сильно прищипорилъ коня и посккалъ отъ насъ. На другой день 14 іюля, по его приказу, въ Модлинѣ растрѣляли трехъ офицеровъ, а рядового Шура застрѣли шницрутенами до смерти. Реакція полнымъ ходомъ, говорилъ я себѣ, возвращаясь съ парада“ (стр. 156—157). „Такъ началась трагедія Александра II“, пишетъ онъ по поводу 1 марта. „Многіе не понимали, какъ могло случиться, чтобы царь, сдѣлавшій такъ много для Россіи, палъ отъ руки революціонеровъ. Но мнѣ пришлось видѣть первыя реакціонныя проявленія Александра II и слѣдить за ними, какъ они усиливались въ послѣдствіи; случилось также, что я могъ заглянуть въ глубь его сложной души, увидѣть въ немъ природнаго самодержца, жестокость котораго только отчасти смягчена образованіемъ, и понять этого человѣка, обладавшаго храбростью солдата, но лишеннаго мужества государственнаго дѣятеля, — человѣка сильныхъ страстей, но слабой воли — и для меня эта трагедія развивалась съ фатальной послѣдовательностью шекспировской драмы. Послѣдній ея актъ былъ ясенъ для меня уже 14 іюля 1862 г., когда я слышалъ рѣчь, полную угрозъ, произнесенную Александромъ II передъ нами, только что произведенными офицерами, въ тотъ день, когда, по его приказу, совершались первыя казни въ Польшѣ“ (стр. 411). Пусть люди, которымъ эта характеристика покажется несправедливой, вдумаются въ страницы книги Кропоткина, изображающія борьбу двухъ натуръ въ Александрѣ II; борьбу между его естественными добрыми задатками и ужаснымъ принципомъ „l'autocratie oblige“, принципа, который не знаетъ ни жалости, ни пощады; борьбу на жизнь и на смерть, обусловленную тѣмъ, что государь не захотѣлъ раздѣлить своей власти съ народомъ, не захотѣлъ довести начатаго дѣла до конца, а передать эту власть въ руки Шуваловыхъ, Треповыхъ и т. п., въ руки тѣхъ, которые сѣяли много лѣтъ взаимное недоверіе и ненависть и которые больше всякой революціонной пропаганды подорвали авторитетъ правительственной власти. Mutatis mutandis, развѣ мы не видимъ, какъ этотъ правительственный курсъ продолжается и до настоящаго дня? — Мы увѣрены, что книга Кропоткина будетъ способствовать и болѣе справедливой оцѣнкѣ русскаго революціоннаго движенія. Авторъ нисколько не закрываетъ передъ нами ни ошибокъ, ни слабостей этого движенія; но онъ показываетъ неисчерпаемый запасъ идеализма въ немъ, показываетъ адскую атмосферу, въ которой жили революціонеры, и невольно пробуждаетъ въ читателѣ, который по своему настроенію всего дальше отъ всякой революціи, мысль неотвязную, дающую: кто же виноватъ въ этихъ ужасныхъ крайностяхъ?

Тогда для читателя станетъ болѣе яснымъ и переходъ Кропоткина къ анархизму. Увы! русская дѣйствительность не есть школа, которая научала-бы уваженію къ государственной организаціи. Россія легко можетъ впитать самый крайній политическій скептицизмъ. Мы думаемъ, что всякія гаданія о томъ, какое общественное содержаніе будетъ заключаться въ формахъ новаго политическаго устройства Россіи, преждевременны; быть можетъ, это содержаніе будетъ не такъ далеко и отъ многихъ мыслей Кропоткина, отъ его идеи „свободной федераціи“. Для Россіи дѣло идетъ теперь о разрушеніи оковъ, на нее наложенныхъ, и естественно, что пѣвникъ больше думаетъ, какъ ему получить свободу, чѣмъ какъ воспользоваться

этой полученной свободой. Но, конечно, многие уроки не могут пройти даромъ, и абсурды русской централизаціи, которые, повидимому, укрѣпили въ Кропоткинѣ мысль, „что для царя рѣшительно невозможно сдѣлать ничего полезнаго при помощи административной машины“, всецѣло отойдетъ въ область исторіи. — Мы назвали книгу Кропоткина безпристрастной книгой, и это ея свойство бросается особенно въ глаза при сравненіи съ „Революционными профилями“ Степяка. Для послѣдняго всѣ революціонеры такіе же легендарные герои, какъ всѣ ихъ противники — злодѣи, въ которыхъ не осталось ничего человѣческаго. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у Кропоткина; онъ такъ проникнутъ состраданіемъ къ людямъ, которые въ силу своего положенія, а не по специфической жестокости губятъ окружающую ихъ жизнь. И въ этомъ отношеніи мы считаемъ книгу Кропоткина глубоко поучительной: она можетъ отучить русскихъ людей видѣть виновниковъ своихъ бѣдствій въ извѣстныхъ личностяхъ или возлагать свои надежды на ихъ преемниковъ, радоваться паденію однихъ, печаловаться, что новыя не лучше старыхъ. Тѣмъ безпощаднѣе должна быть борьба противъ учреждений и системъ, которыя моментально сохлаютъ со всякаго, вошедшаго въ нихъ, человѣческаго лика. Не караеганье, а Караеганъ долженъ быть разрушенъ. Такимъ выводомъ не исчерпывается, конечно, все, что книга Кропоткина вноситъ въ сознание читающаго. Трудно дать болѣе блестящую и глубокую характеристику того нравственнаго и социальнаго растлѣнія, которое вноситъ въ народную жизнь современная уголовно-полицейская система. Обращаемъ вниманіе на страницѣ (441), посвященные воспитательному воздѣйствію тюремъ. Если въ предѣлахъ современнаго общественнаго строя трудно ожидать возможности уничтоженія этого деморализующаго вліянія, если суды и тюрьмы еще весьма долго будутъ учреждениями „общественной необходимости“, то въ высшей степени важна самая борьба съ жестокими предрассудками, въ высшей степени важно расширеніе социальной мысли и пробужденіе общественной совѣсти. Въ этомъ смыслѣ Левъ Толстой, Кропоткинъ, Элизе Реклю и подобные люди работаютъ, быть можетъ, не надъ созданіемъ того будущаго строя, о которомъ они мечтаютъ, но во всякомъ случаѣ — надъ просвѣтлѣніемъ человѣческой совѣсти и разума, надъ освобожденіемъ отъ всевозможныхъ предрассудковъ и такъ готовятъ будущій строй, болѣе человѣчный и справедливый. Такую работу нельзя мѣрить критеріями отдѣльной доктрины или отдѣльной партіи. И Россія принадлежитъ не послѣднее мѣсто въ воззвѣщеніи этого будущаго. — Наконецъ, не можемъ не сказать нѣсколько словъ о глубокомъ психологическомъ интересѣ, который представляетъ автобіографія Кропоткина, написанная съ такой удивительной простотой и чарующей искренностью. Мы такъ привыкли къ условнымъ жизненнымъ шаблонамъ, къ покорности передъ социальнымъ предопредѣленіемъ. Чѣмъ-то свѣжимъ и глубоко отраднымъ является жизнь, въ которой все — полная гармонія между убѣжденіемъ и дѣйствіемъ, мыслью и волей, не справляющейся съ общепринятыми оцѣнками, жизнь, преданная научной истинѣ и еще болѣе — человѣческой правдѣ. Приведемъ собственные слова автора: „какъ ни далеко отошло отъ насъ въ исторической перспективѣ крѣпостное право и его обычаи, какъ ни кажутся намъ забыты крѣпостнически-государственные идеалы, вызвавшіе кровавое усмирненіе возставшей Польши, — наслѣдіе и тѣхъ, и другихъ еще живо среди насъ. Оно не умерло ни въ актахъ правительства, ни даже въ складѣ мыслей передовыхъ людей, до сихъ поръ несущихъ на себѣ слѣды тисковъ крѣпостнаго государства. Задачи, поставленныя Россіи освобожденіемъ крестьянъ, но брошенныя неразрѣшенными наджнувшейся реакціей — стоятъ и понынѣ непочатыя передъ русской жизнью; а идеи николаевщины по сію пору еще стремятся водвориться сызнова въ Россіи. Громадный шагъ, сдѣланный въ началѣ 60-хъ годовъ уничтоженіемъ личнаго рабства крестьянъ и физическаго истязанія „непривилегированныхъ“ на лобномъ мѣстѣ, — этотъ шагъ, все значеніе котораго могутъ оцѣнить только люди нашего поколѣнія, забывается понемногу. Крѣпостной строй, разбитый въ 1861 г., вернулся снова въ русскую жизнь, подъ маскою новыхъ мундировъ, но съ тѣми же пріемами, цѣлями и задачами порабоженія массы въ пользу привилегированныхъ и правящихъ. Идеаль жандармскаго, сосредоточеннаго силънаго государства, который въ 1863 г. сплотилъ вокругъ престола противъ Польши даже недовольные элементы общества, — идеаль централистовъ, однимъ словомъ, опять ожилъ среди насъ: опять онъ увлекаетъ тѣхъ, кто себя считаетъ призваннымъ руководить судьбами Россіи, опять стоитъ на пути развитія мѣстной жизни и мѣстной самостоятельности. И, наконецъ, рабство мысли и раболѣпіе — въ наукѣ передъ авторитетомъ, а въ жизни передъ мундиромъ, — которое такъ возмущало лучшихъ людей въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и вызвало рѣзкій протестъ База-

рова, вновь оживаетъ среди насъ“. „И теперь, какъ и тогда, несмотря на несомнѣнное пробужденіе самосознанія среди крестьянъ и городскихъ рабочихъ и даже именно вслѣдствіе того, что вѣками угнетенный крестьянинъ подымаетъ голову и самъ начинаетъ утверждать свои доселѣ поправныя права на волю, — снова является тотъ же самый вопросъ передъ всякимъ думающимъ молодымъ человекомъ изъ привилегированныхъ классовъ, который мы ставили тридцать лѣтъ тому назадъ: „стану ли я пользоваться тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ и, рассматривая дѣло освобожденія крестьянъ, какъ дѣло ихъ класса, а не моего, — отнесусь-ли равнодушно къ ихъ усиліямъ? Или же, понимая, что прогрессъ въ человечествѣ нераздѣленъ, что онъ возможенъ только, когда онъ охватываетъ всѣхъ, что нищета и угнетеніе однихъ ведетъ за собою нищету духа и рабство всѣхъ — сочту-ли я себя простой частицей въ этомъ большомъ цѣломъ и не понесу-ли я въ среду народа тѣ знанія, тотъ свѣтъ, ту вѣру въ свободу и освобожденіе, которые позволили мнѣ стать свободнымъ, стряхнуть съ себя ярмо предразсудковъ и отказаться отъ наслѣдія рабскаго прошлаго?“ Если эта книга поможетъ кому-нибудь разрѣшить этотъ вопросъ, она достигнетъ своей цѣли“ (Предисловіе къ русскому изданію. Стр. X—XI).

Да, она достигнетъ своей цѣли и въ большей степени, чѣмъ выражается въ этихъ скромныхъ словахъ автора. Она не только поможетъ разрѣшить вопросъ, но и поставитъ его впервые передъ тѣми, для кого подобные вопросы никогда не существовали.

Л. Э.

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. Воспоминанія. Три выпуска. Парижъ. 1894—1899 гг. Въ трехъ выпускахъ 521 стр.

Рядомъ съ книгой Кропоткина намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на другую, вышедшую гораздо раньше, но какъ-то затерявшуюся. Это — произведеніе менѣе блестящее, но не менѣе правдивое и поучительное. „Воспоминанія“ В. К. Дебогорія-Мокріевича даютъ чрезвычайно поучительный матеріалъ для исторіи русскаго революціоннаго движенія и, тѣмъ самымъ, для исторіи всего русскаго общества. Авторъ на своей собственной біографіи сперва рисуетъ намъ смутныя нигилистически-оппозиціонныя настроенія конца 60-хъ и 70-хъ гг., затѣмъ „бакунизмъ“ и даетъ любопытный портретъ самого Бакунина. Не можемъ не привести слѣдующаго заявленія Бакунина, сдѣланнаго имъ въ бесѣдѣ съ авторомъ „Воспоминаній“. Бакунинъ въ то время занимался итальянскими дѣлами. Показывая свой домъ въ Локкарно Дебогорію и его товарищамъ, М. А. сказалъ:

„Быть можетъ, и тамъ, русскимъ, понадобится держать за границую свою строго-конспиративную типографію для печатанія летучихъ листовъ, — можно будетъ ее тоже помѣстить здѣсь.“ Потомъ онъ перемѣнилъ тонъ и рѣзко добавилъ: „Впрочемъ, какіе же конспираторы русскіе?! Пойдутъ болтать — скомпрометируютъ, пожалуй, и наше итальянское дѣло.“

Мнѣ было очень непріятно слышать этотъ упрекъ и я принялся что-то — не помню ужъ, что именно — говорить въ защиту насъ, русскихъ. Но еще непріятнѣе сдѣлалось, когда Бакунинъ, возражая мнѣ, въ заключеніе вдругъ воскликнулъ: „Да что русскіе!?. Всегда они отличались стадными свойствами! Теперь они всѣ анархисты! На анархію мода пошла. А пройдетъ нѣсколько лѣтъ — и, можетъ быть, ни одного анархиста среди нихъ не будетъ!“

„Эти слова — заключаетъ Дебогорій — глубоко врѣзались въ моей памяти и часто приходилось мнѣ потомъ ихъ вспоминать и видѣть въ нихъ пророческое значеніе.“

Въ самомъ дѣлѣ, анархизмъ, какъ массовое теченіе, оказался на русской почвѣ скоропреходящей модой. Въ русскомъ революціонномъ движеніи онъ не играетъ со времени бакунизма никакой роли. Кропоткинъ — единичное явленіе. Больше вліяніе Толстого, несомнѣннаго мирнаго анархиста, но онъ вліяетъ не анархическими сторонами своего миросозерцанія, а какъ критикъ русской дѣйствительности и мощная личность.

Замѣчательно интересно все то, что говоритъ авторъ о своемъ хожденіи въ народъ, о чигиринскомъ дѣлѣ Стефановича и Дейча и о первомъ пробужденіи политическаго сознанія среди русскихъ социалистовъ-революціонеровъ, совершившемся подѣ дѣйствіемъ жестокихъ правительственныхъ преслѣдованій. Этотъ послѣдній переломъ, имѣющій огромное значеніе въ исторіи русскаго революціоннаго движенія и впервые обнаружившійся въ Кіевѣ, обрисованъ авторомъ чрезвычайно живо и ярко.

„Война съ Турціей — пишеть онъ — многимъ открыла глаза. Неудачи, постигши русскія войска въ войнѣ съ Турціей, этой „гнилой“ державой, не только наталкивали людей, даже не глубоко заглядывавшихъ въ жизнь, на разные размышления и на предположеніе о существованіи у себя дома кое-какихъ прорѣхъ...“

И вотъ, о необходимости конституціонной реформы стали говорить всюду. Земства оживились: принялись готовиться къ подачѣ адресовъ на Высочайшее имя. Но я не буду касаться здѣсь этого движенія, такъ какъ о немъ я зналъ лишь по слухамъ. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу о нашихъ столкновѣніяхъ съ земцами; теперь же перейду къ воспоминаніямъ того, чему было очевидцемъ.

Въ Кіевѣ организовался специальный кружокъ, назвавшійся „конституционнымъ кружкомъ“, поставившій своей задачей агитацію въ пользу конституціи и пропаганду политическихъ идей. Такъ какъ студенчество представляло болѣе воспримчивую среду, то неудивительно, что свою дѣятельность кружокъ этотъ направилъ сюда.

Между тѣмъ студенты и безъ того волновались. Недовольство существующимъ политическимъ режимомъ, наблюдавшееся во время войны съ Турціей во всемъ русскомъ обществѣ, отразилось и на поведеніи университетской молодежи, принявши здѣсь сразу болѣе острый характеръ. То по одному, то по другому поводу собирались сходки въ студенческой столовой. Такъ, припоминаю, однимъ изъ поводовъ къ сходкамъ послужилъ арестъ студента Подольскаго. На собраніяхъ стали говорить о самоуправствѣ жандармовъ, и, само собою разумѣется, договорились до того, что не дурно было бы положить предѣлы этому самоуправству; вопросъ этотъ явно выходилъ изъ сферы студенческихъ вопросовъ; но ораторы доказывали, что студенты до тѣхъ поръ не будутъ избавлены отъ административнаго произвола, пока во всемъ государственномъ строѣ не произойдетъ соответственныхъ политическихъ реформъ, и что поэтому студентамъ пора-де было сдѣлаться настоящими гражданами своей страны и прочее въ такомъ родѣ. Результатомъ этихъ сходокъ было то, что составилъ проектъ подачи чего-то въ родѣ петиціи или адреса на высочайшее имя, въ которомъ просились извѣстныя реформы. Подобный адресъ былъ, кажется, составленъ въ двухъ редакціяхъ: въ болѣе радикальномъ и въ умѣренномъ духѣ. Но, когда пришлось собирать подписи, то охотниковъ подписаться оказалось мало и попытка съ адресами окончилась неудачно. Однако, студенческая волненія не прекратились, и, когда полиція распорядилась закрыть студенческую столовую, то сходки перенесены были въ студенческий клубъ. Въ самый разгаръ этихъ сходокъ возлѣ театра ночью, послѣ спектакля, произошло столкновение студентовъ съ полиціей, окончившееся арестомъ нѣсколькихъ членовъ. Это вызвало сильное возбужденіе страстей: изъ клуба, гдѣ въ это время было собраніе, двинулась толпа въ нѣсколько десятковъ членовъ въ полицейскій участокъ; ввалившись въ комнаты участка, толпа потребовала немедленнаго освобожденія арестованныхъ и не ушла до тѣхъ поръ, пока арестованные не были выпущены. Послѣ этого студенческий клубъ былъ закрытъ; но студенты еще болѣе стали волноваться. Отправлена была депутація къ университетскому начальству. Ректоръ и попечитель не приняли депутатовъ; тогда они пошли къ генералъ-губернатору Черткову. Здѣсь у нихъ съ Чертковымъ, какъ мнѣ тогда же передавалъ одинъ изъ депутатовъ (Наумъ Львовъ, умершій въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ спустя), произошла въ такомъ родѣ бесѣда: „Чего хотите, господа?“ спросилъ Чертковъ. „Мы хотимъ избавиться отъ административнаго произвола,“ отвѣчала депутація. „Какъ прикажете это понимать?“ — „А такъ, чтобы жандармы и полиція не имѣли права арестовывать кого имъ вздумается.“ Тогда Чертковъ воскликнулъ: „Ахъ, господа, господа!... Таковъ законъ! Двуглавый орелъ!... Мы всѣ должны ему повиноваться.“ А потомъ добавилъ: „Я въ этомъ краѣ генералъ-губернаторъ, а жандармы и меня могутъ арестовать.“

Но изъ всего студенческаго движенія 1877 г., котораго я здѣсь касаюсь, конечно, лишь въ общихъ чертахъ, едва-ли не самымъ характернымъ эпизодомъ была демонстрація при водруженіи креста на могилѣ одного рабочаго, похороненнаго на Байковомъ кладбищѣ. Насколько могу припомнить, рабочій этотъ былъ изъ интеллигентной среды и, кажется, прикосновенный къ революціонному движенію (я раньше не слыхалъ о немъ). По инициативѣ студенческой организаціи, въ центрѣ которой стоялъ „Конституціонный Кружокъ“, собралась толпа молодежи и двинулась процессіей черезъ городъ, неся впередъ деревянный крестъ. Раза два или три толпа останавливалась и присутствующіе ораторы, словно Евангеліе по усопшему, произносили рѣчи. Какъ ни странно можетъ показаться, но рѣчи сводились къ тому, что „намъ надо добиваться конституціи“. Насколько въ данномъ случаѣ вызался

конституционный вопрос со смертью рабочего, на могилу которого несли деревянный крестъ, объ этомъ, повидимому, мало кто заботился. Встрѣченные по пути мѣщане и рабочіе останавливались и съ любопытствомъ глядѣли на процессію, во главѣ которой — къ ихъ удивленію — не видно было ни попа, ни дьякона; но такъ какъ впереди все же несли крестъ, то народъ снималъ шапки и набожно крестился.

Кіевское студенческое волненіе 1877 года окончилось тѣмъ, что многіе были исключены изъ университета, а вслѣдъ за тѣмъ разосланы административнымъ порядкомъ по сѣвернымъ губерніямъ.

Въ подобной-то атмосферѣ, если можно такъ выразиться, пропитанной конституционными парами, пришлось вращаться тогда народникамъ-революціонерамъ. Само собою разумѣется, что общее настроеніе должно было отразиться и на насъ, тѣмъ болѣе, что среди насъ самихъ къ этому времени стало наблюдаться какое-то новое ненародническое настроеніе. Я раньше упоминалъ уже о томъ охлажденіи къ дѣятельности среди народа, которое видно было хотя бы у большинства членовъ нашего кружка. Ко времени русско-турецкой войны скептицизмомъ были заражены болѣе или менѣе всѣ, по крайней мѣрѣ, южные народники. Правда, перемѣнить мировоззрѣніе, пустившее такіе глубокие корни, какъ это было у насъ съ народничествомъ, оказывалось далеко не легкимъ дѣломъ; и потому на словахъ все еще продолжали исповѣдывать старые народническіе принципы, но въ душѣ мало уже кто имъ вѣрилъ, вслѣдствіе чего и на дѣлѣ движеніе въ народъ сильно ослабло. Деревня, раньше манившая къ себѣ, теперь отодвинулась на второй планъ. Революционеры стали скопляться по городамъ. Среди насъ послышались голоса въ пользу политической свободы, къ которой раньше всѣ относились отрицательно. Однимъ изъ самыхъ раннихъ защитниковъ политики явился Волошенко, членъ одесскаго кружка народниковъ, носившаго названіе „башенцевъ“. Этотъ человекъ необыкновеннаго ума успѣлъ отрѣшиться очень рано отъ этого общаго всѣмъ народникамъ предразсудка.

Другимъ страстнымъ защитникомъ конституціонной реформы оказался мой братъ Иванъ, только онъ шелъ въ этомъ направленіи значительно дальше другихъ. По его мнѣнію, революционеры должны были направить свои силы исключительно на приобрѣтеніе политическихъ правъ. Въ такомъ духѣ написана была имъ брошюра и пущена въ рукописи въ обращеніе. Исходя изъ того положенія, что экономическое освобожденіе народа можетъ быть дѣломъ рукъ только самого же народа, онъ находилъ, что революціонерамъ не по силамъ было и брать на себя эту задачу. Неудачи предыдущихъ годовъ, постигшія революціонеровъ въ народѣ, объяснял онъ тѣмъ, что революционеры, по самому своему происхожденію, слишкомъ далеко стояли отъ народа, и потому не знали даже, какъ взяться за дѣло; что въ будущемъ ихъ ожидаетъ подобная же неудача; что, наконецъ, самая программа социалистическая несвойственна имъ, какъ дѣтямъ привилегированныхъ сословій. Максимумъ пользы, какую могутъ принести народу революционеры изъ интеллигенціи, — это добыть политическую свободу, необходимую для созданія въ будущемъ широкой народной организаціи, которая одна только можетъ повести къ осуществленію социалистическаго строя.

Не отрицая того, что въ прошломъ мы, дѣйствительно, не умѣли взяться за „мужицкое дѣло“, я не хотѣлъ согласиться съ братомъ, что и въ будущемъ насъ ожидаютъ однѣ неудачи, и находилъ, что народная революція должна остаться нашей цѣлью, главнымъ пунктомъ нашей программы и на будущее время.

„Да знаешь ли ты изъ исторіи хоть одну революцію, которая совершена была бы народомъ?“ возражалъ мнѣ Иванъ. Но это была уже такая ересь, съ которой я никакъ не могъ примириться. Между тѣмъ, по мнѣнію Ивана, во всѣхъ революціяхъ народъ служилъ только пущенымъ мясомъ. „Правда, безъ участія народа революція невозможна,“ говорилъ онъ, „но сущность дѣла заключается все-таки не въ массѣ, а въ ея руководителяхъ. Руководители дѣлаютъ исторію; они вкладываютъ душу въ движеніе, а вовсе не народъ. Кто же эти руководители? Это интеллигенція страны. Народъ безъ участія интеллигенціи можетъ произвести бунтъ, но не революцію . . . Вотъ какъ были бунты Пугачева и Стеньки Разина. Народная масса можетъ только разрушать.“

„Тѣмъ лучше, что народъ можетъ только разрушать,“ хватался я за старые бунтовскіе аргументы. „Созиданія и не надо. Мы будемъ поддерживать въ народѣ безконечный бунтъ, пока не будетъ разрушенъ въ корнѣ существующій порядокъ вещей и пока мало-по-малу среди этой волнующейся народной массы не народятся новые элементы, годные для созданія будущаго строя.“

„Анархическая чепуха и больше ничего!“ съ жаромъ воскликнулъ Иванъ. „Я больше вижу смысла у якобинцевъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, говорятъ, захватимъ власть и передѣлаемъ все по-своему. А по вашей теоріи ничего не разберешь.“

„Признать необходимымъ участіе общества въ революціи, въ качествѣ народника, я не хотѣлъ. А, между тѣмъ, Иванъ строилъ свои разсужденія такъ: безъ участія интеллигенціи революціи быть не можетъ. Но интеллигенція, представляющая собою привилегированныя сословія, нуждается не въ социалистическомъ переворотѣ, а въ политической свободѣ. Отсюда выходило, что и революціонерамъ, примѣняясь къ почвѣ, слѣдовало принять чисто политическую программу. Соціализмъ, по его мнѣнію, оказывался, такимъ образомъ, для насъ, русскихъ, преждевременной иллюзіей, препятствующей объединенію силъ для борьбы съ самодержавнымъ правительствомъ.“

„Но въ то время, какъ въ обществѣ и, въ частности, среди насъ подъ вліяніемъ событий зарождались другія новыя теченія, — сдѣланъ ли былъ какой-нибудь новый шагъ со стороны правительства? Подумало ли оно о томъ, чтобы уладить или, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь смягчить хотя бы то противорѣчіе, которое было между его внутренней и внѣшней политикой, между нашимъ русскимъ внутреннимъ рабствомъ и внѣшней войной за освобожденіе Болгаріи? Нисколько. Здѣсь все оставалось по-старому. Со времени такъ называемаго „большого погрома“, т. е. осени 1874 г., аресты почти не прекращались. Черезъ всѣ годы — 1875, 1876 и 1877 — преслѣдованія не ослабѣвали, а по временамъ принимали даже необыкновенно свирѣпыя размѣры. Правительство продолжало свою систему запугиванія. Во время демонстрацій, имѣвшей мѣсто въ Петербургѣ на Казанской площади въ декабрѣ 1876 г., полиція жестоко исколотила на улицахъ участниковъ, а потомъ разослала ихъ административнымъ порядкомъ по сибирскимъ городамъ. Боголюбовъ — одинъ изъ главныхъ участниковъ демонстраціи — даже приговоренъ былъ судомъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. По процессу 50 или такъ называемому „московскому“ многіе были приговорены къ каторгѣ, хотя кружкомъ этимъ, помимо пропаганды словомъ и распространенія брошюръ социалистическаго характера, не было совершено ничего. Произошелъ рядъ отдѣльных, небольшихъ процессовъ, изумительныхъ по своей жестокости. Такъ, Бутовскаго приговорили за пропаганду къ шести годамъ, а Семеновскаго къ одинадцати годамъ каторжныхъ работъ. Донецкаго за найденныя у него прокламаціи, изъ которыхъ онъ не успѣлъ распространить ни одного экземпляра, такъ какъ схваченъ былъ тотчасъ послѣ переезда черезъ русскую границу (объ его арестѣ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ), приговорили къ 5 годамъ каторги и засадили въ централку, гдѣ онъ сошелъ съ ума. Между тѣмъ, на очереди были еще сотни лицъ, надъ которыми велось слѣдствіе съ 1874 по 1877 годъ. „Домъ Предварительнаго Заключенія“ былъ полонъ политическими, ожидавшими своей участи. За какую-нибудь одну книгу, найденную во время обыска, людей гноили по тюрьмамъ, доводили до сумасшествія и самоубійства, вгоняли въ тяжкія, смертельныя болѣзни.“

„Но насытились ли правительство этимъ? Нисколько. Жестокости его не было предѣловъ. Переодѣтые жандармы по-прежнему продолжали рыскать, гоняясь всюду за новыми жертвами.“

„И вотъ революціонеры, вмѣсто того, чтобы добровольно отдаваться въ руки жандармовъ, стали бѣжать. Чуть не всякій новый обыскъ давалъ въ результатъ новыхъ нелегальныхъ, число которыхъ со дня на день стало увеличиваться. Такъ какъ самыхъ ничтожныхъ уликъ было вполне достаточно для того, чтобы погнать гдѣ-нибудь въ одиночномъ заключеніи въ ожиданіи „скараго“ суда, дарованнаго Россіи Александромъ II, то, поэтому, часто даже совершенно мало скомпрометированные люди предпочитали скрываться. И за что, за что были всѣ эти гоненія? За какія-нибудь книги!... За пропаганду!... Какое суровое, безчеловѣчное отношеніе у себя дома, къ своимъ „подданнымъ“, и какое въ то же самое время постыдное, жалкое безсиліе во внѣшней политикѣ, во внѣшнихъ дѣлахъ!... Имъ ничего не стоить ворваться среди ночи въ комнату и грубо стащить вась съ кровати, чтобы обыскать подъ тюфякомъ; а въ то же время вести войну будто-бы за освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига и благородно возмущаться турецкими правами и порядками. Да, вѣдь, даже турки не осмѣливались вламываться въ спальню женщины!... А посмотрите, какая несостоятельность въ войнѣ, хотя бы съ этой самой Турціей!... Эта гнилая держава, полудикая орда съ красными фесками на бритыхъ головахъ, потребовала чуть не всѣ силы сто-милліонной имперіи для того, чтобы какъ-нибудь только покончить войну. Наши госпитали переполнены солдатами, умирающими отъ дизентеріи и тифа; въ Одессѣ построили

безконечные ряды бараконъ, — больныхъ дѣвать некуда... А въ это время начальники занимаются воровствомъ. Поезда съ ранеными по часамъ стоятъ у вокзаловъ, давая дорогу экстреннымъ поездамъ съ военной знатю, мчащеюся съ театра военныхъ дѣйствій на сѣверъ. Тутъ — нищета, стоны, смерть; тамъ — самодовольныя, откормленные рожи, торжествующія побѣду, завоеванную такими тяжелыми жертвами... Трудно теперь описать все то, что совершалось въ двухъ южныхъ центрахъ, Одессѣ и Киевѣ, въ періодъ 77—78 годовъ! Здѣсь вышло что-то похожее на сѣздъ революціонеровъ, вызванный, однако, не по какому-либо уговору, а, такъ сказать, самой жизнью. Старая кружковая замкнутость исчезаетъ, люди знакомятся другъ съ другомъ, дѣлятся впечатлѣніями пережитого, принимаются совмѣстно обсуждать дѣла, стояція на очереди. Оживленіе необыкновенное! Дебаты — безъ конца. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ лицъ, спасшихся отъ жандармскихъ погромовъ, нелегальныхъ, скрывающихся или поднадзорныхъ — такъ или иначе воспитавшихся въ борьбѣ съ правительствомъ, правда, въ борьбѣ или, вѣрнѣе, неподчиненіи, носившемъ вначалѣ исключительно пассивный характеръ, такъ какъ все время правительство являлось нападающей стороной, а они только бѣжали, но ожесточившихся отъ этихъ безконечныхъ преслѣдованій и жаждущихъ вступить въ активную борьбу съ правительствомъ.

„Для Киева наступило время, нѣсколько аналогичное тому, какое переживалось въ началѣ 74 года. Но только теперь движеніе имѣло несравненно болѣе широкіе размѣры. Тогда какъ въ 74 году каждой дѣятельности охвачена была молодежь, незнакомая съ жизнью, теперь все это были люди опытные, испробовавшіе свои силы на практическихъ дѣлахъ. Тамъ мы видимъ увлеченіе теоріями, видимъ вѣру въ извѣстные идеалы; здѣсь людьми двигаетъ не теорія, а сама жизнь. И если въ 74 году, исходя изъ извѣстныхъ принциповъ, толковалось о томъ, какъ примѣнить ихъ на практикѣ, какъ ихъ осуществить, то въ 77 и 78 годахъ наблюдалось прямо обратное явленіе: здѣсь люди стараются подыскать или выдумать теорію для объясненія, отчасти какъ бы оправданія фактовъ, совершаемыхъ ими подъ влияніемъ страстей и обстоятельствъ.

„Здѣсь-то, въ Киевѣ, и намѣтилось раньше всего то теченіе, которое въ скоромъ времени направило наше революціонное движеніе въ совершенно другую сторону. . . . Душою этого новаго, нарождавшагося въ ту минуту теченія, получившаго названіе „террористическаго“, несомнѣнно оказался Осинскій, и потому я позволю себѣ коснуться здѣсь нѣсколько подробнѣе этой замѣчательной личности.

„Валеріанъ Осинскій появился въ Киевѣ осенью 1877 года. Это былъ высокій, тонкій блондинъ, по виду лѣтъ 25-ти, показавшійся мнѣ какимъ-то хрупкимъ, почти женственнымъ существомъ, съ красивымъ лицомъ, живымъ и подвижнымъ, какъ ртуть, то возбужденный, разговорчивый и веселый, то мрачно-молчаливый и въ такихъ случаяхъ жаловавшійся на головную боль. Осинскій не удовлетворялся дѣятельностью своихъ петербургскихъ товарищей, сводившейся исключительно къ пропагандѣ, и потому, естественно, искалъ для себя болѣе захватывающаго дѣла. Онъ познакомился въ Петербургѣ съ Вѣрой Засуличъ, пріѣхавшей туда изъ Киева, и, когда Стефановичъ съ товарищами былъ арестованъ, охотно согласился заняться организаціей ихъ побѣга изъ тюрьмы. Съ этой цѣлью онъ и пріѣхалъ въ Киевъ.

„Здѣсь Осинскій сразу попалъ въ совершенно новую для него атмосферу. Студенты волновались, собирались подавать петицію съ требованіемъ конституціонной реформы; въ центрѣ движенія стоялъ „конституціонный кружокъ“, состоявшій отчасти изъ студентовъ или лицъ близко прикосновенныхъ къ университету, отчасти изъ революціонеровъ-народниковъ. Помню, на одномъ изъ засѣданій „конституціоннаго кружка“, куда мы ввели Осинскаго тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Киевъ, выступилъ онъ съ рѣчью, гдѣ принялся доказывать несостоятельность политическихъ программъ и необходимость социальнаго революціи, которая одна только въ силахъ радикально измѣнить жизнь и уничтожить эксплуатацію народа и прочее въ такомъ духѣ. „Все это мы давнымъ-давно слышали“, замѣтилъ ему кто-то, когда онъ окончилъ свою рѣчь, и послѣ этого собраніе перешло къ очереднымъ вопросамъ. Любопытно то, что даже не были подняты дебаты по этому вопросу. Большинство насъ, народниковъ, принципиально смотрѣло на вопросъ такъ же, какъ и Осинскій. Но мы успѣли уже, такъ сказать, втѣлѣться въ окружающую жизнь и считали неумѣстнымъ высказывать наши разногласія въ собраніяхъ „конституціоннаго кружка“.

„Киевская атмосфера скоро, однако, повліяла на Осинскаго, и онъ сдѣлался самымъ горячимъ защитникомъ политической свободы.“

Чрезвычайно интересны характеристики двухъ убитыхъ террористами (къ которымъ авторъ „Воспоминаній“ не принадлежалъ) дѣятелей политическаго сыска: Судейкина и Стрѣльникова.

„Капитанъ Судейкинъ, высокій и стройный молодой человекъ, очевидно, позировалъ передъ публикой. Особенно интересенъ онъ былъ, когда ораторствовалъ въ качествѣ главнаго свидѣтеля по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи. Видимо, онъ себя считалъ героемъ и до того рисовался и хвастался передъ судомъ и публикою, такъ много болталъ, подчасъ просто безсмыслицу, не относящуюся къ дѣлу, лишь бы только болтать и вертѣться передъ глазами всѣхъ, что гадко было на него смотрѣть. Человѣку этому, какъ мнѣ казалось, ни до какихъ убѣждений никакого дѣла не было, и для него мы всѣ, нигилисты, представляли просто лакомый кусокъ: на нашей гибели онъ строилъ свою карьеру. Мнѣ онъ сильно напоминалъ собою гоголевскаго Ивана Александровича Хлестакова.

„Первое, сухое и злое лицо, какъ и вся небольшая фигура Стрѣльникова, представляла рѣзкую противоположность съ бѣлой, откормленной, самодовольной физиономіей Судейкина. Въ прокурорѣ сказывался человекъ очень злой, но извѣстныхъ убѣждений, и на насъ онъ смотрѣлъ, какъ на личныхъ своихъ враговъ. Всякая его фраза дышала злобой. Но онъ не щадилъ и другихъ. Такъ ему удалось, между прочимъ, рядомъ свидѣтельскихъ показаній выяснитъ передъ судомъ, что жандармы бѣжали изъ дома Коссаровской послѣ первыхъ залповъ; и надо было видѣть, съ какимъ злорадствомъ онъ посматривалъ то на публику, то на судей, то, наконецъ, на самого Судейкина. „Господа жандармы бѣжали....“, шипѣлъ онъ сквозь зубы, и злая усмѣшка играла на его сухомъ лицѣ.

„Объ эти личности, и Судейкинъ и Стрѣльниковъ, вскорѣ стали исполнять видныя роли въ Россіи. Судейкинъ¹ сдѣлался начальникомъ тайной полиціи въ Петербургѣ; Стрѣльниковъ создалъ рядъ процессовъ съ висѣльцами въ Кіевѣ и Одессѣ.“

„Во время смертнаго приговора, когда объявлена была смертная казнь Брантнеру и Антонову (Свириденко), съ одной изъ подсудимыхъ сдѣлалась истерика. Жандармы побѣжали за водой; мы (подсудимые) подыались со скамей, на которыхъ сидѣли; произошла общая суматоха. Въ эту минуту публика, присутствовавшая въ залѣ суда, тоже встала на ноги, а многіе даже встѣзли на стулья, чтобы лучше видѣть происходившую сцену.

„Чего глазѣте?!“ закричалъ Свириденко. „Здѣсь не театр!.... Позоръ — дѣлать изъ этого зрѣлище!“

„Это произвело удивительный эффектъ: всѣ сразу прісѣли, а затѣмъ поспѣшно стали выходить изъ залы суда“.

Потрясающее впечатлѣніе производитъ описаніе послѣднихъ дней и казни Осинскаго и другихъ осужденныхъ на смерть революціонеровъ:

„4-го мая процессъ нашъ окончился, и насъ отвезли обратно въ тюрьму; а въ окружномъ судѣ началось разбирательство другихъ дѣлъ: сначала Осинскаго и затѣмъ Избицкаго. Всѣ три процесса были окончены къ 8-му мая, и послѣ того мы стали ждаты конфирмаціи. Цѣлые дни мы проводили вмѣстѣ; намъ разрѣшены были свиданія съ родными; вообще, жизнь въ тюрьмѣ послѣ суда сдѣлалась значительно воольнѣе; но перспектива казни отравляла все. Въ томительномъ ожиданіи ужаснаго конца, надъ которымъ даже самая мысль не осмѣливалась остановиться на долго, протекало наше время. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, 12-го мая появился полиціймейстеръ, и насъ позвали въ тюремную контору для выслушанія конфирмаціи. По конфирмаціи, нѣкоторымъ были уменьшены сроки каторги; другимъ оставлено было наказаніе, вынесенное судомъ. Только о троихъ въ конфирмаціи 12-го мая ничего не было сказано; эти трое были: Антоновъ (Свириденко), Брантнеръ и Осинскій; ихъ даже не звали въ тюремную контору. Это значило, что приговоръ въ окончательной формѣ надъ ними будетъ прочтенъ на мѣстѣ казни. Всѣ это понимали, но никто, конечно, объ этомъ не говорилъ. Кажется, въ тотъ же день, т. е. 12 мая, Осинскій и Антоновъ были переведены съ верхняго этажа въ нижній, гдѣ уже сидѣлъ Брантнеръ, и гдѣ находились также камеры моя и Волошенко. Сначала мы не могли понять, зачѣмъ это было сдѣлано, но вскорѣ причина выяснилась: изъ оконъ верхняго коридора было видно, какъ въ полѣ, недалеко отъ тюрьмы, начали строить висѣльцы. Сидѣвшіе въ верхнемъ этажѣ сообщили объ этомъ остальнымъ, кромѣ приговоренныхъ къ смерти, отъ

¹ Навѣрно, что Судейкинъ самъ проектировалъ цѣлый рядъ покушеній и вообще создалъ изъ проповѣданій, устрашенія и обмана хитросплетенную систему, жертвой которой палъ самъ. II. С.

которыхъ, конечно, старались скрыть. Догадывались ли сами приговоренные о томъ, что готовилось для нихъ, — не знаю. Они тоже, подобно намъ, молчали, не разговаривали объ ожидавшей ихъ казни. Но видно было, что они къ ней готовились. Такъ, Валеріанъ Осинскій время отъ времени возвращался къ вопросу о томъ, что для него смертная казнь черезъ разстрѣліяніе представляется несравненно легче, чѣмъ черезъ повѣшеніе. Антоновъ озабоченъ былъ мыслями, чтобы его мать не узнала объ его участи, и часто говаривалъ со мною объ этомъ: но, въ чемъ состояла эта его участь, онъ не договаривалъ, или, вѣрнѣе, никогда не успѣвалъ договорить, бесѣдуя со мною. Мнѣ всякій разъ становилось страшно, когда объ этомъ заходила рѣчь, и я тотчасъ старался свести разговоръ на что либо другое. Мы всѣ избегали слова казнь, какъ будто боялись самого этого слова. Нужно сказать, что судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ разстрѣліяніе, и замѣна разстрѣла висѣльницей произошла уже потомъ. Кому обязаны были приговоренные этой замѣной въ худшую сторону, такъ какъ повѣшеніе считается у насъ болѣе позорной казнью, — съ увѣренностью сказать не могу; но я помню, что въ то время ходилъ слухъ, будто замѣна эта была сдѣлана самимъ царемъ, съ которымъ, какъ передавали намъ офицеры, приходившіе на караулъ, кievскій генералъ-губернаторъ Чертковъ сносился телеграммой.

„Вечеромъ 12-мая, передъ тѣмъ, какъ должны были затворить насъ на ночь по камерамъ, приговоренные попрощались со всѣми, такъ какъ думали, что это было ихъ послѣднее свиданіе. Однако ночь прошла; наступило 13-ое мая, и утромъ опять выпустили насъ всѣхъ изъ камеръ на дворъ. Такъ какъ было неизвѣстно, чѣмъ объяснить это замедленіе, то, помню, у меня зародилась даже смутная надежда на то, что казни не будетъ. Съ казнью мой умъ и чувство не могли мириться, и достаточно оказалось ничтожнаго повода, чтобы родить надежду. Но наступилъ вечеръ 13-го мая, и приговоренные, расходясь по своимъ камерамъ, опять попрощались со всѣми. И вотъ повѣрка прошла; насъ заперли на ночь. Вскорѣ я услышалъ шаги въ корридорѣ какихъ-то вооруженныхъ людей, и тотчасъ послышался изъ окна голосъ Осинскаго, сообщавшаго о томъ, что къ нему въ камеру поставили часового. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Я раньше слыхалъ, что послѣднюю ночь передъ казнью приговореннаго не оставляютъ одного, а помѣщаютъ къ нему часового. Камера Осинскаго находилась въ началѣ корридора; за ней слѣдовала камера Волошенко, потомъ — моя, — Брантнера и, наконецъ, послѣдняя, въ глубинѣ корридора, была камера Свириденко. Я слышалъ, какъ прошли мимо моей двери солдаты; какъ отворилась дверь, сначала въ камеру Брантнера, потомъ Свириденко. Однако ни тотъ, ни другой не сообщали объ этомъ черезъ окна, какъ это сдѣлалъ Осинскій. Изъ камеры Брантнера доносились какіе-то слабые голоса.

„Между тѣмъ наступила ночь. Я не зажигалъ лампы, и моя камера едва освѣщалась пучкомъ свѣта, врывавшимся изъ корридора черезъ дверную дырку. Окно было отворено настежь. Я взлѣзъ на подоконникъ и сѣлъ, прижавшись къ рѣшеткѣ. Ночь была теплая и тихая, такая тихая, что на открытомъ воздухѣ, казалось, могла бы горѣть свѣча. Уголовные арестанты улеглись, и въ главномъ фасадѣ тюрьмы, гдѣ они помѣщались, все успокоилось. Тихо было и въ нашемъ отдѣленіи. Но что дѣлали всѣ — не знаю; можетъ быть, подобно мнѣ сидѣли у настежь отворенныхъ оконъ и глядѣли на ночное небо, гдѣ мерцали звѣзды. Всѣ молчали. Только Осинскій перекликивался съ Лешеригъ, сидѣвшей на женской половинѣ, въ противоположномъ концѣ зданія. „Четыре, пять, семь, два, восемь, нуль . . .“, съ первой торопливостью выкрикивалъ онъ изъ своего окна. Онъ шифровалъ что-то.

„Внизу, вдоль нашихъ оконъ, ходилъ часовой. Я сталъ вслушиваться. Изъ камеры Свириденко не долетало ни одного звука, ни малѣйшаго шороха. Спалъ ли онъ въ эту послѣднюю ночь или только лежалъ на своемъ соломенномъ тюфякѣ, заложивъ объ руки подъ голову, какъ онъ обыкновенно любитъ лежать? Трудно сказать; но я чувствовалъ, что его не было возлѣ окна. Было такъ тихо, и я такъ напряженно вслушивался, что, конечно, услыхалъ бы что-нибудь, какъ слыхалъ я Малавскаго, сидѣшаго у своего окна, и камера котораго находилась вверху надъ моей, хотя я и не разговаривалъ съ нимъ.

„Владиміръ Свириденко родомъ былъ изъ Крыма, изъ города Симферополя; онъ жилъ на югѣ (въ Одессѣ, Харьковѣ и Николаевѣ) и принималъ участіе въ дѣлахъ тамошнихъ кружковъ; кажется, былъ даже формальнымъ членомъ кружка Ковальскаго. Онъ занимался пропагандой, главнымъ образомъ, среди матросовъ черноморскаго флота въ г. Николаевѣ, а съ наступленіемъ террора увлекся этимъ

новымъ направлѣніемъ и сошелся съ террористами. Онъ очень высоко цѣнилъ дѣятельность Осинскаго и въ послѣднее время окончательно примкнулъ къ „Исполнительному Комитету“. Арестованный на улицѣ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ назвалъ себя ложнымъ именемъ Антонова съ единственной цѣлью, чтобы его мать, жившая въ Симферополѣ, и которую онъ очень любилъ, не узнала объ его участи. Свириденко отказался давать показанія, хотя на судѣ призналъ, что сдѣлалъ 6 выстрѣловъ въ жандармовъ. Все его поведеніе, прямое и смѣлое, отъ ареста до самой послѣдней минуты его жизни, вызвало симпатіи и удивленіе даже среди властей. Свириденко былъ повѣшенъ подъ вымышленнымъ прозвищемъ Антонова, но въ послѣдствіи одесскіе процессы послужили къ открытію его фамиліи. Что сдѣлалось съ его бѣдной матерью послѣ того, какъ она узнала объ участи сына — не знаю.

„Изъ камеры Брантнера слышался тихій разговоръ. Въ этотъ вечеръ къ нему пришелъ лютеранскій пасторъ и, хотя онъ отказался отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ, но съ пасторомъ бесѣдовалъ очень долго. Ровная, спокойная натура Брантнера мало походила на пылкую, бунтовскую натуру Владимира Свириденко.

„Людвигъ Брантнеръ не обладалъ ни особенно широкимъ развитіемъ, ни знаніями и при первомъ знакомствѣ не производилъ впечатлѣнія челоѣка выдающагося. Но тому, кто его зналъ въ теченіе долгаго періода времени, приходилось многому въ немъ удивляться. Онъ принадлежалъ къ харьковскому кружку народныхъ и сталъ участвовать въ движеніи очень рано. Рассказывая о первыхъ нашихъ кружкахъ, я уже упоминалъ о тѣхъ принципахъ нравственности, которыхъ держались тогда всѣ. Мы находили безнравственнымъ жить на чужой счетъ и старались зарабатывать пропитаніе простымъ физическимъ трудомъ. Это нравственное требованіе проявилось въ томъ, что повсюду устраивались мастерскія, и люди занимались изученіемъ ремесла. Но прошло нѣкоторое время, и охота зарабатывать хлѣбъ тяжелымъ физическимъ трудомъ пропала у большинства. Брантнера это не коснулось; онъ по-прежнему столярничалъ, по-прежнему бѣдствовалъ. Я часто бывалъ у него въ мастерской, въ Харьковѣ. Онъ держалъ ее вмѣстѣ съ Глушковымъ, котораго мы звали „Ионычемъ“ (Ионычъ потомъ эмигрировалъ и жилъ въ Парижѣ). Въ этой мастерской съ шипящимъ жестыанымъ самоваромъ на столярномъ верстакѣ я всегда чувствовала себя легко и уютно. Въ голодѣ и холодѣ проводилъ Брантнеръ свою жизнь, но ни разу я не слыхала его жалующимся; при встрѣчахъ всегда одинаково весело улыбались его добрые каріе глаза, какъ будто жизнь его была полна всевозможныхъ прелестей. Какой-то задушевностью дышало все его существо. Во время вооруженнаго сопротивленія онъ получилъ, какъ я уже говорилъ выше, двѣ раны: одну въ поясницу, другую въ руку. Первая рана зажила скоро, хотя считалась болѣе опасной; а рука такъ и осталась на перевязкѣ до самой его казни. Пуля раздробила плечевую кость и порвала нервъ, управляющій движеніемъ руки, вслѣдствіе чего рука его висѣла парализованная. Помню, встрѣчаясь съ Брантнеромъ во время гуляній, или же глядя изъ корридора черезъ дверную дырку на его приземистую фигуру, я никогда не могъ видѣть безъ волненія этой больной его руки; она совершенно не гармонировала съ его по-прежнему веселымъ лицомъ; эта веселая, добрая улыбка не покидала его лица до самой послѣдней минуты. Съ перваго дня ареста Брантнеръ объявилъ свою фамилію и далъ о себѣ показанія, не скрывая вовсе того, что онъ стрѣлялъ. Эксперты склонялись къ тому, что жандармъ Казакинъ былъ убитъ пулей изъ револьвера Брантнера, но это, впрочемъ, не было вполне выяснено.

„Въ то время, какъ изъ камеры Свириденко не доносилось ни малѣйшаго шума, а Брантнеръ тихо бесѣдовалъ съ пасторомъ, Валеріанъ Осинскій ни на одну минуту не могъ успокоиться. Его нервно-подвижная натура вполне сказала въ эту ночь. Онъ перебрасывался отбѣльными фразами; шифровалъ. По голосу его, то звонкому и рѣзкому, то глухо вылетающему откуда-то изъ глубины, можно было заключить, что онъ не сидѣлъ спокойно у своего окна, а постоянно то соскакивалъ внизъ въ камеру, то опять взбирался къ окну. Въ заключеніе помню, обратился онъ ко мнѣ съ просьбой, чтобы я сдѣлалъ ему Беранже: „На смерть капрала“. Нечего и говорить, что мнѣ было совсѣмъ не до пѣсенъ; однако, сознаніе, что я своимъ пѣніемъ, доставлю, не скажу, удовольствіе, но, можетъ быть, отвлеку его мысли въ сторону или просто сокращу время, — это сознаніе меня ободрило, и я сталъ пѣть. Въ эту ночь онъ заставлялъ меня повторить раза три на „На смерть капрала“, гдѣ, какъ извѣстно, рассказывается о томъ, какъ наполеоновскій капралъ шелъ къ разстрѣлу. Бѣдный Валеріанъ!... Онъ все надѣялся, что будетъ разстрѣлянъ, подобно наполеоновскому капралу, по пѣснѣ Беранже. Его мысль не

мирилась съ висѣлицей; онѣ чувствовалъ отвращеніе къ висѣлицѣ, какъ это неоднократно высказывалъ передо мною.

„Наконецъ, становилось уже очень поздно. Осинскій не просилъ больше меня пѣть; пересталъ разговаривать. Изъ камеры Брантнера пасторъ давно ушелъ, и тамъ все затихло; отъ Свириденко по-прежнему — ни звука. Я продолжалъ сидѣть у рѣшетки. Слѣва, въ сосѣдней одиночкѣ раздавались шаги Волошенко, который то ходилъ, то приостанавливался, плевалъ и опять принимался ходить. Окно его было открыто, и мнѣ все было слышно. „Соня!“ вдругъ раздался рѣзкій голосъ Осинскаго. „Валеріанъ!“ откликнулась Софія Лешеръ съ противоположнаго конца зданія; она, видимо, тамъ тоже сидѣла у окна. Но Осинскій только окликнулъ ее; онъ не вступалъ въ разговоръ. И все опять смолкло.

„Въ моей головѣ толпились мысли. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы всѣхъ троихъ повѣсили. Свириденко и Брантнеръ стрѣляли во время ареста, и оба передъ судомъ въ этомъ сознались. На вопросъ председателя суда, признаютъ ли они себя виновными, Свириденко отвѣтилъ, что хотя онъ стрѣлялъ, но полагаетъ, что имѣлъ на это нравственное право, а потому не считаетъ себя виновнымъ. Помню прокуроръ Стрѣльниковъ, выслушавъ это заявленіе, только пожалъ плечами и, обращаясь къ судьямъ, прошипѣлъ, какъ змѣя: „мнѣ нечего добавитъ къ этому...“ Да, къ этому, дѣйствительно, нечего было добавитъ. Участь Свириденко и Брантнера была рѣшена. Но относительно Валеріана Осинскаго я все еще сомнѣвался. Мнѣ представлялось, что его подведутъ подъ висѣлицу и затѣмъ помилуютъ, такъ какъ противъ него собственно фактическихъ уликъ не было. Его обвиняли тоже въ вооруженномъ сопротивленіи при арестѣ и за это подводили къ смертной казни. Но то была слишкомъ очевидная натяжка со стороны прокурора. Осинскій, остановленный на улицѣ переодѣтыми жандармами, поведенъ былъ въ полицейскій участокъ; здѣсь, въ ту минуту, когда Судейкинъ собирался его обыскать, онъ сталъ вытаскивать изъ кабура револьверъ; его схватили за руки, обезоружили, и тѣмъ дѣло кончилось. Онъ не успѣлъ сдѣлать выстрѣла. Это было выяснено на судѣ. И вотъ, принимая это во вниманіе, мнѣ казалось, что онъ избѣгнетъ казни. Но я упускалъ въ ту минуту изъ вида самое главное, именно, „внутреннее убѣжденіе“, составленное у властей относительно Осинскаго. Они его считали чуть не председателемъ „Исполнительнаго Комитета“, хотя и не имѣли на это доказательствъ. Осинскій объявилъ на судѣ, что онъ былъ только агентомъ „Исполнительнаго Комитета“, а не членомъ, и что, насколько ему было извѣстно, среди арестованныхъ не находилось даже ни одного члена „Исполнительнаго Комитета“. Стрѣльниковъ съ особенной ненавистью относился къ Осинскому на судѣ, требуя для него смертной казни, дошелъ до того, что, обхвативъ пальцами свою шею, воскликнулъ: „Вотъ чего заслуживаетъ господинъ Осинскій!“ Злоба, которой кипѣлъ Стрѣльниковъ, была такъ велика, что не могла выразиться одними словами; ему понадобилось прибѣгнуть къ жестамъ. Онъ намекалъ на веревку.

„Сидя у рѣшетки, я вслушивался въ окружающую тишину. А между тѣмъ на небѣ уже звѣзды меркли; потянуло предразсвѣтнымъ холодомъ. Внизу, подъ окномъ прошла „сѣтѣна“; послышалось бряцаніе ружей, голоса... Потомъ опять все стихло. Я слѣзъ съ подоконника и прилегъ на тюфякъ. Скоро я впалъ въ полубабытье, далеко, впрочемъ, не сонъ, такъ какъ все слышалъ. „Соня!...“ „Валеріанъ!...“ проносилось отъ времени до времени надъ обширнымъ, пустымъ, тюремнымъ дворомъ. Очнувшись я отъ этого состоянія скоро и, увидѣвъ свѣтъ, всталъ и принялся ходить по камерѣ. Уголовные арестанты подыались: съ ихъ камеръ доносился шумъ. Въ камерахъ нашего отдѣленія царствовало прежнее молчаніе. Прошло нѣкоторое время. Я позвалъ ключника и приказалъ отворить мою камеру. Выйдя въ корридоръ, я подошелъ къ двери Волошенко и заглянулъ черезъ дырку: онъ сидѣлъ на своемъ тюфякѣ съ опущенной головой; волосы на его головѣ были взъерошены; онъ глядѣлъ на полъ и пошевеливалъ. Я ничего не сказалъ ему и удалился отъ двери. Къ приговореннымъ я не рѣшался заглядывать; какой-то необъяснимый страхъ удерживалъ меня отъ этого. Въ это время раздался шумъ двигающагося конвоя. У входныхъ дверей я увидѣлъ кучу солдатъ и офицеровъ, спускавшихся по ступенкамъ въ нашъ корридоръ. Я догадался, затѣмъ они явились. Тутъ были офицеры пѣхотные и жандармскіе, нѣсколько полицейскихъ, нашъ тюремный смотритель. Сколько было ихъ всѣхъ, сказать не умю, но мнѣ показалось, очень много. Почти одновременно какъ-то приговоренные были выведены изъ своихъ камеръ; двери отворялись, и они выходили въ корридоръ одинъ за другимъ: Свириденко, Брантнеръ, Осинскій. Я сталъ съ ними прощаться. Брантнеръ, съ рукой на перевязи, улыбался и въ эту минуту; лицо

его было совершенно свѣжее; Антоновъ былъ, по обыкновенію, блѣденъ; у Осинскаго губы, словно отъ лихорадки, сохлились, и онъ скусывалъ ихъ до крови. Не знаю, какъ мнѣ пришло въ голову въ ту минуту, но я потребовалъ ножницы. Кто-то изъ конвоя далъ мнѣ ножъ, такъ какъ ножницы не оказалось. Тогда у всѣхъ троихъ я отрѣзалъ по клочку волосъ съ головы; у Осинскаго трудно оказалось отрѣзать, и онъ почти вырвалъ ихъ съ своей головы. Конвойные молча окружали насъ, ожидая конца прощанія. Послѣ этого я ушелъ въ камеру. Меня заперли. Я слышалъ, какъ вышелъ въ корридоръ Волошенко и тоже сталъ съ ними прощаться. Меня въ камерѣ стали душить рыданія.

„14-го мая, въ 10 часовъ утра ихъ казнили. Вотъ какъ описана была эта казнь въ „Листѣ Земли и Воли“. Въ 9 часовъ ихъ повели въ контору тюрьмы и, по исполненіи какихъ-то формальностей, посадили въ приготовленную для нихъ карету, окруженную отрядомъ казаковъ. Имъ было предложено посадить съ собою въ карету и священниковъ, но осужденные отказались. Приѣхавъ на мѣсто казни, они сами вышли изъ кареты, отказались отъ предложенія тюремныхъ сторожей вести ихъ за руки и подошли ближе къ висѣлицамъ. Здѣсь ихъ поставили рядомъ, спиной къ эшафоту. Адъютантъ 128 полка прочелъ приговоръ; одинъ изъ осужденныхъ просилъ позволенія проститься съ товарищами. Получивъ позволеніе, всѣ трое обнялись и поцѣловались другъ съ другомъ. Одинъ изъ офицеровъ въ третій разъ предложилъ имъ принять священника, но осужденные снова отказались.

„Палачъ сбросилъ съ нихъ арестантскіе халаты и надѣлъ саваны, связавъ предварительно имъ руки. Ему помогали полицейскіе солдаты. Въ эту минуту прискакалъ адъютантъ Черткова и громко отъ имени генераль-губернатора спросилъ: не желаютъ ли осужденные раскаться и принять духовное утѣшеніе? Всѣ трое отвѣтили отрицательно. . . . Палачъ надѣлъ имъ капюшоны на головы, поворотилъ лицомъ къ эшафоту и, подталкивая подъ локти, сталъ взводить на эшафотъ. Поставивъ Брантнера, Антонова и Осинскаго на скамьи, палачъ надѣлъ имъ петли на шею и выдернулъ изъ подъ каждого скамью. Первымъ повисъ Антоновъ — сразу. Вторымъ — Брантнеръ, заставъ и метнувшусь раза два. Третьимъ — Осинскій, на котораго петля была надѣта такъ, что при паденіи скамья голова склонилась въ сторону и веревка пришлась не на замычекъ, а около уха. Онъ сталъ метаться и судорожно биться ногами. . . . Полковникъ Новицкій, бесѣдовавшій съ напиравшей на солдатъ толпою и слившійся доказать ей, что вѣшаютъ разбойниковъ и убійцъ, обратился къ палачу: „Что ты сдѣлалъ? Вѣдь, онъ мечется?“ — „Ничего-съ — это сейчасъ кончится“, отвѣтилъ палачъ. — „Но, вѣдь, онъ живъ?“ — „ — Не беспокойтесь! Это ужъ мое дѣло. . . . Будетъ мертвъ! Не беспокойтесь.“ Новицкій, очевидно, успокоенный тѣмъ, что хотя и въ страшныхъ мученіяхъ, но все-таки Осинскій умретъ, продолжалъ краснорѣчиво лгать передъ толпою, объясняя ей, между прочимъ, мученія Валеріана тѣмъ, что онъ отказался принять священника.

„Черезъ полъ-часа палачъ перерѣзалъ веревки и трупы рухнули на землю. Сняли капюшоны. Лица были багровыя, съ высунутыми языками. Ихъ осмотрѣлъ врачъ.“ Вслѣдъ за тѣмъ ихъ тамъ же закопали.

„Послѣ казни отданъ былъ приказъ возвращаться войскамъ съ музыкой, и часу въ одиннадцатомъ дня нашъ слухъ былъ пораженъ оркестромъ солдатскихъ трубъ, игравшихъ залихватскій военный маршъ. Какое презрѣніе возбудилъ во мнѣ, да, вѣроятно, и въ всякаго, у кого только сохранилась капля совѣсти, этотъ неумѣстный парадъ! Собраться въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ для убійства троихъ — хотя бы даже враговъ, — неужели это достаточный поводъ для выраженія такого военного азарта? И чѣмъ тогда отличились эти господа отъ дикарей Полинезій? Имъ не доставало только поджарить своего врага и съѣсть.“

Мы кончаемъ наши и безъ того затянувшіяся выписки изъ замѣчательныхъ воспоминаній Дебогорія-Мокріевича, настойчиво рекомендуя читателю самому взять въ руки эту поучительную книгу, возможно болѣе широкое распространеніе которой мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ для дѣла русскаго освобожденія. Ибо мы думаемъ, что быть можетъ, ничто такъ не важно въ настоящее время для политическаго просвѣщенія широкихъ круговъ русскаго общества, какъ правильное пониманіе истинныхъ причинъ и нравственнаго характера политическаго движенія 70-хъ и 80-хъ годовъ.

¹ Въ настоящее время дѣйствующій въ томъ же Кіевѣ, уже въ чинѣ генерала. Ред. „Осв.“

Съ этой точки зрѣнія, такіа произведенія, какъ воспоминанія Кропоткина и Дебагорій Мокріевича, имѣютъ неоцѣнимое значеніе.

Г. Дебагорій-Мокріевичъ бѣжалъ съ каторги въ началѣ 80-хъ гг. Во время своей революціонной дѣятельности онъ былъ народникомъ-соціалистомъ, противникомъ „конституціи“ и политической борьбы. Такимъ онъ былъ еще въ моментъ своего бѣгства. Но опытъ, личный и историческій, не прошелъ для него даромъ. Не переставъ быть социалистомъ, онъ сталъ убѣжденнымъ либераломъ и вполне отрѣшился отъ утопической и туманной вѣры въ социальную революцію. Свои новыя убѣжденія онъ отчасти намѣчаетъ въ „Воспоминаніяхъ“, но еще яснѣе высказаны они въ ранѣе напечатанной брошюрѣ, озаглавленной: „По двумъ вопросамъ“. (Женева 1890 г.)

„Соціальная революція, находившаяся отъ насъ въ 70-хъ годахъ такъ близко, что мы едва-едва не осязали ее руками, — читаемъ мы здѣсь (стр. 8—9) — теперь вдругъ отодвинулась въ безконечную даль; знакомый нѣкогда образъ совершенно видоизмѣнился, и я тщетно напрягаю нынче свое зрѣніе, чтобы различить хоть одну его черточку... Когда, какъ, какими силами осуществится социальная революція въ Россіи? Это мнѣ кажется вопросомъ до того отдаленной эпохи, что къ нему вполне примѣнно выраженіе Чернышевскаго, совѣтывавшаго, не помню кому и по какому поводу, оставить рѣшать вопросъ нашимъ потомкамъ, которые, вѣроятно, окажутся умнѣе насъ, а, слѣдовательно, и рѣшать его лучше. Соціальная революція, какъ единственное средство достиженія социализма, могла являться исходною точкою нашихъ программъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы вѣрили, что народъ болѣе или менѣе уже готовъ къ переустройству жизни на социалистическихъ началахъ. Нынѣ мы такъ не думаемъ, а въ такомъ случаѣ — какой громадный, безмѣрно-громадный путь предстоитъ намъ раньше пройти!... Упорядоченіе политическаго строя, постепенный подъемъ образованія народной массы, посильное разрѣшеніе ряда экономическихъ реформъ и пр. Да, я не сторонникъ того социализма, который нынче исповѣдуется многими; я признаю единственный путь для Россіи — путь социальной эволюціи, но не революціи, которая можетъ быть у насъ только политической.“

Такихъ же точно взглядовъ держался, въ сущности, Кравчинскій-Степнякъ. Эта система взглядовъ, по своему социальному содержанію, есть эволюціонный социализмъ, по своему же политическому содержанію — послѣдовательный либеральный демократизмъ.

Намъ совершенно ясно также, что, если бы Герценъ могъ спокойно подвести итоги своимъ глубокимъ думамъ, своимъ сильнымъ увлеченіямъ, своимъ тяжелымъ разочарованіямъ, то въ видѣ твердаго, нерушимаго остатка оказалось бы такое же социально-политическое міросозерцаніе, сочетающее въ себѣ идеалистическій порывъ съ истинно-научной трезвостью мысли.

П. С.

Н. Ленинъ. Что дѣлать? Наболевшіе вопросы нашего движенія. J. H. W. Dietz Nachf. Verlag, Stuttgart 1902 г. Цѣна 1 руб. = 2 марки = 2.50 фр.

„Наше движеніе“ — это движеніе той части интеллигентной Россіи, которая поставила себѣ цѣлью создать у насъ самостоятельную рабочую партію, преслѣдующую какъ свою конечную цѣль — переворотъ социальный, а какъ ближайшую — уничтоженіе самодержавнаго произвола для замѣны его правовымъ демократическимъ порядкомъ. „Наболевшихъ вопросовъ“ въ этомъ движеніи крайне много, ибо на ряду съ чисто тактическими и организационными неурядицами партія переживаетъ тяжелую борьбу въ области чисто теоретическихъ вопросовъ. Ей приходится теперь подвергнуть критической провѣркѣ весь философскій, социологическій, экономическій и историческій фундаментъ, на которомъ воздвигнута социалдемократическая программа. Г. Ленинъ, однако, не ставитъ себѣ такой широкой задачи и въ интересующей насъ работѣ ограничивается по преимуществу вопросами тактики и организаци. Лишь мимоходомъ, въ различныхъ отступленіяхъ, онъ посылаетъ своимъ теоретическимъ противникамъ болѣе или менѣе увѣсистые Seitenhiebe, не всегда, однако, попадающіе въ цѣль.

Распадаясь на пять отдѣловъ, книга г. Ленина въ первомъ изъ нихъ трактуетъ о „догматизмѣ“ и „свободѣ критики“. Это очень нескладный, очень сердитый и очень неинтересный отдѣлъ. Въ общихъ чертахъ рѣчь въ немъ идетъ вотъ о чемъ:

Нѣкоторая часть нашей русской и иностранной социалдемократіи, высказавъ свои сомнѣнія относительно нѣкоторыхъ пунктовъ программъ и положенныхъ въ ея основаніе теоретическихъ идей, встрѣтила со стороны большинства партій рѣзкій отпоръ и осужденіе. Были даже намеки на исключеніе еретиковъ и „отступниковъ“ изъ партій. Естественно поэтому, если у послѣднихъ явилась мысль, что партія запрещаетъ всякое сомнѣніе въ истинности извѣстныхъ идей и не допускаетъ никакой „критики“. Нашъ авторъ на первой страницѣ отрицаетъ такое подозрѣніе партій въ посягательствахъ на „конституціонный законъ“ большинства европейскихъ странъ, который обезпечиваетъ свободу науки и научнаго изслѣдованія“ (стр. 1). Но, по его мнѣнію, въ „современномъ употребленіи слова „свобода критики“ заключается внутренняя фальшь“, ибо она, т. е. свобода критики, „есть свобода оппортунистическаго направленія въ социалдемократіи, свобода превращать социалдемократію въ демократическую партію реформъ, свобода внѣдренія въ социализмъ буржуазныхъ идей и буржуазныхъ элементовъ“ (стр. 3). Вотъ почему онъ и не прочь поспособствовать „переселенію“ всѣхъ „критиковъ“ въ „болото“, подъ которымъ онъ подразумеваетъ все, что не входитъ въ лагерь „догматиковъ“, т. е. не прочь отъ того, чтобы всѣхъ несогласномыслящихъ исключили изъ партій. Мы не можемъ согласиться съ г. Ленинымъ въ его отношеніи къ „критикамъ“, но не считаемъ нужнымъ входить съ нимъ здѣсь въ полемику. Скажемъ только, что вся эта глава могла бы съ большимъ успѣхомъ остаться не написанной, — книга не только ничего не потеряла бы отъ этого, но, пожалуй, выиграла бы.

Остальныя главы всецѣло посвящены организаціоннымъ и тактическимъ вопросамъ. Для ихъ уясненія необходимо въ краткихъ чертахъ обрисовать ходъ развитія социалдемократическихъ идей и социалдемократическаго движенія въ Россіи.

Русская социалдемократія существуетъ уже два десятка лѣтъ. Начало — 1883 годъ, когда сьорганизовавшаяся группа „Освобожденіе труда“ впервые выступила на литературную арену съ двумя небольшими изданіями. Начиная съ этого времени и, приблизительно, до 1894 года социалдемократическія идеи пропагандируются и распространяются у насъ, главнымъ образомъ, въ кружкахъ интеллигентной молодежи, иногда захватывая и рабочихъ. Большого общественнаго значенія онѣ, однако, еще не имѣютъ. Литературнымъ выразителемъ ихъ являются почти исключительно произведенія заграничной „нелегальной“ печати. Но вотъ приходитъ 94-й годъ, появляются первыя легальныя книжки „марксистскаго“ направленія, основывается (въ 1897 г.) марксистскій журналъ — и марксистскія идеи широкимъ и быстрымъ потокомъ развиваются по всему лицу земли русской, захватывая широкіе слои интеллигентной молодежи, толкая ее, съ одной стороны, на борьбу съ господствовавшимъ ранѣе мировоззрѣніемъ, а съ другой — на просвѣтительскую и организаціонную работу среди городского пролетариата.

Въ это время какъ среди литературныхъ, теоретическихъ, такъ и практическихъ руководителей этого движенія замѣтныхъ разногласій не существуетъ. Работа идетъ дружно, энергично, не ослабляясь внутренними раздорами.

Однако, уже въ концѣ 90-хъ годовъ среди марксистовъ, и въ литературѣ и на практикѣ, наблюдается если не расколъ, то во всякомъ случаѣ нѣкоторое разслоеніе. Среди дѣйствующихъ социалдемократовъ стали раздаваться голоса, указывающіе русскому марксисту новую практическую программу, формулированную въ одномъ документѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетариата, и участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности“. Эта программа ставила такимъ образомъ крестъ надъ русской социалдемократіей, какъ рабочей политической партіей. Она признавала, что мечта о созданіи политической партіи изъ рабочихъ невыполнима, а потому и вредна. Русский пролетариатъ — говорили сторонники этой программы — не досрѣ еще до пониманія извѣстныхъ политическихъ требованій и все, на что онъ теперь способенъ, — это борьба за свои экономическія нужды. Русский рабочій не чувствуетъ еще нужды въ политической свободѣ, онъ не въ состояніи еще подняться до борьбы съ самодержавіемъ, его привлекаетъ лишь борьба за высокую заработную плату и короткій рабочій день.

Но такая программа, въ виду всего строя современной русской жизни, не возымѣла и не могла имѣть успѣха. Въ странѣ съ такимъ деспотическимъ режимомъ, какъ нашъ русскій, въ странѣ, гдѣ не существуетъ элементарныхъ демократическихъ правъ, какъ право свободной рѣчи, собранія и т. д., гдѣ каждая рабочая стачка считается политическимъ преступленіемъ и рабочихъ цулями и нагайками заставляютъ стать вновь на работу, въ такой странѣ никакая партія не можетъ замкнуться въ тѣсныя рамки исключительно экономической борьбы. И г. Ленинъ

справедливо возстаёт против такой программы. Исходя из факта, что известная часть русского пролетариата уже и теперь доросла до понятия необходимости борьбы с самодержавием, онъ находитъ возможнымъ и нужнымъ вести борьбу не только за ближайшія экономическія требованія пролетариата, но и за преобразование существующей формы правленія. Онъ полагаетъ, что „идеаломъ социалдемократа долженъ быть не секретарь тредъ-юниона, а народный трибунъ, умѣющий откликаться на всѣ и всякія проявленія произвола и гнета, гдѣ бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умѣющий обобщать всѣ эти проявленія въ одну картину полицейскаго насилія и капиталистической эксплуатаціи, умѣющий пользоваться каждою мелочью, чтобы излагать передъ всѣми свои социалистическія убѣжденія и свои демократическія требованія, чтобы разъяснять всѣмъ и каждому всемірно-историческое значеніе освободительной борьбы пролетариата“ (стр. 62).

Такимъ образомъ г. Ленинъ ставитъ передъ русской социалдемократіей задачу сдѣлаться передовымъ отрядомъ въ великой борьбѣ съ господствующимъ у насъ произволомъ. Не вѣря въ то, что русская либеральная оппозиція совершитъ у насъ въ Россіи то, что совершили либералы Западной Европы, т. е. завоеуетъ конституцію, онъ находитъ нужнымъ поставить эту проблему передъ русской социалдемократіей, полагая, что она и только она въ состояніи разрѣшить эту назрѣвшую для всей прогрессивной Россіи задачу. Для этого русская социалдемократія должна завоевать гегемонію въ руководительство русской революціонной и оппозиціонной борьбы. „Мы, пишетъ онъ, т. е. социалдемократы, должны позаботиться о томъ, чтобы натапливать людей, недовольныхъ собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политическаго порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу подъ руководствомъ нашей партіи, чтобы посильную помощь этой борьбѣ и этой партіи могли оказывать и дѣйствительно стали оказывать всѣ и всякіе оппозиціонные слои. Мы должны вырабатывать изъ практиковъ-социалдемократовъ такихъ политическихъ вождей, которые бы умѣли руководить всѣми проявленіями этой всесторонней борьбы, умѣли въ нужную минуту „продиктовать положительную программу дѣйствій“ и волнующимся студентамъ, и недовольнымъ земцамъ, и возмущеннымъ сектантамъ, и обиженнымъ народнымъ учителямъ, и проч. и проч.“ (стр. 64—65). Такая всесторонняя политическая работа требуетъ и соответствующей организаціи. При нашемъ самодержавномъ режимѣ эта „организація должна состоять, главнымъ образомъ, изъ людей, профессионально занимающихся революціонной дѣятельностью“ (стр. 94), способныхъ при малѣйшей опасности быстро мѣнять паспортъ, квартиру, вообще людей, искушенныхъ въ борьбѣ съ полицейскимъ произволомъ. Какъ же приступить къ созданію такой организаціи? Г. Ленинъ рекомендуетъ начать съ постановки общерусской газеты. „Газета, говоритъ онъ, не только коллективный пропагандистъ и коллективный агитаторъ, но также и коллективный организаторъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ее можно сравнить съ лѣсами, которые строятся вокругъ возводимого зданія, намѣчаютъ контуры постройки, облегчаютъ сношенія между отдѣльными строителями, помогаютъ имъ распределять работу и обзрѣвать общіе результаты, достигнутые организованнымъ трудомъ“ (стр. 126).

Не довольствуясь одной рекомендаціей, г. Ленинъ взялся и за осуществленіе своего плана — и руководима имъ съ товарищами газета „Искра“ и должна явиться тѣмъ „коллективнымъ организаторомъ“, о которомъ онъ говоритъ въ книгѣ.

Свои несложныя мысли г. Ленинъ развиваетъ въ формѣ сердитой полемики съ товарищами другого толка и, нужно сказать, что полемическіе набѣги его не всегда удачны. Авторъ часто не понимаетъ или не хочетъ понять своихъ противниковъ и приписываетъ имъ мысли, которыхъ тѣ не высказывали.

Брошюра эта усердно читается и будетъ читаться нашей революціонной молодежью, нѣкоторыя мысли, положенныя въ ея основу — можно сказать съ увѣренностью — будутъ долго еще служить практическимъ руководствомъ въ дѣятельности русскихъ социалдемократовъ, а потому всякому русскому, не совсѣмъ беззаботному насчетъ того, что дѣлаетъ и о чемъ думаетъ наша революціонная молодежь, мы рекомендуемъ познакомиться съ этой брошюрой.

Р. Д.